

The background of the cover features a portrait of Chokan Valikhanov, a man with a mustache, looking slightly to the right. To his left is a large, textured golden sun with rays. To his right is a vertical decorative border with intricate golden patterns. The overall color palette is dominated by teal, gold, and brown tones.

Болат
КЫСТАУБАЕВ

ТАЙНА

Чокана Валиханова

БОЛАТ КЫСТАУБАЕВ

**ТАЙНА
ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА**

Историческое эссе в трех частях

АЛМАТЫ — 2009

*Разведчик Российского Генштаба
поручик Шокан Уалиханов*

(Из книги Обухова В.Г. «Схватка шести империй».
М., «Вече», 2007. С.259).

ТАЙНА ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

534812

БОЛАТ КЫСТАУБАЕВ

Историческое эссе в трех частях:

Часть 1. Восхождение

Часть 2. Битва на невидимом фронте

Часть 3. Шаг в бессмертье

Северо-Казахстанская
областная библиотека
им. С. МУКАНОВА

г. Петропавловск

ПОСВЯЩАЕТСЯ

светлой памяти моего отца, участника
Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.,
бойца разведывательной роты 61-й армии
Центрального фронта
Кыстаубаева Кокаша Омаровича
(1901-1996 гг.)

Летом 1943 года во время ожесточенных боев на Курской дуге пал смертью храбрых Какеш Кыстаубаев — боец 61-ой армии Центрального фронта, где командующим был К. К. Рокоссовский. Жена и родным в с. Буран Маркакольского района была выслана похоронка, извещающая о том, что их муж, отец, брат пал смертью храбрых в боях за Родину.

Получив извещение о смерти, родные горько пережили эту утрату. Но надежда теплилась. И через девять месяцев семья получила письмо о том, что Какеш жив и в данное время находится на излечении в госпитале.

В 1943 г. Кыстаубаев был признан непригодным для дальнейшей службы и как инвалид демобилизован из армии. Несмотря на тяжелое ранение и инвалидность, он сразу же поступил на работу и до конца своих дней был заведующим «Заготконторой» в с. Буран.

Как же случилось, что его похоронили заживо? Оказывается, командир взвода, осматривая погибших после боя, посчитал убитым Какеша, забрав у него документы из кармана гимнастерки. А боец очнулся, его доставили в госпиталь. Однако на этом не закончилась легенда о погибшем.

Жители г. Должанска в 1980 г. воздвигли памятник

Воскресший из мертвых

ним погибшим в боях против немецких захватчиков, где среди других была высечена на граните и фамилия Кыстаубаева К. А накануне 48-й годовщины Победы в с. Буран к родным пришло письмо из военкомата, чтобы кто-то из родных приехал на могилу их отца и встретился с сослуживцами Какеша. Дети Какеша сообщили в военкомат, что их отец жив и до сих пор трудится.

Тогда из военкомата пришла телеграмма, чтобы отец сам приехал на встречу с ветеранами. На семейном совете было решено, чтобы один из сыновей вместе с отцом вылетели на место боев в г. Должанск. Там на обелиске погибших была высечена и фамилия война из Восточного Казахстана.

Оттуда аксакал привез фотокартончик, на которой запечатлена его фамилия в числе погибших.

Умер Кыстаубаев К. в 1994 году на 96-ом году жизни и похоронен в с. Буране. Вот такая страничка войны.

П. КАРГАПОВ.

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 каз)
К 97

Кыстаубаев Б. К.

К 97 «Тайна Чокана Валиханова». Историческое эссе. В 3-х частях. – Алматы, 2009. – // Предисловие Какена Абенова. – Алматы.: Историч. лит., 2009.– 438 с. //

ISBN 978-601-06-0137-6

Историческое эссе Б. Кыстаубаева «Тайна Чокана Валиханова» – многоплановое повествование, охватывающее неизвестные и малоизвестные страницы древней истории Казахстана от Чингисхана до Чокана Валиханова. Действующие лица – *Современный читатель*, историки, писатели, ученые, поэты, путешественники, правители, политики, дипломаты, разведчики, свидетели-очевидцы. Книга пронизана жизнеутверждающим мироощущением, обращенным к истории, насыщена жгучими проблемами современности. Она призвана стать идейным оружием в борьбе нашего народа за свободу и независимость, за право творческого созидания для всех народов Казахстана, право на дальнейшее могучее процветание великой культуры Востока, корни которой уходят вглубь тысячелетий.

В XIX веке шла ожесточенная схватка спецслужб за Среднюю Азию – узловой пункт на Великом Шелковом пути. Здесь поочередно схлестывались интересы спецслужб России, Британии, Германии, Японии, Китая, США. Снаряжавшиеся ими экспедиции непременно включали в себя профессиональных разведчиков высочайшего уровня. Здесь они действовали по древнему восточному принципу: одолжи нож и убей врага. В этой схватке непосредственное участие принимал великий сын казахского народа, сотрудник внешней разведки России Ч. Ч. Валиханов в качестве ученого-ориенталиста и картографа. Его труды, признанные во всем мире, позволили на разных исторических этапах отстоять целостность и неприкосновенность современной территории Казахстана от экспансионистской политики соседних государств.

На основе критического анализа, большого количества первоисточников в книге изложена подлинная история независимого Казахского государства, что позволило автору отойти от общепринятых исторических штампов и понятий.

Все это, а также непринужденная и живая манера изложения делает книгу чрезвычайно интересной не только для историков, занимающихся исследованиями прошлого и настоящего нашего Отечества, но и для широкого круга читателей.

К 0503020905
00(05)-09

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 каз)

ISBN 978-601-06-0137-6

© Кыстаубаев Б., 2009

*«Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить
Отечество или иметь другую историю, кроме истории
наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».*

А.С. Пушкин

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы автор занимался исследованием жизнедеятельности Чингисхана и Чокана Чингизовича Валиханова, генеалогическая общность которых доказана великим Шакаримом Кудайберды, подтверждена выдающимся ученым М.Тынышбаевым и мэтром исторической прозы С.Мукановым. Но к этой теме автор вошел со «служебного хода», в поисках неизученной историками профессиональной общности этих личностей в области тайной дипломатии и разведки. Историки еще много лет будут искать и находить и другие неизвестные страницы из жизни наших предков, являющихся выдающимися личностями по многим направлениям человеческой деятельности.

Сегодня об этих пассионарных личностях — Чингисхане и Чокане Валиханове, их наследии, персонально о каждом написано не менее 800 книг, журнальных и газетных статей, брошюр; выпущено несколько художественных и документальных фильмов. Исследователями наследия Чокана Валиханова защищены кандидатские и докторские диссертации; его именем названы населенные пункты, улицы, институты, школы, библиотеки. Когда писалась эта книга, парусник имени Чокана Валиханова с семью отважными мореплавателями на борту совершал кругосветное путешествие.

Если о грозном завоевателе, создателе Степной империи — Чингисхане, мнения ученых расходятся диаметрально противоположно, то и относительно Чокана Валиханова историки также по-разному

оценивают то, что он является великим ученым-просветителем и демократом, горячо любившим «сначала свой народ, потом Россию, потом все человечество». Многие ученые отмечают, что Ч.Валиханов, как великий путешественник, «с риском для жизни разведал Кашгарию» исключительно в научных целях. Их оппоненты, наоборот, доказывают, что в данном аспекте термин «разведал» указывает не на чисто научное исследование, а на то, что он являлся профессиональным разведчиком.

Автор книги отстаивает принадлежность Чокана Валиханова к российской внешней разведке на основе архивных материалов, которые в последнее время стали широко освещаться в трудах российских военных историков: Н.Кудрявцева, В.Обухова, Ф.Осадчего. Это подтверждается также отечественными историками К.Абеновым, полковником в отставке Г. Байжановым, исследователями Г.Захаровым, Э.Кинжалиным, Н.Назаровым, А.Каменским и другими. Они исчерпывающе описывали подвиг Чокана при выполнении им крайне сложного и рискованного для жизни разведывательного задания спецслужб России с нелегальным выходом на сопредельную, враждебную территорию с жестким контрразведывательным и полицейским режимом.

Известные историки и писатели А.Маргулан, М.Ауэзов, С.Булатов, А.Атишев, А.Алимжанов, С.Бегалин, М.Сарсенбаев, С.Муканов, И.Стрелкова, С.Марков, Г.Ерофеева, прямо не утверждают, что Чокан действительно являлся кадровым сотрудником внешней разведки России, поскольку этого они могли и не знать, но из контекста невооруженным глазом можно усмотреть профессионала-разведчика. Шота Валиханов также не отрицает, что его родственник выполнял важное секретное задание России в экстремальных условиях.

Автор часто цитирует выдержки из работ многочисленных современников Чокана Валиханова. К ним относятся: Г.Потанин, А.Е.Врангель, П.П.Семенов-Тянь-Шаньский, Л.Н.Плотников, А.Ерман, М.С.Знаменский, К.Губарев, А.К.Гейнс, Н.М. Ядринцев, Ф.Р.Остен-Сакен, Г.Н. Геннадий, Н. Семилужинский, Н.И.Наумов, Н.И.Веселовский, П.М.Мелиоранский, И.Ф. Бабков, Д.А. Клеменц, Н.А.Аристов, И.Ибрагимов, Ф.М.Достоевский, М.К.Азадовский, Л.С.Берг, В.А.Обручев и другие. Все они освещают выдающиеся достижения ученого в разных областях науки. Они же прямо или косвенно подчеркивают принадлежность Ч.Валиханова к российской внешней политике и выполнение им различных заданий научно-разведывательного характера внутри страны и за ее пределами.

Для автора немаловажный интерес представили тезисы выступлений академиков С.Л. Тихвинского, Н.Е. Бекмахановой, Б.А. Литвинского на Всесоюзной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ч.Валиханова, а также других исследователей-ученых: Х.А. Аргынбаева, Э.А. Мурзаева, В.П. Курылева, А.Х. Касымжанова, М.С. Бурабаева, О.С. Сегизбаева, С.Ф. Ударцева, Ж.М. Абдильдина, Д. Кабдиева, М.К. Илюсизова, Н.Д. Джандильдина, Ю.С. Худякова, Н.Э. Масанова, М.С. Муканова, А.С. Бейсенова, С.Г. Кляшторного, А.Р. Сатаева, В.М. Кулиева ....

И, конечно, настольной книгой любого исследователя является полное собрание сочинений Ч.Валиханова в 5-ти томах под редакцией академика А. Маргулана, выпущенное Академией наук Казахской ССР в 1961 году.

Предварительный обзор вышеперечисленных трудов был для автора крайне важен, поскольку читателей привлекает не только напряженность действия, свойственная профессии разведчика. Автор описывает сильные характеры ученых-путешественников, часто сознательно жертвовавших своей жизнью во имя долга перед Отечеством. Одним из них, без всякого сомнения, является и Чокан Валиханов.

При этом труды ученых-биографов посвящены выдающимся открытиям Ч.Валиханова в указанных областях науки и других смежных специальностей (международное право, таможенная система, финансы, устное народное творчество, обряды и обычаи, быт и традиции этносов, ботаника, зоология, геодезия, художественное изображение, картография, черчение, археология, языкознание и пр.) в зависимости от профессиональной принадлежности того или иного исследователя, который на конкретных фактах обосновывает, что наследие Чокана является наиболее значимым именно по данной проблеме. Указанный выше большой объем документальных материалов о Ч.Валиханове, автор подверг тщательному и беспристрастному анализу, чтобы по крохам собрать все факты, касающиеся его недолгой, но яркой оперативно-служебной деятельности в период пребывания в штате Российской внешней военной разведки.

Сейчас неоспорим тот факт, что Ч. Валиханов с момента окончания Омского кадетского корпуса и до конца жизни являлся официальным сотрудником внешней военной разведки и Министерства иностранных дел России. Эти государственные учреждения считались основными правительственными органами российской империи по подготовке и проведению закордонных операций непосредственно и под прикрытием различных министерств, ведомств и обществ, кото-

рых ныне называют «структурами прикрытия разведки» (аббревиатура – «СПР»).

За проявленное мужество и отвагу при выполнении разведывательных заданий Ч.Валиханов неоднократно награждался МИД России, а за подвиг при совершении нелегальной ходки в Кашгарию Указом Его Императорского Величества был награжден боевым орденом «Св. Владимира 4 степени» (см. Собрание сочинений). Отдельные фрагменты из отчета несекретного характера блестяще проведенной закордонной операции, не имеющей аналогов в истории российской внешней разведки, опубликованы спустя почти сорок лет после смерти ее основного исполнителя — Чокана Валиханова.

Исследователи творчества Чокана Валиханова, к коим автор относит и критически настроенных молодых историков, не перестают удивляться, в каких только направлениях науки Чокан Валиханов ни выступал как ученый. Разве только он не писал что-либо по математике и физике. В то же время для них отныне не является неожиданностью то, что наш соотечественник — великий разведчик! Однако с их стороны возникают вполне резонные вопросы. Например, остается загадкой то, что блестящая учеба в Омском кадетском корпусе, тем не менее, дала ему лишь общеобразовательное знание, не более. Да и из общений, пусть даже тесных, с русскими социал-демократами, кроме оппозиционных взглядов, как к царской России, так и к казахским ханствам, он не мог извлечь глубоких политических знаний. Влиянием отца, царского служаки, враждовавшего со своим троюродным братом Кенесары, он также, кроме семейных разборок, не получил что-либо из ряда вон выходящего. В связи с этим, Чокан Валиханов, по их мнению, не более чем талантливый человек, каких в то время было немало в истории Казахстана.

Исследователи задаются вопросом, каким образом он сумел стать феноменальным ученым, находясь на воинской службе, тем более, адъютантом и в последующем - офицером по особым поручениям, где он обязан был находиться в зоне досягаемости по первому требованию руководства. Однако он мог в любое время покинуть свое рабочее место и длительное время отлучаться от своих прямых обязанностей. Судите сами, в Омске или Семипалатинске Чокан подолгу просиживает в архивах, выезжает за пределы города и даже региона. Он общается с кем угодно и когда угодно. Сближается с петрашевцами и социал-демократами, находившимися под контролем царской контрразведки, допускает «крамольные» разговоры о царе, царизме и казахских ханах и султанах, ведет довольно «невоенный» образ жизни и

т.д. В то же время постоянно носит военный мундир и вращается в кругу высокопоставленных чиновников режима.

Таким образом, несмотря на непрекращающиеся исследования научной и разведывательной деятельности Чокана Валиханова, начавшиеся еще при его жизни, до сегодняшнего дня историками не даны ответы на многие вопросы, а именно:

- Почему историки России и Казахстана только по истечении более 140 лет со дня его смерти стали активно утверждать, в том числе и в СМИ, что Чокан Валиханов являлся официальным кадровым сотрудником российской внешней разведки. Как офицер военной разведки Генерального штаба Российской империи, Чокан решал сложные разведывательные задачи специальных служб. Почему об этом не писали раньше?

- Почему отечественные историки, составляя учебники для высших учебных заведений, допускают бездоказательные выводы об отсутствии в Чокане пассионарности, заявляя, что он «не сумел», «не раскрыл», «не понял», «не осознал» «не поднялся до уровня», «коллорационист» и прочее. Они, вероятно, переписали все эти эпитеты из опубликованных при тоталитарной системе работ в 60-80 годах, бросающих тень на неординарную личность и вклады великого ученого в цивилизацию Востока!

- Почему Чокан, будучи офицером царской армии, тем более, разведчиком, реальным приверженцем присоединения многочисленных племен и родов казахского народа к России, в то же время не проявлял свое принципиальное отношение к почти десятилетнему противостоянию царскому режиму своего дяди Кенесары Касымова? Наоборот, во время собеседования перед аудиенцией у царя, он обвинил руководителей военных ведомств в стремлении «сохранить этого бунтаря живым» для безнаказанного расходования государственных денег на его поимку.

- Почему Чокан, будучи патриотом России, военным, принявшим присягу на верность Государю, тем не менее, оказался в рядах социал-демократов, даже революционеров, и разделял их точку зрения? По данным некоторых источников он даже нелегально выезжал за рубеж для встречи с российскими эмигрантами, вместе с которыми тайно посетил редакцию журнала «Колокол». Помимо того из архивных материалов усматривается, что в высших инстанциях документально оформлялись любые действия сотрудников, тем более, таких, как Ч.Валиханов. Без санкции руководства кадровый офицер не мог отлучиться с места службы даже на короткий срок. Самовольный выезд

за границу, то есть в сопредельную, разведываемую страну, не поставив в известность командование, в то время да и сегодня, было бы равносильно измене Родине в форме бегства за границу.

- Почему в своих трудах Чокан практически не пишет о работе в Министерстве иностранных дел России, а именно — в его Азиатском Департаменте? С.Марков утверждает, что «жизнь Чокана в Азиатском Департаменте шла своим чередом», и мы не располагаем достаточными сведениями, чем он там все-таки занимался? С.Муканов высказывает «невозможность узнать подробности деятельности Ч.Валиханова в Министерстве иностранных дел и его Азиатского департамента». С.Ф.Ударцев «... многое неизвестно, видимо, из соображений конспирации».

- Почему Чокана считают атеистом только потому, что он выступал против насильственного внедрения ислама в Средней Азии, однако благосклонно отзывавшегося о Коране и при беседах часто ссылавшегося на Аллаха, Слава Ему Великому!? В своих письмах он высказал возмущение, что недоброжелатели обвиняют его в неприязни пророка Мухаммеда?

- Почему С.Муканов в беседе с переводчиком его романа «Промелькнувший метеор» А.Брагиным заявил, что Чокан Валиханов был в Париже? Насколько верно, что Врангель в своих воспоминаниях также пишет, что лично видел Ч.Валиханова в Париже? Историки Ударцев и Абуов также доказывают, что Чокан непременно был в Париже. По мнению автора, факт посещения Чоканом Парижа является бесспорным, однако неизвестным оставалось, с какой целью он туда выезжал без соответствующего разрешения Генерального штаба. Сейчас, как видим, все стало на свои места. Признавая факт принадлежности Чокана к спецслужбам, невозможно отрицать секретный характер его оперативно-служебной деятельности. Именно поэтому, хотим мы этого или нет, нам приходится соглашаться с версией о его выезде в Париж по заданию внешней разведки.

Имеются разные утверждения о том, что Чокан прожил «неполных тридцать лет» (С.Бегалин), «тридцать один год» (С.Марков); и даже 28 лет (А.Каменский); жизнь его оборвалась насильственным путем (А.Алимжанов) или остаются неисследованными «последние годы его жизни» (М.Сексенбаева). Автор полностью разделяет сомнения Анвара Алимжанова и некоторых других исследователей о том, что Чокан умер не от болезни, прожив неполных 30 лет? Они считают, что Чокан Валиханов был убит (Послесловие А.Алимжанова к книге С.Бегалина «Чокан Валиханов»)?

«На его могиле (Ч.Валиханова) в ауле Тезека генерал-губернатор Семиреченского края Е. Ковалевский поставил памятник штабс-ротмистру, который верой и правдой служил царю и Отечеству(С. Бегалин и другие). Генерал губернатор Г.А.Колпаковский якобы был автором и спонсором установки памятника, хотя обещал это сделать и другой генерал — Кауфман. Но это не повлияло на решение известного ученого, историка и этнографа Е.П.Ковалевского, который ещё при жизни Чокана проявлял о нем постоянную заботу и внимание, взять на себя все расходы по установке памятника. В то же время не исключается, что памятник воздвигнут по прямому указу царя, который по достоинству оценивал бесценный вклад нашего земляка в историю российской внешней политики. Было бы неверным отвергать роль в этом благородном деле известных ученых России, которые также высоко оценивали вклад Ч.Валиханова в российскую и мировую науку.

На вышеуказанные и многие другие вопросы, считающиеся неоспоримыми, но неизвестными или не до конца выясненными фактами и событиями, остающимися, с нашей точки зрения, «белыми пятнами» в жизни и деятельности Чокана Валиханова, автор выдвигает свои альтернативные версии, основанные на достоверных фактах.

Автор книги, используя свой богатый опыт работы в спецслужбах, раскрывает тонкости разведывательного искусства, многообразие приемов и методов этой профессии, характеризует особенности восточной тайной дипломатии и разведки.

Историческое эссе Кыстаубаева Болата Кокашевича отличается исключительной **актуальностью**. Эта книга своевременна и актуальна именно сейчас — в период становления и развития нашего независимого Казахстана; утверждения его авторитета на международном уровне. Она призвана внести весомый вклад в формирование казахстанского патриотизма, что крайне важно в наш век бурных перемен, прагматизма и жестокости. Безусловно, она призвана стать идейным оружием в борьбе нашего народа за свободу и независимость, за право творческого созидания. На примере яркой судьбы Чокана Валиханова книга заставляет современников задуматься о великой роли наших предков, передававших из поколения в поколение огромную территорию, язык и культуру нашего народа, дошедших через толщу веков до нынешнего поколения, которое призвано сохранить и приумножить то, что досталось неимоверно дорогой ценой. Автор, подчеркивая актуальность трудов Чокана Валиханова, одновременно проводит параллели с событиями сегодняшнего дня, что заставляет читателя задуматься о повторении истории, но уже на новом, более высоком историческом витке.

Бесспорно, данное историческое эссе отличает и **научная новизна**: в истории нашей литературы не было такого многопланового исторического полотна, в котором на примере одного человека показана борьба за казахскую землю, формирование казахской нации. В книге впервые Чокан Валиханов показан в неожиданном ракурсе — в качестве сотрудника спецслужб, и это объясняет все, тайное становится явным. Вместе с тем книга — это первая попытка дать отпор противникам, выступающим с критикой КНБ, профессии разведчика и контрразведчика, которая всегда была окружена ореолом таинственности, романтики. Утверждается мысль о том, что как разведка, так и контрразведка во всем мире отнесены к системе военизированной государственной службы, и люди приходят туда после длительных специальных проверок; это патриоты своих стран, одержимые романтической идеей поиска приключений; отважные, желающие быть полезными своему народу. Научная новизна книги заключается именно в том, что автором полностью опровергаются эклектические утверждения некоторых историков, что Чокан был атеистом, русофилом, революционером, коллаборационистом, больным чахоткой, не выезжал в Париж, защищал интересы казахской буржуазии, являлся лишь просветителем, транжирой, мотом, беспутным бабником и прочее.

Естественно, что историческое эссе отличает также **практическая значимость**: оно может служить дополнительным источником для молодого поколения в изучения истории нашего государства; на примере Чокана Валиханова воспитывать у него чувство патриотизма, стремление сохранить огромную территорию, культуру, обычаи своей земли; пробудит у молодых людей желание знать свои корни, любить и беречь Родину. Книгу можно использовать как пособие для вышших учебных заведений спецслужб, а также в других институтах и университетах, в средних школах, по истории разведки и контрразведки, при изучении методов их работы, а также при исследовании жизни и деятельности самого Чокана Валиханова.

Хочется верить, что читатели в этой книге найдут фактологические и аргументированные разъяснения на многие другие животрепещущие вопросы об этом удивительном человеке, Чокане Валиханове, вызывающего восхищение и гордость казахского народа за одного из лучших своих сыновей.

КАКЕН АБЕНОВ

Ветеран войны, органов КГБ/КНБ РК,
почетный работник образования Республики Казахстан,
лауреат конкурса в номинации «Лучшая творческая
работа в печатных СМИ» по линии КНБ РК,
полковник в отставке.

ОТ АВТОРА

Уважаемый *Современный читатель!* С помощью Аллаха, Слава Ему Великому, и при твоей поддержке я взял на себя смелость написать правду о Чокане Валиханове, так как посчитал недостойным для патриота Казахстана дальше скрывать все то, что мне стало известно об этой удивительной личности, отдавшим самое дорогое, что есть в человеке — *жизнь*, ради свободы и независимость многострадального казахского народа.

Если я пишу о судьбах великих людей древности и недавнего прошлого, таких, как Чокан Валиханов, то делаю это именно потому, что искал жизнеутверждающее начало истории, ту путеводную нить человеческого прогресса, которая пробивается через бурные периоды войн, коварства и жестокости. Проследить мучительный путь моего героя, прошедший через столетия и дошедший до нас - вот благородная задача, которую я, с чувством глубокого убеждения, ставил перед собой. Не помню, кто-то сказал, что «нет более увлекательного занятия, чем исследование движения рода человеческого от пещерного быта до открытия атома и завоевания космоса». Но к Чокану автора влекла суровая действительность и необходимость восстановить справедливость; покаяться перед нашим народом за всех тех, кто бесцеремонно и незаслуженно подвергает это святое имя к различного рода инсинуациям и искажениям.

В то же время, я, в принципе, согласен с теми, кто считает, что долг каждого исследователя состоит в том, чтобы черпать исторические сведения в наиболее ценимых маститыми учеными летописях и пользоваться советами образованных представителей разных народов и народностей. Однако каждый волен высказываться о давно прошедших событиях на свой лад, и поэтому противоречия неизбежны, чего нельзя ставить в вину составителю. Например, мы, ветераны специальных служб, считаем наши документы более достоверными, чем предания других историков, однако это нельзя брать за основу; нужно держаться того, чему они сами верят и о чём рассказывают.

Этому правилу следовал и я, сообразуясь наиболее ценными у каждого исследователя историческими трудами, извлекая сведения в наиболее проверенных фактах и документах; тем не менее, не могу льстить себя надеждой, что вполне достиг своей цели. Для подобного предприятия нужно обладать обширными и глубокими знаниями; необходима свежая энергия молодости и неограниченное время для творче-

ства. Именно поэтому, избрав конкретную тему о Чокане Валиханове, я смог приступить к ней на склоне своих лет; в пору, когда служил на разных должностях во внешней разведке и контрразведке КГБ СССР и КГБ Казахской ССР, мое время было всецело поглощено оперативно-служебным «рвением» в этом ведомстве.

Многое из того, что мы знаем сейчас о Чокане Валиханове, о тайной дипломатии и разведке, о секретных службах царской России, о схватках спецслужб за Центральную Азию стало достоянием гласности лишь тогда, когда по прошествии этих исторических событий сменилось не одно поколение. И это вполне объяснимо.

Сегодня, с распадом Советского Союза, «раскрепощенные» истории России в одночасье становятся знаменитостями, выплескивая на самый верх откровения глубоко засекреченные сведения, раскрывая их широкой публике и прозорливым аналитикам спецслужб противника под весьма сомнительной рубрикой — «*Рассекречено*». Иногда эти откровения приводили к разглашению государственной тайны, что относится уже к категории уголовно наказуемых деяний.

Подобные «откровения» являются следствием политической несознательности и отсутствия чувства патриотизма у отдельных граждан. Так, «...апофеозом деятельности В.Бакатина, бывшего председателя КГБ СССР, стал широкий жест, которым он передал американцам схемы подслушивающих устройств, размещенных в посольстве и других представительствах США (А.Колпакиди, О.Лемехов «Главный противник». С.345). Нанесенный ущерб престижу страны от этого «жеста» в денежном варианте просто невозможно определить! Мой коллега, москвич, ветеран КГБ СССР, находившийся у нас в гостях, сказал: «Надо было судить этого предателя Военным трибуналом!».*

---

*Говорят, предательство известно с библейских времен. Да что там с библейских — значительно раньше! Когда первобытный человек научился завидовать, ненавидеть, предаваться амбициям. Когда его стала обуревать жажда власти, жадность, стремление разбогатеть за счет своих соплеменников (А.Калетов. «Аквариум»).

...Один из двенадцати учеников Иисуса Христа Иуда Искарот пошел к первосвященникам и сказал им: «Что хотите дать мне, и я предаю его?» Они же отсчитали ему 30 серебрянников. (Евангелие от Матвея.) Так имя Иуды издавна стало нарицательным именем предателя, а 30 серебрянников — символом предательства, выражением корыстолюбия, властолюбия, обогащения за счет народа, откуда он вышел (Р.Красильников. «Призраки с улицы Чайковского»). С предательством тесно связаны его мотивы, обстоятельства, в которых оно стало возможно. Когда писалась эта книга, два бывших руководителя КНБ Казахстана, генералы, отказавшись возвратиться на Родину, выдали, судя по данным СМИ, западным спецслужбам секретные сведения, за что справедливо обвиняются казахстанским правосудием в разглашении государственной тайны. Надеюсь, что казахстанская контрразведка осуществляет слежение за каналами их связи в стране, поскольку в народной памяти сохранились имена тех, кто состоял в их ближайшем окружении, пел им дифирамбы и произносил хвалебные речи (Б.К.)

Все это так. И все же дело не только в презренном металле, но и в характере, натуре, убеждении людей.

Сегодня в странах ближнего зарубежья в этой области человеческой деятельности трудятся известные писатели и маститые ученые: историки и политологи, журналисты и газетчики, публицисты и юристы, представители многих других профессий, решивших специализироваться на этом поприще. Все весомее становится поток мемуаров, выходящих из-под пера бывших сотрудников спецслужб, в том числе руководителей разведки и контрразведки.

Удивительно, но до сих пор отечественными военными историками в этом плане не было сделано ни одной попытки исследовать и рассказать о прошлом Великой Степи, хотя бы в форме приключенческого жанра. Вместе с тем в трудах многих историков и писателей красной нитью проходят смертельные схватки между правителями Великой Степи, которые зачастую переходили в военные действия, где победу одерживал тот, у кого хорошо была поставлена тайная дипломатия, разведка и контрразведка.

Моя задача в процессе работы над книгой осложнялась тем, что многие секретные материалы о прошедших исторических событиях не стали и, очевидно, никогда не станут известными, ибо сами организаторы и исполнители в свое время позаботились об уничтожении всех следов и письменных источников. А если такие источники и сохранились, то они продолжают оставаться недоступными, находясь под грифом «Секретно». Конечно, спецслужбы поступают правильно, оберегая собственные секреты, выпуская «в свет» дозированную информацию о делах давно минувших. Ведь утечка информации, скажем, из недр разведки — это ее провал, неудача, порой весьма крупная, непоправимая и очень болезненная, естественно, в зависимости от содержания материалов.

В нашем обществе, говоря о деятельности спецслужб, секретность и конспиративность обязаны уживаться с гласностью и открытостью. Более того, гласность, в том числе и через СМИ, должна широко использоваться, особенно в повышении роли правоохранительных органов в борьбе с разведывательно-подрывной деятельностью спецслужб недружественных государств, международным терроризмом, с враждебными акциями по изменению конституционного строя.

Весьма вероятно, что некоторым читателям, в их числе и моим коллегам, в руки которых попадет эта книга, будут не совсем приятны «вольности» в комментариях и откровения в изложении соб-

ственного видения событий и фактов из жизни и деятельности специальных служб Казахстана, до сегодняшнего дня закрытых для широкой огласки. В связи с этим хочу заверить оппонентов, что в данной работе были использованы материалы только открытых источников, что вошло в большую проблему в изучении многих мемуаров, воспоминаний, очерков и исторических романов. Автору приходилось собирать все «по крупицам», а иногда он не находил ни одной строчки, заслуживающей внимания.

И это неизбежно, поскольку предпринимается, как я подчеркнул, первая попытка дать отпор противникам и сделать соответствующее внушение очернителям истории моего народа, выступающих с необъективной, с моей точки зрения, критикой КГБ — КНБ, как государственной службы, профессии разведчика и контрразведчика. Данная работа, убежден, поможет им еще глубже «окунуться» в сложные, порой противоречивые и драматические процессы давнего и недавнего прошлого тайных и явных войн в истории Центральной Азии и Казахстана, откуда, я уверен, они «выберутся» успешно, если действительно хотят познать истину первой инстанции.

В процессе работы над книгой автором были сгруппированы материалы, характеризующие Чокана Валиханова, как великого ученого. Это, в свою очередь, подтолкнуло меня к более полному изложению и конкретизации истоков и развития тайных и явных войн, которые вели спецслужбы правителей, их полководцы на родном нам Центрально-Азиатском регионе.

Повторяю, подобная тема об истории тайных и явных войн на востоке Евразии, становлении и совершенствовании секретных служб, тем более участия в них выдающейся личности Казахстана — Ч. Валиханова — в нашей стране в обобщенном виде поднимается впервые. История, наверное, для того и существует, чтобы мы не забывали о своих пращурах.

Именно поэтому я следовал искренним и высококвалифицированным советам и наставлениям писателя Роллана Сейсенбаева, философа Ильяса Сулейменова, публициста Аширбека Капышева, генерала Турсуна Айжулова и доктора Жаксыбая Байжигитова. Особенно выражаю искреннюю благодарность *Современному читателю*, за непосредственное участие в реализации проекта, направленного на всесторонний анализ и критическую оценку неизвестных до сегодняш-

него дня страниц из жизни и деятельности славного сына казахского народа — Чокана Чингизовича Валиханова.

Итак, как сказал автор книги «Сто великих разведчиков» И.Дамаскин: «Проверимся, нет ли за нами «хвоста», и в путь!» **

**И.Дамаскин, к нашему огорчению, в своей книге в ряд великих разведчиков причислил Ф.Г.Пауэrsa, нарушившего воздушное пространство СССР в 1960 году и сбитого противовоздушными силами, самолета У-2, оборудованного шпионскими техническими средствами. Один бесславный полет — и этот неудачник попадает в список великих разведчиков. Примерно 80% этих разведчиков взяты из источников по истории западных спецслужб и к «великим» отнесены даже те, кто никакого отношения к секретным службам не имеют. В то же время из русских полководцев Великой Руси практически никто не указан. Для патриота России, бывшего кадрового сотрудника внешней разведки, должны быть хорошо известны имена русских князей, выдающихся организаторов дальней и ближней разведки таких, как Дмитрий Донской, Владимир Мономах, Иван Грозный и многие другие. На одном примере Александра Невского можно убедиться, что разведка для талантливого полководца и мастера тайной дипломатии имела первостепенное значение во время победоносных войн со шведами и тевтонским орденом на Неве и Чудском озере (Б.К).

Ч А С Т Ь 1

ВОСХОЖДЕНИЕ

*Плох тот народ, который не помнит,
не ценит и не любит своей и с т о р и и !*

В.М.Васнецов

*Мои предки в тюменах Чингисхана могли
обложить Отрар и, наоборот, оказаться
в числе защитников города!»*

*Хасен Адипбаев «Гибель Отрара»
(Алматы «Білім» 1997. С.3)*

ГЕНЕАЛОГИЯ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

В целях оправдания данного раздела книги автор определил сюжетную линию, согласно которой главный герой Чокан Чингизович Валиханов действительно является потомком Чингисхана. Эта попытка служит для обоснования общности генной пассионарии между последним и Чоканом Валихановым, выражающейся в их характерах, стремлениях, суждениях, взглядах, действиях и во взаимоотношениях с окружающим. Она является лишь небольшой частью их многогранной жизни и практических действий в сфере государственной, военно-политической, социально-экономической и разведывательно-информационной деятельности в решении конкретных задач.

В наше время Чингисхан и Чокан продолжают оставаться самыми известными личностями в мире, но многие аспекты их жизни и деятельности покрыты мраком таинственности, начиная даже с даты рождения и смерти. Относительно даты их рождения до сих пор нет согласия ни в источниках, ни в исследованиях, ни в официозе. Например, в дате рождения Чингисхана, как правило, присутствуют четыре основные цифры — 1154 г., 1155 г., 1162 г. и 1167 г. Относительно Чокана также нет единого мнения.

Но нам предстоит решить более сложную задачу, характерную для обеих личностей, а именно — высочайшую пассионарность. Великий евразиец Л.Н.Гумилев в книге «Великая Русь и Великая Степь» убедительно обосновал «пассионарный толчок», побудивший Чингисхана решительно идти на завоевания мира. Никто не будет оспаривать тот факт, что и Чингисхан, и Чокан Валиханов, действительно являясь «отдаленными родственниками», относятся к категории выдающихся

государственных и политических деятелей своего времени. Мы попытаемся доказать их бесценный вклад в развитие и укрепление в сознании народов чувства собственного достоинства, стремления к познанию общечеловеческих проблем, неумной страсти к единению и расширению своего личного влияния на исторический процесс.

Анализ показал, что пассионарность Чокана Валиханова является генным наследием его предка Чингисхана, деда Абылая, высочайшего интеллекта бабушки Айганым, целеустремленности отца — Чингиза Валиханова. Пассионарность Чокана — это природная мудрость номадов, откуда он вышел, и их культурное наследие. Это результат наставничества крупнейших ученых, опытных разведчиков из Министерства иностранных дел и Среднеазиатского департамента — все это в совокупности явилось основой основ развития таланта и дарований ученого мыслителя, путешественника-исследователя, бесстрашного разведчика-нелегала.

Преемственную линию от Чингисхана пронесли в течение веков его прямые и косвенные потомки-чингизиды в обширном азиатском регионе. Наблюдается определенная идентичность фамильных черт в деятельности как чингизидов вообще, так и тех, которые выдвинулись как вожди консолидации и формирования единой казахской государственности. «Монопольное право чингизидов на ханские престолы превратило их во внеэтнический правящий слой» (Д.Абдуллина). На самом деле дети и внуки Абылай-хана, прямого потомка Чингисхана, в лице Валихана, Кенесары хана и других, как говорят, «правили бал»* на

*В воспоминаниях Чокана его отец — Чингиз о своей родословной рассказал следующее: «В России, в общем, ничего не горит, а если и вспыхивают какие-то искры, то царские власти быстро их гасят. Так и шагает себе Россия и будет долго еще шагать. Чингисхан, как говорят, повелевал миром и солнцем. Его сын Джучи-хан основал Золотую Орду; его власть распространялась не только на казахов, но за Волгу и Яик. Наш более близкий предок Аз Жанибек объединил руководителей всех трех ханских жузов, и они распались только после смерти нашего вчерашнего предка Аз Тауке. Мой дед Абылай, вечная ему слава, расправил свои крылья дальше границ кочевий Среднего жуза, ему подчинялись и киргизы в предгорьях Алатау и Жагалбайлы-Жаппасы в Малом жузе. После него твой дед Уали был ханом только Атыгай-Караулов, Кереев и Уаков. Почти семисотлетнее наше ханство закончилось на покойной твоей бабушке Айганым. Мне остались только жалкие остатки — чин султана... Когда в нашей Сибири упразднили ханство и образовали округа-дуаны, все шесть султанов назначались из ханских потомков. А теперь среди старших султанов только я один из чингизовского гнезда» (Ч.Ч.Валиханов.Собрание сочинений в пяти томах. Главная редакция Казахской Советской энциклопедии.Алма-Ата 1985. С.241.) (Б.К.)

великой земле казахов. Мог ли стоять в стороне царский полковник Чингиз Валиханов — отец Чокана — в деле утверждения казахской истории и культуры в сознании россиян? Конечно, нет. Вспомните многократную отправку Чингизом в Петербург на выставку с последующим дарением в Эрмитаж предметов украшений, вооружений, атрибутики, снаряжения верховой лошади, юрт и домов.

Многочисленное потомство династии Абылай-хана, Вали-хана, Кенесары, Убайдуллы и других сегодня проживает практически во всех уголках нашей необъятной Родины и за ее пределами. Новому поколению казахстанских историков предстоит большая работа по более глубокому исследованию генеалогии Чокана Валиханова.

О славном сыне казахского народа, Чокане Чингизовиче Валиханове (1835-1865), как и о Чингисхане, много написано историками-востоковедами, куда входят географы и путешественники, литературоведы и лингвисты, социологи и философы, археологи и этнографы, искусствоведы и художники, журналисты и публицисты, экономисты и юристы. А впереди — новые исследования и новые открытия*.

Об единых генеалогических корнях Чингисхана, Абылайхана, Вали-хана и Чокана Валиханова, их взаимосвязи друг с другом, написано предостаточно. Однако, некоторыми исследователями не в полной мере убедительно указывается на то, что казах Чокан Валиханов действительно является прямым потомком тюрка Чингисхана. Это при том раскладе, что великий К.Шакарим** и выдающийся историк

---

* Монгольская легенда рассказывает красивую историю о неземном происхождении рода Чингисхана, о непорочном его зачатии. «Потомство этих трех братьев было прозвано Нирун, «безгрешно зачатые», ибо, по монгольскому верованию, они были рождены от света» (Х.Даван). Н.Амрекулов, М.Аджи утверждают, что, если Чингисхан не Бог, то он партнер Бога, не меньше. Академик Бартольд изложил свой взгляд на это, что «такое возвышенное отношение к герою объяснимо, но к реальности оно, конечно, не имело отношения».

Примерно такую же легенду о Чокане широко распространяли в степи народные импровизаторы (Жырау). Так, у Валихановых соблюдали ханский обычай. Пока ребенок не скажет первое слово, его держат в колыбели. Однажды, когда младенец Чокан, накормленный грудью, спал, приехали гости. Им подали вяленую конину, и тут вдруг проснулся Чокан, протянул из колыбели ручонку и внятно произнес: «Ах, гости, не оставьте меня голодным: дайте мне хоть немного мяса». Гости оторопели, Чокан съел мясо и потребовал еще. Истинно ханский поступок! (П.П. Семенов-Тянь-Шаньский. Ч.Ч.Валиханов. Собрание сочинений в пяти томах. Главная редакция Казахской Советской энциклопедии. Алма-Ата 1985. С.241-244). Конечно, это легенда, но со стороны жырау-импровизаторов были попытки воспеть о необычайном даровании сына султана Чингиза (Б.К.)

**В разделе «Родословная Чингисхана» широко известной книги «Родословная» («Шежире» Алматы «Жазушы» 1990 С.94-102) выдающийся поэт, философ и этнограф Шакарим Кудайберды — улы подробно описывает генеалогию Чингисхана и его многочисленного потомства. Автор здесь приводит в сокращен-

М. Тынышбаев еще в прошлом веке убедительно доказали, что Чокан, был потомком Чингисхана, «его отец носил это громкое имя — Чин-

ном варианте то, что касается нашего вопроса: «...Чингис-хан родился в 1154 г., в год курицы, в Моголистане, в местечке Белон Илдык. У Чингисхана было четыре сына: Жоши (Джучи), Шагатай (Чагатай), Огетай (Угэдэй), Толы (Толуй). Четвертый сын Жошы — Тока-Темир (Тука-Тимур). Он же — дальний предок нашего Абульмансура-Аблай-хана. У Тока-Темира было четверо сыновей — Монке-Темир, Туда-Монке, Уран-Темир, Оз-Темир. От Монке-Темира — Токтагу. От Оз-Темира — Хожа, Сарыша, Абай. Сын Хожи — Бада-кул. От него Арыс-хан. От него — Темирмалик, Куйыршык-хан. От Темирмалика — Бекболат, Темиркутты, Шадыбек. От Темиркутты — Болат-хан, Темир-хан. Темир-хан известен также под именем Улуг-Мухаммеда. Казахи его называли Орманбет-ханом. Потомки Бекболата, Шадыбека и Темиркутты — ногайские ханы. Сын вышеуказанного Куйыршык-хана Барак-хан. От него — Даруиш и Абу-Сагид. Впоследствии прозванный Аз-Жанибеком. Это он, захватив с собой всех казахов, увел их в Кашгар и подчинил Чагатайской династии. У него было девять сыновей — Еренши, Махмуд, Касым-хан, Ай-тек, Жаныс, Камбар, Татиш, Осек, Жадик. Сын его Касым-хан (как уже было сказано выше — пер.) прославился среди казахов своими мирными договорами, которые прозвали «Столбовой дорогой Касыма». Сын Касыма — Сыгай-хан. От него Тауекел-хан и Ондан. От Ондана — Кайнаркишик. От него — Бокей. От него — Кудайменде. От него — Турсын. От него киши (младший) Барак. В народе звали его «сорокачисленный» Барак. Он был ханом казахов после Аблая. Сыновья Барака — Сыгай, Дайыр, Канбаба, Бокей-хан, Маман, Канхожа. У Бокей-хана было девять сыновей — Чингис, Есим, Уали, Тауке, Батыр, Султангазы, Коксал, Абыльмамбет. Одного из сыновей Батыра звали Мырзатай. Одного из сыновей Мырзатая звали Нурмухаммед. Сын Нурмухаммеда — известный Алихан Бокейханов.

Один из сыновей вышеупомянутого Сыгай-хана — Тауекел-хан. От него — Ешим-хан. «Высокорослый Ер-Есим» — звали его казахи. Это он убил Турсын-Мухаммед-хана и разгромил (народ) катаганов. У него было два сына — Султанбет и Жангир-хан. Сын Султанбета — Орыс-хан. От него — Татен. От него — Канхожа. От него — Арынгазы. Вышеупомянутого Жангир-хана казахи называли Салкам Жангир. Один из его сыновей — Аз-Тауке родился от жены-калмычки (монголки. — Пер.), другой — Уалибек — от дочери Гаип-хана. Когда после Салкам-Жангира ханом стал Аз-Тауке, обиженный Уалибек уходит в Ургенч к Гаип-хану, своему деду по материнской линии. «На горе Культобе (проводить) каждый день совет» — наказ этот, ставший поговоркой, остался со времен правления хана Тауке, ибо это он собирал казахских старейшин на совет, где обсуждались планы на будущее, составлялись общие для всех правила. У Тауке-хана было двое сыновей — Абулхаир и Болат. От Болат-хана — Самеке и Абульмамбет. В годы Великого бедствия («Ақтабан-шубырынды») в Среднем жузе ханом был Самеке, в Старшем — Абульмамбет. В Младшем жузе — Абулхаир. Сын Самеке — Кудайменде. От него — Коныркульджа. Абульмамбет уступил свое большое ханство Абульмансуру-Аблаю. От него — Болат и Абульфеиз. Сын Болат — Сатемир. От него — Кудайменде. От него Аким торе. Абульфаиза казахи звали Абылфаизом. От него — Бошы, Жошы. Сын вышеупомянутого Уалибака (Валибаха) кровожадный Абылай, прозванный за свою жестокость в богатырских поединках Кровопийцей. Сын его — Коркем Уали («Красавец Вали»). Сын его — наш известный хан Абылай*. Настоящее имя — Абульмансур. От него — Ток, Касым, Арык, Адил, Рустем, Тогым, Сек, Абыльда, Шама, Уали, Чингис, Касым. От этого Касыма — Есенгельды, Саржан, Кенесары, от младшей жены — Наурызбай. От Чингиза — Мухаммед Канафия (Шокан). (Б.К.)

гиз, который гордился своим великим предком. «С тех пор, как Чокан помнил себя, отец при удобном случае постоянно напоминал об этом. Порою Чокан и сам начинал думать так, как думал отец, и гордость именитым происхождением волновала его юную кровь» (С.Муканов).

Во время пребывания в командировке в Кяхте Чокан Валиханов встречался со своим давним другом, коллегой-бурятом Д.Банзаровым, также признанный востоковедами как выдающийся ученый и путешественник. В разговоре с Чоканом, выражая готовность оказать ему помощь в сборе материалов об Алтайских казахах, он воскликнул:

- Какой может быть разговор, Чокан! Ты не только гость из Западного губернаторства, ты потомок Чингисхана, которого чтит наша бурятская знать. Ты по крови и монгол и казах, а с казахами буряты издавна связаны. Ты еще увидишь, сколько общего у наших народов. **Значит, дорогой мой потомок Чингисхана, мы с тобой мыслим одинаково!** (С.Муканов).

Доржи Банзаров хорошо разбирался в вопросах этнографии и восточной политики, глубоко вникал в историю сибирских народов, в особенности — тюркского происхождения, лучше всех знал монгольскую историю и историю бурят! Чокан думал, что хорошо знает эпоху Чингисхана, но знания Банзарова перед его собственными знаниями выглядели «морем рядом с малым озером».

В кадетском корпусе после чтения русских книг чувства его к великому предку несколько поостыли. Возникал иной облик Чингисхана — облик кровавого завоевателя с характером по-звериному жестоким. «Правда, К.Гутковский на лекции по истории военного искусства назвал его однажды великим полководцем, но никаких доказательств в пользу этого определения не привел» (из статьи Ч.Валиханова об Абылай хане. Б.К.)

Негативно настроенный к Чингисхану западный историк К.Д.Остон в книге «От Чингисхана до Тамерлана» (Алматы, «Санат». 2001 С.196- 197): пишет: «... Чингисхан имел до пятисот жен и наложниц. Между супругами Чингисхана было пять жен высшего ранга с титулом великой госпожи. Первой из всех была Борте, пожалованная китайским титулом фузинь, который императоры Китая давали женам, занимавшим первое место после императрицы. Она была дочерью нояна Дайна (Tain), главы племени хонкират (имеется в виду «конрат».Б.К.), и матерью Чжучи, Чагатая, Оготая и Тулуя (Джучи, Шагатай, Угэдей и Толуй Б.К.), а также пяти дочерей, которые были выданы замуж за племенных князей». Данная цитата «нейтрального» историка приведена с целью показать *Современному читателю*, что родовое начало Чокана, бесспорно, идет от старшего сына Чингисхана — Джучи.

С.Муканов также пишет, что Чингиз Вали-улы, Чингиз Валиев или Валиханов, отец героя нашего повествования, свою родословную начал от Джучи. Власть Джучи в год его смерти простиралась и на Крым, и на Астрахань, и на Казань. Чингиз был прямым потомком Жаныбека, а Жаныбек считался потомком Джучи. Хан XVII века Есим, прославленный своим мужеством и богатырским ростом, знаменитый Абылай хан Среднего казахского жуза в XVIII веке, хан Вали, сменивший Абылая*, вошли главными вехами в родословную Чингисхана.

Известный казахстанский писатель С.Марков в историко-биографической повести «Идущие к вершинам» (Алматы «Санат» 1998 С.3.) пишет: «Родословное древо Чокана Валиханова уходило корнями вглубь столетий. Он был потомком Чингисхана, вернее, его старшего сына Джучи, чей мавзолей до сих пор можно видеть в степях Казахстана.

Предметом особой гордости Чингиза Валиханова был Черный шанырак, Черный обруч,* опоясывавший его юрту. Со времен Чингисхана, — утверждали сказители, знатоки устной истории, — множество раз менялись и остов юрты, и кошмы. Но Черный шанырак передавался из поколения в поколение и сохранял свой первозданный вид. Вырезанный старинными мастерами из дубовой колоды, этот обруч из года в год, из века в век впитывал в себя и конский жир, которым заботливо смазывали гладкую его поверхность, и копоть дымного очага юрты. Сохраняя свои первоначальные очертания, он стал иссиня-черным, приобрел твердость и блеск железа. Поэтому за ним закрепилось название Черного шанырака, звучавшее в степи знаком могущества и власти.

«При создании новых улусов — автономных государственных образований, названных ордами и руководимых ханами, Чингисхан оставил за собой орду, которую назвал «Кара шанырак, орда»**. Он объя-

---

*Главный абылаевед нашей страны К.Жумадилов резко осудил статью двух к.и.н. Б.Койшыбаева и С.Отениязова за слабое знание ими истории своих предков, особенно Абылай хана, который, с их точки зрения, вел неправильную внешнюю политику, заигрывая в корыстных целях то с Китаем, то с Россией и даже с джунгарами (Б.К.).

**«Кара шанырак» Чингисхана, передаваемый по наследству, достался его праправнуку Абылай хану, а затем его сыну Вали-хану. После смерти Вали-хана, его жена — Айганым-ханша длительное время хранила и использовала этот символ власти чингизидов в дипломатических контактах с царским правительством. После смерти Айганым «Кара шанырак» достался отцу Чокана Валиханова — Чингизу Вали улы. С ликвидацией русским царем ханской власти в Казахстане «Кара шанырак» Чингисхана потерял свою символику и превратился в обычный атрибут казахской юрты (Б.К.).

вил, что лично сам является одновременно и каганом всех тюрко-монголов, и ханом Коренной орды (М.Сулейманов «Эра Чингисхана в истории казахской нации». Алматы «Зергер Ильяс», 2008. С. 28-30)

Не будет преувеличением сказать, что именно М.-Х.Сулейманов (там же. С.17) впервые сумел *«озвучить шежіре»* и, на основе устных преданий своих предков, доказал, что **«легендарный Жазы-бий, являясь близким другом Чингиза Валиханова, сумел предотвратить кровопролитное столкновение между войсками отца Чокана с воинами его двоюродного брата, султана Кенесары Касымова»**. Для нас было важно лишний раз убедиться, что никаких боевых столкновений между султанами не было, поскольку у Чингиза попросту не было никакой армии. Но, то, что Чингиз состоял в войсках карателя Шрама в качестве драгомана, соответствует действительности. Но не более того. Ученый легко опровергает утверждения фальсификаторов, что между братьями существовал непримиримый классовый анатагонизм. Оба они были султанами, аристократами, оба они были горячими патриотами своего народа. Но каждый по своему боролся за свободу и независимость казахских земель. То, что сестра Кенесары — Бопай, напала на поместье Айганым, бабушки Чокана, теперь можно отнести к чистой воды семейным разборкам. Как сказал известный публицист А.Капышев: *«Видимо, женщины что-то не поделили между собой»*. Вот так!

Исследователи также акцентируют внимание неискушенных читателей на то, что Чингиз Валиханов был награжден орденом за проявленное мужество в борьбе против Кенесары Касымова. В то время царское правительство, чтобы форсировать оккупацию казахских земель, прибегали к испытанному и безотказному приему по награждению *«отличившихся»* орденами и раздавали офицерские погоны. Помните, что сказал Наполеон Бонапарт, подписывая Указ об учреждении Ордена Почетного Легиона: **«Поразительно, что этими побрякушками можно держать в узде целую армию»**.

Однако, продолжим. Близкий друг Ч.Валиханова П.П.Семенов - Тянь-Шаньский писал: «... он был внуком последнего киргизского хана Валия и правнуком знаменитого Абылай-хана, потомка Чингисхана. Его мать была родной сестрой Митридата киргизского (*казахского Б.К.*) народа — Кенесары Касымова. Родная его бабка по отцу — вдова хана Валия — со своими детьми оставалась верной России, в то время, когда остальные сородичи, дети хана Валия от первого брака и его братья, не хотели признавать того, что хан Вали принял русское подданство. Александр I с большим вниманием отнесся к вдове хана

Валия и велел выстроить ей первый в киргизской степи дом, в котором и родился Чокан Валиханов». (П.П. Семенов-Тянь-Шаньский - Ч.Ч.Валиханов. Собрание сочинений в пяти томах. Главная редакция Казахской Советской энциклопедии. Алма-Ата 1985. С.241).

От брака Абылая с каракалпачкой Сайман родилось много сыновей; из них известен Вали, последний хан Средней орды, родной дед Чокана. Отец Чокана, султан Чингиз Валиев*, был управителем Кушмурунского округа и имел чин полковника русской службы.

В историческом романе «Гибель Отрара» (Алматы «Білім» 1997 г. С.3) Хасен Адибаев пишет: «... В Доме творчества «Аль-Фараби», что у подножья Заилийского Алатау, на окраине Алматы, рядом со мной сидит светлолицый, с острым взглядом блестящих черных глаз, плотный, среднего роста человек. Его черные волосы слегка выются, он быстр в движениях, обаятелен, иногда подливает мне в чай молоко. Как вы думаете, кто это? Шота Валиханов! Это прямой, двадцать третий, потомок Чингисхана!.. Их пращуры в течение долгих восьми веков правили обширными казахскими землями! Знаменитый Абылайхан, объединитель и Чокан Валиханов, национальный гений, человек, которого любил Ф. М. Достоевский, — его предки».

Не будет преувеличением сказать, что именно Шота Валиханов приложил много усилий, чтобы увековечить имя своего родственника — Чокана Чингизовича Валиханова.

---

*Вот выписка из досье: «Чингиз Валиханов, полковник. Советник областного правления сибирских киргизов, старший султан Кокчетавского дуана. Потомок ханов Среднего жуза, сын Вали-хана и ханши Айганым, принявших русское подданство и сотрудничавших с русскими властями. Закончил казачью офицерскую школу в Омске, в 1843 году участвовал в подавлении мятежа Кенесары Касымова, за это был награжден золотой медалью на александровской ленте. Порядочно говорит по-русски» (Б.К.)

*В науке слава достается тому, кто убедил мир,
а не тому, кто первым набрел на идею*

Франсис Дарвин.

*«Довольно часто новые идеи не воспринимаются
всерьез, иногда проходит много времени, прежде
чем они завоевывают признание и право на существование»*

Лобсанг Рампа «Третий Глаз»,

М. Из-во «София», 2001 г. С.68

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ – ВЕЛИКИЙ УЧЕНЫЙ

Учеба. Становление. Источники. Издания. Оценка ученых.

Путешествия. Окружение. Собственный взгляд. Эрудиция.

Патриотизм. Верность традиции.

Великий казахский ученый *Шокан Уалиханов (Чокан Валиханов)* творил в середине XIX века. Имя, данное ему при рождении, было Мухаммед-Канапия, а Шокан (Чокан) — так ласково назвала его мать. Родился Чокан в мае 1835 года в крепости Кусмурун (Кушмурун). Источники отмечают четыре разные даты рождения как Чингисхана, так и Чокана Валиханова, о чем даны подробные разъяснения в разделе «Генеалогия Чокана Валиханова».

Детские годы Чокана прошли в Кушмуруне, а затем в ауле его предков — Сырымбете. Он, будучи любознательным, рано научился писать и рисовать. Уже в начальной частной аульной школе Чокан овладел основами арабского, персидского, средневекового тюркского (чагатайского) языков. Многие историки указывают на то, что он с юных лет научился четко формулировать свои мысли, хорошо и образно говорить и писать как на русском, так и на казахском языках.

Осенью 1847 г. 12-летний Чокан, оставив дом родителей, приехал в Омск на учебу в Сибирский кадетский корпус, считавшийся тогда лучшим учебным заведением в Сибири. Впервые вопрос о необходимости учебы талантливого ребенка поднял перед отцом временно проживавший в имении Валихановых во время «научной командировки», востоковед А.А.Сотников*.

---

* Александр Алексеевич Сотников впоследствии оказался сотрудником российской внешней разведки, а Омский кадетский корпус — специальным учебным заведением, где одновременно проводилась теоретическая подготовка будущих кадров для военной разведки Генерального штаба. Об этом свидетельствует

Сибирский кадетский корпус был создан в 1845 г. на базе бывшего училища Сибирского линейного казачьего войска и считался одним из лучших учебных заведений того времени. По определению декабриста И. Завалишина, это «был рассадник просвещения и патриотизма». В.П.Лободовский, читавший лекции по страноведению, говорил, что **Сибирский кадетский корпус был одним «из первых рассадников военного и общего знания».**

Значение этого учебного заведения поистине трудно переоценить. В нем учились многие выдающиеся общественные и военные деятели, ученые и публицисты. Некоторые из них прославились своими географическими открытиями и научными исследованиями. Питомцем Омского кадетского корпуса был Г. Н. Потанин, впоследствии выдающийся путешественник и исследователь Сибири, Казахстана, Монголии и Центральной Азии. С Сибирским кадетским корпусом была связана деятельность публициста Н. М. Ядринцева, одного из ярких представителей передовой русской общественной мысли XIX века, исследователя истории народов Сибири и Казахстана. К выдающимся воспитанникам Сибирского кадетского корпуса относится и Н. Ф. Анненский, друг Ч. Валиханова и Г. Н. Потанина, впоследствии известный ученый-статистик и публицист. **В своих воспоминаниях Анненский писал: «Годы моей корпусной жизни имели решительное влияние на общий склад моего развития. Там я научился думать, читать, интересоваться общественными вопросами. Учеба в корпусе оказала большое благотворное воздействие на многих его питомцев, в том числе и на Чокана Валиханова».**

Помимо военных дисциплин, учебная программа включала всеобщую географию, русскую и западноевропейскую литературы, основы философии, ботанику, зоологию, физику, математику, геодезию, строительное искусство с главными началами архитектуры и общие понятия об истории. Преподавались также черчение, рисование, каллиграфия, языки: русский, французский и немецкий. Здесь обучались тюркскому языку, монгольскому, арабскому и персидскому языкам, а также — казахскому и татарскому.

Обучение было восьмилетнее. Оно состояло из двух подготовительных классов, пяти основных и шестого — специального класса. В преподавание таких узких специальностей, как страноведение, картография, фортификация, черчение, политология и др. Одновременно проводилась специальная подготовка отобранных курсантов по линии разведки и контрразведки за пределами учебного заведения или в закрытых помещениях. Обо всем этом подробно изложено в разделе «Обратная сторона медали» (Б.К).

последнем шестом преподавались военные науки: тактика, артиллерия, полевая фортификация. В географию, как предмет, входили: этнография и антропология, изучение различных рас по религиозным понятиям и образу жизни. Большое место отводилось изучению стран Азии (Китай, Индия, Афганистан и Персия). Здесь более тщательно изучалась история Китайской империи: пространство, устройство и управление, а также территории, находящиеся под покровительством Китая. Преподавалось географическое и политическое разделение восточных ханств: Бухары, Коканда, Хивы, государств Ост-Индии и Аравии. (Ф.Н.Усов. Очерки по истории Сибирского казачьего войска. Омск, 1884, стр. 44-45.)

«...В военно-стратегическом аспекте здесь изучались: границы киргизских степей, пространство, характер местности, реки и озера, пути сообщения. Сверялись горные проходы для караванов. Уточнялось число киргизов; происхождение языков и религий; начало подданства; время уничтожения ханской власти и происхождение Букеевской орды; политическое устройство, число орд в настоящее время и их географическое положение; управление букеевскими, оренбургскими и сибирскими киргизами и внутреннее положение последних; покровительство России Большой орде; укрепленные места в Киргизской степи» (ГАОО, ф. 19, оп. 1, д. 34, лл. 43-44).

Из области прикладных наук весьма широко были представлены начертательная геометрия, топографическое черчение и архитектура. Из этих обширных курсов, которые читались в Омском кадетском корпусе, видно, что он далеко превосходил среднее учебное заведение обычного типа. ***В его учебную программу были включены некоторые дисциплины, которые преподавались только в специальных высших учебных заведениях.*** Корпус осуществлял подготовку высококвалифицированных и всесторонне образованных людей, в которых нуждались окраины России. Во внеклассное время кадеты должны были заниматься военной тактикой. В лагерное время они обучались рассыпному строю, топографической съемке, саперным и военно-лабораторным работам, стрельбе (там же. С.45).

Омский кадетский корпус отличался высококвалифицированным составом преподавателей, подобранным опытным начальником И. В. Ждан-Пушкиным, впоследствии переведенным на равнозначную должность в Московский кадетский корпус. Большую воспитательную работу в корпусе проводил, прежде всего, сам И. В. Ждан-Пушкин. Он прибыл в Омск в том же 1847 году, когда Чокан поступил в кадетский корпус.

«... Чокан пришел в кадетский корпус, не зная русского языка, но благодаря незаурядным способностям быстро преодолел эту трудность», - пишет В.А.Обручев в своей работе «Григорий Николаевич Потанин» (М.—Л., 1947, стр. 23). Утверждение В.А.Обручева со ссылкой на Г.Потанина о том, что Чокан до поступления в кадетский корпус не владел русским языком, не соответствует действительности. С детских лет Чокан постоянно находился в кругу русских интеллигентов, посещавших усадьбу Валихановых. Чингиз, отец Чокана, прекрасно владел русским языком. Царские чиновники, дипломаты, военные, путешественники, ученые и даже ссыльные шли непосредственно к казахскому султану — Чингизу Валиханову. За отсутствием гостиниц, заезжих дворов, они, порой длительное время, проживали в специально отведенных для гостей комнатах в большом доме хозяина. Чингиз, как царский офицер, выполнял различные поручения властей, вел переписку с Петербургом на русском языке. Бабушка Чокана — Айганым, как ага-султанша, лично переписывалась с Царем, постоянно находилась в обществе руководителей российской администрации в Центральной Азии. Чокан уже с четырех лет общался с гостями из России на русском языке.

Вообще знанием языка принято считать, когда человек умеет мыслить, грамотно писать и свободно рассуждать на любую тему, чего не могут себе позволить иногда сами носители языка. «Он учился отлично и даже превзошел своих сверстников». (И.Ерофеева). «Развивался Чокан быстро, опережая своих русских товарищей... Глубокие знания и необыкновенная память юного Чокана, соединенные с трудолюбием и высокими моральными качествами, вызывали восхищение у многих преподавателей. Особенно проявились незаурядные способности Чокана в изучении истории, географии и восточной филологии, и всем этим он обратил на себя пристальное внимание. Уже через два-три года Чокан «не только обогнал знаниями весь свой класс, но и тот класс, который был старше двумя годами» (Г.Н.Потанин. Чокан Валиханов. ЦГАЛИ, ф. 395, оп. 1).

Большое влияние на развитие Чокана оказали Н. Ф. Костылецкий (1818-1867 гг.)- литератор и ориенталист, окончивший восточный факультет Казанского университета и преподававший в корпусе русскую литературу; ссыльный ученый Гонсевский, читавший курс истории цивилизации; литератор В. П. Лободовский, друг молодости Н.Г.Чернышевского и последователь его идей (Н.Г.Чернышевский. Полн. собр. Соч., т.1.М, 1939, стр. -26, 64, 70).

В архивах сохранились обширные рукописные материалы, свидетельствующие о ранних научных и литературных связях Н.Ф.Костылецкого и Чокана Валиханова с одним из известных востоковедов того времени И.Н.Березиным. Так, в 1852 г. с помощью Н.Ф.Костылецкого установились прямые дружеские связи между Чоканом и И.Н.Березиным, которому потребовалась помощь в толковании некоторых терминов, встречающихся в ханских ярлыках. Костылецкий ответил Березину: «Что касается некоторых слов в «Ярлыке Тохтамыша», не поддающихся никакому словопроизводству, то при всем желании моем помочь Вашему горю я не могу». (Архив Г.Н.Потанина. НБТГУ, № 129 б, л. 5348; № 149, лл. 2-4) и рекомендовал по этому вопросу связаться с Чоканом Валихановым. Так началась переписка между известным востоковедом И. Н. Березиным и Чоканом Валихановым. До нас дошло ответное письмо Валиханова к Березину. В этом письме Чокан дает исчерпывающие ответы на все вопросы, поставленные И.Н.Березиным*

Эти связи юного Чокана с известным востоковедом имели решающее значение для выбора им своего научного направления, укрепили в нем любовь к истории и литературе народов Средней Азии. Труды И.Н.Березина пробудили в Чокане интерес к изучению древних письменных памятников, и первые его научные работы были посвящены разбору ханских ярлыков.

Молодой Чокан углубленно изучает философские трактаты и читает социальные романы, в которых правдиво отображалось буржуазное общество. Обличительные статьи Белинского и Герцена, едкий юмор Гоголя вызывают у Чокана живейший отклик, и он обращается к ним каждый раз, когда сталкивается с общественными пороками, с пошлостью в жизни. Свои философские познания Чокан приобрел, главным образом, из произведений великих русских мыслителей Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова.

Огромное влияние на Чокана оказала поэзия Пушкина и Лермонтова, многие стихотворения которых он знал наизусть. Из западноевропейских писателей Чокан с большим интересом читал Ж.Ж Руссо, Ч.Диккенса, У.Теккерея, позднее — труды философов-материалистов.

С.Ф. Дуров, П.П. Семенов-Тянь-Шаньский, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев высоко ценили эрудицию молодого Валиханова, особенно по истории Востока. Живя в провинциальном Омске, он уже

---

*Письмо Ч. Валиханова к проф. И. И. Березину впервые опубликовано А.Маргуланом в полном собрании сочинений (Б.К).

тогда собрал богатую специальную библиотеку, состоявшую из книг по вопросам востоковедения, географии, истории и философии. П.П.Семенов-Тянь-Шаньский, посетивший в 1856 г. квартиру Чокана в Омске, с восхищением отмечал, что подбор книг библиотеки делает честь совсем еще молодому Валиханову. Биографы Чокана почему-то не учли, что для приобретения книг и журналов по тем временам были необходимы немалые деньги. Этим автор желает оправдать то, что он часто просил у родителей переводить деньги на его счет.

В 1853 г. в возрасте 18 лет Чокан досрочно окончил кадетский корпус и был выпущен корнетом «по армейской кавалерии». Общественная и научная деятельность Чокана Валиханова началась сразу после окончания учебы. Формально он был определен офицером 6-го кавалерийского полка Сибирского казачьего войска, но фактически оставлен при генерал-губернаторе Западной Сибири, а через год назначен адъютантом генерала Гасфорта. Одновременно по линии Главного управления края на Ч. Валиханова была возложена должность офицера по особым поручениям. (Формулярный список о службе штаб-ротмистра султана Чокана Валиханова. Архив МИД, ф. Личные дела, оп. 464/3, д. 318, л. 64.).

Чокан Валиханов был одним из первых исследователей истории, географии, этнографии, экономики, религии и культуры народов Казахстана и Центральной Азии. Но в дореволюционное время была опубликована лишь небольшая часть его сочинений, а в первое десятилетие советской власти вопрос о публикации его научных трудов не рассматривался вообще. Лишь благодаря усилиям академика К. Сатпаева изучение жизни и деятельности Ч. Валиханова было признано актуальной и приоритетной задачей Института истории АН КазССР, для практического осуществления которой была создана специальная научная группа.

Однако дело сдвинулось с мертвой точки лишь после того, как в 1957 году по поручению академика К. Сатпаева эту работу возглавил академик А. Маргулан. И уже через год с предисловием и под редакцией А. Маргулана вышел однотомник избранных произведений Ч.Валиханова. После этого группа с участием известных историков и литераторов приступает к подготовке пятитомного собрания сочинений Ч. Валиханова, которое увидело свет в 1961-1972 гг.

В начале 80-х годов Институтом истории археологии и этнографии АН Казахской ССР было принято решение к 150-летию юбилею Ч. Валиханова подготовить и издать новое пятитомное собрание сочинений, куда были включены многие прежде неизвестные статьи и пись-

ма, уточнены комментарии, внесены некоторые поправки в тексты ранее опубликованных статей.

Как было уже отмечено, исследованием жизни и деятельности Чокана Валиханова в разное время занимались многие выдающиеся деятели науки и культуры. В их числе М. Ауэзов, К. Сатпаев, С. Муканов, А. Алимжанов, С. Зиманов, К. Салыков, И. Стрелкова, И. Ерофеева, Н. Бекмаханова, А. Касымжанов, Г. Ашуров, С. Бурабаев, Ж. Абдильдин, Д. Кабдиев, К. Илюсизов, Г. Сапаргалиев, Р. Сулейменов, Г. Исхаков, А. Бейсенова, А. Кайдаров, Ш. Валиханов, А. Сатаев, В. Кулиев, Н. Масанов, С. Марков и другие.

О Сергее Маркове хотелось бы сказать особо. Если *Современный читатель* желает более подробно узнать о Чокане, ему следует внимательно прочесть книгу «Идущие к вершинам», где Марков подробно, научно обоснованно и наглядно показывает своего героя как великого ученого, первооткрывателя по многим направлениям научных изысканий.

«За короткие 30 лет своей жизни Валиханов сделал так много, что ни одно сколько-нибудь серьезное исследование по истории Казахстана тех времен, да и прилежащих центральноазиатских стран, было немыслимо без ссылки на его труды, без цитат из его путевых дневников. Поражает многогранность его таланта. Ему, как по волшебству, блестяще удавалось все, к чему бы он ни прикасался. Я специально выписал из энциклопедических статей все «титуты», которыми их авторы увенчали Чокана. Получилось вот что: **ученый, просветитель, публицист, демократ, историк, фольклорист, этнограф, путешественник, востоковед, разведчик, энтомолог, географ, исследователь, экономист. Не забывайте, что был он также полиглотом, вольнодумцем, книжником, художником, офицером, сибаритом, игроком и даже бабником - не слишком ли много для одной судьбы?»** (Александр Каменский, «Жизнь — как молния» Газета «Экспресс К» №155 (16057 от 19.08.2006).

Этот перечень необходимо продолжить, дополнив такими направлениями в науке и профессиях, как: **дипломатия, ботаника, лингвистика (языкознание), нумизматика, геодезия, таможенное дело, картография, метеорология, политика, устное народное творчество, юриспруденция (судопроизводство), журналистика, медицина, избирательная система, военное дело, международные отношения, генеалогия (ше-жире), теология, демография, статистика.**

Труды ученых-биографов посвящены выдающимся открытиям Ч. Валиханова в указанных областях науки (**финансы, обряды и обы-
чай, быт и традиции этносов, зоология, геодезия, рисование, черче-**

ние, иностранные языки и пр.) в зависимости от профессиональной принадлежности того или иного исследователя, на конкретных фактах обосновывающих, что его наследие является наиболее значимым именно по данной проблеме.

С юных лет, познав всю сложность и противоречивость окружающей его социально-политической обстановки, он писал: **«Единственная надежда остаться человеком — посвятить себя нейтральному делу — науке и литературному творчеству»**. Через все это и помимо этого перед нами встает уникальная личность, стоящая на стыке двух цивилизаций, способная глубоко взглянуть на происходящее как изнутри, так и извне, «глазами образованного европейца» (Т.Сейфуллин).

Известный писатель Ануар Алимжанов в предисловии к книге С.Бегалина «Чокан Валиханов» (М. «Детская литература» 1975, стр.9-11) отмечает: «...О нем говорят как о первом художнике Средней Азии и Казахстана XIX века. Писатели рассказывают о нем как о талантливом дипломате, журналисты — как о блестящем публицисте. Он был мудрым социологом и скрупулезным экономистом, — утверждают другие. О нем слагают свои сочинения не только русские востоковеды, но и английские, французские, немецкие ученые, потому что его открытия, его труды принадлежат не только казахской науке, но и в равной мере стали достоянием всех, ибо наука и искусство, которым он служил, не знают ограничений ни по территориальным, ни по национальным признакам. Да и сам он был великим демократом-интернационалистом».

При Чокане Валиханове востоковедение, как наука, находилось на том уровне, который его предшественникам даже не удавалось преодолеть до конца традиционных рамок летописей, эклектических утверждений, необоснованных догадок, фактических ошибок, протекавших от поверхностного, порой одностороннего знания жизни народов Востока.

Он пишет: «Восточная часть Центральной Азии, собственно Центральная Азиатская возвышенность, со всеми мировыми вулканами и загадочными народами остается до сих пор совершенно непроницаемой *terra incognita*, несмотря на большие успехи географии в последнее время. Ежегодно мы читаем известия о путешествиях во внутрь Африки и Австралии, о великих открытиях, совершенных бесстрашными путешественниками в пользу науки, но до сих пор не было ни одной попытки проникнуть во Внутреннюю Азию. Неужели Азия — колыбель человечества — менее любопытна, нежели Африка?» (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 305).

Отдельные фрагменты результатов, блестяще проведенных Ч.Валихановым нескольких научных экспедиций в Кульджинском, Иссык-Кульском и Кашгарском направлениях, увидели свет, спустя лишь сорок лет (1904 г.) после его смерти. Однако эти фрагменты несекретного характера были связаны только с результатами его уникальных исследований, по меньшей мере, по двенадцати направлениям науки, о чем было изложено выше.

Российский ученый, академик Н.Веселовский пишет: «... Как блестящий метеор, промелькнул над нивой востоковедения потомок киргизских (казахских, Б.К.) ханов и в то же время офицер российской армии Чокан Чингизович Валиханов. Русские ориенталисты единогласно признали в лице его фундаментальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов». Так наиболее верное сравнение, слово «метеор» закрепилось за Чоканом навсегда. (С.Муқанов, С.Марков, И.Ерофеева и др).

П.П.Семенов-Тянь-Шаньский, не забывая при этом о своих заслугах в деле становления Чокана, пишет: «Обладая совершенно выдающимися способностями, под моим влиянием слушал лекции в Университете и так хорошо освоился с французским и немецким языками, что сделался замечательным эрудитом по истории Востока и в особенности народов, соплеменных киргизам...» (Семенов-Тянь-Шаньский П.П. Путешествие в Тянь-Шань, М., 1946. С.54).

Современники Ч.Валиханова — ученые, писатели и военные специалисты — высоко оценили исследование Чокана о Кашгаре, считая его подлинным географическим открытием, трудом « в высшей степени полезным для правительства и науки», восполняющим «пробелы европейских ученых-географов и востоковедов» (А.Маргулан. Собр. соч. Алма-Ата, 1985. Т.1. С.51). «...Деятельность Ч.Валиханова в Петербурге (1859-1960 гг.) была поистине кипучей и разносторонней. Он работал в военно-ученом комитете Генерального штаба, Азиатском Департаменте, Географическом обществе...» (там же, стр.52).

В мировой науке подлинный расцвет исследования Центральной Азии, и в частности Восточного Туркестана, наступил в XIX веке. «Работы по изучению этого региона ставили перед собой, в основном, географические задачи: составление карт, исследование караванных путей, а также изучение этнографии и археологических памятников» (Б.А.Литвинский, член-корреспондент АН СССР — Чокан Валиханов — исследователь Центральной Азии, там же, стр.38).

Профессор К.Рыспаев («История Казахстана. Алматы, 2003. «Білім». С.146-147) пишет: «Чокан Валиханов — ученый, просветитель-

демократ. Одним из главных результатов научной деятельности Ч. Валиханова явился его капитальный труд «О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-Лу» (Малой Бухары). Это был первый научный труд, посвященный истории, географии, социальному строю народов Восточного Туркестана, написанный с учетом достижений современной ему науки.

Чокан, по мнению исследователей, также как и его предок Чингисхан, был самородком (Д. Банзаров, С. Муканов, М. Сексенбаева, З. Наурызбаева и др.). У многих других его сверстников были известные и образованные родители, но никто из них не стал столь яркой фигурой, как Чокан. Его собственные задатки — природный интеллект, прекрасная память, энергия души и мысли — сыграли значительную роль в том, что он был первым среди равных. Однако нельзя упускать того, что многолетнее обучение под руководством опытных наставников из Министерства иностранных дел и Среднеазиатского департамента, а также его профессиональная подготовка, специализация по Востоку, практические навыки в добывании, анализе и оценке научной информации, явились основой основ развития его таланта и дарований ученого, исследователя.

В 1858-1859 годах Чокан совершает свою знаменитую поездку в Кашгар, представлявший собой «белое пятно» в европейской науке, исследовал политическое и экономическое устройство Восточного Туркестана, собрал материалы по истории и этнографии этого региона, приобрел ряд важных для науки коллекций, рукописей, сделал зарисовки. Его капитальный труд «О состоянии Алтышара...» давал анализ истории, географии, социальной жизни народов Восточного Туркестана и был высоко оценен в научном мире. «Вообще путешествие в Кашгарию в 1858-1859 гг. было таким новаторским делом для географической науки, что его можно назвать великим научным подвигом, оставившим глубокие следы в исследовании Азии. В сущности это был первый ученый, попавший в Восточный Туркестан и вернувшийся обратно с богатым материалом» (Э. М. Мурзаев).

В период активной научной деятельности Чокан Валиханов находился в тесной связи с учеными-востоковедами и русскими писателями. Он поддерживал научные контакты с востоковедами В. В. Григорьевым, В. П. Васильевым, В. В. Вельяминовым-Зерновым, А. Н. Бекетовым, с ученым и дипломатом И. И. Захаровым, критиком Н. Н. Страховым, поэтами А. Н. Майковым, Я. П. Полонским. Неоднократно в ауле Валихановых были академик А. Шренк, декабристы С. Семенов, А. Штейнгель, Н. Басаргин, студенты Казанского уни-

верситета С. Сотников, Н. Костылецкий, Т. Сейфуллин. С некоторыми из них он продолжил общение и в столице, о чем подробнее изложено в разделе «Чокан в Санкт-Петербурге».

Как разносторонне эрудированный человек, Чокан был интересным собеседником. Встречи с ним оставляли неизгладимый след в сердцах окружавшей его российской творческой интеллигенции. Зачастую он ненавязчиво подавал идею своим друзьям в исследовании какой-либо научной проблемы. Будучи поэтической личностью, он советовал поэтам посвящать свои труды Востоку. И Ерофеева пишет, что стихотворение «Емшан» написано поэтом Майковым с подачи Чокана. Не подвергается сомнению, что стихотворение «Двуглавый орел» Курочкин написал также под воздействием Чокана.

Популярность ученого стремительно росла. «Очерки Джунгарии» и другие исследования принесли Ч.Валиханову всемирную научную и литературную известность; на них обратили внимание европейские ученые, откликнулась иностранная печать, прежде всего немецкая. Вслед за «Очерками» в 3-й книге «Записок Русского географического общества» за 1861 год появились географический обзор и исторический очерк из кашгарского отчета Валиханова. Корифеи Географического общества, конечно, знали, что это лишь часть большого труда.

За штабс-ротмистром Валихановым упрочилась слава отважного путешественника, открывшего европейской науке тайны Средней Азии. Он вошел в круг помощников Петра Петровича Семенова, вычитывал и сверял издававшиеся на русском языке труды Риттера. В военно-ученом комитете он руководил подготовкой карт Средней Азии и Туркестана. При участии Валиханова были выполнены «Карта пространства между озером Балхаш и хребтом Алатау», «Рекогносцировка западной части Заилийского края», «План города Кульджи», «Карта к отчету о результатах экспедиции на Иссык-Куль», «Карта Западного края Китайской империи»*.

С.Марков рассказывает, что Чокан начал прилежно изучать труды Петра Симона Палласа, «Путешествия» Петра Рячкова. Из книг Чокан узнал о том, как морской офицер дважды обошел на корабле земной шар и «открыл» статую Венеры Милосской. Дюмон-Дюрвиля

---

* Подготовленное Валихановым тогда же в Петербурге для «Записок Русского географического общества» описание пути в Кашгар и обратно, в Алатавский округ, появилось в свет много позже, в 1868 году. Следует обратить внимание, что все вышеперечисленные карты и схемы составлялись в Генеральном штабе Министерства обороны России, точнее в его Главном разведывательном управлении. (Б.К).

сменил Н.В.Гоголь, Ч.Диккенс и У.Теккерей. Они стали любимыми писателями Чокана Валиханова.

Надо заметить, что Чокан в совершенстве владел русским литературным языком; в 14 лет он читал «трудночитаемых писателей» в оригинале, так как в Центральной Азии издательства на казахском языке не было. Все, кто читал произведения Н.В.Гоголя «Женитьба», «Игроки», «Утро делового человека» или «Тяжба» согласятся со мной, что эти произведения великого писателя входили в учебную программу филологического факультета университета. Или «Домби и сын» Ч.Диккенса со сложными переплетениями судеб, семейных интриг и английская чопорность вызывали у многих читателей скуку. Что касается книги «Ярмарка тщеславия» Теккерея, то, несмотря на сложность литературного текста, Чоканом она была прочитана «от корки до корки». Помните его шутку о висящем на стене кадетского корпуса портрете Теккерея, которого не узнал один из его начальников.

Крупнейшие исследователи Восточного Туркестана высоко оценили дарования Чокана Валиханова как отличного картографа, одаренного художника, образованного орнитолога, энтомолога, геолога. Особенно пленили ориенталистов познания Валиханова в восточных языках. Он приглашал к себе бродячих сказителей, и многие впервые слышали от Чокана, что у киргизов есть хранимое изустно великое эпическое произведение «Манас», равное «Илиаде» и «Одиссее».

Ч.Валиханов вступил на путь науки совсем юношей, не достигнув даже двадцатилетнего возраста. Энциклопедичность знаний, всесторонняя подготовка, гуманизм, демократизм, дружба и сотрудничество с учеными-востоковедами — все это позволило ему за немногие годы сделать огромный вклад в изучение Центральной Азии (И.Стрелкова), ее природы, истории, этнографии, фольклора, языков и религии населяющих ее народов. «Его замечательные, талантливо написанные труды — прекрасный памятник великому представителю казахской культуры, выдающемуся отечественному исследователю Центральной Азии» (Б.А.Литвинский. Ч.Валиханов — исследователь Центральной Азии).

Путешественнику того времени приходилось быть универсальным ученым. В трудах русских центрально-азиатских исследователей XIX в. собраны сведения по физической, экономической и политической географии, флоре, фауне, этнографии, фольклору, археологии, истории и т. д. Именно таким универсальным ученым был и Ч. Ч. Валиханов.

Ч. Валиханов удачно отметил специфику системы управления в Алтышаре. Шесть городов (Яркент, Хотан, Кашгар, Аксу, Янысар и

Турфан) составляли с окрестными селениями шесть независимых один от другого округов. Во главе такого города-округа стоял хакимбек, у которого был помощник, а также газначибек — казначей. Население разделялось на тысячи и сотни, которыми соответственно управляли минбеги и юзбеги, как это имело место в Империи Чингисхана.

Ученый много и успешно собирал письменные источники, изучал ранее изданные тексты, рукописи, переводы на русский и западно-европейские языки. Китайские источники использовались им в переводах Н. Я. Бичурина, к ним он обращался чаще всего, ибо для своего времени они являлись самым передовым словом в науке, а также привлекал переводы французских синологов Видела, Клапорта, Абе-ля, Ремюзы, Жюльена. Сохранились его выписки и конспекты из китайских источников, в частности, знаменитого буддийского путешественника VII в. Сюань-Цзяня. Много и успешно работал он над трудом Рашид-ад-Дина «Джамихат-таварих», сочинением Мухаммеда Хайдара «Тарихи-Рашиди», трудом Абулгази и др. Ч. Валиханов исследовал уйгурский перевод Мухаммеда Садыка Кашгари, хранившийся в Азиатском музее Академии наук во время пребывания в Петербурге в 1860 г. Этому труду он посвятил специальное исследование.

О глубине занятий ученого письменными источниками свидетельствует его письмо профессору И. Н. Березину и заметки при чтении книги ученого «Ханские ярлыки», о чем было сказано выше. Скрупулезный анализ позволил ему сделать множество уточнений и высказать ряд ценных замечаний. Кроме того, он использовал «Шежіре и тюрки» («Родословная тюрков») Абулгази по френовскому изданию 1825 г., «Шейбани-наме» в издании И. Н. Березина 1851 г., «Бабур-наме» и многие другие произведения.

Следовательно, Ч. Валиханов систематически и глубоко работал над письменными источниками, делал выписки, переводы, сопоставлял их. Отмечают, что он был подлинным источниковедом, причем первым в казахской историографии. Материалы нужны были Чокану для ответа на два глубоко волновавших и полностью занимавших его вопроса: происхождение (этногенез) казахского и других народов Центральной Азии и их история. Используя все виды письменных источников, Ч. Валиханов дал глубокую для своего времени разработку многих кардинальных проблем истории казахского, киргизского и уйгурского народов, истории Кокандского ханства и т. д. Одним словом, Ч. Валиханов являлся выдающимся историком Средней Азии. Для него характерна глубина анализа, комплексное использование первоисточников — от письменных и нумизматических до фольклор-

ных и лингвистических. В этом отношении его работы далеко опередили свое время. В ряде работ Ч. Валиханов выступает не только как историк и этнограф, но и как литератор, публицист, замечательный художник слова.

Как я упоминал, велик вклад Ч. Валиханова в изучении жизни уйгурского народа. До путешествия Ч. Валиханова в Кашгарию западно-европейские ориенталисты, особенно французские, собрали и издали некоторые данные об уйгурах, почерпнув их из письменных источников. Язык и этнография реальных жителей Восточного Туркестана, среди которых уйгуры составляют большинство, были известны в очень незначительной степени. Именно Ч. Валиханов восполнил этот пробел.

Ч. Валиханов хорошо знал, что карта — это альфа и омега географии (Л.С. Берг), это — лаконичная форма обобщения громадного количества фактов, строящихся в закономерные ряды. Помимо того, что Чокан сам много снимал карт, он интересовался и историей картографии (заметка о карте Японии, карта внутренней Азии, Атлас Азии к «Общему землеведению» К. Риттера). Все это говорит о том, что тяга ученого к картографии была неслучайной: он хорошо понимал значение карты в географических исследованиях. Документальное закрепление в Географическом обществе и за границей многих карт, начерченных им по всему периметру границы казахских земель с другими странами — яркое свидетельство масштабности мышления и прозорливости. В частности, интересна его попытка объяснить карту Средней Азии по запискам эмира Бабура, а в связи с этим и другая особенность — внимание к географической номенклатуре. Замечания о ней рассыпаны по многим сочинениям, где можно видеть тщательную запись; нередко объяснения происхождения географических названий, их этимологии, в отдельных случаях, как теперь можно утверждать, народной этимологии. Некоторые названия связаны с легендами (например, имя долины Каркары); он правильно объясняет происхождение названия «Джунгария» от монгольского «дзун-гар» — «левая рука», «левое крыло».

У Валиханова можно встретить указания на то, что озера Алаколь и Балхаш в недавнем прошлом составляли одно целое. То же утверждал в свое время и академик Л. И. Шренк. Известно, что вопрос об озерности пустынных равнин Азии — ныне один из основных в палеогеографии аридной зоны, где сохранилось много остаточных водоемов. Были ли они очень большими в прошлом? Но ясно, что неслучайна закономерность распространения озер в огромной полосе от Аральского моря на западе до озер Монголии. (Ч.Валиханов. Собр. соч. Т. 2. С. 277).

Признание со стороны ведущих востоковедов не заставило себя ждать. 27 февраля 1857 г. по рекомендации П.П. Семенова-Тянь-Шанского и Е.И. Ламанского он был избран действительным членом Российского географического общества за путешествие на восточные берега Иссык-Куля, где собрал богатый материал по географии, этнографии и истории киргизов. «Это говорилось о совсем молодом человеке, который еще не достиг 22-летнего возраста. П.П.Семенов-Тянь-Шанский предложил снарядить экспедицию в Кашгарию, представлявшую собой значительную часть Восточного Туркестана, остававшуюся неисследованной европейскими путешественниками. Идея ученого встретила поддержку в Географическом обществе и в правительственных кругах (Б.А.Литвинский. Ч.Валиханов — исследователь Центральной Азии)*.

В своем докладе на Международном форуме, посвященному 150-летию со дня рождения Чокана Валиханова известный историк В.П.Курьев отмечил: «Чокан Валиханов был выдающимся ученым в области истории, этнографии и географии народов Средней Азии и Казахстана. Знание многих восточных и европейских языков позволяло ему непосредственно обращаться к письменным источникам и знакомиться с современными ему научными исследованиями не только русских, но и зарубежных специалистов. Прочной основой для его научных изысканий являются богатейшие личные материалы и впечатления, собранные во время почти непрерывных экспедиций и путешествий по Средней Азии и Казахстану».

Дневники Ч. Валиханова написаны в стиле художественного очерка, порою с большими лирическими отступлениями («Дневник поездки в Кульджу», «Дневник поездки в Кашгар»). Для этих дневников характерно сочетание живого и увлекательного описания природы с глубоким знанием жизни народа. В Кульджинском дневнике отмечены вехи истории, культуры и быта народов Западного Китая, их культурная взаимосвязь с древних времен до XIX в. В нем запечатлены интересные наблюдения и живые восприятия картин народного быта Тянь-Шаня и пограничной Джунгарии.

Ч. Валиханов известен и как неутомимый собиратель изустных сказаний, редких рукописей, памятников, предметов исторической вспомогательной науки: нумизматики (чеканки, монеты, денежные

---

* На самом деле инициатором и разработчиком этой рискованной экспедиции не только для Чокана и его команды, но и для самой России, является Азиатский департамент МИД во главе с Е.П.Ковалевским.(Б.К.)

обращения), сфрагистики (исследование печати), образцов прикладного искусства народов, населявших Казахстан и Среднюю Азию. П.П.Семенов-Тянь-Шаньский и Ф.Р.Остен-Сакен пишут, что «для собирания этих материалов Валиханов не щадил ни трудов, ни пожертвований, тщательно записывал предания, легенды и поэмы своего народа и других народов, изучал среднеазиатские наречия, дорогой ценой скупал предметы старины, с опасностью для жизни проникал в буддийские монастыри и находил там редкие рукописи». Следует обратить внимание на слова его современников, что Чокан «дорогой ценой скупал древности», не щадил ни трудов, ни жертвований». Последующие чокановеды почему-то не указали на это важное обстоятельство, обвинив его в мотовстве, в бесцельном расходовании родительских денег*.

Теперь *Современный читатель* знает, куда уходили родительские деньги, за что его, якобы, упрекал отец, а также некоторые историки (И.Стрелкова).

В сборнике, выпущенном по результатам указанной Международной Конференции, посвященной 150- летию со дня рождения Ч.Валиханова, опубликовано порядка 40 работ ученых различных направлений, и мы отсылаем *Современного читателя* к этим документам, чтобы не загружать наш текст их пересказыванием. Многие труды ученого были посвящены истории и культуре Средней Азии и в целом Востока; среди них исследования «Киргизы» (так тогда называли казахов Б.К.), «Следы шаманства у киргизов», «Киргизское родословие», «О кочевках киргиз» и другие, в которых собран и обобщен огромный материал об истории, этнографии казахов, их быте, обычаях и культуре. Устному народному творчеству казахов посвящены статьи «Предания и легенды большой Киргиз-Кайсацкой орды» и другие. Чокановская традиция бережного сбора духовного наследия народа нашла достойных продолжателей, в том числе в лице Затаевича, который сохранил образцы казахского песенного творчества для мировой му-

---

* Труды, посвященные научному наследию Чокана Валиханова, можно воочию увидеть в аннотированном указателе литературы (Алма-Ата: Казахстан- 1967. С. 21-51, 125-205), в которых его взгляды рассмотрены с точки зрения различных наук, таких как: *Булатов С. Я.* К вопросу о государственных и правовых воззрениях Чокана Валиханова (Вестник АН Каз.ССР, 1956, № 3); *Дулатова Д. И.* Исторические взгляды Чокана Чингизовича Валиханова (Автореферат дис. канд. ист. наук. Алма-Ата, 1963. С. 46); *Зиманов С. З. и Атишев А. А.* (Политические взгляды Ч. Валиханова. Алма-Ата: Наука. 1965. С. 278); *Илюсизов М. К.* (Экономические воззрения Ч. Валиханова. М.: Соцэкгиз. 1960. С. 131.) (Б.К.).

зыкальной культуры. Идею Чокана о кровной культурно-исторической связи казахского и русского народов развил Л. И. Гумилев в своей концепции Евразийства.

Значительную научную ценность представляют исследования Ч. Валиханова, касающиеся социально-политических отношений в казахской степи. Это — «Аблай», «Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи», «Шуна-батыр», «Записка о судебной реформе», «О мусульманстве в степи», и другие. Острота и сложность политического положения как в Казахстане, так и в России в целом не могли не отразиться на мировоззрении Ч. Валиханова. В его сочинениях затрагиваются самые животрепещущие проблемы жизни казахского народа, он упорно ищет пути облегчения тяжелой участи народа. Его волнуют судьбы не только казахов, но также и других народов Средней Азии.

Ученые-ориенталисты считали Чокана «феноменальным явлением» и ожидали от него «великих и важных открытий о судьбе тюркских народов». «Если бы Чокан имел в киргизском народе читающую среду, он мог бы стать гением своего народа» (Выражение профессора Н. И. Веселовского. Б.К.). Всего тридцать лет жизни дал ему Аллах, Слава Ему Великому. Однако Он же одарил его такими выдающимися качествами, что Чокан «стал одним из самых известных этнических казахов, первым ученым с западными традициями» (А.Маргулан).

В 1958 году третья Декада культуры Казахстана в Москве была открыта премьерой кинофильма о Чокане Валиханове «Его время придет». Режиссер-постановщик фильма Мажит Бегалин, сын Сапаргалия Бегалина, автора книги «Чокан Валиханов», сказал: «Личность великого человека всегда загадка. Кто Вы, штабс-ротмистр, получивший сие звание из рук русского царя Александра Второго: военный разведчик в Кашгарии или ученый-путешественник и первый исследователь Манаса? Кто Вы, султан Чокан, наследник рода Абылай-хана, говоривший о своем родном народе в третьем лице, но вступавший за этот народ в непримиримые противоречия с родным отцом и воинским начальством? Кто Вы, любезный друг Федора Достоевского: степняк, способный к риску и лихой конной скачке, или сибарит, любивший раскурить сигару лежа, о чем свидетельствует известный автопортрет? Кто же Вы, изящный молодой человек, остроумец, книголюб, блестящий докладчик в Российском географическом обществе, одинаково непринужденно чувствовавший себя в рабочем кабинете, светской гостиной и казахской юрте, в двадцать девять лет закончивший свои дни в пустынном ауле Тезека? Радуетесь и печалитесь душа

при звуке имени — Чокан Валиханов» Эти слова режиссера переложил на бумагу талантливый историк-чокановед Назар Назаров.

В общей сложности Ч. Валиханов в Семиречье был 6 раз, а на Тянь-Шане — 4 раза. Он был одним из пионеров в исследовании Тянь-Шаня и внес свой весомый вклад в науку. Современники высоко оценили исследование Ч. Ч. Валиханова о Тянь-Шане и о Кашгарии, считая его подлинным географическим открытием, трудом, восполняющим пробелы европейских ученых-географов.

Экспедиция Ч. Валиханова в Кашгарию в составе торгового каравана началась в июне 1858 г. с подножия хр. Карамулы в 30 верстах от Капала (Аул Сарыбаса). Через Алтын-Эмельский хребет, р. Или, горы Сугуты, Торайгыра, горный джайлау Каркары, перевалы Сан-Таш и Кзылкия, р. Джиргалан, Иссык-Кульскую долину, ущелья р. Зауку, Джетым-Асу, Тарагай, Чакырку-рум, Келинтайгак, Кубергенты, Калмак-Учак, Чатыр-Таш, р. Аксай, и Теректинский горный проход.

Ч. Валиханов провел в Кашгаре и его окрестностях больше полугода. На обратном пути через перевал Тургарт караван направился на замечательное по своей красоте высокогорное оз. Чатыр-Кёль. Надо заметить, что до Чокана здесь не ступала нога ни одного исследователя. Оттуда через горы Ташрабат, долины рек Атбаша и Узгена экспедиция вышла на кокандское укрепление Куртка, расположенное на правом берегу Нарына. Далее караван следовал в северо-восточном направлении, вверх по Нарыну и через Заукинский проход и Иссык-кульскую долину. 12 апреля 1859 г. Чокан Валиханов прибыл в укрепление Верное (Алма-Ата). В ходе этой экспедиции группа Ч. Валиханова дважды пересекла Центральный Тянь-Шань с севера на юг. Ч. Валиханов привез из Кашгара богатый фактический материал по многим отраслям науки. Собрал горные породы, составил гербарий, сделал карандашные зарисовки природы и др. (М. Жаппасбаев).

Научные результаты первых путешествий приведены в его замечательных работах «Географический очерк Заилийского края» (1855 г.), «Дневник поездки на Иссык-Куль» (1856 г.), «Записки о киргизах» (1856 г.), «Западный край Китайской империи и город Кульджа (дневник поездки в Кульджу, 1856)». В этих работах имеются тонкие наблюдения над характером поверхности, описание речных сетей и озер, характеристики флоры и фауны. Они сопровождаются схематическими картами, зарисовками с натуры панорамы долины р. Или с видами гор Заилийского Алатау, Бугуты и Торайгыр, панорамы долины рек Чарын и Мерке, вершин Алатауских гор и Терскей-Алатау, долины р. Или и оз. Иссык-Куль и др.

Крупной картографической работой этого периода считалась «Карта Киргиз-Кайсацкой степи и Туркестана» (1831) А. К. Тимофеева. Хотя на ней все территории были показаны, в основном, правильно, но расположение некоторых объектов не соответствовало действительности. Например, территории Туркестана были показаны схематично, оз. Иссык-Куль вытянуто с севера на юг и окаймлено горными цепями Кунгей-Алатау и Терской-Алатау. Неправильно показано также, что из озера Иссык-Куль вытекает р. Чу. Реки, стекающие с Тянь-Шаня, изображены прямолинейно. Другой обобщающей картой была «Карта средней Киргиз-Кайсацкой орды и сопредельных с нею орд и владений», составленная в 1833 г. в Омске Бабыковым. И эта карта не отличалась полнотой и точностью. Карта Тимофеева была опубликована в приложении к книге А. И. Левшина «Описание Киргиз-Казачьих или Киргиз-Кайсацких орд и степей» (1832). Чоканом все эти несоответствия и неточности были, наконец, устранены.

Научные путешествия Чокана Валиханова положили начало углубленному исследованию природы Средней Азии, Казахстана и Семиречья, в особенности. Дальнейшее изучение природы загадочного в то время Тянь-Шаня Чокан проводил постоянно. Он провел высокопрофессиональную топографическую съемку бассейна оз. Иссык-Куль. Маршрут одного из путешествий начался с оз. Алаколь. В этот раз Чокан посетил Джунгарию, далее Заилийский Алатау и через его перевалы прошел на Кунгей, а затем на Терской-Алатау.

Среди панорамных картографических произведений Чокана Валиханова большой интерес представляет «Карта казахской степи XVIII века» (1850). Карта удивительно полно охватывает почти всю территорию современного Казахстана. Ценность карты, на наш взгляд, заключается в том, что Валиханов на основе исторических данных восстановил наиболее важные географические объекты на территории Казахстана, известные в XVIII в., и прежде всего: гидрографическую сеть, устройство рельефа и главные транспортные артерии, пересекающие территорию казахской степи с севера на юг. Большого внимания заслуживает другая «Карта казахских степей середины XIX века». По сравнению с другими картами Валиханова, у этой есть одно важное преимущество — относительное соблюдение масштабности, что делает карту более ценной в практическом применении. Особенно эти карты были бесценны для пограничников и политиков при определении прохождения линии государственной границы с соседними странами. Об этом будет сказано ниже. В период, когда усиленно развивались экономические связи России со странами Востока, работы

Ч. Валиханова с картографическими приложениями явились важным справочным пособием для многих ученых-востоковедов и государственных деятелей. Доктор географических наук А.С.Бейсенова в работе «Чокан Валиханов — путешественник и географ» (Сборник. С.214) пишет: «Географическое наследие Ч.Ч. Валиханова характеризует его как путешественника и ученого, преданного науке. Географические характеристики его отличались широтой охвата явлений. В отношении точности и подробности характеристик изученных территорий, детальности описания природных компонентов работы Ч. Валиханова намного превышают труды многих его современников. Уже в то время он осуществил комплексный подход и дал сравнительный анализ исследуемых территорий. Поэтому он заслуженно стоит в ряду выдающихся ученых своей эпохи». Например, им составлены схематические карты долины реки Каркары, перевалов Северного Тянь-Шаня, карта пути от Алтын-Эмельского хребта до г. Кульджи, схема Тянь-Шаньского Сырта, схематический план окрестностей Кашгара и др., которые вошли в учебник по географии еще в советское время. Ряд карт составлен Ч. Валихановым на основе изучения исторических источников в период подготовки к путешествиям. Таковыми, например, являются «Схематическая карта Моголистана», составленная по книге «Тарихи-Рашиди», «Маршруты М. Габдулмажитова от Иссык-Куля до Кашгара» и др. Картографические работы Ч. Валиханова еще не собраны полностью. Они разбросаны в разных архивах страны и, конечно, в секретных архивах спецслужб. Сбор воедино этих материалов и их изучение — дело будущего поколения.

Известные ученые-языковеды А.Т.Кайдаров и Ш.Сарыбаев в статье «Обращение языковедов к работам Чокана Валиханова» (Сборник. С.229) пишут, что «Ч. Валиханов владел несколькими западно-европейскими и восточными языками. Успешному овладению этими языками способствовали его исключительная способность к языкам и феноменальная память. Прекрасно владея русским языком, Чокан многие свои труды писал именно на русском языке. Его друзья Г. Потанин и Н. Ядринцев указывали, что он мог бы стать выдающимся писателем своего народа, если бы среди его соплеменников нашлась читающая публика. Современники Чокана в своих воспоминаниях утверждают, что он владел французским и немецким языками. Еще будучи учеником Омского кадетского корпуса, учебная программа которого включала преподавание французского и немецкого языков, Ч. Валиханов прекрасно освоил эти языки. Другие иностранные языки он продолжал изучать в Петербурге. П. П. Семенов-

Тянь-Шанский писал, что Чокан, «обладея совершенно выдающимися способностями, в Санкт-Петербурге слушал лекции в университете и так хорошо освоился с французским и немецким языками, что сделался замечательным эрудитом по изучению трудов западных ученых.»

Ученые предполагают, что Ч. Валиханов владел и арабским языком. Об этом говорит тот факт, что первоначальное образование Чокан получил в Кушмуруне в казахской аульной школе, где «обычно занимались чтением на кыпчакском и чагатайском языках памятников средневековой литературы, упражнениями в разговорной арабской и персидской речи и декламацией стихов восточных поэтов. Чокан, по всей вероятности, изучал латынь, которую он успешно применял в своих работах, где наряду с русскими и казахскими терминами флоры и фауны приводил и латинские названия.

Что касается китайского языка, то Н. М. Ядринцев пишет: «Китайского языка он не знал... еще интересовался китайскими авторами в переводах». В словах Н. М. Ядринцева обращает на себя внимание слово «еще». Это наталкивает на предположение, что он впоследствии в какой-то степени овладел им и мог изъясняться. Чокан имел сведения о пекинском диалекте и, по-видимому, изучал его грамматику, о чем свидетельствуют высказывания о китайском языке, довольно-таки пространные рассуждения, касающиеся тюрко-китайских языковых контактов, этимологии, толкования значений некоторых слов. Об его интересе к изучению китайского языка говорит составленный им «Словарь китайских, монгольских и тюркских слов». Это, вернее, глоссарии — список около 100 слов, которые сопровождаются переводом на русский язык. Подавляющее число реестровых слов составляют китайские слова, остальные — монгольские и тюркские.

Ч. Валиханов имел сведения о монгольском языке. Трудно сейчас со всей определенностью утверждать о степени владения им этим языком. В его архиве сохранились десятки страниц, исписанных монгольской письменностью. В трудах Чокана ученые нашли много сравнительных фактов на монгольском языке, особенно при этимологизации отдельных казахских слов. У Ч. Валиханова была своя точка зрения на родство алтайских языков. Как известно, вопрос о генеалогическом родстве алтайских языков до сих пор является объектом горячих споров среди ученых. В трудах Ч. Валиханова мы находим по этому поводу ряд высказываний. Например, в «Записке № 1» читаем: «Нет сомнения, что племена: финское, тюркское и монгольское, имеют нечто общее, как совокупности влияния их на развитие челове-

ства в разные эпохи его жизни, так и в... языке. Родство языков финского, тюркского и монгольского признано уже многими учеными, особенно же двух последних» (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Спб., 1904. С. 179-180).

Говоря о том, что родство тюркских и монгольских языков признано многими учеными, Ч. Валиханов, по-видимому, имел в виду работу шведского ученого Н. Страленберга, который в своей работе «*Das Nord und Ostliche Theil von Europe und Asia*» (Стокгольм, 1730) тюркские и монгольские народы объединяет в «татарские народы» и указывает на их языковое родство. Имеется еще работа В. Шотта «*Versuch iiber olie Tatarischen sprachen*» (Berlin, 1836), автор которой считает, что родство алтайских языков является очень вероятной гипотезой.

Для обозначения слов, общих как для тюркских, так и для монгольских языков, Ч. Валиханов предлагает термин «общетюркско-монгольские слова». Этот термин ученые считают очень удачным. Он вполне приемлем и сейчас при исследовании тюрко-монгольских языковых отношений. В настоящее время генеалогическое родство тюркских и монгольских языков признается многими учеными, что показала проведенная конференция по проблемам общности алтайских языков.

Судя по данным, извлеченным из трудов казахских языковедов, в области общеказахско-монгольских элементов имеется масса созвучных элементов не только в области лексики, но и фонетики, грамматики. Общее отмечено в традиционных лексических пластах, относящихся к терминам «родство», «скотоводство», в словах, обозначающих особенности человеческого организма, явления природы. Отмечено много идентичного в области глаголов, различных аффиксов и т. д. Так как слова вышеприведенных тематических разделов лексики относятся к труднопроницаемой категории языка, то установление такого внушительного количества общих основ может свидетельствовать в пользу генеалогического родства тюрко-монгольских языков.

Что касается близкородственных уйгурского, киргизского, татарского и др. языков то, естественно, для Ч. Валиханова не представляло труда свободно изъясняться на этих языках. Он хорошо изучил и уйгурский язык и оставил после себя ряд высказываний, мыслей, наблюдений над этим языком: «Я старался во время своего пребывания в Кашгаре изучить уйгурский язык, на котором говорят в Кашгаре; язык этот совершенно неизвестен европейским ученым, они знакомы лишь несколько с книжным языком, похожим на джагатайский. В Малой Бухарии образовался под влиянием китайских форм

еще язык канцелярский, образчики, которого вскоре будут мною напечатаны в записках Восточного отделения Археологического общества. Я составил маленький словарь разговорного языка и записал много народных песен» (Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 403). Если бы Чокан не владел уйгурским языком, он, естественно, не смог бы говорить о различиях уйгурского языка от «книжного, похожего на джагатайский» и об образовании под влиянием китайских форм еще языка канцелярского. И к тому же, не зная уйгурского языка, Чокан не смог бы делить уйгуров по происхождению («по небольшим уклонениям в языке») на три народности.

А теперь о кара-кыргызах. «Один эпизод из поэмы «Манас», именно тризна по Кукотай-хану, — пишет Ч. Валиханов, — записан мною со слов киргизского сказителя. Вероятно, это первая киргизская речь, переданная на бумагу. Я занимаюсь переводом этого произведения киргизской поэзии и хочу составить маленький словарь, чтобы познакомить ориенталистов с наречием, до сих пор совершенно неизвестным» (Там же. С. 421- 422).

В рукописном фонде Ч. Валиханова исследователи действительно натолкнулись на словарик (правда, очень краткий, по-видимому, это было только началом словаря), составленный в виде двуязычного киргизско-казахского словаря, где Чокан Валиханов, не ограничиваясь словарным материалом, иллюстрирует чередование некоторых звуков, образование производных глаголов путем аффиксации.

Труды Ч. Валиханова, его стремление, интерес к различным языкам постоянно свидетельствуют о том, как важно знать (хотя бы иметь) сведения о том языке, носителем которого является тот или иной народ. В одной из незаконченных статей Ч. Валиханов возмущался крайне поверхностным знанием некоторыми западноевропейскими учеными тюркских языков и высказывал требование относиться к их изучению с научной добросовестностью.

В работах Ч. Валиханова ученые находят сведения о языке хакасов, чулымов, якутов. Касаясь их языка, Чокан считает, что они близки к чагатайскому с некоторой примесью финских, тюркских и монгольских слов. Изучение этих языков, по словам Ч. Валиханова, было бы очень полезно для тех ученых, которые стараются определить родство финско-тюрко-монгольских языков. Одним словом, следует согласиться с утверждением одного из молодых людей, который в споре о Чокане назвал его «великим полиглотом».

Следует отметить, что многие ученые с полным основанием приняли труды Ч.Валиханова по разным направлениям науки как методи-

ческие рекомендации для более глубокого исследования истории Востока. Вместе с ним в XIX веке вклад в науку Казахстана сделали видные российские и казахские учёные-востоковеды: П.П.Семёнов-Тянь-Шанский, Н.П.Рычков, П.М.Мелиоранский, В.В.Радлов, В.В.Бартольд, А.А.Диваев, А.Кунанбаев, И.Алтынсарин и другие.

С учетом многоплановой научной деятельности ученого решением правительства был создан институт истории, археологии и этнографии имени Ч.Валиханова; в Кокчетаве открылся университет имени Ч.Валиханова; в Петербурге функционировал музей его имени. В ряде НИИ России и Казахстана имелись отделения имени Чокана Валиханова. Была учреждена государственная премия его имени, а также стипендия лучшим студентам вузов. Труды великого ученого изданы на двадцати иностранных языках в различных странах мира.

Благодаря научному наследию Чокана Валиханова, научно-исследовательскими институтами Казахстана активизировались археологические, геодезические, лингвистические исследования; создана правительственная комиссия по ономастике и топонимии, которая, с учетом мнения народа, стала вносить предложения в правительство по пересмотру названий городов, населенных пунктов, улиц и памятных мест.

С начала XX века открываются научные организации, такие как Краевая станция по охране растений (1924), научно-исследовательского институт удобрений и агрономического почвоведения (1926). В 1925 году в Алма-Ате открылся санитарно-бактериологический институт.

Начали работать отделения Главного геологического комитета города Алма-Ата и Института цветных металлов. В 1927 образована казахстанская экспедиция АН СССР по комплексному исследованию природных ресурсов республики во главе с академиком А.Е. Ферсманом.

В 1932 году была создана казахстанская база Академии наук СССР, которая в 1938 году была преобразована в Казахский филиал Академии наук СССР, в котором перед началом Великой Отечественной войны работали 100 научных сотрудников, в том числе 3 доктора и 14 кандидатов наук.

К 1932 году в республике насчитывалось свыше 10 научно-исследовательских институтов и опытных станций, сотни опорных пунктов, лабораторий и метеорологических станций, несколько геолого-разведочных организаций. В них исследуются научные наследия Чокана в области определения pH поверхности почвы, а также воды Заилийского Алатау, в связи с чем совершенно неслучайно в свое вре-

мя он запрашивал из Центра соответствующие измерительные приборы.

8 марта 1932 года образована Казахстанская база АН СССР. Здесь работали секторы зоологии и ботаники. *Современный читатель* помнит, как Чокан сразу же по возвращении из Кашгарии, в г.Верном, не снимая экипировки, ушел в горы ловить бабочек, и собирать гербарий флоры и фауны в Аксайском ущелье. К началу 40-х годов XX века в республике работали 12 вузов, 11 научно-исследовательских и проектно-технологических организаций, 2 проектных института, 2 сельскохозяйственных опытных станции, 6 заводских научно-исследовательских и конструкторских подразделений, ботанический сад и зоологический парк в городе Алма-Ате.

В 1940 г. организовано Казахское отделение Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ)

В годы Великой Отечественной войны в республику были эвакуированы многие научные учреждения и высшие учебные заведения страны. Здесь трудились известные всему миру учёные — И.П. Бардин, Л.С. Берг, В.И. Вернадский, Н.Ф. Гамалея, И.И. Мещанинов, Н.Д. Зелинский, Л.И. Мандельштам, Н.В. Цицин, С.Г. Струмилин, А.М. Панкратова, А.Е. Фаворский, С.Е. Малов, В.Г. Фесенков, Г.А. Тихов, Б.А. Воронцов-Вельяминов и др.

В 1942 г. образованы Институт астрономии и физики, Химико-металлургический институт, в 1943 — Институты почвоведения, ботаники, зоологии и тропических болезней. В 1942-1945 годах созданы Институты химии, металлургии и горного обогащения, огнеупорных и строительных материалов, зоологии.

В 1945 г. начали работать Институты истории, археологии и этнографии, горного дела, почвоведения, сектор математики и механики.

В 1946 г. на базе Казахского филиала Академии наук СССР основана Академия Наук Казахской ССР.

Несмотря на общее снижение научных работ в Казахстане после 1991 года, за последние 15 лет казахстанской наукой достигнуты результаты, отдельные из которых имеют мировое значение.

По результатам исследований получено 877 патентов, разработано 136 образцов техники, созданы и испытаны 193 сорта сельскохозяйственных культур, выведено и апробировано 14 новых типов, линий и пород сельскохозяйственных животных. Подготовлена проектно-конструкторская и техническая документация для 36 наукоёмких производств.

В начале 90-х кризис в экономике и сокращение объёмов финансирования науки, а также резкое уменьшение заказов производственной сферы на научно-техническую продукцию привели к уменьше-

нию научного потенциала республики. Численность работников в науке сократилась более чем в 3 раза.

В 1996 году указом президента Казахстана Нурсултана Абишевича Назарбаева Национальная академия наук, Казахская академия сельскохозяйственных наук и Министерство науки и новых технологий Республики Казахстан объединяются в центральный исполнительный орган в составе Правительства Республики Казахстан — «Министерство науки — Академия наук РК».

В 1999 году Академия Наук была отделена от министерства, при этом все академические институты остались в составе министерства.

В 2003 году в Республике Казахстан научные исследования и разработки выполняли 267 организаций. Среди специалистов-исследователей 942 работника имеют ученую степень доктора, 2688 — кандидата наук.

Национальная Академия наук Республики Казахстан (Қазақстан Республикасының Ұлттық Ғылым академиясы) — это центр фундаментальной науки, высшая научная организация Казахстана.

В первый состав Академии вошло 14 академиков и 16 членов-корреспондентов, включая видных деятелей науки, техники и культуры Казахстана — академики М.О. Ауэзов, А.Б. Бектуров, И.Г. Галузо, М.И. Горяев, А.К. Жубанов, Н.Г. Кассин, С.К. Кенесбаев, Н.В. Павлов, М.П. Русаков, К.И. Сатпаев, Н.Т. Сауранбаев, Г.А. Тихов, В.Г. Фесенков, С.В. Юшков и другие.

За годы существования коллективам учёных и специалистам предприятий Казахской ССР за разработку и внедрение достижений науки и техники были присуждены Ленинские и Государственные премии.

Сегодня следуя заветам великого ученого в Казахстане функционируют около трехсот научных организаций, сформированы и реализуются целевые научно-исследовательские, технические программы в машиностроении, биотехнологии, атомной энергетике, переработке и хранении сельскохозяйственной продукции, сохранении и развитии генофонда сельскохозяйственных растений, животных и микроорганизмов, производстве фитопрепаратов и др.

Создаются необходимые условия и благоприятная среда для мощного развития экономики страны на основе достижений науки и техники.

На Международной конференции, посвященной 170-летию со дня рождения великого казахского ученого, путешественника и разведчика Чокана Валиханова, приняли участие российские, киргизские, узбекские и казахстанские ученые, представители казахской диаспоры, национально-культурных центров из других стран, политики, военные и дипломаты. Выступающие осудили утверждения некоторых историков, что основные научные труды Чокана уже исследова-

ны. «Чокана Валиханова нужно читать в подлиннике, между строк и очень внимательно», — заявил один из докладчиков.

Участники встречи единогласно отметили, что научные открытия Чокана Валиханова поставили его в один ряд с величайшими учеными мира.

Изучение исторических документов, включая пятитомное издание Чокана Валиханова, монографии М.А. Сарсенбаева «Международно-правовые отношения государств Центральной Азии», повести С. Бегалина «Чокан Валиханов», романа С.Муканова «Промелькнувший метеор», С.Маркова «Идущие к вершинам», В.Захарова «Тайные войны Востока», И.Стрелковой «Валиханов», его переписки с Ф.М.Достоевским, Г.Потаниным и другими писателями-демократами, а также документальных материалов о его службе в подразделениях и департаменте Министерства иностранных дел России дают основание утверждать, что он был прежде всего великим ученым, выдающимся государственным и политическим деятелем, а также блестящим дипломатом и разведчиком.

*Мой предок могучий, я слышу твой зов,
Дошедший ко мне через толщу веков.
Узнай, что мечта не погибла - живет,
Тот мальчик спасенный продолжил наш род.
Я этого гордого племени сын,
От первого крика до поздних седин,
А значит и ты уцелел от меча...*

(Мухтар Шаханов)

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

Оперативная обстановка в России и Центральной Азии.

Добровольное и насильственное вхождение в состав России.

Каратели и их карьера. «Ползучая экспансия».

Политика «кнута и пряника». Опасные контакты.

Великий просветитель. Оппоненты. Взгляд со стороны.

Недобросовестные доброжелатели.

Чокан Валиханов как истинный самородок (М.Сексенбаева), как и его предок Чингисхан (Д.Банзаров), и как потомок мудрого Аз-Тауке (Ш.Кудайберды), будучи гениальной личностью (Н.Веселовский, Е.Ковалевский), следуя заветам великого прадеда Абылай хана (С.Муканов), смотрел дальше, видел больше и стоял выше своего времени (С.Марков). В экстремальной ситуации, он твердил: «Человек предполагает, а Бог располагает». Уповая на милость Всевышнего, Чокан в своей слишком короткой жизни на Земле, сумел сделать то, что было не под силу многопрофильному научно-исследовательскому институту. То, что он сделал по линии внешней разведки в интересах России и своего многострадального народа, поражает воображение.

Без всякого преувеличения можно сказать, что демократические воззрения Чокана стали формироваться «с колыбели». Помните легенду о том, как он еще младенцем заговорил с гостями. В формировании его взглядов на окружающий мир огромную роль сыграла бабушка Чокана — Айганым, первая ханша, а затем первая султанша в Казахстане, сумевшая, после смерти мужа — Вали хана, сохранить за родом Абылай-хана Черный шанырак — символ ханской власти, передаваемый по наследству из поколения в поколение от Великого Кагана.

Чокан Валиханов в годы учебы в Омском кадетском корпусе, по свидетельству его ближайшего друга Г. Н. Потанина, упорно готовился стать исследователем Казахской степи, Средней Азии и Восточно-

го Туркестана. Для того, чтобы понять современное ему состояние жизни народов этого региона, он стремился глубоко и основательно изучать их прошлое: его интересовали и история, и этнография, и фольклор, и язык. Вот как он понимал значение исторических преданий: «Если исторические сказания Гомера и предания, собранные по слухам Геродотом, имеют сколько-нибудь достоинство историческое, если всякое искаженное, баснословное предание имеет в основании своем происшествие и истину, то, нет сомнения, что положительные и последовательные сказания казахов, их образ жизни, обычаи и нравы современные, отражающие быт их предков и при сличении во всем согласные с историческими указаниями, могут иметь значение историческое» (Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 388).

В научных трудах и общественной деятельности Чокана Валиханова, как и в последующем в художественном, поэтическом творчестве Абая Кунанбаева, его борьбе за просвещение, в педагогической и творческой деятельности Ибрая Алтынсарина, проявились особенности казахского просветительства как самого передового общественно-исторического движения в Казахстане в XIX в. Поколения казахских ученых-просветителей высоко ценили роль Чокана Валиханова в просвещении и развитии науки, в скорейшем преодолении экономической и культурной отсталости казахского народа, в приобщении казахов к передовой европейской культуре.

Демократические и просветительские взгляды Чокана Валиханова по своей значимости выходили за рамки национального достояния. Само собой разумеется, что такая постановка проблемы не может оторвать Валиханова от национальной почвы. Его мировоззрение отражало специфические условия Казахстана, но это не мешало ему быть приверженцем передовой общественно-философской мысли России, выраженной демократами. «Можно с полным основанием сказать,— пишет академик П. Н. Федосеев, — что Чокан Валиханов является сыном двух народов, носителем двух побратавшихся культур — русской и казахской» (Пыпин А.Н. О Чокане Чингисовиче Валиханове // Цит. по: Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. С. 84).

В системе философских взглядов Ч. Ч. Валиханова ведущую роль играла идея общественного прогресса, которую он проводил во всех своих работах, будь то исследование «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды», обзор «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нан Лу (Малой Бухарии) в 1858-1859 годах», либо «Записка о судебной реформе». Одним из жи-

вотрепещущих вопросов казахского народа — вопрос о путях прогресса Казахстана — стал сердцевинной общественно-политических воззрений ученого.

Ч. Ч. Валиханов был философом-просветителем, а просвещение, как известно, являлось политической идеологией, философией и культурой, зародившейся в недрах позднефеодальных отношений, в преддверии капиталистического способа производства. К ученому в полной мере могут быть отнесены характерные черты просветителя это — отстаивание интересов народных масс, главным образом, простых людей, искренняя вера в то, что отмена крепостного права в России и его остатков принесет с собой общее благосостояние и казахам и искреннее желание содействовать этому. Данная оценка идеологии просвещения в целом является основой методологического подхода при исследовании творческого наследия Ч. Валиханова.

С понятием революции Чокана познакомил еще в корпусе преподаватель истории Гонсевский, человек образованный и передовых взглядов. Но Чокан никогда не был сторонником революционного преобразования общества. Попытка советских ученых сделать из него Робеспьера не увенчалась успехом. Он никогда не призывал «Русь к топору». Историки советского периода постоянно утверждают, что на Певческом мосту Ф.М.Достоевский резко прервал горячий спор о будущем России, упрекнув Чокана словами «К топору зовете, батенька?!» Кто поверит в то, что Чокан всего лишь за один год пребывания в Петербурге, стал подлинным революционером? М.Сексенбаева правильно возмущается попытками историков сделать из Чокана подлинного революционера.

Да, это правда, что Гонсевский читал курс истории общественных движений и, кроме того, приглашал способных учеников к себе домой. Не только седая древность, но и XIX век были темами его занятий и бесед. Он не проходил мимо Великой французской революции 1789-94 годов, подробно рассказывал о ее наиболее значительных событиях и выдающихся деятелях. Чокан имел представление и о революционных потрясениях первой половины века в Европе, и о недавней революции 1848 года. Знал он, конечно, и о восстании декабристов, знал, что это было восстание дворян, стремившихся свергнуть плохого царя и посадить на его место хорошего. Он относился к ним с душевной симпатией, слышал о них много лестного, но не разделял образа их действий.

На формирование мировоззрения Чокана Валиханова глубокое воздействие оказали специфические условия предреформенной России,

стоявшей накануне отмены крепостного права. Чокан рано познакомился с идеями, волновавшими русское общество. Чтение журналов «Современник» Н.Г.Чернышевского, «Колокол» А.И. Герцена, статей В.Г. Белинского, тесное общение с петрашевцами, отбывавшими ссылку в Сибири, — все это помогло определить молодому Чокану Валиханову свое место на передовых рубежах просветителя-демократа.

Во многих своих статьях, очерках, путевых заметках Валиханов выступает как публицист: для него характерен живой интерес к истории, злободневным вопросам современной социальной жизни народа, раздумья о настоящем и будущем казахского общества.

Демократические взгляды казахского просветителя, защита им интересов бедноты нашли яркое выражение, в частности, в «Записке о судебной реформе», в которой он со всей определенностью подчеркивал, что мнение степных аристократов — султанов, биев и других знатных людей — ни в коей мере не отражает подлинных интересов трудового народа. Чокан Валиханов не устал повторять, что антинародная политика самодержавия тормозит экономическое развитие и культурный прогресс в Степи, насаждая консервативные формы жизни и религиозный обскурантизм. «Мы просим и требуем, — писал он в статье «О мусульманстве в Степи», — чтобы правительство не покровительствовало религии, враждебной всякому знанию, и не вводило бы насильственно в Степь теологических законов, основанных на страхе и побоях» (подробнее см. в разделе «Исламский фактор в жизни Чокана. Б.К.).

Чокан Валиханов действительно был первым просветителем из казахской среды, который аргументированно обосновал мысль об определяющей роли европейской культуры и просвещения в становлении материального и духовного прогресса своего народа, указал на огромное влияние европейской культуры в пробуждении социального и нравственного самосознания казахов, приобщения их к сфере передовых социально-политических и нравственных идей». (Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1979).

Огромной заслугой Ч. Валиханова является то, что он сумел глубоко и верно понять историческую необходимость взаимного сближения России и Казахстана и стремился использовать этот процесс для того, чтобы возможно быстрее вывести свой народ из состояния средневековой отсталости и нищеты. Это сделали колонизаторы и войны. Поэтому он и выступил решительным критиком царских колони-

альных властей, чинивших произвол и беззаконие в казахской степи. Во многих произведениях, особенно в письмах к своим русским друзьям, он с крайним возмущением пишет о царских чиновниках, которые, пользуясь отсталостью и темнотой казахских трудящихся, подвергают их форменному грабежу. «Берут страшно и явно...» — с гневом пишет он о действиях степной администрации (Ч. Валиханов. Избранные произведения, стр. 581.)

Одна из важнейших граней жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова — его связь с русской и западноевропейской культурой и литературой. Эта проблема может рассматриваться в нескольких аспектах: изучение Валихановым русской и западноевропейской литературы в Омском кадетском корпусе и в последующие годы; взаимоотношения и дружба Чокана Валиханова с деятелями русской литературы и культуры; Валиханов в Петербурге в кругу русских писателей и поэтов; литературная среда Валиханова; обращение Валиханова к русским летописям как к источнику исторических сведений и фактов; Ч.Ч. Валиханов и русская фольклористика 50-х — 60-х гг. XIX в; явления и факты русской литературы XVIII — и первой половины XIX в. в трудах Валиханова; образцы античной литературы — литературы древней Эллады и Рима в трудах Валиханова; имена и отдельные высказывания писателей западноевропейской литературы в трудах Валиханова; Валиханов в оценке русской дореволюционной печати, образ Валиханова в произведениях русских писателей. (Ш.К.Сатпаева).

Активное формирование демократических воззрений Чокана Валиханова уже в зрелые годы Г.Потанин описывает следующим образом: «В гостиной Екатерины Ивановны собирался цвет омской интеллигенции: молодые офицеры Генерального штаба, чиновники Главного управления, окончившие высшую школу, художники, друзья Капустина Семена Яковлевича, в числе которых — офицер Генерального штаба Померанцев, политический ссыльный-петрашевец Дуров. Если через город Омск проезжал какой-нибудь ученый-путешественник или профессор, как, например, П. П. Семенов, он непременно попадал в гостиную Екатерины Ивановны. Словом, здесь собиралось интересное, образованное и либеральное общество. Здесь читали и поклонялись Чарльзу Диккенсу; с жадностью глотали переводы из Гейне и декламировали его стихотворения; у журнала «Современник» было обыкновение в январской книжке на обложке печатать о литературных новинках, которые будут помещены в грядущем году, и сердца в доме Капустиных замирали от ожидания и вопроса, что-то расскажет в своей новой повести Тургенев? Этот дом имел большое влия-

ние на образование общественного мнения в Омске. Я не был приглашен к Капустиным, но все-таки дыхание их дома чувствовал на себе, тем более, что между ним и мной связующим звеном являлся Чокан, который поочередно обедал то у Капустиных, то у Гутковского».

Социально-экономические воззрения Ч. Валиханова сложились в тот период, когда патриархально-феодалные отношения в казахском обществе уже вступали в полосу «разложения» не без активного вмешательства российских специальных служб, когда заметно усилилась колониальная политика царизма.

Современный читатель хорошо знает, что в 60-е годы XIX в. происходит практическое завершение «добровольного» присоединения Казахстана к России. Именно с этим была связана подготовка реформ по управлению краем, направленных на закрепление колониального статуса Казахстана. Реформы затрагивали основы устоев жизни кочевников. Суть их выражалась в объявлении казахской земли собственностью российского государства и предоставлении ее в «арендное» пользование казахских общин, что открывало широкий простор для последующего изъятия земли. Основные положения реформы 1867-1868 гг. сохранились с небольшими видоизменениями вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Будучи очевидцем готовящихся реформ и зная основные их положения, Валиханов обращает внимание на те проблемы, которые порождались предстоящей ломкой хозяйства. Сама обстановка готовящихся реформ, затрагивая коренные интересы трудового народа, создавала условия для творческой постановки целого ряда принципиальных проблем, прежде всего проблемы выбора путей общественного развития. Для определения этого выбора необходимо было знание особенностей кочевого хозяйства, казахской общины, классовой структуры казахского общества, экономических интересов различных классов. Этими знаниями Валиханов был вооружен в достаточной степени. Валиханов постоянно следил за передовой общественной мыслью, внимательно изучал ее, чтобы ответить на вопросы, порождаемые предстоящей ломкой устоев жизни своего народа (Д.Кабдиев).

Гневно и страстно бичевал Ч. Валиханов тех авторов (а их было немало в зарубежных научных трудах), кто пропагандировал европоцентристские взгляды и пренебрежительно относился к народам Востока, особенно кочевым. Приведем его слова: «В Европе до сих пор господствует ложное понятие, представляющее кочевые племена в виде свирепых орд и беспорядочных дикарей. Понятие о кочевом монголе или киргизе тесно связано с идеей грубого и скотоподобного варвара.

Между тем, кочевые народы имеют высокую культуру, имеют свою литературу — письменную или устную » (Веселовский Н. И. Предисловие // Сочинения Чокана Чингизовича Валиханова).

В подзаголовке (107) книги «Великая Русь и Великая Степь» — «Неполноценных этносов нет!» Л.Н.Гумилев пишет: «Теперь, когда весь арсенал этнологической науки в наших руках, и мы знаем о невидимых нитях симпатий и антипатий между суперэтносами, настало время поставить точки над і в вопросе о «неполноценности» степных народов и опровергнуть предвзятость европоцентризма, согласно которому весь мир — только варварская периферия Европы».

Известный писатель В. Чивилихин в романе-эссе «Память» крайне негативно отзывался о кочевых народах Средней Азии, за что был подвергнут резкой критике М.Барманкуловым. Чтобы обосновать подобное отношение к «варварам», Чивилихин обратился к высказываниям исторических личностей России. В частности, он привел следующие цитаты:

1.Высказывания А.С.Пушкина. Первый вариант В.Чивилихина: «Русские необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились в степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной Россией ...»*

Второй вариант В.Яна в качестве эпиграфа к роману «К последнему Морю» (Москва, «Правда». 1984):«России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвра-

---

* В.О.Ключевский в речи, произнесенной на торжественном собрании Московского университета 6 июня 1880 г. в день открытия памятника А.С.Пушкину, сказал: « ...Но его нельзя обойти и в нашей историографии, хотя он не был историком по ремеслу. Вернее, он только мало знал отечественную историю, хотя и не меньше большинства образованных русских своего времени. Но он живет их чувствовал этот недостаток и гораздо более их размышлял о том, что знал. Из его заметок и журнальных статей видим, какое сильное впечатление произвел на него исторический труд Карамзина, как он следил за современной исторической письменностью. По мере созревания его мысли и таланта усиливалась и его историческая любознательность. В последние годы, как известно, он много занимался родной стариной даже в архивах. Он иногда обращался к русскому прошедшему, чтобы найти материал для поэтического творчества, взять фабулу для поэтического создания («Исторические портреты». М. Из-во «Правда» 1990. Б.К.)

тились на *степи* своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...». Пусть простит меня *Современный читатель*, но термин «издыхающий» в смысле «**издохнуть**», «**подохнуть**» в истории России великий А.С.Пушкин никак не мог написать собственноручно.

2.Высказывание Н.Г. Чернышевского: «Нет, не завоевателями и грабителями выступают в истории политической русские, как гунны и монголы, а спасителями, спасителями от ига монгольского, которое они сдержали на мощной вые своей, не допустив его до Европы, быв стеной ей, правда, подвергнувшейся всем выстрелам, стеною, которую вполонину разбили враги».

Николай Гаврилович Чернышевский, перед талантом которого преклонялся Чокан Валиханов, не мог не знать, что западную цивилизацию и саму Россию от «варваров» спасли тюркские народы Великой Степи, которых перечисляет К.Данияров. Это же подтверждает Л.Н.Гумилев.

3. Высказывание А.И.Герцена: «Татары пронесли над Россией подобно туче саранчи, подобно урагану, сокрушающему все, что встречалось на его пути. Они разоряли города, жгли деревни, грабили друг друга и после этих ужасов исчезли за Каспийским морем, время от времени посылая оттуда свои свирепые орды, чтобы напоминать покоренным народам о своем господстве. Материальный ущерб после неоднократных опустошений привел к полному истощению народа, он согнулся, под тяжким гнетом нищеты. Люди бежали из деревни, никто из жителей не чувствовал себя в безопасности. Именно в это злосчастное время, длившееся около двух столетий, Россия и дала обогнать себя Европе».

Нет сомнения в том, что А.И.Герцен, всю свою сознательную жизнь проживавший за границей, попал под сильнейшее влияние тенденциозных персидских историков и европейцев Лео де Хартог, К.д.Остон о Чингисхане и его походе на Восточную Русь. Жаль, что сегодня российские альтернативные историки всячески уклоняются от анализа социально-политической подоплеки высказываний великих людей России. Так, Г.В.Носовский, А.Т.Фоменко, А.Бушков, К.Пензев и др. «согласно новой хронологии», сдвинув историю Востока на 400 лет вперед, пришли к выводу, что Чингисхан не кто иной, как Мстислав Удалой; Дмитрий Донской – Иван Калита; Батый – русский царь Борис и т.д. Одним словом, все имена монгольских ханов Золотой Орды являются псевдонимами русских князей. Мне лично представляется более логичным было бы вначале опровергнуть тезис

о варварстве монголов и только затем постараться подгонять Чингисхана и его потомков под «действительные имена» русских князей.

Вместе с тем именно А.И.Герцен опубликовал в журнале «Колокол» статьи Чокана Валиханова о киргиз-кайсаках, за что как издатель, так и автор подверглись гонениям со стороны царской контрразведки.

«В странах же Западной Европы предубеждение против неевропейских народов родилось давно. Считалось, что азиатская степь, которую многие географы начинали от Венгрии, другие — от Карпат, — обиталище дикости, варварства, свирепых нравов и ханского произвола. Взгляды эти были закреплены авторами XVIII в., создателями универсальных концепций истории, философии, морали и политики. При этом самым существенным было то, что авторы эти имели об Азии крайне поверхностное и часто превратное представление. Все же это их не смущало, и их взглядов не опровергали французские или немецкие путешественники, побывавшие в городах Передней Азии или Индии и Китая. К числу дикарей, угрожавших единственно ценной, по их мнению, европейской культуре, они причисляли и русских, основываясь на том, что 240 лет Россия входила в состав сначала Великого Монгольского улуса, а потом Золотой Орды. Эта концепция была по-своему логична, но отнюдь не верна. Поэтому именно это лжеучение заразило даже А.С. Пушкина» (Л.Н.Гумилев).

Появление в «Колоколе» материалов о Степи, которые мог сообщить лишь Валиханов, не только свидетельство связей сибирского кружка и самого Чокана тайными путями с Лондоном или с друзьями Герцена в Европе. В то время, когда за «Колоколом» следила и вся демократическая и либеральная общественность, вся правительствующая Россия — вплоть до «первоприсутствующих лиц» омского областного правления, упомянутых в письме к издателю, — Валиханов, по сути, открыто, во всеуслышание заявил о своей демократической позиции.

Благодаря тесным контактам с передовой русской интеллигенцией, Чокан Валиханов имел возможность совершенствовать и углублять свои демократические воззрения, следствием чего явились его статьи в российских и зарубежных изданиях. По рекомендации Ковалевского его избрали членом Общества помощи нуждающимся литераторам и ученым, и, следовательно, Валиханов принимал участие в вечерах, которые устраивал Литературный фонд и на которых выступали известнейшие писатели. Потанин сообщает в своих воспоминаниях, что Чокан, кажется, был представлен Тургеневу — они могли встретиться и у Бекетова, близкого друга Тургенева.

Но всех ближе к Чокану стоял Ф.М. Достоевский. И для последнего «молодой киргиз — частица той Сибири, что осталась в памяти как время счастливое, давшее все те идеи, которые Достоевский, по его уверению, впоследствии только развивал».

На общественно-политической арене Ч. Ч. Валиханов появился в то время, когда усилился процесс дальнейшего сближения Казахстана с Россией и вследствие этого достигли крайней остроты противоречия между сторонниками и противниками перехода казахов в русское подданство. Поэтому на формирование его мировоззрения оказали огромное влияние, прежде всего, внутренние исторические условия Казахстана и России.

Теоретически источниками формирования взглядов Валиханова как просветителя XIX в были: во-первых, лучшие народные культурные традиции, воспринятые им из казахского устно-поэтического творчества и письменных памятников прошлого; во-вторых, классические образцы произведений древних и средневековых мыслителей Востока; в-третьих, русская материалистическая философия и демократическая культура, а через нее — достижения мировой (прежде всего западноевропейской) философской мысли. Отметим, что для той эпохи обращение к наследию великих русских революционных демократов было фактом огромного значения, по сути явилось залогом будущего расцвета казахской общественно-философской мысли (М.С.Бурабаев).

Уделяя главное внимание своим научным занятиям, он в то же время с большим интересом наблюдал и за общественно-политической жизнью столицы России, слушал лекции в университете, общался со многими сотрудниками журнала «Современник». Личная дружба Чокана Валиханова с выдающимися деятелями русской культуры и науки, тесное общение с ними в большей мере определили направление и характер его просветительской деятельности и общественно-политических взглядов. Он поддерживал дружеские отношения с учеными-востоковедами Г.Н. Потаниным, И. Березиным, А.В. Васильевым, ссыльным петрашевцем С.Ф. Дуровым и другими. К научным работам Чокана Валиханова проявил интерес также и П.П. Семенов-Тянь-Шаньский.

Видные ученые-востоковеды стали друзьями Чокана. Он сблизился с профессором А.Н. Бекетовым, редактором «Записок Русского географического общества», с Ф.Р. Остен-Сакеном, с И.И. Захаровым, профессором Петербургского университета, бывшим консулом в Кульдже, с В. В.Вельяминовым-Зерновым.

Через Аполлона Майкова Чокан познакомился с братьями Василием и Николаем Курочкиными, поэтами, близкими с Н.Г. Чернышевским. «Какой замечательный человек этот Чернышевский и как хорошо он знает жизнь не только русских! — восторженно писал Чокан. — Я после беседы с ним окончательно укрепился в том смысле, что мы без России пропадем, без русских — это без просвещения, в деспотии и темноте, без русских — мы только Азия и причем другими без нее не можем быть. Чернышевский — это наш друг».

Общественно-политические и философские воззрения Ч. Валиханова формировались в сложной исторической обстановке. 40-60-е годы прошлого столетия — это период, когда завершался длившийся более ста лет процесс «добровольного» присоединения Казахстана к России.

Но этот процесс не был плавным, спокойным. Казахи, убеждаясь, что они теряют законные права на собственные земли, оказывали упорное сопротивление присоединению к России. Вместе с тем и в самой России происходили важные события, оказавшие серьезное влияние на экономическое и политическое развитие национальных окраин. В середине девятнадцатого столетия в стране обострилась политическая и идеологическая борьба в связи с кризисом крепостничества.

Передовые просветительские идеи Ч. Валиханова ярко отражены в его высказываниях о положении в среднеазиатских ханствах. Хорошо зная жизнь среднеазиатских народов, страдавших под гнетом феодальных ханов и беков, он в своих работах обличает феодальный засстой и деспотизм, с сожалением говорит об отсталости народов Средней Азии: «В Маврельнагре..., — писал Ч. Валиханов, — в самой просвещенной и богатой стране древнего Востока..., теперь господствует невежество и бедность более, чем где-нибудь. Библиотеки Самарканда, Ташкента, Ферганы, Хивы, Бухары и проч., обсерватория в Самарканде безвозвратно погибали под беспощадной рукою татарского вандализма и бухарской инквизиции, которая предала проклятию всякое знание».

Вместе с тем он убежденно отстаивал идею дружбы народов и потому выступал против национальной ограниченности и косности, замыкания в узких рамках, к чему призывали идеологи казахской аристократии. В значительной степени это объяснялось влиянием декабристов и петрашевцев, находившихся в ссылке в казахских степях, а также русских социал-демократов, которые выступали за демократические преобразования, за просвещение широких народных масс.

Примечательна глубокая личная дружба Ч. Валиханова с Ф.М. Достоевским, Г.Н. Потаниным, К.К. Гутковским, М.М. Хоментовским, тесные связи с П.П. Семеновым-Тянь-Шаньским, Е.П. Ковалевским. Широко известно письмо Ф. Достоевского Ч. Валиханову: «Я так Вас люблю, что мечтаю о Вас и судьбе Вашей по целым дням. Конечно, в мечтах я устраивал и лелеял судьбу Вашу. Но среди мечтаний была одна действительность: — это то, что Вы первый из Вашего племени, достигший образования европейского».

Будучи патриотом, Ч. Валиханов постоянно стремился защищать права своего народа, верил в его историческое будущее и связывал его с просвещением. В. В. Бартольд писал, что «народ свой он любил — это бесспорно... Он говорил, что прежде всего любит свой киргизский народ, потом Сибирь, потом Россию, потом все человечество».

Определенную роль в формировании взглядов Валиханова сыграли и его связи с передовыми офицерами, служившими при соседнем генерал-губернаторстве Восточной Сибири в Иркутске. Там среди офицеров ценились люди либерального образа мысли, а в ссылке находились видные деятели революционного движения. По воспоминаниям П.А. Кропоткина, служившего в Восточной Сибири с 1862 г., у начальника штаба генерала Б.К. Кукеля имелась полная коллекция герценовских изданий. Валиханов был хорошо знаком со старшим адъютантом генерал-губернатора Восточной Сибири М.И. Венюковым, который позже был нелегальным корреспондентом «Колокола», помогал Э. Реклю материалами о России при подготовке его универсальной географии, в работе над которой участвовали также П.А. Кропоткин и Л. И. Мечников. Эти лица также могли передать в редакцию запрещенные материалы Чокана.

Дополняет представление о связях Валиханова с русской революционной демократией (в том числе и эмиграцией) еще одно его знакомство, остававшееся до сих пор в тени. Известно, что в письме от 6 июля 1860 г. отец Валиханова передавал сыну поклон от «адъютанта Соколова». А.Х. Маргулан в примечании к тексту этого письма при его публикации уточнил: «адъютант Соколов» — это «инженер-полковник Соколов». Затем в собрании сочинений уточнял примечание о Соколове по сравнению с публикацией в журнале, хотя примечания о других упомянутых в том же письме лицах оставались без изменений. Однако «адъютант Соколов» так и не был найден. По нашему мнению, речь идет о сослуживце Венюкова, близком знакомом Бакунина, в определенной мере даже его единомышленнике — Николае Васильевиче Соколове, старшем адъютанте генерального штаба войск

Восточной Сибири. Летом и осенью 1860 г. Н. В. Соколов совершил поездку за границу. Видимо, перед отъездом за границу летом 1860 г., проезжая через Омск, Соколов виделся с отцом Валиханова и передал через него поклон своему коллеге, находившемуся уже в Петербурге. Во время своей заграничной поездки 1860 г. «Соколов многократно встречался с Герценом и Пруденом (последнего ему рекомендовал Герцен), а возвратясь в Петербург в конце сентября (по н. ст.), провез легальную литературу. Не имела ли эта поездка Соколова за границу, его возвращение, связи с намерением (С. Ф. Ударцев. Простор, 1960, № 9) передать в журнал «Колокол» запрещенные в России материалы Чокана о политической ситуации в Центральной Азии?

Ч. Валиханов постоянно защищает интересы (права) «простого народа» (большинства) по отношению к «знатым» (меньшинству). Казахский ученый открыто заявляет, что государству «нужен народ, а не султаны, ибо математически 100 вернее, полезнее, чем 10». Он считает недопустимым, даже реакционным тот факт, когда царская администрация при составлении различных законоположений за народное мнение принимает только желания местных эксплуататоров, которые «не заслуживают уважения, ибо интересы целой нации по строгой справедливости должны предпочитаться выгодам отдельного сословия». Это его высказывание идентично положению Чернышевского, утверждавшего, что «общечеловеческий интерес стоит выше выгод отдельной нации, общий интерес целой нации стоит выше выгод отдельного сословия, интерес многочисленного сословия выше выгод малочисленного» (Чернышевский Н.Г. Собр. соч. М., 1947. Т.3. С. 244).

Валиханов не разделял платформы либералов, осуждал их. И хотя, по словам Т. Н. Потанина, он «имел нежное сердце и острый ум, способен был на великодушные, самоотверженные поступки, но к идейным врагам своим относился с непримиримой враждой». (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. С. 92—93).

Выдающаяся заслуга Валиханова в том, что он смог отделить Россию Чернышевского, Герцена от России Романовых, и поэтому неслучаен тот факт, что он стал искать истину не в «царских предписаниях для инородцев», а в творчестве русских социал-демократов. Ученый глубоко осознал необходимость изменения существующих порядков, политического устройства в Казахстане и в целом в России. Он искал пути обновления общественного строя, и это привело его в лагерь прогрессивных русских мыслителей. Заметьте — не в «лагерь» революционеров.

Чокан Валиханов мечтал о «высокопросвещенном обществе», свободном от имущественного неравенства его членов и от угнетения человека человеком, с подлинно демократическим политическим строем. Он сознавал, что общественный прогресс связан с «улучшением материального благосостояния» человека и человечества. С его точки зрения, общественный прогресс означает не только просвещение народа, но и развитие экономики и социальной жизни. Ученый понимал, что сами политические формы и другие части надстройки общества находятся в необходимой зависимости от его экономического развития. Он также сумел связать существование классов с экономическими отношениями общества. Чокан полагал, что не собственность определяет политическое господство имущих сословий, а, наоборот, их политическое господство дает в их руки собственность. Но это никак не умаляет заслуг Валиханова в его борьбе с косностью, религиозным фанатизмом. Историческое значение имеет и его глубокое убеждение в том, что общественный и культурный прогресс казахского народа возможен только при содружестве с европейской культурой.

Ч. Валиханов ясно различал низшие и высшие ступени общественного развития, постоянно находился в поисках наилучшего пути экономического и культурного развития для народа. В «Записке о судебной реформе» он настойчиво подчеркивал, что «каждый человек отдельно и все человечество коллективно стремится в развитии своем к одной конечной цели — к улучшению своего материального благосостояния; и в этом заключается так называемый прогресс». В духовной жизни казахского общества того времени это была важная социальная идея.

Дальнейший прогресс казахского общества он мыслил только на пути развития просвещения, установления лучших форм правления, учитывающих местные особенности, постепенного совершенствования хозяйства, а также руководства обществом со стороны образованных, гуманных людей. Валиханов, как никто другой из казахских просветителей, испытал непосредственное влияние демократических идей на всю систему своих взглядов. Его давно уже волновали отношения «высших» и «низших», «богатых» и «бедных». Он наблюдал их в степных аулах, в Омске и в Петербурге. **Он верил в то, что когда-нибудь этот беспредел закончится и делал тайно и явно все зависящее от него.** Но он знал бесперспективность в одиночку оказать позитивное влияние на устоявшийся веками процесс. На данном этапе общественного развития он, на самом деле, не находил кардинальных путей выхода из него, а задавая вопросы своим знакомым и близким,

убеждался, что и они не могут на него ответить. *Постепенно ученый начал осознать, что причина кроется в самой системе. Теперь он знал, что ему предстоит сделать.* Однако углубляться в эту опасную тему он не стал, тем более ему не позволяли, как говорят, «погоны». Современный читатель знает, что, тем не менее, он смело бросился к своему шефу, чтобы вызволить Достоевского из-под ареста.

- Ваше превосходительство! Облегчите участь Достоевского, помогите ему скорее выйти из острога, сделайте все, чтобы и солдатская его служба была полегче. О Вас будут говорить с благодарностью в просвещенном Петербурге, о Вашем поступке узнают и в Европе.

Гасфорт поднялся с кресла, шумно вздохнул и, придав значительную осанку своей фигуре, задумчиво произнес:

- Как знать, может быть, ты и прав!

Чокан счел совсем не лишним польстить генералу, напомнив о его дворцовых связях.

- Вам будет это сделать проще, чем Муравьеву-Амурскому. Вас хорошо знают в придворных кругах и посчитаются с Вашим мнением.

Густав Христианович протянул что-то очень самодовольное, благозвучное и непонятное, а потом добавил четким голосом, которым привык отдавать команды:

- Составь приличествующее письмо на имя управляющего III отделением Собственной его императорского величества канцелярии генерал-лейтенанту и кавалеру Дубельту. Надеюсь, ты понял меня.

Письмо было составлено, подписано и отправлено в Петербург. Вскоре Ф.М. Достоевский был отпущен на свободу. Конечно, соответствующая бумага была составлена и до поры положена в сейф.

Вот другой разговор с отцом.

- Вспомни, отец, эти времена, — в раздумье говорил Чокан, — ни мой дед Уалихан, ни ты, мой отец, ничего не могли поделать с Кенесары вместе с русскими войсками. Его только смогли отогнать к подножьям Алатау, и не такие уж многочисленные киргизы расправились с ним, привезли его отсеченную голову в Омск. А хан Джангир, правда, не без помощи царских войск, подавил в крови восстание Исатая и Махамбета. Вот он и возвысился перед царем». В данном эпизоде Чокан показан как человек беспринципный с демагогическим уклоном, каким на самом деле никогда не был. **Чокан не осуждал противодействия казахских султанов и ханов против царских властей. Он, как ученый, пытался найти истинные мотивы этого противодействия.** Он их находил и излагал как устно, так и письменно. Чокан здесь больше осуждает Джангира, нежели Кенесары.

Современный читатель, очевидно, обратил внимание на то, что автор пытается рассказать об истории Казахстана в годы, предшествовавшие рождению Чокана Валиханова, и несколько десятилетий после его смерти. Период активной деятельности Чокана приходится на самый пик колониальной политики России в отношении казахского ханства. Чокан хорошо знал мотивы этой политики: что ей предшествовало; почему, при наличии огромной собственной плодородной территории, русские устремились в Степь; что побудило царизм форсировать присоединение казахских земель силовыми методами, несмотря на набирающие темпы добровольного воссоединения; почему именно в этот отрезок времени активизировались революционные движения в России; почему идеологи царизма насаждали русофильство и внедрение христианства в Средней Азии; почему российские власти покровительствовали феодальной казахской верхушке и продолжали нещадно эксплуатировать русских переселенцев и казахских жатаков.

Многие ученые и политические деятели второй половины XIX в. (В.В. Григорьев, М.И. Венюков, М.А. Терентьев, Ф. Мартене и др.) осмысливали итоги продолжительного движения России на Восток, искали его изначальные причины, судили и задумывались о последствиях присоединения края. Впервые в отечественном востоковедении тема присоединения Казахстана к России стала предметом научного анализа со стороны представителя казахского народа - Чокана Валиханова, человека, сочетавшего европейское образование с познаниями в области восточных культур.

Свои исследования по истории взаимоотношений Казахстана с Россией Ч. Валиханов основывал на солидном и разнообразном фундаменте источников, включающих документы Омского архива Пограничного управления Западной Сибири, фундаментальные труды русских и западноевропейских ученых XVIII-XIX вв., материалы русской и западноевропейской прессы. Но наибольший научно-практический интерес представляют непосредственные записи Ч. Валиханова о трагических событиях джунгарского нашествия первых десятилетий XVIII в., героях национально-освободительной борьбы казахского народа, выдающихся политических деятелях Центральной Азии XVIII в. (И.Ерофеева).

«Первое десятилетие XVIII в. было ужасным временем в жизни киргизского (казахского Б.К.) народа,— писал он в статье, посвященной хану Среднего жуза Аблаю,— преследуемые повсюду свирепыми джунгарами, киргизы, подобно стадам испуганных сайгаков...

бегут на юг... и, вступив во вражду с новыми соседями, киргизы обращаются к границам могущественной России, чтобы искать ее помощи и покровительства» (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 112). При изучении истории развития этих взаимоотношений Ч. Валиханов постоянно обращал внимание на такие важные побудительные стимулы к сближению, как обоюдная заинтересованность сторон в торгово-экономических контактах, а также целесообразность оказания взаимной военной помощи в борьбе против внешних врагов. Важно отметить, что в своей концепции русско-казахских связей Чокан Валиханов глубже других дореволюционных исследователей подошел к научному объяснению предпосылок присоединения Казахстана к России, указав на первенство в этом процессе объективных сил. Его оценка общественно-политической обстановки в Казахстане в первой четверти XVIII в. сыграла важную роль в утверждении материалистического взгляда на характер и прогрессивные последствия вхождения казахского народа в состав России. В основных чертах она легла в основу современной концепции присоединения (История Казахской ССР Алма-Ата, 1979. Т. 3. С. 28—30).

Чокан писал: «... В комплексе они представляют убедительные свидетельства в пользу того мнения, что принятие ханом Абулхайром российского подданства в 1731 г. не являлось политическим сговором царской администрации с правящей казахской верхушкой, как об этом настойчиво пытаются утверждать многие буржуазные историки, а было закономерным явлением, обусловленным логикой развития международных отношений в Центральной Азии и объективными политико-экономическими потребностями казахского общества в сближении с Россией».

Многие источники критически относятся к утверждениям Р.Жумалы, О.Сегизбаева, Ж.Абдильдина, Х.Аргынбаева о том, что Чокан так и «не сумел подняться до уровня классовой борьбы, ибо он сам принадлежал к высшему сословию казахской аристократии». Уважаемым историкам не следовало бы слово в слово переписывать друг у друга изначальную формулировку А.Маргулана, который написал, очевидно, под давлением жестокой цензуры тоталитарного режима.

Естественно, Чокан не только «не сумел подняться», он даже не пытался это сделать. Он видел собственными глазами все, что происходило в Степи, когда царские генералы огнем и мечом прокладывали дорогу к широкому насильственному завоеванию территории казахов. **Как сказал В.И. Ленин : «Мы пойдем другим путем!», так и Чокан пошел другим путем — документальным оставлением за казахами об-**

ширной территории, которую мы ныне называем Казахстаном. Когда спецслужбы поняли, что Чокан гораздо опаснее для царского режима, чем Кенесары, Срым Датов, они попросту его ликвидировали. Об этом можно прочитать в разделе «Загадочная смерть разведчика».

Как известно, дед Чокана Вали был одним из активных проводников цивилизованной царской политики в Средней Азии и многое сделал, как всенародно избранный хан, в активизации присоединения казахских земель к России. Бабушка нашего героя, Айганым, являлась самой популярной и авторитетной ханшей, а после официального назначения султаншей она также активно сотрудничала с российскими властями. Можно только восхищаться дипломатическими способностями Айганым, читая ее переписку с Петербургом по различным вопросам обустройства султаната (Собрание сочинений, т. 5.)

Что же касается султана Чингиза, то здесь однозначно можно утверждать об его активном сотрудничестве с российскими властями за расширение своего влияния не только в Кушмуруне или Сырымбете. Однако он же в последующем был зачислен в список неблагонадежных подданных России, о чем подробнее будет изложено в разделе «Объект царской контрразведки». Словом, вся родословная Валиханов, начиная с Аблай хана, так или иначе, была связана с российской внешней политикой в Средней Азии.

Как кадровый сотрудник внешней разведки, занимающийся вопросами сбора, анализа и оценки информации о политической ситуации в Средней Азии, Чокан постоянно находился в гуще происходящих событий в самой России. Чокану было доподлинно известно, что идеология царизма создавала и распространяла красивую ложь, начало которой положила сама царица Российской империи Екатерина Вторая. Она прекрасно знала, что крепостной крестьянин не имеет самых элементарных человеческих прав. За малейшую провинность помещик мог его избить, послать на каторжную работу, продать как раба, заставить женщин кормить грудью породистых щенков наравне со своим ребенком, выдавать замуж девушку после использования своего права первенства, не говоря о том, что крепостные часто голодали и умирали от истощения.

Чокан хорошо знал о «потемкинских деревнях» русского государственного и военного деятеля, одного из организаторов дворцового переворота 1762 года, ставшего фаворитом и ближайшим помощником Екатерины Второй Григория Александровича Потемкина. После них на арене истории появились другие императоры, государственные и военные деятели. Россия продолжала расширять границы сво-

их владений-больше стало в ней полей, лесов и рек. После отмены крепостного права, многие крестьяне оказались безземельными или страдали от малоземелья.

Чокан искренне сочувствовал тому, что русский человек проводит свою жизнь в тяжелом, изнурительном труде. Крестьянин ради своего благополучия все время старался работать хорошо и жить лучше. Но не получилось. Как показала история Российского государства, в этом виновен не сам человек, а деспотизм правителей, не обладавших необходимыми знаниями и умением. Будучи в Петербурге, Чокан на Певческом мосту хотел поделиться об этом с Ф.М. Достоевским, но получил неожиданно резкий ответ: «К топору зовете, батенька?» Тем не менее, Достоевский, как никто другой, хорошо понимал, что в России люди, населяющие огромное пространство, всей душой желали уйти куда-нибудь от этого проклятого богом царства.

Об оперативной обстановке в самой России С.Асипулы в книге «Танталовы муки Степи» пишет: «Александр Радищев в XVIII веке в своей знаменитой книге «Путешествие из Петербурга в Москву» с горечью отмечал: остался воздух, который власти не смогли забрать у крестьян. Изменилось только одно: отменено крепостное право. Крестьяне освобождены. Но почти без земли». Нужда и голод в России уносили тысячи, миллионы человеческих жизней. Возмущенный народ бунтовал (Болотников, Разин, Пугачев и др. Б.К.), захватывал помещичьи земли, перестал подчиняться управляющим, местным властям. В неурожайные годы народное недовольство охватывало целые уезды, губернии, регионы. Царские власти принимали решительные меры, беспощадно истребляя бунтовщиков. Таким образом, русская история стала историей двух противостоящих лагерей. С одной стороны, крестьянская масса, неимоверно пострадавшая от налогового гнета и безземелья, вынужденная работать на помещика за мизерную плату, и карательные отряды — солдаты в серо-зеленых шинелях, вчерашние сыновья тех же самих тружеников полей, присягнувшие на верность царю и Отечеству, с другой, — борьба непримиримых продолжалась с неистовой силой. Усмирения первых нередко сопровождались кровавым столкновением. Крестьяне в свою очередь не желали сдаваться «без пробы сил». С каждым днем усиливались озлобление и ненависть к существующему режиму. Помещики отняли у крестьян все последнее: землю, хлеб, волю. От произвола класса имущих пострадали не только крестьяне, но и городские обыватели — рабочие и мелкие служащие. Как и крестьяне, они протестовали. На фабриках и заводах участились забастовки. Люди бросали работу, требовали по-

вышения зарплаты, улучшения условий труда, качества жизни. Известно, что капиталисты, не знающие милосердия, заботы о человеке, о его здоровье, не хотели выполнять их требований. Они часто обращались к властям — просили усмирить забастовщиков, навести порядок. Однажды в Петербурге Чокан был вынужден взорваться и в грубой форме ответил одному барину, который сетовал на отсутствие стражей порядка, чтобы очистить публику: «А Вы разве не знаете, как Разин чистил публику?»

Царские власти не ограничивались избиением, расстрелом бунтовщиков. Всех, кто боролся за свои законные права - право на землю, труд, отправляли в тюрьмы, ссылали в Сибирь на каторжные работы. Тюрьмы, имеющиеся в каждом городе в достаточном количестве по всей необъятной Российской империи, никогда не пустовали. Будучи офицером по особым поручениям при Гасфорте, Чокан неоднократно сопровождал в Омскую городскую тюрьму казахов и русских, осужденных за различные преступления. Казахские земли постепенно заполнялись не только политическими ссыльными, но просто ненадежными крестьянами, рабочими и служащими разных рангов, неудачников из самой России. Отец Чокана — Чингиз постоянно укрывал у себя в доме царских ссыльных Дурова, Сотникова, Ядринцева и др, хлопотал за них перед властями, за что несколько раз был профилирован спецслужбами с вызовом в ставку генерал-губернатора.

Между тем в России происходили бунты и на их усмирение направлялись каратели. Расправа над соотечественниками стала нормой жизни русского общества, что стало преградой на пути прогресса и демократии. Слабые ростки цивилизации не смогли набрать силы. На частые схватки с обеих сторон затрачивалось много сил и энергии. Немалы были и материальные потери. Во время бунта в деревне крестьяне не работали. Спелые хлеба стояли неубранными, осыпались. Нескошенное сено перезрело. Скот лишился нормального ухода и кормления. Остро встал вопрос: как жить дальше?

Чокан неоднократно писал, что царские власти вынуждены держать огромную армию карателей, на содержание которой расходовалась огромная сумма денег. В разделе «Аудиенция» автор описал ответ Чокана на замечание начальника тайной канцелярии Блудова о том, что бунтовщик Кенесары Касымов приходится ему дядей. Тогда Чокан сказал следующее: «Кенесары больше нужен был целым и невредимым царским генералам, которые на его поимку тратили огромные средства из государственной казны». На самом деле, солдат надо было кормить, прилично одевать, снабжать всеми средствами,

нужными для подавления народных масс. Здоровые, сильные парни, не имея права работать на земле, выращивать хлеб и ухаживать за скотом, не производя никакого товара народного потребления, жили в казармах, ожидая очередного приказа о подавлении бунтовщиков и фабрично-заводских забастовщиков. Драгоценное время враждующих сторон, а также карательной армии и государственных чиновников затрачивалось впустую, вернее, работало во вред обществу. Ученый видел, что полуфеодалная отсталая Россия продолжала отставать от своих западных соседей в развитии экономики и культуры. Преуспели лишь в одном: в завоевании малых народов на Востоке и расширении владений за счет их земель.

С. Асипулы пишет: «Что нужно обездоленному человеку, обиженному помещиком и царскими чиновниками? Ради земли он готов пойти на край света, куда глаза глядят. Так появились у крестьян красивые мечты: во что бы то ни стало поехать в сказочный край и навеки обосноваться там. Трудиться в поте лица, не разгибая спины, и быстро разбогатеть. Таким образом, началось великое переселение русских за пределы своей исторической родины. А красивая ложь верно служила Российской империи, всячески оправдывая проводимую колонизаторскую политику царизма. При этом доказывала, что она несет культуру, образование, благополучие инородцам. Подобная атмосфера царила везде и всюду. Особенно в общественной жизни, психологии людей».

Чокан осознавал, что скудность материальных средств, вырученных от продажи жалкого хозяйства на родине, приводили к тому, что многие переселенцы, испытав в дороге нечеловеческие лишения, грабеж и произвол царских чиновников, добирались до места нищими, больными и принуждены были идти в кабалу к новым хозяевам — кулакам. Другая часть переселенцев, потеряв в трудной дороге не только средства, но и членов своих семей, в отчаянии возвращалась назад, туда, где уже не было ни кола ни двора, и где их ждала судьба батрака или нищенская сума.

В Серебряной книге говорится: «Орысы... Славяне, постепенно в течение ряда столетий втянувшие в свой этнос множество других племен, всегда соседствовали с Дешт-и- Кипчаком, чаще всего мирно, хотя порою и бывали взаимные столкновения... В крестьянское лихолетье первая волна переселенцев из западных и центральных губерний России хлынула на степные просторы... Многие через массу лишений все-таки находили свое место на новой земле.... Но аборигены (казахи) везде и всюду по доброму принимали своих будущих сосе-

дей — горемык переселенцев, изнищавших, изголодавшихся и жаждающих наконец обрести хоть какой-нибудь покой». (Н.Г.Савицкая, Г.Н.Кулагин, С.М.Чудин «Возжигая пречистые огни» А.Бис. 2004. С.267).

Всячески оправдывая захватническую политику царской власти, доказывали, что крестьяне из центральных губерний России переселены в малонаселенные районы с целью освоения свободных земель. Цитируем строки из Большой Советской Энциклопедии: «Переселенчество-перемещение сельского населения России в середине 18-го начале 20-го вв. на постоянное жительство в малонаселенные окраинные районы на свободные земли, вызванные аграрным перенаселением и аграрным кризисом» (БСЭ. М, 1975.Т.19. С. 400). Чокан всей душой протестовал против такого кощунственного обмана народных масс. Несмотря на очевидность процесса, в нашей исторической литературе утверждалось мнение о добровольности подданства, о добровольном присоединении Казахстана к России. В последние годы, желая несколько смягчить во многом противоречивый и весьма сложный характер этого процесса, стали говорить о вхождении Казахстана в Российскую империю чуть ли не по настоянию казахского ханства. Все это делалось с целью завуалировать сущность царской колониальной политики по захвату казахских земель и превращению Казахстана в сырьевой придаток империи.

По мнению современников Валиханова, он сохранил глубокую преданность своей родине, горячо любил казахский народ, но «вместе с тем умел высоко ценить западную цивилизацию и предвидел для своего народа отрадную будущность только» вместе с Россией. «Он искренне любил Россию, видел ее недостатки и вместе с лучшими людьми горячо желал ее обновления» (Федосеев П.Н. Поборник прогресса и дружбы народов. // Казахстанская правда, 1985, 20 сен).

В своем письме Достоевский дает Чокану полезные советы, призывает его к служению родному народу, рекомендует попробовать свои силы на ниве публицистики. Он пишет: «Не бросайте заниматься. У Вас есть много материалов. Напишите статью о степи.... Вы бы могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей родине. Например, не великая ли цель, не святое ли дело растолковать в России, что такое степь, ее значение и Ваш народ относительно России... Вспомните, что Вы первый киргиз, образованный по-европейски вполне. Судьба же Вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дала Вам и душу и сердце. Нельзя, нельзя отставать». Эти-

ми горячими призывами Достоевский побуждал Чокана действовать активно на поприще просвещения народа. Чокан во имя высоких целей работал «на износ», для каких целей — Достоевский, видимо, знал. Он, очевидно, догадывался над истинным смыслом слов Чокана: «Когда-нибудь потомки меня поймут, Гриша».

Достоевский писал: «Я Вас так люблю, что мечтаю о Вас и о судьбе Вашей по целым дням. Конечно, в мечтах я устраивал и лелеял судьбу. Но среди мечтаний была одна действительность — это то, что Вы первый из Вашего племени, достигший европейского образования. Уже один этот случай поразителен и сознание о нем невольно налагает на Вас и обязанности... Прощайте, дорогой мой, и позвольте Вас обнять и поцеловать...». Вот эти обязанности Чокан выполнял в полном объеме во имя будущего своего народа.

Практически все современники Чокана Валиханова, написавшие о нем по разным направлениям его научной деятельности, единогласно отмечают, прежде всего, высокий уровень демократических воззрений. В памяти потомков демократ, просветитель и ученый Ч. Валиханов навсегда остался как борец за общественный прогресс, просвещение и подъем культуры казахского народа, за территориальную целостность казахских земель, свободу и независимость своего многострадального народа.

УЛОЖЕНИЯ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

Политическая и административная обстановка.

Международное право. Обычное право казахов.

Судебные реформы. Уложения великих предков.

Узаконенное беззаконие.

Во второй половине XIX века территория Казахстана делилась на три генерал-губернаторства: Туркестанское, Оренбургское и Западно-Сибирское. Вся полнота военной, гражданской власти сосредотачивалась в руках генерал-губернаторов. Каждое генерал-губернаторство состояло из областей. В Оренбургское входили Уральская и Тургайская области; в Западно-Сибирское — Акмолинская и Семипалатинская; в Туркестанское — Семиреченская и Сырдарьинская области. Территория бывшего Букеевского ханства в 1872 году была включена в состав Астраханской губернии; Мангышлакское приставство в 1879 году отошло в ведение Кавказского военного округа, а несколько позже вошло в Закаспийскую область.

Во главе области стоял военный губернатор, наделенный военной и гражданской властью. Он же был наказным атаманом казачьих войск, дислоцированных на территории области. Военные губернаторы Семиреченской и Сырдарьинской областей занимались также пограничными делами. При военных губернаторах учреждались областные правления из трех отделов: распорядительного, хозяйственного и судебного. Каждый отдел возглавлялся старшим советником. Обязанности председателя областного правления возлагались на вице-губернатора области, в свою очередь, уездные начальники назначались генерал-губернаторами из офицеров по представлению военных губернаторов областей. Каждый уездный начальник имел двух помощников — старшего и младшего. Последний был из лиц феодально-родовой верхушки и султанской знати. Вся полнота власти сосредотачивалась в руках уездного начальника, он же являлся главой полицейских властей. Уездным начальникам подчинялись расположенные в уездах воинские части, учреждения и укрепления. Таким образом, обширная казахская степь и населяющие ее коренные жители были раздроблены основательно. Были созданы все предпосылки для облегчения господства над степью.

Благодаря Высочайше утвержденным «Временным положениям об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях» и «Временным положениям об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторства», казахов сместили с высоких административных лестниц, обезглавили целую нацию, зажали в железных тисках интеллектуальный потенциал.

Теперь понятно, почему дети казахов, обучающиеся в интернатах, мечтали стать толмачами или адвокатами. Потому что другие, более престижные, авторитетные должности в государственном аппарате для них были недоступны. Новые правители говорили на чужом для коренных жителей языке. Нужны были переводчики-толмачи. В обществе появился новый слой населения, который быстро набирал силу, повышая свою значимость. Все заявления, прошения, донесения проходили через их руки, после тщательной фильтрации попадали на стол начальников. Не только большие, но и низкие чины передавали прошения посетителей в устной форме. Решение вопроса в большинстве случаев зависело от настроения переводчика. Именно в этот отрезок истории всю казахскую степень заполонили татарские муллы и переводчики, являвшиеся главными проводниками царской политики по закабалению казахов. Многие из них злоупотребляли служебным положением, занимались открытым грабежом, поэтому простые люди испытывали перед ними ужас обречённых. Все это Чокан Валиханов предвидел еще раньше, зная, какие страдания выпадут на долю казахского народа и, как незаурядная личность, он не мог находиться в роли постороннего наблюдателя. Он увидел, как говорится, изнутри, набиравший темпы беспредел и прозорливо определил свою историческую миссию в научно-обоснованном письменном изложении с последующим опубликованием в СМИ фактов и событий, которые должны были стать, по его мнению, неопровержимым доказательством в руках потомков при отстаивании законных прав и защите интересов коренного народа.

Татарские адвокаты, как и переводчики, занимали в покоренном царизмом казахском обществе наиболее выгодное положение. У них работы было всегда по горло. Потому что судебное дело велось на русском языке. Соответственно, обвиняемые нуждались в адвокатах, владеющих родным языком. Занимаясь вроде благородными делами, на самом деле они на глазах сородичей совершали ничем не прикрытую подлость.

Все более или менее серьезные должности в уездном и областном управлениях, в генерал-губернаторском штабе предназначались рус-

ским. Для казахов двери были закрыты наглухо. Освободив казахов от «бремени самоуправления», колониальная власть царизма в Казахстане всю его тяжесть взяла на себя. Во вновь созданном административном аппарате не покладая рук работали тысячи чиновников. Они вырабатывали положение за положением об устройстве страны nomadov. Содержались казачьи войска во всем блеске, готовые подавить любое проявление неповиновения. В достаточном количестве имелись полицейские части, следившие за порядком в степи. Все они, военные и гражданские служители царизму, жили сытно и в свое удовольствие. Как известно, казна Российского государства всегда отличалась своей скудностью. Тогда как удалось царскому правительству содержать такой дорогостоящий административный аппарат в Казахстане? (История Казахской ССР. С.235)

Именно в этом заключалось главное преимущество «Положения» по сравнению с «Устами», ликвидировавшими ханскую власть. Реформы, начатые в первой декаде шестидесятых годов, не только уничтожили остатки казахской государственности, вместе с тем лишили целый народ собственности - отобрали землю, на которой родились. Если раньше захватывали землю полосами вдоль казахских крупнейших рек, лесных массивов, частично плодородные участки для заселения русских, теперь вся степь, горы, большие и малые реки, озера были присвоены царизмом. Верноподданные империи, то есть казахи, как потерявшие право на имущество, оказались без земли.

Поэтому и неудивительно, что большая часть казахов в этот период не смогла заниматься земледелием по-настоящему, чего Чокан постоянно добивался в своих публикациях. С.Асипулы пишет: «Если нет леса, как может казах научиться столярному делу. Известно, без заливных лугов, угодий с высоким и густым травостоем не заготовишь сено. Без наличия рек и озер не станешь рыбаком. Что остается бедным казахам, лишившимся всего в одночасье, как не кочевать по голым степям за скудными пастбищами. Большая часть степи бедна растительностью, поэтому, вынужденные скитаться по ней большую часть года казахи стали настоящими бомжами».

Административная реформа, проведенная на основании «Временного положения» 1867-1868 годов, принесла много нового в казахскую степь. Еще недавно, после смерти деда Чокана Валиханова, хана Среднего жуза Вали (1819) в 1822 году был принят «Устав о сибирских киргизах», который ликвидировал ханскую власть. На месте ханского владения образованы округа. Ими управляли окружные приказы во главе со старшим султаном. Казахи признавали их ханами в

своих округах. В связи с административным нововведением выходцы из казахской аристократии лишились власти. Лишился власти и отец Чокана — Чингиз. Теперь вместо округов начали образовывать уезды, во главе которых стоял обязательно военный — русский по происхождению. По штату ему положено было два помощника — старший и младший. Места младшего исполнителя, не имеющего своего голоса, высочайше были дарованы казахам. Как уже мы упоминали выше, территория Казахстана делилась на генерал-губернаторства: Туркестанское, Оренбургское и Западно-Сибирское. Полнота военной и гражданской власти сосредотачивалась в руках генерал-губернаторов. Во главе области стоял военный губернатор. Одним из них был Г.Х.Гасфорт, в подчинении которого находился Ч.Валиханов.

Таким образом, царская власть окончательно ликвидировала остатки казахской государственности. После реформы 1822—1824 годов резко ослабла власть и влияние казахской аристократии. Чиновникам — колонизаторам стало легче управлять раздробленной страной. Увы, и этого показалось мало. Раз завершено завоевание страны казахов, надо полностью брать в свои руки бразды правления. Потому уже после смерти Чокана Валиханова вышли в свет и немедленно вступили в силу «Временные положения» 1867—1869 годов.

После нелегального посещения Кашгарии и благополучного возвращения на родину, Чокан Валиханов научно обоснованно охарактеризовал разнообразные стороны жизни и государственное устройство этого региона, показал роль внешней политики Китайской империи по отношению к среднеазиатским странам. Эта поездка способствовала созданию им фундаментального труда «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии), в 1858—1859 годах». В этой работе ученый подробно изложил свои воззрения в области международного права. Он подверг тщательному анализу взаимоотношения разных народов и государств, их международно-правовые связи. Исследованию данной темы ученый посвящал многие разделы в своих публикациях.

Хотя Ч. Валиханов и не был юристом по образованию, но его общая эрудиция, блестящий ум позволили дать правильную, обоснованную правовую оценку целому ряду событий во время его поездки в Кульджу и Кашгарию так, как это сделал бы специалист по правоведению. («Международно-правовые отношения государств Центральной Азии». Алматы, «Гылым». 1995. С. 56-60).

Во многих трудах Ч. Валиханова термин «международное право», хотя непосредственно и не обозначен, но он постоянно «присутствует»

при анализе международных отношений стран Востока. Небезынтересны научные наблюдения Ч. Валиханова за состоянием торговли в восточных государствах с точки зрения тогдашнего международного торгового права. К примеру, он пишет: «Торговля Кашгара процветала с древнейших времен, через него Средняя и Южная Азия сбывала свои товары в Тибет, Китай и Джунгарию» (Валиханов Ч.Ч. О Западном крае Китайской империи. Собр. Соч. Т. II. С. 113). И вместе с тем, отдавая должное Кашгарии как одному из центров международной торговли на Востоке, Ч. Валиханов отверг мнение о том, что эта китайская провинция была ключом для торговых операций с Индией, «ибо сношения этой страны (западной провинции Китая. Б.К.) с Индией производятся через Бухару» (Валиханов Ч.Ч. О состоянии Алтышара. Собр. соч. Т. II. С. 393).

Международное торговое право обстоятельно анализирует понятие пошлины, дает ей определение, разбивает эти пошлины на классы. Таможенная пошлина, как известно, является видом налога, который уплачивается в размере, указанном в законе, в момент перехода товара через пограничную черту государства; транзитная же пошлина уплачивается в связи с пересечением товара территории третьего государства. Ч. Валиханов свободно ориентировался в вопросе о пошлинах, знал их виды: «Русские товары достигают Кашгара через Коканд и Кульджу. Таможенная пошлина за русские товары при отпуске их за границу берется 1 процент в г. Семипалатинске или Петропавловске» (Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара. Т. II. С. 400—401).

Товары из Европы часто шли в Кашгарию напрямую через присоединенные казахские степи, поэтому транзитной пошлиной не облагались. Содержание понятия транзитной пошлины Ч. Валиханов раскрывает на примере поступления английских товаров в Кашгарию: «Английские товары очищаются в Бухаре транзитною пошлиною, перекупаются купцами и отправляются в Коканд и Кашгар с уплатой по пути новых пошлин как в Коканде, так и в Кашгаре», что приводило к повышению цен на эти товары. Русские же товары пользовались среди кашгарцев большей популярностью благодаря не только их дешевизне, но и более высокому качественному исполнению.

Ученый подмечает существенную особенность в урегулировании права взимания пошлины во взаимоотношениях Китайской империи и Кокандского ханства: «...в Кашгаре право пошлины уступлено китайцами кокандцам». Направленные в 1815, 1821, 1831, 1832 гг. в цинский Китай кокандские посольства сумели не только установить торговые взаимоотношения, но и заключить соглашения, которые предо-

ставили Коканду право взыскивания пошлин со всех иностранных купцов, приезжавших в Кашгарию.

Анализируя вопросы о пошлинах, Ч. Валиханов выявил одну из особенностей мусульманского права, регулировавшего международные торговые отношения, суть которой состояла в том, что ислам отдавал предпочтение купцам мусульманского вероисповедания любой страны, уменьшая для них размер взимаемой пошлины, одновременно увеличивая его с товаров христианских купцов (Кузнецов В.С. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX века. М.: Наука, 1973. С. 120, 124, 136, 139).

Разумеется, такое правовое поле, дискриминировавшее купцов по их азиатской принадлежности, было направлено на подрыв нормальных отношений между мусульманскими и немусульманскими народами и государствами. До заключения соответствующих договоров, в частности русско-бухарского, русско-хивинского договоров 1873 г., установивших в целом равноправные торговые взаимоотношения, русские купцы направляли свои товары в ханства Средней Азии и другие восточные страны через своих приказчиков из числа татар, с которыми поддерживались доверительные и даже агентурные отношения.

С вопросом о пошлинах тесно связаны также некоторые стороны правового статуса иностранного купца в восточных государствах. И эта связь верно раскрыта в суждениях Ч. Валиханова на примере Кокандского ханства, где иностранный купец, уплатив соответствующую пошлину и «...получив свидетельство от ташкентского зекетчи (сборщика пошлин. Б.К.), может торговать беспошлинно в продолжение целого года во всех городах Кокандского ханства», но если в том же году он выедет за пределы ханства, «то должен платить вторичный зекет, потому что капитал его обращается тогда на новый годовой оборот».

Валиханов был сторонником сохранения кочевого хозяйства и общинного землепользования в условиях того времени. Он глубоко знал кочевое хозяйство. Так, в работе «О кочевках киргиз» он дает анализ экономического состояния кочевого хозяйства, обосновывает условия, необходимые для его ведения, называет доводы, раскрывающие причины наступившего кризиса и его последствия, дает ссылки на состояние торговли скотом, на статистические сведения о скотоводстве. Работа представляла своего рода протест против пагубной политики царизма, необоснованно изымавшего земли кочевников, раскрывала перед властями суть, характер кочевого хозяйства и его требования.

Из трудов просветителя мы можем судить о зарождающемся товарном производстве в казахской степи и особенностях товарно-де-

нежных отношений. Он выступал за развитие товарно-денежных отношений, полагая, что патриархальное натуральное хозяйство несовместимо с интересами прогрессивного развития. Валиханов понимал, что торговля порождается объективными условиями производства, экономической необходимостью. (Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. С. 103)

Кашгария в XIX веке имела внешнеторговые связи, в основном, со среднеазиатскими ханствами (Бухарой, Хивой, Кокандом) и Казахстаном. Однако вследствие слабости товарного производства в Средней Азии и Казахстане потребности внешней торговли Кашгарии не могли быть полностью удовлетворены. Поэтому неслучайно Чокан Валиханов выступил за установление более тесных, взаимовыгодных торговых отношений Запада с этой провинцией Китая на основе русско-китайского договорного урегулирования. Красной нитью через многие произведения Ч. Валиханова проходит мысль о том, что такой интенсивный рост внешнеторговых связей мог бы способствовать дальнейшему развитию мирных, добрососедских отношений России и Китая. В конечном итоге все это могло бы положительно сказаться на жизненном уровне казахского народа по всей территории от китайской границы до Каспия. Обновленный Великий Шелковый путь способствовал бы возрождению караван-сараев, активизации торговли вообще, включая бартерные операции.

Высказывания Ч. Валиханова по различным внешнеторговым вопросам обнаруживает глубокое знание им сущности современного ему права международной торговли. Поэтому сделанный Чоканом Валихановым научный анализ международных торговых отношений Кашгарии с другими государствами, позволил России предпринять практические шаги: его отчет русскому правительству о поездке в Кашгарию был использован при устройстве факторий в этой китайской провинции, а также для дальнейшего укрепления торговых и культурных связей России с Западным Китаем.

Когда писалась книга, правительство Казахстана начало активную разработку грандиозного проекта по строительству международной трассы «Западный Китай и Западная Европа». Не будем комментировать этот важный проект. Скажу лишь одно, что Чокан реально обосновал правовую необходимость и экономическую выгоду для Казахстана открытия широкой торговой сети между Китаем и Россией.

В середине XIX века в каждом городе Кашгарии в соответствии с договоренностью между Кокандским ханством и Китайской импе-

рией находился официальный представитель кокандского аксакала в Кашгарии. В работе «Описание пути в Кашгар и обратно в Алатавский округ» он пишет, что кокандский аксакал управлял иностранцами в Кашгарии независимо от китайских властей, имел собственную позицию, а в работе «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии), в 1858—1859 годах» им было дано точное определение правового статуса кокандского аксакала на территории Кашгарии (Западный Китай): а) он (аксакал) имел право взимать пошлину с товаров, привозимых иностранцами в города Кашгарии; б) помимо осуществления торгово-экономических функций аксакал осуществлял дипломатические и консульские функции; в) кокандцы добились того, что все иностранцы, приезжавшие в города Кашгара, подчинялись кокандскому аксакалу в административном и полицейском отношениях.

Благодаря своей тонкой научной наблюдательности, Ч. Валиханов подметил одну из особенностей международного права того времени, а именно: совмещение в одном лице исполнителя торговых, дипломатических и консульских функций, каковым являлся кокандский аксакал.

Многие произведения Ч. Валиханова пронизаны идеей дружбы народов, сам он был пропагандистом идеи более тесного сближения и дружбы казахского и других народов. **Ч. Валиханов понимал дружбу народов не просто как отсутствие военных действий между народами, государствами, дружба народов в его понимании - это желание народов сотрудничать во всех областях человеческой деятельности, помогать друг другу, при необходимости отражать иноземные нашествия.** Сегодня в правоте Чокана убеждаются все народы, проживающие в Казахстане, и они благодарны ему за научно-практическое и юридическое обоснование возможности их мирного сосуществования на благодатной казахской земле. Чокан убежденно отстаивал идею дружбы народов и потому выступал против национальной ограниченности и косности, замыкания в узких рамках, к чему призывали идеологи казахской аристократии. В значительной степени это объяснялось влиянием декабристов и петрашевцев, находившихся в ссылке в казахских степях, а также русских революционеров-демократов, которые выступали за справедливые и демократические преобразования, за просвещение широких народных масс на основе уважения и соблюдения прав человека.

Несмотря на существование в России деспотического монархического режима, Ч. Валиханов был убежден, что в современный ему

период только Россия может оказать благотворное влияние на экономику, культуру и быт казахского народа.

Говоря об отношении казахского народа к вопросам войны и мира, Ч. Валиханов отмечает миролюбие своего народа: «...киргизский (казахский Б.К.) народ принадлежит к числу наиболее миролюбивых...». «Чокан стремился доказывать, - свидетельствует друг Чокана Г.Н. Потанин, — что киргизы (казахи) мирный народ; это не наездники-грабители -это мирные пастухи. Посмотрите,- говорил он, - на их одежду, на их оружие. Чекмень с патронташами, ятаганы и пр. им неизвестны; одежда киргиза — халат, оружие — жердь, посредством которой он ловит лошадей в табуне».

Характеристика миролюбия казахов как национальной черты своего народа, приводимая Ч. Валихановым, позволяет сделать вывод об его отрицательном отношении к агрессивным войнам, военным конфликтам. В этом плане его можно смело назвать настоящим пацифистом своего времени. Международно-правовые воззрения Чокана Валиханова находятся в сокровищнице современной мировой культуры. Эти идеи пережили его время. Многие из них утвердились или утверждаются в современном международном праве.

Чокан страстно желал создания подлинно демократических, правовых государств в регионе, распространения в Средней Азии демократических традиций международного права современности, разработки и проведения внешнеполитического курса государствами региона на основе проповедуемых нашими великими предками идей справедливого мира, подлинной дружбы, всестороннего сотрудничества народов и государств.

Ч. Валиханов показал глубокое знание международного права своего времени. Это позволило ему свободно и правильно ориентироваться в международных отношениях восточных государств и народов. В частности, им было подмечено, что Коран в феодальный период был одним из основных источников международного права на Востоке: «На всем мусульманском Востоке Коран служит основанием учреждений гражданских; им определяются обычаи, законы и все отношения как общественные, так и международные...» (Валиханов Ч.Ч. О состоянии Алтышара, или шести восточных городов Китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарин) в 1858—1859 годах. Собр. соч. в 5-ти томах. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1962. Т. II. С. 327).

И действительно, одной из особенностей феодального международного права на Востоке было то, что Коран и шариат (свод законов

мусульманского права) выступали регуляторами международных отношений восточных государств, в том числе и среднеазиатских ханств, не только между собой, но и регламентировали основы внешнеполитической деятельности этих государств в их взаимоотношениях с немусульманскими странами. Более подробно о Коране и о религии в целом изложено в разделе «Исламский фактор в жизни Чокана».

Чокан пишет, что призывы к священной войне против неверных в Коране действительно есть. Однако ограничиться только этим утверждением — значит, проявить односторонний подход к изучению Корана. Между тем следует отметить, что Корану не чуждо цивилизованное урегулирование военных столкновений. Если аят 62 суры 8 пронизан воинственным призывом к устрашению врагов ислама: «И приготовьте для них, сколько можете, силы и отрядов конницы; ими вы устрасите врага Аллаха и вашего врага», то уже в следующем 63-м аяте мусульманину внушается: «А если они склоняются к миру, то склонись и ты к нему».

Ислам действительно не симпатизировал представителям других религий и верований; более того, в Коране записано: «Аллах отрекается от многобожников», но уже в аяте 4 суры 9 делается оговорка: «Кроме тех многобожников, с которыми вы заключили союз, а потом они ни в чем пред вами его не нарушили и никому не помогали против вас!». Здесь видно, что Коран был не склонен объявлять всех иноверных врагами, более того, он призывает защищать тех иноверных, которые находятся в договорных отношениях с мусульманским государством. В доказательство можно привести тот факт, что в исламских странах, в том числе и в регионе Средней Азии и Казахстана, проживало немало людей, исповедовавших иудаизм, христианство и прочие религии, которые платили все положенные налоги и были лишь несколько ограничены в своих гражданских правах.

В истории международных отношений государств и племен региона определенную роль играли такие немусульманские государства, как Великобритания, Россия и Китай. История не зафиксировала агрессивных призывов к джихаду против этих государств. Когда цинский Китай в начале 60-х годов XVIII века начал совершать агрессивные действия против государств и племен Средней Азии и Казахстана, призывы к священной войне действительно имели место (Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. 2-е издание. М.: Наука, 1990. С. 159).

Необходимо сразу же отметить, что «Записка о судебной реформе» выходит далеко за пределы сугубо правового произведения. В ней затронуты важные проблемы и специфика общественно-политической жизни казахского общества, пути и способы эволюции его в сторону общественного прогресса на переходном этапе от позднего феодализма к зарождавшимся капиталистическим отношениям. Поэтому данную работу Ч. Валиханова следует рассматривать как концентрированное выражение его общественно-политических и правовых взглядов.

Судебной реформе в Казахской степи предстояло стать важным начинанием царской администрации. Вплоть до этого времени в судопроизводстве казахов действовало так называемое «обычное» право, или суд биев, который отталкивался в своих действиях от спонтанно складывающихся обычаев и норм. Теперь предстояло перейти к законодательному и судебному, или прецедентному праву. Ч. Валиханов обосновывает важность этого вопроса: «Посему нет вопроса общественного, который был бы так всемогуще важен, как вопрос о народных реформах» (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. С. 495).

Он подчеркивает, что правовая реформа на национальной окраине должна быть проведена с учетом специфики и уровня развития ее населения: «Нет сомнения, что все законодатели и реформаторы имели и имеют в виду общественную пользу, но понятия о том, что полезно и что вредно для общественного развития в разные века, были различные, и теперь между нами ходит много диких гипотез, которые по рутине и по привычке к прошлым преданиям принимаются многими на веру как непреложные аксиомы, хотя науки ясно доказали их ошибочность и несостоятельность» (Там же. С.495).

Ученый понимал первенствующее значение экономического базиса общества и вторичность, производность других аспектов общественной жизни: «В наше время самым важным и близким для народа считаются реформы судебные, экономические и социальные, прямо касающиеся насущных нужд народа, а реформы политические допускаются как средство для проведения нужных экономических реформ, ибо каждый человек отдельно и все человечество коллективно стремится в развитии своем к одной конечной цели — к улучшению своего материального благосостояния, и в этом заключается так называемый прогресс. С этой точки зрения полезны только те реформы, которые способствуют улучшению быта человека, и вредны те, которые почему-либо мешают достижению этой цели». Следовательно Чокан Валиханов правильно утверждал, что общественный прогресс прежде всего заключается в справедливом, законном повышении материального

благополучия народа, улучшении прав и свобод людей. Для казахского общества середины XIX в. этот призыв к просвещению, в том числе и в правовом отношении имел огромное прогрессивное значение.

Обрисовывая тяжелое положение народных масс, Ч. Валиханов показывает причины того, почему простые казахи равнодушно отнеслись к проводимой судебной реформе: «Причины такого непонятного равнодушия киргиз в этом столь важном народном деле были: во-первых, невежество и непонимание своих интересов, во-вторых, то, что киргизы не были заранее приготовлены к пониманию того, что им читали и на что от них требовали скорого ответа; **равнодушествовали киргизы и вследствие недоверия к русскому правительству**» (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. I. С. 501.) К этому надо добавить, что подавляющее большинство царских чиновников считали национальную окраину местом, где можно обогатиться, здесь процветали лихоимство и взяточничество, грабеж темного и забитого населения. Ч. Ч. Валиханов писал: **«В каждом действии русского начальства киргизы видят одно только зло, посягательство на их свободу и льготы. И это очень понятно, потому что киргизы о русском начальстве судят по действиям своих русских заседателей».** «Народные мнения» в основном представляли «волостные управители, старейшины, султаны, бии и богатые киргизы, т. е. ордынские чиновники или ордынцы, имеющие в виду быть чиновниками», **а они не были заинтересованы в привлечении широких народных масс к управлению обществом и реконструкции суда биев.** Ч. Валиханов говорит о коренной противоположности интересов народа и феодальной знати: **«На мнения же привилегированных классов общества следует смотреть не иначе, как на отрицательное выражение истинных народных нужд, ибо интересы знатных и богатых людей, даже в обществах высокоцивилизованных, бывают, большей частью, враждебны интересам народной массы.** Переходя к непосредственному анализу предстоящей судебной реформы, Ч. Валиханов сравнивает проектируемый правительством «мировой суд» и традиционный суд биев и приходит к важному выводу, что суд биев соответствует наличному состоянию казахского общества: «Если 40-летнее русское владычество, внесшее много совершенно новых элементов в общественную жизнь киргизского народа, не имело никакого влияния на древний киргизский суд биев, если суд этот мог устоять против неблагоприятных условий русского законодательства (например, закона 1854 года), ясно, что он вполне удовлетворяет настоящему развитию киргизского народа». На основе изучения большого массива дел Ч. Вали-

ханов приходит к убеждению, что **недовольство судом биев высказывали только лица некоренного происхождения, сами же казахи обычно оставались довольны решениями судов биев: «Удовлетворительность суда биев самым блистательным образом доказывается официальными источниками, именно: незначительностью жалоб на первоначальное решение биев и почти совершенным отсутствием просьб от киргиз о производстве дел, подлежащих ведомству биев, по русским законам».** Сегодня казахстанские юристы в принципе ничего не имеют против суда присяжных в лице уважаемых «аксакалов» и мудрых «апалар», которые вполне способны справедливо решать любые запутанные исковые заявления и вынести соответствующие вердикты.

Ч. Валиханов приходит к выводу о регрессивности мирового суда по сравнению с судом биев, приводя доводы в пользу последнего, как-то: неформальность выбора биев, гласность делопроизводства, ведущегося на родном языке, публичность судебного процесса, наличие адвокатуры, так называемых «присяжных» и т. д. Учитывая все это, ученый не усматривает достаточных оснований для замены суда биев мировым судом, тем более, что, по его мнению, мировой суд отличается большим формализмом и бюрократизмом. **«По нашему мнению, суд биев — и (это) неудивительно, если принять во внимание аналогию высшего развития с низшим, — имеет некоторые преимущества перед судом мировым, по крайней мере в отношении киргиз. Мы бы сказали — абсолютное превосходство, если б не боялись, что нас могут заподозрить в преувеличении».**

Важное основание для сохранения суда биев Ч. Валиханов видит в специфичности общественного устройства казахов, что делает невозможным применение «статей общего проекта». **«Во-первых, от киргиза, — пишет он, — при другом племенном организме и при других условиях среды и стихии нельзя требовать одинакового понимания и взгляда на преступления и проступки, как от русских и от других европейцев, и, наконец, киргизы не знают и не могут знать русских законов, хотя при следствиях они наравне с русскими не могут отзываться незнанием закона».**

Непременный учет национальной специфики при проведении крупных общественно-политических мероприятий должен был **благотворно повлиять на развитие социального строя казахов.** Поэтому необходимо было при реализации судебной реформы помнить об общественном резонансе, которым непременно должны были сопровождаться те или иные нововведения. Это касалось, например, применения телесных наказаний, которые обычно санкционировались мировым су-

дом. **«В киргизских законах нет тех предупредительных и устрашающих мер, которыми наполнены и новейшие европейские кодексы. У киргиз телесные наказания никогда не существовали. А законы родовые, по которым члены рода ответственны за своего родича, при родовых отношениях приносят много практической пользы».**

Точка зрения ученого на судебную реформу в условиях казахского общества была наиболее ярко проявлена им при анализе такого социального явления, как барымта. В отличие от деятелей областного правления сибирских киргизов, трактовавших барымту как угон скота с убийством людей и в силу этого приравнивавших ее к измене, убийству, разбою, Ч. Валиханов показал правомерность барымты как способа насильственного возмещения убытков, санкционированного казахским обычным правом. Он предостерегал против заведомо неверного отношения к этому обычаю: **«Барымтой называется захват чужого скота или чужих вещей, вообще чужой собственности, за неуплаченный долг — калым или кун».** По мнению Ч. Валиханова, барымту необходимо передать в ведение суда биев, поскольку «общие уголовные законы империи» должны были судить о ней «слишком строго и, пожалуй, не совсем справедливо». **Он предлагал сохранить суд биев наряду с введением уголовного суда.**

Правовые воззрения Ч. Валиханова свидетельствуют о широте его кругозора, стремлении увязать общегосударственные цивилизованные законы других стран с особенностями общественного уклада казахов. Сочетание общего и особенного в «Записке о судебной реформе», понимание ее автором специфичности применения юридических уложений в условиях национальной окраины и другие несомненные достоинства этого документа сыграли большую практическую роль при создании законопроектов об управлении Туркестанским краем (См.: Юридический вестник, 1888. Т. 28. Кн. 1. С. 30—35). Однако хорошо известно, как соблюдались царским режимом эти правовые нормы.

Ч. Валиханов прежде всего заботился о справедливости при отправлении законов и положений, которые **«бы соответствовали пользе, нуждам и кочевым обычаям народонаселения этих пространств».** Поэтому он считал, что необходимо объединить в руках правителя Илийского края военную и гражданскую власть, **«назначить ему собственно по заведованию кайсаками и гражданскими сношениями помощника из гражданских чиновников и постоянного депутата от кайсаков с тем, чтобы депутат этот был избираем от кайсаков на три года по общему их соглашению»** (Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т. 4. С. 21). Однако эти предложения остались благими пожеланиями, что показал

поход генерала Черняева в Южный Казахстан и Среднюю Азию, участником которого был Ч. Валиханов. Но в памяти потомков правовед, демократ, просветитель и ученый Ч. Валиханов навсегда остался как борец за общественный прогресс, просвещение и подъем правовой и общественной культуры казахского народа.

Международно-правовые воззрения Чокана Валиханова находятся в сокровищнице современной мировой культуры. Его идеи пережили время. Многие из них утвердились или утверждаются в современном международном праве. И лучшим памятником для Чокана Валиханова будет создание подлинно демократических, правовых государств в регионе, распространение в регионе демократических традиций международного права современности, разработка и проведение внешнеполитического курса государствами региона на основе проповедуемых нашими великими предками идей справедливого мира.

В связи с завершением процесса добровольного присоединения Казахстана к России произошли существенные изменения в правовой надстройке казахского феодального общества. С одной стороны, на казахское общество стало оказывать воздействие царское законодательство, регулируя некоторые важные стороны общественных отношений, с другой — нормы шариата стали вытеснять нормы обычного права из сферы семейно-брачных, уголовных отношений. В этих условиях происходили определенные изменения в правосознании людей. Господствующий класс — феодалы — без сопротивления принимал к исполнению как царское законодательство, так и нормы шариата, поскольку они в конечном счете служили их классовым интересам. В нормах царского законодательства были положительные моменты, направленные на ограничение и вытеснение наиболее реакционных патриархально-феодальных обычаев, нравов и традиций.

В трудах Валиханова нашли отражение события, происходившие в сфере правовой жизни казахского общества в первой половине XIX в. Взгляды его на правовые явления отличаются широтой охвата проблем и глубиной проникновения в их содержание. Валиханов формировался в такой среде, которая являлась средоточием важнейших событий, происходивших в Казахской степи в XIX в. Он хорошо знал казахское обычное право, изучал шариат, русское законодательство, пытался понять их сущность, социальную роль в жизни казахского общества. К оценке их значения он старался подходить с точки зрения влияния их на прогрессивное развитие общества.

Важное значение имеют высказывания Валиханова по истории казахского обычного права, его сущности, содержанию и перспективах.

Он считал, что казахское обычное право XIX в. является продуктом исторического развития. Его формирование он связывал с процессом формирования казахского народа. К сожалению, еще неисследованы взгляды просветителя на историю возникновения казахской народности, поэтому мы ограничимся приведением некоторых его высказываний в связи с нашей проблемой. Он отмечал, что роды и племена, населявшие территорию Казахстана и впоследствии вошедшие в состав казахского народа, до монгольского нашествия имели свои обычаи и «родовые права», которых Чингисхан не смог уничтожить (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата. 1984. Т. 1. С. 170).

Он был далек от мысли, что завоеванные монголами племена, образовавшие затем казахскую народность, сохранили в чистоте свои обычаи, систему права, традиции. По его мнению, монгольское право оказало на них определенное влияние. Утверждая, что тюркские племена имели свои обычаи, нравы, Валиханов отмечал, что в результате монгольского завоевания «старое население, без сомнения, слилось с новым, и здесь на законах монгольских нередко возникали орды, отдельные от Золотой или Волжской Орд: Ногайская, или Мангытская Орда на Урале, Синяя Орда до Сейхуна и Тюменская Орда в роде шейбанидов»

По всей вероятности, Валиханов был склонен к признанию того, что монгольское право не оказало сильного влияния на нормы обычного права казахской народности. В «Записке о судебной реформе» он пишет о древней форме суда казахов и «нормах обычного права, существующих сотни, а может быть, и тысячу лет до нас» (Там же. Т. 4. С. 89).

Таким образом, история казахского обычного права, по мнению просветителя, уходит в седую древность. В работе его мы не находим сравнительного анализа норм казахского обычного права и монгольского права. О степени влияния монгольского права на казахское обычное право можно судить лишь на основе конкретного сравнительного изучения. С. Л. Фукс пишет, что «по монгольскому праву, которое могло иметь непосредственное влияние на казахское право, смертной казнью карались убийство, прелюбодеяние, блуд, крупная кража и грабеж, отступление в бою и дезертирство». (Обычное право казахов XVIII — первой половины XIX в. Алма-Ата, 1981. С. 108).

Но он считал, что, возможно, познание прошлого путем изучения истории современных нравов и обычаев. У казахов исторические события, факты нашли отражение в творчестве народа, в произведениях «импровизаторов». «Все эти поэмы в совокупности с обычаями, пословицами, поговорками и с их кодексом прав народных, составляя

полную картину прошедшей исторической и духовной жизни народа, дают нам возможность к пополнению известных исторических данных и к определению их происхождения. Изумительно, с какой свежестью сохранили киргизы свои древние предания и поверья». Он также подчеркивал, что предания казахов ими свято сохраняются в виде родовых воспоминаний.

Именно такими методами познания руководствовался Валиханов при рассмотрении истории общественно-политической организации казахского общества, норм обычного права. Это наиболее отчетливо выступает в его высказываниях об истории суда биев и нормах, регулировавших его организацию и деятельность.

Валиханов придавал важное значение исторически сложившимся общественно-демократическим формам, полагая, что они больше всего содействуют социальному прогрессу. В связи с этим он отмечал наличие двух этапов в истории суда биев и правовых норм, регулировавших его организацию и деятельность. Первый период: с древнейших времен до 20-х годов XIX в., когда был принят устав о сибирских казахах. Второй период, по его мнению, начинается с момента принятия Устава, которым были внесены существенные изменения в нормы казахского обычного права.

Валиханов проводил сравнительное изучение казахского обычного права, норм шариата и законодательства других стран. При этом он исходил из идеи, что для народа хороший закон - тот, который более ему известен, в условиях которого человек вырос и воспитывался. Такой закон, по его мнению, как бы ни был несовершенен, должен казаться ему лучше, понятнее самых мудрых законодательств, взятых извне или навязанных сверху. Здесь он приближается к идее об обусловленности законов условиями внутренней жизни общества. Он писал, что «обычное право киргиз, по той же аналогии высшего развития с низшим, на которое мы так любим ссылаться, имеет более гуманных сторон, чем законодательство, например, мусульманское, китайское и русское по «Русской правде».

Валиханов остро и содержательно критиковал нормы реакционного мусульманского законодательства, направленные на вытеснение более гуманных норм обычного права. Царское правительство на первых порах не придавало особого значения роли и месту мусульманского духовенства в казахском обществе, не видело какой-либо реальной угрозы с его стороны, поэтому не предпринимало каких-либо шагов против него, хотя и отмечало, что казахи-мусульмане только по названию. В «Уставе о сибирских киргизах» указывалось, что «содержание

духовенства вообще возлагается на попечение султанов» (Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. Т. 1. С. 100).

Положение об управлении оренбургскими казахами (14 июня 1844 г.), учреждая при пограничной комиссии школу для казахских детей, в ее штат включило законоучителя магометанского исповедания. Таким образом, была подведена правовая основа для распространения в степи норм шариата, чем весьма успешно воспользовались эксплуататорская верхушка казахского общества и мусульманское духовенство. Оно стало вмешиваться во все дела, в том числе в семейно-брачные отношения казахов, регулируя их при помощи норм шариата.

Валиханов пишет, что искаженные «мусульманские законы никогда не были приняты киргизами и были введены в степи путем правительственной инициативы, вместе с бюрократическими прелестями внешних приказов, «...что способствовало распространению «такого невежественного и дикого учения» (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 4. С. 99).

С. Л. Фукс пишет, что «нормы шариата, преследовавшие за преступления против религии, провозглашались казахскими законодателями как символ веры, а не как практически применяемое право». (Фукс С.Л. Обычное право казахов... С. 205). Оно занимается нравственным растлением казахов, учит ханжеству, обманывает доверчивый народ, погрязло во взяточничестве и других преступлениях. Казахский просветитель указывает на такие черты представителей духовенства, как невежество, безграмотность, шарлатанство.

Валиханов вплотную подходит к пониманию классового назначения и сущности мусульманского законодательства. Он обращает внимание и на отрицательные последствия распространения ненаучного ислама в казахской степи. Во-первых, мусульманское духовенство запрещало распространение произведений народного творчества и казахских обычаев, традиций. «Наши предания, эпосы, юридические и судебные обычаи они заклеили позорным именем войлочной книги, а наши языческие обряды, игры и торжества они называли не иначе, как бесовскими». Во-вторых, оно активно препятствовало распространению среди казахов просвещения и укреплению дружбы с другими народами. Казахи «теперь более чуждаются русского просвещения и русского братства, чем прежде». Исходя из всего этого, Валиханов от имени большинства казахского народа требовал, чтобы «правительство не покровительствовало религии, враждебной всякому знанию и не вводило бы насильственно в степь теологических законов, основанных на страхе и побоях».

Надо отметить, что в объяснительной записке комиссии, созданной для выработки новых положений об управлении казахами (1867 г.), подтверждалось, что в любой волости, иногда и в аулах, есть учителя, муллы, ходжи, которые обучают казахских детей шариату. Обучение «направлено исключительно на изучение татарской грамоты и магометанского закона», что ведет «к порождению фанатизма, отчуждению от других народов и ненависти к христианам». Комиссия пришла к выводу, что «...пора положить предел влиянию мулл, изъять от них киргизское юношество, ибо от этого зависит ослабление «магометанства в степи и большая или меньшая степень успеха сближения киргизов с русскими». Здесь нетрудно увидеть созвучие высказываний комиссии с идеями Валиханова. Мы с полным основанием можем утверждать, что если последующие законодательные акты, реформировавшие общественно-политическую жизнь в казахском обществе, не содержали норм, поддерживавших мусульманскую религию ограничивали деятельность мулл только сферой религиозного служения, то в этом есть немалая заслуга Валиханова. Эти законодательные акты признавали лишь нормы обычного права (Собр. соч. Т. 1. С. 619).

Далее Валиханов писал, что в обычном праве казахов «нет тех предупредительных и устрашающих мер, которыми наполнены новейшие европейские кодексы» (Валиханов Ч.Ч. Собр. соч., Т. 4. С. 94). Он имел в виду, в первую очередь, отсутствие в нормах обычного права телесного наказания. Действительно, законы Тауке-хана телесного наказания не предусматривали, и в его время суд биев приговоров таких не выносил. Это не означает, что ханы, султаны и старшины не прибегали к помощи кнута в отношении подчиненных (Фукс С.Л. Обычное право казахов... С. 114). П.Е. Маковецкий писал, что у казахов «телесные наказания... составляют нововведение русских» (Маковецкий П.Е. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Вып. 1. Омск, 1886. С. 71).

С. Л. Фукс решительно не согласен с этим. Он пишет, что телесные наказания стали применяться в результате заимствования норм шариата. Однако Фукс убедительных доводов не приводит. Наоборот, он отмечает, что даже записи обычного права первой четверти XIX в. почти не содержат норм, предусматривающих телесное наказание. А в середине 40-х годов телесные наказания уже применяются в широких масштабах. Конечно, здесь влияние норм шариата нельзя исключить. Неспроста Валиханов решительно выступал против изуверства и суеверия мусульманского духовенства. Введению телесных наказа-

ний в немалой степени способствовало царское законодательство. Положение об управлении оренбургскими казаками от 14 июня 1844 г. установило, что суды биев за преступления, отнесенные к их рассмотрению, могут определить «телесное наказание розгами» (Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1).

В Положении сибирского комитета о распространении на казахов Сибирского ведомства общих законов Российской империи от 19 мая 1854 г. говорилось, что при рассмотрении по казахским обычаям дел о воровстве, краже бии были обязаны наряду с применением штрафа приговаривать виновных к наказаниям розгами от 10 до 60 ударов. Причем это наказание носило ярко выраженный классовый характер: от телесных наказаний освобождались султаны, указные муллы, чиновники. (Там же. С. 184).

Однако Валиханов не идеализировал в целом обычное право казахов. Он писал о многих темных сторонах обычного права: «...в самом народе нашем таится много темных предрассудков и вредных обычаев. Вытравление плода, выдавливание его в последний период беременности, убийство дитяти после рождения у нас в общественном мнении преступлением не считается. Оттого по статистическим источникам преступления эти между киргизами не значатся» (Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т. 4. С. 75. :26 .Там же. С. 103). Он считал вредными многие нормы адата, регулировавшие семейно-брачные отношения. Он писал об обычае казахов «отдавать дочерей своих в замужество в слишком юных летах и большей частью без их согласия. Киргизы сговаривали детей своих иногда в колыбели».

В письме к А.Н. Майкову он отмечает отрицательные стороны обычаев и нравов, господствующих в казахском обществе. Он считал их «неверными заблуждениями, которые освещены временем. На все свои убеждения и обычаи они находят готовый аргумент старины и думают, что правы». Валиханов считал необходимым изменить обычаи о неравноправии в семейно-брачных отношениях, особенно о бесправии женщин. Для этого, по его мнению, необходимо было обязать местную администрацию «иметь строгое наблюдение, дабы киргизы не выдавали дочерей таких-то лет, дабы отцы не принуждали своих сыновей и дочерей вступать в супружество без личного их согласия и т. д.» (Там же. С. 103). Эти идеи Валиханова нашли в какой-то мере отражение во временном положении, установившем, что «в брачных делах сторона, недовольная решением народного суда, может обратиться с жалобой к уездному начальнику, который решает дело» (Материалы по истории политического строя Казахстана: Т. 1.С. 334).

К «темным сторонам» казахского обычного права Валиханов относил также нормы, которые устанавливали: возможность выкупа за убийство и т. д. Он писал, что «за убийство, грабеж и хищничество, непременно следует судить по русским законам, так как киргизские судебные обычаи и в этом отношении крайне неудовлетворительны, оценивая жизнь человека во сто лошадей и в 6 хороших вещей». (Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т. 4. С. 96). Такое соображение нельзя сводить к простому предложению о замене одной нормы другой. Здесь нужен гуманный подход. Именно осуждение, применение уголовного наказания за убийство должно внести идею ценности человеческой жизни, идею воспитательного воздействия на людей. Видимо, в этом и состоит значение мнения Валиханова. «Устав о сибирских киргизах» установил, что убийство, грабеж и барымта у казахов рассматриваются окружным приказом, наделенным судебными функциями, на основании общих законов империи. (Материалы по истории политического строя Казахстана; Т. 1. С. 103).

В таких условиях, казалось бы, Валиханову не было необходимости писать о передаче рассмотрения указанных преступлений имперским судам. Причиной этого, по нашему мнению, может быть, то, что такие дела рассматривались фактически судом биев, так и не поступая в ведение окружных приказов. Это прекрасно знал Валиханов.

В записке Комиссии к проекту положения об управлении в казахских степях отмечалось, что казахи избегают существующего в степях русского суда. Комиссия предлагала предоставить казахскому народу судиться «...по местным обычаям, с возможным расширением прав народного суда». Надо знать, что предложение комиссии нашло отражение во Временном положении об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях от 21 октября 1868 г. Как и в Уставе о сибирских казахах, это Положение устанавливало, что казахи судятся по уголовным законам империи за убийство, разбой, грабеж и барымту. Но в отличие от Устава в нем дано примечание, которое предоставляло право казахам, если они пожелают, искать с имущества, осужденного русским судом, вознаграждения по народным обычаям. (Там же. С. 329)

Излишне доказывать, что это примечание по существу оставило в ведении суда биев и рассмотрение подобных дел на основе норм обычного права. А проект Положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей от 11 июля 1867 г. вообще предоставил народному суду рассмотрение барымты и убийства среди казахов. И в дальнейшем Положение не изменилось. Царская администрация, под-

держивая обычное право, тем самым поддерживала эксплуататорскую верхушку, которая творила суд в степи в своих классовых интересах. Массы народа постепенно убеждались, что и «народный» суд и нормы обычного права служат интересам богатых и стали выражать открытое недовольство ими. «Темные стороны» казахского обычного права, о которых писал Валиханов, становились очевидными широким массам, о чем неоднократно сообщали чиновники местных органов. Семипалатинский губернатор писал, что «киргизы сами стонут под игом народного суда и прибегают ко всяким уловкам, чтобы передать свои дела в разбор русского суда, превращая в своих бесчисленных прошениях простые кражи, грабежи, драки в убийства».

К середине XIX в. казахские жузы переживали тяжелый период внедрения новых административных и судебно-правовых систем. Вопреки традиционным правовым представлениям были определены новые составы преступления и соответствующие наказания и введена сложная судебная система подготовки судебных реформ.

В «Записке о судебной реформе» Ч. Валиханов осуждает антинародный характер судебной реформы, проведенной царским правительством в интересах небольшой кучки баев, султанов и крупных биев, разоблачает ее как средство, облегчающее чиновникам грабеж бесправных казахских масс. Вскрывая антинародный характер судебной реформы, Ч. Валиханов высказывает мысль о противоположности интересов богатых и бедных. Он ясно видел в казахском патриархально-феодальном обществе деление на классы: на привилегированные слои общества — султанов, биев, баев, ходжей, — с одной стороны, и бедняков, «степной пролетариат», по выражению Ч. Валиханова, — с другой.

Он гневно осуждает эксплуататорскую сущность общественных порядков, с возмущением говорит о самоуправстве и насилиях, чинимых царской администрацией, скорбит о том, что казахский народ пребывает в темноте и невежестве. **Но все это не носит у него действенного, революционного характера.** Просветитель ограничивается только описанием фактов тяжелого положения народа и не видит путей, кроме распространения просвещения и знаний, для того, чтобы облегчить участь трудовых масс. (Там же. С.570).

Современный читатель. Опять чепуха! А призыв к топору? А его смерть? По тем временам он был настоящим революционером. Его не могли сослать на каторгу, потому что он был слишком влиятельной личностью. Он был прямым потомком Чингисхана, разведчиком, выдающимся ученым и вообще гениальной личностью. Самородком.

Такие уникальные черты и действия просто не могут игнорироваться даже царским режимом. При тоталитарном режиме о Чокане также писали сдержанно. Но сейчас кто мешает?

- У Вас слишком категоричное суждение. Ч. Валиханов понимал, что злоупотребления царских властей в Казахстане воздвигают стену недоверия между казахскими массами и Россией, способствуют консервации отживших социальных форм. **«В каждом действии русского начальства, — писал Ч. Валиханов, — киргизы видят одно только зло, посягательство на их свободы и льготы. И это очень понятно потому, что киргизы о русском начальстве судят по действиям своих участковых заседателей».** (Там же, стр. 204.)

Изречение А.Маргулана в Предисловии к Собранию сочинений стало крылатой фразой для последующих историков-плагиатов, которые слово в слово повторяют то, что при тоталитарном режиме был вынужден написать академик. Вот это изречение: **«Однако Ч. Валиханов не смог подняться до понимания необходимости радикальных мер для коренного переустройства общества. Он ошибочно полагал, что зло заключается не в колониальной системе в целом, а в отдельных представителях царской администрации. Отсюда и его неоднократные попытки добиться замены наиболее реакционных чиновников людьми, придерживающимися либеральных взглядов».**

Чокан, конечно, напрасно лелеял надежду на то, что он сможет облегчить участь трудящихся, оградить их от беззаконий и произвола, став султаном. Тем не менее в своей борьбе против угнетателей Валиханов выражал коренные нужды и чаяния бесправного тогда казахского народа. **Валиханов энергично боролся с отсталыми взглядами, выступал против предрассудков и привычек, порожденных и поддерживаемых феодально-патриархальным укладом, даже если наблюдал проявление их в среде родственников.** Я вижу теперь, что трудно одному бороться со всеми, вижу, что истина, как бы она ни была светла, не может изгнать самых неверных заблуждений, когда они освещены временем». (Там же, стр. 566—567.)

И.Ерофеева пишет, что **«разногласия с родственниками привели к тому, что Чокан вскоре уехал в Омск».** Здесь он принимал участие в работе юридической комиссии областного правления и занимался вопросами казахской судебной реформы. Так легко и просто!?

Профессор М.А.Сарсенбаев в монографии «Международно-правовые отношения государств Центральной Азии» (Алматы, «Гылым». 1995. С. 56-60) подробно описывает о международно-правовых воззрениях ученого. Он пишет, что Ч. Валиханов в 1855 г. участвовал в

служебных поездках в Семиречье (юго-восток Казахстана), в 1856 г. — на Иссык-Куль (земли киргизов) и в г. Кульджу (Китай), прилагал усилия к решению вопроса о мирном присоединении казахов Старшего жуза. Казахские жузы — Старший, Средний и Младший образовались в результате распада Казахского ханства в течение XV—XVI веков и представляли собой своеобразные феодально-патриархальные государственные образования) и киргизов к России (Младший и Средний жузы Казахстана уже находились в составе России) и упрочению русско-китайских торговых отношений через казахские степи.

В одном из своих писем А. Н. Бекетову он сообщает, что собрал много сказок, эпических сказаний и песен, что начал для Географического общества статью о картах Средней Азии и что *занимается изучением киргизских законов, которые имеют связь с уложением Чингисхана*. М. Сарсенбаева признает, что первооткрывателем взаимосвязи «Великого Джасака» и Уложений Тауке хана является Чокан Валиханов.

В «Записке о Кокандском ханстве» Ч. Валиханов обстоятельно анализирует современные ему политические события в Семиречье и Южном Казахстане, отмеченные *сопротивлением казахского населения действиям кокандских феодалов и продвижением русских войск в Илийскую долину*. Чокан пишет: «...Киргизы, принимая русское подданство, никогда не думали и даже не допускали мысль, что в семье русского народа они окажутся пасынками, не имеющими никакого права на материнскую заботу и любовь со стороны России. Политика правительства и современное состояние киргизов ясно показали, насколько обманулись киргизы в своих ожиданиях.

Бюрократическое правительство создало самые дикие и бессмысленные положения о киргизах. Так, Уральская и Тургайская области подчинены военным губернаторам, Акмолинская и Семипалатинская области сверх военных губернаторов имеют одного общего генерал-губернатора, а Сырдарьинская, Семиреченская, Самаркандская, Ферганская области и Аму-Дарьинский отдел подчинены другому генерал-губернатору. Тургайская, Уральская области и Степной край находятся в ведомстве министерства внутренних дел, а громадный Туркестан подчинен военному министерству, и повсюду в последнем действует военное управление. В Туркестане ближайшими властями являются уездные начальники, а в Тургайской и Уральской областях и в Степном крае сверх этих начальников на уезд полагается до 3—4 крестьянских начальников, а также полицейские, институт урядников.

Русский суд совершенно не приспособлен к киргизской жизни и незнаком с языком, обычаями того народа, в среде которого он дей-

ствует. Генерал-губернаторы с их наместническими полномочиями по действующим законоположениям имеют полное право высылать всякого киргиза, хотя бы он был совершенно безгрешен, как дитя. Невежественные чиновники, привыкшие по-собачьи бегать и ласкаться перед его высокопревосходительством, однако строго разделяют население на русское и киргизское; интересы киргизов, по их мнению, должны быть приведены в жертву политике уничтожения всего живого и самобытного туземного населения и русификации края, к нему применяются самые крайние меры. В глазах русских властей киргизы не люди, а какие-то вредные существа, не имеющие права на существование; поэтому они позволяют себе совершать над ними всякие жестокости...».

Ч.Валиханов пишет: «...Теперь хотя (немного) о Киргизской степи. Известно, что киргизы Средней орды платят ясак, т. е. определенную часть своих стад, впрочем натуральная уплата лошадьми, баранами и прочими давно уже заменена денежною. Это, по-видимому, самый рациональный налог, нечто вроде *incometax* в Англии, потому что распределяется пропорционально имуществу. Но увы! на деле оказывается совсем не то. Прежде чем собрать этот налог, надобно сосчитать весь скот, а это делается таким образом. Каждые три года члены приказов ездят по аулам со списками, в которых заранее поставлены огромные цифры (количества) скота; кто хочет откупиться от непомерного ясака, должен бывает дать чиновнику, чтоб он уменьшил показанное число голов, которых сосчитать в сущности невозможно. Из этого составляют себе состояние не только члены приказов, но и первоприсутствующие лица областных правлений, особенно омского (про семипалатинского губернатора Панова сказать худого нельзя, он человек вполне честный?). Давно говорилось уже, чтоб заменить ясак кибиточным сбором, т. е. платою с юрты, но омские власти находят это невыгодным, хотя, например, вся Малая орда, т. е. киргизы оренбургские, уплачивают подати по этой системе.

Можно было бы сказать, что за счет киргизов живет все сибирское войско. Большая орда податей не платит, но и она уже начинает поговаривать, чтоб русские ее «научили закону», т. е. пояснили, на каком основании они берут, например, быков и верблюдов для работ. Что в старые времена, во времена опустошительных войн и вседневной барымты, киргизы были богаче, чем теперь, и повсеместные упадки случались редко. Из событий прошлого столетия, народная память сохранила воспоминания только о двух голодных годах, но в эти годы причиной наших бедствий был не столько джут, сколько огонь и меч

заклятых киргизских врагов калмыков. Что сибирские киргизы до основания внешних приказов были богаче, это факт, неподверженный ни малейшему сомнению: стоит только посмотреть на число скота, который был пригоняем на Оренбургскую и Сибирскую линии в конце прошлого и в начале нынешнего столетия, и на официальные исчисления 20-х и 30-х годов. В эту последнюю эпоху было немало киргиз, имевших 10-тысячные табуны лошадей.

Посему обширный район кочевков должен считать самым важным и главным условием для скотоводства. Земля, достаточная для прокормления целого города, не будет удовлетворять одного киргизского аула, ибо каждый аул должен иметь особое зимовое место (зимовку) с зимними пастбищами, особые пастбища для весенних, осенних и летних стойбищ. Для зимовок требуются густые леса или лесистые горы, вообще места, которые могут защищать скот от зимних непогод. Для летних кочевков, напротив, — места открытые, привольные и обильные с текущими водами или озерами. Летние кочевки выжигаются осенью для уничтожения личинок насекомых, беспокоящих стада в летнюю жару, между тем как зимние остаются все лето нетронутыми. Таким образом, киргизы, занимая, по-видимому, огромные пространства земли, в сущности, пользуются в данный момент только незначительною частью и поэтому постоянно нуждаются в земле».

Необходимо сразу же отметить, что «Записка о судебной реформе» выходит далеко за пределы сугубо правового произведения. ***В ней затронуты важные проблемы и специфика общественно-политической жизни казахского общества, пути и способы эволюции его в сторону общественного прогресса на переходном этапе от позднего феодализма к зарождавшимся капиталистическим отношениям.*** Поэтому данную работу Ч. Валиханова следует рассматривать как концентрированное выражение его общественно-политических взглядов.

Судебной реформе в Казахской степи предстояло стать важным начинанием царской администрации. До этого времени в судопроизводстве казахов действовало так называемое «обычное» право или суд биев, который отталкивался в своих действиях от спонтанно складывающихся обычаев и норм. Теперь предстояло перейти к законодательному и судебному, или прецедентному праву. Ч. Валиханов обосновывает важность этого вопроса: «Посему нет вопроса общественно-го, который был бы так всемогуще важен, как вопрос о народных реформах». Он подчеркивает, что реформа на национальной окраине должна быть проведена с учетом специфики и уровня развития ее населения: «Нет сомнения, что все законодатели и реформаторы имели

и имеют в виду общественную пользу, но понятия о том, что *полезно* и что вредно для общественного развития в разные века, были различные и теперь между нами ходит много диких гипотез, которые по рутине и по привычке к прошлым преданиям принимаются многими на веру, как непреложные аксиомы, хотя науки ясно доказали их ошибочность и несостоятельность». (Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т. 1. С. 495).

Ученый понимал первенствующее значение экономического базиса общества и вторичность, производность других аспектов общественной жизни: «В наше время самым важным и близким для народа считаются реформы **экономические и социальные**, прямо касающиеся насущных нужд народа, а реформы политические допускаются как средства для проведения нужных экономических форм».

«Народные мнения», в основном, представляли «волостные управители, старейшины, султаны, бии и богатые киргизы, т. е. ордынские чиновники или ордынцы, имеющие в виду быть чиновниками», а они не были заинтересованы в привлечении широких народных масс к управлению обществом и реконструкции суда биев. Понятно, что в этих условиях судебная реформа была осуществлена только в интересах России, казахской аристократии и феодалов.

Ч. Валиханов пишет о коренной противоположности интересов народа и феодальной знати: ***«На мнения же привилегированных классов общества следует смотреть не иначе, как на отрицательное выражение истинных народных нужд, ибо интересы знатных и богатых людей, даже в обществах высокоцивилизованных, бывают, большей частью, враждебны интересам массы, большинства».*** (Записки о судебной реформе).

*Коран-это воистину слово Божье,
и не был написан человеком.*
Руководство для понимания Ислама

*Религия — это убеждение, что происходящее
с нами необычайно важно.
Именно поэтому она будет существовать всегда.*
Чезаре Павезе

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В ЖИЗНИ ЧОКАНА
*Два противоположных подхода к религии. Гимн Корану.
Свобода вероисповедования. Религия в трудах Валиханова.
Переписка. Научные и практические шаги. Заключение*

Во второй половине XX века, благодаря научным открытиям выдающихся ученых, стремительно стали расширяться горизонты человеческих знаний, и, естественно, изменились в позитивную сторону взгляды к Корану, в результате стали считать, что он является истинным Словом Бога, что Мухаммед действительно был пророком, посланным Всевышним, и что Ислам действительно является религией Бога. Сегодня к этому великому учению проявляют живой интерес ученые всего мира: теологи, историки, писатели, биологи, медики, генетики, археологи, а также государственные деятели и политики. Можно даже с уверенностью сказать, что образовалась новая отрасль науки, со специфическими, с каждым разом углубляющимися исследовательскими формами и методами. В этом немалая заслуга Чокана Валиханова, которого родители нарекли именем Мухаммеда Канафия, первого религиоведа Средней Азии, пробудившего живой интерес мировой цивилизации к Исламу.

В своей работе «Ислам в истории средневекового Казахстана» Назира Нуртазина пишет: «*Тенденциозность советской идеологии и связанного с ней обществоведения проявилась в отношении к наследию Ч.Валиханова. Популярная концепция о слабости ислама у казахов ошибочно зиждилась на высказываниях Ч. Валиханова (работы «Следы шаманства у киргизов», «О мусульманстве в степи»).* В этих работах, несомненно, содержалась фрагментарная истина. Вплоть до начала XX века в степи (среди отсталых групп населения, в глухих уголках) могли сохраняться остатки доисламских верований, шаманизма. Но, скорее всего, следует говорить об их реставрации, об оживлении суеве-

рий, ослаблении в массовом сознании монотеистической веры в связи с упадком просвещения и общим кризисом ислама, свидетелем которого был и Ч. Валиханов.

Вместе с тем противоречивость духовно-культурной ситуации в XIX — нач. XX вв. была в том, что при истощении внутреннего, идейно-нравственного содержания, снижении эффективности мусульманской культуры, в плане внешних, количественных показателей (численность мечетей, священнослужителей, медресе и пр.) религия среди казахов нисколько не ослаблялась. Наоборот, даже усиливалась ее догматическая сторона, фанатизм, на который оказывал свое влияние и политический фактор — антиколониальная борьба.

Поэтому неудивительно то, что Ч. Валиханов в своих трудах высказывает мысли, диаметрально противоположные своим прежним утверждениям о «плохом» казахском исламе. Именно эта, более выдержанная и научно обоснованная валихановская оценка религии у казахов, тщательно замалчивалась в советских учебниках по истории. Итак, ученый-просветитель в действительности писал, что ненаучный ислам в Казахстане сделал «чудовищный прогресс», «кто не содержит тридцатидневную уразу и пяти-временный намаз, тот не имеет голоса и уважения родичей», что «киргиз-степняк в фанатизме нисколько не уступает какому-нибудь стамбульскому дервишу», и «как и подобает живо увлекающемуся сыну степи, он по уши погрузился в ислам и не терпит ничего, что не согласно с Кораном».

В наиболее целостном виде взгляды Чокана Валиханова по этому вопросу сформировались в последние годы его жизни в статьях: «Записка о судебной реформе» и «О мусульманстве в степи». Эти работы позволяют говорить не только об идейной преемственности просветительских традиций востоковедческой литературы, но и о вкладе выдающегося казахского ученого в историографию Европейского Просвещения. Впервые в отечественной ориенталистике разносторонне был обоснован критический взгляд на роль ненаучного мусульманского духовенства. В духовном развитии казахского народа последовательно утверждалась демократическая мысль о том, что сближение уровня культурного развития народов может быть достигнуто только путем распространения в Казахстане цивилизованного ислама, пропаганды светских знаний «в энергической борьбе с препятствиями, мешающими достижению этой цели».

Современный читатель: «Вы правы. Тоталитарной режим действительно оставил тяжелый след в истории нашего Отечества, когда

двести шестьдесят пять миллионов граждан из более 300 национальностей в течение семидесятилетнего советского периода, беспрекословно подчинялись только одной религии. Эта религия — полное отрицание любого вероисповедования. В науке «теология» появился главный постулат — атеизм. Учения К.Марса — «общественная собственность на средства производства» и усовершенствованная при власти коммунистов теорией «равенства и братства», тем не менее, не исключала разделение людей на богатых и бедных, на использование «призрака коммунизма» в интересах десяти процентов населения, начиная от секретарей райкомов и их родственников до самого верхнего эшелона власти. По всей стране были особые зоны отдыха и лечения со шлагбаумами и пропускной системой для сотен тысяч номенклатурных работников, проявлявших полное безразличие к судьбам простых людей — рабочих и крестьян. В свою очередь такое социальное неравенство побудило у людей недоверие к любой религии.

Столь политизированное вступление *Современного читателя* к раскрытию данной темы связано с тем, **что автор этих строк с чувством глубокого негодования намерен довести до широкой аудитории воздвигнутую коммунистической идеологией вопиющую клевету на Чокана Валиханова о том, что он будто бы является непримиримым атеистом, личным врагом Мухаммеда, что-де не признает ислам, учения Корана и пр.** Проведенный анализ переписки Чокана, его трудов об исламе, буддизме, шаманизме, христианстве и вообще о религии в целом, доказывают обратное. Мною однозначно установлено, что **Чокан, как и его пращур Чингисхан, ко всем религиям и вероисповедованиям относился одинаково, признавая в них гуманистический, филантропический характер.**

Многие исследователи Ч. Валиханова считают его выдающимся историком мировой религии. Он много внимания уделял изучению религии и религиозных верований народов Центральной Азии. При этом ученый постоянно ставил перед собой вопрос о степени внедрения ненаучного ислама в глубинные недра народного сознания. В то время у народов Центральной Азии глубина мусульманизации оказалась в ряде случаев поверхностной. Так, киргизы, отмечает Ч. Валиханов, «называют себя мусульманами, не зная ни догматов веры, ни ее требований». Вместо аллаха они употребляют имя верховного божества тюрко-монголов - Коктенгри (Небо-Бог). Не исполняют они и ритуальных предписаний, в частности, ежесуточный пятикратный намаз.

Известно, что основным «документом» ислама, безусловно, является Коран. В этом плане философский характер имеет цикл стихотворений А.С.Пушкина «Подражания Корану»* (1824). В нем много раздумий Пушкина о предназначении поэта-пророка (Мухаммеда. Б.К.), о его способности волновать умы, учить народ и самому постоянно быть достойным этой миссии.

Пушкин воспользовался французским переводом Корана, сделанным М. Савари (1822), и, что особенно важно, русским переводом М.И. Веревкина 1790 года. В «Подражаниях Корану» отразился повышенный интерес Пушкина к жизни различных народов, ярко проявившийся еще в южной ссылке. Он отдал дань Азии в «Кавказском пленнике», «Бахчисарайском фонтане». К Корану влекли его особенные чувства: прадед Ибрагим Ганнибал был мусульманином и только в России принял христианство. Но главная причина обращения к Корану — твердо сложившиеся в «михайловский» период убеждения: **«Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии».**

Крупнейший религиовед России Б. Томашевский подсчитал, что у Пушкина более 80 стихов взяты из 33 сур разных мест Корана. (М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 19.) Пушкин стремился вникнуть в дух, колорит, своеобразие этой «небесной книги», в арабское мирозерцание, мотивы, образы, особенности восточной эмоциональной речи. Они важны для него не сами по себе, а как черты определенной системы мышления. Теперь вообще всякий частный вопрос для Пушкина важен как часть системы и может быть понят, решен только в соотношении с ней.

В восточной поэзии есть своя энергия выражения, своя узаконенная контрастность, роскошь описаний и сравнений. Тут не всегда приемлема обычная чисто логическая европейская мерка. В Коране — «плохая физика; но зато какая смелая поэзия!» (см. 5-е пушкинское примечание к «Подражаниям Корану»). А дальше Пушкин рассуждает: «Слог восточный был для меня образцом, сколько возможно нам, благоразумным, холодным европейцам» (X, 107). Пушкин прекрасно улавливал мысли и выражения подлинника и передавал их с большой точностью. Конечно, из-за незнания арабского языка он не мог глубже изучить все лексическое и синтаксическое богатство Корана и своеобразие его ритмики, размеров, рифм. Он, однако, исходил из

---

* Фомичев С.А. «Подражания Корану». Генезис, архитектоника и композиция цикла. — Временник Пушкинской комиссии. 1978. Л., Наука, 1981, с. 45. (Б.К.)

твердого убеждения, что Мухаммед был поэтом (а этот вопрос до сих пор обсуждается. Б.К.), и важно было уловить особенности его поэтики.

Коран для Пушкина — произведение философское, мудрость, смысл — здесь главное, поэтому он считал важным сохранить достойную умеренность в употреблении описательных периодов, метафор. У Пушкина, как и в Коране, язык прост и точен, с той же склонностью к постоянным эпитетам, к соблюдению краткости, отрывистости фраз. Отбрасывая всю религиозную сторону Корана (учение ислама), используя поэтические его особенности, Пушкин, главным образом, проникается заложенной в Коране идеей «нравственной истины»* пророчества, учительства, наставничества:

«Мужайся ж, презирай обман
Стезю правды бодро следуй,
Люби сирот и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй»

А.С.Пушкин и Ч.Валиханов дали осознать людям, что Коран является великим творением, что Библия больше не может претендовать на эксклюзивное право быть единственной священной книгой. Исследователи других религий все больше стали ссылаться на положения Корана, признавая в нем неоспоримые научные основы.

В своей фундаментальной работе «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов Китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии)» Чокан Валиханов в стиле своего кумира А.С.Пушкина пишет: « На всем мусульманском Востоке Коран служит основанием для регулирования гражданских учреждений: им определяются обычаи, законы и все отношения как общественные, так и международные...» (Собр. соч. в 5-ти томах, Алматы: Из-во АН Каз.ССР, 1952. Т. II. С. 327). Чокан прекрасно знал цикл стихов «Подражание Корану» А.С.Пушкина, где поэт с благоговением отзывается о великом творении ислама. Если он считал Мухаммеда великим поэтом, которому старается подражать во многих своих стихах, то Ч.Валиханов пошел еще дальше — он рассматривал Коран как регулятор международных отношений государств Центральной Азии.

Многие атеисты-религиоведы старались не упоминать, что Коран, по признанию Чокана, был и является священной книгой ислама, сборником религиозных и правовых текстов. Он подчеркивал, что Коран в Средне-Азиатском регионе регулировал отношения не только между людьми, верующими и неверующими, но и между государствами, существовавшими в прошедшие века. Он понимал, что особенность

сур (глав) и аятов (стихов) Корана состоит в том, что каждое назидание относится к каждому верующему в отдельности, но поскольку ислам получил широкое и довольно глубинное распространение в Средней Азии и Казахстане, положения Корана — этого законно нормирующего свода — приобрели всеобщий характер.

Чокан считал, что Коран — книга божественного происхождения; он является руководством к неукоснительному и беспрекословному исполнению. Поэтому все истинно верующие в Аллаха, Слава Ему Великому, считали священным делом претворять в жизнь все повеления Корана. Коран регламентировал все стороны повседневной жизни мусульманина, его поведение во внешнеполитической, внешнеэкономической сфере. Поскольку ханы, служители государственного аппарата ханств, султаны, будучи верующими, осуществляли в той или иной мере внешнеполитические и внешнеэкономические функции, то и мотивы их поведения в этой сфере могли быть поняты при внимательном изучении сур и аятов Корана по международно-правовым вопросам.

Идея равенства мусульман перед Аллахом, Слава Ему Великому, воспринималась наивными угнетенными и служила причиной принятия ими новой религии. Им не могло не импонировать то, что теперь, с распространением ислама, на первое место выходило религиозное достоинство. Достойным считался тот, кто просто исповедовал ислам: отличался благочестивым поведением, подражал пророку и его приближенным, хорошо знал основы ислама и аккуратно соблюдал все правила поведения, предписанные религией. Мало что менялось в жизни, в положении раба, крестьянина, полностью зависимого от феодала, не разрушалась привычная колея жизни, но принятие новой религии, кстати, очень простое по процедурным моментам, приносило ему чувство собственной значимости. В этом Чокан лично убедился в своих многочисленных путешествиях по Центральной Азии и Восточному Туркестану.

В.В. Бартольд отмечает, что при дворах среднеазиатских правителей — сыновей Чингисхана находились представители мусульманской культуры, управлявшие от их имени большими областями, о чем также подчеркивал М.-Х. Сулейманов. Один из таких представителей после долгого пребывания в Средней Азии был назначен губернатором Пекина. Культурный советник из мусульман находился даже при Чагатае, считавшемся ревнителем монгольского права и врагом ислама. Мусульмане пользовались доверием каганов, и многие даже обладали большой властью в самой Монголии XIII—XIV вв. еще при

прямых потомках Чингисхана (М.А.Сарсенбаев «Международно-правовые отношения государств Центральной Азии». Алматы, «Гылым». 1995. С. 56-60).

Повторяю, Чокан Валиханов, как и его великий пращур Чингисхан, не был против любой религии, но он был критически настроен к ненаучной религии, отвергал ее догматику и мировоззренческие принципы, противопоставляя ей научные основы. Все это побудило его основательно проанализировать все мировые религии. Например, он овладел научными достижениями западноевропейского и русского религиоведения.

Другой думой Валиханова было народное образование, но не в противовес исламу. Он пишет: « В настоящее время в степи быстро размножаются школы, создаваемые татарами и выходцами из Коканда и Бухары. Воспитание в этих школах исключительно религиозное. Одновременно в степи с каждым годом усиливается миссионерская деятельность бухарских мулл, которые проповедуют под именем ислама религиозную и национальную нетерпимость, развивают в народе ханжество и, что печально, — неприязнь к европейскому просвещению. Для противодействия этой односторонней пропаганде, вредной и для киргизского народа, необходимо позаботиться о создании серьезного народного воспитания не в виде школ для толмачей и других административных потребностей, а в виде целой системы органов распространения европейской науки и гуманности» (В.О.Ключевский «Исторические портреты». М.: Издательство «Правда» 1990).

Чокан Валиханов был первым в Казахстане исследователем религии, выдающимся религиоведом, оставившим зарисовки верований, бытовавших в Казахстане. Эти зарисовки сделаны с таким знанием дела, что интерес к ним непреходящ и не только в плане изучения истории религии в Казахстане, но и в плане общих проблем религиоведения. Исследования ученого представляют возможности для аналогий и сопоставлений.

Валиханов не считал также, что вместо ислама стоило бы распространять среди казахов христианство. Он не отдавал христианству предпочтения перед исламом и обращал внимание на то, что народы Сибири противятся христианизации даже сильнее, чем исламизации, и что христианизация вовсе не оказывает на них благотворного влияния.

Могу с полной уверенностью заявить, что редакторы и корректоры рукописей Чокана не имели морального права приписывать то, чего у него и в мыслях не было. Хочу также предупредить *Современного читателя* и всех тех, кто будет изучать первичные материалы, написан-

ные рукой Чокана, относиться внимательно, критически на возможное умышленное искажение собственноручных записей ученого, то есть на предмет приписки. В этом случае можно легко выявить трудноскрываемую фальсификацию. Ведь не секрет, что при царизме в экспансионистских целях царскими спецслужбами всячески поддерживалась мусульманская религия не в чистом виде. При советской, тоталитарной системе — наоборот, любая религия отвергалась. То есть ислам имел двойной стандарт. В обоих случаях фальсификации были неизбежны.

Выделенные курсивом два предложения написаны чужими руками. Цитата взята из работы Чокана Валиханова. *«... Мусульманство пока не въелось в нашу плоть и кровь. Оно грозит нам разъединением народа в будущем. Между киргизами еще много таких, которые не знают и имени Мухаммеда, и наши шаманы во многих местах степи еще не утратили своего значения. У нас в степи теперь период двоеверия, как было на Руси во времена преподобного Нестора. Наши книжники также энергически, как книжники древней Руси, преследуют свою народную старину. Под влиянием татарских мулл, средне-азиатских ишанов и своих прозелитов нового учения, народность наша все более и более принимает обще-мусульманский тип. Некоторые султаны и богатые киргизы запирают жен своих в отдельные юрты, как в гаремы».*

Автор глубоко сожалеет, что на эту чистой воды фальсификацию «клюнула» не кто-нибудь, а доктор экономических наук Айгуль Тулембаева, которая на страницах уважаемой газеты «Свобода Слова» на всю страну, вместе с искажением религиозных убеждений Ч. Валиханова, продемонстрировала элементарное незнание незыблемых основ ислама, без которых он теряет силу и божественную неприкосновенность своей сущности, о чем подчеркивается во всех авторских тафсирах. Но об этом несколько позже.

Далее Чокан указывает, что набожные киргизы начинают ездить в Мекку; а баяны наши, вместо народных былин, поют мусульманские апокрифы, переложенные в народные стихи. Вообще киргизскому народу предстоит гибельная перспектива достигнуть европейской цивилизации не иначе, как пройдя через татарский период, как русские прошли через период Византийский. Как ни гадка византийщина, но она все-таки ввела христианство, элемент, бесспорно, просветительный. Что же может ожидать свежая и восприимчивая киргизская народность от татарского просвещения, кроме мертвой схолластики, способной только тормозить развитие мысли и чувства? Мы должны во что бы то ни стало обойти татарский период, и правитель-

ство должно нам в этом помочь. Для него это так же обязательно, как для нас спасение утопающих. Для совершения этого человеколюбивого дела на первый раз следует только снять покровительство татарских мулл, фанатичных идей, ложно прикрываемых именем Аллаха, Слава Ему Великому.

В исламе нет фанатичных идей. Фанатики, прикрываясь именем ислама, искажают ислам. Также как в наши дни, изменяя сущность ислама, они приписывают ему «исламский терроризм», «исламский экстремизм». Против подобных целенаправленных толкований ислама неоднократно выступали и выступают исламские лидеры, в том числе муфтий Казахстана, и даже Папа Римский. Это первое. Второе, как видим из отрывка письма Ч.Валиханова, он, как истинный патриот своей Родины, был убежден в обучении молодого поколения в казахских школах. «Ислам учит человека правильно использовать свой интеллект и способности. Коран содержит указания и подробные правила устройства справедливого общества, правильного поведения человека и справедливой экономической системы». (Ахмад Алам).

Ч.Валиханов пишет: «... И у нас в степи все благотельные меры правительства, все выгоды новых учреждений не приносят ожидаемых результатов именно вследствие того, что они парализуются возрастающим религиозным изуверством. Киргизы наши теперь более чуждаются русского просвещения и русского братства, чем прежде. О вреде мусульманского изуверства и вообще всякого религиозного фанатизма на социальное развитие народов, после всего сказанного нами выше, мы считаем излишним распространяться. Известно, что и в Европе преобладание изуверского теологического духа проявлялось в народном развитии самым бедственным образом.

Далее: «В некоторых казачьих станицах почти половина населения состоит из крещенных киргизов, например, в Ямышевской, Чистой и в некоторых других. В 1861 году или в 1862 году, хорошо не помним, областное начальство в первый раз дозволило некоторым крещеным киргизам оставаться в степи на прежних инородческих правах: мера эта, по их мнению, должна в будущем принести немаловажную пользу киргизскому народу. Киргизы до сих пор думали, что сделаться христианином, значит сделаться казаком или мещанином. Но их ожидания были напрасны», — указывает Чокан.

Оппоненты Чокана в один голос и сегодня продолжают утверждать, что он предлагает всем мусульманам принять христианскую веру. Это далеко не так. Он с не меньшим упорством осуждает и насиль-

ственное внедрение христианства среди сибирского казачества: «... **Мы далеки от того, чтобы советовать русскому правительству вводить в степи христианство каким бы то ни было энергическим путем, точно не предлагаем ему преследовать ислам, подобные крутые меры ведут всегда к противным результатам.** Христианство, вводимое между инородцами сибирскими через наших миссионеров и священников, по свидетельству компетентных людей, идет крайне неуспешно и, что всего важнее, оказывает на народ не совсем благодетельное влияние. **Остяки убегают от православия в леса и так боятся проповедников русской веры, что скорее обращаются в ислам, чем в православие.** Кастрен говорит, что остяки потому только не селятся по берегам Оби, богатой рыбою, что **боятся русской веры и русских миссионеров.** Еще князь Щербатов говорил, что инородцы жаловались ему на бесчеловечие и **мздоимство попов своих, кои только грабят и мучить их приезжают.** («Очерки Сибири», «Библиотека для чтения», октябрь 1862 года).

На наш взгляд, религиозное учение Чокана Валиханова актуально и сегодня. Так, например, он отмечал: «Пользуясь возникшим вопросом о духовном суде, можно было бы предпринять коренные реформы в духовном управлении нашей степи.

1) Отделить киргизскую степь от ведомства оренбургского муфтия, как народ различествующий от татар по исповеданию веры, и назначить особого областного ахуна (имама), который бы состоял подобно советнику от киргиз при общем присутствии областного правления.

2) Утверждать в звании мулл только коренных киргизов или киргизских хоже, если будут настоятельные просьбы о том со стороны народа.

3) Не назначать мулл более одного в округе, а должности указанных в волостях упразднить.

4) Не позволять ишанам и ходжам, приезжающим из Средней Азии, и татарским семинаристам жить в кочевьях киргиз без определенных занятий, и иметь строгое наблюдение, дабы они не образовали между киргизами дервишеских и мистических обществ подобно тем, которые существуют теперь в Баян-Аульском и Каркаралинском округах. Думаю, никто не будет оспаривать правильность внесенных Чоканом предложений в Инстанции о совершенствовании вероисповедования в Степи.

Он пишет далее: «Кроме мулл у нас много и других вредных шарлатанов. Мы говорим о татарах и среднеазиатцах, которые занимаются медицинской практикою. Если б они пользовали доверчивых кирги-

зов безвредными травками, заговорами и амулетами, подобно знахарям и лекаркам, мы не стали бы об них и говорить. Но дело в том, что господа эти лечат не иначе, как на смерть; от всех грудных болезней употребляют они чилибуху, а иногда и сулему, от сифилистических болезней дают ртуть и киноварь в такой ужасной дозе, что больные большею частью отравляются. Кровопускание делают всем и каждому без всякой причины, потому только, что Мухаммед, якобы, заповедал это в Коране. Наконец, в самом народе нашем таится много темных предрассудков и вредных обычаев. Вытравливание плода, выдавливание его в последний период беременности, убийство дитяти после рождения у нас в общественном мнении преступлениями не считаются. От того по статистическим источникам преступления эти между киргизами не значатся.

Но мы бы мало согрешили против правды, если бы сказали, что половина совершеннолетних киргизских девиц, способных к оплодотворению, не раз были преступны в детоубийстве: обычай этот тем более ужасен, что прелюбодеяние в девичьем состоянии у киргизов не составляет большого порока и не приносит грешной такого позора и бесчестия, как в обществах европейских. А что делают киргизы с роженицами? Вследствие ранних и излишних половых наслаждений или по узости таза, что, вероятно, происходит от постоянной верховой езды, роды у киргизок бывают большею частью трудные. Киргизы же ненормальные роды приписывают наваждению злого духа и потому бьют, пугают рожениц, тянут им язык. Понятно, что при таких диких понятиях и, наконец, при совершенном отсутствии акушерок и бабок, много беременных женщин умирает от родов или побоев.

Много гибнет народу от тифа, от простуды, от сифилиса и других болезней, от того только, что некому подать больным разумную медицинскую помощь. У нас полагается один доктор на округ и, кажется, для того только, чтобы писать медицинские свидетельства и рассекать трупы. Доктора эти обязаны прививать киргизам оспу, но киргизы боятся их более, чем остяки священника. На доктора киргизы смотрят, как на чиновника и пользы от него не ждут. От оспопрививания убегают или откупаются» Подписал штабс-ротмистр Валиханов. 28 фев. 1864 г. Омск. (Сочинения Ч. Ч. Валиханова. СПб. 1904 г., с. 151-172.

Для характеристики той стадии, которую переживала религия в Казахстане, Валиханов использовал термин «двоеверие», который уже был принят в религиоведении. Нижний слой этого религиозного комплекса — архаичные верования, имевшие за собой уже тысячелетнюю

историю, верхний — ислам, который в связи с усилившимся процессом феодализации в Казахстане и поощрительной политикой в отношении этой восточной религии со стороны царского правительства России делал быстрые успехи. В своей работе «О мусульманстве в степи» то двоеверие, которое сложилось в Казахстане, Валиханов сопоставляет с двоеверием, существовавшим на Руси после принятия христианства во времена Нестора. Ни Нестор, ни его современники, не оставили столь детального изображения двоеверия, как это было сделано в работах Валиханова, раскрывавших взаимодействие разнородных пластов синкретического религиозного комплекса, взаимопроникновение разнородных его элементов, механизм его функционирования. Поэтому при изучении, в частности, процесса христианизации Руси, также приведшего к образованию двоеверия, исследования Валиханова дают такой материал, который помогает, до известной степени, прояснить и феномен христианского двоеверия, в существенных своих чертах аналогичного исламскому.

Валиханов писал А.Н. Майкову, что с местными султанами и богатеями он не ладит, но зато находится в большой дружбе со степным пролетариатом. Стремясь служить интересам народа, Валиханов выдвигал свою кандидатуру на выборах в старшие султаны одного из округов. Одной из причин того, что на выборах его в конечном счете постигла неудача, ***Валиханов в письме к Ф.М. Достоевскому от 15 октября 1862 г. считал религиозный фанатизм: противники обвиняли его в том, что он «не верит в бога и с Магометом состоит в личной вражде».*** Будучи прекрасно осведомленным об исключительно почтительном отношении А.С.Пушкина к Мухаммеду, подобные заявления со стороны Чокана в отношении Пророка полностью исключаются и являются форменной клеветой ученых-атеистов тоталитарного режима.

Большой научный интерес представляет исследование Ч. Валиханова по истории религии. Историю проникновения и смены религий на территории Восточного Туркестана он изучал на основе источников. «Нельзя положительно сказать, в какое время буддизм водворился в Восточном Туркестане, — писал он, — по свидетельству китайских писателей, он существовал там еще при династии Хань. В 140 г. до р. х. города Восточного Туркестана составляли отдельные владения и исповедовали буддийскую веру». Ч. Валиханов сообщает, что ислам в Восточный Туркестан начал проникать в VIII в. В последующие столетия он насаждался «огнем и мечом». Характеризуя религиозную приверженность уйгуров 50-х годов XIX в., Ч. Валиханов отмечал отсутствие у них фанатизма в противоположность жителям Западного

Туркестана. И в связи с этим он писал: «Всего лучше кашгарская умеренность выражается выгодным положением женщин в домашнем и общественном быту. Женщины... занимают почетное место в обществе, и многие из них приобрели историческую известность... Женщины принимают участие в удовольствиях своих мужей, и в собраниях присутствие их считается необходимым».

Борьба против уродливой, искаженной формы ислама, усиленно насаждаемого царизмом, занимала важное место в публицистике ученого. Мысли Валиханова о реакционной сущности такого религиозного учения и его пагубном влиянии на социальный прогресс звучат актуально и ныне.

В работе «О мусульманстве в степи» Чокан, анализируя причины существования шаманства у казахов, полагает, что из-за недостатка духовенства мусульманство не смогло глубоко внедриться в степь, а потому образовавшийся «вакуум» в религиозных верованиях народа по-прежнему заполняло шаманство. Данное обстоятельство привело не к антагонизму ислама и язычества, а к сосуществованию мусульманских и шаманских представлений. При этом произошла замена прежних понятий новыми, а суть их осталась прежней.

В своих исследованиях Ч.Ч. Валиханов показывает, каким образом религиозные представления казахов совершали эволюцию от наивно-анимистических взглядов, почитания природы как божества к мусульманскому единобожию. А это в сложных специфических условиях Казахстана привело к симбиозу различных начал, в результате чего ассимиляция идеи Аллаха, Слава Ему Великому, обусловила исчезновение «второстепенных тэнгри, почитаемых в олицетворениях, и особенно тех, которые имели изображения».

Ч.Ч. Валиханов рассматривал антинаучный, уродливый ислам как средство одурманивания народных масс, со стороны привнесенный в казахские степи, который так и остался внутренне чуждым мусульманству. Широкие народные массы, которые являлись мусульманами «только по имени», подвергались моральному угнетению и «религиозному изуверству». В этих условиях Ч. Валиханов трактовал ислам, в каком виде его пропагандируют, как средство общественного регресса казахского народа, навязанное ему царским правительством в известном «Учреждении» Сперанского для успешного претворения в жизнь колониальной политики.

Трудно найти более негодующие слова, нежели те, которые он высказывает о степных муллах, этих «полуграмотных плутах»: «...духовенство, которому вверило русское правительство наше нравствен-

ное воспитание, занималось до сих пор только нравственным нашим растлением, брало взятки, учило ханжеству и вместе с среднеазиатскими выходцами обманывало доверчивый наш народ».

Естественно, что в этих условиях ученый выступал против передачи дела народного образования в руки мусульманского духовенства как способ сохранения народа в состоянии невежества и духовной нищеты. **«Чудовищная фантастика, мертвая схоластика и ни одной реальной мысли,— пишет Ч. Валиханов.— К этим вопиющим явлениям для полноты картины нужно присоединить еще то обстоятельство, что вся эта мертвечина, долбление текстов из Корана на арабском языке без всяких комментариев и переводов и слепое заучивание на память всякой схоластической ерунды вбивается киргизским детям не иначе как палкой»** (Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т. I. С. 470. Там же. С. 470—471).

Отметим, что он допускает комментарии и перевод слова Корана на другие языки (Тафсир), но намаз, который обязуется читать на арабском языке верующий — это истинное обращение к Богу, но не на языке перевода. Это принципиальная разница.

Обратиться с просьбами и пожеланиями (дуга) — это общепринятая и широко используемая практика. Читая намаз на арабском языке, **верующий человек обязательно должен знать смысл намаза из Корана, написанных на родном языке. Значение смысла намаза, читаемого на арабском языке, является главным и обязательным условием ислама. В противном случае, теряется вера, что есть вторая ступень, то есть вера в Аллаха, Слава Ему Великому, Его ангелов, Его книги, Его посланников, вера в Ссудный день и предопределение.** Каждое из них имеет глубокий смысл и не каждому дано постижение их истинного значения. До этой ступени, существует первая ступень — Ислам, что означает покорность, подчинение себя Аллаху, его религии. И, наконец, третьей ступенью является Ихсан, что означает искреннее посвящение всех добрых дел только одному Аллаху, Слава Ему Великому.

Например, добрые деяния не совершаются, чтобы получить славу, власть, доброе имя, хвалбу, земные удовольствия, уважение близких людей и окружающих и т.д., а посвящается одному Аллаху, Слава Ему Великому. Поэтому в большинстве случаев добрые дела совершаются, как можно без свидетелей и без оглашения. Истинный мусульманин (муслим — покорность Богу, послушный Господней воле, избранный Аллахом, Слава Ему Великому). Коротко говоря, те, кто добровольно, с радостным послушанием Слову Его, предался Его воле. Именно так переводится арабское слово «муслимун», его русская калька

«мусульманин» (см. В.Порохова: Перевод смыслов и комментариев, примечание 1418).

Во вступлении В.Порохова пишет (с.7, второе издание), что все пророки, в их силе Ной — Нух, Авраам — Ибрагим, Моисей — Муса, Иисус — Иса, Мухаммед получали от Бога чистую веру, одну веру, веру ислама. Не Мухаммед является провозвестником ислама, и он также не является его основателем. Все пророки получали одну веру, веру ислама. Поэтому между верами пророков нет различий — (см. суру 87, айаты 18-19), так как все божественные книги, ниспосланные пророкам, взяты из одной «Матери Писания» — Лаухы Махфузда — казахское название этой Главной книги, хранящейся у Бога, от которой переписаны все божественные книги ангелами, и ниспосланы пророкам для руководства и проповеди (см.суру 13,айат 39 и примечание В.Пороховой 935). **Однако все божественные книги, ниспосланные пророкам до пророка Мухаммеда искажались частью по вине людей (книжниками, фарисеями, первосвященниками), частью от действия злого духа (см.вступление В.Пороховой, с.7). Бог последовательно избирал и самих людей, своих пророков и ниспослал им священные книги, в том числе и Коран — Мухаммеду. Не поэтому ли запрещено читать намаз на других языках, кроме арабского?!**

К тому же все попытки дословного перевода Корана оказались безуспешными, невозможными, в силу глубокой и сложной смысловой нагрузки. В.Порохова во вступлении подчеркивая этот факт, пишет, что структура айатов и их смысловая значимость настолько совершенна, своеобразна и многолика, что дословному переводу не подлежит и возможным представляется лишь смысловое толкование Корана, что было сделано основным переводчиком Корана на казахский язык незабвенным Халифа Алтаем. Поэтому все издания Корана на других языках выпущены под заголовком «Толкование Корана» или перевод смыслов и комментариев Священной Книги. Иных названий перевода Корана нигде не дается.

Все это должно убедить любого разумного человека в абсурдности, пагубности и невежественности предложения некоторых ученых о чтении намаза на казахском языке. Сам Бог оберегает Коран от искажений (см.15 суру, 9 айат). **За 14 веков своего существования Коран не претерпел никаких изменений** (см.В.Порохова,с.7).

Всемирно известные религиоведы, профессора: Доктор Ульям (Дауд) Пичи, Майкел (Абдул-Хаким) Томас, Тони (Абу- Халиль) Сильвестер, Сальман Султан, Махджуб О.Таха, Али Ат-Тамими едины во мнении, что «Коран был ниспослан Мухаммеду на арабском языке». Поэтому любой перевод Корана на английский или какой-либо дру-

гой язык не является ни Кораном, или даже версией Корана, но лишь переводом смысла Корана; Коран существует только на арабском языке, на котором он был явлен миру». (И.А. Абу-харб. Руководство для понимания Ислама. Дубаи. 2006. С.78).

В наши дни наблюдается феноменальный рост ислама прежде всего в США, самой богатой и цивилизованной стране мира. Вот лишь несколько подтверждений этому:

- «Ислам является самой быстроразвивающейся религией в Америке, ориентиром и оплотом стабильности для многих людей в нашей стране (Хиллари Клинтон. Первая леди подает руку мусульманам. «Лос Анджелес Таймс» от 31 мая 1996 г., стр.3.);

- «Мусульмане представляют собой самую быстрорастущую группу населения...» (Тимоти Кенни. Статистическое демографическое бюро - США. Сегодня. Итоговый выпуск, раздел новостей, 17 февраля 1989г., стр.4);

- «Ислам является самой быстроразвивающейся религией страны» (Джеральдина Баум. «Ради любви Аллаха». Ньюсдей, издание для Нассау и Саффолка. Часть 2,7 марта 1989 г., стр.4.);

- «Ислам, самая быстроразвивающаяся религия в Соединенных Штатах... Верующие граждане читают Коран в подлиннике...» (Ари Л. Голдман «Ислам увлекает черных американцев». Нью-Йорк Таймс. Вечерний городской итоговый выпуск, 21 февраля 1989г., стр.1).

Нет никаких сомнений в том, что такое большое количество американцев и людей из других стран обратилось в ислам, предварительно не обдумав свой шаг и не придя к выводу об истинности ислама. Обращает на себя внимание то, что среди людей, принявших ислам, можно встретить известных личностей из разных стран и сословий, людей разных национальностей и образа жизни. Среди них фигурируют имена выдающихся ученых, лауреатов Нобелевской премии, философов, журналистов, актеров, спортсменов, бизнесменов и предпринимателей и даже сотрудников специальных служб. Безоговорочно принимая ислам, никто из них не отмечает необходимость перевода Корана на их родные языки. И только в Казахстане нашелся человек, бросивший вызов мировой цивилизации в ошибочности обращения к Богу только на арабском языке. В статье «Всевышний нас поймет» А.Туламбаева призывает граждан Казахстана из 130 национальностей обращаться к Богу каждый на своем языке, а в области экономики общаться друг с другом только на русском языке.

По мнению других авторитетных ученых, Идрис Ралмера, Джамал Зарабозо, Х.О.Синди, А.Ф. Стейт: «В Коране, который был явлен

миру четырнадцать столетий назад, упоминаются такие факты, которые получили научное подтверждение лишь совсем недавно. При этом с начала ниспослания и до наших дней в Коране не было изменено ни одной буквы». (И.А.Абу-харб, стр.8).

И если кому-то «удастся» перевести Коран на другой язык дословно, как и все тафсиры (комментарий Корана) и переводы смыслов Корана, он (она) должен получить разрешение на издание в духовных и научно-исследовательских учреждениях ислама, что вряд ли возможно и допустит ли такое муфтий Казахстана.

Указания американского путешественника Скайлера (Schuyler) о том, что якобы царское правительство сделало казахов мусульманами, является легендой, распространявшейся русскими миссионерами для того, чтобы выжить из Казахстана мулл из числа коренного населения,— конкурентов татар в деле обмана народных масс, заменив их фанатичными муллами, которые верой и правдой безоговорочно служили царизму. Царское правительство охотно прибегало к услугам татарских мулл и переводчиков (пока не создало таковых из среды самих казахов) и поэтому вынуждено было в переписке пользоваться татарским языком. Впоследствии царское правительство, наоборот, принимало меры против большого наплыва татар в Казахстан. Это связано с тем, что казахские муллы быстро переняли их опыт и стали превосходить своих вчерашних учителей в знании основ ислама. То есть местные просвещенные умы стали понимать пагубность примитивного использования ислама в народе. Правительство же вынуждено было прибегать к услугам татарских мулл в связи с тем, что другого способа закабалить казахские массы не было. Татарские муллы и переводчики являлись верными слугами царизма и сыграли большую роль в деле окончательного захвата Казахстана царизмом». (Прошлое Казахстана в источниках и материалах Алматы «Казахстан». 1998 С.289-291. Под редакцией проф. С.Д. Асфендиярова).

В какой-то мере Валиханов догадывался, что человек не только продукт природы и не исключительно биологическое существо. Социальную сущность человека Валиханов склонен был сводить к степени его приобщения к знаниям, к просвещению. Казахские просветители интересы земной жизни противопоставляли фиктивным интересам на «том свете». Особенно большая заслуга в этом отношении принадлежит Ч.Валиханову. Он указывает на несостоятельность мусульманского представления о смысле человеческой жизни и на его лжегуманизм, выводит подлинные интересы человека из земных, естественных основ (М.К.Илюсизов).

Как видим, наши уважаемые писатели советского периода, согласно установке «партии и правительства», были вынуждены писать о Чокане, как об атеисте, не принявшего ислам, не посещавшего мечеть и выступавшего против обучения детей в медресе (С.Бегалин. Чокан Валиханов. Москва «ДЛ» 1976, 167-168 с.). Это подтверждается другими авторами (С. Муканов «Промелькнувший метеор» Алматы. «Жазушы» 1980. 366-367 с.), а также учебниками по истории Казахстана. Это при том, что Чокан считал, что **«Коран является как свод законов для истинного правоверного, что он является одним из основных источников международного права на Востоке»**. Современники вспоминают общеизвестную фразу, произнесенную Чоканом в беседе с Букашем во время спецподготовки для совершения нелегальной «ходки» за кордон: **«Человек предполагает, а Бог располагает»**.

2 декабря 1862 года Чокан Валиханов отправил письмо в Петербург Андрею Николаевичу Бекетову. Начинается оно шуточно: «Многоуважаемому профессору свидетельствует свое почтение киргиз-кайсак Валиханов из Средней орды и просит прощения за неаккуратность в переписке, причем он, Валиханов, **возлагает свое упование на Аллаха** и надеется, что неаккуратность, как его национальное качество, приносит ему более чести, чем осуждения».

Или вот такой разговор состоялся между Чоканом и Мусабаевым во время заграникомандировки:

- Долгая дорога, опасная, но Аллах милостив.

- **Аллах велик, мудр!** - Чокан прочел по-арабски из Корана на память суру 76 «Аллах, Слава ему Великому, кого пожелает, в свою милость, а обидчикам приготовил Он наказание мучительное». - Чокан увидел по сосредоточенному лицу своего компаньона, что ученость Алимбая выше всяких похвал. Опытный караванбаши перешел к делу.

- В Кашгаре цены на скот поднялись вдвое, а по некоторым слухам - и втрое.

- Скот, **слава Аллаху**, всегда дорожает во время войн и восстаний...» - заключил Чокан.

А вот еще из Собрания сочинений. Письмо юного Чокана к родителям: «Мир Вам и тем, кто присутствует у Вас! Обладателю уважения и счастья и возвышающемуся великодушием и милосердием любезному батюшке и дражайшей и непорочной матушке, чтимую нами наравне с высокоуважаемой Каабой, посылаем многие и премногие салеми наши; затем, если будет милость Ваша осведомиться о положении бюджета Ваших сыновей, **хвала Аллаху и благодущие!** мы здо-

ровы и невредимы *по благодати Ваших святых молитв, а что последует за этим, то дело божье...*».

Еще один пример: «...Прощание с Федором Михайловичем было коротким и печальным. Смотрели друг на друга с нежностью. Достоевский только и сказал: «Очень прошу тебя, Чокан, *найди мне Коран в русском переводе*».

А это отрывок из письма Хусаина Фаизханова Чокану от 7 апреля 1863 года: «...Глубоко благодарен за то, что Вы предоставили мне возможность снять копии Ваших (восточных) тетрадей, находящихся у меня. Я еще не кончил их копировать, как кончу, так передам Романовскому. *Перевода Библии в Петербурге нет, весь тираж отправлен в Казань. У меня имеется только «Апостол». Если Всевышний окажет мне милость, я куплю Библию в Казани и вместе с «Катехизисом» пришлю Вам*...Рукопись еще не смотрел, копии не снимал».

И, наконец, Чокан при заполнении анкетных данных о себе в графе «вероисповедование» писал — *«Магометанской веры»*. Начальник тайной Канцелярии Блудов перед аудиенцией у Царя по случаю награждения, спросил, глядя на Анкету: *«Какой Вы веры, Валиханов?»* **Ответ Чокана:** *«Для меня все религии одинаковы, Ваше Превосходительство»*. **Ответ истинно по Чингисхану!**

Несколько в отрыве от контекста попутно хочу заметить, Х.Фаизханова спецслужбы постоянно навязывали в попутчики Чокану во многих его поездках, расхваливая его как знатока данного региона. Автор нигде не нашел ответа, каким образом рукописи Чокана попали в руки Х.Фаизханову, и почему он должен снимать с них копии.

Современный читатель помнит, что многие рукописи Чокана утеряны. Есть даже конкретные цифры исчезнувших страниц — 350! В разделе «Загадочная смерть разведчика» мы еще поговорим о взаимосвязи с действиями насильно приставленного к Чокану в качестве денщика — Сейфульмаликова. После смерти Чокана, прибывший в аул Тезека генерал А.К.Гейнс, не смог обнаружить часть рукописей Чокана. Куда они делись?

Там мы могли бы обнаружить более глубокие исследования религии и сведения, опровергающие всякие небылицы о ней в этой области человеческой деятельности. Тем не менее, уже то, что написал Чокан о религии, в частности, об исламе, безусловно способствовали ученым, историкам, политикам, теологам, государственным деятелям активно бороться за чистоту учения ислама, за утверждение в обществе научного подхода к восприятию Корана, ниспосланного Аллахом, Слава Ему Великому.

*«Отрок милый, отрок нежный,
Не стыдись, навек ты мой;
Жизнью живем одной.
Не боюсь я насмешек:
Мы сдвоились меж собой,
Мы точь- в- точь двойной орешек
Под единой скорлупой»
«Подражание Арабскому»
А.С. Пушкин (1835)*

*«Золотая Орда была химерой, тогда как Белая орда стала ядром
образования нового самостоятельного этноса — казахов»
(Л.Н. Гумилев)*

ВКЛАД В МИРОВУЮ ЭТНОГРАФИЮ И ОНОМАСТИКУ

Первый этнограф Казахстана. Разные толкования терминов.

Откуда появились казахи? Кто в ком сидит? Нет языка — нет народа!

Проблемы ономастики. Quite on the contrary! Завещание потомкам.

Казахская этнография благодарна выдающимся российским историкам Н.Гумилеву, Н.Карамзину, В.Ключевскому, Б.Грекову, В.Бертольд, С.Соловьеву, Б.Владимирцеву, В.Пашуто, В.Вернадскому, В.Васильеву, А.Левшину, Г.Кляшторному, В.Вельяминову-Зернову, П.И.Рычкову, И.Н.Березину, В.П.Курылеву и другим ученым, обратившихся в своих трудах к истории древнего Востока, особенно Великой степи. Они глубоко научно и фактологически достоверно довели до мировой, читающей общественности богатую, полную драматизма, историю саков, гуннов, монголов, тюрков, татар, кипчаков (половцев и кумани), а также других племен и народов, населявших огромную территорию современного Казахстана.

По проблеме этногенеза казахов и этнонима «казах» написано немало работ русскими исследователями. Среди них представляют большой интерес и близки по тематике исследования Н.А. Аристова (Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей... СПб., Вып. III—IV, 1896, В.В. Вельяминова-Зернова (Исследование о Касимовских царях и царевичах. СПб, 1864), А.И. Левшииа (Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей. СПб, 1832), П.И. Рычкова (История Оренбургская по учреждению Оренбургской

губернии. Оренбург, 1896), А.П. Чулошникова (Очерки истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Оренбург, 1924) и других авторов. Обобщая труды названных авторов, можно утверждать, что они, опираясь на предания и легенды, на основе фольклорного и этнографического материала, а также привлекая доступные письменные источники, пытались раскрыть суть проблемы, связанной с происхождением казахского народа, его этнической историей, структурой в древности и в позднее время.

Вплоть до середины XIX в. в историографии преобладало мнение, высказанное впервые Витзенем, согласно которому казахи произошли от енисейских кыргызов. П.И. Рычков считал, что казахи произошли от «алтай-киргызов», а Н.Я. Бичурин полагал, что казахи были приемниками древнего Кангюя. В свою очередь А.Н. Левшин считал, что казахи- «народ древний», который составляет «одну из отраслей турецкого племени» и по древности «не уступает ни найманам, ни киргизам». Авторы в своих суждениях базировались в основном на домыслах, поскольку они не знали идентичных источников.

Известно, что о происхождении этнонима «казах» слагались легенды. Существуют также многочисленные гипотезы исследователей Л.И. Лаптева, В.В. Радлова, А.И. Самойловича, А.Н. Бернштама, С.К. Ибрагимова, А.Т. Кайдарова и других.

Вопросы этнического состава и происхождения казахского народа освещались в работах казахстанских историков С.А. Аманжолова, Х.М. Адильгереева, М.Б. Ахынжанова, А. Маргулана, С.Д. Асфендиарова, М. Тынышпаева, М. С. Муканова, В. В. Вострова и др. Они также внесли большой вклад в исследование этногенеза казахского народа.

Со времени выхода известной книги А. Левшина о казахах (1832 г.) в трудах некоторых ученых распространено утверждение о том, что в «Шах-наме» Фирдоуси (рубеж X-XI вв.), в разделе о Рустаме, якобы, говорится о народе казахах и ханах казахских. Однако это основано на каком-то недоразумении. Содержание бессмертного творения гениального Фирдоуси достаточно хорошо известно ориенталистам, и там нет ни слова о казахах. Одно из ранних упоминаний слова казах в мусульманских письменных памятниках встречаем в анонимном тюрко-арабском словаре, составленном, вероятно, в Египте, известном по рукописи 1245 г. и изданном в Лейдене в 1894 г., со значением «бездомный», «бесприютный», «скиталец», «изгнанник» (С.Г.Кляшторный, Т.И. Султанов. Летопись трех тысячелетий». Алматы. «Руан», 1992).

Левшин настаивает: «...Ведь в числе покоренных Чингисханом народов были казахи, впоследствии получившие название «киргиз», занимавшие огромную территорию Степной империи. Их верховная власть передана старшему сыну великого завоевателя Чингисхана — Джучи. Но она была номинальной, потому что казахи-киргизы сохранили своих ханов, и еще, войдя в состав монгольской империи, активно участвовали в ее победоносных походах. Словом, присоединение их еще более усилили боеспособность захватнической армии и ускорили их продвижение на Запад» (А.И.Левшин «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей». Алматы, «Санат», 1996. С.144).

Интересно отметить, что чуть позднее выдающийся венгерский ученый А. Вамбери попытался реанимировать точку зрения А. И. Левшина о домонгольском происхождении казахов, основываясь именно на сообщении Фирдоуси о казахах. В дальнейшем немало авторов, в частности М. Тынышпаев, М.Ахинжанов, С.Асипулы, К.Данияров, К.Закарьянов и др. в той или иной форме пытались возродить гипотезу А. Вамбери, но современная историография придерживается точки зрения Ч. Ч. Валиханова.

Появление этнонима «казах» связывать с этим (имеется в виду откочевку Кирея и Джанибека Б.К.) с событием, словно до этого в истории не было народа по имени «казах», было бы неправильным. Другие авторы полагают, что термин «казах» появился в период татаро-монгольского завоевания, и казахи как народ утвердились после распада Жошынского улуса в начале XIV в. При этом источники ссылаются на Ч. Валиханова, находившегося под влиянием русской исторической науки и, якобы, поддерживавшего эту версию.

Олжас Сулейменов пишет: «Мне кажется, не последнюю роль в рождении этого уподобления сыграл тюркский энтоним — «казак». В народной этимологии он и поныне разлагается на «каз ак» — гусь белый, т. е. Лебедь. Благодаря такому пониманию народного имени Лебедь и Гусь стали своеобразными поэтическими тотемами казахов. Народ Белых Гусей обожествлял этих птиц. Убить гуся или лебедя считается великим грехом и поныне (Аз и Я. А.:1992. В связи с неоднократным переизданием книги страницы не указываются. Б.К.)

В газете «Свобода Слова» № 7 (151) 21-24 февраля 2008 г. известный философ Н.Амрекулов писал: « ... Так пошли смельчаки Каз-Аки, народ светлой, как лебедь души. Она всегда была частицей Бога, всегда бунтовала и по-лебединому рвалась на простор. Все народы знали это и считали святотатством убить лебедя...»

М.Тынышбаев пишет: «... Некий батыр Калча-Кадыр был спасен от смерти от жажды «каз-ак» или белой гусыней. Она оказалась доброй пери и вышла за него замуж. Потомство от бывшей белой гусыни «каз-ак» стало называться «казак».

В этом филологическом объяснении допущена грубая ошибка с точки зрения постановки слов в тюркских наречиях, в которых прилагательное всегда предшествует имени существительному: белая гусыня будет «ак-каз», а не каз-ак, а потому потомство должно было называться «акказом», а не «казак» (Материалы к истории киргиз-кайсацкого народа. Ташкент. 1925. С.31) .

«Название нашей стране дало коренное население — казахи, представляющие собой переходную — от расы европеоидной к монголоидной, южно-сибирской, смешанную туранскую расу. А слово «казах» впервые появилось еще в средневековье, в тюркско-арабском словаре. На карте, составленной английским торговым агентом А.Джениксоном, пересекшим по пути из Европы в Азию в 1558-1559 г.г., нынешний Западный Казахстан, и изданной в Лондоне в 1562 году, есть пометка «cassah». «Казахи по сути являются основными наследниками древней кочевой цивилизации» (Н.Г. Савицкая, Г.Н.Кулагин, Е.М. Чудин. «Возжигая пречистые огни». Алматы: БИС, 2004. С.11).

М.Барманкулов пишет: «... Казалось бы, слово казах так закрепилось за Казахстаном, что о других народах и думать не приходится. Однако есть русскоязычные казаки, которые тоже претендуют на это слово». Н.М.Карамзин свидетельствует про название козаки, что «вероятно, оно в России древнее Батыев» (кн. II, т. V гл. IV, стр. 230). Ряд историков утверждают, что казаки — это не только народ, но и свойство. В древние время употребляли слово «казаковать», то есть вести вольный образ жизни, заниматься охотой, находиться на самообеспечении, быть всегда в походе, а не жить в теплых помещениях. Современный читатель хорошо знает, что в казачьих станицах до сих пор имеются должности «атаман», «есаул», этимология которых исходит из кыпчакской словесности — «ат» — «лошадь», «аман» — «здоровье»; «ес» — «ум, память», «ауыл» — «деревня».

Мурад Аджи (Тюрки и мир: сокровенная история С.1098) пишет: «Этимология слова «казах» (казак) совсем не проста, ее нельзя назвать бесспорной: сказано много, и нет ничего. Самая распространенная версия — «бродячий», «отдельный от нации, от армии», «беглый». Этноним становится яснее, если учесть, что во времена принятия ислама в Средней Азии часть подданных узбекских ханов скрылась на севере, в недоступной степи. Отсюда, мол, беглое происхождение ее

населения... Возможно, этот смысл и стремились передать иезуиты, которые в XVIII веке ввели этноним в оборот, ведь на Западе так называли «отбившуюся от стада скотину». Еще там почему-то полагали, что тюрк, назвавшись казаком, презирал других людей... Что правильно в тех разъяснениях, судить трудно. Возможно, есть иные, более убедительные версии, но они не получили всеобщего признания, а слово «казах» осталось. Несколько с иных позиций к данной теме ставит серьезный вопрос Дана Абдуллина: «Казахи именуют себя мусульманами, потомками тюрков (ошибочно соединяя «мусульман» и «тюрков» в равнозначные понятия), при этом многие считают главным символом своей цивилизации «Золотого человека», облеченного в боевые доспехи сакского воина. У многих остались в памяти отрывочные понятия: «кочевники», «ханы», «батыры», «жузы».

Выдающееся место в этнографической науке принадлежит Ч.Ч. Валиханову. Он исследовал многие вопросы, связанные с историей Казахстана, в том числе о происхождении казахов, образовании жузов, о происхождении отдельных родоплеменных групп. Из 5-томного собрания сочинений Ч.Ч. Валиханова только в первом, изданном в 1961 г., мы находим статьи «Киргизское родословие, записки о киргизах», «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой Орды» и другие, которые имеют непосредственное отношение к этногенезу казахского народа.

По широте проблематики и глубине проникновения в суть вопроса труды Ч.Ч. Валиханова по истории казахского народа вплоть до начала XX в. не имели себе равных. В статье «Киргиз-кайсаки» Ч.Ч. Валиханов отмечает: «Правильное название народа, населяющего огромный край, простирающийся от юго-востока России до юга Сибири, между Жонгарией, Китаем и Кокандским ханством — это казахи. А указываемые в русских документах так называемые «каракиргизы», — это подлинные киргизы, населяющие побережье Иссык-Куля, верховья рек Текес, Чу и Талас, южные склоны Тянь-Шаня и равнинные отроги Памира. Нельзя путать эти два народа», (см. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 197).

Степные предания говорили о стремлении казахов знать свои истоки, откуда они пошли и почему зовутся казахами. За сказками и легендами Чокану открывалась суть подлинных исторических событий: во времена не столь уж отдалённые степь стала прибежищем разных племен, искавших воли. Отсюда и имя народа «казах», «казак» — значит вольный человек. Чокан стал искать подтверждения своей гипотезы в письменных источниках и нашел у восточных писателей

упоминание о «казаках» как о свободных людях, своего рода рыцарях. Из «Собрания государственных грамот и договоров» Чокан выписал: «казакom кочует на поле», «будучи на поле и живучи казакom». Русские историки интересовались превращением скопища беглого люда в прочно организованное казачество. «В древности слово «казак» встречается в смысле вольный и вольница»... Казачество началось и развилось в Азии и перешло к русским от татар; в русских летописях (в Псковской) рязанские казаки упоминаются в 1444 г., когда они пришли на помощь Москве и (сражались) против татар» (Т. Джанузаков). Казаки — это те же самые татары, утверждает Г. Еникеев в книге «Корона Российской империи». А. Фоменко в книга «Великая Русь и Золотая Орда» пишет, что Мамай является казакom, монгол Батый — русским по прозвищу «Батя» или «Боря».

Н. В. Гоголь называл казачество народом, сложившимся из разных наций, по вере православным, по образу жизни, обычаям, костюму совершенно азиатским. Чокана увлекла возможность исторического сопоставления кочевника-степняка и русского приграничного жителя. Он написал в черновом наброске: «Привольные и обширные Степи киргизские, как Украина для Руси, сделались местом стечения удальцов и батыров, искавших свободу и богатство в добычах. Если русские казаки, запорожские и донские, очень скоро составили отдельную и характерную народность, более или менее различную от великорусского поселения, то нет сомнения, что смутные времена междоусобий орды, выгоняя не отдельные личности, как на Руси, а целые племена, способствовали к образованию отдельной казачьей общины из разнородных племен...» (С. Асипулы «Танталовы муки Степи»).

Чокан Валиханов подробно перечислил в своем труде наименования казахских родов. Каждый из них имел свою историю. И если о казахском народе восточные писатели упоминают начиная с более поздних времен, то наименования казахских родов — кипчаки, найманы, керей — известны авторам, описывающим историю Чингисхана, а по Абуль-Гази каглы еще до Чингисхана жили по Иссык-Кулю, по рекам Чу и Талас.

В трудах «Киргизское родословие», «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды», «О Баянаульском округе», «Очерки Джунгарии», «Западный край китайской империи и город Кульджа», «Записки о киргизах» и др. исследованиях Чокан Валиханов подвергает историко-этимологическому анализу названия народов (казах, кыргыз, уйгур), а также племен (аргын, уйсун, дулат, албан, кыпчак, керей, найман, конурат, алчын, бугу, солты, сарыбагыш, кыдык и др.).

«В научном наследии Ч. Валиханова выделяются указанные выше труды, в которых он анализирует некоторые сложные вопросы этнографии и истории народов Центральной и Средней Азии, Южной Сибири и Казахстана. Велик вклад Валиханова в разработку проблем этнической истории тюркских народов этого региона. Им впервые был высказан целый ряд интересных положений, сохраняющих свое значение по настоящее время, в том числе по этногенезу киргизов, казахов и уйгуров. Труды Ч.Ч. Валиханова по вопросам этногенеза тюркских народов вплоть до появления работы Н. А. Аристова не имели аналогов в мировой науке» (Н.Масанов).

Ч.Ч. Валиханов всегда проявлял живейший интерес к традиционной фольклорной культуре своего народа, систематически собирал генеалогические и исторические легенды и предания. В вышеуказанных трудах Ч. Ч. Валиханова конкретно-исторически было продемонстрировано то важное обстоятельство, что памятники устного творчества, соотносимые с письменными и археологическими данными, послужат едва ли не единственно уникальным источником изучения социальной и этнической истории народа, в особенности его традиционного миропонимания (Н.Алимбаев).

Ч.Ч. Валиханов приурочил образование казахской народности ко времени возникновения «политической отдельной общины» из разноплеменных родов независимо от их происхождения, «соединившихся вследствие общих интересов и известных обстоятельств в одно политическое тело». Иначе говоря, завершающий процесс этногенеза, т. е. фазу его кристаллизации, Ч.Ч. Валиханов связывал с оформлением политического организма. В этой связи интересно заметить, что современные исследователи теории этноса, в частности, Ю.В. Павленко, считают, что на завершающем этапе этногенеза этнос всегда стремится к созданию своего собственного политического, государственного организма. И здесь Ч. Ч. Валиханов во многом предвосхитил свое время, а его идеи находят подтверждение в современных теоретических исследованиях.

На наш взгляд, мнение Ч. Валиханова о происхождении и семантике этнонима *казах* является наиболее убедительным и научно достоверным по сравнению с мнениями других исследователей. Ученый впервые положил в основу исследовательского поиска анализ и сопоставление не только письменных источников, но и казахских генеалогических преданий и легенд, что позволило ему глубоко понять основные элементы этногенетического процесса.

Великий этнограф заключает: «Казахи — народ не древний». «Все данные, собиранием которых я теперь занимаюсь... подтверждают, что народ казак... образовался от союза разных племен турецких и монгольских во время междоусобий в орде, начавшихся тотчас после смерти Бердибека [1359], а не народ древний, о котором писал Фирдоуси». В письме И.Н. Березину он пишет: «По-моему, в арабских источниках о происхождении казахов вряд ли можно что-либо найти, у меня нет сомнения в том, что этот народ появился не раньше XIV в. после распада улуса Жошы». (Валиханов Ч.Ч. Соч.: Т. 2. С. 129).

Таким образом, все утверждения вышеупомянутых ученых о древнем происхождении казахов полностью опровергается первым этнографом нашего народа Чоканом Валихановым. В работе «Киргизское родословие» Ч.Валиханов говорит: «Кочевой степняк, для отличия от своих городских родовичей-соседей, узбеков и ногайцев, гордился именем казака* — свободного степняка, кочевого человека». Ч.Валиханов. Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т.1. С.401)

Имеет право на существование версия ряда авторов о том, что монгольские завоеватели на необъятных просторах Дешт-и-Кипчака обходились без переводчиков, благодаря тому, что от Волги до Китайской Стены проживали тюркские племена. Никто не оспаривает тот факт, что все тюркские племена восточной Евразии изъяснялись на единственно понятном для каждого из них языке — на казахском, который, очевидно, складывался и совершенствовался веками. Может быть, казахи сохранили на этих огромных просторах, ныне называемый Казахстан, единый язык и неделимую территорию, благодаря Чингисхану? М.-Х.Сулейманов считает, что так оно и было.

Повторюсь, что наиболее четко свое мнение по происхождению казахского народа Чокан Валиханов выразил в «Письме к профессору И.Н. Березину» (1852 г.): «Все данные, собиранием которых я теперь занимаюсь, ... подтверждают, что народ казак (так называем себя мы) образовался от союза разных племен турецких и монгольских во время междоусобий в орде (имеется в виду Золотая Орда. — Б.К), начавшихся тотчас после смерти Бердибека (золотоордынский хан из династии Джучидов, умер в 1359 г. — Б.К.). Подчеркиваем, что одним из первых Ч. Валиханов высказал соображение, получившее в настоящее время всеобщее признание, что термин «казак» первоначально

---

*Признание пленного фашиста: «Россия большая страна. Но то, что Москву защищают мужественные солдаты, именуемые себя казахами, нам не говорили». Илья Эренбург (Казактар хақында.А.:1997.С.371).

чально носил социальный смысл и лишь затем с образованием Казахских ханств (XV—XVI вв.) принял этническое значение.

Если с происхождением названий других народов более или менее все ясно, то название и происхождение трех народов — тайна и предмет ожесточенных споров. Это — русские, татары и казахи. Перед нами задача по исследованию происхождения других народов не ставилась. Касательно указанных трех этносов за последние годы между альтернативными историками происходят «ожесточенные» тайные противоборства, имеющие под собой подоплеку отнесения этих народов к тюркскому корню. Сегодня в отличие от послевоенных лет, когда исследователи пытались понять сущность этногенеза народа, ясно, что казахский народ формировался как особенная общность, в основе которой были как элементы индоевропейского, так и азиатско-монгольского плана с преобладанием последних. Антропогенез казахов выделил их из числа всех остальных братских народов Центральной Азии, но связь с ними осталась.

Казахи есть элемент огромной тюркской языковой семьи. Но и их лингвистический уклад не есть простое повторение того, что имеет место у других. В совокупности все упомянутое обособило наш этнос, что позволило сформировать свою государственность. Но уже задолго до нее протоказахи — саки, уйсуны, кыпчаки — защищали те земли, которые мы называем нашей Родиной. С сакских времен территория Казахстана обрела тех, кто связал с ней свою судьбу, и эта связь потребовала немало жертв, лишений, выработала традиции, возраст которых — многие и многие сотни лет, и постепенно эти традиции помогли укорениться и сохраниться казахской интеллигенции в правдивом освещении древней и современной истории Казахстана. (Л.Ахметова).

С большой тщательностью Валиханов восстанавливал в своем труде родословное древо казахских ханов и султанов, начиная от Барака — знаменитого предка ханов всех трех жузов. Все эти сведения надо было торопиться изложить на бумаге, пока еще живы белобородые и те, о ком говорят «кери кулак» — старые уши, «узун-кулак» — длинные уши, то есть люди, слышавшие народные предания в первозданном виде. Чокан изобразил и родословное древо хана Вали, включив туда своих братьев и себя — Мухаммеда-Ханафию. Он сделал примечание, что у казахов ханы и султаны считаются потомками Чингисхана, а простой народ в отличие от них называет себя кара, то есть черный.

Но естественно возникают вопросы: «Какова роль откочевки Гирея и Джанибека в этногенезе казахского народа? Что представляло

собой общество казахов Гирея и Джанибека в политическом, этническом отношениях? Правильно ли утверждение, что откочевка Гирея и Джанибека из Узбекского улуса в Семиречье сыграла решающую роль в этногенезе казахского народа?» Я считаю — правильно.

Такое событие, как откочевка 1459 г., не было ни началом, ни венцом формирования казахской народности. Но оно было одним из главных моментов этого разноаспектного процесса: в 1459 г. в степных просторах Семиречья произошла историческая встреча формирующейся народности с будущим своим именем. И отныне слились в нерасторжимое единство история людей, приверженцев потомков Урус-хана и история слова «казак». Так что откочевка Гирея и Джанибека — это судьбоносное событие и в истории самого слова «казак».

За оставшимися кочевать в степях Восточного Дешт-и Кипчака и Семиречья тюркоязычными племенами, объединенными под властью членов другой ветви Чингизидов, окончательно закрепилось название «казак», за страной — название «Казакстан». С тех пор и до ныне коренные жители этой огромной страны себя иначе не называют, как казахами (казак). Между тем в русскоязычной литературе долгое время (начиная с XVIII в. и до 30-х годов нашего столетия) для обозначения коренного населения Казахстана употреблялись слова кайсаки, киргизы, киргиз-кайсаки, казак-киргизы, казак-буруты, киргиз-казаки. Каждый случай перенесения ошибочного названия на казаков (казахов) имеет свое объяснение и потому требует специального рассмотрения. Слово же казах — современное официальное название многомиллионного народа, занимающего по пространству своих земель первое место среди современных тюрков, представляет собой русский вариант тюркского казак. Официальное утверждение русского варианта тюркского слова казак — казах связано с административно-хозяйственным переустройством Казахстана, происшедшим в 1936 г. (С.Г. Кляшторный).

Вклад Жанибека и Керей в историю казахов и Казахстана очень велик. Они явились выразителями долгого процесса становления казахского этноса и идеи казахской государственности. Неизвестно, что было бы с нашей страной, если бы на политическом небосклоне не появились бы потомки правителей Ак-Орды. Если вначале термин «казак» имел чисто социальное значение и обозначал группу кочевников, занимавшихся военным ремеслом, либо отделившихся от основной части государства и не признающих центральной власти, то с момента откочёвки Жанибека и Керей в Могулистан значение этого слова начинает изменяться. Из социального термина оно превращается в политический, а позже в этнический, о чём говорилось выше.

Значительны этнографические сведения по культуре и быту народов Средней Азии и Казахстана, как и многие теоретические положения, сделанные Чоканом Валихановым, в первую очередь, на основе фактических данных. Они не потеряли своей научной значимости и в настоящее время. Если говорить языком современной нам науки, Чокан Валиханов в своих работах в той или иной степени затронул почти все основные проблемы и направления этнографии.

Рассмотренные выше методы исследования позволили Ч. Валиханову сделать весьма ценные замечания по такой сложнейшей в историографии народов СССР проблеме, как происхождение и этническая история тюркских народов. Она не потеряла своего научного значения и в настоящее время и привлекает внимание исследователей вот уже на протяжении двух столетий.

Особое значение Чокан Валиханов придавал изучению родоплеменной структуры народов Средней Азии и Казахстана, главным образом кочевых, как одному из важных источников по исследованию их этногенеза, этнического состава и этнической истории. В статьях «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды», «Киргизское родословие», «Записки о киргизах», «О киргиз-кайсацкой Большой орде» и других он подробно рассматривает историю многих древних тюркоязычных племен, вошедших в состав нескольких народов: узбеков, казахов, киргизов, каракалпаков и туркмен. В то же время он справедливо отмечает, что ряд других родоплеменных подразделений был образован уже в период сложения народностей в Казахстане и Средней Азии.

В связи с этим он много внимания уделяет историко-географическому описанию и происхождению географических названий Восточного Туркестана и Средней Азии, Центрального Казахстана, Семиречья, Иссык-Куля. Ученый объясняет смысл и раскрывает этимологию тех или иных географических названий, толкования топонимов Улытау, Бетпак-Дала — Голодная степь, Сырымбет, Кушмурун, Атасу, Сарысу, Аркалык, Каркаралы, Семейтау, Согеты, Каркара, Торайгыр, Мерке, Талгар, Или, Алтышар, Турфан, Кашгар, Кульджа, Иссык-Куль и многих других). Предварительные подсчеты показывают, что ученый в своих трудах использует более 3 тысяч топонимов, из которых 2600 являются тюркскими, относящимися к Центральному Казахстану, Семиречью, району Иссык-Куля, Восточному Туркестану, Средней Азии. Встречаются сотни топонимов, относящихся к нынешним названиям в Джезказганской, Карагандинской, Семипалатинской областях: Улькен Джезды-Кенгир, Сарысу,

Акджал, Кичитау, Айыртау, Джекказган, Кара-Кенгир, Тобылгылы, Кожар, Кокала-джар (яры), Аркалык, Семейтау, Кокче-тау (горы) и др.

В статье «Зимние кочевки волостей Каркаралинского внешнего округа» ученый описывает множество названий зимовок, летних стоянок-кочевков, принадлежащих волостям Каркаралинского округа. В этой статье дается полное описание зимовок 16 родов этого округа. Приведем одно из них: «1. Надан - Тобуктинская. Зимние кочевки при урочищах речки Карабулак, в заливе озера Балхаш, именуемом Дересин. Места эти находятся от места расположения приказа примерно за триста верст, а летние - начинаются к северу через урочища Джельтау, Кошкар, Казангап, Карачоку, Керегетас, Бесчоку до урочища Каракуль, гор Кент, отстоящего от Каркаралов на сорок верст. Оттоль обращаются на запад через урочища Корпетай, Нуртай, проходят через Токраун, урочища Кызыларай, Бектау-Ата, Конратчоку, Мандай-торгун, Кенелы, Уранхай, Басджамчи, Кызыл-тас и другие места». (*Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Алма-Ата, 1961. Т. 3. С. 200—214)

Далее ученый описывает названия зимовок и летовок родов: Кирев, Тарактинцев, Кучум-Баймуринцев, Джагалбайлы-Баймуринцев, Мамбет-Тобуктинцев, Джужбен-бет-Тобуктинцев, Караул-Камбаровцев и др. В этой интересной работе конкретно обозначено более 500 микропонимов того времени, образованных от собственно казахских слов: Таскунгей, Кыземчек, Кайракты, Аркарлы, Койтас, Коян-Сойган, Ашису, Жыланды, Коктас, Караулчоки, Наршоккен, Кенасу, Май-кудук, Буйрат, Суыкжал, Кенасу, Бассай и многие другие. Сбор и описание этого материала осуществлялись, видимо, в целях написания работы по истории Казахстана. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в число упомянутых топонимов входят названия, образованные от этнонимов «конрат», «тней», «джагал-байлы», носители которых обитали в Каркаралинском уезде. Таковы топонимы Конратчоку, Конратшат, Тней-Аккудук и Джагалбайлы-Байбори.

Ценные историко-географические сведения об административном делении территории мы находим в статье об области: сибирских киргизов и семипалатинской. Области эти делятся на округа, округа на волости, а последние — на отделения и аулы. Так, Ч. Валиханов предоставил в распоряжение будущих исследователей обширный топонимический материал. Выполняя в 1981—1985 гг. плановую тему «Топонимы Центрального Казахстана», сотрудники отдела ономастики Института языкознания АН Каз.ССР в полной мере использовали приведенные Ч. Валихановым микропонимы волостей Каркаралинского округа.

Во всех трудах ученого ярко проявляется характерная особенность интерпретации ономастики тюркоязычных и других народов. Автор обычно не ограничивается объяснением или переводом тех или иных топонимов, он приводит связанные с ними легенды и предания.

Приведем примеры. Алтышар (шестиградье или шесть городов), Бугульты (правильно Бугуты) происходит от слова бугу — олень. Там много оленей, Сугуль-ты (правильно Согеты) есть ущелье, разделяющее на западе гору Сугульты от Бугульты, что примыкает к восточной стороне его. Название Сугульты (как объяснили киргизы) происходит от глагола сукмак — дуть. Там дуют постоянно сильные ветры. (Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1985. Т. 2. С. 307).

В разделе «Демократические воззрения» мною было подробно изложено, что в период жизнедеятельности Чокана Валиханова царское правительство активно занимается политикой переселения российских крестьян на новые места. В этом, на первый взгляд, нет ничего противозаконного. Власть проявляет заботу о людях. Русские люди наделяются землей и обживают. На какой земле? Совершенно безлюдной, свободной или уже обжитой? И это имело принципиальное значение. Заветная мечта и конечная цель у царского правительства были видеть в широких просторах казахской степи густую сеть русского поселения. Взвесили многочисленные «за» и «против». Выход найден. Решили обездоленных крестьян переселить в покоренные инородческие районы. Да, это был самый лучший вариант. Тут можно убить не двух, а сразу трех зайцев. Во-первых, освободить русскую землю от скитающихся, неустроенных людей и дать возможность помещикам спокойно жить и купаться в своих богатствах. Во-вторых, заполнить огромные территории, завоеванные русскими силой оружия. В-третьих, само собой разумеется, крестьяне будут иметь земли, о которых всю жизнь мечтали.

Здесь переселенцы при поддержке царской администрации обогащались, как в сказке. Захватывали силой у казахской бедноты любой участок земли с постройками на том основании, что им, победителям, покорившим эту страну, все дозволено» «Резали и стреляли без числа женщин, детей, стариков. Потоки крови смешались с грязью разрушаемых глинобитных стен». (Сафаров Г. Колониальная революция. С. 82—83).

Еще 26 марта 1863 года генерал-губернатор Дюгамель дал распоряжение немедленно удалить всех казахов, не подданных России, кочевавших около реки Берели и по северному берегу реки Бухтармы, за китайские караулы. Чиновники администрации Западно-Сибирской

губерний незамедлительно выполнили сей приказ. Как отметил Е.Шмурло, выселение киргизов отозвалось на них очень тяжело. За этими словами кроется много лишений и невзгод, выпавших на долю казахского народа. Еще в 1865 году колониальная администрация разрешила группе переселенцев обосноваться на облюбованных местах. Их выбор пал на реки Тнейсу и Терс-Булак. После их обоснования Тнейсу получил новое название — Таловка. А Терс-Булак стал Медведкой. Таким образом, старое казахское название предано забвению. Нынешнее поколение знает только Таловку да Медведку. И они, как географические названия вошли в Казахскую Советскую энциклопедию. Таловка обозначена как речка в Шемонаихинском районе Восточно-Казахстанской области. Медведка — село в Катон-Карагайском районе той же области.

«Таким образом, — писал В. Шмурло, — почти через год после просьбы киргизов еще только справлялись, о какой местности идет речь. Понятно, ранее полного выяснения этого вопроса разрешать киргизские просьбы было невозможно, здесь каждый рядовой русский полицейский брал деньгами и натурой — вплоть до чужих жен, — сколько ему хотелось. Если он встречал сопротивление, он бил, убивал. Все равно все преступления прикрывались благодельным начальством!»

В докладной записке Дюгамелю Чокан писал: «В заключение всего считаю долгом заявить Вашему Высокопревосходительству, что при предстоящем размежевании земель для Баян-Аульской станицы я полагал бы справедливым прежде всего наделить зимовками и лесными участками коренных жителей киргиз, а затем оставшиеся места отдать казакам, так как по закону казаки должны быть наделяемы землей без стеснения киргиз в их пастбищах». (Сочинения Ч. Валиханова, СПб 1904, с. 321—6. «Записки Русского Географического Общества», по отделению этнографии, т. XXIX). Есть основание предполагать, что с этой записки и начинается отрицательное отношение генерала к Чокану Валиханову.

«Твердо убежденный в необходимости, хотя бы уже с политической точки зрения, русской колонизации степей, генерал-майор Пронченко в новом предложении указывал на то, что в последнее время в Сибирских и Туркестанских степях основаны поселения без всякого вознаграждения киргиз за отобранную у них землю. Приаралье стало зоной экологического бедствия. Ухудшение природно-климатических условий осложнило жизнь людей. Заработки стали мизерными. Жители зоны экологического бедствия страдали от всевозможных болезней. Повышалась смертность.

В 1864 году в ходе наступательных боев части русской армии, сломя сопротивление тюркских сарбазов, захватили Туркестан, Чимкент, Аулие-Ату. В 1867 году было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Первым генерал-губернатором назначен генерал-адъютант фон К.П. Кауфман. Во время своего четырнадцатилетнего правления он не только успешно навел русский порядок в новом крае, но и намного расширил границы имперского владения. Для русского правительства покоренный Туркестан представлял двойкий интерес: во-первых, рассматривался в качестве источника государственных доходов и как новый рынок для продуктов внутреннего производства, во-вторых, был новой областью для перемещения избытков населения из центральных губерний. Так объяснялась цель завоевания Туркестана в «Приложении и отчетах по ревизии Туркестанского края», произведенной по высочайшему повелению сенатора Гофмейстера графом К.К. Паленом.

Так, задолго до появления «Положения» 1867—1868 годов началось изгнание коренных жителей степи с плодородных и богатых земель, ею овладели казаки, например, в 60-х годах Уральскому казачеству принадлежало 6 235 335 десятин, Оренбургскому — 7 509 623 десятин земли (все, как исключение, удобные). Это было настоящее беззаконие, пагубно действовавшее на хозяйственную жизнь казахов. Сей произвол, наконец, узаконили одним росчерком пера, приняв «Положение» 1867—1868 годов. Отобрали землю насильно, вернее украли из-под ног коренных жителей. Таким образом, царизм стал верховным собственником и распорядителем казахской земли. Административная реформа, проведенная на основании «Временного положения» 1867-1868 годов, принесла много нового в казахскую степь. Еще недавно, после смерти хана Среднего жуза Вали (1819) в 1822 году принят «Устав о сибирских киргизах», который ликвидировал ханскую власть. На месте ханского владения образованы округа. Ими управляли окружные приказы во главе со старшим султаном. Казахи признавали их ханами в своих округах. В связи с административным нововведением выходцы из казахской аристократии лишились власти.

Так, местные жители вынуждены были уступать свои земли под новые поселки, а крестьяне-переселенцы становились новыми хозяевами-владельцами. Но они не очень-то охотно занимались земледелием. Например, как отметил А. А. Кауфман в поселке Николаевском, из общего числа более 40 дворов только три занимаются земледелием. «В огромных размерах, — писал он далее, — развита зато сдача земли соседним киргизам, причем, например, под бахчи сдается по 50 и даже

до 90 рублей за десятину, а Николаевское общество берет с соседних киргиз за право выпаса скота в тугаях 900 рублей в год; в поселке Волинском сдается в аренду вся без исключения поливная земля, а небольшие посевы производятся лишь без полива, но в потных землях». Какие только кошунства ни совершали дети Христа, силой отбирая источник существования казахского шаруа — землю. Крестьянин умело воспользовался таким случаем, стал сдавать в аренду за высокую плату не кому-нибудь, а вчерашнему хозяину — собственнику земли. Зачем пахать землю, сеять хлеб да поливать, когда деньги можно добыть, не проливая пот? (С.Асипулы).

Колониальная администрация переселила казахов туда, где земля была непригодной для хлебопашества, мало того, с бедными водозапасами. Вытесненные с насиженного места, оскорбленные и униженные, шаруа вынуждены были вступить в неравную борьбу с суровой природой с бедной растительностью. Все лучшие земли стали переходить в руки крестьян-переселенцев. Выросли новые поселки, густо заселенные пришлыми людьми. Крестьяне-переселенцы стали охотнее осваивать земли, дающие с десятины 130—150 пудов пшеницы и, конечно, совершенно забыли, что они когда-то принадлежали казахам. Потому на местных жителей смотрели как на полудиких людей, не имеющих чувств собственности, чести и совести, гордости тем более.

На пути следования обездоленные крестьяне испытывали неимоверные трудности, но это их не останавливало. «Переселения — это поистине какая-то огромная людская река, — отметил А. Глебов, изучавший переселенческий вопрос, — устремляющаяся из коренной России в Зауральский горный хребет. Как птицы перелетные, которые с наступлением холодов безудержу тянутся огромными стаями в теплые заморские края, так точно крестьянство, наголодавшееся и обнищавшее на родине, ищет себе простора достатка в неведомом крае (Глебов А. Что могут дать переселения крестьянству?).

В семидесятых годах XIX столетия поселенцы с невероятной жадностью захватывали земли соседних аулов, а вставших в защиту жигитов, «вешали и топили в колодцах». Так, начавшаяся крестьянская колонизация казахской степи в 70-х годах XIX столетия, набирая силы из года в год, продолжалась и в 90-х годах. Переселение в Тургайскую область началось с 70-х годов XIX века, когда 133 семейств русских крестьян изъявили желание жить в укрепленном пункте Ак-Тобе. В 1881 году в Кустанайском уезде обосновалось 1200 семей крестьян-переселенцев. В связи с прибытием новых поселенцев казахские шаруа вынуждены были переменить место пастбищ, заодно и место оби-

тания, перебравшись в безводную и без растительности пустыню — «такыр». Люди в каждом регионе могут пальцем показать аулы под названиями «Такыр».

Многие царские генерал-губернаторы Туркестанского края увековечили свое имя на этой земле. Например, генерал Черняев, прозванный при жизни «среднеазиатским Ермаком» и другой, генерал Самсонов, ставший инициатором введения правил об избрании волостных правителей, свободно владеющих русским языком. По местам, где оставили кровавые следы эти оборотни в погонах, казахские названия населенных пунктов были переименованы 12 раз в с. Черняевка, 8 раз Самсоновка; даже оставили дань уважения Ермаку, назвав несколько аулов его именем. Ведь этот процесс начался еще в 1822—1824 годах, когда были введены «Уставы» о сибирских и оренбургских киргизах, ликвидировавшие ханскую власть. Затем «Положениями» 1867—1868 годов окончательно уничтожены остатки казахской государственности. Чиновники местного управления во вновь образованных уездах, только русского происхождения, общались с казахами через толмачей-переводчиков. Казахский язык, непригодный для государственного дела, остался бытовым, на котором говорили меж собой коренные жители.

Н.М.Ядринцев писал о некоторой части казачества, которая специально обучалась разговорному казахскому языку, чтобы использовать его в целях наживы путём прямого общения с местными жителями на их родном языке. Последние приходили в детский восторг, чужих «тамыры» хорошо говорят по-казахски и отдавали всё ценное, что у них было.

Друг казахского народа Г. Потанин в своих воспоминаниях об одном из высших чиновников писал: «К простому народу Балкашин относился с некоторой гадливостью и очень был заражен дворянским высокомерием. Словом, это был типичный шовинист. Казахи для него были ордой, с которыми нечего церемониться. Земли, которые они занимают, для государства выгоднее отдать русским крестьянам, а казахи пусть убираются куда хотят (Потанин Г. Литературные воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1986. Т.7. С. 35).

Колониальная власть в лице таких бессердечных людей, как Балкашин «помогла» казахам, не знавшим, куда им убраться, депортироваться в пустынную и полупустынную степь. Царское правительство его заслуги оценило по достоинству, в 1888 году присвоив его имя населенному пункту. С тех пор сменилось четыре поколения. Нынеш-

ние молодые казахи не догадываются, что в 80-х годах XIX все живописные места были силой отобраны у их предков и заселены крестьянами-переселенцами. У человека родина бывает одна. Концепция о второй родине выдумана идеологами для обмана депортированных в Казахстан русских людей, которые стали изгоями у себя на Родине из-за жестокой внутренней политики царизма.

Политико-административная карта Казахстана стала пестрой от ежегодно прибавляющихся населенных пунктов, носящих русские названия. Так, М. Мырзахметов подсчитал, что сел с названиями «Алексеевка» встречается 14, «Константиновка» — 13, «Николаевка» — 15, кроме Ново-Николаевки — 8, «Михайловка» — 17, «Александровка» — 24. Список замыкает Павловка, отличающаяся рекордным числом — 25 раз. Территория казахов огромная. К великому несчастью казахов, 44 процентов земли, заселенных казахами, является пустыней; 23 процента — полупустыней. В итоге 67 процентов неудобной земли полностью непригодна для земледелия, но можно приспособить для развития животноводства. В этих резервациях жили казахи и, до сих пор сохранились названия Такыр, Кызыл кум, Актас, Коктас, Туе тас, Жалгыз агаш и прочее.

Чем отличается тогда оставшаяся одна третья часть казахской степи, вполне пригодная для земледелия и высокопродуктивного животноводства? Прежде всего, русскими названиями населенных пунктов. По подсчету М. Мырзахметова, из 83 городов республики 28 носят русские названия, из 222 сельских районов чудом сохранились 115 топонимов населенных пунктов, расположенных в полупустынных землях. В республике насчитывается 2418 сельских, аульных советов. Из них только сельскими являются 1197. Малочисленных аулов, занимающих огромную территорию, оказалось больше на 21 единицу. Из 204 рабочих поселков 72 названы по-русски, там протекает речка, находится озеро или лиман, густой лес, пастбища и т.д. «Не искажайте правду, — может мне возразить оппонент, — пишет С.Асипулы, — ведь из 8369 населенных пунктов республики, менее половины — всего 3537 носят русские названия. Казахам нечего обижаться. Больше половины населенных пунктов сохранили же за собой исторические названия». Но это было далеко не так. Только после обретения независимости они вернули свои исконные названия.

В личном архиве Чокана группой А.Маргулана были найдены уникальные материалы о названиях 19 прежних казахских волостей Каркаралинского округа. Число таких названий оказалось в одном только округе более 2000 наименований. Ниже приводим список 5

округов, которые были в подавляющем большинстве переименованы на русские названия*.

* Зимние кочевки при урочищах речки Карабулак, в заливе озера Балхаш, именуемом Дересин. Места эти находятся от места расположения приказа примерно за триста верст, а летние начинаются к северу через урочища Джельтау, Кошкар, Казангап, Карачоку, Керегетас, Бесчоку до урочища Каракуль гор Кент, отстоящего от Каркаралов на сорок верст. Оттоль обращаются на запад через урочища Корпетай, Нуртай, проходят речку Токраун, урочища Кызыларай, Бектау-Ата, Конратчоку, Мандай-торгун, Кенелы, Уранхай, Басджамчи, Кзылтас и другие места. Зимние места в урочищах: Чубарайгыр, Джаур, Тюндюк, Таскюнгей, Кызыл-Саяк, Тобесу, Карабужур, Котан-Эмиль, Кайрак-ты, Аркарлы, Толебике, Кусак, Тесиктас, Джарык, Матагызыл, Саяк, Тюлюкули — от Каркаралов за 180 верст на юго-восток. Отсюда имеют летние кочевки на северо-запад в урочищах: Джаманкузеу, Кокубай, Борктас, Кызыларай, Токраун и оттоль обратно через урочище Кошкар. Места эти от Каркаралов отстоят примерно от 70 до 200 верст. Кочевые места всей волости, а именно: Арчалы с предместьями Топар, Кокчетау, кроме стороны, лежащей к Абралы, Кайраку-зен, Куучоки, Татан, Толебике, Кызыладыр, Учкаин, Ем-Джанты, Карагай, Жабытас, Карау-зен, Аркарлы, Бесбакан, Музбел, Акджаик, Кумджаик, Бесоба, Караджал, Борюлы, Куйкентай, Даганды, Ортакараул, Баскараул, Баканас, Койтас, Кунгей, Кара-тау с предместьями, Каракойтас, Саранайтау с речками Чакпак-тас, Учбачай, Акчагыр, Коксенгыр со степью, Карчигалы с речкой Кусмурун, Джагалы, Акбастау, Биркулак, Учкара, Мейзек со степью, Даганделы, кроме вершины оной, Джиланды, Алабекты, Корык с источником, Майкапчагай, Сандыктас, Чакпактас, Бесбакан, Чульадыр, Токтабулат. По означенным урочищам кайсак-ки Киреевской волости раскочевываются на пространстве трехсот верст. Зимовые места состоят в урочищах: Матайадыр, Джалаулы, Майкенды, Колпеке, Токту, Ойшанадыр, Джотан, Текебай, Наурузбай, Мендыбай, Каратас, Конуспай, Караадыр, Мурзагельды, Сарыадыр, Камабанын-Каратасы, Чокы-Керегетас, Каранайдын-Кызылы, вершины Сарыбулака, Карачоки, Берккара, Акчоки, Бетьсу, Чатсу, Чонкара, Байджанбулак, Толеке-Мынчункур, Байпак, Сартау, Тесиктас, Уч-Майузек, Куудын-Кызылагачы, Сарыджал, Байгаска, Есенгул, Кызылкудук, Карасор, Карачоки, Кос-Иргыз, Тентеккара, Сарыоба, Койчоки, Куюкадыр, Кичи-Берккара, Тюлку-Ульды, Коян-сойган, Нуранын-Карачаты, Джумабайнын-Каратасы, Джалаудын-Босогасы, Коин, Чинсай, Сары-чоки, Джертомар, Ашису, Караток, Тайуткен, Альдек, Бесикджал, Учкудук, Матайдын-Акузеге, Арчалы, Матай, Алтай-Кумген, Ча-гырлы, Кчибай, Айгырджал и Чаграй, а летние — Даганды, Конуспай, по урочищам Коксенгыр, Учкара, Акбесты, Кокчетау, Джарадыр и Меизек. Зимние кочевки в урочищах: Мансар, Мормын, Бегалы, Булакты, Токенсу, Булансай, Тогузторау, Сарыбуйрат, Койтас, Дегелене, Узунбулак, Карабайтал, Кызыладыр, Джелькесу, Кункей. || Котанбулак, Тлес, Кызылчоки, Уйтас, Джаман-Карабужур, 4 Ашиузек, Карачоку, Сарытас, Чульадыр, Тайлак, Карагандытал, Конекджалкуль, Кынтыкты, Джангызтау, Джаныбек, Атабекчий, Керегетас, Боручоки, Чуюнбулак, Сарыоба, Ердескуус, Карача-Джарык, Джаман-Абралы, Райчоки, Уакчоки, Буйра-Марешик, Иткара-конус, Айдаркуус, Джантей-Марешик, Чурук, Аджик-Марешик, Сарыайгыр, Садыр-Кондыр, Сарыайгырбас, Бердыбай, Аркалык, Косчоки, Джартас, Мурзачоки,

«Казахи уходили от новых укреплений вглубь по мере присоединения казахских земель в состав России». (Т.Ж.Шоинбаев Т.Ж. «Добровольное та «Казахстан» 1982 С. 114). Столыпинские реформы 1906-1911 годов еще более, чем в XIX веке, ускорило изъятие наиболее плодородных казахских земель и превращение их в густонаселенные русскими районы. Казахи были еще дальше оттеснены на бесплодные полупустынные земли. Даже в наши дни, проезжая по регионам Казахстана, можно убедиться, что населенные пункты в поймах реки, на берегу озер, лесистой и горной местностях имеют русские названия (Герасимовка, Сидоровка, Николаевка, Петровка, Алексеевка, Дмитриевка, Евгеньевка, Самсоновка, Казанка, Успенровка, Кременовка, Вознесенка и прочее) и там поныне проживают русские и украинцы. Казахские сёла в безводных и равнинных местах, куда они были изгнаны имеют соответствующие казахские названия: Жалгыз ағаш, Такыр, Коскудук, Шитобе, Жасыкешу, Кызылжар, Кершетас, Жалгыз арша и прочее). Казахи восставали, сопротивлялись царским указам, но были бессильны противостоять насилию вооруженных отрядов русских. Об этом драматическом периоде казахского народа написаны десятки книг и проведены сотни научных исследований. Об этом написал М.Ш.Омаров, полковник запаса КГБ в документальном очерке «Расстрелянная степь» и в романе «В капкане судьбы».

Автор этих строк детские годы провел в с. Буран Маркакольского района Восточно- Казахстанской области, где из 28 населенных пунктов всего 4 были на казахском языке: Такыр (Голый), Ащылы

Тамгалытас, Айбас, Джырыккудук, Ескене, Чатсу, Есполконган, Кукылбас, Борак, Чувак, Кайрактас, Азатбидай, Косой, Есенсай, Кызылкудук, Дастар, Мурзакатын, речке Тюндюк, Муздысай, Джиланды, Ты-гыршык, Каратумсук, Каракузеу, Сарыкузеу, Алмасай, Керегетас, Киикпай, Такайтау, Карагандыу-зек, Джувантубе, Кишкене-Кой-тас, Джантайдын, Уакадыр, Аиртау, Усенты, Кызылкудук, Кыз-таутас, Чомкалы, Джамытты, Былкылдак, Чарыкты, Курузен и Катынадыр. Места эти находятся от Каркаралов от 140 до 280 верст; а летние кочевки по урочищам: Аркалык, Джуманчий, Тюндюк, Талды, Корук, Джосалы, Ашису, Алтын-Карасу до Джурты по речке Нуре, Косага, Актас, Кульдже, по озеру Ботагара, оттоль обратно по степным местам до зимовок. Зимовые места на урочищах: Буйрекчий, Космула, Булатсор, Андас, Сарыбужур, Аккудук, Серектас, Уйтас, Рыспай-Карачоки-сы, Каскабулак, Кенейочак, Тас-Шайтанджал, Тобуктыбужур, Шорабай, Джангызтау, Косконган, Джангызкудук, Мурзачоки. Зимовые места на урочищах: Сарыкаска, Майкан, Арчалы, Ор-Шуркан, Койтас, Аккозылы, Усман, Карачилик, Сарчаки, Ушкаин, Кошкар, Коктас, Түйемойнак, Кызыладыр, Бесчоки, Чимдыкара, Карагай, Джаба, Буркенды, Бердыхожа, Сарыбуюн, Айгырджал, Кумалдыр, Кутгубай, Кокчетау, Бестомар, Учкара, Сорелы, Тюлькули» (Ч.Ч.Валиханов. Полное Собрание Сочинений, 1985, стр.148-155)

(Соленый), Туге-Тас (Верблюжий камень), Котыр (Зажившая рана). Остальные деревни по берегам Иртыша, а также лесные массивы имели названия: Алексеевка, Прав-усть-Кальджир, Прииртышье, Бобровка, Сорвенка, Черняевка, Николаевка, Горное и прочее.

Иногда задаешься вопросом: Что побуждает людей, созданных Богом материям, добавлять прилагательные, характеризующие право собственности? Например, в некоторых странах все, что летает и ползает, а также леса, горы, озера, реки названы именами пришельцев. Скорее всего, эти, порой выходящие за рамки действия связаны с желанием подобным образом придать легитимность тому, что действительно является чужой собственностью.

Испокон веков в Московской Руси и во всей Российской империи нисколько не сомневались в том, что их восточные соседи — татары, мордва, черемисы, остяки, тунгусы, казахи, якуты — такие же люди, как и тверичи, рязанцы, владимирцы, новгородцы и устюжане. Идея национальной исключительности у русских людей появилась в эпоху Петра Первого и этой бредовой идеей стать чистыми европейцами многие славянские народы заражены до сих пор. То, что их там не признали и не признают — не шокировало (Л.Н.Гумилев).

Один из современных казахстанских политологов, выступая против возвращения прежних названий населенным пунктам, улицам и т.д. пригрозил наказать, тех, кто «стирает русские названия с карты Казахстана», начисто забыв о том, что они были введены взамен казахских названий с одновременным выдворением коренных жителей в пустынные земли, о чем писали Ч.Валиханов, М.Тынышбаев, С.Асипулы и другие историки. Некий автор небольшой брошюры из 40 страниц «Русские, Казахи и Алтай» (М.«Альфа и Омега». С.45), заявил, что почти до первой половины XVIII века казахи как нация не существовали, что республика названа именем этого народа ошибочно, что насильственное внедрение казахского языка как государственного - незаконно. Он грозно предупредил: «Как бы вам не просчитаться, господа! Национализм никогда не кончал хорошо. Если он (казахский народ) встанет на путь геноцида (?) против других народов, то у него будет конец такой же, как у джунгар...» Этот же автор пригрозил отбирать «бесхозные» земли у нерадивых хозяев по всей республике в пользу России. Всем известны угрозы «отца всех народов»* о насильственном «присоединении к России половины Казахстана».

---

*Александр Солженицын, находясь длительное время за границей, несколько переоценил себя как личность, полагая, что он является кумиром для советских людей и после развала СССР решил вернуться на Родину необычным обра-

Попав под 300-летний колониальный гнет Российской империи, пережив в советское время геноцид и репрессии, оставшись в меньшинстве на собственной земле и едва не утратив родной язык, казахи не потеряли стремления к духовной независимости. Во все века казахов воодушевляла святая идея национальной независимости — выполнить духовный завет предков: самим творить свою историческую судьбу. Народ, имеющий девятую по площади территорию, уникальную культуру и славную историю, не может быть не великим. Казахи-потомки грозных завоевателей Евразии, мудрых правителей Великой степи, наследники духовного богатства своих предков, вместе с другими национальностями с обретением независимости имеют беспрецедентную возможность построить независимое светское государство» (Н.Амрекулов)

Resume. Давайте теперь спокойно, без эмоций подведем итог.

Почему Н.Веселовскому цензура не дала разрешения опубликовать, тем более комментировать, обнаруженные им в личном архиве Чокана, бесценные материалы в области этнонимии и ономастики? Ответ уже дан в этом разделе. Почему Чокан постоянно и упорно наносил на карты всю казахстанскую территорию с Севера на Юг и с Востока на Запад, давая пояснения на казахском языке арабской вязью? Почему он пытался придать юридическую силу этим картам и казахским топонимам, озвучивал их в Российском Географическом обществе и даже публиковал за границей? Ответ простой — он

зом. Он с семьей высадился на Дальнем Востоке и поездом стал добираться до Москвы, будучи уверенным, что его на каждой железнодорожной станции будут встречать тысячи россиян, поклонники его таланта. Однако такого триумфа, как известно, не последовало. Мало того, в Москве его приняли несколько прохладно, и он решил еще раз доказать себя отцом народа и выступил с программой, опубликовавopus «Как нам обустроить Россию». Один из постулатов этой программы — присоединение значительной части казахстанской территории к России, аргументировав это исконно русской территорией, заявляя, что кочевые казахи не вели оседлый образ жизни и постоянно переезжали с места на место, что не дает им право считать собственной территорией ничейные земли. Реакция общественности, в том числе и российской, известна. Его никто не поддержал. Мало того, все реже стали приглашать на телевидение, и на страницах газет и журналов его публикации вовсе исчезли. Его выступление по ТВ о невозможности свободно проезжать по России из-за многочисленных частных владений, вообще оттолкнуло от него СМИ. Подобными действиями А.Солженицын полностью растерял свой багаж великого писателя, поскольку показал полное незнание истории и неспособность трезво оценивать политическую и экономическую ситуацию в Евразии после распада СССР (Б.К).

прозорливо рассчитывал на генную преемственность (пассионарность) потомства, который непременно должен был использовать все его труды и рисунки (в количестве 150 наименований), как исторический документ, при отстаивании внешних границ казахских земель, национальную самобытность и этническую неповторимость своего народа (Ч.Ч.Валиханов. Собрание сочинений. Том 5. С.10)

Бывший начальник разведки Восточного Пограничного округа полковник Б.Н. Танарыков в 1978 году во время переговоров с китайскими пограничниками вынул из планшета кипу бумаг с рисунками и схемами местностей Кульджинского и Кегенского направлений, которые принадлежали Чокану Валиханову, и стал наглядно доказывать коллегам свою правоту по какому-то спорному вопросу. Автор, отвечавший в это время за оперативное обеспечение охраны государственной границы, присутствовал на этой встрече и был поражен реакцией китайцев, которые немедленно внесли поправку в Протокол.

БИТВА НА НЕВИДИМОМ ФРОНТЕ

*Тайны мира, как я записал их в тетрадь,
Головы не сносить, коль другим рассказать.
Средь ученых мужей благородных не вижу,
Наложил на уста я молчанья печать.*

Омар Хайям

*«В истории Казахстана Ч.Валиханов представлен
как выдающийся просветитель, демократ, ученый,
историк, этнограф, но только не в качестве
профессионального разведчика своего отечества.
Теперь эта завеса спала»*

(Ветеран ВОВ, военный историк К.Абенев)

«ОБРАТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ»

***Прошлое под грифом «Секретно». В орбите интересов спецслужб.
Теоретическая подготовка. Первые шаги в разведке. Первое задание.
Служебные командировки. Конечные результаты. Разведка – средство.
Документация. Легализация собственных исследований. Дипломатия.
Разведывательные донесения. Оценки развединформации в Центре.***

С чувством глубокого волнения приступаю к рассказу об оперативно-служебной деятельности бывшего кадрового офицера внешней военной разведки России, а в последующем – старшего офицера политической разведки Азиатского отделения Департамента Министерства иностранных дел Российской империи, Чокана Чингизовича Валиханова.

Материалы об этом факте, находившиеся в течение 160 лет под грифом «Совершенно секретно», теперь стали широко освещаться в трудах российских историков Н.Кудрявцева, В.Обухова, И.Попова, Ф.Осадчего, а также отечественного военного историка К.Абенова, полковника в отставке Г. Байжанова, писателя Г.Захарова, историков Н.Назарова, Э.Кинжалина, журналистов А.Каменского, О.Казанцевой и ряда других авторов. Сейчас в материалах Интернет можно обнаружить более 40 статей о принадлежности Чокана Валиханова к секретным службам России. Некоторые примеры из этих работ, кото-

рые, на наш взгляд, могут заслуживать внимание *Современного читателя*, приводятся по ходу повествования.

В этой связи автор выражает искреннюю благодарность бывшим сотрудникам внешней разведки России, впервые озвучивших архивные материалы о кадровом офицере внешней военной разведки российского Генерального штаба — Чокане Чингизовиче Валиханове. Тем более, что факт принадлежности к российским спецслужбам и выполнении их заданий, в том числе с риском для жизни, давно витал в воздухе, начиная с С.Муканова и С.Бегалина. Сегодня тайна Чокана Валиханова, как бесстрашного разведчика, исполнителя закордонной операции, не имеющей аналогов в истории внешней разведки, с нелегальным выходом во враждебную страну с жестким контрразведывательным режимом под основной легендой купца Алимбая, не является секретной информацией.

Известные историки и писатели А.Алимжанов, М.Сарсенбаев, М.Муканов, И.Стрелкова, С.Марков, И.Ерофеева не указывают прямо, что Чокан действительно являлся кадровым сотрудником внешней разведки России, но из контекста это очень четко прослеживается. Родственник нашего героя Шота Валиханов также не отрицает, что Чокан выполнял важное секретное задание России в экстремальных условиях жесткого контрразведывательного режима за границей.

Отец Чокана, султан Чингиз Валиев, был управителем Кушмурунского округа. Родовое гнездо потомков Абылая, находившееся близ безлесных скалистых гор Аккан-Бурлука, ***часто посещали русские топографы, делавшие съемки степи, и геологи, искавшие ценные руды****.

Бабушка Чокана Айганым и отец Чингиз «вели деловую переписку с русским правительством, общались с путешественниками, ориенталистами» (С. Муканов). Одним из таких «ориенталистов» был

---

*Под легендой топографов, геодезистов, геологов, путешественников, этнографов, « политических ссыльных», промышленников, купцов, а также под прикрытием официальных представителей и ставленников в Средней Азии в подавляющем большинстве находились кадровые сотрудники секретных служб в основном России, а также Китая, Англии, Франции, Германии и других стран. Я не склонен подозревать любого путешественника в связи со специальными службами, проводивших в Средней Азии шпионскую работу. Это далеко не так. Для профессионала разведчика характерным является не то, под какой личиной он прибыл в разведываемую страну. Главное — чем он впоследствии там занимался и над какими проектами он работал и что ему удалось сделать. От критического анализа и объективной оценки всех имеющихся материалов в совокупности можно безошибочно распознать в нем, как говорили в старину, лазутчика (Б.К.).

А.А. Сотников, питомец Училища восточных языков в Одессе, который, *разъезжая по казахским кочевьям*, гостил в доме Валиевых. «...Сотников был одним из тех людей, которые посоветовали отцу Чокана отдать мальчика в русскую школу» (С.Марков, С.Бегалин). Последующая деятельность А.Сотникова наглядно свидетельствует о его причастности к спецслужбам России. Следовательно, в поле зрения секретных служб России Чокан оказался уже в возрасте 10-12 лет.

Ниже автор приводит выдержки из воспоминаний многочисленных современников и чокановедов, где прямо или косвенно подчеркивается принадлежность Ч.Валиханова к российской внешней разведке и выполнение ее заданий внутри страны и за ее пределами со сложной агентурно-оперативной обстановкой в странах пребывания.

Все это очень важно, поскольку читателей привлекает не только напряженность действия, свойственная этой, далеко не безобидной профессии, но и сильные характеры людей, проявляемые патриотическими побуждениями, часто сознательно жертвующими своей жизнью во имя долга перед Отечеством, к числу которых, без всякого сомнения, принадлежит и Чокан Валиханов.

Известно, что центральные органы военной разведки Российской империи официально были созданы 27 сентября 1863 года. Согласно Положению и штатному расписанию Главного управления Генерального штаба были образованы 3-е (Военно-учетное) и 2-е (Азиатское) отделения, на которые возлагались разведывательные функции. В частности, Азиатскому отделению вменялось в обязанность «собираение и составление военно-статистических сведений о российских пограничных с Азией областях и о прилегающих к ним Азиатских владениях», «военно-дипломатические сношения с соседними с Россиею Азиатскими владениями», «переписка по снаряжению военно-ученых и других экспедиций в вышеупомянутые страны» (по Н. Кудрявцеву С.490). Первыми начальниками Азиатского отделения Главного управления Генштаба были генерал-майор Владимир Полторацкий и генерал-лейтенант Александр Проценко.

Одним из талантливых агентов российского Генерального штаба был поручик Сибирского казачьего войска Чокан Валиханов (В.Обухов). Последнее воинское звание нашего героя **«штабс-ротмистр»**. Некоторые источники утверждают, что Чокан дослужился до воинского звания **«штабс-капитан»**, **«подполковник»** или даже **«полковник»**. Приводим выдержку из воспоминания Г.Потанина, о котором упоминает его близкая подруга: «... Раз, в глухую осень, к воротам подъехали лошади со звонками. Я подумал: «Ну, еще куда-нибудь повезут!».

Но слышу, спрашивают Потанина, и хозяйка ведет кого-то ко мне... И что же? Чокан Валиханов! Ко мне из Петербурга приехал Чокан! Не проездом, а специально ко мне. Чокан, мой милый, старинный друг! Я даже потерялся от радости. Всю ночь мы просидели, не ложась, говорили, говорили... Чокан должен был на другой же день уехать, — так сложились его служебные дела. Он был киргизским **полковником**, и когда он уехал, я, поверите ли, заплакал, как ребенок. Словно солнышко закатилось!» (М.Свентицкая).

А вот записка генерал-губернатора Г.А.Колпаковского секретарю Академии Наук К.С.Веселовскому от 15 июня 1889 г.за № 332, С.-Петербург: «Милостивый государь, Константин Степанович! Потанин передал мне, что Ваше высокопревосходительство приняли на себя труд издания оставшихся после смерти **полковника Ч.Валиханова** записок и мое содействие этому изданию может выразиться материальной поддержкой в размере трехсот рублей. Вполне сочувствуя предпринимаемому Вами изданию и желая, чтобы **труды этого выдающегося киргиза** как можно скорее появились в печати, покорнейше прошу Вас не отказывать уведомить меня, достаточно ли будет названной суммы и куда мне следует препроводить деньги...».

Вызывает удивление, почему историки игнорируют эти документы, а берут за основу переписку между министерствами и ведомствами о том, что Чокан имел воинское звание «штабс ротмистр». Военная форма с погонями младшего офицера? Но эти фотографии относятся ко времени службы его у Гасфорта. Вопрос — кто его лучше знает? Близкий друг, также казачий офицер Г.Потанин и один из руководителей Чокана в разведке, генерал Г.А.Колпаковский или властные структуры, которые сильно хотели принизить роль Ч.Валиханова и преследовали его до конца жизни?

Теперь уже ни для кого не секрет, что Русское географическое общество было создано под эгидой Министерства Иностранных дел России, деятельность которого полностью была связана с проведением широкомасштабной внешней разведки*. Как структуре прикрытия, этому обществу принадлежала ведущая роль, поскольку, под легендой научных изысканий, можно было проводить любые закордонные операции, не боясь расшифровки или провала. Под такой «крышей» перед высококвалифицированными разведчиками ставилась, якобы в научных целях, задача по добыванию разведывательной информа-

---

*В то время разведывательные подразделения Департаментов МИД России на местах назывались, в целях конспирации, «экспедициями» (Б.К).

ции военно-политического, социально-экономического характера, включая историю, религию, быт и нравы народов и племен.

На ненаучное направление подобных общественных организаций впервые обратил внимание Л.Н.Гумилев, который сказал: «В XIII в. западноевропейская географическая наука, имевшая в то время громадное практическое значение, представляла бушующий фонтан мифов, легенд, безудержной фантазии и сознательной лжи. Это был доступный в то время уровень науки, которая базировалась не на опыте и наблюдении, а на деятельности свободной мысли, питаемой легковерием народных масс и высших сословий».

Не могу сказать определенно, знал ли великий евразиец, что географическая наука в описываемый им период имела исключительно важное значение не только для западноевропейских стран, но и для России в плане добывания разведывательной и иной информации в других государствах. Географические союзы, общества, объединения во многих странах использовались в качестве структуры прикрытия (СПР) для внешней разведки. Под видом путешественников за рубеж со шпионскими заданиями отправлялись ученые-страноведы различных профессий. Российское Географическое общество было в этом плане не исключением. Оно фактически являлось структурным подразделением Генерального штаба (ГШ), точнее его Главного разведывательного управления (ГРУ). Действительным членом этого общества являлся разведчик Чокан Валиханов.

Следует отметить, что секретные и совершенно секретные материалы о разведывательной деятельности Чокана Валиханова, многократно выезжавшего за рубеж с разведывательными заданиями в составе делегаций, в том числе один раз совершившего нелегальную «ходку» за кордон, только в наши дни стали предаваться широкой огласке.

Архивное личное дело Чокана Валиханова, офицера военной разведки, вместе с послужным списком, сведениями о наградах, специальных проверках, аттестациях и характеристиках, а также отчетами о выполненных им разведывательных заданий, находящиеся под грифом «Совершенно секретно», уже стало достоянием военных историков, бывших сотрудников внешней разведки России.

Известный историк, бывший сотрудник спецслужб России, Ф.Осадчий **впервые упоминает, что он ознакомился с личным делом русского разведчика** Чокана Валиханова. Вот что пишет Ф.Осадчий в своей статье «Под видом купца Алимбая»: «...Чокан Валиханов был еще и разведчиком русской армии». Он указывает, что: «...К числу **славных сынов Российской империи** принадлежит известный ученый и

путешественник Чокан Валиханов (1835-1865). Казахский народ справедливо считает его своим выдающимся просветителем. О нем написано много научных статей, очерков, книг, выпущен сборник материалов научной конференции, посвященной 150-летию со дня его рождения. Однако до сих пор мало известно, что Чокан Валиханов был разведчиком Генерального штаба русской армии и ему доверялись ответственные секретные поручения. **Это подтверждают архивные документы**. Далее автор продолжает: **«Факты, о которых сегодня стараются в Казахстане забыть, говорят о том, что поручик Валиханов был разведчиком Генштаба русской армии и обладал помимо этого талантом исследователя»**. (В.Обухов). Казахстанские ученые категорически не согласны с подобным утверждением, поскольку Чокан Валиханов постоянно находился в центре внимания исследователей не только сегодня, но и при тоталитарном режиме.

Так, ветеран казахстанской разведки, военный историк, участник Великой Отечественной войны, почетный работник образования РК, полковник в отставке К.Абенев ранее писал: «Благодаря российским коллегам, секретные материалы об оперативно-служебной деятельности Ч.Валиханова стали публиковаться в СМИ и, согласитесь, что это явилось сенсационным событием для казахстанцев, которые теперь знают подробности подвига национального героя- разведчика, пробившего «окно на Восток».

В своей содержательной статье «Этнические мифы и этнические стереотипы» журналист-историк Назар Назаров пишет: «Профессиональная принадлежность Чокана Валиханова – военный, **высокий чин** в исполнительной власти (в генерал-губернаторстве), **разведчик** (знаменитое путешествие в Кашгарию под прикрытием - хозяин каравана, «купец») **не вызывает сомнения**».

В официальной историографии по сей день продолжают отмечать, что Чокану Валиханову во время учебы в кадетском корпусе не дали возможность пройти, как «инородцу», курс специальных военных наук: тактику, артиллерию, фортификацию и проч.— таково было недоверие царского правительства даже к казахским султанам. Сегодня такое утверждение устарело. Спецслужбы тщательно оберегали и оберегают свои секреты не только от «инородцев», но и от своих граждан. Что же касается Чокана, то историки не уловили один важный момент. Он проходил специальную подготовку разведчика, в том числе тактику, артиллерию, фортификацию в условиях конспиративной квартиры или конфиденциально в домах своих преподавателей. Читая подлинники разведывательных донесений Чокана Валиханова

своим начальникам Е.Ковалевскому, Г.Колпаковскому и К.Гутковскому, можно четко усматривать, что он проходил оперативную подготовку по добычанию, анализу и оценке разведывательной информации. Строжайшее соблюдение им конспирации, в том числе и умение легендировать встречи с агентурой (во время командировок, пребывания в гостях или при исследовании окрестностей — гор, фауны, флоры и т.д.) показывает, что с Чоканом во время учебы в кадетском корпусе проводились и практические занятия по специальным дисциплинам. В этой связи недоверие Чокану, как к «инородцу», исключается, что подтверждается его почти бесконтрольным доступом к секретным архивам, **«откуда он брал документы домой и порой их не всегда возвращал»** (С.Муканов). Назначение на должность помощника генерал-губернатора и офицера по особым поручениям доказывает, что власти учитывали тесное общение Чокана с высшими чинами, носителями секретной информации. Нельзя забывать, что в Петербурге хорошо знали ханское происхождение Чокана, а также то, что он является прямым потомком Чингисхана.

Через некоторое время его основной работой становится служба в Главном разведывательном управлении Генерального штаба, а должность при Гасфорте — оперативным прикрытием, то есть «крышей». Теперь, когда Чокан стал офицером действующего резерва внешней разведки (ОДР), основное рабочее время у него было направлено на решение задач по линии спецслужб. Как генерал-губернатор, Гасфорт, естественно, знал, что Чокан подчиняется ему чисто формально. Это видно из того, что генерал все вопросы, связанные с Чоканом, согласовывал с Петербургом, уважительно указывая его по имени и отчеству. Находясь на этой должности в губернаторстве, то есть в структуре прикрытия (СПР), Чокан «изрядно преуспел в изучении различных наук, и прежде всего истории, географии, экономики Степи и соседних стран» (И.Стрелкова).

«Поразительно много разных дел умудрялся совмещать юноша, только что выпущенный из кадетского корпуса. И ко всему на корнете Валиханове лежало еще и бремя султанского рода. Отец и дядя Муса не скупились на советы, а в казахских семьях младшие подчиняются старшим беспрекословно» (С.Бегалин). Это обстоятельство, в некоторой степени, способствовало его продвижению по службе.

В начале в 1855 г. Чокан Валиханов, как член оперативного штаба, принял участие в инспекционной поездке генерала Гасфорта по Центральному Казахстану, Семиречью и Тарбагатаю, где **он, как разведчик, выполнял задачи не только дипломатического характера.** Марш-

пут экспедиции пролегал от Омска на Семипалатинск, оттуда через Аягуз и Капал в Зайлийский Алатау, где в это время происходила закладка укрепления Верного (ГАОО, ф. 366, оп. 1, д. 240, лл. 1-18; См. А.Е.Врангель. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири, стр. 70-72).

В этой специальной командировке он выполнял конкретное задание Е.Ковалевского и К.Гутковского, что усматривается в его ныне рассекреченных донесениях, ранее частично озвученных группой академика А.Маргулана. Предварительный сбор и оценка необходимой разведывательной информации заложили благоприятное начало к более глубокому научному исследованию Валихановым истории восточных народов. Согласно установок Центра, Чокан собирал материалы по статистике, обычному праву и древней истории Восточного Туркестана, что представляло интерес для определения стратегии и тактики претворения в жизнь политики царизма на Востоке.

«... На обратном пути Чокан сопровождал Гасфорта только до Алтын-Эмельского хребта; оттуда *он совершил самостоятельную разведывательную поездку* к Джунгарским Воротам, побывал в районе озера Алаколь и Тарбагатай, затем направился в Центральный Казахстан и, следуя через Каркаралы, Баян-Аул и Кокчетав, осенью вернулся в Омск» (А.Маргулан).

Отчет, представленный по результатам этой маршрутной командировки, по своему содержанию и научной ценности поразил даже Гасфорта, который воздал должное эрудиции и способностям молодого офицера-ученого. По сути, генерал должен был бы наказать Чокана за несанкционированное длительное оставление службы штабного офицера. Наоборот, по возвращении из поездки, он представил его к награде, дав самую лестную характеристику: «В числе представляемых, — писал генерал, — заключается, между прочим, состоящий при мне корнет султан Валиханов, который, хотя и состоит на службе не более 2-х лет, но при совершенном знании оной, киргизского языка, а также и местных киргизских обычаев, он, сопровождая меня в Степь, принес большую пользу...» (И.Стрелкова).

Во второй половине мая 1856 г. Ч. Валиханов в составе экспедиции М. Хоментовского был вновь направлен в маршрутную разведывательную командировку в Центральный Тянь-Шань, на озеро Иссык-Куль. Разведчик отмечает следующее: «Я посетил Джунгарию в первый раз в 1856 году и участвовал в экспедиции, предпринятой полковником М.М.Хоментовским на озеро Иссык-Куль. Потом три месяца жил в Кульдже. Всего в Джунгарии я находился пять месяцев и ус-

пел осмотреть этот край вдоль и поперек от Ала-Куля до Тянь-Шаня, на который я поднялся в том году по реке Джиргалан», — пишет Ч. Валиханов для прессы, *опуская оперативную часть этой командировки.*

Во время поездки Чокан, в рамках разведывательного задания, собрал орнитологическую и энтомологическую коллекцию, составил гербарий, изучил флору и фауну Семиречья и Тянь-Шаня, принял участие в съемке озера Иссык-Куль, в результате которой на новой карте были изменены форма и контуры его берегов. Разумеется, что все эти сведения в последующем подвергались тщательному анализу и оценке в Генеральном штабе военного ведомства в Санкт-Петербурге. Для чего Центру нужны были эти сведения — ясно любому школьнику. На современном языке специальных служб эти мероприятия называют научно-технической разведкой. Чокан здесь осуществил вербовку от имени российской внешней разведки кыргызского предводителя Бурамбая. При помощи своего агента Чокан сумел создать среди авторитетов привлекательность и безопасность нахождения кыргызов под протекторатом России. Как результат этой операции, Хоментовский официально принял из рук ряда других предводителей прошение о добровольном вступлении в подданство России.

В то время, когда Чокан выполнял секретные поручения среди киргизов Тянь-Шаня и бассейна Иссык-Куля, в Петербурге решался вопрос о возможной его отправке в Кульджу в ранге дипломата с иммунитетом неприкосновенности. Для такого ответственного мероприятия требовалось «особое лицо» (С.Марков), которое сумело бы, путем переговоров с китайскими властями, добиться восстановления торговых отношений с Китаем, прерванных после того, как была сожжена русская фактория в городе Чугучаке. В целях обоюдовыгодного решения этого вопроса китайскому правительству было предложено «назначить с обеих сторон доверенных лиц, которые в Кульдже обсудили бы предметы, требующие взаимных соображений» (И.Стрелкова). Предложение это было принято китайским правительством.

В качестве представителя от России первоначально был назначен подполковник Перемышельский, но впоследствии эта миссия была поручена Чокану Валиханову. Из архивных материалов видно, что данную поправку внес Н.П.Игнатьев, проводивший переговоры с китайскими властями не только в Кульджинском направлении, но по Приамурию. При этом было учтено, что Чокан, обладая дипломатическим рангом, участвуя в переговорах от имени российской империи, как образованный азиат, сумеет успешно решить поставленную задачу. От него ожидали налаживания взаимовыгодного межгосудар-

бернатор Западной Сибири Гасфорт сообщал Министерству иностранных дел следующее: «Состоящий при мне поручик султан Чокан Чингизович Валиханов отправлен уже в кочевья дикокаменных киргизов для ближайшего **наблюдения** за ходом дел в частях Западного Китая, прилежащих к южной нашей границе — о движении кашгарского восстания - о мерах китайского правительства к подавлению оно́го и о духе народонаселения возле городов Кульджа и Аксу, а именно: китайского племени киргизов и сартов, которые, как известно, все более или менее недовольны маньчжурской династией» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35-695, л. 114.) Как видно из докладной записки Гасфорта, последний, очевидно, получил соответствующее распоряжение из Петербурга об активизации внешнеполитической деятельности Азиатского Департамента, что подразумевало и разведку.

Один из источников пишет, что «... в 1858 г. его (Чокана) инкогнито командируют в Западный Туркестан (нынешняя Китайская провинция Син-Цзянь) в качестве разведчика». Многие авторы употребляют слова «**инкогнито**», «**в качестве разведчика**» и тем самым не отрицают профессиональную принадлежность Чокана Валиханова к спецслужбам. Однако выражение «**командировка в качестве разведчика**» военными историками секретных служб не употребляется. Они бы написали «**направлен с разведывательным заданием**» и далее указали бы легенду прикрытия, экипировку, в составе чего-то и пр.

Федор Осадчий пишет: «... Здесь офицер-исследователь собрал богатые сведения о природе и жизни людей, их песни, сказания. Эти материалы впоследствии были опубликованы в «Известиях Русского географического общества». Гасфорт высоко оценил способности и заслуги поручика Валиханова и доложил о нем в Генеральный штаб. Там давно искали всесторонне образованного и осведомленного человека, **и стали готовить программу военной разведки Восточного Туркестана (ныне — Синьцзянь-Уйгурский автономный район Китая), куда упорно стремились англичане**».

Не трудно догадаться, что Чокан, будучи офицером царской армии, не мог бы совершать бесконтрольные и несанкционированные поездки по указанным регионам. Как современники Чокана, так и последующие исследователи не догадывались, что его научные изыскания по многим вопросам, в последующем, оцененные как открытия, являлись не чем иным, как результатом выполнения специального задания секретных служб российского правительства.

Признанный чокановед Какен Абенов отметил: «Если бы Чокан не имел теоретическую разведывательную подготовку и не приобрел

практические навыки добычи, обработки и предварительной оценки необходимой информации, ему навряд ли бы удалось добиться таких высоких результатов. Ему разведцентром была представлена возможность, «используя свое служебное положение» беспрепятственно выезжать «по делам» когда ему заблагорассудится и куда ему заблагорассудится».

Современный читатель: Выходит, что Чокан Валиханов при Азиатском Департаменте числился формально? Действительно, мне показались несколько нелогичными утверждения И.Стрелковой, С.Маркова, С.Муканова, С.Бегалина, что служба Чокана в Азиатском Департаменте «шла своим чередом», «чем он там занимался, неизвестно», «остается белым пятном его работа у Гасфорта».

- В Азиатском Департаменте Чокан «формально» не числился. Все, что он выполнял — входило в рамки его прямых служебных обязанностей. Историки, писатели и кинематографисты стремятся придать работе разведчиков ореол таинственности, совершающих с риском для жизни головокружительные трюки, похищения секретов, связанные с перестрелками и рукопашными схватками. Специфика этой профессии заключается в том, что разведчик должен все видеть и все слышать, то есть знать все, что ему необходимо для его работы. Для этого ему надо добывать, узнавать, разведывать, исследовать, анализировать, систематизировать. Результаты выводов анализа требовали грамотного оформления в виде информации или докладной записки с конкретными предложениями. Поэтому Чокан и путешествовал, общался с кем хотел, жил, где хотел, женился и разводился, копался в архивах. Извините, дорогой *Современный читатель*, такая у него была работа.

Только профессиональному разведчику присуще использование в оперативных документах устойчивых словосочетаний, которые не стали бы применять «чистые» документалисты. Так, из отчета Чокана Валиханова мною курсивом отмечены эти смысловые словосочетания: **«Что касается *до моих действий*, то я во время пребывания в Кашгаре *старался всеми мерами собрать как можно точные сведения* о крае, *особенно о политическом состоянии Малой Бухарии, для чего заводил знакомства с лицами всех наций, сословий и партий, и сведения, полученные от одного, сверял с показаниями другого*. Сверх того я имел случай приобрести несколько исторических книг, относящихся к периоду владычества ходжей и пользовался дружбой некоторых ученых ахунов. Из этих источников заимствованы мною *факты, касающиеся влияния ходжей до времен джунгарского владычества и после — до падения страны под иго Китая*».**

Вот так оценивает С.Марков, как историк, фрагменты из отчета разведчика: «Скромно, почти протокольно, как о чем-то очень будничном и просто рассказывает Чокан о своем подвиге, требовавшем максимального напряжения нравственных сил, собранности, такта, ума и знаний. **Ведь в караване он был Алимбаем, родственником караван-баши Букаша, кокандским подданным, сыном маргеланского выходца. Он прежде всего должен был помогать своему богатому родичу в торговых делах, в сбыте товаров, что и делал весьма исправно.** Всесторонне изучая незнакомую страну, собирая многочисленные коллекции и рукописи, **он ежедневно, ежечасно подвергался риску быть разоблаченным и разделить участь второго после Марко Поло европейца, побывавшего здесь, Адольфа Шлагинтвейта, годом раньше обезглавленного в Кашгаре ходжой Валиханом-торе. Молодой Алимбай был уже накануне разоблачения — в купеческой среде начали распространяться слухи, что при караване находится русский агент.** Если бы не своевременный отъезд из Кашгара, кто знает, чем бы закончилась биография Чокана Валиханова.

Г.Байжанов в автобиографической брошюре «Воспоминание» (Алматы, «Жибек Жолы» 2001. С.34-35) пишет: «...Как известно, Кашгария издавна была закрыта для посещения европейцев. С учетом этого Главным управлением Генерального штаба Российской армии в 1858 г. была организована из Семипалатинска специальная экспедиция - торговый караван в составе 43 человек с необходимым количеством верблюдов, лошадей, нагруженных ходовым товаром. В районе с. Капал к нему присоединился под видом родственника караван-баши Мусабая, заранее подготовленный для поездки (побрil волосы на голове, одел национальную одежду и т.д.) поручик российской армии Чокан Чингизович Валиханов под именем купца Алимбая, перед которым была поставлена разведывательная задача по изучению обстановки в этом крае. При отборе его кандидатуры учитывалось, что он является историком, этнографом, языковедом, знает восточные и некоторые европейские языки и благодаря влиянию отца-чингизида получил образование в Омском кадетском корпусе, слушал лекции в Петербургском университете, является большим русофилом и настоящим патриотом России. **(Ошибка. До Кашгарской операции Чокан в Петербурге никогда не был, а лекции слушал после возвращения. Б.К.)** Поездка длилась 10 месяцев и 14 дней. 28 сентября 1858 г. Ч. Валиханов отправился в путь и, успешно выполнив задание, 12 апреля 1859 г. возвратился г. Верный (Алма-Ату). Полгода прожил в Кашгаре. Он был хорошо принят кокандцами, которые по местным обычаям жени-

ли его на дочери известного в городе человека (Чаукен) *(Это не так. Мусабай рассказал Ч.Валиханову о местной традиции, когда любой приезжий в Кашгар обязан был жениться. Последний, в целях закрепления легенды прикрытия, согласился, и Мусабай повел его, мягко говоря, в «Дом невест», где ему приглянулась уйгурка, сирота, и он на ней женился. Б.К.)*. Ч. Валиханов за это время досконально изучил обстановку в самом городе, а также в Алтышаре – территории, ограниченной с севера горами Тянь-Шань, а с юга горами Куэнь-Лунь (города Аксу, Уч-Турфан, Кашгар, Янги-Гиссар, Яркенд и Хотан). После Марко Поло и иезуита Гоестена (1603 г.) Ч. Валиханов был первым (уточним – первым казахом), кто попал в Кашгарию *(Неверно, казахов «попадало» много. Даже один из сподвижников Кашгарского правителя был из рода джалайыр, другой – из рода найман, но разведчик-казах был первый. Б.К.)* В казахстанских публикациях об этом выдающемся подвиге Чокана Валиханова упоминается как-то мимоходом, скороговоркой. Между тем в России и особенно на Западе подобных примеров много, и о них там пишут и рассказывают с гордостью *» (Выражаю полное несогласие с Г.Б.Байжановым. О Чокане даже его современники начали писать, как об отважном путешественнике, «с риском для жизни выполнявшего разведывательное задание царского правительства». Б.К.)* К сожалению, Г.Б.Байжанов, будучи профессиональным разведчиком, кроме декларативных утверждений: «направлен с разведывательным заданием *по изучению обстановки в этом крае*», ничего конкретного не смог добавить. А ведь все было гораздо сложнее.

Известный востоковед, академик Российской Академии наук С.Л.Тихвинский, не имевший никакого отношения к спецслужбам, был куда близок к истине, описывая непрофессиональным языком профессиональную деятельность разведчика Чокана Валиханова: «... Осенью 1856 г. Чокан Валиханов *по специальному заданию* царского правительства находился в Кульдже. Знакомясь с положением дел, *он выступал как дипломат*, участвуя в переговорах с маньчжуро-китайскими чиновниками, в результате которых были восстановлены прерванные из-за местных волнений торговые отношения между двумя государствами. В следующем, 1857 г., Валиханов побывал среди киргизских племен района Ала-Тоо, а затем стал готовиться к новому – *чрезвычайно сложному и опасному заграничному путешествию*: предстояло *выяснить обстановку в восточном Туркестане*, где восстание против цинского господства переплеталось с межфеодалными распрями. С начала октября 1858 года до середины 1859 г., *переоде-*

тый в одежду купца, он находился в г.Кашгаре, центре Алтышара («Шестиградья»). Ч.Ч.Валиханов **выполнил задание и привез большое количество ценнейших восточных рукописей и грамот, экономических, статистических, этнографических и прочих материалов**». (С.Л. Тихвинский, академик РАН Москва. «Чокан Валиханов и современность» Из-во «Наука» Казахской ССР. Алма-Ата. 1988. Сборник материалов Всесоюзной научной коференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ч.Ч.Валиханова).

К.Абенов пишет: «Геополитические интересы России тогда были направлены на Восточный Туркестан, где Китай и Англия занимали прочные позиции. Для осуществления своих планов в Восточном Туркестане – в Кашгарии, под «крышей» торговца-купца Алимбая спецслужбами был направлен наш соотечественник Чокан Валиханов, который блестяще выполнил специальное задание. Его кандидатура подходила по всем параметрам для разведывательной цели: знатное и мусульманское происхождение, вероисповедание, превосходное знание восточных языков, природный дар, ясный ум, высокие интеллектуальные качества. Так, легендарный разведчик Чокан Валиханов «прорубил окно» на Восток и встал в авангарде профессионалов внешней разведывательной службы своего отечества как первый казах. («На страже безопасности Казахстана». Алматы «Гылым» 2003 С.519).

В своей объемной книге в 650 страниц «Спецслужбы. Государево око. Тайная дипломатия и разведка на службе России» профессиональный разведчик, историк и писатель Н. Кудрявцев подвигу выдающегося дипломата и разведчика Российского Генерального Штаба, поручика Ч. Валиханова соизволил уделить всего шесть строк. Но каждая строка, основанная на архивных материалах, насыщена бесценной информацией о нашем герое и его сподвижниках, выдающихся личностях российской внешней разведки. Вот они, эти строки: *«... Для изучения политико-экономической обстановки в Средней Азии правительство в 1858 году направило три экспедиции: научную – под руководством Н.В.Хныкова в Восточный Иран (Хорасан) и Герат, миссию Ч.Валиханова в Восточный Туркестан (Кашгар) и дипломатическое посольство Н.П.Игнатьева в Хиву и Бухару. Руководил и направлял эти экспедиции Азиатский Департамент Министерства иностранных дел. В подготовке экспедиции принимали также участие Военное Министерство, Русское Географическое Общество и купечество»* (С.572).

Он был не просто разведчиком, прошедшим тщательную подготовку, он был настоящим ученым и обладал теплым, душевным талантом.

Научные отчеты Валиханов писал в легком непринужденном стиле, сочным языком. По казенному он просто не умел. И отнюдь не по **«заданию центра»** собирал он сказания казахов и киргизов, изучал шаманские верования, переводил героический эпос «Манас», записывал эпическую поэму «Козы-Корпеш и Баян-сулу», составлял атлас звездного неба, каким оно было согласно казахскому фольклору. Ему было интересно абсолютно все. На всякое явление он смотрел с двух точек зрения — как просвещенный европеец и как коренной степняк. **И поэтому видел больше всех** (А.Каменский . «Жизнь — как молния». Газета «Экспресс К», №155 16057 от 19.08.2006).

Мы согласны с автором, кроме одного момента. Все, что делал Чокан по части научных исследований, находилось в центре внимания секретных служб, поскольку для них в разведываемом регионе было важно все до мелочей. Поэтому ему, госслужащему, отпускалось неограниченное время для «научных изысканий». В то же время научная деятельность и диапазон интересов Чокана были намного шире, чем разведывательные интересы спецслужб. Следовательно, для них информация социально-политического или экономического характера была важнее, чем киргизский эпос «Манас». А для Чокана важно и нужно было все. В этом его величие.

И.Гонопольский: «Мой герой мне интересен потому, что он был **потрясающе разносторонней личностью, как энциклопедисты** во времена Возрождения, — не только великим просветителем, ученым, географом, но и первым **шпионом** российской империи, о чем, наверняка, мало кто знает. Кстати, когда я брался за этот материал, то для меня личность Чокана тоже во многом была терра инкогнито — «неизвестной землей». Но когда окунаешься в материал, знакомишься с **этой поистине планетарной личностью**, то оказывается, что о Валиханове можно сделать десяток картин, и все они будут разные - можно снять фильм о Чокане-художнике, языковеде, тюркологе, знатоке Востока, путешественнике и даже **...о военном шпионе в жанре детектива»**.

Современному читателю теперь предельно ясно, что Чокан Валиханов являлся дипломированным разведчиком, государственным служащим, работавшим в столичных и областных аппаратах Министерства Иностранных дел. Как офицер по особым поручениям, он получал заработную плату из кассы Генерального штаба.

И.Стрелкова отмечает, что полковник К.К.Гутковский, председатель Областного управления сибирских киргизов, был другом Чокана Валиханова и, как один из ответственных сотрудников разведки, от-

вечал за его подготовку по нелегальному выводу за кордон. Поэтому разница в возрасте, высокое воинское звание и ответственная должность К.Гутковского в Департаменте Министерства иностранных дел свидетельствует не просто о благосклонном отношении руководителя к своему подчиненному, но и о дружеских отношениях между ними. Такую же оценку можно дать и исключительно теплым отношениям между Ч.Валихановым и полковником (в последующем генералом) Г.А.Колпаковским, непосредственно проводившим оперативную подготовку, отработку легенды прикрытия и разведывательного задания основному исполнителю закордонной операции.

Карл Казимирович Гутковский всей душой оберегал честь своего армейского мундира и вполне искренне мечтал о расширении границ Российской империи. Образованный офицер, закончивший кадетский корпус и Николаевскую военную академию Генерального штаба, он прошел выучку еще у князя Горчакова в бытность того генерал-губернатором Западной Сибири. Гутковскому уже не раз приходилось руководить сбором разведывательных данных о сопредельных ханствах Средней Азии, в частности, о Коканде и Кашгаре (С. Бегалин).

Но куда больше интересовали К.Гутковского вопросы новейшей политики России в Средней Азии. Через Степь тянулись торговые пути в Хиву, в Бухару, в Кашгар. Карл Казимирович был превосходно осведомлен обо всем, что происходило по ту сторону среднеазиатской границы Российской империи. И особенно он интересовался Кашгаром.

Как разведчик, К. Гутковский был озабочен организацией разведки в Средней Азии. Кто ее должен осуществлять? Русские путешественники или торговцы? Их, так называемые секретные донесения, пачками лежат в омских сейфах военного губернаторства. Весомых фактов в них мало. Ложные слухи, пустые сплетни... Серьезных данных там нет, а о сколько-нибудь полной картине и думать не приходится.

Гутковский увидел решительность Чокана, его умение разговаривать и со знатными людьми аулов, и с простым человеком, увидел терпение и быстроту, с которой он делал свои зарисовки. Несомненно, он сможет выполнять более широкие и важные задачи, решать их до конца. Он любит свой народ, в нем кипит молодая энергия. Он рвется к деятельности. Он свободолюбив. Пока еще он может встать на дыбы, но потом задохнется, устанет, запутается в русских колониальных сетях, как и другие свободолюбцы. Дальнейшее, кажется, ясно. (С.Муканов. Промелькнувший метеор. Издательство «Жазушы». Алма-Ата. 1980. С.160-193).

Мне осталось рассказать, кто является «крестным отцом» Чокана в разведке. Одни источники указывают на К.Гутковского, другие — на Е.Ковалевского. Но они являлись более поздними руководителями разведчика Ч.Валиханова. По мнению ряда авторов впервые на Чокана обратил внимание Александр Алексеевич Сотников, который, как профессионал, невооруженным глазом увидел в нем будущего разведчика. Он же и рекомендовал молодого султана в Омский кадетский корпус, который по существу являлся общеобразовательным и специальным учебным заведением по подготовке будущих кадров внешней разведки России. Сотников, бывая в гостях в доме у Валихановых, искренне привязался к маленькому торе и оказал на него влияние посвятить себя военному делу. В Омске Чокан проводил воскресные дни в доме А.А. Сотникова, который продолжал готовить из молодого кадета будущего разведчика, заведомо зная, что через 5 лет, его можно привлечь к профессиональной деятельности.

К удивлению опытного наставника, Чокан в 14 лет, то есть за два года обучения проявил обязательные для разведчика качества. Он обладал высокой наблюдательностью, аналитическими способностями, феноменальной памятью, способностью быстро освоить иностранные языки, ораторским качеством, обладал чувством юмора, умел проявлять настойчивость и выдержку при экстремальных ситуациях. Многие источники отмечают амбициозность, принципиальность, независимость характера, настойчивость при достижении поставленной цели, усидчивость, умение внимательно слушать собеседника. За сравнительно короткое время он мог расположить к себе любую аудиторию благодаря своей высокой эрудиции, которую он проявлял, не ущемляя достоинства партнера. При этом щедро делился своими идеями, не претендуя на первенство, даже если его идеи в последующем публиковались в прессе за авторством других лиц.

Стрелкова пишет, что в Омске Сотников не ужился с начальством. «Поссорился с каким-то полковником и нашел оригинальный способ рассчитаться: переоделся казахским джигитом и принародно, на людной омской улице отстегал своего врага камчой. Его сослали еще дальше — в Енисейскую губернию. Помыкавшись по Сибири, Сотников покончил самоубийством, бросился с парохода в Байкал. Эта загубленная жизнь оставила все же о себе добрую память». Самоубийство А.А.Сотникова у меня вызывает серьезное сомнение.

До настоящего времени историки строят догадки о том, что именно предшествовало Кашгарской операции: как шла ее подготовка, инструктаж отобранной агентуры, как разрабатывалась легенда-прикры-

тия группы и конкретного участника в отдельности. Была ли отступная легенда на случай допросов в местной контрразведке. Каким образом осуществлялось руководство действиями Чокана и его группы со стороны разведцентра? Были ли отработаны меры безопасности разведгруппы в случае провала? Сомнительно, чтобы правительство, неся большие расходы на снаряжение экспедиции, проявляло безразличие ко всем этим вопросам.

Выше мы уяснили, что Чокан — дипломированный разведчик, что он обучался в разведшколе, что его учителями являлись опытные российские разведчики и пр. В разделе «Операция Черный Дракон» мы начнем повествование с момента получения разведывательного задания, утвержденного царем, и завершаем его благополучным возвращением агентурной группы Чокана на родину.

В тридцать лет этот великий разведчик сделал то, что другой бы не смог сделать за всю свою жизнь. Кроме того, он был человеком своего времени, отстаивавшим прежде всего интересы своего народа, даже если ради этого пришлось бы пожертвовать собой. Именно поэтому он всю свою сознательную жизнь посвятил опасной и сложной профессии разведчика, находясь на самом переднем крае смертельной схватки с противником. Память об этом удивительном человеке навсегда должна сохраниться в сердцах казахского народа и всех казахстанцев (<http://www.centrasia.ru/news>).

В заключение, для полной убедительности привожу несколько фрагментов из разведывательных донесений Чокана Валиханова в Центр. По своему внутреннему содержанию эти донесения составлены на высоком профессиональном уровне. Они дают ясную картину оперативной обстановки в регионе. При этом надо полагать, что Чокан имел на связи ценную агентуру, способную своевременно добывать интересующую разведывательную информацию с выходом на сопредельную территорию. Обилие цифр и конкретных фактов в указанных докладных записках свидетельствует о нахождении как Чокана, так и его агентуры в эпицентре происходящих событий.

Г. А. Колпаковскому 14 декабря [1864 г.]

Спешу сообщить Вам некоторые подробности последних схваток маньчжуров с дунганами. Это будет дополнением к показаниям бокачевского приказчика. Бегство дунганей из Кульджи случилось 9 числа прошлого месяца. Утром этого числа все кульджинские и из соседних местечек хой-хои выступили к Сарыбулаку, их подкрепляли таранчи в числе 400 человек под начальством какого-то сарта, которого они называли ходжой. (Впрочем, этот ходжа не из тех, которые пре-

тендуют на Кашгар, и, надо думать, что он уроженец Или). Китайцы стояли у городских стен и стреляли из пушек и фальконетов. Таранчи, однако ж, занимались более маневрами, чем делом. В рукопашных схватках в этот день было убито немало дунганей, но потерю чампаней и хамбыней (китайский солдат) считают до 800 человек. В то время как маньчжуры были отвлечены бесполезной для них стрельбой, жены и дети дунганей со всеми своими вещами беспрепятственно выходили из своего предместья. К вечеру, когда последние верблюды дунганей выступили из города, дунгане стали отступать, оставив для прикрытия отступления до 50 чел. конницы. Но дело этим не кончилось. Чампани, узнав о бегстве дунганей, бросились в их предместья, думая найти там что-нибудь, но здесь их встретила засада, и чампани после кровавого боя бежали, потеряв убитыми до 300 человек.

Дунгане, отступив из Кульджи, стали у каменноугольных копей, в 20 верстах от Кульджи. Таранчи увеличились до 600 (чел.).

11 числа маньчжуры, ободренные бегством врага, выступили из Кульджи для окончательного уничтожения инсургентов. Маньчжуров было 400, хамбыней — 300, солонов и сибо левого берега — 300, правого берега — 800, чампаней — 500. К несчастью китайцев в самом начале сражения дунгане овладели их артиллерией (4 пушками) и захватили все фальконеты (60) и до 200 ружей. Порох китайцы сами уничтожили. Чампани, засевшие в каком-то кургане, были сожжены, хамбыни частью перешли к инсургентам, частью были убиты, всего их вернулось человек 10. Поражение было совершенное; начальник китайского войска Чи-Джен, солонский ухурдай и еще два амбаня были убиты. Дунгане преследовали бегущих до самой Кульджи.

В настоящее время дунгане занимаются осадой Баяндая, жены и дети их находятся в большой мусульманской Кульдже. В Кульдже китайские войска насчитают до 800 солдат, между тем к дунганам пристали все таранчи с новым своим акимбеком Магзум Зитом. Наш Сотрук (*возможно, агент Б.К.*) тоже соединился с дунганями и, как говорят, вместе с таранчами думает взять Куджугур; под именем Куджугура известна группа нескольких селений с сибоским населением. Жители его частью перебежали в Кульджу, частью укрепились в одном из этих селений. Начальник сибосцев правого берега, называемый киргизами Ак-Колдай, взят под арест будто бы за сношения с инсургентами и, вероятно, будет казнен. Каракиргизы и наши кызылборуки совершенно уничтожили калмыков, кочующих на Текесе. Можно положительно сказать, что калмыки лишились решительно

всего — жен, детей и всего скота. Киргизы, говорят, не знают, куда девать скот и пленниц. Калмычки попали и на Чилик к Чокан-бию. Это, по-моему, не совсем красиво. В Кульдже чувствуется большой недостаток съестных припасов, ибо дунгане сожгли все хлебные запасы и угнали весь скот городской, даже маньчжурам не оставили и свиней. Цзянь-цзюнь на все солонские городки наложил по 100 капов пшеницы.

Сегодня приехал (несколько часов тому назад, я сейчас только узнал) в аул к Тезеку один таранча, прежде живший в ауле. Он привез верные известия о дунганах, ибо он послан от таранчинских беков к султану Тезеку, чтобы узнать, можно ли им послать посольство к русским властям. Он рассказывает, что ходжа их называется Сеидахметхан, он уроженец Маргелана и лет пять как приехал в Или. По его словам, все хамбыни пристали к мусульманской инсurreкции — и это верно. Из Кашгара и Аксу они ждут помощи. Цзянь-цзюнь им предлагал мир, но они не приняли. Баяндай, как он полагает, теперь должен быть взят. В самом деле, что прикажете делать, если инсургенты пришлют посольство? Если они будут, например, просить нашего подданства? Уведомьте поскорее. Войсками командуют у инсургентов: китайцами — Джун-Тань, тунгенами — Па-ту-за и таранчами — Садыр.

Так как в настоящее время производятся непрерывные реформы и преобразования, то нет основания думать, чтобы киргизская степь осталась забытой. Вероятно, Ваше превосходительство, позаботитесь о Вашей Орде, которая, надо признаться, находится в самом незавидном положении. Во время пребывания в Орде мне удалось узнать кое-что неизвестное Вам и могущее быть Вам очень полезным при Ваших соображениях. **Я буду говорить откровенно, так как это останется между нами** (Смысл последних слов явно говорит о том, что данное сообщение имело гриф «Секретно»). Б.К.)

Со времени вступления Вашего в управление Ордой Вы были постоянно заняты походами против киргизов и защитой границ, внутреннее родовое управление Ордой оставалось по-прежнему, и в этом отношении было сделано очень мало. А родовое народное управление Орды представляет ужасный хаос и крайнее безобразие. Первое Адбаны. Племя это беднее других и держится более старых порядков. Султан здесь управляет только своими туленгутами, которых, правда, очень много, и управляет ими, как плантатор неграми. На албанов, кочующих за Или, он почти не имеет влияния и адашевцы, чаирбеки зависят от него, как вассалы от барона: по временам приезжают на поклон,

принимают хорошо его есаулов и только. Словом, султан считает себя владельцем, а не чиновником русского правительства, каким он есть в действительности.

Второе. Джалаиры. Управление у джалаириков представляет диаметрально противоположность управлению у албанов. Джалаирские султаны, волостные и прочие, похожи на наезжих сибирских чиновников, которые приезжают только затем, чтобы постоять и потом уехать. Между джалаирскими родоправителями существует круговая порука, чтобы грабить народ. Я знаю, что эти господа научают татар и прочих подать просьбу в Алматы и потом, получив бумагу из Верного, пугают своих киргизов и берут тогузами (вид налога Б.К.), одну — Султангази, другую — Тынги, третью — Камбар и проч. Подводы в этом роде назад не возвращаются — продаются, и деньги разделяются между вышеупомянутыми лицами. Плата за подводы подвергается той же участи. Вообще поборам нет счета.

Третье. У дулатов несколько лучше, хотя султан их считается слабым. Там много богатых и влиятельных киргизов, которые могут в случае надобности дать султану отпор. Прежде было основание церемониться с киргизской властью, теперь же, когда границы наши закреплены, можно положить конец их самоуправству и произволу и дать почувствовать им, что они не владельцы, а чиновники и что правительству нужен народ, а не султаны, ибо математически 100 вернее, полезнее, чем 10. По моему мнению, этого можно достигнуть, только подчинив формальным выборам должность султанов и управителей, ослабить аристократию и придать значение суду биев. В Большой орде суд биев не существовал, дела решались по капризу властей.

В Дикокаменной орде аристократического элемента не существовало исторически, точно так же, как и централизации родового управления. Там каждый род управлялся своим бием. Случалось, правда, что некоторые манапы успевали завоевать главенство, как Урман и Бурамбай, хотя это было насилие, но люди эти имели несомненные достоинства: один — храбрость, а другой — замечательный ум. Мы же, назначили ничтожного и известного лживостью Сарымбека в звание ага манапа; случайное явление возвели в постоянное достоинство. Это уже само по себе ошибка. Пользы от ага-манапа мы положительно не имеем, и, поддерживая его значение, мы вредим самим себе, отталкиваем от себя народ и вооружаем против других манапов. Мурад-Али, Чон-Карач и прочие ушли не от Сарымбека. Кроме того, Сарымбек постоянной ложью от имени русского правительства возбуждает недоверие в народе к нам. Этот господин продавал чирикам рус-

ские чины, т. е. русские бумаги — это факт. Сверх того, ни один абсолютный восточный монарх не делает таких насилий, как он. У него содержится одна женщина под именем подводной бабы, если так можно выразиться; он ею угощает приезжих казаков и других лиц, и она взята так же, как берут в подводы верблюдов и лошадей. Эти немногие факты говорят сами за себя.

Я полагаю, что в Дикокаменной орде надо поддерживать древний порядок управления, чтобы каждый род управлялся своим бием. Тогда будет между ними соревнование, чтобы отличиться одному перед другим.

Прошу у Вашего превосходительства снисхождения, что решился написать о том, о чем Вы меня вовсе не просили. Как киргиз, я не могу удержаться, чтобы не сказать несколько слов относительно моих страждущих земляков. С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорный слуга.

Ч. Валиханов. Р. С. Бектаир завтра выезжает отсюда. Что касается до писем, посланных с Исмаилом, я должен сказать, что они все были мною запечатаны моей печатью с литерами М. В. точно так же, как и настоящее письмо. (Он направил это донесение, когда до загадочной смерти разведчика оставалось 4,5 месяца. Б.К.)

Г. А. Колпаковскому 27 декабря [1864 г.]

Милостивый государь, Герасим Алексеевич!

Сегодня приехал в аул Тезека казак Павел Богдашин, остававшийся до сих пор в Кульдже. Так как все торговцы, поселенные китайским начальством в нашей фактории, бежали, то и Богдашин последовал их примеру. Торговцы принуждены были к бегству постоянными требованиями китайских властей то лошадей, то верблюдов. В последний раз маньчжуры потребовали 300 лошадей и, когда торговцы отказались от дачи такого большого числа лошадей, цзянь-цзюнь объявил, что он возьмет у них силой. Тогда ночью все обитатели фактории бежали, оставив все свое имущество и товары. Едва торговцы вышли из фактории, как башчи и таранчи с 100 человеками напали на факторию и ограбили все дочиста. Впрочем, и прежде, в начале восстания, таранчи немного пограбили в консульском доме, но взято было немного. На другой день башча нагнал караван и требовал выдачи Богдашина, но приехавший из Семипалатинска ташкенец Осман не выдал. Этот же Осман дал казаку лошадь и во все время нахождения Богдашина в Кульдже оказывал ему покровительство и помощь. Китайское начальство взяло от Богдашина под расписку все железо, бывшее в фактории.

Киргизы... сделались теперь заклятыми врагами своих патронов и грабят маньчжуров и солонов, где только можно. Кезен-кара напал даже на один солонский городок, угнал до ста лошадей, но сам потерпел потерю с лихвой: до 5 человек его киргизов пали от солонских стрел. Колдай все еще живет у Тезека и не едет, что хотите — делайте. Сейчас получено еще известие. Цзян-Цзюнь послал погоню за караулом, и особенно за Богдашиным, чтобы вернуть его, но посланные солоны не догнали каравана и вернулись... *Если китайцам будет дана помощь, то с известием об этом в Кульджу, надеюсь, Ваше превосходительство, пошлете меня. (Это он пишет всего лишь за неполных четыре месяца до своей загадочной смерти. Б.К.)*

Пожелав Вам всего хорошего и успеха в Ваших начинаниях, с истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорный слуга.

Ч. Валиханов

Г. А. Колпаковскому

14 января [1865 г.]

Милостивый государь, Герасим Алексеевич!

Я имел честь послать к Вам в Омск три письма, но ответа до сих пор еще нет. Колдай все еще здесь, ждет Вас, как еврей мессию. Вообще все илийские маньчжуры уповают на нас и от нас только чают избавления. Впрочем, по полученному сейчас известию из Кульджи, инсургенты, очевидно, утомились. Маньчжурам удалось их разбить наголову в окрестностях самой Кульджи (20 числа дня 12 месяца по китайскому стилю). В этом деле убито до 400 человек хой-хоев и таранчей и взято много оружия: ружей, копий и сабель. Эта неудача нанесла хой-хоям такой нравственный удар, от которого они едва ли оправятся. Дело в том, что хой-хои не в ладу с таранчами, которые составляли большинство инсургентов, последние начинают тайно сноситься с цзян-цзюнем, который обещал им совершенное прощение. Говорят также, что у оставшихся нет ни зерна ни пороху, а провизии у них давно не было. Тунгени думают снять осаду Баяндая и перейти на правый берег Или и взять городок Куджугур. По крайней мере так писали они киргизам в своих прокламациях.

Снятие осады Баяндая и, наконец, то, что тунгени стали просить помощи у наших киргизов, доказывает, что инсurreкция приходит к концу. Если инсургенты будут вытеснены с Или, они, говорят, думают уйти в другой пункт — Аксу или Кашгар. В последнее время тунгени успели с помощью своих эмиссаров и прокламаций взволновать большую часть приилийских родов албанов и всех бугинцев. Башчи

(глава) Джузен-Саурук, словом, все (чаджи, джарты и конурборуки) явно пристали к тунгенам и дают им лошадей и джигитов. Джетен, Дур-султан, Казенкара еще колеблются; преданными нам остаются только Кожамбет, бугинцы тоже портятся, не говоря о тех головорезах, которые на Текесе. Бектаир остался ими недоволен, так как ага-манап совершенно отказался собирать киргизский барантованный скот. Киргизы все заговорили о годах мусульманского величия, от тунгений они чего-то ждут, на бухарцев тоже полагают большие надежды.... При сем посылаю два листа, присланные от цзян-цзюня, одно на Ваше имя, а другое на имя «Ваших сибирских генералов». Лист цзян-цзюня я перевел при помощи Колдая, соображаясь, с маньчжурским текстом, так как пакет я сам [должен] был подпороть. Надеюсь, Ваше превосходительство, не будете за это на меня сердиться (в Омске нужно было бы обращаться к переводчику). (Колдай, очевидно, был агентом Чокана, пользовался доверием и поэтому перевёл агентурное сообщение. Б.К.)

Между тем наши войска имели дело с ворами, и воры, придя в слабость, бежали и укрылись в город Кульджу (мусульманский город в 40 верстах от Кульджи) и оттуда, выходя в разные стороны, делали грабежи и посылали своих людей в окрестные земли для возмущения и к Тезеку с серебром и чаем, чтобы расстроить согласие двух наших государств Но Тезек, находясь в повиновении у Вашей высокой державы, не внял злым наветам их. 12 месяца 19 и 20 числа воры тунгени наступали на лагерь наших войск, наши воины, победив их, убили стрелами до 400 с лишним человек, но истребить и уничтожить их логовище в Кульдже мы находили трудным, чтобы в случае неудачи не было еще больших бедствий.

Вашему великому государству не чужды законы и обычаи, и Вы должны нам сочувствовать. Эти восставшие воры в один час забыли милости и попечения Срединной империи, делаемые им в продолжение 100 лет, и причинили нам много зла. Мы думаем, что и Ваше высокопревосходительство, узнав о сих злодеяниях воров, должно прийти в немалый гнев. Много лет, как наши две высокие державы находятся в неразрывном согласии. Будучи близки, как язык к зубам, нашим государствам нельзя быть равнодушными к бедствиям друг друга.

Отсюда мы послали эчже-ку-хафина (чин) Сабитуна (маньчжурское имя Со-Колдай) к Тезеку, чтобы ожидать там прихода войск высокой державы, а куцзяйда (чин) Чжа-Чжури (имя) послали в Тургень также к Вам навстречу.

По сим причинам, посылая спешно этот лист к высокому генералу, прошу по получении этого письма как можно быстрее привести русские войска в Или и потом, соединившись с нашими войсками, разбить воров, и, успокоив страну, покрыть себя доброй славой. Еще. Один русский, сарты, иностранные и кашгарские купцы, находившиеся в Вашей торговой фактории, в одну ночь по известной причине бежали из фактории и неизвестно, где теперь находятся. В ту же ночь на рассвете (в час пятого джина) киргизы вместе с тунгенями вошли в факторию и разграбили находившиеся там вещи и товары и скрылись неизвестно куда. Остался один старик сарт с женой. На другой день мы собрали оставшиеся вещи и, взяв их в город, поручили надзору старика-сарта, чтобы он после был обличителем. Для хранения фактории мы назначили особый караул из наших войск. Было бы очень хорошо, если бы секретарь по-прежнему занял факторию и открыл бы торговлю. По сим причинам послал лист. Тунчжи 5 год царствования 12 месяца 24 дня».

Слышно от китайцев, что в Урумчи пришли халхасцы под начальством Цзюн-вана, рожденного от китайской принцессы, но от больших снегов они не могут до весны прийти в Или. В какой степени все это справедливо, ведает Голубое небо. С истинным почтением имею честь быть Вашего превосходительства покорный слуга.

Ч. Валиханов

Р. С. Ваше превосходительство оказали бы большую милость, если бы привезли мне несколько ящиков сигар гаванских от Терехова и один так называемый пробный ящик. (Оставалось чуть более трех месяцев до загадочной смерти Чокана. Б.К.).

Г. А. Колпаковскому 30 января 1865 г.

Милостивый государь, Герасим Алексеевич! Сегодня получил письмо от Бектаира, которое при сем посылаю. Садыкбек, о котором он пишет, есть родоначальник каракиргизского племени турайгыр-кипчак и был прежде правителем города Ташмалыка... Другое лицо, упоминаемое им, именно: Бузрукхан-ходжа, или тюре, есть единственный сын Джангир-ходжи, который в 1825 году произвел большое восстание в Малой Бухарин и был потом, пойманный, казнен в Пекине. Ходжа этот пользовался, как я мог заметить в бытность мою в Кашгаре, большим уважением народа... Что касается до тунгенского восстания, то ничего важного в последнее время не совершилось. Тунгени три раза подходили к Кульдже и всякий раз были выгоняемы с уро-

ном. Но тем не менее китайцы ждут от нас помощи, и Колдай все еще живет у Тезека.

Искренно поздравляю Ваше превосходительство с новым назначением и желаю Вам на новом месте заслужить еще больше славы и чести. С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорный слуга.

Ч. Валиханов (До загадочной смерти Чокана Валиханова оставалось чуть более двух месяцев. Б.К.)

Г. А. Колпаковскому 19 февраля 1865 г.

Ваше превосходительство, милостивый государь, Герасим Алексеевич!

Сегодня я получил два Ваших письма и, не поверите, как им обрадовался. Я полагал, что не рассердил ли Вас чем-нибудь. Сообщить теперь Вам те сведения, которые Вы пишете, я не мог, во-первых, потому что здесь нет ни одной лошади, чтобы послать в ташкентский караван, который находится в Добуне и откуда только и можно получить сведения, более или менее близкие к истине. **Там есть один мой приятель (несомненно, агент. Б.К.).** Тезека здесь нет, он с табуном своим на Чилике. Как только будет лучше, я пришлю Вашему превосходительству особую подробную записку о причинах восстания и ходе его, как я сам понимаю, принимая во внимание исторические факты и **постараюсь разузнать все, что Вами писано.**

Я могу и теперь сказать, что известие о 12 т. кашгарцах, прошедших через Музарт — есть киргизская утка. Слух этот был распушен месяц и более тому назад бурутами, которые ждали этой хуны, чтобы вместе с ходжами взять Верное. **Что англичане пришли в Хотан — это, может быть, и правда. Народ этот при подобных обстоятельствах никогда не остается зрителем. В Каратеген англичане попасть не могут — страна эта недоступна со стороны Индии, и зачем англичанам лезть с горы, когда очень удобно можно пройти через Кашгар. Вообще рассказы об англичанах составляли слабость ага манапа Сарынбека — не из той ли стороны пришел и этот слух.** Во время восстаний в Кашгаре в 1825 и 30 и 45 годах всегда было слышно здесь, что есть англичане, и всякий раз это оказалось ложным.

Я не понимаю хорошо, — какой доверенности хочет Кроерус от меня. Я уже раз послал доверенность Романовскому, но если этого недостаточно, то научите, как поступить. Я бы желал, чтобы деньги были прямо высланы в Верное. Что касается до вопроса о биях, то у меня есть записка, которую я подавал корпусному командиру и была им... одобрена. Я пришлю ее с кем-нибудь при случае в Верное.

Предложение Ваше состоять при Вашем распоряжении я принимаю с полным удовольствием, но вместе с тем прошу у Вас в счет жалования прислать мне рублей 100 серебряной мелкой монетой. С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорнейшим слугою. Ч.Валиханов. (До загадочной смерти Чокана Валиханова оставалось два месяца. Б.К.)

Как профессиональный разведчик и контрразведчик удостоверяю, что сегодня любого сотрудника резидентуры Службы внешней разведки за получение подобной информации можно было бы немедленно представить к правительственной награде.

Бережность — примечательная вещь. Герасим Алексеевич Колпаковский с величайшей любовью относился к памяти Чокана Валиханова. Это он отыскал в омском архиве «Записку о судебной реформе», распорядился сделать с нее копию и отправил Потанину с письмом, в котором подчеркивал, **что работа Валиханова «не лишена интереса и в настоящее время».**

Слежение за жизнедеятельностью Герасима Алексеевича Колпаковского и оценка содержания этих писем свидетельствует, что он передал их Г.Потанину в расчете на то, что потомки когда-нибудь поймут истинный смысл этого шага. Они свидетельствует, что **генерал Колпаковский не без умысла «допустил расшифровку» агентурных донесений Чокана в Центр**, о чем нами было изложено более подробно в предыдущих разделах.

Проведенный нами беспристрастный анализ имеющихся материалов дает полное основание сделать вывод о том, что славный сын казахского народа Чокан Чингизович Валиханов является не только выдающимся ученым, но и великим разведчиком, которого можно поставить в ряд с такими историческим личностями в области разведки, как Рихард Зорге, Николай Кузнецов, Иван Фигнер, Максим Исаев, Иван Виткевич, Рудольф Абель, Ким Филби, Джордж Блэйк, Лоуренс Аравийский, Александр Чернышев, Карл Шульмейстер, Киндзи Дойхара, Фрэнсис Уолсингем.

«Экспедиции в Среднюю Азию — напрасная трата денег, которые могут быть употреблены для достижения той же цели, но иным образом».
Н.П.Игнатьев

СХВАТКА СПЕЦСЛУЖБ ЗА СРЕДНЮЮ АЗИЮ

Секретные службы Петра Великого. Устремления в Среднюю Азию. Разведывательные операции и их исполнители. Разведка Александра 1. Главный противник — Англия. Оперативное прикрытие разведчиков. Ост-Индийская Компания — основная структура Британской разведки на Востоке. Все они — ученые, путешественники или торговцы. Коллеги Чокана Валиханова по линии науки и разведки.

В период царствования Петра I российская внешняя политика как никогда отличалась необычайной активностью и масштабностью. Впервые в истории русского государства тайная дипломатия и секретные службы распространяют свое влияние не только на Европу, но и на Восток. ***Разведывательные устремления России охватывали Центральную Азию, особенно регионы Каспийского моря, Восточный Туркестан, Кашгарию, Внутреннюю Монголию. Интересы российской внешней разведки простирались на всю территорию современного Казахстана, поскольку при любом выходе на азиатский континент обойти ее удавалось в основном через Дальний Восток и Черное море.***

В этих целях усиленно устанавливаются постоянные дипломатические отношения не только с европейскими странами, но и восточными государствами. Однако в то время дипломатия была далека от того, чтобы превращаться в «регулярную» государственную службу. Для начала предпринимались попытки использовать в роли дипломатов опытных офицеров для ведения внешней разведки, особенно военно-политического характера. Это было связано с тем, что по мере развития военного дела сведения, добываемые дипломатами, все меньше устраивали командование. В связи с этим военными дипломатами становились опытные разведчики, состоящие на государственной службе.

За неимением специального министерства по линии внешней разведки «Петр создает генерал-квартирмейстерскую службу, которая в Воинском уставе 1716 года закрепляет свое правовое положение в качестве разведывательной службы» (В.Обухов). В последующем деятельность этих служб привели к необходимости расширения дипло-

матической активности и разведки в Центральной Азии, то есть к целенаправленным поискам выхода через нее в Турцию, Индию и Китай. Эта миссия была возложена на созданную им в конце жизни Коллегию иностранных дел, которая при Екатерине II преобразовалась в две самостоятельных экспедиции (отделы. Б.К.) — секретную и публичную. Секретная экспедиция занималась политическими вопросами, то есть внешней разведкой, являясь одновременно «политическим департаментом» по сношению с европейскими и азиатскими странами.

Настоящим талантом разведчика обладал сам Император - первый из государственных деятелей XVIII века. Например, он тайно от своего окружения отправлял в дальние походы надежную агентуру, хорошо знающую языки и обстановку в разведываемых странах. С этой же целью он и сам выезжал за рубеж инкогнито. Полученные секретные сведения Петр уже легализовывал на приемах иностранных послов, что позволяло ему не допускать расшифровки источников информации. Он хорошо понимал, что внешняя разведка способствует принятию выверенного решения. Поэтому собственноручно писал и корректировал разведывательные директивы; стремился выгодно использовать каждую поездку своих агентов за границу для добывания важной военно-политической и экономической информации. От своего окружения он не скрывал, что должен удостовериться в объективности ранее полученных сведений. Петр знал, что для принятия решений государственного значения ему, как Императору, необходимо было во всем разобраться лично.

Вызывает восхищение, что Петр придавал важное значение не только разведке, но и контрразведке и средств на них не жалел. При Петре были подняты на более качественную ступень вопросы борьбы со шпионажем, дезинформацией и лжесвидетельством. Он требовал от контрразведчиков и судебных органов тщательной проверки и критического подхода к различного рода доносам и заявлениям.

Основная цель дипломатических и разведывательных мероприятий царя заключалась в том, чтобы «...глубже внедриться во внутреннюю обстановку Средней Азии и способствовать укреплению торгового и политического влияния в ханствах; уничтожению «вредного» вмешательства спецслужб Старого Света, которые стараются проникнуть в эти государства и привлечь их на свою сторону...» Экономические задачи разведывательных операций, под прикрытием различных миссий, состояли в получении согласия ханов на присутствие в Хиве и Бухаре постоянных «торговых агентов» от России.

Кроме того, Россия добивалась отмены двойных пошлин на товары с купцов-христиан и установления единого пошлинного сбора». (А.Горбовицкий, Ю.Семенов «Без единого выстрела»).

Так, через посольства из Хивы, являвшиеся в Москву еще в самом начале XVIII в. с предложениями от ханов о подданстве, Петр придал огласке то, что ему уже было известно о намерениях хивинских и бухарских ханов добровольно войти в состав России. Царь знал, что они «так мало были действительными владыками своих подданных». **Однако Император в ближайшей перспективе не намеревался физически присоединять в протекторат России всех, кто этого захочет. На данном этапе он желал решить все организационные вопросы с малыми затратами, то есть с помощью разведки.** Наконец, для наступления спецслужб России в Средне-Азиатские пределы с далеко идущими планами по расширению сферы влияния и завоевания новых земель наступил благоприятный момент. С Карлом XII было покончено, а война с Турцией доведена до конца. Поскольку на западе не было больше стран для завоевания, Петр обратил свои взоры на Восток.

Анализ имеющихся материалов показывает, что, начиная с Петра, органы внешней разведки стали шире привлекать к разведывательной работе с инициативным выходом за рубеж представителей разных национальностей, что считалось престижным для страны в признании ее международного авторитета. Причем патриотически настроенные к России представители других национальностей из числа ее подданных, назначались даже главами дипломатических миссий, ответственными за проведение различного рода закордонных операций, то есть выполняли разведывательные задания. Так, придворный грузинский царь Вахтанг VI использовался Петром в качестве посредника между Россией и Персией. Об использовании Петром и последующими правителями России в широкомасштабных разведывательных мероприятиях кабардинца Бековича-Черкасского, итальянца Беневини, грека Дементия, поляка Виткевича, азербайджанца Рафаилова, казаха Валиханова и других следует рассказать подробнее. Однако основными исполнителями закордонных разведывательных и дипломатических мероприятий являлись, все-таки, представители передовой русской интеллигенции.

Первоначально Петр решил направить в Восточный Туркестан «научную» экспедицию с двумя целями: исследовать богатства края и попытаться повернуть Оксус в его старое русло, чтобы река снова несла свои воды в Каспийское море и тем обеспечивала бы русским

возможность достигнуть хивинской территории прямо из Астрахани. Петр доверил командование экспедицией князю Бековичу-Черкасскому, служившему в императорской лейб-гвардии и дал ему инструкцию — до начала каких-либо военных операций посетить хана и тайком ознакомиться со страной.

Писатели-историки А.Горбовицкий и Юлиан Семенов в книге «Без единого выстрела» (М. «Молодая гвардия». 1983 стр.150-151) пишут: «... Речь шла о разведывательной операции величайшего риска и сложности. Для столь тонкого дела нужен был человек, искушенный в обычаях и нравах Востока. У царя был такой человек на примете - кабардинский князь Давлет-Кизден-Мурза, ставший после крещения Александром Бекович-Черкасским, казалось, был создан для такого рода предприятий. Ранее, будучи в звании поручика, он был отправлен Петром в Европу «для учения и для других прочих дел, кои и исполнены были им в наилучшем виде». Однако активом его были не столько прошлые заслуги, сколько обещания будущего. Есть такие люди — при первом же взгляде на них приходит мысль: вот человек, которому дано совершить нечто незаурядное. Был князь порывист в движениях и словах, но в меру; был сухошав, как многие из этих мест; страха не ведал. Ни о ком нельзя было подумать того, что думалось о князе и о незаурядности его участи. За прошлые заслуги, а более того в ожидании заслуг будущих был он пожалован в гвардии капитаны. К тому же, как будущему императорскому послу пристойнее ему было быть в этом звании. Из официальной хроники нам известно, что для особых поручений князю были приданы двадцать астраханских дворян, двадцать подъячих и толмачи. Все снаряжение посольства обошлось в огромную сумму: 2180781 рубль и 30 алтын с полушкой. Сюда же входила стоимость снаряжения, амуниции, подарки для хана и его людей.

В.О.Ключевский («Исторические портреты» М. «Правда» 1990. С.213) также утверждает, что «...Петр мечтал сделать Россию торговой и культурной посредницей между двумя мирами - Западом и Востоком, Европой и Азией. Он смотрел дальше, за пределы русской равнины, за Каспий, куда послал экспедицию князя Бековича-Черкасского, между прочим, с целью разведать и описать сухой и водный, особенно водный путь в Индию».

Бекович последовал всем указаниям царя и после своего возвращения доложил Петру о том, что р. Аму или Оксус, как было установлено, впадала раньше в Каспий, и что во время его исследования он был у старого русла реки, восстановить которое, по его мнению, не представляло больших трудностей.

Источники отмечают, что результаты миссии князя получили у царя высокую оценку, и он был по достоинству вознагражден. Вскоре последовало новое высочайшее указание — взять командование над экспедицией в составе трех тысяч человек пехоты, казаков и драгун, чтобы вернуться в Хиву, предложить хану покориться и стать вассалом России; самому же Бековичу — обосноваться в Хиве в качестве представителя русского царя. Из Хивы он должен был отправить два каравана: один в Бухару, а другой — вниз по Оксусу для его изучения, в то время как по берегам реки должна быть развернута торговля с казахскими купцами.

Вот выписка из Указа Петра I на имя князя Бековича-Черкасского:

«...Ехать к хану хивинскому по с л о м, а путь иметь подле той реки и осмотреть прилежно течение оной реки, також и плотины; ежели возможно оную воду паки обратить в старый ток, к тому ж протчие устья запереть, которые идут в Аральское море, и сколько к той работе потребно людей.

1) Осмотреть место близ плотины, или где удобно на настоящей Аму-Дарье реке, для строения крепости тайным образом; а буде возможно будет, то и тут другой город сделать.

2) Хана хивинского склонять к верности и подданству, обещая наследственное владение оному, для чего представлять ему гвардию к его службе, и чтоб он за то радел в наших интересах.

3) Будучи у хивинского хана проведать и о бухарском, не можно ль его хотя не в подданство, (ежели того нельзя сделать), но в дружбу привести таким же манером, ибо и там також ханы бедствуют от подданных.

4) Для всего сего надлежит дать регулярных четыре тысячи человек, судов сколько потребно, грамоты к обоим ханам, также купчине к ханам же и к монголу.

По сим пунктам господам сенату с лутчею ревностею сие дело как наискоряя отправить понеже зело нужно». *Сие писано его царского величества собственной рукой: Петр Либоу в 19 день февраля 1716 г.* (Прошлое Казахстана в источниках и материалах / Под. ред. проф. Асфендиарова С.Д. Алматы, «Казахстан», 1998. С. 15-17).

Одновременно князь Бекович-Черкасский должен был проверить достоверность ранее добытой разведывательной информации о золотых россыпях в нижнем течении Аму-Дарьи. Главная задача — разведать торговые пути в Индию (Очерки истории российской внешней разведки. Т.1. М., 1996. С. 81-82).

Русские послы должны были также «разведать» обстановку в Бухарских землях и даже на путях в «БИндею». Трудно не согласиться с современным историком Е.В. Анисимовым, который пишет: «Дух захватывает от идей царя, мечтавшего с помощью каналов и поворотов рек добиться того, чтобы однажды, сев на судно в Петербурге, сойти с него на берегах Инда».

С учетом вышеизложенных обстоятельств Петр принимает дополнительное решение увеличить число военного отряда, направляемого в Хиву и Бухару до 5 тысяч человек; часть этого отряда князь должен был оставить при хивинском и бухарском ханствах в виде гвардии, которая бы обеспечила им покорность подданных и, вместе с тем, личную зависимость от России, а затем провести широкомасштабную разведку маршрута в Индию (М.Сарсенбаев).

Наконец, осенью 1716 г. А. Бекович-Черкасский выступил из Астрахани во главе целой армии численностью свыше 6 тыс. человек, включавшей три пехотные и драгунский полки. Речь, таким образом, шла о настоящем и довольно крупном военном походе. Добравшись морем до Тюб-Кургана, люди Бековича-Черкасского основали там крепость св. Петра, после чего отплыли в Балханский залив, на берегу которого возвели Красноводскую крепость. В основанных укреплениях разместились русские гарнизоны, причем в главном — Красноводском — осталось сразу два пехотных полка (Астраханский и Азовский) под командованием опытного офицера фон-дер-Видена. Затем Бекович вернулся в Астрахань, но уже летом 1717 г. вновь отправился в Хиву, на этот раз по суше, с трехтысячным отрядом (nipoet.htmhttp://planetadisser.c).

Через три месяца пути в 120 верстах от Хивы на урочище Карагач русские столкнулись с большим войском хивинского хана Шир-Гази, не желавшего пропускать чужеземцев в свои владения. В произошедшем сражении хивинцы получили жестокий отпор, после чего пошли на хитрость. Хан заверил Бековича-Черкасского, что хочет заключить с ним «вечный мир» и убедил разделить русский отряд на части, якобы для более успешного размещения в хивинских городах. Весьма показателен следующий факт: командир драгунского полка фон Франкенберг четыре раза отказывался выполнить подозрительную просьбу хана и согласился распустить своих кавалеристов только после того, как Бекович-Черкасский пригрозил ему трибуналом за неповиновение. Сразу же после рассредоточения отряда наступила кровавая развязка. Бекович и большая часть экспедиции были убиты, а немногие оставшиеся в живых обращены в рабство. Один из участников похо-

да, калмык Бакша, сообщил впоследствии русскому правительству, что хан приказал отсечь Бековичу голову и выставить ее на воротах Хивы.

В 1721 г. в Петербург прибыл официальный хивинский посол, попытавшийся оправдать действия своего господина. На приеме в Иностранной коллегии он сказал, что хан очень обеспокоен сокращением торговли с Россией, хочет, «чтоб прежняя любовь установилась», а Бековича убили только потому, что «он приезжал не как посол, но как неприятель, построил город и в нем оставил войско». Русские власти, напротив, настаивали на дипломатическом статусе экспедиции. Посла посадили в Петропавловскую крепость, где тот вскоре умер от простуды (nipoet.htmhttp://planeta).

Замысел операции был с самого начала рискованным и мог закончиться полным провалом ввиду непредсказуемости политики Хивинских правителей. К сожалению, так оно и произошло, но не по вине Императора, как это хотят доказать некоторые авторы. Например, «... Не было опасности, не испорти государь всего дела возложением его на князя Бековича-Черкасского непосильной задачи. Петру тогда, как и многим в настоящее время, естественно, могло думаться, что в делах с хитрыми азиатами всего лучше употребить хитрого же, но вполне преданного ему «восточного человека». Это было великою ошибкой...— Черкасский, с азиатской хитростью своею, дался в обман, и погубил, как известно, и себя, и сподвижников, безо всякой пользы для дела». (В.В.Григорьев. Русская политика, в отношении к Средней Азии. «Сб. Знаний», СПб. 1874). Непонятно только, в чем же вина царя, который продумал все, вплоть до мелочей. Всею виной беспечность и излишняя доверчивость исполнителей операции.

О высоком профессиональном уровне данной экспедиции можно судить по тому, как Петр повелел князю взять с собой купцов, с которыми были установлены агентурные отношения, а некоторые использовались как доверительные связи от имени разведки, без раскрытия сути проводимых мероприятий. Кроме того, царь предписал отрядить из экспедиции в Индию поручика Кожина, который «под образом купчины» должен был «разведать о пряных зельях и о других товарах». Для этого прислал Кожину двух человек «добрых людей из купечества, и чтобы оные были не старые». Однако Кожин, разуверившись в перспективности данной миссии, под выдуманым предлогом далее Астрахани не пошел, что являлось практически изменой. Историк В.В.Григорьеву не царя обвинять надо было, а поручика, который имел отдельное поручение по обеспечению безо-

пасности экспедиции, то есть закреплению легенды прикрытия князя и способствовать успешному выполнению разведывательного задания. К сожалению, Кожин это высокое доверие не оправдал. Естественно, что эта измена вселила неуверенность в благополучном исходе миссии и вынудила исполнителя искать дополнительные пути в целях решения основной задачи. Бекович вынужден был идти на более тесный контакт с подозрительными ханами, доверия которых, видимо, он не сумел завоевать.

«...Что касается Кожина, то гибель князя и его людей спасла его, подтвердив в известном смысле разумность его поступка. **Неизвестно, как должно было смотреть не его уход с точки зрения бесчестия и чести, но судом он был оправдан**». (А.Горбовицкий, Ю.Семенов, там же, стр. 166-167)

Оценивая данный факт с международно-правовой точки зрения, можно сказать следующее. Если Бековича-Черкасского рассматривать как посла России, то налицо грубейшее нарушение дипломатического права, обычая неприкосновенности послов и лиц, их сопровождающих, причем речь шла не о задержании или аресте, а об убийстве посла. Такие вещи Чингисхан не прощал. Но с другой стороны, князь был предводителем довольно внушительного войска; калмыцкий хан через своего посла, сумев опередить князя, сообщил хивинскому хану о якобы неблагонамеренных планах Бековича-Черкасского; это все не могло не сказаться на неприязненном отношении хана Хивы к князю.

Н.Кудрявцев пишет (Государево око. С.323) далее, что Петр на уничтожение хивинцами вышеуказанной экспедиции, состоящей почти из 5000 человек, прореагировал неожиданным образом, несвойственным его натуре. Он снаряжает хану новое посольство во главе с итальянцем Флорио Беневини, неоднократно доказавшим царю свою преданность, успешно выполняя секретные задания в интересах России. Главная задача, поставленная перед ним, сводилась не только к негласной проверке сведений о больших запасах золота, но и к созданию условия для установления торговых отношений с Бухарой. Беневини, помимо всего прочего, необходимо было разведать, какое влияние на бухарского хана оказывают Персия и Турция. Эта операция, благодаря тщательно отработанной легенде экспедиции, правильной линии поведения, высокому профессиональному уровню разведчика, хорошего знания языков и нравов восточных народов, принесла успех Беневини. Он установил наличие огромных запасов золота в бухарских землях, добыл разведывательную информацию военно-по-

литического характера. Например, разведчик установил огромное влияние Персии и Турции на политическую ситуацию в Восточном Туркестане и активное присутствие там английской разведки. Эти сведения он добыл через влиятельных людей, находившихся при хане, с некоторыми из которых Беневини установил агентурные отношения на далекую перспективу. Он сумел выяснить, какие товары для России представляют интерес в бухарском ханстве, о таможенных пошлинах и налогах, также экспортной стоимости и способах доставки товаров в Россию.

Происшедшее с князем Бековичем-Черкасским могло постичь и миссию Беневини, но, находясь в сложных, опасных для жизни ситуациях, итальянец с большим трудом сумел возвратиться в Россию. Царь по достоинству оценил заслуги Флорио Беневини. После дополнительной проверки и оценки полученных разведданных, последний получил направление на работу в Коллегию иностранных дел, то есть назначен официальным сотрудником российской внешней разведки. В последующем Беневини выполнял не менее важные задания вплоть до контрразведывательного обеспечения дипломатических миссий в Европу.

О действиях Петра, после получения информации о трагическом исходе экспедиции, другой источник пишет: «Получив известие о судьбе своей экспедиции, Петр немедленно отдал распоряжение войскам, находившимся на Каспийском море, выступить в поход, чтобы отомстить хивинцам. Но несчастье преследовало русские войска. «Флот, на который они были погружены, чтобы переплыть Каспийское море, попал в большой шторм, при котором многие суда потерпели крушение. Остальным судам после больших трудностей удалось достигнуть восточных берегов Каспия, и войска в истощенном состоянии высадились на берег. Однако, не могло быть предпринято ни одной попытки проникнуть на хивинскую территорию, и оставшиеся в живых много претерпели от повторявшихся нападений со стороны кочевников на их лагерь. В конце концов им была оказана помощь многочисленными судами, высланными на их поиски и в начале 1718 года они были доставлены обратно в Астрахань» (С г а u s s e).

Как уже было сказано выше, Петр никогда не довольствовался информацией из одного источника. Он всегда перепроверял достоверность полученных разведданных через другие каналы. Например, в Хиву и Бухару, после Беневини, была снаряжена очередная торговая миссия, а если назвать вещи своими именами-инспекционная разведывательная группа во главе с греком Дементием. Однако, один рус-

ский пленный, из числа тех немногих, кто приняв ислам, избавился этой ценою от рабства, донес эфенди, что «... как мусульманин мусульманину говорю, эфенди. Не простой человек этот грек. От царского посла он. Я в Бухаре их видел! Вели взять его, вели вязать! Пускай его попытают!» (Ю.Семенов «Из истории российской военной разведки» М., «Молодая гвардия. 1983. С. 181). Но, тщательно отработанная легенда и мужество разведчика, несмотря на пытки, явились спасением его жизни, и он был отпущен на свободу.

Продуманность внешней и внутренней политики Петра подтверждается тем, что после его царствования началась эпоха серий дворцовых переворотов, где спецслужбы больше играли роль карательных функций внутри государства. Раньше внешняя разведка секретных служб была прерогативой высокоценных исполнителей, а не мелкой массовой агентуры. Она состояла, главным образом, из крупных политических деятелей: министров, дипломатов, духовных лиц. База вербовки во многих странах тогда была преимущественно материальная. В век коррупции русская внешняя разведка широко и умело пользовалась этим явлением. Вместе с тем, как видно из многочисленных примеров, российская тайная дипломатия использовала и идеологическую базу для создания агентурных позиций в разведываемых странах.

Внешнеполитическая активность России на Востоке вновь начинает набирать силы только со второй половины XIX в. До этого времени Коллегия иностранных дел России основное внимание уделяла европейским делам. Всем известное поражение в Крымской войне ограничило участие России в европейской политике и переключило внимание правительства на Восток. Петербург особенно беспокоило стремление Англии, Франции и США укрепиться в Центральной и Восточной Азии.

Во второй половине XIX в. Россия стремилась к достижению следующих целей на Востоке: присоединение азиатских земель; установление фиксированных границ с Китаем; налаживание с этими государствами дипломатических и торговых отношений, а также обеспечение выхода в Индию и Тихий океан. (Н.Кудрявцев «Государево око. Тайная дипломатия и разведка на службе России»).

К началу XIX века относятся первые документально зафиксированные поединки за Среднюю Азию между «рыцарями плаща и кинжала» России и Британии. Пристальный интерес особенно к Центральной Азии проявляла английская разведка, которая под видом оказания военно-экономической помощи азиатским правителям, на-

правляла своих лазутчиков, имевших задание ограничить влияние России и, если это возможно, вообще вытеснить русских из этого региона.

Основной раздел сфер влияния между Российской империей и Соединенным Королевством произошел во второй половине XIX века. Россия двигалась на юг: распространила свое господство на Южный Казахстан и Северную Киргизию, Ташкентский и Самаркандский оазисы. Спецслужбы сумели добиться, чтобы крупнейшие среднеазиатские ханства — Бухарское и Кокандское — признали свою зависимость от Российской империи. А Великобритания, подчинив себе Индию, пыталась продвинуться на север. Таким образом, два встречных потока экспансии столкнулись в Центральной Азии.

В.И. Ленин, характеризуя острое соперничество между британским империализмом и русским самодержавием, писал, что «Англия была сильнейшим врагом разбойничьей политики России, потому что Россия грозила подорвать господство Англии над рядом чужих народов».

Об этом свидетельствует доклад генерал-губернатора Западной Сибири военному министру от 9 июля 1852 г. о показаниях двух казаков Сибирского линейного казачьего войска, возвращенных из плена правителем Ташкента по просьбе генерал-лейтенанта Гасфорда. Казаки сообщили, что англичане хотят организовать постоянное дислоцирование регулярных войск в Бухарии. Они также рассказали, что на службу к хану поступил какой-то англичанин с 20 человеками своих единоземцев; он управляет литейным и пороховым заводами». (ГАОО, ф. 366, д. 246, л. 156-159).

Зная, что Англия желает закрепиться в Заилийском крае, царское правительство ускорило продвижение на юг. 5 декабря 1852 г. генерал-губернатор Западной Сибири уведомил следующей докладной запиской министра внутренних дел: «На правом фланге сей степи стоит 5 внешних окружных приказов и предполагается еще к открытию шестой приказ в Улутауске, станице, а на левом фланге — два приказа, Большая орда, Сергиопольское и Капальское укрепления. С усилением же наших военных поселений на левом фланге, с увеличением там числа войск, с постоянным расширением владычества нашего в Семиреченском крае, с упрочением влияния в Большой орде, недавно поступившей в подданство России, и развитием торговых отношений с Китаем и другими соседними владениями, назначен пограничный начальник, чтобы иметь за всем этим наблюдение. Между тем, Семиреченский, или левый фланг степи, столь важный в настоящем и бу-

душем, в военном, политическом и финансовом отношении, призывает все наше внимание.

Далее в записке подробно описывается потенциальные возможности края: «Богатая, плодородная почва этого края дает основание, не ослабляя скотоводства, развить там хлебопашество и упрочить нашу оседлость; недра ее, заключая в себе золотые и другие руды и многочисленные камни, открывают важную горную промышленность; сопредельность с Китаем и большая часть торговых караванных путей, идущих через Семиреченский край, способствуют оживлению торговли».

Во время царствования Анны Иоанновны, в 1731 году, в Хиву был отправлен посланец России полковник Эрдберг, но, ограбленный дорогой, он вынужден был вернуться без успеха. Во время царствования императрицы Елизаветы Петровны, хивинцы в 1750 году через посланца своего Ирбека предлагали России теснейший союз, что не мешало разграбить на следующий год русский караван. В 1792 г., по просьбе хивинского хана отправлен был медик Бланкенагель, который впоследствии едва спас свою жизнь бегством.

Бывший посол во многих странах профессор И.Павлов в книге «Современная дипломатия» (С.136) отмечает, что «... с возникновением постоянных посольств разведка была частью дипломатии, и в ряде случаев трудно было провести грань между дипломатией и разведкой. Даже сами послы были разведчиками и руководителями разведывательной службы».

Наконец, по инициативе Екатерины II был создан специальный институт «военных агентов». Впервые добыча секретной военной информации за рубежом становится на регулярную, профессиональную основу. При этом разведкой продолжают заниматься Министерство иностранных дел, Министерство внутренних дел и другие государственные органы, напрямую не связанные с военным ведомством. Как мы отмечали, специальные службы функционировали в составе различных общественных организаций. Эти службы исправно выполняли работу, возложенную на них в структурах прикрытия, но одновременно решали свои основные задачи — организация разведывательной деятельности.

Вот первый Указ Екатерины, имеющий косвенное отношение к Средней Азии. С целью сбора разведывательной информации «о новостях в войсках» Екатерина II в 1770 г. в рескрипте к командующему 2-й армией князю Долгорукову писала: «... Стараться надобно будет, чтобы отобрать у турков занятые их гарнизонами крепости и получить оныя в свои руки, а через них твердую ногу в Крымском

полуострове ... чтоб достать себе гавань на Черном море и укреплений в земле город для всегдашней с Крымом коммуникации для охранения онаго тем средством от нашествия впредь турков, кои бы инаком сим полуостровом опять очень скоро и легко завладеть в состоянии были». (История внешней политики России. XVIII век., С.155) .

В этих целях императрица предполагала осуществить задуманный план не столько военными, сколько дипломатическими средствами, включая тайную дипломатию и разведку. Этой политике способствовала благоприятная политическая обстановка в Великой степи, где казахские ханы, в целях спасения от джунгарских завоевателей, искали союза с Россией, что повлекло присоединение к ней огромных пространств территории Казахстана. С этого момента началась широкомасштабная работа по созданию в Казахстане и в соседних с ним государствах агентурной сети из числа местных авторитетов и влиятельных людей, имеющих возможность позитивно влиять на проводимую экспансионистскую политику царского правительства. В наши дни такую категорию агентов называют «агентами влияния».

Руководство спецслужб России, несмотря на огромные расходы, продолжало в целях разведки снаряжать крупные торговые экспедиции, что, в принципе, было оправданным шагом в установлении с соседними странами выгодных торговых отношений. Однако торговля была лишь вершиной айсберга. Главная задача, которая ставилась перед разведчиками – это дальнейшее расширение влияния России на всем Азиатском пространстве, включая Китай, Индию, Турцию и Японию.

Хивинское ханство, — говорит русский разведчик Ханыков в своей пояснительной записке к карте Аральского моря, — представляло уже одно политическое целое, действительно подчиненное хивинскому владельцу, и получило, таким образом, в начале нынешнего столетия некоторую политическую значительность. Но это преобразование, составляя успех сравнительно с предшествовавшим положением ханства, еще не могло сделать его важным ни в виде врага, ни как союзника России. Однако дерзость ханов хивинских простиралась так далеко, что, несмотря на долготерпение России, она несколько раз решалась наказать их. Два раза в 1801 и 1804 гг. завладение Хивой было высочайше повелено императорами Павлом и Александром I, но экспедиция была отложена за смутами в Оренбургском крае.

Заслуживает внимание *Современного читателя* «путешествие» капитана Муравьева в 1819—1820 годах. Муравьев спецслужбами был послан от кавказского и оренбургского начальства вместе с одним

башкирским чиновником для переговоров, но оба не имели успеха и сверх того Муравьев содержан был в заточении. Вследствие сильных холодов и глубокого снега он должен был возвратиться, не достигши Хивы. Впервые разведчику Муравьеву спецслужбами была отработана легенда совершать разведывательные поездки малыми группами под видом мирных геодезистов.

В 1822 году в пределах Средней Азии появляется полковник английской разведки Гарбер. Это было время, когда пребывание европейца в отдаленной стране воспринималось как приключение. Издание же записок о таком путешествии было большим событием. Путешествие полковника, однако, не оставило после себя ни единой строчки. Даже маршрут его передвижения по Средней Азии остался закрыт и никому неизвестен. Когда в Хиве или Бухаре появлялся купец с торговым интересом и с товаром, он был человеком понятным; он мог ожидать защиты от местных властей. Всякий другой, кто не мог объяснить толком цели своего появления в этих краях, был не кто иной, как лазутчик, шпион и не заслуживал ничего, кроме постыдной казни. Она настигала их там, где контрразведка хватала их с поличным. Другие разведчики, в целях отвода от подозрений, умирали на обратном пути необъяснимым и непостижимым образом. Среди секретов, которые им удавалось разведать, не было тайны средства против медленных ядов. Такие яды давали обычно нежелательным визитерам, когда хотели, чтобы то, что они увидели и узнали в чужой стране, не ушло за ее пределы.

Как видим, британская разведка не дремала и действовала в этом регионе намного раньше описываемых нами событий. Так, в 1808 году в Индию по приглашению Ост-Индской компании* для управления ее конными заводами прибыл британский ветеринарный врач Уильям Муркрофт (1767—1825). За 17 лет своей работы ветеринар объездил весь север Индии «в поисках лошадей для кавалерии компании и попутно немного занимался неофициальными исследованиями». Одно из таких исследований в итоге стоило ему жизни. В сентябре 1821 года Уильям Муркрофт во главе небольшой экспедиции прибыл в столицу гималайского княжества Ладакх город Лех. Здесь он попытался установить контакт с китайскими властями Яркенда, чтобы получить разрешение на проход по их территории. Однако это оказалось нелегко. Во-первых, Яркенд лежал в 300 милях к северу за почти непроходимыми, особенно зимой, перевалами, и на получение ответа властей Восточного Туркестана могли уйти месяцы. Во-вторых, местные купцы на протяжении многих поколений обладали монополией на кара-

ванную торговлю между Лехом и Яркендом и им вовсе не нужен был британский конкурент. Даже когда Уильям Муркрофт предложил наиболее влиятельным из них должности представителя Ост-Индской компании, его усилия продолжали саботироваться*.

Таким образом, регион Восточного Туркестана рассматривался Россией и Англией не только как потенциально емкий и выгодный рынок, но и как стратегический плацдарм для проникновения в Центральную Азию. Как мы говорили выше, серьезным шагом на пути к реализации далеко идущих планов англичан явились «путешествия» в регион профессиональных разведчиков под видом высокопоставленных чиновников Ост-Индской компании У. Муркрофта и Дж. Требека в 1819–1825 годах. По признанию самого Муркрофта, цель миссии заключалась в «распространении коммерческих и политических интересов Великобритании в Центральной Азии». Британские разведчики предпринимают попытки по пути в Бухару прорваться в Восточный Туркестан. В этом просматривались не только попытки добиться поставок английских товаров на западные пределы Китая. Лондон желал использовать Синьцзян для разжигания соперничества царской России с Китаем в «Сердцевине Земли» — так назвал регион впоследствии один из английских разведчиков. (И. Попов.)

Внешнеполитическая ситуация и успехи англичан на Востоке еще более активизировали наступательную политику царизма в Средней Азии. Одна за другой снаряжаются различные экспедиции. В 1824 г. «для производства барометрической нивелировки между морями Каспийским и Аральским» отправляется экспедиция Берга, которая имела в своем составе 1600 казаков, 6 орудий, около 900 пароконных подвод. Тогда же оренбургский генерал-губернатор Перовский, по словам Катенина, предложил идти «на Хиву из Оренбурга и заложить крепость на Сырдарье» (АВПР, Гл. арх., 1-9, 1835–1839, д. 3, л. 69–71.)

---

* Компания — английская Ост-Индская компания, имевшая свою армию и под флагом которой осуществлялось завоевание индийских княжеств и соседних стран. В истории английской разведки немало случаев проведения в странах арабского Востока шпионской деятельности под крышей Ост-Индской Компании. Ко второй половине XVIII века относится и завоевание Индийского полуострова Британией. Нанеся решающее поражение Франции в ходе Семилетней войны (1756—1763), она заложила фундамент своей огромной колониальной империи. Покорение Индии Англия совершила руками Ост-Индской компании, находившейся под покровительством Короны. В 1833 году Ост-Индская компания отошла от торговой деятельности, превратившись в военно-административную организацию. В 1858 году она была ликвидирована с выплатой пайщикам компенсации в 3 000 000 фунтов стерлингов (Б.К.).

А теперь позволю себе рассказать об афганском еврее (по другим источникам азербайджанец.Б.К.), жителе Кабула Моисее Мехди Рафаилове (Мехти-Рафулла, Ага-Мехди), успешно занимавшегося коммерческой деятельностью и имевшего свои представительства в Санкт-Петербурге, Кашгаре, Кашмире, Сибири и Казахстане. В Кашмире он считался своим среди местных торговцев, ездивших через перевалы и ведших торговлю между Лехом и городами Синьцзяна. **Но на самом деле, он являлся ценным царским агентом, выполнявшим важные политические и коммерческие задания.** Он имел надежные документы прикрытия в виде рекомендательных писем от высокопоставленных чиновников Министерства иностранных дел России.

Впервые в Санкт-Петербурге Мехди Рафаилов побывал еще в 1802 году, а в 1811 году получил от правительства России золотую медаль «За полезные обществу труды». В 1813 году купец провел из Сибири в Синьцзян торговый караван, «дабы тем приблизиться более к цели, имеющей направление распространить торговлю с китайскими западными провинциями и Кашмиром». К 1814 году Мехди Рафаилов уже имел чин надворного советника (гражданский чин VII класса, соответствовал армейскому подполковнику), что было редким явлением для лиц иудейского вероисповедания в Российской империи.

Британская разведка, преследовавшая те же цели и задачи, не дремала. Источники информации сообщали английскому резиденту об активной деятельности Мехди Рафаилова на юге Синьцзяна. В частности, находясь в Кашгаре, тот тайно обещал местным вождям поддержку царя, если те попытаются восстать против маньчжурского владычества. А это не было в интересах Великобритании. А коль они направят в Санкт-Петербург своего претендента на кашгарский трон, тот прибудет обратно во главе обученной и вооруженной русскими армией и вернет все земли, принадлежавшие его предкам. Местное население ликовало при известии о благорасположении к ним русского царя. Стало ясно, что Мехди Рафаилов — противник весьма серьезный. Его знание людей и местных языков, не говоря уже об уме и предприимчивости, превосходно служили выполнению порученной задачи: «Распространить влияние России до границ с британской Индией» и по пути произвести политическую и географическую разведку территорий.

Британцам было известно, что Мехди Рафаилова в его путешествиях по казахским и китайским степям сопровождал конный отряд из русских казаков. Однако это не спасло императорского агента от гибели. В 1824 году караван Мехди Рафаилова просто исчез где-то на высоких

перевалах Каракорума. Ю.Семенов выдвигает версию, что он был убит английской разведкой. Он утверждает, что резидент английской разведки Уильям Муркрофт мало что мог сообщить на этот счет, разве что кончина соперника для него стала «страшной неожиданностью». Другой сотрудник британской разведки Питер Хопкирк считает, что «любые намеки на то, что англичане могли быть как-то связаны с этой трагедией, можно наверняка отвергнуть». Отрицание этого факта только соотечественником, наоборот, может свидетельствовать о причастности Уильяма Муркрофта к гибели русского агента, поскольку разведка-это смертельная схватка с врагом. Если бы Мехди Рафаилов прожил еще несколько лет, то, как писал ветеринар в письме своему респонденту, «он смог бы реализовать такие сценарии, от которых содрогнулись бы многие кабинеты Европы». Вскоре после этого была совершена серия покушений на жизнь самого Уильяма Муркрофта и двух его спутников. Однажды злоумышленник, оставшийся неизвестным, выстрелил в ветеринара через окно, но промахнулся. Потом последовали еще два покушения, одного из ночных убийц Муркрофт застрелил. Потерпев неудачу, убийцы попытались отравить пищу Уильяма Муркрофта и его коллег. Лишь профессиональные медицинские знания помогли британцам избежать смерти. Эта участь постигла упомянутого выше английского разведчика и двух его соотечественников, которым в 1824 году удалось добраться до Бухары. Они избегали множества опасностей и гибельных ситуаций только ради того, чтобы принять медленную смерть из блюда с пловом в день своего отъезда.

Умер Уильям Муркрофт 27 августа 1825 года. По официальной версии — от лихорадки, хотя несколько месяцев жаловался на боли в сердце. Через некоторое время скончались оба его спутника, и их смерть внешне выглядела вызванной естественными причинами. Однако, когда умер и переводчик экспедиции, долго работавший с Уильямом Муркрофтом, то в Индии начали циркулировать слухи, что их, вероятнее всего, отравили русские агенты.

Не опровергая данную версию как ответную акцию российских спецслужб, автор выдвигает альтернативную историю об обстоятельствах смерти Мехди Рафаилова, которые изложены С.Мукановым. В частности, он указывает, что «...одним из умелых разведчиков был Мафди (Мехди) Рафаилов, азербайджанец по национальности, долгое время живший в Петербурге. Не раз он бывал в Турции, Иране, и Индии, выполняя особые поручения. Он ловко сочетал деятельность разведчика с торговыми делами, в которых настолько преуспел, что

получил звание купца первой гильдии. А за свою негласную разведывательную работу был произведен царским правительством в надворные советники». Далее повествуется, что Рафаилов выезжая за рубеж «по своим делам», одновременно выполнял специальные задания в интересах царской России. Так, его караван с товарами побывал в Тибете и Кашгарии, где он, надо полагать, добывал для внешней разведки России поистине бесценные материалы. В одной из таких поездок Рафаилова его, якобы, «укусила змея и он умер, не добравшись до дома». Писатель считает, что Рафаилова могли отравить его же компаньоны в корыстных целях, чтобы завладеть богатством «купца». Последующее проведенное расследование царскими спецслужбами и спонтанное обогащение бывшего спутника Рафаилова, говорит о том, что убийство могло совершиться без участия властей к этому преступлению, поскольку разведчик возвращался в Россию уже после успешного выполнения задания внешней разведки.

О путешествии М. Рафаилова Чокан Валиханов написал журнальную статью, которая была опубликовано в Петербургском вестнике. *Современный читатель* должен обратить внимание на обилие цифровых данных, что характеризует его высокий профессиональный уровень и исключительную важность этого документа.

«В 1813 г. Мегди Рафаилов* выступил из Семипалатинска при большом караване с товарами на 160 тысяч рублей. Караван находился под прикрытием казачьего отряда из 70 человек под командой сотника Старкова. Караван следовал через Семиреченский край и озеро Иссык-Куль на Турфан и прибыл на место с остановками благополучно через 54 дня. От Или до Турфана караван шел 21 день. Город Турфан невелик, жители его мусульмане, китайский гарнизон состоит из 700 человек. В Турфане берут пошлину с 30 штук — одну. М. Рафаилов настойчивостью убедил мандаринов, что он едет в Кашгар и там заплатит пошлину за свой товар».

Пробыв 11 дней, караван отправился на Аксу и, пройдя по ровной и лесистой местности, изобильной водой и кормами, через 13 дней прибыл в Аксу. Рафаилов примерно полагает расстояние между Тур-

---

* С.Муканов называет Рафаилова именем Мафди, Юлиан Семенов — Мехди, а Чокан Валиханов — Мегди. Писатель в романе «Промелькнувший метеор» описал его трагический конец. Это, как мне представляется, было связано с сюжетом романа, где его напарник Сафаргали Сейфульмулюков был повинен в его смерти. Чоканом заголовок дан в сокращенном виде: Извлечение из записки кабульского жителя Мегди Рафаилова, отправленного по поручению корпусного командира генерал-лейтенанта Григория Ивановича Глазенапа в Тибет (Б.К.).

фаном и Аксу — 120 верст. Между этими городами лежат три медных завода, которые, по уверению аксуйского пристава, приносят каждый годового дохода на 500 ямб серебра (56 пуд. и 10 ф.). В Аксу Рафаилов пробыл 27 дней и, продавши на серебро с большими выгодами часть своих товаров, выехал с шестью работниками в Кашгар и достиг его через 11 дней. Путь его на этот раз лежал по трактовой китайской дороге. Рафаилов замечает, что по этой дороге нет никаких жителей, кроме долонов — ямщиков на станциях, и, только не доезжая 3 дней до Кашгара, начинаются деревни; вообще окрестности города кажутся очень населенными. В Кашгаре по встретившимся обстоятельствам Рафаилов не мог распродать свой товар на серебро и нашелся вынужденным сделать промен на товар же. Чтобы вымененный товар отправить на Нижегородскую ярмарку, он прожил в Кашгаре 13 месяцев, ожидая своего приказчика с линии, который должен был с товарами также прибыть в этот город. (Собр. Соч. в 5 томах. Алма-Ата, 1985. Стр.156-157)

В 1833 г. пост оренбургского военного губернатора занял генерал-лейтенант Василий Алексеевич Перовский* — отважный и энергич-

---

* В повести Валентина Пикуля «Хива. Отвори ворота» описывается драматический поход В.Перовского в Хиву. «Василий Алексеевич Перовский, внук украинского свинопаса Кириллы Розума, фигура колоритная. В битве при Бородине Перовскому было 18 лет; французская пуля оторвала ему палец, вместо которого он позже носил длинный золотой наперсток. Он был обманом взят в плен на московских форпостах. В обозе маршала Даву проделал весь долгий путь отступления «великой армии» — в одном мундирчике и даже без сапог, которые содрали с него мерзнувшие конвоиры; записки Перовского о пребывании в плену и сейчас невозможно читать без содрогания. Пешком пройдя от Москвы до Орлеана, бежал к своим. 14 декабря 1825 года был «контужен поленом в спину» и стал флигель-адъютантом Николая I. Но, будучи часто награждаем, царя никогда не благодарил. В 1828 году под Варной ему вырезали из груди турецкую пулю, увязнувшую близ самого сердца. Образованный, человек острого ума, Перовский имел друзей — Жуковского и Кaramзина; с Пушкиным был на «ты»; Брюллов дважды изображал его на портретах. Он был честолюбив, как и большинство военных людей той эпохи, но славы не искал. При жизни были опубликованы лишь его «Письма из Италии», да и то их напечатал Жуковский, желая сделать другу приятное. Николай I неизменно к Перовскому благоволил. В 1833 году Василий Алексеевич заступил на пост оренбургского губернатора; здесь он принимал в своем доме Пушкина, собиравшего материалы о Пугачеве (Бердская слобода, столица всей «пугачевщины», находилась в семи верстах от Оренбурга). Данилевский вывел Перовского в романе «Сожженная Москва»; Лев Толстой хотел сделать Перовского одним из героев своего незавершенного романа «Декабристы». При засилии в столице Адлербергов, Нессельроде, Бенкендорфов,

ный офицер, убежденный сторонник экспансии в Средней Азии. Уже в сентябре 1833 г. новый губернатор обратился к директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел К.К. Родофиникину с письмом, в котором настаивал на необходимости более решительных действий в Средней Азии. Перовский особо отмечал роль среднеазиатских государств, как рынка сбыта российских товаров и сетовал на активное проникновение в регион англичан.

Однако в начале XIX столетия влияние России на Восточный Туркестан оставалось безоговорочным, и она достаточно бдительно следила за обстановкой, сведя к нулю интриги со стороны конкурентов. Так, в мае 1841 года В.Перовский в связи с прибытием очередной английской миссии в Хиву с беспокойством уведомлял: «Появление англичан в Средней Азии во всех отношениях невыгодно для России. При настоящих же обстоятельствах происки великобританских агентов могут произвести большой переворот в Средней Азии» (Казахско-русские отношения в XVIII — XIX веках, Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1964. С. 244).

Как указано выше, активизация экспансионистской политики царизма в Казахстане в известной степени произошла в связи с формированием его завоевательской политикой в Средней Азии и столкновением с Англией. Стремления английских колонизаторов к мировому господству, к порабощению народов Востока проявились в многочисленных экспедициях разведывательного характера в Среднюю Азию, Казахстан и прилегающие к ним районы. В начале 30-х годов в Оренбурге была учреждена английская евангелическая миссия, которая в действительности занималась шпионской деятельностью и инспирировала заговоры казахских феодалов против России. В одном из документов этого периода отмечается, что англичане «приближаются также к киргизам». В своих корыстных целях они пытались широко использовать ислам, всячески разжигая вражду к «неверным», в данном случае к русским. (Извлечение из докладной записки Виткевича о путешествии в Бухару, сделанное для Николая I в 1836 г. Рукопись из архива С. Хрулева. Государственная публичная библиотека Каз. ССР им.Пушкина, Рукописный отдел, с. 3.)

В 1835 г. Перовский сам стал готовиться к экспедиции в направлении Сырдарьи с целью изучения путей будущего похода на Хиву,

Дубельтов и Клейнмихелей такие люди, как Перовский, стремились бежать подальше от холопской камарильи двора, старались служить на окраинах империи». Великий казахский композитор Курмангазы посвятил Перовскому два своих произведения кюи «Ксен ашкан» и «Марш Перовского» (Б.К.)

но военный министр не дал согласия на его участие в экспедиции. Тогда в свою защиту Перовский выдвинул довод, что «русская граница лежит на Урале, а не на Сырдарье, и что казахская степь входит в состав Оренбургского края». (ГВИА, ф. 1442, оп. 276, 1841, д. 31, л. 1—9.) В конечном счете точка зрения Перовского взяла верх. В 1839 г. царское правительство, наконец, попыталось захватить Хиву, организовав поход под командованием самого генерала Перовского. Официальным мотивом организации похода было «ограждение русских торговых интересов в Средней Азии, обеспечение спокойствия русских киргизов и освобождение русских пленных, томившихся в хивинской неволе». (Попов А. Л. Борьба за среднеазиатский плацдарм. — «Исторические записки», 1940, № 7, с. 199).

Азиатский Департамент, рассматривавший проект Перовского, так аргументировал необходимость его похода: «Экспедиция в Хиву — вынужденная мера против враждебных действий хивинцев и их непрерывного упорства. Они отвергают справедливые требования наши: утвердить влияние России в Средней Азии, ослабленное долговременной ненаказанностью хивинцев и в особенности тем постоянством, с которым английское правительство, во вред нашей промышленности и торговле, стремится к распространению своего господства в тех краях». (Рожкова М. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в и русская буржуазия. М.—Л., 1949, с. 222)

В отряде, который выступил из Оренбурга 14 ноября 1839 г., насчитывалось до 5 тысяч солдат, 4 генерала и 14 штаб-офицеров при двух орудиях и десяти горных единорогах. Его сопровождали 2000 возчиков-казахов с 10 500 верблюдами. Растянувшись на 8 верст, отряд шел четырьмя колоннами в полном боевом порядке (Попов А.Л. Борьба за среднеазиатский плацдарм, с. 327). Экспедиция не удалась, поскольку потеряла половину людского состава вследствие массовых заболеваний. Перовский вернулся в Оренбург. Несмотря на неудачный исход, экспедиция В.Л. Перовского имела колоссальный международный резонанс. Именно в 1830—40-е годы государства Средней Азии превращаются в один из узлов русско-английских противоречий.

В 1832 г. в Бухару прибыл из Кабула английский разведчик А.Бернс, выдававший себя за армянского купца и пытавшийся добиться от эмира разрешения открыть торговый дом Ост-Индской компании. Одновременно Бернс занялся разведкой местности по правому берегу Аму-Дарьи. Учитывая возрастающее влияние Англии на Турцию и Иран, подобная деятельность была для российских властей очень неприятной и заставляла спешить с контрмерами.

По инициативе Перовского с разведывательными целями в Бухаре побывали ученый-ориенталист П.И. Демезон (1834 г.) и прапорщик И.В. Виткевич (1835—1836 гг.). Оба они помимо подробных сведений о политическом устройстве, экономике и военной организации Бухарского ханства сообщали данные о большом притоке в Среднюю Азию английских товаров и подчеркивали, что главным препятствием для русской торговли является Хивинское ханство, воины которого беспрестанно грабят караваны.

В 1837 г. царь Николай решил предпринять шаги по обследованию пограничных земель Индии на случай возможных операций в будущем. Он направил в Кабул в качестве посла лейтенанта Виткевича номинально для принесения поздравлений эмиру Афганистана, фактически же для разведывательной информации об отношениях, существующих между этим правителем и Британией. Путем дипломатического воздействия на персов он подстрекнул шаха отправить экспедицию в Герат под командой большого количества русских офицеров. Весть об этом заставила англичан немедленно вступить в Афганистан. Быстрота английского разведчика Элдред Поттингера разрушила план захвата афганской крепости и расстроенные персидские войска ушли обратно из Афганистана. Данный случай привлек внимание англичан к русским целям в Хиве и британское правительство решило направить в Хиву специальное посольство в целях разведки истинного положения вещей в ханстве.

В мае 1836 года в Оренбург прибыл посол афганского эмира Дост Мухаммеда. Повод для его приезда был не столь часто встречающийся в дипломатической практике. Послу было поручено просить у российского императора помощи «против угрожающей кабульскому владельцу опасности от англичан». В течение считанных месяцев Кабул стал центром острой игры противоборствующих политических сил. Английская сторона бросила на зеленый стол свою козырную карту - Александр Бернс, изощренный разведчик, объехавший инкогнито всю Среднюю Азию, был направлен в Кабул. Ответный ход русской стороны озадачил англичан — в Кабул ехал упомянутый нами поручик Иван Виткевич. Когда это стало известно, генерал-губернатор Индии приказал доложить ему, что представляет собой этот политический эмиссар русских. Чем закончилась схватка двух великих разведчиков России и Англии — Виткевича и Бернса *Современный читатель* более подробно узнает в разделе «Загадочная смерть разведчика».

Основным яблоком раздора между двумя могучими державами являлся так называемый «восточный вопрос». Английский министр

иностранных дел Пальмерстон заявил, что следует ограничивать русские интересы везде, где только возможно. Британские агенты интриговали против России в Турции, Персии, Афганистане, на Северном Кавказе и, естественно, в Средней Азии и Казахстане.

Петербургские оппоненты не оставались в долгу. В 1837 г. русский дипломат Симонич смог подтолкнуть персидского шаха Мухаммеда к походу на Герат, являвшийся важным пунктом на пути из Бухары в Персию и Индию. Однако раньше, чем персидские войска смогли захватить этот город, к шаху явился английский полковник Стоддарт и, пригрозив вмешательством британских войск, заставил его снять осаду. В том же году русский дипломат Виткевич (тот самый, который совершил в 1835—36 гг. поездку в Бухару) встретился с эмиром Афганистана Дост-Мухаммедом и обещал ему денежную субсидию, если афганцы нападут на Пешавар, занятый индийцами-синкхами и давно привлекавший внимание англичан. Дост-Мухаммед дал понять Виткевичу, что предпочел бы не денежные субсидии, а непосредственную помощь войсками. Не имея права давать подобные обещания, Виткевич в 1839 г. отправился в Россию за инструкциями.

Но в августе того же года английские войска захватили столицу Афганистана Кабул. Дост-Мухаммед был арестован, а в городе разместился оккупационный отряд. В то время, когда В. Л. Перовский вел своих солдат на Хиву, в Бухару прибыл Стоддарт. Политическая ситуация, однако, менялась с головокружительной быстротой. Поход русских в Хиву не удался, но и у англичан в Афганистане тоже не складывалось. В начале зимы 1841 г. старший сын Дост-Мухаммеда Абхар-хан поднял восстание и перерезал сообщение между Кабулом и Индией. В ноябре мятеж охватил сам Кабул. Восставшие убивали европейцев, и англичане укрылись в той части города, где размещался оккупационный отряд.

Чуть раньше опытный разведчик, капитан Абботт, действовавший под прикрытием сотрудника Вест Индийской Компании, сопровождал посла королевы Великобритании сэра Ричмонда Шекспира. Посол не терял времени, дипломатически воздействуя на хана, чтобы добиться освобождения многих русских подданных, находившихся в рабстве во владениях хана. Уговоры британского чиновника плюс большие деньги оказались более успешными, нежели угрозы русских. Хан приказал освободить русских пленных, поручив сэру Ричмонду быть свидетелем выполнения его приказа. Исходя из этого, Шекспир осмотрел все части города, не оставив ни одного дома, где могли бы быть спрятаны русские. Количество освобожденных пленных было

свыше 400. Их доставили вплоть до укрепления Ново-Александровского на Каспийском море, где они оказались в конце 1840 года. Историки многократно писали, что англичан весьма беспокоило присутствие в зоне их интересов русских людей. Они видели в них царских шпионов и под прикрытием помощи русской дипломатии на самом деле очищали этот регион от иностранного присутствия.

Когда в 1838 году английский полковник Стоддарт появился в Бухаре, путь к плахе был уже проложен его предшественником- лейтенантом Уайбердом. Лейтенант осмелился появиться в окрестных степях в чалме и халате, верхом на сером коне, выдавая себя за мусульманина. И хотя лейтенант свободно говорил на местном наречии, маскарад его был разгадан. Полковник не рискнул прибыть в Бухару в чалме и халате. Он думал, что британский военный мундир защитит его лучшим образом. Но ошибся.

Эмир Нарулла, который правил Бухарой в то время, был личностью обычной, довольно ординарной, если исходить из оценок его времени и его окружения. Поступки эмира ничем не отличались от поступков и действий его предшественников или тех, кто правил после него.

Когда в юности в некий час ему пришлось на ум, что настало время стать эмиром, он убил своего отца, который занимал трон. А заодно и старшего брата, стоявшего на его пути. Для того же, чтобы поступки его не послужили дурным примером младшим его братьям, он своею рукой убил и их, всех троих. Для человека, который без малейших раздумий поступался жизнью своих близких, жизнь посторонних, поданных, не говоря уже об иностранцах, и вовсе не имела никакой цены.

Что касается полковника, то у него было свое представление о том, как надлежит обращаться с туземцами. Он был офицером индийской службы и имел достаточный опыт. Правда, Индия была колонией, Бухара — свободной страной, не ведавшей иной власти, кроме власти эмира. Это было существенное, принципиальное различие. Стоддарт со всей самоуверенностью, присущей колониальному офицеру, постарался проигнорировать это. Реальность, однако, оказалась сильнее его.

Полковник не желал соблюдать никаких норм этикета, принятых при дворе. Эмира он приветствовал, как приветствовал бы своего армейского коллегу — беря под козырек, шеголевато и небрежно. Ему ничего не стоило въехать верхом на Регистан, площадь перед самым дворцом, грубо отпихнуть или даже ударить кого-нибудь из дворцовых служителей. Полковник колониальной службы, он знал, как обращаться с туземцами.

Не знал он другого. Не знал, что один из слуг, с которым он прибыл в Бухару, тайно вез с собою письмо. Письмо самому эмиру — от

Дост Мухаммед Хана, эмира афганского. Следует весьма остерегаться этого незваного гостя, — писал Дост Мухаммед. — Полковник — опасный английский шпион. Чем быстрее эмир от него избавится, тем лучше.

Письмо это, доставленное в Бухару слугою полковника, было ему смертельным приговором. Но кошка решила поиграть с мышью.

- Правительство ее величества королевы Виктории предлагает ситительному эмиру военную помощь. Если какая-нибудь держава осмелится посягнуть на священные границы Бухары...

Эмир улыбался.

- Вашему величеству нечего опасаться увеличения британского влияния в Афганистане, у южных ваших границ. Благородные цели британской армии и высокие идеалы...

Эмир улыбался.

- Что касается русских пленных и русских, находящихся в рабстве, то разумно будет, если Ваше величество разрешит им вернуться на родину. Это лишит Россию повода предъявить Вам это требование и оказывать политическое и военное давление на Ваши дела.

Эмир улыбался.

Он подумает обо всем сказанном. Он желает полковнику приятно провести время.

С этими словами эмир улыбнулся еще раз.

Смысл этого пожелания стал понятен полковнику только через несколько дней, когда стража эмира ночью схватила его в постели, связала по рукам и ногам и отвезла в городскую тюрьму. Об этой тюрьме полковник слышал еще в Дели. Не столько о самой тюрьме, сколько о Черном Колодце в ней. Теперь он увидел воочию сам этот колодец. Им оказалась глубокая узкая яма, на дне которой белели в полутьме человеческие кости и гниющие отбросы. В яме обитали длинные черви, которые проникали под кожу и жили в теле человека, жабы, выпускавшие ядовитую жидкость, а главное — кровососы, огромные овечьи клещи, которые изголодавшейся массой набрасывались на свежую жертву.

Из Черного Колодца никто не выходил живым. Полковник вышел. Он был поднят оттуда на поверхность, вымыт, накормлен и переодед, едва Бухары достигла новость, что английская армия вступила в Афганистан. Когда же стало известно, что Кабул взят, Стоддарт был повышен в ранг великой милости и любви в глазах эмира.

Теперь, когда английские солдаты стояли у самых его границ, эмир проявил готовность и всяческую заинтересованность в военном со-

юзе с Англией. «Я считаю, — писал полковник, — что, исходя из интересов правительства (а особенно для того, чтобы удержать русских вдали от Бухары, где им не за что ухватиться), мне следует оставаться здесь, прилагая все усилия, чтобы привязать эмира к нам...»

Это были дни, когда Стоддарт чувствовал себя первым человеком при эмире. Значит, прав был он, что держался с туземцами таким образом. Значит, действительно понимают и уважают они только силу. «Те самые люди, — писал он, — которые при моем прибытии признавались мне, что никогда не слышали, кто такие англичане, теперь трепещут от нового соседства».

Но трепет этот сразу прекратился и положение полковника изменилось диаметрально образом, едва в Бухару из Кабула пришла новая весть. Афганистан восстал от Герата до Кандагара. Все 15 тысяч британских солдат были уничтожены в течение считанных дней. Из всего экспедиционного корпуса границу в обратном направлении пересек только один человек — раненый и на загнанной лошади.

Печальную перемену в судьбе полковника разделил его соотечественник и коллега, прибывший сюда по секретным поручениям и тайным делам, капитан Артур Конноли. В свое время, решив посвятить себя непростому и опасному ремеслу разведчика, капитан постарался поближе изучить будущего своего противника, с которым ему предстояло встретиться на караванных тропах Востока. Поэтому, прежде чем появиться в Персии и Афганистане, на Кавказе и в Средней Азии, капитан совершает путешествие в Россию.

Задача, которую Конноли выполнял в Средней Азии, была подобна той, которая стояла перед Стоддартом: противодействие влиянию России, содействие английскому проникновению в эти страны. Как и у полковника, статус его был двусмыслен и мог трактоваться любым образом. Приезд его мог быть воспринят как своего рода дипломатическая миссия, а мог и иначе, как попытка шпионства.

Капитан прибыл в Бухару, побывав в Хиве и Коканде.

- В прежние времена, — говорил эмир капитану, которого велел привести к нему во дворец, — между мусульманами и неверными совершались многие дела и была дружба. Не вижу, почему бы такой дружбе не быть между нашими странами — Бухарою и Англией.

- В этом и есть цель моего приезда... — вставил было капитан, но эмир взглядом заставил его замолчать.

- Но прежде чем говорить о дружбе, я бы хотел знать, зачем англичанин, что находится сейчас передо мной, побывал в разных концах моей и соседних стран. Что делал этот англичанин в Коканде? Зачем он отправился в Хиву? Какие могут быть у него дела в Мерве?

- От имени правительства ее величества... Но эмир снова остановил его:

- Тот, кто приходит от чьего-то имени, от имени королевы или императора, называется послом. Сейчас в Бухаре находится русское посольство. Посол Бутенев вручил мне свои грамоты, подписанные императором. Я не вижу Ваших грамот, капитан. Может, я просто плохо вижу, может, их видел кто-то еще? Эмир, деланно вопрошая, обвел глазами полукруг придворных. Те сдержанно захихикали монаршей шутке.

- Вот видите, капитан. Другие тоже не видели их. Что же Вы делаете в моей стране и в моей столице? Я знаю, путешественники вроде Вас часто бывали в Афганистане. А потом по их следам пришли солдаты. Мне не нужны английские солдаты в моих владениях, капитан.

Эмир не придерживался этикета и не выбирал выражений. Он мог позволить себе это -английская армия не стояла больше у его южных границ. Он мог позволить себе не только это. Стодарт снова был водворен в заключение, и Конноли разделил его участь.

По прошествии какого-то времени оба английских офицера были казнены. Однако казнены они были не как разведчики. Зарезанные публично, на базарной площади, на глазах многотысячной толпы, они оказались принесены в жертву иным целям, далеким от их деликатной миссии.

Вопрос о том, жить или нет двум офицерам, решался не в Бухаре. Он решался и был решен в Лондоне, в Букингемском дворце. Когда полковник в свое время появился в Бухаре, предлагая военный союз и помощь, эмир как бы в ответ на это написал письмо королеве Виктории и теперь ожидал ответа. В Лондоне сочли, однако, что эмир не столь значительная персона, чтобы королева стала отвечать ему. Достаточно, если ответит английский наместник в Индии, вице-король. Это была та же надменность, те же колониальные манеры, которые демонстрировал во дворце эмира Стодарт. Только теперь они исходили уже не от полковника, а от королевы. Полковника эмир засадил в Черный Колодец. Что мог сделать он с королевой?

Русский посол, будучи в Бухаре, просил эмира пощадить жизнь англичан и отпустить их на родину. Эмир ответил:

- Они будут отправлены в тот же день, когда королева ответит на мое письмо.

Эмир Хивы и эмир Коканда просили его о том же. Он ответил им теми же словами. К нему обратился персидский шах. Отказ. Император российский просил эмира о жизни и свободе британских под-

данных. Эмир ответил ему почтительно, но твердо, сказав то же, что его послу.

Единственным, кто так и не снизошел, кто в величайшем высокомерии так и не ответил на письмо эмира, была королева Великобритании. Жизнь двух офицеров, несомненно, мужественных и безусловно преданных, не столь уж высокая плата за имперские амбиции. Так решено было в Лондоне не признавать разведчиков как своих граждан, что могло быть расценено как шпионаж в пользу Англии. Между прочим, отказ от разведчиков, арестованных иностранной контрразведкой, было в правилах любых спецслужб.

Ташкентский аксакал Рахимбай побывал в Бухаре именно в то время, когда на главной площади древнего города были обезглавлены англичане — Стоддарт и Конноли. Рахимбай Атанбаев рассказывал, что он сам видел, как Стоддарт прибыл в Бухару из Герата в сопровождении двух смуглых людей. Эмир приказал бросить их в тюрьму, а пожитки продать на базаре. В числе имущества пришельцев были географические карты и какие-то записки. Рахимбай, приценившись, узнал, что за каждую карту была назначена цена в 5 рублей 20 копеек на русские деньги. Стоддарт был ввергнут в бухарский клоповник. Еще за день до этого его грудь украшали семь орденов. В тюрьме же на англичанине не осталось ничего, кроме рубахи и нателного тулупа. Сообразительный Рахимбай хотел приобрести ордена Стоддарта, но их успел перехватить какой-то индеец. Ташкентскому аксакалу удалось купить лишь секстант, принадлежавший Стоддарту. Этот инструмент Рахимбай Атанбаев привез в Оренбург, где, очевидно, в канцелярии генерал-губернатора был записан подробный рассказ караванного старшины. В статье Егора Ковалевского в «Библиотеке для чтения» были описаны путешествия Бернса, Конноли и Стоддарта.

За несколько лет до описываемых событий в Бухаре побывал другой англичанин — лейтенант Александр Бернс, о котором автор упоминал выше. Это был разведчик, свободно владевший местными языками и без труда выдававший себя то за афганца, то за индуса, то за узбека — смотря по обстоятельствам. Кроме Бухары, он побывал в Чарджоу, Мерве, в Туркмении и на Аральском море. В пути ему удалось вести постоянные записи, причем делать это, не привлекая внимания спутников по каравану. Результатом его путешествия были три больших и подробных тома. В главе «Политическая и воинская сила Бухары» он писал: бухарское войско «состоит почти из 20000 конницы и 400 пехоты при сорока одном артиллерийском орудии.

Кроме того, есть еще так называемая «элджари», или милиция, состоящая из различных служителей правительства и простирающаяся до 50000 конницы». Дает он и характеристику воинских качеств этой армии. Сведения отнюдь не лишние, если иметь в виду последующие военные планы. «В сражение они кидаются с громкими криками, но судьба передового отряда почти всегда решает дело. Как и регулярная кавалерия, они превосходны, но зато плохи как солдаты». Таблица, приложенная к главе, давала подробнейшее представление о структуре бухарского войска — из каких племен составлен каждый отряд, его численность и даже имена командиров. Столь же подробно было описано Бернсом вооружение бухарских воинов, их содержание и тактика. Другие разделы описывают ремесла, полезные ископаемые, торговлю и, самое главное, дороги, караванные тропы и пути, ведущие в Бухару с юга, из Индии, через Афганистан. Сведения, собранные Бернсом, оказались столь важны, что по возвращении его в Индию он был отправлен в Англию для доклада премьер-министру и самому королю.

Опасаясь английских военных разведчиков, правители эмиратов и ханств Средней Азии старались не допускать подобных лазутчиков в свои пределы. В шестидесятые годы девятнадцатого века венгерский ученый-востоковед Александр Вамбери, переодетый дервишем, сумел, однако, проникнуть в Хиву и в Бухару. Но чтобы совершить это, нужно было не только безукоризненное знание языков, канонов религии, нравов. Нужен был еще один компонент предприятия — удача. Удача сопутствовала ученому. Правда, поначалу глава каравана, караван-баши, наотрез отказывался взять мнимого дервиша с собой в Хиву. Почему? «Назад тому несколько лет, — писал Вамбери, — был такой случай: этот караван-баши привел в Хиву одного ференги (англичанина), который во время своего путешествия снял полностью карту всей дороги и с такой дьявольской точностью, что не было пропущено ни одного колодца, ни одного холмика. Хан так разгневался, что велел повесить двоих, принесших ему это известие».

Если хивинский хан поступил так с теми, кто только принес ему это известие, легко догадаться, как поступил бы он с самим английским лазутчиком. Судя по всему, таких переодетых «ференги», путешествовавших по дорогам и караванным тропам Средней Азии, было немало. Один из таких «путешественников» рассказывает в своих заметках, как на одном из привалов афганец признал в нем англичанина.

- Дервиш?! - гневно воскликнул он. - Знаем этих английских дервишей! Они пробираются в страну, чтобы разведать там горы и уще-

ля, озера и реки. Они узнают удобные проходы и возвращаются, чтобы рассказать все начальнику, которого зовут Компания (имеется ввиду Ост-Индийская Компания, о которой мы упоминали выше.Б.К.) Потом этот начальник посылает солдат, и они захватывают страну. Переведите ему, что я сказал! Но в переводе не было нужды. Английский разведчик, с которым произошел этот эпизод, говорил на фарси и на пушту без акцента.

Посольства Коканда, Хивы, Бухары, бывая в России, жаловались на повышенный интерес англичан к их странам. Бухарский посланец Мукин-бек, будучи в Петербурге в 1840 году, подал записку вице-канцлеру, в которой от имени эмира излагал опасения по этому поводу. Если англичане овладеют Хивой, писал он, это будет в равной мере плохо как для Бухары, так и для России. Если «соединились бы бухарцы, хивины и кокандцы и выгнали бы франков (англичан), давали бы друг другу помощь, тогда началась бы свободная торговля».

Такой ход событий не устраивал, естественно, английскую сторону. Но между вождельными государствами Средней Азии и передовыми английскими форпостами в Индии лежала независимая страна — Афганистан. Красные мундиры английских солдат могли появиться на улицах Самарканда и Бухары, Хивы и Коканда только после того, как эти солдаты смогут пройти маршем по улицам Кабула.

Последствия захвата Афганистана были бы губительны для независимости сопредельных с ним стран. Русский журнал тех лет писал, что, если Афганистан будет захвачен Англией, «англичанам до Бухары останется один шаг». И не было ни малейшего сомнения, что этот шаг англичане не замедлят сделать. Английские разведчики, постоянно пересекавшие Среднюю Азию в разных направлениях, были откровенным свидетельством имперских намерений в отношении этих стран.

Политике России в этот период в Средней Азии посвящена отдельная статья Ф. Энгельса «Продвижение России в Среднюю Азию». Он писал: «Следующий шаг был сделан в 1847 г., когда был воздвигнут форт на реке Сырдарье приблизительно в 45 милях от ее устья; этот форт был назван — Аральское. В нем мог разместиться гарнизон численностью в один батальон и даже больше. Аральское весьма скоро сделалось центром обширной русской земледельческой колонии, раскинувшейся в нижнем течении реки и по прилегающим берегам Аральского моря, и тогда Россия формально завладела всей территорией к северу от этого моря и от дельты Сырдарьи. В 1848 и 1849 гг. море было впервые тщательно исследовано; была открыта новая группа островов, и они тут же были отведены под главную стоянку

Аральской пароходной флотилии, к созданию которой приступили немедленно. На острове против устья Сырдарьи был воздвигнут другой форт, и в то же время была еще более усилена и закончена коммуникационная линия между Оренбургом и Аральским морем». (ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, 1848, д. 3068, л. 2.).

18 февраля 1855 г. скончался император Николай I. В предсмертном обращении к своему сыну Александру он сказал: *«Сдаю тебе мою команду, к сожалению, не в таком порядке как желал, оставляю тебе много трудов и забот»*. (Н.Кудрявцев «Спецслужбы» Санкт-Петербург «Нева» «Олма-пресс» 2002 С. 489). На плечи нового императора Александра (1818-1881) на самом деле легла трудная задача по восстановлению экономики страны и укреплению ее военной мощи. Реформирование армии, которое началось сразу после окончания Крымской войны, напрямую коснулось и органов военной разведки.

Новые задачи военной разведки были поставлены уже 10 июня 1856 г. в утвержденной Александром первой инструкции о работе военных агентов. В нем указывалось, о каких «предметах» агент должен стремиться получить «наивозможно точные и положительные сведения: 1) О числе, составе, устройстве и расположении как сухопутных, так и морских сил. 2) О способах правительства к пополнению и умножению вооруженных сил и к снабжению войск и флота оружием и другими военными потребностями. 3) О различных передвижениях войск, как приведенных уже в исполнение, так и предполагаемых, стараясь по мере возможности проникнуть в истинную цель сих передвижений. 4) О нынешнем состоянии крепостей, предпринимаемых новых фортификационных работах для укрепления берегов и других пунктов. 5) Об опытах правительства над изобретениями и усовершенствованиями оружия и других военных потребностей, имеющих влияние на военное искусство. 6) О состоянии различных частей военного укрепления, как то: артиллерийского, инженерного, коммисариатского, провиантского со всеми их отраслями. 7) О всех замечательных преобразованиях в войсках и изменениях в воинских уставах, вооружении и обмундировании. 10) О новейших сочинениях, касающихся до военных наук, а также о картах-планах, издаваемых, в особенности тех местностей, о которых сведения могут быть нами полезны. 11) О способах к передвижению войск по железным дорогам, с возможными потребностями о числе войск и времени окончания ими передвижения между данными пунктами и др.» (В.Безотосный «Секретная экспедиция» // Родина, 1992.С.22).

В этот период высочайшим царским указом создается первые централизованные органы военной разведки. В штатном расписании Глав-

ного Управления Генерального штаба (ГУГШ) разведывательные функции по Азии было возложено на 2-е (азиатское) отделение, которое подчинялось вице-директору по части Генштаба. В задачу этого отделения входила организация разведывательной работы в пограничных с Россией азиатских областях. Штат 2-го отделения состоял из восьми должностей (по Кудрявцеву С.490).

Отсутствие внешней военной угрозы заметно снизило активность русской разведки и приостановило процесс формирования ее центральных органов. В ходе реорганизации был образован новый, высший орган военного управления, получивший название «Главный Штаб Его Императорского Величества». В состав штаба вошло Военное министерство. Особая канцелярия при военном министре была распущена, а ее функции переданы в первое отделение Управления генерал-квартирмейстера Главного штаба. Однако, по сути, оно явилось органом военной разведки, который получал сведения в основном от Министерства иностранных дел.

В 1841 году в Хиву отправился другой дипломатический агент, полковник Данилевский. Ему удалось заключить первый трактат между Россией и Хивой. Во время пребывания его в Хиве скончался хан Аллах-Кул, и место его занял сын его Рагим-Кул. Но ни трактаты, ни условия ни к чему не привели: Хива по-прежнему продолжала вредить русским в Киргизской степи, стараясь укрепиться преимущественно на Сыр-Дарье, где в последние восемнадцать лет военные и переселенцы строили крепости на берегах р. Сыра. Постройка крепостей в Сыр-Дарье навела страх на хивинцев; они быстро постигли опасность этого занятия, говоря, что если русские с ними вместе будут пить воду из Сыр-Дарьи, то хивинцам нельзя будет там жить. В последнее время, после занятия русскими Акмечети (затем форта Перовского), Хива, видимо, стала опасаться открытой конфронтации с Россией. Так, на все приглашения Коканда действовать заодно против России, она отвечала уклончиво. Не обнаруживая неприязненного отношения к русским расположениям, **«Хива не менее прежнего старалась вредить России тайным образом; продолжая посылать в Степь лазутчиков и сборщиков зякета, возбуждала чрез них легкомысленных киргизов к фанатической вражде против русских».**

С 1856 года в Хиве царствует Сеид-Мохаммед хан, сын бывшего хана Мохаммед-Рахима и брат известного Аллах-Кула. Он избран на ханство в апреле 1856 г. и имел тогда 30 лет от роду. Смута и междоусобицы предшествовали его избранию, но Сеид-Мохаммед успел, наконец, утвердить свою власть настолько, что беспорядки на время

прекратились. Считая себя, таким образом, достаточно утвердившимся на престоле, он отправил летом 1857 г. посольство в Россию с известием о вступлении своем в ее подданство, а также для «изъявления горести» о кончине Государя Императора Николая Павловича и для принесения поздравления с восшествием на прародительский престол Его Императорского Величества». Во главе посольства был Фазиль-Ходжа Шейх-Ульыслам (главное духовное лицо) ханства.

Военный историк К.Абеннов утверждает, что возросшая активность, проявленная Россией в отношении Хивы, привлекла к себе серьезное внимание Англии, где ставшее известным стремление царя к территориальной экспансии в Индии воспринималось с не меньшим беспокойством. Поэтому, когда в 1844 г. Николай посетил Англию, он был информирован по данному вопросу лордом Абердином, знавшим о том, что царь подстрекнул персов к нападению на Герат, и подозревавшим его в интригах против Англии в Афганистане. Это происходило тогда, когда во второй половине XIX века с расширением сферы влияния России в евразийское пространство, а именно в период службы Чокана Валиханова в Министерстве иностранных дел. В это время спецслужбы заинтересованных стран активизировала свою деятельность путем проведения разведывательных закордонных операций, особенно под прикрытием постоянно действующих представительств за рубежом и путем направления подготовленного разведчика в составе посольских приказов в прилегающие среднеазиатские государства.

В начале 1858 года в Хиву была отправлена дипломатическая миссия под начальством флигель-адъютанта, полковника Игнатьева (после — генерал-адъютант). Пробыв около месяца в Хиве (с 18-го июля до 31-го августа), миссия эта направила свой путь далее за Бухару вдоль правого берега реки Аму-Дарьи. Результаты этого посольства были затем обнародованы. Некоторые отрывки помещены в Военном Сборнике за 1859 год. Более подробное описание путешествия опубликованы в Записках географического общества за 1861 год в статье Килевейна (Ч.Валиханов. Собрание сочинений в 5-ти томах).

С.Муқанов в книге «Промелькнувший метеор» (Алматы. Издательство «Жазушы».1980. С. 54-56) пишет: *«В первой половине XIX века в Средней Азии столкнулись колонизаторские интересы Англии и России. К тому времени, о котором у нас идет речь, Англия цепко зажала в своих тисках Индию и с жадностью высасывала из нее кровь. Англичане тянулись к Тибету, в Кашгарию, они начинали проникать и в Кокандское ханство. Они зарились на рынки и сырье сопредельных с Россией народов. Не дремала и Россия. Ее беспокоили действия и пла-*

ны Лондона, ей надо было знать, что происходит рядом. Поэтому Россия искала людей, способных вести разведывательную работу в странах Среднеазиатского Востока».

Современный читатель должен знать, что Чокан Валиханов постоянно составлял подобные документы и отправлял их в Санкт-Петербург для доклада руководству МИД России. Больше похожие на научные исследования, эти сведения являлись не чем иным, как разведывательные донесения в Центр о политической, военной, социально-экономической обстановке в разведываемых странах. Но об этом я расскажу позже. Продолжим о противоборстве разведок за Среднюю Азию.

Чокан Валиханов в период интенсивной подготовки к нелегальному выходу в Кашгарию, в условиях конспиративной квартиры в Омске, проходил страноведческую подготовку. К нему стекалась вся информация о Кашгарии, Афганистане, Коканде и вообще о Китае. Ему необходимо было знать все. Особенно досконально следовало изучить оперативную обстановку на сопредельной территории. Однажды он спросил у К.Гутковского:

- И все же любопытно, что за письмо вез к Худояр-хану Адольф Шлагинтвейт из Британской Индии. Английские власти субсидировали экспедицию немецкого ученого... С какими расчетами?.. — Валиханов отыскал на столе чистый лист бумаги. Рука опытного картографа уверенно начертила сетку параллелей и меридианов, извилины главных рек Средней Азии, штрихи горных хребтов, начала разбрасывать кружками города: Коканд, Кашгар, Андижан, Ходжент... Выше сетки Валиханов поместил кружок — укр. Верное...

- В бытность мою в Верном, — продолжал он, — офицеры меня уверяли, что англичанин-художник Аткинсон, посетивший не так давно наши края, вовсе не такой уж безобидный путешественник. Он несомненный английский агент. Британию тревожат действия русских по направлению на восток... И надо полагать, что в политике он разбирается получше, чем в орнитологии. Иначе не был бы назначен в такое место, как приграничный Копал. И насчет Аткинсона, что он разведчик, Абакумов* не выдумывает. Британия следит сейчас за Россией во все глаза.

---

* Пристав Алатавского округа, жил в городе Копале, корреспондент Московского общества испытателей природы, известный знаток природы Семиречья, Абакумов уже по долгу службы являлся настоящим контрразведчиком, в чем сомневаться не приходится (Б.К).

Пожалуй, одной из наиболее поразительных фигур в плеяде русских военных разведчиков, противостоявших английской экспансии в Хиву, Самарканд и Бухару, был вышеупомянутый Иван Виткевич. Об этом бесстрашном разведчике, ученом-востоковеде я намерен изложить в разделе «Загадочная смерть разведчика». На это у меня есть веские основания, поскольку судьбы Виткевича и Чокана Валиханова, как ученых, так и разведчиков почти близки друг другу.

«Активная политика России в Центральной Азии в начале XIX века настоятельно требовала решения вопроса о пограничном размежевании с Цинским Китаем, особенно большой протяженностью границы Казахстана с этим государством. Нерешенность этого вопроса препятствовала дальнейшему освоению Восточного Туркестана и развитию этого края. По мере расширения российско-китайской торговли и дальнейшего освоения русскими Приморья, Камчатки, вопрос о судоходстве по Амуру и по реке Иртыш становился все более актуальным.

Приамурье был не единственный регион, в котором прямо или косвенно сталкивались интересы России и Китая. Другим таким районом выступала Центральная Азия. Центрально-Азиатский регион давно привлекал внимание Цинской империи, которая в своей завоевательной политике уделяла ему первостепенное внимание.

Вслед за Джунгарией Цины покорили и Кашгарию (Восточный Туркестан). Джунгария и Кашгария вошли в состав Цинской империи и стали называться Синьцзян («Новая граница»). Изначально Синьцзяну отводилась специфическая и особо важная роль во внешнеполитической стратегии Пекина. Этот регион рассматривался Цинами как стратегический плацдарм для утверждения своего влияния в Центральной Азии. Такая политика Китая, естественно, входила в противоречие с интересами России, которая считала себя ответственной за ситуацию в регионе Центральной и Средней Азии. Вслед за казахами в подданство России перешли северные и южные киргизские племена, освободившиеся от власти Кокандского ханства. В результате Россия и Цинский Китай фактически вышли на границы друг друга. Это требовало проведения между двумя странами территориального разграничения.

Западные державы, и прежде всего Англия, уже с конца XVIII в. начали активные попытки налаживания дипломатических и торговых отношений с Цинским Китаем. Преследуя свои собственные колониальные цели, они стремились закрепиться в Китае, превратив его в огромный рынок сбыта опиума. Первая «опиумная» война 1840-1842 гг.

привела к тому, что европейские державы и США начали навязывать Китаю неравноправные договоры, превращая его в огромную полуколонию. В октябре 1856 года Англия начала военные действия против Китая, которые получили название второй «опиумной» войны. Позднее к англичанам присоединились французы.

11 мая 1858 года начались русско-китайские переговоры о границе. Русскую сторону на них представляли: генерал-губернатор Восточной Сибири генерал-лейтенант Н.Н. Муравьев, пристав Российской духовной миссии в Пекине П.Н. Перовский, подполковник Генерального штаба К.Ф. Будогосский, секретарь Е.К. Бютцов, переводчик — губернский секретарь Я.П. Шишмарев. Цинскую делегацию возглавляли: хэйлунцзянский цзянцзюнь И Шань, в качестве секретаря — помощник дивизионного командира Айжин-да, айгуньский амбань Джираминга. В подобных переговорах с китайской стороной до этого события участвовал и Чокан Валиханов, который заложил основу для успешных контактов с великим соседом в будущем.

В мае 1861 года цинская сторона обратилась к генерал-губернатору Западной Сибири А. О. Дюгамелю с просьбой прислать русских уполномоченных в Чугучак для проведения переговоров о территориальном разграничении. Предложение было принято русской стороной. В конце июня 1861 года была составлена делегация русских комиссаров по разграничению в Синыцзяне. Уполномоченным России был назначен обер-квартирмейстер корпусного штаба в Омске полковник И.Ф. Бабков, а его помощником — капитан И. Андреев. Впоследствии в состав делегации вошли в качестве второго комиссара — геодезист капитан А.Ф. Голубев, третьего комиссара — русский генеральный консул в Кульдже И.И. Захаров и управляющего делами — астроном К.В. Струве.

Первая встреча русских и цинских уполномоченных прошла в Чугучаке 15 августа 1861 года. В августе—сентябре того же года состоялось еще несколько встреч, в результате которых была достигнута договоренность об открытии дипломатических переговоров в следующем году. Официально русско-китайские переговоры о демаркации западного участка границы между Россией и Китаем открылись в Чугучаке 17 июля 1862 года. Переговоры шли долго и постоянно откладывались: стороны не могли найти компромисс в начертании линии границы.

Параллельно с переговорным процессом цинские власти прибегли к испытанному приему военно-силового давления. Небольшие отряды и группы китайских войск проникали вглубь Казахстана и Кирги-

зии, переходили линии своих постоянных пограничных пикетов, а также отодвигали линию постоянных пограничных пикетов все глубже на территорию казахских и киргизских земель.

Русская сторона ответила на цинские провокации мобилизацией своих войск в приграничной зоне. Весной 1862 года между русскими и цинскими воинскими частями произошли вооруженные столкновения. В связи с этим генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель направил на имя синьцзянского цзянцзюня специальное письмо, в котором выражал резкий протест против неоднократного появления в «пределах Великого Российского государства» маньчжуро-китайских отрядов.

В письме указывалось: «Подобное появление в пределах дружественного государства чужестранного отряда без предварительного о том сношения, с какою бы целью оно ни было, никогда не может быть оправдано и всегда нарушает международное право». Настаивая на прекращении подобного рода экспедиций, генерал-губернатор Дюгамель предупреждал цинские власти о том, что «может выйти неприятное для обоих государств столкновение». (И. Попов. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. Москва. Издательство «Ермак», 2004).

Однако, несмотря на все предупреждения русской стороны, цинские власти продолжали провокации. В дополнение к военным мероприятиям на линии границы цины спланировали и осуществили целую серию скоординированных психологических акций по распространению среди местного казахского и киргизского населения антирусских подстрекательских слухов и инсинуаций.

28 августа 1863 года цинское правительство в конце концов все же согласилось принять русский проект прохождения линии границы между Россией и Китаем в Синьцзяне. Об этом официально был уведомлен русский поверенный в Пекине Н.А. Глинка. Однако еще целый год прошел в «утряске» всех деталей, связанных с прохождением линии границы на местах. Только 25 сентября 1864 года в Чугучаке был подписан протокол об установлении русско-китайской границы в Центральной Азии.

Переговоры между Россией и Китаем по пограничному размежеванию в Центральной Азии проходили в трудное для Пекина время. В 1864 году в Джунгарии и Кашгарии вспыхнуло мощное восстание местных мусульманских народов против власти маньчжуро-китайцев. Главную роль в этом восстании играли уйгуры и дунгане, которые были поддержаны казахами, киргизами и другими народами Синьцзяна. Восстание продолжалось 14 лет, причем уже в 1865 году цин-

ское колониальное господство в Синьцзяне было фактически свергнуто. С ноября 1864 года цинские власти в Синьцзяне начали «зондировать» возможности соседних русских властей по оказанию помощи в деле «наведения порядка».

На этом международном фоне развивались отношения между Россией и Китаем в середине XIX в. С одной стороны, и Россия, и Китай оказались в тот период объектами агрессивных действий Англии и Франции (хотя и по различным поводам и причинам). Исходя из общности стратегических позиций в отношении Англии, Россия предлагала свою военную помощь китайской стороне, однако Пекин принципиально не пошел на развитие стратегических связей со своим северным соседом. Очевидно, это была крупная ошибка Китая.

С другой стороны, Россия, будучи серьезной политической силой на мировой арене, попыталась использовать в своих геополитических интересах ситуацию в Китае, втянутом во вторую «опиумную» войну. Россия в активности Англии в Китае обоснованно видела непосредственную угрозу своим интересам на Дальнем Востоке. О планах английской военной экспедиции в Китай стало известно из доклада в Петербург российского морского агента в Лондоне и Париже графа Е.В. Путятина.

По рекомендации Е. Путятина и представлению директора Азиатского департамента российского МИД Ковалевского дальнейшими переговорами с Маньчжурским правительством и организацией проекта военной помощи Китаю должен был заняться полковник флигель-адъютант Н.П. Игнатьев.*

Выполняя взятую на себя миссию посредника, Н.П. Игнатьев быстро установил тесный, дружеский контакт с представителями США и Франции, а затем и Англии. Он сразу уведомил их: «Обязанный на основании полученных мною инструкций употребить все усилия к тому, чтобы привести дела к миролюбивой развязке и убедить китайское правительство исполнить обязательства, принятые им пред Англией, Францией и Соединенными Штатами, я, с самого приезда в

---

* Граф Николай Павлович Игнатьев — выпускник Николаевской академии Генерального штаба, бывший военный представитель России в Лондоне — находился в то время во главе российской военно-дипломатической миссии в Бухаре. В конце 1858 года, по возвращении в Петербург, Н. Игнатьев при первом же представлении императору был произведен в генерал-майоры с зачислением в свиту и назначен чрезвычайным посланником в Китае на «трудное и шекотливое дело». Официально миссия Н. Игнатьева в Китае продолжалась два года — с 17 мая 1859 года до 21 августа 1861 года. (Б.К.)

китайскую столицу, приложил все старания к тому, чтобы достичь намеченной цели.

Дипломатический талант Н. Игнатьева, умение находить компромиссы из любых, казалось бы, самых безвыходных ситуаций, в которых он неоднократно оказывался по вине цинского правительства, принесли свои плоды. Англичане, французы и американцы не могли обходиться без его советов и помощи. Китайцы оценили его роль посредника и в корне изменили отношение к российскому посланнику, пойдя на решительные уступки в российско-китайском диалоге.

Долгая, почти двухлетняя военно-дипломатическая миссия Н.П. Игнатьева в конечном счете закончилась полным успехом. 2 ноября 1860 года в Пекине был подписан русско-китайский договор, в котором подтверждались условия Айгуньского договора от 16 мая 1858 года. Цинское правительство признало за Россией территории к востоку от р. Уссури. Отказавшись от содействия российской стороны в деле переподготовки своих вооруженных сил, цинское правительство переориентировалось на помощь со стороны других европейских держав, в первую очередь, Англии.

Близкий друг Чокана Валиханова, выдающийся разведчик России Николай Павлович Игнатьев, в 1856 г. в возрасте 24 лет был направлен военным агентом в Лондон. Император Александр II лично поставил Игнатьеву задачу: «изучить все новейшие достижения артиллерийского и инженерного дела в Англии и установить возможность их применения в России, а также привести в ясность военно-политические замыслы врагов наших в Европе и Азии». Но в Лондоне Николай Павлович пробыл недолго.

«Однажды в Британском музее впервые был выставлен на всеобщее обозрение до того строго засекреченный новейший образец патрона. Николай Игнатьев внешне невозмутимо, почти безразлично подошел к стенду и взял в руки этот единственный в своем роде экспонат. Группе посетителей предложили проследовать в другой зал. Игнатьев же, как бы по ошибке, сунул патрон в карман. Служитель музея, наблюдавший за посетителями, попросил его положить «предмет» на место. Но Николай Павлович отказался вернуть патрон и, сославшись на свою дипломатическую неприкосновенность, быстро вышел из музея, а затем скрылся в посольстве. После такого поступка ему ничего не оставалось, как покинуть Лондон. В Петербурге Игнатьеву сделали внушение, но, в общем, встретили благосклонно. Вскоре флигель-адъютант Игнатьев получил важное дипломатическое задание на Восток, где он встретился и сблизился с Чоканом Валихановым» (Н.Кудрявцев. Го-

сударево Око. Тайная дипломатия и разведка на службе России. Санкт-Петербург. ИД «Нева». Москва. «Олма-Пресс». 2002).

В 1857 г. Александр II утвердил перспективный план об активизации разведывательной деятельности в Средней Азии. Помимо решения других задач этот план был связан и с тем, что, по данным разведки, в Бухару приехал «английский агент и прилагает все усилия, чтобы разрушить торговые сношения России как с Хивой, так и с Бухарой». Игнатьев постоянно призывал к активным наступательным действиям в Средней Азии, чтобы воспрепятствовать Англии, которая вела колониальные войны на Востоке. Игнатьев доказывал целесообразность подчинения ханств Средней Азии и призывал открыть путь русским судам вверх по Аму-Дарье, вплоть до территории Афганистана. Это должно было укрепить экономические и военно-политические позиции Российской империи на Востоке и заставить Англию «дорожить нашей дружбой». Довод об использовании продвижения в Среднюю Азию как средства нажима на Англию с целью заставить ее придерживаться дружественной политики в отношении России часто высказывали многие крупные государственные и военные деятели царского самодержавия. Эти высказывания, которые далеко не всегда делались для печати, резко расходились с многочисленными и разнообразными английскими трактовками русского продвижения в Среднюю Азию, как эпизода на пути к «основному» — «изгнанию Англии из Индии».

В апреле 1858 г. Игнатьеву вручили детальную инструкцию, составленную директором Азиатского департамента Е. П. Ковалевским и утвержденную Александром II. Анализ этой инструкции вскрывает цели и задачи противодействия англичанам, поставленные царским правительством перед посольством. 15 мая 1858 г. миссия Игнатьева двинулась из Оренбурга в Хиву.

Игнатьев сообщал в Министерство иностранных дел, что незадолго до прибытия миссии в ханство в Бухару приехали под видом афганских купцов двое англичан, один из которых владел персидским и русским языками. Кроме того, добавлял он, здесь же находились еще трое англичан, выдававших себя за индийцев.

Британская агентура развернула подрывную деятельность непосредственно в Бухарском ханстве с целью осуществления старых планов по созданию антирусской коалиции в Средней Азии. Однако политические и экономические связи между Бухарой и Россией были значительно шире, нежели с Англией. Поэтому англичане не смогли добиться большого успеха. К тому же, как отмечал Игнатьев, «в Бу-

харе заметна чрезвычайная симпатия к восстанию туземцев в Индии...» Активные экспансионистские действия Британской империи в Средней Азии были обсуждены при переговорах Игнатьева с бухарскими властями. Он ознакомил Мирзу Азиза с имевшимися у него сведениями о британских интригах в Коканде. Обсуждались и агрессивные действия Англии в Иране и Китае, положение в Индии в связи с антианглийским восстанием, а также позиция Хивинского ханства, выжившая после переговоров с миссией.

Об этом историческом событии и других мероприятиях внешней разведки России подробно написал Н. Кудрявцев. Еще раз хотим напомнить *Современному читателю* цитату из архивного дела, хранящегося в подвале специальных служб России и по сей день: «...**Для изучения политико-экономической обстановки в Средней Азии правительство в 1858 году направило три экспедиции: научную — под руководством Н.В.Хныкова в Восточный Иран (Хорасан) и Герат, миссию Ч.Валиханова в Восточный Туркестан (Кашгар) и дипломатическое посольство Н.П.Игнатьева в Хиву и Бухару. Руководил и направлял эти экспедиции Азиатский Департамент Министерства иностранных дел. В подготовке экспедиции принимали также участие Военное Министерство, Русское Географическое Общество и купечество**». (Кудрявцев. С.572).

Посольство Игнатьева доказало, что британские правящие круги не только проявляют к Средней Азии «теоретический» интерес, но и предпринимают конкретные шаги к утверждению здесь своего влияния. Этот вывод заставил царское правительство особенно настороженно следить за положением в среднеазиатских ханствах и за дальнейшими действиями там английской агентуры. (Политика России в Средней Азии (1847-1868). Глава II. Подготовка царской России к экспансии в Средней Азии (1857—1858).

Положение в Средней Азии к моменту прибытия посольства Игнатьева в Хиву не располагало к мирным переговорам. Голод и эпидемии ослабили Хивинское ханство, но хан продолжал вести изнурительную войну с туркменскими племенами. Бухарский эмир воевал с Кокандом и Афганистаном. В Хиве к посольству отнеслись с недоверием. Под угрозой смертной казни жителям города было запрещено разговаривать с русскими. Игнатьев в течение десяти дней добивался встречи с ханом. Переговоры были тяжелыми и безрезультатными. Не дав Игнатьеву прощальной аудиенции, хан уехал в загородный дворец. Потерпев неудачу, посольство покинуло Хиву и направилось в Бухару, где встретило доброжелательный прием эмира Бухары Насруллы. Стороны довольно быстро договорились об учреждении русского

торгового агентства в Бухаре, о сокращении пошлин на российские товары и предоставлении свободного плавания по Амударье российским судам. В случае противодействия хивинцев (река протекала по обоим ханствам) эмир Насрулла согласился действовать вместе с русскими.

Несмотря на внешнюю лояльность эмира по отношению к России, от Игнатьева не ускользнуло желание Насруллы и дальше поддерживать прочные торгово-политические отношения с Англией. В беседах с правительственными чиновниками Бухары Игнатьев настойчиво пытался раскрыть суть британской колониальной политики. Он напомнил о последствиях этой политики для индийцев, о поставках англо-индийскими властями оружия Коканду, о войнах Англии с Китаем и Ираном. Все эти факты, убеждал Игнатьев, противоречат словесным заявлениям Лондона о его миролюбии и оборонительной политике в Азии. Особую тревогу у эмира вызвало сообщение Игнатьева о кокандо-хивинском сближении, представлявшем непосредственную угрозу для Бухары. Результатом бесед стало решение эмира об изгнании из страны ряда агентов английских спецслужб, о которых Игнатьев знал еще по работе в Лондоне.

В завершение переговоров эмир Насрулла дал согласие направить в Петербург с ответным визитом бухарского посла, который выразил желание возвратиться в эмират через Аральское море и Амударью на русском пароходе, засвидетельствовав еще раз прочность русско-бухарских отношений. В декабре 1858 г. посольство Игнатьева возвратилось в Оренбург. Цель миссии была достигнута. «Сведения, добытые нашей экспедицией, — писал Игнатьев, — ...способствовали установлению более правильного взгляда на значение и основу власти... и в особенности на то положение, которое мы должны и можем занимать в Средней Азии». В то же время, он не верил в прочность подписанного русско-бухарского соглашения. Нестабильность обстановки в Средней Азии убеждала Игнатьева в необходимости перехода здесь от дипломатических методов к военным. На переговорах в Хиве и Бухаре Николай Павлович Игнатьев проявил лучшие качества разведчика — находчивость, ловкость, умение использовать обстоятельства в своих целях. По возвращении из Средней Азии он был произведен в генерал-майоры и вскоре получил новое дипломатическое назначение. На этот раз ему предстояло направиться во главе русской миссии в Китай.

В своей объемной двухтомной книге «Пятьдесят лет в строю» А.А.Игнатьев, внучатый племянник Н.П.Игнатьева, не преминул отметить с иронией, как последний украл боевой патрон на Лондонской выставке. Он же характеризует этого выдающегося дипломата и раз-

ведчика в неприглядном свете, показывая его как человека недалёкого, неспособного к масштабному мышлению, посредственного дипломата и разведчика. К сожалению, А.Игнатьев не одинок в стремлении начисто забывать или показывать в неприглядном свете знаменитого предка (см. п.16. Заключение к разделу «Тайна болезни разведчика» Б.К.).

Наша справка о схватках секретных служб России, Англии, Китая будет неполной, если мы не назовем хотя бы несколько известных сотрудников внешней разведки, которые под различными прикрытиями осуществляли разведывательные мероприятия в Восточном Туркестане. Так, нами сделана выборка следующих эпизодов из книги В.Обухова «Схватка Шести Империй».

Одним из первых российских военных разведчиков, побывавшим в Восточном Туркестане вскоре после Чокана Валиханова, стал будущий руководитель военной разведки России генерал-лейтенант Генштаба Александр Проценко. Продолжительное время занимался изучением Восточного Туркестана, Монголии и Семиреченской области. В 1862 году возглавил Нарынскую экспедицию для «рекогносцировки путей, ведущих в Кашгар». Длительное время координировал деятельность российской военной разведки в странах Востока.

Александр Голубев (1832—1866), бывший сотрудник Генерального штаба с 1859 по 1864 год, находился в экспедиции к озеру Иссык-Куль. Стал первым из европейских ученых, занимавшихся астрономическими определениями в окрестностях озера Иссык-Куль и в Кульджинской провинции Синь-Цзяна. Поместил ряд статей в «Записках Императорского русского географического общества».

Генерал от инфантерии Иван Бабков (1827—1905) — российский полномочный комиссар при разграничении с Западным Китаем (1864), помощник начальника штаба Западно-Сибирского военного округа (1865) — в 1864 году был командирован для участия в переговорах с Китаем по пограничному размежеванию. По личной инициативе Ивана Бабкова в 1867 году на границе с Китаем был создан Зайсанский пост, впоследствии сыгравший исключительно важную роль в деле организации военно-научного изучения глубинных районов Центральной Азии.

Александр Каульбарс (1844—1925), барон, генерал от кавалерии (1901). С 1869 — старший адъютант штаба войск Семиреченской области, в 1870 году был поставлен во главе русского посольства в Кульджу. В 1869—1872 годах сделал многочисленные съёмки в Центральном Тянь-Шане.

Полковник Павел Рейнталь (1840—1882). В сентябре 1868 года совершил поездку в Кашгар с «дипломатическим поручением». Со-

брал ценные сведения о военно-политической ситуации в Восточном Туркестане. В 1875 году предполагался к назначению первым российским консулом в Кашгар. В мае 1875 года возглавил дипломатическую миссию в Кашгар для подписания торгового договора с правителем Мухамедом Якуб-беком. В его задачу входил также сбор военно-статистических сведений об армии государства Джетышар и англо-кашгарских политических и военных связях. В письмах Павла Рейнталя из Кашгара в Ташкент на имя туркестанского генерал-губернатора Константина фон Кауфмана содержалась важная информация о численности, вооружении, боевой подготовке и довольствии кашгарских войск, а также о присутствии иностранных инструкторов и о военном производстве в Кашгаре.

Полковник Генштаба Юлиан Сосновский (1842—?) по Генеральному штабу службу проходил в Западно-Сибирском военном округе, старший адъютант штаба войск Семипалатинской области. В апреле-мае 1871 года участвовал в разведке русско-китайской границы в Семипалатинской области. В феврале — апреле 1872 года провел рекогносцировку и собрал военно-статистические сведения о долине реки Черный Иртыш в Синь-Цзяне.

В 1873 году астрономические работы в районе Черного Иртыша в Западном Китае производил будущий генерал-лейтенант Генштаба Семен Мирошниченко (1833—1902). По Генеральному штабу службу проходил в Западно-Сибирском военном округе. За успешное выполнение задания на китайской территории, объятой анархией и разбоем вследствие мусульманского восстания в Кашгарии, награжден орденом Святого Станислава 2-й степени.

Если *Современный читатель* пожелает узнать более подробно об истории противоборства разведок за Среднюю Азию, автор просит его прочитать книгу В. Обухова «Схватка шести империй за Среднюю Азию», где он приводит множество примеров на основе архивных материалов. А я в заключение расскажу о близком друге Чокана Валиханова, «брата по оружию» генерал-майоре Генштаба Российской империи Николае Пржевальском (1839—1888), который является, пожалуй, самым известным из российских военных путешественников конца XIX века. Об этом ученом и разведчике существует немало доступной литературы, поэтому ограничусь лишь изложением фактов.

Родился в семье мелкого помещика. Окончил Академию Генштаба (1863). Был назначен в Сибирский военный округ (1866). В 1870—1873 годах совершил экспедицию в Монголию, Китай и Тибет. В 1876—1877 годах состоялась вторая Центрально-Азиатская экспедиция (Лоб-Нор-

ская и Джунгарская). Третья экспедиция в Центральную Азию (первая Тибетская) проходила в 1879—1880 годах, четвертая (вторая Тибетская)— в 1883—1885 годах. Во время всех экспедиций Николаем Пржевальским было пройдено более 30 000 километров. Николай Пржевальский установил направление основных хребтов Центральной Азии и открыл ряд новых, уточнил северные границы Тибетского нагорья. Будучи официально ученым-путешественником, Николай Пржевальский всегда оставался сотрудником российской военной секретной службы. В одном из его дневников даже проскользнуло: «лучший паспорт для Китая — это умение быстро и метко стрелять».

22 октября 1880 года полковник Генерального штаба России Николай Пржевальский в своей докладной записке «О возможной войне с Китаем» отмечал: «Из Кульджи, в которой необходимо собрать наибольшее количество войск, наступательные наши действия должны быть направлены через Талкинское ущелье, мимо озера Сайрама, на Джинхо и Шихо, против армии Цзо-гун-бо (имелся в виду китайский генерал Цзо Цзунтан (1812—1885)). В окрестностях вышеназванных городов, вероятно, произойдет наше главное столкновение с этой армией. Если она будет разбита — а в этом почти невозможно сомневаться — тогда войска наши будут продолжать свое движение вдоль северной подошвы Тянь-Шаня на Манас и Урумчи».

В своей книге «Из Зайсана через Хами и Тибет на верховья Желтой реки» Николай Пржевальский отмечал, что в составе его тогдашней экспедиции находился «переводчик для тюркского и китайского языков, уроженец города Кульджи, Абдул Басид Юсупов. Сам драгоман впоследствии так вспоминал о своей работе с великим путешественником: «С 1877 по 1880 год я находился в качестве переводчика китайского и маньчжурского языков при покойном путешественнике Средней Азии генерал-майоре Пржевальском. В 1880 году генерал Пржевальский после окончания путешествия от службы меня уволил, а в 1881 году генеральный штаб назначил переводчиком при передаче Кульджи китайцам. После передачи, т.е. в 1883 году, степной генерал-губернатор, генерал от инфантерии Колпаковский назначил меня в качестве депутата на святое коронование императора Александра III в Москву, где я был награжден большой золотой медалью. В том же году Географическое общество вновь назначило меня в экспедицию генерала Пржевальского переводчиком. В Китай мы отправились в апреле этого же года и находились там до 1885 года».

Профессиональный разведчик генерал-майор Николай Пржевальский, многократно выполнявший задание внешней военной разведки с выходом на сопредельную территорию, пожалуй, являлся для Чо-

кана самым ярким примером, как выдающийся ученый и не менее выдающийся разведчик. Англичане видели в нем одного из главных противников Британской империи. Пржевальский выходил победителем из этих смертельных схваток с врагами, в подтверждение чему имеет длинный перечень правительственных наград, которые вручал ему лично Император всея Руси.

Отважный путешественник и разведчик умер во время своей пятой экспедиции в Среднюю Азию. Для Чокана Валиханова генерал Пржевальский, являлся не только современником и близким другом, но и примером как ученый-востоковед, блестящий знаток Средней Азии и истории народов, населявших этот край. Он был примером мужества и отваги, с риском для жизни выполнявшим научно-исследовательские и специальные оперативные задания внешней разведки.

Генерал Черняев, который был инициатором взятия Чокана Валиханова в активную проверку, о чем мы расскажем в разделе «Объект царской контрразведки», настаивавший на насильственном захвате Ташкента, Шымкента и Аулие-Ата, являлся сторонником широко-масштабного наступления на все Кокандское ханство. Он писал в своем рапорте царю: *«Средства для этого у нас есть, затем, разве мы пришли сюда, чтобы здесь комфортабельно устраиваться и заводить хозяйство, - для этого у нас много земли в России и более к тому удобной. Нам нужен этот край для распространения нашего влияния на Среднюю Азию... Мы бросились на детали и упустили из виду главную идею - не пустить сюда англичан...»*.

Как показал анализ, в течение XIX в. Средняя Азия и Казахстан постоянно находились под влиянием практических интересов русского государства. Именно этим обстоятельством объясняется организация разведывательных «экспедиций» в этот регион, где сталкивались интересы российских, британских, китайских и других спецслужб. Вместе с тем следует иметь в виду, что «серьезные экспедиции, замышлявшиеся и организованные в правительственных кругах для казенных целей, проводились затем руками людей, очень далеких от казенной идеологии, руками людей прогрессивного образа мыслей» (Г.С.Садвакасов, Г.М. Исхаков).

Таковы основные события, имевшие место в непримиримых схватках спецслужб за Среднюю Азию во временном разрезе, охватывающий научную, политическую, дипломатическую, оперативно-служебную и иную деятельность великого сына казахского народа, штабс-ротмистра, разведчика Чокана Чингизовича Валиханова.

*Чокан неустанно собирал и обрабатывал все новые материалы.
Он изучал страну со всех сторон,
ничто не оставалось вне его поля зрения.
(С.Марков)*

*Все получив — скорей на коней!
«Генрих-IV», ч.1.*

ОПЕРАЦИЯ «ЧЕРНЫЙ ДРАКОН»*

**Санкция царя. Задание исполнителю. Изучение оперативной обстановки. Разработка основной и отступной легенды.
Снаряжение и экипировка. Подбор агентуры. Маршрут движения.
Легализация. Выполнение задания.
Благополучное возвращение в г.Верный.**

Современный читатель вправе задать вопрос: «А в чем, собственно, заключалось разведывательное задание Чокана Валиханова, для успешного выполнения которого царское правительство выделило в его личное распоряжение по тем временам «большие средства»? (Ф.Осадчий). В рамках утвержденного Царем стратегического плана по расширению влияния России в Средней Азии, Чокану, как разведчику, согласно операции «Черный дракон», разработанной генералом Е.П.Ковалевским** и его помощниками, было определено следующее оперативное задание:

---

* Любая акция внешней разведки имеет кодовое название, иначе она теряла бы смысла. Никто сегодня не отрицает, что основным исполнителем, описываемой нами операции, являлся Чокан Валиханов, о котором, непосвященные в специфику закрытого ведомства, историки, пишут о «путешествии с риском для жизни», «опасном предприятии» и пр. Все, известные нам, семь или восемь выездов Чокана за границу, постоянно были связаны с выполнением конкретного задания секретных служб. Выезды за рубеж в составе официальных групп или делегации также рассматриваются мною, как самостоятельные разведывательные операции. Тем не менее, все легальные и один нелегальный выходы на китайскую территорию разведчика Ч.Валиханова, объединены под общим условным названием «Операция Черный Дракон» (Б.К).

** Егор Петрович Ковалевский как ученый востоковед, путешественник и профессиональный разведчик возглавлял Азиатский департамент с 1856 по 1861 год. Он оказался на этом посту в результате традиционной карьеры разведчика. Царь Николай послал его в Бухару «по просьбе эмира бухарского» — искать золото. С этим заданием он успешно справился. Затем Ковалевский участвовал в Хивинском походе Перовского, попал в плен к хивинцам и бежал. В последую-

1. Добыть сведения военно-политического, социально-экономического характера, а также иную важную информацию, могущую оказать влияние для определения выверенного курса во внешнеполитической деятельности России в Средне-Азиатском регионе.

2. Изучить возможность открытия российского консульства в Кашгаре для активизации торговых отношений с китайским правительством через «официально» направляемых за рубеж «подготовленных» сотрудников Министерства иностранных дел.

3. Создать надежные агентурные позиции в Кашгаре и городах Алтышара, в том числе вербовать и агентуру влияния из числа местных авторитетов.

4. Выяснить судьбу Адольфа Шлягинтвейта, немецкого путешественника, следы которого затерялись в Кашгарии. Если он жив, установить с ним доверительные отношения с целью получения информации по Индии и Кашгару. Если он погиб, то выяснить обстоятельства смерти и постараться заполучить его записи, дневники и другие документы для анализа и оценки в Центре.

6. Проверить достоверность ранее полученных разведданных о правителе Кашгара — Валихане-торе. Выяснить позиции китайских властей в отношении присутствия династии ходжей в Кашгарии и самого Валихана-торе.

7. Получить дополнительные сведения о жестокости и геноциде Валихан-торе по отношению к местному населению. В случае подтверждения враждебного настроения Валихана-торе против России и воспрепятствовании с его стороны в установлении добрососедских отношений с Китаем, принять меры к локализации действий Валихана-торе, не исключая его отторжения от власти путем физического устранения через возможности платной агентуры из числа оппозиции к существующему режиму.

шие годы он ходил с караваном в Ташкент, путешествовал по киргиз-кайсацкой степи, ездил с миссией в Кульджу. Его очерки получили высокую оценку Белинского. Ковалевский объездил полмира: Афганистан и Кашмир, Карпаты и Балканы, Египет и внутреннюю Африку. С марта по май 1855 года он принимал участие в Севастопольской обороне. За свою жизнь он написал, кроме книг о путешествиях, девять романов и повестей, драму в стихах и выпустил сборник стихов. Валиханов знал, как искренне и горячо полюбил его Егор Петрович Ковалевский, отважный путешественник, искусный дипломат и разведчик. «И была какая-то тайна в тяге генерала Ковалевского к своему коллеге, ротмистру Чокану Валиханову» (И.Стрелкова). Что это за тайна — теперь Современный читатель хорошо знает (Б.К).

Как видим, разработка и утверждение Императором России такого важного внешнеполитического разведывательного мероприятия было напрямую связано со сложной политической и оперативной обстановкой в соседнем Китае, а именно в Кашгарии, непосредственно затрагивающей стратегические национальные интересы России.

15 июля 1857 года в Омск пришло очередное донесение из Кульджи от консула России Ивана Ильича Захарова* об оперативной обстановке в Кашгарии. Он сообщал, что китайцы в Кульдже и Урумчи, напуганные восстанием в Кашгаре, отправляют туда карательные отряды. О событиях, происходивших в самом Кашгаре, Захаров не смог сообщить подробно по причине отсутствия там источников информации. По непроверенным данным в Кашгар двинулся из Коканда всякий сброд во главе с ходжами и будто бы несколько англичан появилось в Туркестане для подстрекания местных жителей не только против власти маньчжурской династии, но и против возможного присутствия русских в этом регионе (С.Муканов).

Полученные сведения о восстании ходжей в Кашгаре и присутствия там английских агентов, после соответствующей обработки Чоканом Валихановым, достаточно хорошо владевшим ситуацией в этом районе, были срочно отправлены в Петербург. Директор Азиатского департамента Егор Петрович Ковалевский оценил донесение Захарова как весьма важное. Ковалевский, как разведчик, был весьма обеспокоен тем, что англичане стараются использовать смуту в Кашгаре, чтобы глубже закрепиться в Средней Азии. То, что Захаров сообщил о появлении в Туркестане нескольких англичан означало, что английская разведка уже была на месте (С.Бегалин).

П.Семенов пишет: «...Во-первых, я просил его (Е.П.Ковалевского. Б.К.) командировать поручика Чокана Валиханова, переодетым в его

---

* Начиная с Петра I, всем дипломатическим представительствам России за рубежом, вменялось в обязанность добывание ценной для Царя и Отечества разведывательной информации. Министерство иностранных дел по своим функциональным обязанностям, определенным Царем, формировал заграничные учреждения в основном торгового направления. Поэтому официальные представители были высокообразованными людьми, обладающими талантами не только дипломата или коммерсанта, но и разведчика. Подобные кадры подбирались постоянно из числа детей дворян, аристократов. Проводилось их длительное обучение, специальная подготовка соответствующими департаментами МИД России. Мы не будем категорически утверждать, что И.И.Захаров являлся профессиональным разведчиком. Но факт остается фактом, что он был одним из ценных сотрудников Министерства иностранных дел (Б.К.).

национальный костюм, в Кашгар для того, чтобы собрать обстоятельные сведения о гибели д-ра Адольфа Шлагинтвейта, одинаково интересующие как Русское и Берлинское географические общества, так и вообще весь образованный мир. Постараться собрать все, что могло уцелеть из добытых им материалов, дневников и т. д. По возвращении Валиханова из заграничной поездки я предложил дать ему возможность, оставаясь на службе при генерал-губернаторе, выехать в Петербург на продолжительное время для обработки этнографических и исторических материалов. При этом я обещал Валиханову широкое покровительство и содействие Географического общества». Из этого документа следует, что П.Семенов знал лишь в общих чертах, что собой представляет внешняя разведка. «Заявление П.Семенова, что он лично внес кандидатуру Ч.Валиханова как руководителя разведывательного мероприятия, не совсем верно» (К.Абенев).

Вместе с тем К.Гутковский, полковник Генерального штаба, как опытный разведчик и как начальник департамента Азиатского отделения МИД России в Казахстане, не мог оставить без внимания мнение П.Семенова и других ученых по разведыванию этого края. Е.Ковалевский, получив рапорт К.Гутковского о возможности направления экспедиции в сторону Кашгарии в интересах внешней политики России, согласовал с высшим руководством страны не только об операции, но, возможно, и кандидатуру Ч.Валиханова, как основного ее исполнителя.

Относительно того, кто все-таки является инициатором направления в Кашгар Чокана Валиханова, источники строят свои догадки. Одни считают его автором Г. Гасфорта, П.Семенова, другие — К.Гутковского, некоторые пишут, что предложение внес сам Чокан.

Главный биограф Чокана Валиханова, выдающийся казахский писатель С.Муканов в течение тридцати лет scrupulously занимался сбором материалов о нашем герое. Для этого он выезжал за границу, прошел практически по всем маршрутам путешественника в Кульджинском и Иссык-Кульском направлениях, общался с земляками и родственниками разведчика в Кушмуруне и Алтын-Эмеле. Писатель одновременно перепроверил утверждения А.Е.Врангеля о том, что Чокан был в Париже. Он убедился, что встреча старых друзей состоялась именно в Париже, и об этом он хотел подробно написать в четвертом томе своей книги. О том, что С.Муканову известен факт нахождения Чокана в Париже, написал также писатель Алексей Брагин. Подробно обо все этом Современный читатель может узнать в разделе «Был ли Чокан в Париже?»

С.Муканов убежден, что Александр Егорович Врангель является инициатором использования в качестве исполнителя операции Чокана Валиханова. Врангель, якобы, имел санкцию от имени правительства получить официальное согласие Чокана на совершение нелегального выхода за кордон.

Весной 1855 года в Омск приехал Семипалатинский прокурор или, как тогда именовалась эта должность, стряпчий уголовных дел барон Александр Егорович Врангель. Будущий выдающийся дипломат и ученый-археолог, а сейчас совсем молодой, чуть старше Чокана, юрист, он исполнял в Омске едва ли не первое сложное поручение Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Поручение это не имело никакого отношения к его прямым обязанностям стряпчего, но Врангеля в Петербурге знали как способного человека, к тому же известной фамилии, и исподволь готовили его к новому поприщу — поприщу разведчика.

Писатель отмечает: «Имея совершенно секретное поручение Центра, Врангель пришел к твердому убеждению, что нет более подходящего человека для разведывательного мероприятия в Среднюю и Центральную Азию, нежели кандидатура Чокана Валиханова. Однажды Александр Егорович напрямик высказал это свое мнение самому Чокану и в ответ получил твердое согласие. Чокан едва ли не в первый день беседы понял, куда клонит Врангель. Согласие он дал с немногословной оговоркой: «Если отпустит мой генерал», имея в виду Гасфорта. Перед этим, Александр Егорович, в целях разведки, предварительно заговорил с Федором Михайловичем о Ч. Валиханове, который о нем отозвался самым лестным образом.

- Люблю Чокана! — говорил Федор Михайлович. — Необыкновенная личность! Ни у кого я не встречал такой человечности. **И вот что удивительно, ведь совсем молодой офицер, а умеет о своей степи думать в государственных масштабах.** Да только ли о своей степи... Врангель решил, что Валиханов, возможно, и есть тот самый человек, которому следует поручить исследование малодоступных территорий Восточного Туркестана. (С.Муканов. Промелькнувший метеор. «Жазушы» Алматы. 1980, с.275-279).

В любом случае разработка плана нелегальной «ходки» дорабатывался в кабинете Е.П.Ковалевского. Он понимал, что дело это будет сопряжено со многими трудностями, «...но важность событий, кажется, требует того, чтобы мы решились на эту меру», — писал он в служебной записке на имя министра иностранных дел А. М. Горчакова.

В целях пресечения антироссийских действий Кокандского ханства, а также его негативного влияния на осложнение политической и оперативной обстановки в Семиречье Министерству иностранных дел России и его подразделениям на местах необходимо было проводить осторожную и дальновидную политику. Решение этой непростой задачи было возложено на группу ответственных работников секретных служб: Е.П.Ковалевскому, Г.А.Колпаковскому, А.Е.Врангелю, К.К. Гутковскому, М. М. Хоментовскому, М.Д. Перемышльскому, Чокану Валиханову и другим офицерам внешней разведки.

Весной 1857 г. Е.П.Ковалевский составил аналитическую справку в МИД России «О положении дел в Кашгаре и наши к ним отношения». В ней было указано: «Кашгар — обширная и плодоносная провинция, в которой считается более миллиона жителей, отдален от Китая; с юга он отдален от английских владений в Индии, к западу граничит с Афганистаном и Кокандскими владениями, и, наконец, на севере примыкает к части наших сомнительных владений дикокаменных киргизов. Географическое положение указывает уже на важность Кашгара в политическом отношении как для России, так и для Англии». (Архив МИД, ф. IV-3, д. 1, лл. 1-4; ГАОО, ф. 366, оп. 1, д. 257, лл. 1-6).

Как профессиональный разведчик Е. Ковалевский доказывал необходимость сбора информации о положении дел в Кашгарии и для этого считал необходимым провести закордонную операцию, в качестве исполнителя которой предложил «послать туда опытного и надежного офицера» (С.Бегалин). Из сказанного видно, что роль Ковалевского в организации экспедиции в Кашгар была огромна, что не раз отмечали многие авторы. Например, в приложении к указанной справке Ковалевский подчеркнул, что Восточный Туркестан или Кашгария, «предварительно были исследованы поручиком Валихановым и материалы его представляют неоценимый вклад в русскую и мировую науку». Министерство обратилось к государю санкционировать проведение данного мероприятия. Как только император наложил резолюцию, на имя генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорта поступил приказ о немедленной подготовке экспедиции в Кашгарию.

Гасфорт поручил это дело полковнику Гутковскому. Тот выехал в Семипалатинск и встретился с купцом Букашем Аупаевым, который знал, можно сказать, весь торговый мир Востока. Власти нередко прибегали к его помощи. И на этот раз он выручил Гутковского: вдвоем они подобрали восемь купцов, согласившихся везти в Кашгарию свой

товар. Караван должен был возглавить выходец из Кашгарии Мусабай Токтыбаев. У Мусабая там жили родственники, страну он знал хорошо, и поэтому представлялся полезным экспедиции.

Некоторые авторы утверждают, что «в посылке экспедиции* были заинтересованы ученые-географы». Оговоримся, что они имели в виду чисто научную экспедицию, а не проведение разведывательной операции. При этом для них было важно не само мероприятие, а стремление получить научную информацию**.

Проведение специальной операции с нелегальным выводом за кордон оперативной группы для сбора разведывательно-научной информации одновременно соответствовало интересам внешней политики русского правительства и было связано с общими политическими мероприятиями, которые проводились тогда на среднеазиатском Востоке. Спецслужбы России особенно активизировались во второй половине XIX века в связи «... с стремлением к максимальному расширению торговли с Востоком. Россия внимательно следила за политическими событиями в Восточном Туркестане. Летом 1857 г. консул в Кульдже И. И. Захаров сообщил, что «торговцы из Кокана и Ташкента не идут в Кульджу, сообщение с Кашгаром совершенно прекратилось» (ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 18, лл. 239-240.)

«В дальнейшем на основе полученных материалов предполагалось выработать общий политический курс в отношении стран Средней Азии. Главнейшие идеи этого курса были сформулированы в указанной записке Ковалевского и во «всеподданнейшем докладе» Департамента Генерального штаба от 22 августа 1857 г.» (Архив МИД, ф. IV-3, д. 1, л. 1-2).

А.Маргулан отмечает, что «в архивных фондах до сих пор хранится обширное дело, содержащее не только документальные материалы о Кашгарской экспедиции Валиханова, но и яркие страницы его биографии. Оно известно под названием «Об отправлении в Кашгар поручика султана Чокана Валиханова». (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35-695; Архив МИД, ф. IV-3, д. 1).

---

*Нами было отмечено, что в то время термины «разведка», «контрразведка», «специальные службы», «агентура», «разведывательная операция» не были известны и не употреблялись в официальных документах. Они заменялись терминами: «экспедиция», «миссия», «посольства», «посольские приказы» и т. д. (Б.К).

**Термин «информация» также не существовал, он появился в наши дни. А словосочетание «разведывательная информация» в документах спецслужб Казахстана стал употребляться примерно с 1970 года. (Б.К).

Мне представляется, что академик, как истинный ученый, интересовался лишь научными исследованиями Чокана, ошибочно придавая значение гуманитарной стороне экспедиции, организованной, с его точки зрения, чисто Географическим обществом России. Ему было сложно понять, что это общество являлось структурой прикрытия для российских секретных служб.

По данным этих документов, решение правительства об отправке экспедиции в Кашгар было принято 22 августа 1857 г., когда на «всепоподданнейшем докладе» военного министерства Александр II наложил резолюцию: «Согласен». После этого шла деловая переписка между отдельными государственными ведомствами о составе и времени снаряжения экспедиции. Военный министр в письме от 28 августа 1857 г. предложил Гасфурту принять на себя организацию экспедиции, «послать доверенное лицо под видом купца или купеческого приказчика в небольшом караване, составленном из татар или наших ташкентцев». (ГАОО, ф. 366, оп. 1, д. 257, лл. 7-9; ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 18. лл. 283-285.)

Как тогда, так и в наши дни все указания по линии спецслужб из центрального аппарата направляются на имя первого руководителя, который после ознакомления накладывает резолюцию и отправляет непосредственному исполнителю. Первому руководителю нет необходимости вникать во все детали, поскольку для этого существуют профессионалы. Поэтому историки ошибочно приписывают авторство закордонной операции Г. Гасфурту, который вообще не имел представления о тонкостях разведки. Да ему это и не нужно было. Главное для него — это конечный результат, за который он и несет ответственность перед руководством страны.

У меня до сих пор вызывает удивление, почему российская разведка включила в задание Чокану выяснение судьбы Адольфа Шлагинтвейта*, «отважного немецкого географа», которому покровительствовали английские власти в Индии. В описываемое нами время в Индии, Китае, а также в Восточном Туркестане находились не менее известные путешественники из той же Англии, Германии, Италии, Испании, которые имели больше оснований для поиска исчезнувшего фрянга.

А вот «у Семенова слухи о кашгарской смуте вызвали тревогу за Адольфа Шлагинтвейта». Опять же выглядит странным, что русский ученый так взволнован судьбой иностранца. «Еще раньше Петр Петрович попросил Чокана и Борамбая послать «своих людей в Кашгар и разузнать, не появлялся ли там путешественник-европеец». А вот это

уже чистой воды задание от имени спецслужб. Наша версия — А.Шлягинтвейт может быть связан, каким-то образом, с русской разведкой. Еще задолго до поездки в Кашгар Чокан поручил киргизскому манапу Бурамбаю через свои каналы, помимо прочего, выяснить судьбу и А. Шлягинтвейта. В этот момент Борамбай уже состоял в агентурной сети российских спецслужб. Чокан Валиханов завербовал киргизского манапа при выполнении задания внешней разведки на Иссык-Кульском направлении. Борамбай являлся предводителем самого крупного киргизского племени, который ранее обратился с просьбой о принятии в подданства России. После вербовки Чоканом Валихановым, он был сразу же определен в качестве агента-групповода.

П.П.Семенов во многих документах пытается подчеркнуть о своем авторстве в направлении Чокана в Кашгарию. Обратите внимание на такую цитату: «Егор Петрович принял меня, как уже знакомого ему, весьма радушно и очень много и подробно расспрашивал о китайской границе и о происходивших переговорах с китайцами в Чугучаке. Все его замечания и указания по китайским делам отличались верностью взгляда и были приняты мною с чувством глубокой признательности. Затем наша беседа оживилась воспоминаниями прошедшего и коснулась, между прочим, посылки нашего агента в Кашгар, для чего был избран Г. Х. Гасфортом молодой офицер Чокан Валиханов.» Здесь я должен сделать небольшой перерыв и сказать несколько слов о командировании Валиханова в Кашгар. Великий путешественник удачно употребил термин «агент» и даже обсуждал с начальником управления все детали операции. Не берусь категорически утверждать, что он был посвящен в детали операции, поскольку не являлся офицером Генерального штаба.

Следует отметить, что царское правительство могло, прикрываясь стремлением помочь «законным претендентам», более активно вмешаться в борьбу за Кашгар. Однако оно отказывалось от наступательных военных действий и ограничивалось лишь полумерами, то есть чисто агентурной разведкой. Это подтверждается и письмом министра иностранных дел А.М. Горчакова генерал-губернатору Западной Сибири от 1 ноября 1857 г. «Правительство наше, — писал А.М. Горчаков, — не предпринимая наступательных действий (имеются в виду военные операции с направлением в этот регион значительных сил армии.Б.К.), должно быть готово ко всем случайностям...», то есть полностью владеть оперативной обстановкой, для чего возникает необходимость проведения разведывательных операций. Такую

сложную задачу возможно было выполнить только путем направления опытного разведчика под соответствующим прикрытием, как это делалось до сих пор. Таким же методом активно осуществляют секретные операции и английская разведка, используя возможности своих резидентур в Индии и Афганистане.

Военный министр Н.О. Сухозанет, сообщив Г.Х. Гасфорду о принятых в Петербурге решениях по кашгарскому вопросу, подчеркнул, что русское правительство еще со времен Екатерины II обращало внимание на установление политических и торговых отношений с Кашгаром и во время переговоров, связанных с заключением Кульджинского трактата, безуспешно пыталось добиться учреждения в Кашгаре русской фактории. «Ныне нельзя не воспользоваться тем положением, в котором находится Кашгар в отношении к Китаю, — отмечал Сухозанет, имея в виду восстание Валихан-тюре, — а потому правительство наше решилось опять возобновить старание свое к учреждению хотя бы некоторых сношений с названной провинцией».

Получив такое предписание, Гасфорд не сумел понять истинный смысл этого документа и в ответном письме не нашел ничего лучшего, как представить программу резкого увеличения вооруженных сил России, сосредоточенных в Западной Сибири, для оказания немедленной поддержки восставшему Кашгару. «Любопытно его донесение в Военное министерство, испещренное пометками царя и военного министра, возражавших против энергичных планов командира Сибирского корпуса» (И.Стрелков).

«При настоящем затруднительном положении китайского правительства, — писал Гасфорд, — можно с большой вероятностью ожидать отторжения Кашгарии, но для упрочения самостоятельности этого владения необходимо, чтобы содействие другой державы было оказано оному вовремя, ибо иначе существование его не может быть продолжительным при значительной несоразмерности сил Кашгарии силам, которые огромная Китайская Империя... может противопоставить для установления там своего владычества».

Поэтому Гасфорд считал необходимым, наряду со сбором детальных сведений о положении в Кашгаре, «усилить военные способы наши в Заилийском крае для поддержания... независимости Кашгарии по восстановлении прежней (мусульманской) династии». Гасфорд отмечал далее, что в основу всей своей деятельности на посту генерал-губернатора Западной Сибири он ставил стремление утвердить влияние России в Заилийском крае, «ибо, — как он выражался, — присоединение Илийского края вообще я считаю одним из первых усилий

не только к утверждению нашей власти на сей окраине, но и для решительного влияния нашего на всю Среднюю Азию». (Пометка царя: «Преувеличено воображением»).

Излагая план сосредоточения войск в Западной Сибири, Гасфорд просил Военное министерство быстрее откликнуться на его предложения, чтобы к окончанию весенней распутицы он смог начать подготовку к осуществлению зимней кампании. Последнее соображение вызвало достаточно характерный отклик военного министра Сухозанета, отметившего на полях этого документа: «По крайней мере в скором времени сего ожидать невозможно, тем более, что сношения с Китаем не перестают быть миролюбивыми».

Высшие правительственные круги отнюдь не были склонны поддерживать воинственные настроения западносибирского генерал-губернатора. Гасфорду было сделано соответствующее внушение, и в следующем письме он уже дал отбой, заявляя, что вся его обширная программа была рассчитана лишь на необходимость «быть готовым к тем случайностям, которые возникнуть могут».

Сухозанет разъяснял Гасфорду, что «даже содействие материальными средствами предполагалось оказать в таком только случае, если бы в Кашгаре восстановлена была прежняя династия, не зависящая более от китайского правительства. Эти указания вели к тому заключению, что следовало всеми мерами избегать расходов для снаряжения экспедиции, которая едва ли теперь состоится, тем более, что из полученных разведывательных данных было видно, что потомки прежних владельцев кашгарских испытали неудачу...». Правительство Российской империи было намерено оказать материальную помощь представителям «бывшей династии ходжей» лишь в том случае, если бы им удалось собственными силами полностью утвердиться в Кашгаре».

«В 1858 г. по случаю непрерывных смут и восстания в Восточном Туркестане, неблагоприятно отражавшихся на подвластном России киргизском населении, правительство наше признало необходимым отправить доверенное лицо в Кашгар для получения на месте достоверных сведений о положении тамошнего края, а также для исследования торговых путей в этой части Средней Азии. Поручение было трудное и опасное; для исполнения оногo нужен был человек с большою решительностью, наблюдательным умом и притом такой, который бы знал татарский язык и восточные приемы, так как приходилось ехать переодетыми в азиатское платье. Снаряжение экспедиции было возложено на тогдашнего генерал-губернатора Западной Сибири Г. Х. Гасфорта, который избрал для предполагаемой цели состоявшие-

го при нем адъютанта поручика Ч.Ч. Валиханова (Ф.Р.Остен-Сакен «Памяти Чокана Валиханова.»СПб.,1886,с.9-11).

Сведения, привезенные Петром Петровичем Семеновым, во многом определили план действий, разработанный в дальнейшем Валихановым и Гутковским с помощью прибывшего из Кульджи Захарова. Все, что было подготовлено Чоканом прежде, потребовало пересмотра. Ведь он намеревался отправиться с караваном под видом купца в мирный торговый Кашгар и с целями прежде всего научными, что не мешало, а наоборот, способствовало успешному выполнению задания. А теперь речь шла о нелегальном проникновении в край, охваченный смутой, что не дает ему возможности свободного передвижения по стране «в интересах науки».

Однажды в беседе с П.П.Семеновым Чокан, вспоминая о своей поездке в Кульжу не то в шутку, не то всерьез, сказал: «В Кульдже меня даже принимали за китайца! Готов отправиться с караваном под именем купца в какой-нибудь крупный азиатский торговый город.» «Не в Кашгар ли мне отправиться для начала? Туда ходят караваны отсюда, из Семипалатинска...»

П.П.Семенов, по его словам, предложил Чокану Валиханову и осуществить поездку через Тянь-Шань в Кашгарию, или как в то время называли, Алтышар (Шестиградье). Кашгария, как и Тибет, были закрыты для европейцев. Валиханов же, как казах по происхождению, хорошо знавший родной язык, мог в составе купеческого каравана проникнуть в запретную область Центральной Азии с малой долей риска (Э.М.Мурзаев. Из Сборника).

Мы уже говорили, что П.Семенов мог высказать необходимость исследования неизвестного края больше с научных позиций. В своих воспоминаниях, написанных полвека спустя, Петр Петрович не забыл указать, что именно он дал совет Гасфорту послать поручика Валиханова в Кашгар. Семенова-Тянь-Шаньского не заподозришь в желании примазаться к чужой славе. Но странный был бы совет отправить кого-то к черту в зубы, если бы за этим не стояло желание самого поручика Валиханова. И к тому времени поручик Валиханов уже стал действительным членом Русского географического общества - был принят на общем собрании 21 февраля 1857 года по рекомендации Семенова, написанной после встречи в Семипалатинске. Диплом с изображением земного полушария свидетельствует потомкам, что казах Валиханов был первым среди русских путешественников, кого благословил на подвиг Семенов-Тянь-Шаньский. «...Руководителем экспедиции был назначен Ч. Ч. Валиханов, который получил инструкцию ехать инкогнито, под видом купца» (Б.А.Литвинский).

И вот 30 октября Гасфорт пишет военному министру: «В выборе чиновника для сего поручения я остановился на состоящем при мне для особых поручений поручике Валиханове. Офицер этот - сын достойнейшего киргизского султана, полковника Чингиса Валиханова, ныне старшего султана Кокчетавского округа, воспитывался в Сибирском кадетском корпусе в несомненной преданности правительству, с очень хорошими дарованиями, и на расторопность его вполне можно положиться. Сверх того, он хорошо ознакомился с историею и нынешним состоянием среднеазиатских владений и, будучи сам мусульманин, скорее русского чиновника может снискать доверие своих единоверцев». По утверждению военного историка К. Абенова для данной операции подбирался и дублер Чокана из числа военных разведчиков — казаха, который также работал в Азиатском Департаменте. Однако о ком идет речь, пока остается тайной.

Судя по рапорту Гасфорта, предложение было подготовлено Чоканом, Гутковским и Захаровым, причем в двух вариантах. Первый был рассчитан на благоприятный случай, который даст возможность поручику Валиханову отправиться в Кашгар, не дожидаясь каравана. Второй вариант вступал в силу, если сорвется первый: Чокан оставался на зиму в горах Киргизии для сбора поступающих из Кашгара разведывательных сведений, а весной присоединялся к каравану, снаряженному оперативной группой в составе надежной агентуры из числа семипалатинских купцов.

В начале декабря полковник К. Гутковский поехал в Семипалатинск. Опытный агент Букаш назвал ему примерный срок выхода каравана — не раньше апреля 1858 года. Требовалось время, чтобы купить товар на Ирбитской ярмарке. С пустяками в Кашгар не отправишься — любой человек понимает, что в опасные времена купцы рискуют только ради огромного барыша.

С санкции руководства разведки К. Гутковский посвятил Букаша Аупаева в часть операции, связанной с отработкой легенды для офицера Министерства иностранных дел, который должен провести научное исследование в Алтышаре. При этом для Букаша необязательно было знать, что Чокан - кадровый разведчик, и что едет он под прикрытием торговой экспедиции для выполнения конкретных оперативных заданий. В ходе обсуждения безопасных вариантов нахождения офицера в составе каравана Аупаев сообщил, что лет двадцать назад в Семипалатинск переехал кашгарский купец средней руки. Позднее он перебрался в Россию и открыл лавку в Саратове. Аупаев знал, что купец этот умер, а судьба его сына Алимбая неизвестна. Теперь он

был бы в возрасте Чокана. Так почему бы Чокану не назваться Алимбаем? Тогда его поездка в Кашгарию не вызовет никаких подозрений. Будет даже лучше, если он поведет караван: родственников Алимбая обрадует его достаток. Букаш обещал позаботиться о безопасности экспедиции... Для этого надо было заранее найти в Кашгаре старуху, сын которой уехал лет тридцать назад в Россию. Надо было удостовериться, что этот кашкарлык давно умер. Только тогда Букаш получит возможность распространить слухи, будто бы у купца-кашкарлыка остался сын сирота Алимбай, мечтающий вернуться на родину. И очевидно, затем потребовалось заручиться согласием кашгарской бабушки на приезд внука. Все это «фирма» Букаша проделала неторопливо, чтобы не возбудить подозрений. И если к весне 1858 года легенда об Алимбае уже могла быть использована, то, надо полагать, «фирма» занялась ее разработкой сразу же, в зиму 1856/57 года, не упуская горячей поры с декабря по март, когда приходят в казахскую степь караваны с крупнейших ярмарок России.

После получения санкции по отработке легенды — биографии Букаш стал выдавать Чокана за сына одного кашгарца, в действительности выехавшего в Россию еще в 30-х годах XIX века. Кашкарлык этот умер, кажется, в Саратове, оставив в России сироту-сына, чуть ли не одногодка Чокана. Букаш распустил слух, что молодой саратовский кашкарлык вскоре приедет к Мусабаю, своему родственнику и вместе с ним двинется дальше в Кашгар.

Чокану понравилась мысль купца, извещенный об этом Гасфорт, тоже ее одобрил. А Гутковский был просто счастлив: он очень тревожился за Чокана, пытался даже отговорить его от опасной затеи, но молодой ученый, одержимый жадой попасть в неведомый Алтышар, не желал ничего слушать. Перевоплощение Чокана в Алимбая, по мнению Гутковского, ограждало его от явного провала.

Современный читатель: - Судя по всему, превращение совершилось преотлично.

- По моему, он и сам настолько поверил в своего Алимбая, что позволил себе сохранить кое-какие привычки цивилизованного человека. Спал не на земле, а на походной железной кровати, пил чай из самовара. Ведь в конце концов подлинный Алимбай, которого он подменил, мальчиком был увезен в Саратов, вырос среди русских... Играя Алимбая, важно было не переборщить. В конце декабря Чокан покинул Омск. По пути в Верный он заехал в Семипалатинск и на явочной квартире окончательно условился с Букашем о караване, оставил ему свои дорожные вещи, в том числе и складную железную кровать, из-за которой потом будет столько разговоров.

В Семипалатинске Чокан пробыл несколько дней. Встречался ли он с Достоевским, никакие источники на это не указывают. В это время последний находился в этом городе, но Чокан в целях конспирации встречи с ним не искал. Однако И.Стрелкова сомневается, что встреча двух друзей могла не состояться и добавляет в художественном изображении встречу Чокана с Достоевским. Мало того, они успели побывать в обществе прекрасной женщины и пр., что не может иметь места при сложившейся ситуации. А впрочем, кто знает!

Но, подумайте сами — мог ли иметь место такой эпизод: «...О чем могли говорить Достоевский и Валиханов в эту встречу (хочется верить, что она все-таки состоялась. И.С.)? Очевидно, они оба втайне думали, что встреча может быть последней. При подобных обстоятельствах возникает откровенность кристальной чистоты. Откровенность Чокана должна была быть тем более отчаянной, что ему предстояло надолго замкнуться, вползти, как улитка в витушку, в обличье азиатского негоцианта Алимбая. Свое новое имя Чокан уже знал точно, вдалбливал в сознание, засыпал с ним и просыпался. И, прощаясь с именем, данным матерью, с мундиром русского офицера, он хотел ответить себе самому, а возможно, и Достоевскому на вопрос: если придется на плаху, если голова с плеч, то во имя чего?» Как видите, допущена полная расшифровка предстоящей операции, что могло обойтись Чокану очень дорого.

«Да, у него был честнейший ответ: во имя науки, во имя знания Европы об Азии, Азии о Европе, во имя единства казахского народа, у которого он первый получил русское образование и первый открыл непреложную истину, что общественное развитие казахов есть часть всероссийского прогресса». Но это не причина, чтобы кадровому офицеру военной разведки выбалтывать государственные секреты. Поэтому, считаем, что все это — домыслы писательницы.

Само собой разумеется, что окончательное решение в отношении Ч.Валиханова было принято только после детального обсуждения различных вариантов оперативного прикрытия разведчика. Вся сложность заключалась в том, что Чокан постоянно носил военную форму. По долгу службы и как султан он общался с большим числом людей. Он оказывал помощь многим, кто нуждался в его поддержке, участвовал в регулировании конфликтных ситуаций и вообще надолго запомнился как красивый офицер российской армии. Короче, он был очень популярен, что затрудняло работу оперативной группы вывода в вопросах отработки легенды — биографии.

Сказать откровенно, в плане соблюдения конспирации кандидатура Чокана, по большому счету, должна была отклонена. Помимо большого риска провала операции государственная казна потерпела бы огромные убытки, не говоря уже о том, что престижу России был бы нанесен невосполнимый ущерб. А это сыграло бы на руку английским спецслужбам. Да и китайская контрразведка придавала бы огласке факт ареста русского шпиона, что в свою очередь, могла подорвать ход политических урегулирований межгосударственных отношений, в которых Чокан ранее участвовал.

Однако, широкие разведывательные возможности Чокана, как эрудированного полиглота, испытанного бойца невидимого фронта и, главное, его неумное желание идти на выполнение данного задания, несмотря на большую вероятность провала, привели руководство внешней разведки к принятию рискованного решения продолжить поиски надежных путей легендирования разведоперации и оперативного прикрытия ее основного исполнителя — Чокана Валиханова.

Сапаргали Бегалин в книге «Чокан Валиханов» (Москва «Детская литература» 1976 С.132-133) пишет «...Трудно было ее организовать. Прежде всего следовало подобрать верных людей. Легко ли их найти? И можно ли послать с ними Чокана? А вдруг каким-нибудь образом откроется, что он- офицер русской армии? Тогда - верная гибель для всей экспедиции. Размыслив и так и эдак, Гасфорт поручил это дело полковнику Гутковскому.

Генерал-губернатор приказал отправить Гутковскому копию донесения и официальное письмо, в котором полковнику предлагалось ехать в Верный, вызвать туда поручика Валиханова и вместе с начальником Алатавского округа Перемышльским детально разработать маршрут каравана. Обо всем проделанном сообщить генерал-губернатору. Гутковский поспешил в Верный. Через несколько дней там оказался и Чокан» (С.Муканов)

При анализе данной цитаты автор обнаружил ряд неточностей и непоследовательностей при подготовке операции. Однако привел ее без изменений, признавая высочайший авторитет одного из основных чокановедов нашей страны. Писатель, не имея на руках необходимых документальных материалов, и не будучи профессионалом, тем не менее четко изложил сложность, трудновыполнимость и рискованность этой операции. Прежде всего Гасфорт, являясь первым руководителем, действительно был в курсе дела предстоящего мероприятия. Но не более того. Во-первых, он не был специалистом секрет-

ных служб. Во-вторых, он не пользовался высоким доверием Императора из-за национальной принадлежности и несуразных решений (создание для казахов новой религии, присвоения его имени горе и приставки «Заилийский» и пр). Вспомните, как его проигнорировал царь во время празднования коронации. Или как Колпаковский и Гутковский стремились не допустить встречи Чокана с ним после того, когда последний уже был экипирован под другое лицо.

Не может также соответствовать действительности действия профессионального разведчика К.Гутковского, который начал свою работу с подбора других членов разведгруппы, не отработав легенды прикрытия самого главного исполнителя. Разведывательные операции так не готовятся. Любое секретное мероприятие «подгоняется» под основного исполнителя. Это аксиома разведки.

В отношении Мусабая Тохтыбаева фраза о том, что власти «нередко прибегали к его помощи», «и на этот раз он выручил Гутковского» показывает, что он (М.Т.) относился к категории ценных агентов. Об этом мы могли убедиться, когда он получил почти равную с Чоканом награду от царя после выполнения задания. Переписка М.Тохтыбаева с руководителями разведки свидетельствует о большой эрудиции, порядочности и мужестве этого бесстрашного агента внешней разведки России. О нем упоминается вскользь во всех первоисточниках.

С.Бегалин и ряд других историков пишут, что «Гасфорт в письме предлагал идти через Кульджу*. Он полагал, что по проторенному пути Чокану будет легче добраться до Кашгарии». Но по зрелому размышлению был выбран другой маршрут: через владения киргизского рода бугы, далее по южной долине Иссык-Куля, через перевал Зауке. Этот путь сочли более удобным для прохождения большого каравана. Однако возникло новое осложнение: манап Боранбай умер, и купцы отказывались от рискованного предприятия. Они считали, что со смертью манапа вновь разгорится вражда между бугы и сарыбагышами. И, конечно, любой караван, следующий по владениям бугы, подвергнется нападению сарыбагышей.

В письме полковника Гутковского сообщены Вам различные указания мои по предмету возложенного на Вас поручения и требуется, чтобы Вы, собрав на месте сведения по сим указаниям, представили Ваши соображения, но таковых доньше от Вас не получено. Между тем получено новое повеление о непременно отправлении каравана по известному Вам направлению и назначению, и самое удобное к тому время уже наступило, а потому я предписываю Вам готовиться к

---

* Господину поручику султану Валиханов. 27 апреля 1858 г., Л. 41, г. Омск

поездке согласно первоначального повеления, Вам данного, выждав в Верном прибытия полковника Гутковского, который вместе с сим отсюда отправляется для изустных с подполковником Перемышльским и с Вами по сему делу совещаний. Ваш доброжелательный и преданный *Г. Гасфорт*.

Впервые за многие годы Чокан расстался с военным мундиром. Наголо обритый, в камзоле с короткими рукавами, в длинном восточном халате, традиционной тюбетейке и мягких сапогах-ичигах он выглядел симпатичным молодым купцом. Резкий разлет бровей и цепкий взгляд свидетельствовали о напористом характере. Держался он горделиво, если не сказать — надменно. Увидев впервые своего юного друга в таком облиции, Карл Казимирович восхищенно расхохотался.

Всего несколько человек знали эту тайну, однако Чокан и Гутковский приняли целый ряд мер предосторожности, чтобы, не дай бог, кто-нибудь чего-нибудь «не пронюхал». В частности, Чокан не выезжал из Джетысу вплоть до самого лета 1858 года, когда туда прибыл экспедиционный караван.

В июне 1858 г. он отправился из Семипалатинска в путь вместе с караваном, объяснив участникам экспедиции, что он является родственником караванбаши.

Чокан Валиханов пишет: «28 июня я присоединился к каравану на урочище Карамола. Караван состоял из 6 кошов, или «огней», принадлежащих восьми разным лицам, из 42 человек (считая и меня), из 101 верблюда, 65 лошадей и товаров на 18300 рублей и 32 копейки (по обложению в таможене) и примерно на 400 руб. товару мелочного. Караван был снаряжен семипалатинскими азиатами и принадлежал семи лицам. Походный состав его был следующий: 1 караванбаши, 7 приказчиков и 34 человека прислуги. При караване было 6 походных юрт, верблюдов 101, лошадей 65 и товаров на 18545 рублей серебром. После совещания с караванбаши я принял имя Алимбая и назвался кокандским подданным, сыном маргеланского выходца. В качестве родственника караванбаши я получил в свое управление отдельную часть и одну походную юрту. Для предупреждения разногласия членам каравана было объявлено мое новое имя и происхождение».

«Чокан Валиханов первым проник в запретную для ученых область древней Центральной Азии. Может быть, с риском для жизни, так как в конце его пребывания в Кашгаре появились подозрения в достоверности его купеческой миссии» (Э.М.Мурзаев. Географическое наследие Ч.Валиханова. Из Сборника).

Ряд источников указывает, что Ч. Валиханов получил «секретное предписание генштаба и большую сумму денег на выполнение военно-

разведывательной задачи». Теперь офицер Валиханов стал кокандским подданным- купцом Алимбаем. Он сбрил волосы на голове, надел тюбетейку, бешмет, накупил русских товаров и присоединился к семипалатинскому каравану купцов Букаша и Мусабая, который отправлялся в Кашгарию, где проживали родственники «купца» Алимбая.

«После трехмесячного пути караван прибыл в г. Кашгар. В Кашгарии существовал обычай, по которому иностранцы во время пребывания здесь могут вступить во временный брак, совершаемый по формам, установленным шариатом. Женился и Валиханов; от жены он получил много полезных сведений. Через приехавших из Семипалатинска ташкентцев в Кашгарии распространился слух, что при караване есть русский агент. Поэтому, распродав товары, караван поспешил домой и весною 1859 г. вернулся в Верный, после 10 с половиной месяцев отлучки. В караване было товаров на 19 тысяч рублей серебром. В обмен на товары от киргизов приобретено 3026 баранов, каковые проданы в Кашгаре за 4068 кокандских золотых, стоимостью каждый 3 руб. 70 коп. Из Кашгара вывезли в Россию чай, дабу, полушелковую материю и серебро в ямбах» (Л.С. Берг «Всесоюзное географическое общество за сто лет». М.-Л., 1946, с. 110-112).

В январе 1859 г. над разведчиком нависла смертельная опасность. В Кашгаре все-таки появился слух о том, что при караване Мусабая есть русский офицер. Надо было спастись. Семипалатинский караван спешно отправляется в обратный путь. По пути кокандцы остановили купцов и потребовали выдать русского офицера. Мусабай откупился от них, и караван благополучно добрался до Верного (ныне - Алма-Ата). Однако караван Мусабая не был обычным торговым предприятием. Самое неприятное могло случиться во владениях сарыбагышей- племени, находящегося с Россией в состоянии войны. И случилось. Каким-то образом манап сарыбагышей Турегельды прознал, что Валиханов, которого его люди видели в Верном в мундире поручика русской армии, — это и есть «купец Алимбай». Несмотря на полученные («через вымогательство!») товары на 356 рублей, алчный Турегельды потирал руки, предвкушая куш, который он получит за голову Валиханова в Коканде (И.Стрелкова).

Но счастье и на этот раз не отвернулось от Чокана. Высланный из Верного для встречи каравана казачий отряд успел вовремя. И уже 12 апреля Валиханов был в Верном.

- С благополучным возвращением, Чокан Чингисович! А мы уж все глаза проглядели.

Это был новый начальник Алатавского округа и казахов Большой орды Герасим Алексеевич Колпаковский, переведенный в Верный из Березова, умный и честный человек, начавший службу с низших чинов.

«Книга для записи прошедших караванов, частных лиц и других через укрепление Верный» свидетельствует о том, что поручик Валиханов, несмотря на болезнь, оставался там всего 13 дней и поспешил в Семипалатинск, один, на телеге, намного опередив медленно передвигавшийся караван. Источники отмечают различные сроки нахождения каравана в Кашгарии - от шести месяцев до одного года. Достоверно известно, что караван вышел в обратный путь 11 марта 1859 года. 12 апреля этого же года Валиханов уже был в укреплении Верном, то есть после 10 месяцев и 14 дней «трудного путешествия».

Валиханов доложил Гасфорту об успешном выполнении поручений (читай «разведывательного задания») Генерального штаба. Более шести месяцев поручик (разведчик.Б.К.) Валиханов обрабатывал добытые им сведения о Кашгарии. Немногим было неизвестно то, что, находясь в условиях конспиративной квартиры, русский разведчик составлял научный отчет о нелегальной «ходке» за кордон. Он не мог выехать в Центр до тех пор, пока его отчет не получит предварительной оценки аналитиков, и он не получит предписание о временном командировании в Петербург, как этого требовал Устав о прохождении воинской службы в царской армии, о чем изложено в главе «Чокан Валиханов в Санкт-Петербурге.»

Вслед за военным курьером, доставившим отчет в Генеральный штаб, в Санкт-Петербург отправляется и сам автор, теперь уже с санкции Центра и получении соответствующих документов и денежного предписания. Там он был встречен как героически отличившийся офицер. Военный министр обратился к царю с ходатайством о награждении поручика Валиханова. С формулировкой «За отличную, усердную, ревностную службу» император Александр II пожаловал его кавалером ордена Святого Владимира, а также произвел в штабс-ротмистры. За усердный труд и спасение русского офицера Валиханова от кокандского плена и содействие в успешном выполнении секретной миссии золотыми медалями были награждены купцы Мусабай и Букаш.

О своем подвиге Чокан пишет скромно и коротко: «В конце 1859 года мне удалось с кокандским караваном в качестве кокандского купца проникнуть в Кашгар, в котором после знаменитого Марко Поло (1272) и иезуита Гоеса (1603) были только два европейца: немец, офицер Ост-индийской службы, неизвестный по фамилии, после которого сохранился довольно любопытный маршрут и записка о его путешествии, и ученый-пруссак Адольф Шлагинтвейт. Первый из них был бит в Кашгаре бамбуками так больно, что два дня не мог садиться на лошадь, второму же — отсечена голова и поставлена на башню из

человеческих голов», — писал о своих предшественниках в «Очерках о Джунгарии» сам Чокан Валиханов.

Самым драматическим и опасным моментом кашгарской миссии Чокана Валиханова было его возвращение, временами сильно напоминающее бегство, уход от погони со скачками, стрельбой, разбойниками на дороге, постоянно меняющейся ситуацией, непрерывной ложью во имя спасения и воистину кинематографичным вмешательством случая.

В эпоху Валиханова в разведке не было еще никакой мобильной связи. Потому каждый резидент в те времена не должен был согласовывать ни с кем свою тактику в тылу, был сам себе начальник и поступал так, как велело ему чутье разведчика и как подсказывала ситуация. Самым сложным было в условиях перманентной опасности адекватно оценить степень риска, чтобы не сорваться с места раньше времени и не упустить последнего момента для безопасного ухода.

Тень казненного Шлагинтвейта была постоянной спутницей Валиханова во все время его пребывания в Кашгаре. Жизнь самого Чокана часто висела на пеньковой веревке случая. Каждодневно меняющиеся условия постоянно обновляли степень риска, неся с собой все новые моменты постоянной опасности разоблачения. Слухи о том, что в пришедшем караване Мусабая «скрывается русский», витали с первого дня прибытия в Кашгар. «Мне упорно кажется, что туземные власти (китайцам было не до того — сами выживали) города если не знали, то наверняка догадывались о том, что молодой купец Алимбай не так прост, как хочет казаться. Но тем не менее они не только не раскрыли разведчика, но даже и не попытались этого сделать. Почему?», — спрашивает один из источников. Попытки разоблачения были, но Чокан обезопасил себя, установив доверительные отношения с самим Нурмухаммедом — датхой. Помимо прочего, личный телохранитель последнего Тохтар оказался из одного рода с Чоканом, чем он воспользовался незамедлительно и установил «родственные» отношения. А женитьба на Чаукен и связанная с этим пышная свадьба? *Современный читатель* не забыл, что к нему приезжали «родственники» из Турфана; они привезли много подарков молодому и богатому купцу Алимбаю.

К. Гутковский несколько раз отмечал высокий артистизм Чокана, его умение мгновенно перевоплощаться в искомый образ: там, где необходимо, он мог владеть собой и не выдавать своих чувств. А. Сотников дал такую же характеристику, когда рекомендовал в кадетский корпус двенадцатилетнего Чокана. Поэтому догадки догадками, а конкретно никто не располагал данными, что Чокан является разведчиком.

Глубоко ошибочной является следующая версия историка И. Стрелковой: «...Важнее то, что за спиной Валиханова маячил могучий

силуэт Российской империи. Приход ее в Восточный Туркестан рассматривался как местными «аналитиками», так и британскими оппонентами по ту сторону Гималаев лишь как вопрос времени. Стремительность, с которой империя подминала под себя разодранную распрями Среднюю Азию, не оставляла сомнений в серьезности ее намерений. Никаких реальных сил, способных противостоять России в этом регионе, не было. Китай несколько десятилетий демонстрировал свою полную недееспособность, Британия могла лишь скрежетать зубами из-за гор, а местные государства с упоением дрались за власть и терзали друг друга.

Нужно ли было в такой ситуации кому-то из местных разоблачать резидента могучей страны, которая не сегодня-завтра может стать тут хозяином? Вряд ли. Тем более если учесть, что туземное начальство, «аксакалы» Кашгара, были людьми торговыми и в душе мечтали о временах стабильности, пусть даже под властью христианской России. Складывается впечатление, что они даже заискивали перед полурегальным агентом, - Алимбай — Чокан недаром был в Кашгаре на особом положении. В довершение ко всему он даже получил от местных властей право передвигаться по городу после 9 вечера, когда начинался «комендантский час».

Грубая и ничем необоснованная аргументация. Если бы местные «аналитики» и еще хуже, англичане, узнали, что Чокан просто даже русский офицер, ему бы не сносить головы — он был бы казнен как русский шпион. Совершенно очевидно, что правители Кашагара были особенно агрессивно настроены против экспансии со стороны России, поэтому караван-прикрытие был залегендирован под флагом дружественного кокандского или андижанского вилаятов. Тем не менее расслабляться не позволялось. Внутренняя ситуация в соседнем Коканде менялась быстро, и каждая такая перемена несла полнейшую неопределенность Кашгару.

Валиханов вернулся в Россию героем. Благодаря кашгарской операции о нем узнал мир, а через него многие впервые слышали о глубинных процессах в Восточном Туркестане. Я не буду писать об уникальных результатах этой экспедиции - наука получила свое, правительство — свое, спецслужбы — ценную разведывательную информацию. Однако на одном результате миссии, ускользающем от многих исследователей, хотел бы все же остановиться.

Много лет нам рассказывали о нем исключительно как о просветителе, историке и этнографе. Все это правда. Но до последнего времени никто не акцентировал свое внимание на том, что «путешествие» в 1859 году в Кашгар султана Чокана Валиханова с легендой мусуль-

манского купца Алимбая Абдиллабаева, кокандского подданного и сына маргеланского (ферганского) выходца, являлось не чем иным, как нелегальной заброской на территорию иностранного государства профессионального военного разведчика-азиата, который успешно собрал ценнейшие военно-политические и социально-коммерческие сведения и благополучно вернулся обратно.

Разведчик Чокан Валиханов впервые проник нелегально на территорию соседней страны, Кашгарии, номинально включенной в Китай, где оперативная обстановка того времени характеризовалась как весьма сложная, с жестким контрразведывательным режимом, поскольку у нее не было территориальной целостности. Кроме того, она находилась между двумя огромными сильными государствами — императорским Китаем и царской Россией, бывшими тогда, мягко говоря, « в напряженных отношениях » (И.Попов). Следовательно, Кашгария была регионом стратегического значения и объектом разведывательного проникновения не только для этих двух государств, но и имела приоритет для ряда европейских стран, для которых «яблоко раздора» было любимым инструментом колониальной политики.

Судя по записям архивного дела, в оперативной игре участвовали и английские, и немецкие, и австрийские, и голландские разведчики под видом «путешественников» (В.Обухов), которых беспощадно казнил кашгарский паша, догадываясь об их истинных целях. Кашгария состояла из шести крупных городов :Яркент, Хотан, Кашгар, Аксу, Янысар и Турфан (Ч.Валиханов), каждый из которых вместе с окрестными селениями считался независимым округом, а сама страна в оригинале называлась Алтышар (Шесть городов) . Все эти города представляли для спецслужб разведывательный интерес. Об этом подробно изложено в главе «Схватка спецслужб за Среднюю Азию».

Все, что Чокан узнал об экономике, политической жизни, истории, географии, этнографии Кашгара - а собрал он, в основном, через агентуру удивительный по полноте и глубине материал, - далось ему напряженнейшим трудом. ***Разведывательная информация, представленная Чоканом, составляла цельную картину агентурно-оперативной обстановки, военно-политического, социально- экономического положения в Кашгарии. По представленным отчетам Чокана по Кашгарии и вообще о Восточном Туркестане Центром была вынесено решение о блестящем выполнении разведчиком-ученым полученного им задания. Как начальник внешней разведки Егор Петрович Ковалевский высоко оценил результаты специальной командировки за рубеж, назвав при этом Чокана «гениальным молодым человеком.»***

Доигрался, подлец!
Сталин о Гитлере

Каждый тиран должен знать размер своей шеи
Владимеж Счисловский

ВОЗМЕЗДИЕ

*Оперативная обстановка в Кашгарии. Смена правителей.
Господство Валихана-торе. Кровавый беспредел. Пирамида.
«Апофеоз войны» В.В.Верецагина. Безуспешные подходы.
Вербовка исполнителя. Возмездие. Выход из игры.*

В своем оперативном отчете о результатах выполнения задания за границей Чокан Валиханов указал следующее: «В 1857 году Правитель Кашгарии ходжа Валихан-торе в сопровождении семи человек кашгарских эмигрантов бежал из Коканда, переманил на свою сторону небольшой отряд солдат, шедших из Кашгара для сбора подати с киргизов, и, расставив караулы, отрезал все пути сообщения с городом. Потом послал собирать киргизское ополчение. Несколько кашгарских беков, отправленных китайцами для проверки слухов о набеге, были пойманы и представлены ходжа Валихану-торе, который, не вступая ни в какие разговоры, собственноручно отрубил им головы. На другой день ходжа проник в китайский пикет и тоже собственной саблей изрубил весь отряд китайцев, спокойно куривших опиум. К утру следующего дня ходжа взорвал ворота Кашгара захваченным на пикете порохом и послал верхового провозгласить свое имя по улицам. Город поднялся; все китайцы были избиты, а их дома и лавки разграблены. Все беки, не успевшие бежать, были собственноручно изрублены ходжой. Восстание росло быстро, и уже войско из 70 тысяч сипаев (кавалерии) и 4 тысяч сарбазов (пехоты) было в распоряжении Валихана-торе. Он имел даже артиллерию и отливал пушки в самом Кашгаре. Города один за другим сдавались. В продолжение 110 дней ходжа был неограниченным владыкою Кашгара. Но надо было много фанатической преданности со стороны народа для того, чтобы переносить это владычество. Куря постоянно гашиш, Валихан-торе дошел до какого-то сумасбродства, тирании и проливать кровь сделалось для него потребностью. Он не мог провести дня, не изрубив своею рукою нескольких человек. На берегах реки Кызыл он воздвигнул пирамиду из человеческих голов и только о том и заботился, чтобы

этот достойный его монумент возвышался все более и более. Все срубленные головы убитых китайцев и мусульман присылались сюда из разных мест и поступали в пирамиду. Один европеец, выдавший себя за английского агента для большей безопасности, как он думал, был казнен ходжой за то, что бумаги его не подтвердили этого, и голова поступила в пирамиду. Европеец этот был, по всем вероятностям, знаменитый прусский ученый Шлагинтвейт. Следующие черты лучше других свидетельствуют о том, что значила жизнь человеческая в глазах Валихан-торе. Однажды ходжа пригласил к себе несколько почетных кашгарцев в гости. Явилась музыка. Вдруг посреди самого разгара пиршества раздались грозные слова хозяина: «Палача сюда!». Все помертвели, не зная, на кого падет выбор. Ходжа указал на музыканта, посмеявшегося зевнуть. Тут же отрубленную голову несчастного велено было отнести на пирамиду. Радость избавления от неистового ходжи была всеобщей, когда китайцы, наконец, овладели снова Кашгаром, обессиленным и усталым. Но тут начались новые жестокости победителей, и кровь продолжала обмывать Кашгар еще долгое время...

Чокан Валиханов — единственный из «европейцев», кто ступил на эту землю. Между тем политическая обстановка в ханстве изменилась, благодаря чему Валиханову удалось осуществить свою экспедицию. В то время там происходило восстание местного населения против Китая, которому оно платило непосильную дань. Восстанием руководил ходжа Валихан-торе. Этот ходжа, славившийся во всей Средней Азии своей жестокостью, казнил прибывшего туда немецкого путешественника» (Л.Ерман, XIX, 579). *Современный читатель* несколько позже узнает, что имел в виду один из самых компетентных историков своего времени, заявляя, что «Валиханову удалось осуществить свою экспедицию».

Для реализации пункта семь, утвержденного Царем внешнеполитического мероприятия по Среднеазиатскому региону, Чокану Валиханову, по мнению военных историков, были выданы наличными «большие деньги» (Н.Кудрявцев), «разумно используя которых», он мог действовать самостоятельно и принимать решения на месте в зависимости от складывающейся оперативной обстановки. Подобные действия секретных служб в те времена считались вполне нормальными, поскольку не имелось телеграфных сообщений и на получение санкции на проведение специальных операций ушли бы не дни, а месяцы.

Описанная мною в предыдущей главе поездка Чокана Валиханова на Иссык-Куль в составе экспедиции Хоментовского заключалась не только в склонении киргизских племен к подданству России. Он должен был создать надежные агентурные позиции в этом регионе,

для чего один, верхом на лошади, с разрешения Хоментовского, не посвящая его в суть своего отсутствия, направлялся в разные киргизские айлы, где встречался с главами родов и устанавливал с ними агентурные или доверительные отношения. Теперь можно об этом говорить открытым текстом — задача Чокана была гораздо сложнее, поскольку, находясь в качестве официального члена экспедиции, он одновременно должен был через агентуру и другие возможности добыть сведения о ситуации в Кашгарии, точнее о Валихан-ходже.

Из официальной историографии, которая опирается в основном на исследования Чокана Валиханова, нам хорошо известно, что в Восточный Туркестан исламская религия насаждалась насильственно, как говорится, с мечом в руках. Она пользовалась покровительством одного из потомков Чингисхана — хана Туглук-Тимура, жившего в конце XIV века. Сильнейшее духовное влияние ислама шло с запада. В XIV и XV веках Бухара и Самарканд стали центрами религиозной учености Востока. Один из бухарских чудотворцев, потомок Мохаммета ходжа Махтуми Азиям, переехал в середине XVI века из Бухары в Кашгар, получил от кашгарских ханов богатые поместья.

От этого святого и пошли кашгарские ходжи, составляющие особый привилегированный класс и добившиеся со временем светской власти. Валиханову стоило немалых трудов воссоздать всю генеалогию кашгарских ходжей и неприглядную историю этого теократического правления. Уже после смерти Махтуми Азияма распри между двумя его сыновьями поделили все население Восточного Туркестана на две враждующие партии, на, так называемых, белогорцев и черногорцев. Но Кашгар дорого заплатил за противоборство между ходжами — претендентами на престол. Междоусобицы способствовали захвату Восточного Туркестана сначала джунгарами — Галдан-Цереном, врагом Аблая, а потом, к середине XVIII века — Поднебесной империей. Как следствие, казахи Старшего жуза присягнули на вечное подданство России в начале 40-х годов XIX в., и в связи с этим в 1845 г. была заложена новая крепость Капал. Укрепления Верного тогда еще не было. (ГАОО, ф. 366, оп. 1, д. 240, лл. 1—18; ЦГА УзССР, ф. 715, оп. 1, д. 17, л. 153).

По данным источников династия ходжей, укрывшаяся у кокандского хана, сохранила огромное влияние на мусульман Восточного Туркестана. Этим не преминул воспользоваться Коканд, чтобы утвердить свое особое влияние в далекой от Пекина китайской провинции. Как известно, в 1847 году произошел пресловутый «бунт семи ходжей», подавленный с обычной для китайских властей жестокостью. Спасаясь от расправы, 20 тысяч кашгарцев бежали из города и почти все

погибли в горах Теректы от сильных морозов. Обо всем этом Чокану рассказывали очевидцы событий. Задолго до нелегального выхода за кордон Чокан уже составил полную картину сложившейся ситуации о том, что Джангира поддерживал не только хан Коканда. При ходже видели английских советников. Скорее, не без участия последних китайскими войсками восстание было подавлено, а ходжа отвезен в Пекин и там казнен.

Так, посланные Чоканом в Кашгар «верные люди», в том числе и через возможности негласного источника Борамбая, вернулись с неутешительными сведениями: «... Кашгаром правит ходжа Валихан-торе. По его приказу в городе каждый день происходят казни. Один знатный ученый фрянг (европеец. Б.К.) прибыл в Кашгар еще зимой. Фрянг понравился Валихану-торе, и ходжа приказал отыскать для него надежного проводника из киргизов. Но вдруг по неизвестной причине Валихан-торе отобрал у фрянга весь товар, а самого посадил в тюрьму. Потом фряngu принародно отрубили голову. Это видели и об этом рассказывали бугинцам многие горожане. В данном эпизоде наглядно просматривается, что Чокан, находясь на Иссык-Куле уже проводил закордонные мероприятия путем засылки агентуры в разведываемую страну, то есть в Кашгарию. Становится очевидным также то, что Чокан именно на основе добытых им разведывательных данных в отношении Кашгара, подспудно готовил почву для нелегального посещения этого региона.

Современник нашего героя Л.С.Берг пишет: «Военный разведчик Чокан Валиханов «послан был в Кашгар, дабы узнать на месте, что делается там после захвата власти ходжой Валихан-торе, злодеем, совершенно исключительным даже для Кашгарии, выдавшей всякие виды.» (« Всесоюзное географическое общество за сто лет». М.-Л., 1946, с.110).

И.Стрелкова отмечает: «...Петр Петрович искренне оплакивал(?) отважного немецкого географа Адольфа Шлагинтвейта. Но когда Семенов с большой печалью (?) рассказывал в Омске Валиханову и Гутковскому о гибели немецкого географа, они-то могли видеть за путешествием географа определенные цели покровительствовавших ему английских властей в Индии. Не случайно, значит, пришел хабар из тех мест, где англичане возбуждают жителей Восточного Туркестана против маньчжурской династии и одновременно против России».

Были получены также сведения, что в Кашгаре считают его за английского агента, но, судя по времени и по тем сведениям, которые получены в Европе, можно с достоверностью заключить, что европеец, казненный в Кашгаре летом 1857 года, был не кто иной, как прусский путешественник Адольф Шлагинтвейт. Имушество его и бума-

ги достались, очевидно, в руки ходжи, или одному индусу и судьба их неизвестна. Чокан дорого бы дал, чтобы узнать, о чем писали англичане Худояр-хану, но Нурмагаммет-датха или не видел писем, или не хотел сказать. Он только сообщил Чокану, что индус остался жив и до сих пор живет в Яркенде. Разведчик оставил на позднее время поездку туда, чтобы встретиться с этим человеком и выяснить все, что касается казненного Шлагинтвейта. Вещи, а значит, и все инструменты, коллекции, записи, возможно, остались у этого индуса или попали в руки Валихана-торе. Получив такие сведения из первых рук, Чокан понял, что вопреки надеждам Петра Петровича Семенова, скорее всего, он не привезет из Кашгара научное наследие Адольфа Шлагинтвейта, а только сможет подтвердить достоверность добытых бугинцами известий.

Путешественник Шлагинтвейт был приведен во дворец хаким-бека, где Валихан-торэ уже начал свой день с курения гашиша. Ходжа грубо приказал отдать ему письма из Британской Индии. Шлагинтвейт, собрав мужество, ответил отказом и прибавил, что послания он может вручить только самому Худояр-хану. Валихан-торе в бешенстве отдал приказ о казни дерзкого фрянга, мгновенно забыв о том, что хотел просить у ученого-иноземца совета насчет обороны города.

В августе 1857 года кашгарская временная жена Чокана - Чаукен своими глазами видела, как палачи Валихана-торе волокли под руки через весь город высокого чужеземца. На нем был туземный наряд, ветер играл длинными светлыми волосами смертника. Его вели к воротам Кунь-дарваза мимо китайской слободы и пруда на Янги-Шаарскую дорогу. Впереди был виден мост через Кызылсу. Где-то возле начала земляной плотины находилось место, где производились смертные казни. Адольфа Шлагинтвейта повергли на колени, и палач, широко размахнувшись мечом, отделил голову от туловища.

Чокан вспоминает: « Он шел из Индии в Коканд и имел при себе письма Худояр-хану. Валихан-торе принял его с почетом. Но на беду властитель Кашгара в тот день с утра накурился гашиша. Он потребовал, чтобы письма из Британской Индии были показаны ему. Шлагинтвейт * отказался. Валихан-торе приказал отрубить голову дерзкому чужестранцу и вернулся к гашишу. «... Вот какие веселые истории мне

---

* Шлагинтвейт Адольф (1829—1857) — немецкий ученый, географ, естествоиспытатель и путешественник. В 1854—1857 гг. исследовал ряд районов Индии и Центральной Азии, собрал обширный материал по географии и этнографии, дал описание своего путешествия, изданное на английском и немецком языках. Первые известия о его трагической гибели привез из своего путешествия Ч. Валиханов (Б.К.)

рассказывала моя Чаукен, не догадываясь даже, какого сорта мой интерес к судьбе, слетевшей с плеч светловолосой головы» (Ч.Валиханов).

Летом 1857 года в одной из книжек «Вестника» Русского географического общества было напечатано письмо ученого-баварца Адольфа Шлагинтвейта. В письме сообщалось, что путешественник исследовал ледники Гималаев, составил карту этих гор в их западной части — от Сетледжа до Инда. Чокан, по рассказам Петра Семенова, имел полное представление об Адольфе Шлагинтвейте, даже о его внешности. В ту пору ему было двадцать восемь лет, он был высок ростом и носил длинные волосы. Успел пройти курс геологических наук в Мюнхене и вместе со своим старшим братом Германом вскоре поднялся на альпийские вершины. Братья пополняли свои знания, готовясь к походу. Они шли в Индию, а оттуда — в Центральную Азию. В путешествиях участвовал третий брат — Роберт. Дороги их разошлись в Бомбее, и Шлагинтвейты договорились, где им встретиться.

Адольфу и Роберту удалось пройти через северо-западные области Индии и подняться на Гималаи. В следующем году Роберт и Герман добрались до Ладака, преодолели Каракорум и ценой огромных усилий достигли каменных громад Куньлуня. Тем временем Адольф Шлагинтвейт бродил в верховьях Инда.

Впоследствии на месте казни Шлагинтвейта опять же хлопотами П. П. Семенова-Тянь-Шаньского Русское географическое общество поставило памятник. Почему такая забота, спросите. Все дело в том, что пристальная заинтересованность российской внешней разведки в судьбе А.Шлагинтвейта, немецкого географа под английской протекцией, и поставленный памятник, наглядно свидетельствуют только об одном- он являлся агентом или сотрудником внешней разведки русских. Это подтверждается также определением Чокану разведывательного задания в отношении выяснения судьбы европейца и получения возможно оставленные им секретные материалы.

Кашгар принадлежит к числу окружных городов в китайской провинции Нан-Лу (Южной линии) и пользуется, можно сказать, со времени П т о л о м е я большой караванной известностью, особенно по своей обширной торговле чаем. Кашгар для Азии имеет такое же значение, как Кяхта для нас, Шанхай и Кантон для других европейцев. Кроме того, город этот славится на востоке обаятельными женщинами (Ч.Валиханов, там же).

Как известно, накануне возвращения домой в пути следования в Яркенд Ч.Валиханова застали тревожные вести о том, что на Кашгар вновь собирается напасть Валихан-торе. Почему он намеревался один

посетить Яркенд, историки толком объяснить не могли и посчитали эту поездку как научную. На самом деле Чокан туда ехал с целью встретиться с индусом, находившимся постоянно при Шлягинтвейте, чтобы получить от него дополнительные сведения о судьбе своего коллеги и забрать или выкупить, возможно, имеющиеся при нем записи и другие материалы австрийца. Но вернемся к недавней истории.

Используя антимаңчжурские настроения, Валихан-торе в короткий срок утвердил свою власть на обширной территории. Но успехи Валихан-торе продолжались до тех пор, пока он опирался на народные массы, борьба которых имела характер антифеодальной крестьянской войны. В Кашгаре был установлен режим кровавого деспотизма, мало чем отличавшийся от гнета маңчжуро-китайских феодалов. Валихан-торе восстановил против себя не только широкие народные массы, но и зажиточные слои населения, которые были недовольны, во-первых, отсутствием гарантий безопасности их жизни и имущества; во-вторых, тем, что доходные места и высшие должности в армии были распределены между пришедшими из Кокандского ханства сподвижниками ходжи. (Политика России в Средней Азии (1847-1868) Глава II. Подготовка царской России к экспансии в Средней Азии (1857—1858); <http://www.youtube.com/watch>)

Валихан-торе был потомком Аппака. Его отец Юсуф-ходжа в свое время затевал мятеж в Кашгаре. Сам Валихан-торе, не задумываясь, примкнул к восстанию 1847 года. Он, как и остальные ходжи из числа знаменитой семерки, был повинен в гибели множества кашгарцев, пытавшихся уйти вслед за изгнанными «потомками Магомета» в Фергану — через Теректы-Даван. Тысячи беглецов погибли тогда в глубоких снегах Тянь-Шаня, забили своими трупами узкие речные долины. После этого в течение трех лет никто не отваживался пить воду даже из быстрой реки Теректы (С.Марков).

Ходжа Валихан, человек уже далеко не первой молодости, издавна привык к курению гашиша. Он постепенно отнимал у Валихан-торе разум и волю, щедро одаряя его лишь звериной жестокостью. Продолжая кровавый путь, Валихан-торе подошел к кокандскому «кургану» Оксалур и именем Худояр-хана приказал открыть крепостные ворота (И.Стрелкова). Одним взмахом сабли Валихан-торе поверг на землю начальника крепости и, не дав солдатам опомниться, провозгласил начало священной войны — газавата.

«Затем Валихан-торе ринулся на Кашгар. Овладев Старым Кашгаром, он вскоре начал осаду нового города. Им руководила не только жажда мести и желание пролить лишнюю кровь. Он прекрасно пони-

мал, что Янги-Шаар для того и построен, чтобы закрывать дорогу для вторжения в Яркенд, Аксу и другие города Кашгарии со стороны Ферганы. Тогда ходжа решился взять гарнизон крепости не голодом, не лишением воды, а самой водой. Валихан-торе задумал выстроить на реке запруды, поднять уровень воды настолько, чтобы она хлынула на лессовую равнину, затопила крепость, а вместе с ней, конечно, и рисовые поля, хутора, предместья, места добычи строительной и гончарной глины, ненавистный буддийский храм. Все иноземные купцы, жившие в Кашгаре, были выгнаны на осадные работы, и этот всеобщий сизифов труд продолжался долгое время. Богдыханское войско, затворившееся в самой надежной крепости Шестиградья, терпеливо ждало подмоги из Кульджи» (С.Марков).

Захватив Кашгар, потомок Аппака поселился во дворце хаким-бека. Надо сказать, что вначале ходжа Валихан сумел овладеть сердцами кашгарцев. Он уверил их, что выполняет волю Бузрук-хана-торе, достойного сына Джангира, что все его действия направлены на защиту кашкарлыков от произвола и поборов слуг богдыхана.

Валихан-торе истреблял людей, ранее служивших богдыхану. Достаточно было доноса, чтобы человек исчез. Через несколько дней его родственники с ужасом узнавали, что голова казненного выставлена для всеобщего обозрения на месте расправы. Ходжа приказал складывать отрубленные головы с таким расчетом, чтобы из них постепенно образовалась пирамида. Страшная основа ее была быстро заложена, и пирамида стала расти вверх (Ч.Валиханов).

И если в первых ее ярусах лежали черепа китайских и маньчжурских солдат, калмыков, тунгусов и чахаров, то выше были видны оскаленные головы кашкарлыков и дунган — китайских мусульман. Да будет читателю известно, что гениальная картина Василия Верещагина «Апофеоз войны» была создана под впечатлением рассказа о зверствах полубезумного кашгарского тирана (С.Марков). (См.рисунок Б.К.)

Арабы были первыми, кто воздвиг в Средней Азии пирамиды из голов местных воинов. Академик Б.Г. Гафуров в книге «Таджики» (М., 1972) приводит детали этого события: «Кутейба объявил, что всякий, кто принесет голову одного врага, получит 100 дирхемов. В ставке арабов была воздвигнута большая пирамида из голов воинов Мавераннахра» (стр. 311). Наместник Хорасана арабский полководец Кутейби ибн Муслим начал военные действия против Маверанахра в 705 году. Само слово Маверанахр означает «По ту сторону реки», за Аму-Дарьей. Является калькой греческого слова Трассаксония — за Оусом (М.Барманкулов «Хрустальные мечты тюрок» Алматы. ОФ БИС. 1999

С. 153). «...С 1381 по 1387 г. монголам приходилось подавлять восстание сарбадаров в Хорасане, Рее, Кухистане и горцев Луристана. **Там пленных заживо замуровывали в стены крепостей и складывали минареты из черепов**» (Л.Гумилев. Великая Русь и Великая степь»). Узбекская официальная историография продолжает настойчиво утверждать, что подлинным создателем пирамиды из человеческих голов, является великий Тамерлан. Мне непонятно только одно, неужели кто-то серьезно полагает, что этот позорный сюжет для любого народа является предметом национальной гордости? Благо, что мы, кипчаки, к истории появления этого великого произведения В.В.Верещагина никакого отношения не имеем.

... Свой день ходжа начинал с трубки и, накурившись, впадал в иступление. Внешнее благообразие его исчезало, и он превращался в изверга, ищущего все новых и новых жертв. Я говорил, что он казнил своего музыканта только лишь за то, что тот не смог сдержать зевка в присутствии своего грозного повелителя. Серебряный звук калуна, азиатских гуслей, еще был слышен в те мгновения, когда их обладатель упал на яркие ковры, а голова его откатилась в сторону. Палач подобрал ее положил в шерстяной мешок и унес к подножию чудовишной пирамиды.

Тут уже лежала голова сына знаменитого сабельного мастера Кашгара. А предыстория этой трагедии такова:

Валихан-торе захотел иметь клинок, который хотя бы внешне походил на чудодейственный меч Сутук-Богра-хана, удлинявшийся сам собою при приближении к шее врага. Мастер долго трудился над клинком и с трепетом поднес его ходже. Валихан усомнился в добротности сабли. Творец клинка почтительно попытался оспорить поспешный приговор тирана. Тогда Валихан-торе, дыша гашишным перегаром, попробовал узорчатый клинок на детской шее двенадцатилетнего сына сабельного мастера, стоявшего рядом с отцом, восхищенно ожидавшего похвалу за сопричастность в изготовлении клинка. Одним взмахом сталь прошла между головой и туловищем мальчика как говорят «нож в масло». Вытирая окровавленную саблю, он увидел, как голова мальчика с широко открытыми, удивленными глазами, скатывается с плеч. Он вложил саблю в ножны и тут же забыл про несчастного ребенка, перед которым померк весь мир и вместе с ним все его мечты стать великим мастером-оружейником, как отец. А отец, с полными ужаса вытаращенными глазами, почувствовал на своем лице брызги теплой крови единственного, горячо любимого сына, на которого он, на старости лет, возлагал все свои надежды и жизненные планы, медленно на-

чал сползать на пол и потерял сознание. Нукеры оттащили его в сторону. Когда несчастный пришел в сознание, его подняли и снова подвели к Валихану-торе. Полным отсутствия всякого сочувствия, он приказал накинуть халат на плечи убитого горем мастера и выпроводить его из дворца. Вот таким образом, наградив оружейника пестрым халатом, Валихан-торе перепоясался клинком священной войны и с вызовом посмотрел на толпу, призывая в свидетели этого «героического поступка», гнусной варварской расправы над беззащитным ребенком. Негодяй! (Интерпретация автора).

Возможно, Валихан-торе был психически нездоров. Но он мог быть и вполне нормальным, обыкновенным ходжой, все предки его были ходжами, обладали и теократической и политической властью, ни один простой смертный не смел поднять против них оружие, а они делали с простыми смертными все, что им заблагорассудится.

Веселый торговый город Кашгар оцепенел от ужаса. По требованию ходжи все горожане обязаны были посещать мечети - раньше здесь такие строгости не соблюдались. Женщин заставили закрыть лицо по мусульманскому обычаю. Страх охватил и приближенных Валихана-торе. Каждый час любой из них мог лишиться головы.

Выполняя приказ ходжи, палач водрузил голову казненного на вершину пирамиды, сложенной из черепов. Чокан выслушал этот страшный рассказ, ничем не выдав своего волнения, а простодушный Чаукен и в голову не пришла бы мысль о том, что ее кокандского мужа можно удивить воспоминанием о гибели иноземца. Мало ли людей казнят в самом Коканде! (С.Марков).

И.Стрелкова устами Чокана Валиханова довольно красочно передает один из драматических эпизодов его нелегального пребывания в Кашагари «...То была, пожалуй, не бесформенная груда... — жестко сказал поручик, — то была стройная пирамида из отрубленных голов, воздвигнутая тираном во славу войны и деспотии... В основании пирамиды лежали головы китайских и маньчжурских солдат, истребленных восставшим ходжой Валиханом-торе. Захватив Кашгар, ходжа продолжал заботиться о материале для пирамиды. Он рубил головы калмыкам, чахарам, а затем и кашкарлыкам. Нет, я пирамиду не видел. Я видел у ворот Кашгара головы казненных приверженцев ходжи, подвешенные в клетках. Победив восставшего ходжу, войска китайского богдыхана чинили расправу не столько над мятежниками, сколько над горожанами. Разрушали гробницы, превращали мечети в конюшни. Кашгарцы чтут как святыню гробницу Саток-Богра-хана. Шейх, оберегавший святыню, был казнен Валиханом-ходжа самым гнусным, отвратительным способом».

Постепенно Чокан восстановил историю падения непрочной и кровавой власти Валихана-торе. Карательные войска подступали к Кашгару, но старый ходжа каким-то образом сумел уйти из глинобитной крысоловки, устроенной им самим на свою голову.

Бросив гашишные трубки и забыв заботы о сборе голов для чудовищной пирамиды, оставив на произвол судьбы свой гарем, кашгарский деспот бежал в Дарваз. Выносливости этого выроodka можно только удивляться, если принять во внимание свидетельства некоторых современников, утверждавших, что в год захвата Кашгара ходже пошел восьмой десяток. Но его еще хватало на зверства и казни, на грязное и большое распутство, на походы и бегства, на созерцание видений, возникавших из гашишного дыма.

В Дарвазе Валихану-торе долго продержаться не удалось. Его выдали Худояру. Кокандский хан заботился лишь о том, чтобы Валихан-торе не сбежал в Кашгар во второй раз и не наделал новых хлопот. Когда в город Кашгар вступили войска богдыхана, за все преступления потомка Магомеда расплатился сторицей прежде всего народ. Чокану рассказывали, что каратели грабили горожан, разрушали гробницы, заводили в мечети калмыцких коней. Вновь назначенные местные чиновники поспешили надеть мандариновые шапки. Беки хлестали плетью всех встречных будто бы за то, что те не давали дорогу столь высоким лицам.

Пирамиду Валихана-торе убрали, но взамен ее была устроена выставка голов казненных, которую увидел Чокан близ городских ворот Кашгара. Головы, подвешенные в клетках, отнюдь не принадлежали видным участникам восстания 1857 года. Люди, влиятельные и богатые, помогавшие Валихану-торе, не были даже смещены с должностей. Некоторым из них даровали новые шарики на шапки. Кашгар жил свежими воспоминаниями о расправе богдыханских властей над шейхом гробницы Сутук-Богра-хана в окрестностях города. Шейх был оговорен новым хаким-беком из зависти. Подробности казни были ужасны и отвратительны настолько, что о них не следует говорить, чтобы не оскорбить чувства *Современного читателя*. Это был единственный за весь 1857 год случай казни видного деятеля ислама. После его гибели в казну отошли обширные поместья, несколько домов, многолетние хлебные запасы и несколько десятков тысяч слитков серебра.

Кокандские участники безумных затей Валихана-торе ничем не поплатились. После бегства ходжи они поступили на службу к аксакалу Насыр-Эддину-датхе, заняв видные должности в управлении его

державой. Итак, многострадальный кашгарский народ, истерзанный кровавым ходжой, претерпевал новые и новые муки, вызванные восстановлением прежней власти в Кашгаре.

Всесторонне изучая незнакомую страну, собирая многочисленные коллекции и рукописи, Чокан Валиханов ежедневно, ежечасно подвергался риску быть разоблаченным и разделить участь второго Марко Поло, европейца, побывавшего здесь, годом раньше обезглавленного в Кашгаре ходжей Валиханом-торе (С.Муканов).

Тем более, что «... Ко всему этому подозрительность и жестокость ходжи* перешла всякие границы... Жизнь всех и каждого находилась в опасности. Такое напряженное состояние не могло продолжаться долго. Восстание Валихан-торе в августе того же года было подавлено».

Чокан и его спутники жили в Кашгаре как на вулкане. За две недели в городе произошли ощутимые изменения. Аксакал Насреддин и его семья были взяты под стражу, из Коканда приехал новый аксакал Нурмагаммет. Из-за кокандского дворцового переворота Чокан и его спутники вновь очутились на краю пропасти. Их судьба целиком зависела от Нурмагаммета-датхи, который полтора года назад, будучи кашгарским аксакалом, приветствовал в Кашгаре ходжу Валихана-торе, получил от ходжи звание минбаши, затем попал в немилость, сидел в тюрьме, был приговорен ходжой к смертной казни, но остался в живых. Личность, как видно, незаурядная. Уже успел переметнуться к Малля-беку и вновь едет в Кашгар. Не для того ли, чтобы опять приветствовать здесь ходжу? К счастью, он оказался человеком мягким, обходительным, любителем веселых компаний. Купцы быстро с ним сблизились, часто приглашали в гости. Приязнь аксакала передалась и чиновникам, и Чокан стал пользоваться большей свободой в городе.

Тем временем обстановка еще больше накалялась. Вести были действительно тревожные: в Коканде сменился хан, ожидалось большие перемены, возможно, даже война. Ходили слухи, что ходжа Валихан собирал под свое знамя новый отряд мятежников. В Алтышаре имя ходжи вызывало у людей неопишуемый ужас: последнее его восстание было сопряжено с большими жертвами, жестоко подавлено. В таких условиях передвижение по стране и даже само присутствие в

---

*Туркестанские ходжи, они принадлежат, как кашгарские, к чистой породе сеидов, т. е. происходят от Фатимы. Ходжи эти живут в городе Туркестане, или Азрете, и распространены между киргизами (казахами. Б.К.). Многие из них козуют и по невежеству своему потеряли уважение оседлых среднеазиатцев. (Ч.Валиханов. Собрание Сочинений в пяти томах т. 4. с. 352). (Б.К.)

ней иностранцев могло закончиться для них весьма печально.

В начале октября караванбаши Мусабай Тухтыбаев сообщил Чокану ошеломляющую новость: Коканд захвачен Малля-беком, а кровавый ходжа Валихан, воспользовавшись всеобщим замешательством, сбежал в Восточный Туркестан. О поездке в Яркенд для встречи с индусом* теперь нечего было и думать. Он должен был думать о безопасности торговой экспедиции, не допустить гибели своих спутников, купцов. Ему был дорог Мусабай, с риском для жизни обеспечивавший «истинное назначение» торгового каравана. Он делал все от него зависящее, чтобы оправдать легенду прикрытия своего соотечественника, перед которым преклонялся как перед истинным героем казахского народа. * (См. выше Б.К.)

На следующий день Чокан, набросив полосатый халат, обернув голову муслиновой чалмой, сунув под мышку плитку чая, отправился вместе со своими товарищами для подношения очередных даров Нурмагаммету. Тот милостиво принял семипалатинцев, и они поняли, что подарки следует повторить. Представился удобный случай отделаться от той самой железной кровати, которая стала причиной распространения нежелательных и даже опасных слухов. Караванщики отвезли ее Нурмагаммет-датхе вместе с золотыми часами, бархатным халатом, новыми плитками чая «фу» и головками сахара. Аксакал был очарован вниманием Мусабая и его родственника — юного Алимбая. К тому же кокандский датха никогда не оставлял без внимания крепкие напитки, и ему постоянно требовались собутыльники. Он так привязался к семипалатинским гостям, что виделся с ними каждый вечер (И.Ерофеева).

Весело беседуя с бывлым минбаши Валихана-торе, Чокан, наверное, не забывал содержания одной бумаги из архива П. Д. Горчакова, генерал-губернатора Западной Сибири. Этому предшественнику Гасфорта однажды донесли, что Нурмагаммет продолжает мутить казахскую Большую орду, посылая туда из Ташкента своих людей. Речь шла тогда, конечно, об этом кокандском вельможе, выслужившемся при владычестве кыпчаков и достигшем могущества в Кашгаре. Вот какой хвост тянулся за внешне очень приветливым и доброжелательным Нурмагамметом. Он не скупился на ответные подарки и пожаловал одному из караванщиков коня с дорогим седлом, халат из парчи и великолепные наездничьи сапоги, какие носили далеко не все сипаи. Аксакалу настолько пришили по душе люди из Семипалатинска, что он разрешил им ходить по городу ночью, снял с них другие ограничения, вызванные тревожным временем. Двадцать пятого ноября 1858

года передовой кокандский сипай, размахивая плетью, проскакал по длинной улице города с криком: «Берегите поводья». Челядь аксакала провела дорогих скакунов, украшенных сбруями, отделанными золотом и серебром. Сверкали червонные стремяна, звенели серебряные бляхи на подпругах. С пышностью, подобающей скорее Великому Моголу, вступил новый кокандский аксакал в чужой город. Кашгарцы сгибали спины перед участником двух мятежей, снова удостоившимся власти над страной Шести городов. Теперь стало очевидным, что Валихан-торе снова возвращается в Кашгар.

Отовсюду ползли слухи о том, что Валихан-торе, ускользнув от надзора Малля-бека, лишь до поры до времени скрывается где-то в Турфане. Он мог появиться у ворот Кашгара в любое время.. Нурмагаммет, хорошо знавший Валихана- торе, был встревожен больше других, так как повторения милости со стороны этого тирана можно было не ожидать. Этим душевным волнением датхи, его неподдельным страхом за свою жизнь и воспользовался Чокан, исподволь намекая, что было бы для правителя неплохо, если Ходжа вообще не вернется в Кашгар. В такие доверительные беседы Чокан иногда приглашал изгнанного Валиханом ходжа, своего «родственника» из среднего джуза — Тохтара, который пока не догадывался, что от него хотят.

Досконально изучив политическую и оперативную обстановку, Чокан пришел к твердому убеждению, что за временным затишьем вскоре последуют бурные события. Пока жив Валихан-торе, над горожанами постоянно висел дамоклов меч. Чокан четко представлял, что новый виток в беспредельных бесчинствах Валихана-торе не за горами. На этот раз было совершенно ясно, что прольется много крови. Над экспедицией нависла смертельная опасность. Дальше ждать не имела никакого смысла.

11 марта Чокан вышел из дома аксакала вместе с хозяином. Их поджидала огромная толпа . И мало того, он послал с караваном своего доверенного человека есаула Тохтара. Выбор Нурмагаммета-датхи по ликвидации Валихана-торе остановился именно на этой чрезвычайно любопытной фигуре. Тохтар отличался фанатической преданностью делу ходжей. Он участвовал во всех восстаниях, начиная с восстания Джангира-ходжи, служил начальником дворцовой стражи у Валихана-торе и, надо полагать, отрубил немало голов. А происходил он из казахов Среднего жуза, так что вполне мог догадываться, что купец Алимбай с ним одного рода.

Хотелось бы подчеркнуть, что И.Стрелкова, как одна из основных биографов Чокана Валиханова, была близка к истине, оставив в сво-

ей книге интересный эпизод: « Нам представляется, что Чокан, расположив к себе Нурмагаммет-датха постепенно стал внушать ему печальный конец, если только в Кашгар возвратится Валихан-торе. Аксакал, ранее приговоренный к смертной казни этим человеком, а затем помилованный, хорошо понимал свое положение, пока этот узурпатор был жив. «Родственник» Чокана из среднего жуза, также изгнанный Валиханом-торе, беспрекословно выполнял любые указания своего нового хозяина — Нурмагаммета».

Здесь автор обращает внимание *Современного читателя*, что беспредел, учиненный, этим отвратительным типом в Кашгарии над ним в чем не повинными людьми, не мог оставаться без внимания русского разведчика, облеченного особыми полномочиями. То, что Ходжа творил эти злодеяния под воздействием гашиша, еще более усугубляет положение этого узурпатора. Вполне вероятно, что с молчаливой подачи Чокана Валиханова, получившего задания в экстремальных ситуациях действовать по своему усмотрению, был совершен акт возмездия бывшими приближенными по ликвидации Валихана —ходжи, поставившего себя вне закона и человеческой морали.

Об обоснованности этой версии свидетельствуют следующие факты: а) Чокан Валиханов находился в Кашагарии именно в период «правления» Валихана- торе, который то бежал от возмездия, то вновь возвращался в Кашагарию; б) Ходжа казнил сподвижника и товарища по оружию, такого же разведчика А.Шлягинтвейта, а это задевает «честь мундира»; в) рассказывая об узурпаторе Кашгарии с сильным душевным волнением, Чокан заканчивает свою речь тем, что Валихан-ходжа не миновал народного гнева; г) при описании деяния Валихана -ходжи, Чокан часто ссылается на другие местные авторитеты, недовольных его «правлением»; д) отчет о Кашагарской экспедиции был официально озвучен только много лет спустя, после смерти нашего героя; е) возникшая угроза для экспедиции и его личной безопасности; ж) он лично являлся свидетелем многочисленных бесчинств этого тирана и, как решительный офицер, вполне мог через завербованную им агентуру в Кашгарии, подтолкнуть предводителя и его окружение к поиску путей по ликвидации ходжи. Тем более для такого шага у него были соответствующие распоряжения со стороны Государя всея Руси.

Положительную роль сыграло крупное вознаграждение, выданное датке и Тохтару, которые довели задуманное дело до конца. Причем деньги и материальные ценности указанным исполнителям акта возмездия были выданы не самим Чоканом, а караванбаши Мусаб-

ем Тохтыбаевым, который записал в тетрадь под статьей «непредвиденные расходы» или «особые расходы».

Тохтар, тайно посланный Нурмагамметом в Турфан, нашел узурпатора, проник в его апартаменты и привел приговор в исполнение. Многочисленная охрана могла не обратить внимание на одного из приближенных Валихана —торе. После этого Тохтар тут же вернулся обратно. Седьмой пункт плана мероприятий, утвержденного русским царем, был реализован.

Не успели утихнуть страсти вокруг Валихана-торе, как объявился некий кульджинский купец и опять принялся утверждать, что в караване Мусабая - русский офицер, который не только выведывает военные тайны, но и «спит на железной кровати». Это был сильный аргумент, даже если учесть, что слух запущен с единственной целью - уничтожить торгового конкурента. Это было уже серьезно - уходить следовало незамедлительно, что и было сделано 11 марта 1860 года, когда караван-прикрытие вышел из города и направился к ближайшему перевалу.

О дальнейшей судьбе Валихана—торе, кроме Мусабая, никто из его спутников не знал. Однако щедрое вознаграждение царским правительством Мусабая свидетельствует о том, что он мог прикрывать отсутствие Чокана, делать наводки на нужных людей и давать советы об успешном завершении акции российских спецслужб по ликвидации Валихана-торе. Сохранилась записная книжка купца Мусабая, караван которого осуществлял прикрытие Валиханова. Она пестрит записями под грифом «Дано через вымогательство». Так, некий датха Осман получил «через вымогательство» товара на 25 рублей, а другому защитнику караванов, Найману, (видимо он и есть Тохтар. Б.К.) пришлось выложить товара аж на 120 рублей и т.д. Примечателен тот факт, что Мусабай и Букаш хорошо знали о проведенной операции по ликвидации Валихана-ходжа. Они же нисколько не сомневались, что руки Чокана Валиханова не обгарены кровью пусть даже такого гадкого человека, каким являлся этот узурпатор.

Из воспоминаний спутников Чокан Валиханова можно сделать однозначный вывод, что они знали о его принадлежности к спецслужбам и пребывании в составе каравана совершенно для иных целей, нежели торговля. Они знали, что Чокан неслучайно ежедневно пропадает во дворце Нурмагаммет-датха и стал «шептать» с Тохтаром. Однако надо отдать должное организаторам этой операции, что доверенные лица и агенты, сопровождавшие основного исполнителя, ока-

зались надежными, не выдали его кашгарским властям, особенно сторонникам Валихан-торе. Последствия для нашего героя были бы в этом случае крайне плачевными (С.Марков).

Близкий друг Чокана — Н.М.Ядринцев в своих воспоминаниях неслучайно поставил рядом два события, что может подтвердить нашу версию об акте возмездия. «Этот ходжа, славившийся во всей Средней Азии своей жестокостью, казнил прибывшего туда немецкого путешественника... Он заслуживал самого сурового наказания. Господин Валиханов после пребывания в Кашгаре в течение нескольких месяцев сумел благополучно возвратиться в Россию и сделать исчерпывающий отчет о своем путешествии».

Современный читатель согласится с нами, что по натуре Чокан не был конфликтной личностью. Он никогда не выходил из себя и не лез в драку. Он был веселым, жизнерадостным и обходительным человеком. У него был мягкий, доброжелательный характер. Поэтому даже Указ царя не мог бы заставить его пойти на убийство этого никчемного человека. Вместе с тем факт остается фактом, что именно экстремальная обстановка, представлявшая опасность для жизни людей и угрозу провала операции, ускорили действия Чокана, которые заключались только в том, что он «спровоцировал» физическое устранение Нурмагамметом его же соперника, представлявшего опасность для его собственной жизни.

Вместе с тем источники утверждают, что совершению такой дерзкой акции Чокану не позволяло его нелегальное положение, возникшее подозрение, что Алимбай на самом деле — русский офицер; наличие у него ценных разведывательных сведений, которые он должен был сохранить и доставить в Петербург; миролюбие, масштабное видение своего предназначения, то есть пассионарности в решении общечеловеческих проблем не силой оружия, как его пращур Чингисхан, а силой выдающихся научных изысканий по многим направлениям науки во благо всеобщего мира и благоденствия.

Как следствие этой акции через полгода после возвращения Чокана Валиханова в Кашгаре при новом правителе было открыто российское консульство. Торговые и иные отношения с Кашгаром возобновились и более подобных потрясений жители Кашагара не испытывали. Российская делегация подтвердила факт ликвидации Валихана-торе его приближенными.

*«Агенты несказанно и беспрестанно нужны.
Требую доносить сколько бы шпионские
повести невероятны не были...»*
(И.Ростунов «Генераллиссимус А.В.Суворов»
М.Воениздат. 1987.С.102)

Глаза - видеть!

Уши - слышать!

Ноги - дойти!

Руки - свершить!

Язык - молчать!

Чингисхан

АГЕНТУРА ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

Экскурс в историю.Термины. Агентура-опасное оружие.

Вербовочная работа Чокана.

Плагиаство. Конспирация. Заключение.

В начале XVIII века казахские ханства были окружены недружественными соседями: на востоке находились джунгары, на юге — узбеки и туркмены, на севере — русские и башкиры, на западе — волжские калмыки и яицкие казаки. Каждый из них старался за счет казахов расширить свое жизненное пространство: захватить пастбищные угодья, водные ресурсы, ограбить мирное население, присвоить чужое добро, угнать скот. ***Подобные нападения часто вызывали достойный отпор со стороны казахов, благодаря хорошему знанию оперативной обстановки в пограничных территориях. Разведка с территории уже тогда сложилась как самостоятельно функционирующие стихийные подразделения, состоящие при правителях.***

Вместе с тем, история службы безопасности в Казахской степи начинается с периода правления ханов Абулхаира и Жаныбека, а при Абылайхане секретную службу активизировали, исходя из интересов защиты казахской государственности. Военный историк К. Абенев пишет, что «в казахских ханствах работников секретной службы называли «ертоулами». Этимология этого слова имеет несколько значений: наблюдатель, охранник, стражник, лазутчик. Казахские правители через своих ертоулов (агентов) добывали сведения разведывательного характера о своих недоброжелательных соседях, а также выявляли недовольных, бунтарей, преступников, шпионов и др.

В разговорной речи нашего народа постоянно фигурировали специальные термины: «қолбашшы», «сарбаз», «жасак», «ертоул», «төлен-

гут», «кешіктен», «шабарман» (связник), «хабаршы», «жаршы» «қорғаушы», «кенешші», «сақшы», «күзетші», «барлаушы», «жыршы», «тәрбиеші» «тыншы», «тергеуші», «үөзір», «тілмаш», «хатшы», «елші», «үәкіл» и пр. Бытовали множество различных источников информации, как: кыдыры, жолаушы, кашкыны, саткыны, азгыны, осекші, барымташы, сыйқыршы и пр. Носителями разведывательной информации «узун кулак» в Великой Степи номадов, как правило, являлись: торговцы, купцы, то есть саудегеры, кыдыры (дервиши), караванбаши (караванщики), держатели чайханы, владельцы постоянных дворов, охотники, акыны, певцы, сері, табунщики, пастухи, перегонщики скота, паромщики, сакманщики, лекари, касапшы, жалшы, жумысшы, дехкане, кузетші и т.д. Однако дело вовсе не в терминах, а в богатстве казахского языка и разнообразии конкретного, как говорят, адресного использования исполнителями специальных мероприятий.

Для добывания необходимых сведений о противной стороне в казахских ханствах использовали все средства: вербовку агентуры на материальной, морально-психологической, патриотической, компрометирующей, родовой-клановой основах. Для создания агентурной сети среди казахов царскими спецслужбами широко использовался так называемый институт «тамырства».

Как известно, в 1428 году ханом Младшего жуза стал Абулхаир — первый из ветви Шейбани — пятого сына Джучи, старшего сына Чингисхана. Он имел преданную ему охрану, состоящую из батыров, личных телохранителей, ертоулов (разведчиков). Недовольные его правлением Жаныбек и Керей, опираясь на главные казахские роды, решили создать самостоятельный союз трех жузов. Создав ханство, Жаныбек возглавлял его 24 года — с 1456 по 1480 год. Будучи противником Жаныбека, Абулхаир хан старался воспрепятствовать ему в создании самостоятельного государства, активно используя для этой цели своих ертоулов (агентов). Так, Абулхаир через своих агентов узнал о намерении Жаныбека за две недели до намеченного срока собрать все-казахский сход в урочище Каратауз-Нур (Сары-Арка) и, с учетом полученных сведений, организовал поход против Жаныбека, но потерпел поражение. Не раз провалились «миссии» ертоулов (агентов) Абулхаира, посланных в стан Жаныбека — Касыма, который по поручению отца, устанавливал и обезвреживал ертоулов Абулхаира, проникших и осевших в их кочевьях.

Абулхаир использовал агентов, посылая в Самарканд, чтобы собрать компрометирующие материалы на его правителя Оспанхожу, связанные с межгосударственными и имущественными отношения-

ми. Получив такие данные, Абулхаир вынудил его пойти на уступки. Об одном из ценных агентов Абылхаира по имени Мырзатай А.Кекильбаев повествует в романе «Всполохи». При этом он являлся агентом — групповодом, который имел на связи много других агентов, которых даже сам Абулхаир не знал. Другой агент Абулхаира по имени Букенбай являлся связником между ханом и Тевкелевым. Постоянно меняя места конспиративных встреч с российскими дипломатами - разведчиками, Абулхаир сумел защитить Тевкелева и Кириллова от расправы, недовольными его политикой, султанами и их агентурой.(К.Абенев)

Другой казахский хан Бурундук (148-1511) сумел внедрить своего агента по имени Тенге в отряд Орак батыра, который находился с ним во враждебных отношениях. Полученные через Тенге сведения, позволили Бурундуку разгромить отряды Орак батыра. Одиозный батыр Барак, ранее убив Абулхаира, решил убить и его сына Ералы, но тот, получив от своего агента конфиденциальную информацию о грозящей опасности, вовремя скрылся. В свою очередь через свою агентуру Барак сумел установить его координаты, но совершить очередное злодеяние ему не удалось, так как и Ералы имел своего агента в ставке хана.

Во время правления Касымхана (1511-1523) шейбанид Мухемедхан вторгся в пределы казахской степи. Из-за отсутствия достоверной информации казахи не смогли противостоять завоевателям. Чтобы дать достойный отпор врагам, с целью изучения оперативной обстановки Касымхан направил в его ставку подготовленного ертоула — разведчика по имени Мойниз Хасан, который добыл нужные сведения о слабых и сильных сторонах противника.. Успешное внедрение агента — нелегала в среду противника позволило Касымхану победоносно завершить военную операцию.

При Абылайхане ертоулами руководили батыры Дерлибай и Турсунбай. В казахской степи батыры играли значительную роль в защите Родины. Они составляли особую социальную категорию, опору ханских тронов, поэтому, видимо, ханы доверяли им руководить ертоулами — секретной службой. Ертоулы, руководимые батыром Дерлибаем, добыли информацию о том, что в Китае под руководством Чжа Хоя готовится поход против Абылая. На основании этой информации Абылай принял контрмеры и сорвал вражеский поход. Следует также отметить, что Абылайхан укрепил свои позиции и улучшил взаимоотношения с правителями Самарканда в результате достоверной информации через своих агентов. Абулхаиру и Абылайхану удалось полу-

чить ценную информацию о местах дислокации войск Галден Царена, благодаря внедрению разведчиков в ставку джунгаров, и внезапным ударом одержать над ними победу.

С помощью дипломатии Абулхаир и Абылайхан, а также другие казахские ханы проводили активную политику по укреплению внешних границ и расширению своей территории, а также улучшению международных контактов. И в дипломатических миссиях присутствовала деятельность секретной службы. Под прикрытием посольств, в качестве переводчиков использовались ертоулы-разведчики. Поэтому не без основания бытовало изречение самого Чингисхана: «Будь оком, которое увидит весь мир. Будь ухом, что может услышать весь мир».

В 1757 году по своей инициативе Абылайхан направил в Китай посольство в составе 11 человек: Умуртай, Танаси и другие. Среди них были ертоулы-разведчики. Цель-дипломатическим путем попытаться решить вопрос о возвращении исконных казахских восточных земель на Тарбагате.

Царское правительство России в свою очередь посылало своих разведчиков к Абылайхану под видом купцов, переводчиков, чтобы узнать связи хана с Цинским государством Китая. Такая политика балансирования позволяла ему сохранить независимость Казахского государства на протяжении всего его правления ханством (1771-1781). Однако колонизаторская политика царской России взяла верх. Она разрушила традиции казахской государственности, что повлекло за собой ликвидацию казахского ханства и «соответственно был положен конец функционированию национальных секретных служб». (К.Абенов)

Смею возразить, что агентурная разведка казахских ханов не исчезла, несмотря на смену «формации». Наоборот, Кенесары был, пожалуй, самым сильным в плане агентурного проникновения к противнику, а также блестящим дипломатом (вспомните его переписку с царской администрацией).

Позволю себе дать некоторые пояснения, к уже устаревшим терминам, но дающим картину о категориях агентов — «негласных помощников» или «исполнителей» секретных мероприятий, проводимых специальными службами при царском и тоталитарном режимах.

Агент - (Словарь русского языка АН СССР. 1985. 1 Представитель организации, учреждения и т.п., выполняющий служебные, деловые поручения; 2. Лицо, являющееся ставленником кого-л., служащее чьим-л. интересам; 3. Секретный сотрудник разведки какого-л., государства; шпион.

Агентура, агенты. ***Собир. - Нет контрразведки сильнее и активнее нашей, однако мы твердо знаем, что их агентура к нам просачивается и работает на них.*** (Герман, «Операция — С Новым Годом!»).

Термин «Агент» — имеет около 25 толкований (см. А.Даллес «Искусство шпионажа», М.2002г.; Р.Красильников «Призраки с улицы Чайковского» М.1999 г., А.Воронов «Основы национальной безопасности» М., 2000).

Например, агенты-нелегалы- опасный вид агентуры, способный выполнять любые задания, имея гражданство разведываемой страны, занимающий официальные должности или имеющий свой бизнес. Агенты — террористы — исключительно опасная агентура, распространенная в странах арабского Востока в виде агентов-смертников. Агенты-диверсанты, осуществляющие диверсию на транспорте, связи и в других уязвимых для государства направлениях экономики, деморализующие их функционирование. Агенты-источники, представляющие документальную или иную разведывательную информацию. Получая большие вознаграждения за ценную информацию, они быстро обогащаются и попадают в поле зрения контрразведки.

Есть и другие категории агентов. Как-то: агенты-групповоды, называемые «главными агентами», руководящие какой-то группой, например, наружного наблюдения, агенты-связники (или курьеры), используемые для поддержания контактов с другими агентами; агенты-содержатели явочных квартир; агенты — наводчики; агенты- устанавщики; агенты- маршрутники; агенты наружного наблюдения; агенты, используемые в качестве приманки иностранных спецслужб; агенты-внедрения в объекты заинтересованности; агенты в СМИ для компрометации политики правительства; агенты для целевого использования (содействия в рейдерстве, разового, искусственного повышения или понижения цен, замораживания строительства жилых комплексов, повышение цен на стройматериалы, продукты питания, «быки», «медведи» на биржах).

В настоящее время все эти термины устарели. Теперь исполнителей указанных выше секретных операций и подрывных акций обозначают следующими терминами: «Компаньон», «Партнер», «Учредитель», «Соучредитель», «Консультант», «Советник», «Шеф», «Босс», «Спонсор», «Доброжелатель», «Менеджер», «Брокер», «Представитель», «Инвестор», «Волонтер», «Посредник», «Поставщик», «Заемщик» и пр.

В западных спецслужбах их собирательно называют «Нетрадиционными источниками» или «Инициативниками». По утверждению ветеранов разведки России, на таких лиц личные дела не заводятся;

они вводятся в память компьютера под псевдонимом и эта информация относится к числу особо оберегаемой и совершенно секретной, доступной узкому кругу проверенных людей.

Особо следует выделить, так называемую, «Агентуру влияния». Это самая опасная для общества агентура, способная осуществлять целенаправленное конспиративное воздействие на руководство страны, деятельность государственных институтов, проводить скоординированную пропагандистскую кампанию по дискредитации политической системы под флагом «необходимости» проведения различных реформ: («либерализации» экономики, финансовой системы (девальвация, после обогащения узкой группы лиц); «открытости общества», предоставлении земли для ядерных захоронений, нежелательность перевода на казахский язык технических, экономических терминов; отказа от указания национальности в паспорте; пропаганда насилия, жестокости и секса, космополитизм; разделение на кланов и привилегированных жузов).

После такого пространного вступления нам будет легко описать изнурительно тяжелую, сопряженную с огромными нервно-психологическими нагрузками, агентурно-оперативную деятельность Чокана в экстремальных условиях во враждебной территории.

Само собой разумеется, что Е.П.Ковалевский, как начальник внешней разведки, не стал оглашать перед Географическим обществом оперативную часть доклада Чокана. Надо полагать, что отчет об агентурно - оперативных мероприятиях, проведенных группой Чокана в Кашгарии, был составлен не в Омске, а после его приезда Петербург и, опять же, на конспиративной квартире.

Современный читатель, надеюсь, еще не запечатовал, как в столице Е.П.Ковалевский увел своего воспитанника к себе в кабинет и обратился со словами: «А сейчас, дорогой Чокан Чингизович, расскажите мне подробно все, что не вошло в Ваш официальный доклад» (С.Бегалин).

Такой разговор С Чоканом провел Военный Министр Сухозанет. Кто произнес эту фразу- трудно сказать. Вот послушайте: «Министр иностранных дел был бесконечно любезен. — Ваш отчет представляет громадный интерес как научный, так и государственный. Сведения и наблюдения, доставленные Вами, неоценимы. Сожалею, что тяжкие испытания, которые Вам пришлось претерпеть, сказались на Вашем здоровье. Позвольте осведомиться, как Вы теперь себя чувствуете?

— Благодарю Вас, неплохо.

— Господин Ковалевский и господин Семенов хлопочут за Вас.

Оказывается, Вы желаете прослушать курс лекций на историко-филологическом факультете и совершенствоваться в европейских языках?

— Это моя давняя мечта.

— Похвально, господин поручик. Однако мы сейчас не можем отказаться от Вашего сотрудничества в министерстве, поэтому университет Вам придется посещать лишь в качестве вольнослушателя. Вы совершили подлинное географическое открытие и показали себя большим знатоком жизни народов Востока...

— Благодарю за доброе мнение.

— **Поэтому мы нашли целесообразным прикомандировать вас к Азиатскому департаменту.**

— Господин Семенов считает, что я должен отдаться научным занятиям.

— Об этом и речь. Но Вы числитесь по армейской кавалерии,— министр заглянул в листок бумаги.— В шестом полку Сибирского линейного казачьего войска. Перевод Ваш может состояться лишь по высочайшему повелению. **Господин Сухозанет согласился с нашим предложением на условии, что Вы будете состоять одновременно в Ученом комитете Генерального штаба.**

Министр взял Чокана под руку, показывая тем самым, что официальная часть беседы закончена, и повел его в другую комнату.

— **А теперь, дорогой султан, расскажите мне то, что не вошло в Ваши записки...**

Другие источники говорят, что эту фразу произнес А.Блудов, начальник тайной канцелярии. Теперь уже можно сказать открыто, что главному инициатору кашгарской операции, первому руководителю Департамента внешней разведки Егору Петровичу Ковалевскому Чокан в деталях доложил о результатах проведенной им вербовочной работы по созданию агентурного аппарата в Кашагарии и в других городах Алтышара. Эта теплая встреча с Чоканом надолго осталась в памяти у директора Азиатского департамента. Двум путешественникам-разведчикам было о чем поговорить.

Затем он был принят в Военном министерстве и Ученом совете Географического общества. И каждый прием прибавлял Чокану обязанности. **При непосредственном его участии стали разрабатываться проекты устройства торговых факторий в Кашгаре и расширения торговых и культурных связей России с Западным Китаем. Под его редакцией начали составлять «Карту пространства между озером Балхаш и хребтом Алатау», «Карту к отчету о результатах экспедиции к озеру Иссык-Куль» (С.Марков).**

Думается, что для документального оформления оперативной части задания ушло немало дней. Справки о каждом из агентов, исходные и биографические данные, особенности характера, положение, занимаемое в обществе, надежность и разведывательная возможность и т.д. были составлены персонально и в единственном экземпляре. В них, очевидно, были указаны способы восстановления связи, обусловленные места встреч, пароли, отзывы и прочее.

Точные изображения Чоканом завербованных агентов и схемы г. Кашгара и других мест, конечно, были приложены к основной справке о проделанной работе по созданию агентурных позиций в регионе. По какой-то случайности «фотографии» этих и других агентов, а также доверенных лиц, попали в руки Н.Веселовскому и А.Маргулану и были опубликованы без конкретных надписей. Последние продемонстрировали их в сочинениях без всяких комментариев. Это вполне объяснимо, поскольку наброски портретов уйгуров и схемы городов, горных троп и перевалов художественной ценности не имеют. Вместе с тем они же являются бесценными для разведки. Мы еще расскажем как другое лицо, после Чокана, в своей «инспекционной поездке создал широкую разветвленную сеть агентурного аппарата в Кашгарии». (И.Стрелкова). Этот разведчик, имея на руках фотографии, адреса, пароли и отзывы, легко восстановил связи с этими агентами и, получив от них разведывательную информацию, прославился, присвоив себе титанический труд Чокана Валиханова.

Чтобы не оставить никаких сомнений в достоверности этой версии, следует подчеркнуть, что Чокан являлся талантливым художником-портретистом. При внимательном рассмотрении на лица четырех жителей Кашгарии можно убедиться, что они резко отличаются друг от друга и, имея на руках этот рисунок, можно безошибочно найти любого из них в многолюдной толпе.

Историки, видимо, постоянно задавались вопросами относительно многочисленных схем городов и населенных пунктов, а также маршрутов движения в горных и пересеченных местностях. Повторяю, что эти схемы не представляют художественных ценностей, кроме, как для путешественников, под легендой которых действуют в дальних краях профессиональные разведчики.

А теперь давайте перейдем, почему указанные в рисунках лица, являются завербованными агентами Чокана Валиханова. Во-первых, практически во всех других рисунках Чокана сделаны собственноручные разъяснения, кроме пяти-шести рисунков, исключая рисунок «Кашгарка». Нет сомнения, что на этом рисунке изображена каш-

гарская жена Чокана — Чаукен. Картина родилась, видимо, в порыве нежных чувств, которые он питал к этой девушке. Как признается сам Чокан, Чаукен оказалась на редкость эрудированной девушкой и рассказала многое из истории и жизни людей в этом регионе. Поэтому любое доверенное лицо могло встретиться с ней от имени Чокана, возможно, даже по паролю. Будучи квалифицированно проинструктированной, эта девушка могла стать ценным источником разведывательной информации. Во-вторых, по вещественному или словесному паролю можно было с любым из агентов конспиративно встретиться в условленном месте или по указанным схемам. Любой связник, вооруженный всеми этими сведениями, мог довольно легко восстановить связь с агентами Чокана. В-третьих, все картины без надписей были Чоканом написаны в 1858-1859 г.г., когда он находился в Кашгарии.

Академик А.Маргулан пояснил, что изображенные на рисунке головы четырех неизвестных лиц, возможно, являются спутниками Чокана по кашгарской экспедиции. Это неверно, так как своих друзей, с которыми находился в течение года в экстремальных условиях, он мог бы нарисовать и получше с соответствующими надписями. Но этого сделано не было, так как эти лица никакого отношения ни Букашу, ни Мусабаю, ни Исмаилу или другим членам каравана не имеют. С последними он продолжал встречаться уже в Верном и Семипалатинске, не боясь расшифровки, открыто, хотя они являлись агентами спецслужб России. Встречи на явочных квартирах только испортили бы дело, поскольку их связывала давняя дружба, включая нелегальное нахождение в Кашгарии в условиях повышенного риска. Тем более эта дружба была широко известна.

Высокий профессиональный уровень работы Чокана Валиханова с агентурой наблюдается в соблюдении конспирации с ней, недопущении ее расшифровки.

Агентурные отношения в разведке длятся годами до тех пор, пока источник не лишится своих разведывательных возможностей. Долг любого разведчика постоянно думать над тем, чтобы расширять эти возможности для получения от него необходимой информации. Бережное отношение к агентуре, исключение ее расшифровки, материальное поощрение и содействие в продвижении по службе делается в интересах, прежде всего, государства. Провал агентуры, ее расшифровка чреватые негативными последствиями вплоть до ареста ее контрразведкой с осуждением на длительный срок тюремного заключения или казни. Такой исход всегда на совести у оперативного работника, на связи у которого она находится. Провал агентуры — это ущерб

внешнеполитическим интересам любой страны. Поэтому за такие про-
ступки агентуристы наказываются по всей строгости закона.

**Автор в начале этой книги написал о двух генералах, бывших пер-
вых руководителей КГБ, изменивших Родине путём бегства за грани-
цу. Чтобы угодить новым хозяевам они,наверняка, выдали западным
спецслужбам и закордонную агентуру.Возможно, эти генералы уже
повинны в в гибели ни в чем не повинных людей.В момент написания
книги один из них предал другого и, вспомнив о долге, глубоко раскаи-
вался, заявляя, что заблудился.**

Итак, не будем отвлекаться на этих подонков и пойдём дальше.
Именно по причине конспирации зарисовки агентуры Чокан сделал
с фотографической точностью, но они были без комментариев и без
указания имен. Чокану вовсе не нужно было, чтобы их портреты
вывешивали на выставках. Поэтому они были изображены очень чет-
ко, с характерными и ключевыми признаками, но несколько «небреж-
но». (Смотри 4 зарисовки якобы спутников по Кашгарии.)

Такая повышенная степень конспирации больше относится к за-
кордонной агентуре, поскольку контрразведка враждебного государ-
ства систематически ведет разработку всех связей фигурантов, подоб-
ных Чокану Валиханову. Другое дело, когда агент живет и здравству-
ет вместе со своим руководителем у себя на родине. Но нельзя стро-
ить иллюзии, что агенты местной контрразведки или разведки могут
открыто бахвалиться о своей связи со спецслужбами, поскольку это
может плохо закончиться вплоть до его полного отстранения от служ-
бы, смены мест проживания, лишения таким образом его возможно-
сти как источника информации. В случае возникновения опасности
нанесения агентом ущерба интересам государства, его национальной
безопасности, спецслужбы могут пойти на крайние меры, как физи-
ческое устранение своего недавнего помощника. Подобная акция могла
быть совершена в отношении Чокана Валиханова в ауле султана Тезе-
ка. Вместе с другими эта версия нами будет добросовестно разбирать-
ся в разделе «Загадочная смерть разведчика».

Особое место среди агентов Чокана Валиханова отводится кригиз-
скому верховному манапу, предводителю племени бугу Борамбаю.
Во время экспедиций на Иссык-Куль российской делегации во главе
с Хоментовским племена бугу и сарыбагаши находились во враждеб-
ных отношениях. В целях примирения враждующих стран Чоканом
была проделана большая работа в плане оказания влияния на главарей
банд через авторитетного Борамбая. Последний в это время находился
в чине подполковника и рассчитывал получить полковника путем

оказания всяческой поддержки миссии Хоментовского. Так оно и случилось. Многие предводители киргизов явились в ставку Хоментовского и подали прошения о подданство. Возможно, не случайно, что Хоментовский в следующей поездке в Кульджу лично порекомендовал кандидатуру Чокана в качестве руководителя российской делегации по переговорам с китайцами, в то же время оставаясь на вторых ролях в качестве рядового члена экспедиции.

Чокан привлек Борамбая к сотрудничеству с внешней военной разведкой и тут же определил его агентом- групповодом. Поскольку ему, как предводителю, подчинялись многие местные авторитеты. Чокан не считал нужным искать встречи с источниками информации Борамбая. Однако он не преминул тайно встретиться с сыном Борамбая — Кокишем, который уже самостоятельно вел кочевки на джайлау и обратно с несколькими десятками семейств из род бугу. Эта встреча состоялась вдалеке от аула Борамбая и Чокан с «Кокишем о чем-то долго беседовал» (С.Муканов) Мне представляется, что Чокан, видя старческий возраст Борамбая предвидел, что Кокиш займет его место и агентурные отношения с семейством верховного манапа будут продолжены без осложнений. После смерти Борамбая так оно и случилось. (См.рисунки Кокиша и Борамбая в приложении).

«Цель моей поездки - видеть дикокаменных киргиз - была достигнута», - записал Чокан в своем дневнике. Он расстался с Борамбаем, который был очень приветлив и доброжелателен. Он охотно дал молодому ученому сведения о манапах, о киргизских родах, простодушно воображая, что это нужно для представления манапов к наградам белого царя. Старый манап даже порывался подарить Чокану коня и отрез шелковой ткани, но путешественник сказал, что лучшим подарком для него будут воспоминания о дружбе, он их будет всегда хранить в своем сердце (С.Марков).

Писатель упустил один важный момент. Перед возвращением экспедиции Чокан дал Борамбаю крайне сложное и ответственное задание. Ему следовало через «своих людей» разведать оперативную обстановку в Кашгарии, включая получения сведений о судьбе А.Шлягинтвейта. Из материалов первоисточников и воспоминаний современников Чокана видно, что Борамбай направлял свою агентуру нелегально в Кашгарию и сумел добыть заслуживающие внимания сведения о А.Шлягинтвейте, о Кашгарии, в том числе и о Валихане-торе.

На практике часто встречается, когда агент не желает сотрудничать с оперативным работником, который принял его на связь от прежнего руководителя. Источник продолжает искать встречи с ним,

хотя последний переведен на другой участок оперативно-служебной деятельности или даже уволен из кадров специальных служб.

Один из бывших руководителей внешней разведки Кыргызстана подполковник К.Мукаев рассказал автору этих строк, что его ценный агент, после выхода в отставку, лишь формально встречался на явочной квартире с новым начальником, отделившись поверхностным изложением известных ему фактов и событий. В то же время этот агент звонил К.Мукаеву и, как прежде, уже в машине подробно излагал исключительно важную информацию. В конце концов, руководство спецслужб Киргизии сочло необходимым оставить этого агента на связи у К.Мукаева, а его самого принять на работу в качестве вольнонаемного с правом работы с агентурным аппаратом.

Находившиеся с Чоканом в кашгарской разведывательной операции Мусабай и Исмаил, после возвращения из Восточного Туркестана продолжали поддерживать письменную связь с Чоканом и предлагали свои услуги в сборе необходимой информации. Так, во втором письме Мусабай пишет:

«Вам, высокочтимому, высокостепенному нашему господину царевичу да не останется сокрытым от Вас наше прошение. Вы постоянно оказываете милость своему покорному слуге и спутнику. Мы всегда были рады и довольны Вашим отношением к нам и с благодарностью молимся за Вас. Словом, много мы совместно с Вами перенесли трудностей и невзгод в скитаниях. И сегодня нет никакого удовольствия в жизни. **Все нужные Вам сведения по торговым вопросам или по любым другим я бы написал из Семипалатинска, так как там бывает много приезжих людей, у которых можно расспросить.** Прошу Вас оказать милость и добиться для нас казенных подорожных. Ведь все наше путешествие - это дело государственное. Если дадут, то пусть сейчас дадут, а удержат с текущих поступлений». С просьбой написал Мусабай Тохтабай-оглы Касымов.

Или возьмем письмо Исмаила Габдулмаяштова: «Именем Аллаха Всевышнего! Вам, дорогому и уважаемому, благородному, благожелательному спутнику в трудном пути Чокану-мырзе много приветов и добрых пожеланий посылает Исмаил Габдулмажитов, живущий торговлей в Алмате. Да умножит Бог Всевышний Ваше счастье и могущество и да присудит нам очное свидание. Мы сейчас пребываем в Алмате в добром здоровье и благополучии. Если бог присудит, в пятых числах сентября думаем ехать в Ташкент с чаем. **Если у Вас будут поручения для нас, то, пожалуйста, срочно напишите в Алмату, мы там будем прислушиваться к разным вестям и по возвращении от-**

туда напишем Вам. Теперь Чокан-мырза. Вам самим известно, по пути в Кашгар мы совместно испытали много хорошего и плохого. Потому обращаюсь к Вам с нижайшей просьбой вымолвить слово и о нас, Вашем покорном слуге Его превосходительству корпусному командиру. А может, будет стыдно? Тем не менее, было бы большой милостью и добродетелью с Вашей стороны, если бы дали знать ему и о нас. **Людам, бывшим на государевой службе, государство оказывает много щедрот и благодеяний.**

С пожеланиями Вам счастливой жизни написал Ваш слуга. *Исмаил Габдулмажитов.* 20 августа 1859 г. из Алматы».

Временно находившийся на связи у Чокана Букаш Аупаев, являлся ценным агентом царских спецслужб. Разработчики закордонной операции задолго до кашгарской операции поддерживали с ним агентурные отношения. Впоследствии Букаш стал одним из главных героев кашгарской эпопеи Чокана Валиханова. Врангель, Достоевский и Чокан хорошо знали предприимчивого и умного Букаша. В сентябре 1857 года в самый разгар подготовки операции Букаш жил на заимке в Аркатских горах. У него был богатый, крепко построенный дом в Татарской слободе. В этом доме он не раз угощал Чокана, Врангеля и Достоевского пельменями, фисташками и шипучим вином. (И.Ерофеева). *Современный читатель* убедиться в дальнейшем, что дело вовсе не в пирушках, которые устраивал Букаш в Татарской слободе для своих друзей.

С.Муканов пишет: «...Исключительное важное значение представляло знакомство А.В.Врангеля с тем самым кокандским выходцем Букашем Аупаевым, который имел собственную заимку на Аркате и занимался торговлей с Кульджой». Вполне возможно, что Чокан впервые услышал от него рассказ о молодом кашкарлыке, выехавшем в Россию и вскоре признанном безвестно отсутствующим. Не исключается что именно этот агент сумел подобрать для Чокана подходящую легенду-биографию, которая затем была расширена и дополнена К.Гутковским.

Еще одним ценным агентом, я бы сказал даже агентом влияния, является султан старшего жуза Тезек, на сестре которого по имени Айсары в 1864 году женился Чокан. Любая экспедиция в сторону Кульджи, Зайсана, Копала или Кокпекты не могла обойти стороной заимку Тезека. Он не только являлся высокообразованным человеком, имел большой авторитет среди аксакалов, биев и султанов старшего жуза. К нему стекалась вся информация о всем происшедшем от Верного до Семипалатинска. Не могу утверждать однозначно, что

он был завербован Е.П.Ковалевским. Но то, что он был ценным агентом — нет никакого сомнения.

С.Марков пишет: «В 1851году Тезек прибыл в Копал для оказания помощи Егору Ковалевскому, ехавшему в Кульджу заключать торговый договор. Со своими джигитами он сопровождал караван Ковалевского, когда тот двигался через владения Большой орды к перевалу Уйгентас. Возвратившись из Кульджи, Ковалевский на некоторое время задержался в Джунгарском Алатау только ради того, чтобы изучить положение казахов Семиречья. Он не мог обойтись без советов с Тезеком, когда составлял записку об устройстве Большой орды».

Бесспорно то, что Тезек находился на связи у Чокана, о чем свидетельствуют отчеты разведчика в Центр. Но дружеские отношения между ними были прерваны из-за жестокого обращения султана с жатаками.

Находясь в Алтын-Эмеле, Чокан продолжает работать с агентурой, которая направлялась им на сопредельную территорию и доставляла оттуда необходимую информацию. В своих отчетах к Колпаковскому Чокан сетует на то, что направленный им в Кульджу «человек до сих пор не вернулся» (Собрание сочинений).

Теперь перейдем, пожалуй, к самой неприятной части нашего повествования. В спецслужбах, да не только в спецслужбах, сплошь и рядом встречаются плагиатство в сочинениях, воровство документов, присвоение чужого труда, подмена и подтасовка фактов и пр. Но самое нелицеприятное то, что дело, которому было посвящено вся жизнь, то есть все было поставлено на карту, даже само существование человека — присваивается другим лицом и историки во весь голос восхваляют последнего в великих свершениях, которые он не совершал. Порой эти восхваления сопровождаются компрометацией подлинного автора, сводя его роль в этом процессе к нулю.

Такое позорное действие по отношению к Чокану было совершено царской контрразведкой, которая в последние годы жизни взяли Чокана в активную разработку. Об этом подробно будет изложено в главах «Объект царской контрразведки» и «Загадочная смерть разведчика». А сейчас давайте прочтем цитату И.Стрелковой и других историков, которые повторяют ее «слово в слово».

«... Параллельно, с разницей в три месяца, те же самые сведения, которые добыл Чокан Валиханов, подтвердил старший султан Акмолинского округа Ибрагим Жайикбаев, который благодаря своим контактам с татарскими купцами, торговавшими в Кашгаре, **организовал**

целую информационную сеть. Но в мировую науку вошло только имя Валиханова. Те данные, которые Чокан добыл по географии, истории и этнографии этого края, будут использоваться еще долго».

Надо сказать, что И. Жайикбаев является таким же разведчиком, только меньшего масштаба, чем Чокан. Однако из него царские спецслужбы сделали великого разведчика. Каким образом это им удалось, как сказал мой друг, ветеран разведки, полковник запаса К. Окашев: «Коню ясно и козе понятно».

В период нахождения в Петербурге друзья Чокана стали выражать возмущение сплетням среди сотрудников Генерального штаба о том, что Чокан собрал материалы о Кашгарии, не выезжая из Омска; написал свои отчеты, сидя в кабинете. Они сообщили и о том, что стали создаваться всякие комиссии по проверке достоверности сведений, добытых Чоканом в Кашгарии. Кстати говоря, Е.П.Ковалевский предупреждал Чокана торопиться с составлением оперативного отчета, памятуя поговорку «Дорога ложка к обеду». П.П.Семенов также предостерегал Чокана, что его информация, не увидев свет, уже может устареть, поскольку идет непрерывный процесс исследования Восточного Туркестана. Возмущенный Чокан, за короткое время завершил несколько докладов и с триумфом выступил в Географическом обществе, сделал сообщения в Генеральном штабе и начертил карты всех шести городов Алтышара.

Экспедиция Ибрагима Жайикбаева была снаряжена, как говорится «по горячим следам» в Кашгарию, где все страсти уже улеглись, люди начали выходить на улицы без боязни после смерти Валихан-торе. Новое правительство само желало встречи с Россией, что является прямым следствием проведенной большой подготовительной работы Чоканом. По прибытии в Кашгар Жайикбаев от имени Чокана по отработанным ранее способам связи, пароли и отзывам, быстро восстановил связь с его агентурой и получил разведывательную информацию.

Автор не собирается умалить роль Жайикбаева в этой поездке, но он поступил нечестно, выдав агентуру Чокана, как завербованную им лично, чего и в помине не было. Он лишь подтвердил достоверность, добытых Чоканом, сведений о Кашгарии. Кстати, сам Чокан, из-за природной скромности нигде не пишет, что, созданный им агентурный аппарат российских спецслужб за границей, в последующем неоднократно использовался другими сотрудниками Министерства иностранных дел России.

Современный читатель: «Чем занимался Чокан более полгода в Кашгарии?».

- Вот именно! Чем он там занимался? Естественно, он часто стоял за прилавком, чтобы продавать товары купца Алимбая. Но он одновременно и общался с источниками информации из числа местных авторитетов. Разведчик собирал материалы об истории, быте, традиции Восточного Туркестана. Он добывал важную разведывательную информацию. Нет сомнения в том, что он побывал практически во всех шести городах Алтышара, о чем свидетельствуют подробные сведения о них. Нет в том ничего удивительного, что в каждом городе он встречался с множеством людей и вербовал среди них агентуру.

Современный читатель: В чем же все-таки заключалось первопроехождение Чокана в агентурном изучении Центральной Азии? Известно, что он первый из европейцев (не в смысле этнического происхождения, а по гражданству — Чокан был российским поданным) совершил путешествие в Кашгар, но мало известно о том, что параллельно с его экспедицией царское правительство в лице генерал-губернатора Западной Сибири Густава Гасфорта отправило туда еще ряд экспедиций. Дело в том, что идея путешествия Валиханова возникла не только из-за неприступности Кашгара для европейцев, но и в связи с таинственным исчезновением знаменитого немецкого географа, исследователя и путешественника Адольфа Шлагинтвейта.

Портрет молодого казаха. Карандаш. Историки не могли знать, что за человек, изображен на рисунке с надписью «молодой казах». Чокан указывать имя этого молодого человека не мог. Лучше было бы написать его имя, но этого нельзя было делать, поскольку на рисунке не кто иной, как агент Чокана. Это видно из схожести внешних признаков: глаза, брови, нос, подбородок. Во-первых, время написания рисунка совпадает со временем нахождения Чокана на Иссык-Куле. Во-вторых, в целях конспирации имя написано не было, поскольку он не такой популярный как Борамбай. Не исключается, что на Кокиша у Чокана были свои планы — взять, например, с собой в Кашгарию. В-третьих, «фотография» Кокиша впоследствии могла пригодиться и другим разведчикам, которые придут в этот край с заданием после Чокана.

Выглядит довольно странным, что Чокан стал рисовать портреты неизвестных лиц в первые же месяцы пребывания в экстремальных ситуациях в Кашгарии. Любой аналитик спецслужб Вам скажет, что Чокан по пути следования в Кашгарию заблаговременно продумывал

отступные варианты своей легенды и безопасности торговой экспедиции. Следовательно, он устанавливал контакты, завоевывал доверительные отношения и вербовал агентуру «на память». Эти четверо неизвестных в последующем оказывали содействие в продвижении других торговых экспедиций, начиная от Копала и Иссык-Куля, кончая городами Кашгарии.

Поэтому в условиях огромного, в несколько тысяч километров пространства, необходимы были карты, топографические съемки, схемы и чертежи местности, их описание и их назначения. Следовательно, Чокан многие свои «зарисовки» тесно увязывал со своей профессиональной деятельностью, о чем не могли догадываться его историографы, начиная с уважаемого академика А.Маргулана, кончая Э.Мурзаевым.

В этой связи точные, почти фотографические изображения агентов были бы недостаточны для связника, если бы они не были привязаны к местности.

Бесспорно, что изобразительная схема «Казахские кыстау и почтовые пикеты в районе оз. Убаган» к востоку от него, где имеется обширное пространство — жайлау к северу — зимовки аулов Уаковской волости указывает направление движения для любого человека. На другой схеме не без умысла показаны пикетная дорога, расположенная по меридиану от крепости Кушмурун до Уйской крепости и 30 пикетов, главнейшие из них Кушмурун, Кербекет, Убаган, Торткара, Шубар-Тубек, аул Жумагула, Аксуат, аул Жаза Жанова, Аман-Карагай, Жолтай-бекет и др.

К топографической оперативной съемке смело можно отнести план крепости Кушмурун и карту дорог северных степей Казахстана. На первой схеме дан общий план населенного пункта по обоим берегам р. Кушмурун. По количеству нанесенных на карту населенных пунктов и большой точности съемки, это уникальная оперативная карта того времени. *Она дает полное представление о территории Центрального и Северного Казахстана. На карте обозначено пять основных дорог, шедших с юга на север и северо-восток. Исходными пунктами их были известные в то время пункты Баян-Аул, Акмола, Актауское укрепление, Улутан, расположенное в широтном направлении на южной границе Области сибирских казахов.*

С топографическим пейзажем горы Сырымбет органически связана развернутая карта ее окрестностей с подробным обозначением урочищ, зимовок, боров, озер и т. д., а также долины р. Бурлук, правого притока р. Ишим. Крупными штрихами очерчены знаменитые боры

Тукты-Карагай, Акбас, Кож-Карагай, урочища Каркаралы, Караши-лык, зимовки — усадьбы родственников Чокана, его дяди Канкожи, Тортая (Шон-Карагай), Шын-кожи (у бора Акбас), Кулболды Валиханова (у Тере-Озека), Туранкуль и др. **Все это свидетельствует об обжитости района Сырымбет и всего Северного Казахстана в середине XIX в. и тем самым об оседлой и полuosедлой жизни казахов этой части Казахстана, что представляет огромный интерес с историко-демографической точки зрения.** Для изучения же оперативной биографии Валиханова данные его карт, относящихся к топографии Сырымбета, имеют исключительное значение для военных историков Казахстана.

«Разглядывая картографические работы Ч. Валиханова, исполненные с высоким профессиональным мастерством и даже каким-то особым графическим изяществом, порой забываешь об их утилитарном назначении. Во многих случаях они предстают перед нами своеобразными художественными произведениями, в которых отражены и любовь Чокана к родному краю, и меткость его взгляда, и выразительность его графического языка» (А.Маргулан).

Смею возразить, что именно «утилитарное назначение» для непрофессионала, наоборот, имеет непреходящее значение для Генерального штаба. Большую оперативную ценность представляют, в частности, путевые зарисовки Валиханова по маршруту Аягуз — озеро Иссык-Куль, реки Или с видами окружающих ее гор Алатау, Бугуты, Торайгыр и долин рек Чарын, Мерке, Каркара и некоторые другие (Ч.Ч.Валиханов. Собр. соч., т. IV стр.136).

Историки указывают, что «Валиханов особенно восхищался красотой хребта Алатау, любил рисовать вершины и ледники Кунгея и Терскея, рельефы Джунгарского и Заилийского Алатау, сырта Хан-Тенгри. Подлинной монументальностью отличаются его акварели, изображающие глетчеры Кунгея, зарисовки ландшафтов долины Иссык-Куля, Каркары и Чарына, пирамидальных тополей долины р. Или и др. С пейзажем связаны рисунки, в которых воспроизведена альпийская фауна этого горного хребта». Нельзя исключать, что Чокан, как натура художественная, не мог оставаться безразличным к божественной красоте природы Восточного Туркестана. **Но он смотрел на все это глазами разведчика, который должен был в точности переложить на бумагу все подробности данной местности.**

К ним относится серия этюдов, которая имеет большую художественную ценность и является превосходным материалом для знакомства с его научной деятельностью во время путешествия по Семиреченскому краю, Иссык-Кулю и Алатау. **В этой серии интересен рису-**

нок «Почтовый пикет на дорогах Семиречья. На заднем плане виднеется долина р. Или. Судя по всему, рисунок изображает местность, где впоследствии возник город Илийск.

Как бы несколько сверху художник изображает широкое ущелье в горах. То плавными, гибкими, но уверенными линиями, то быстрым стремительным штрихом он рисует гористую местность, высокую линию горизонта, деревья и кустарники. Валиханов достигает подлинной поэтичности, сочетая в единой композиции изображение величественной природы и мирный каждодневный характер многофигурной сцены. **Благодаря этим качествам, рисунок перерастает рамки только путевой зарисовки и обретает целостность и оперативную ценность, в котором дорожное впечатление вылилось в масштабное политическое наследие, где он стремился как можно больше запечатлеть для будущих потомков исконные земли казахского народа.**

А.Маргулан пишет: « Подытоживая сказанное о художественном творчестве Чокана Валиханова, мы должны заключить, что **он, как передовой человек своего времени, просветитель-демократ, ученый ясно понимал общие цели и задачи искусства.** В нем он видел важную задачу реалистического отображения народной жизни во всех ее проявлениях. Вместе с тем следует оговорить, что изучение художественного наследия Валиханова убеждает нас **в неравноценности** его творений по характеру и качеству. **Среди них имеются произведения блестящие, созданные умелым и даровитым мастером (портреты киргизских манаров Сартая и Борамбая, портреты казахов и киргизов, групповые портреты казахов и уйгуров, этюд «Домик под турангой» и др.)** и рисунки любительского характера. **Такая ощутимая разница в зарисовках Валиханова была обусловлена прежде всего его отношением к своему искусству как дополняющему его основную научную деятельность. Любительский характер в большинстве случаев имеют беглые наброски, составленные мимоходом во время экспедиций, в которых ему довелось участвовать».** Как видим, академик догадывался, что Чокан, возможно, является **профессиональным разведчиком**, но открыто об этом не мог писать с учетом политической обстановки того времени и, конечно, своей некомпетентности делать такие серьезные выводы.

Легендарный разведчик Чокан Валиханов «прорубил окно» на Восток и встал в авангарде профессионалов внешней разведывательной службы своего отечества как первый казах. Чокан Валиханов заявлял: «Я хотел бы, чтобы во всем, что я делаю, была польза прежде всего моему народу. И сегодня государство, общество не могут безучастно

относиться к тому, как обеспечивается национальная безопасность нашего независимого государства –Казахстан.,

В заключение автор выражает твердую уверенность в том, что в высших специальных учебных заведениях КНБ Казахстана и служб внешней разведки профессорско-преподавательский состав не оставит без внимания агентурно-оперативную деятельность легендарного разведчика. До слушателей будут доведены уникальные формы и методы его оперативной работы по добыванию своевременной, актуальной, конкретной, документальной разведывательной информации о противнике, а также тактики вербовки агентуры и организации работы с ней в условиях жесткого контрразведывательного и полицейского режима за границей.

При этом лишний раз хотелось бы акцентировать внимание молодых чекистов, что разведка и контрразведка- это непримиримые антиподы, если они защищают интересы противостоящих друг другу враждебных государств. В одном государстве, наоборот,разведка и контрразведка – важные элементы системы разведки и контрразведки любого государства и функционирует синхронно.

Надо всегда помнить, что разведывательно- подрывную деятельность иностранных спецслужб против нашего государств следует рассматривать как вызов национальной безопасности Казахстана .Правоохранительные органы нашей страны должны бороться с этим опасным явлением б е с п о щ а д н о!

*Великие люди — это метеоры, сами себя сжигающие,
дабы осветить весь мир.*

Наполеон

Да что вы толкуете: судьба!

Политика — вот она, судьба!

Наполеон

БЫЛ ЛИ ЧОКАН В ПАРИЖЕ?

Кто первый озвучил поездку Чокана в Париж?

Был ли Чокан в Париже? Что делал Чокан в Париже?

Историки «за» и «против».

Известный казахстанский писатель, в совершенстве владевший литературным казахским языком, переводчик на русский язык романа С.Муканова «Промелькнувший метеор», Алексей Брагин в предисловии к этой книге пишет следующее: «... Мне вспоминается такой случай. Я однажды готовил большую телевизионную передачу о Сабите Муканове. В передачу было включено и интервью с писателем, которое решили записать без предварительной подготовки в условиях, максимально приближенных к свободному разговору. И в этом интервью Сабит совершенно неожиданно для меня рассказал о том, что он располагает **неопровержимыми данными о пребывании Чокана в Париже** и обязательно поведает об этом в своем романе.» (Промелькнувший метеор. Алма-Ата. «Жазушы». 1980. С.406).

Другой источник указывает: «Ехал он с секретным поручением правительства в Ташкент и Коканд, сопровождая торговый караван. Между прочим, он рассказывал нам, дабы удачнее исполнить правительственное поручение и не навлечь на себя внимание туземцев, чтобы скорее разузнать все, что ему требуется, он в обоих городах женился по киргизскому обряду. **Впоследствии я встречал его в Петербурге и Париже**» (А.Е. Врангель «Приятель Ф.М.Достоевского — Валиханов» — Ч.Ч.Валиханов. Собрание сочинений в пяти томах. Главная редакция Казахской Советской энциклопедии. Алма-Ата 1985 С.232-237)

Историк Ударцев пишет: «Детальное выяснение этого вопроса имеет существенное значение. **В связи с возможной поездкой Валиханова в Париж в конце 1860 г. представляет интерес находка венгерского исследователя М.Куна: запись в дневнике венгерского эмигранта Д. Тарнаки о посещении Герцена людьми из России, имена которых тот не**

сообщил, видимо, по конспиративным соображениям» (Ударцев С.Ф. Связи Чокана Валиханова с русской революционно-демократической эмиграцией. / Чокан Валиханов и современность. Издательство «Наука». Алма-Ата 1988. С.89).

Анализируя третье письмо Ч. Валиханова к отцу (4 ноября 1860 г.), **А. Х. Маргулан находит подтверждение его поездки в Париж («... через месяц выеду из Петербурга в Париж»), о чем до сих пор имелось единственное подтверждение.** По некоторым источникам (воспоминания и письма друзей) Валиханов в этот период (1860 г.) на короткое время съездил в Лондон и Париж, возможно, с целью публикации своих статей в трудах Географических обществ Великобритании и Франции (сообщение из Интернет).

С.Муканов, биограф Чокана Валиханова № 1, описывает, что Врангелю, имевшему особые полномочия Центра, «надо было собрать разведывательные материалы об английском проникновении в Среднюю Азию, свести воедино мнения омских губернских деятелей о том, как это приостановить, помочь правительству выработать конкретные меры, предворяющие подчинение России Среднеазиатских ханств. Врангель в Семипалатинске пытался найти нужные ему факты, но их было очень мало».

Из контекста исторического романа С.Муканова вытекает, что Федор Михайлович Достоевский «подтвердил, что Валиханов и доверия достоин, и способен на подвиг». В предварительной беседе с А.Врангелем Чокан подтвердил, «что сегодняшний соперник России — Англия. Это, конечно, так. Но почему мы забываем об опасности, исходящей от Германии. Вы присмотритесь, что там происходит. Союзный сейм и таможенный союз уже восстановлены. Пруссия настойчиво играет роль объединителя. Я читал речи Отто Бисмарка. Он еще покажет свои коготки. Вот увидите, Германия уже на нашем веку станет одной из сильнейших держав Европы, на равных будет бороться и с Англией, и с Францией. А пока они уже забрасывают свои куруки-петли и на берег Тихого океана и в Среднюю Азию». Подобные рассуждения Чокана укрепили Врангеля во мнении в правильности данной ему характеристики Ф.Достоевским. А нас убеждает в том, что такого эрудированного разведчика со знанием французского языка было бы грешно хотя бы один раз не использовать в добывании разведывательных сведений о противнике, которым, несомненно, являлась и Франция.

Аргументы других источников о том, что Чокан занимал деньги у друзей и просил отца выслать ему денежный перевод для поездки в

Париж вполне состоятельны, поскольку заграничная поездка оперативного работника оплачивается за счет особой статьи расходов спецслужб, что было явно недостаточно для чингизида с его потребностями. *Поэтому денежный вопрос также нельзя исключать из версии о возможном пребывании Чокана в Париже.* Но, поскольку он, действительно занимал деньги, то это может быть связано с его расточительностью, как султана с казахским гостеприимством. Тем более, И. Стрелкова отмечает его излишнее увлечение красивыми вещами, дорогими сигарами, возможно, женщинами, которые влюблялись в него на каждом шагу.

Современный читатель помнит, что в письмах Чокана домой повторяются просьбы выслать деньги. 4 ноября 1860 года он пишет: *«Бог даст через месяц выеду из Петербурга в Париж*, для чего занял деньги у одного человека, боюсь, что Ваш перевод не застанет меня в Петербурге. Теперь по получении настоящего письма переведите мне тысячу рублей, предназначенную Вами мне на годовое содержание. Говорят, за границей несостоятельного должника, будь он хотя бы архи-знаменитостью, даже генералиссимусом, сажают в долговую тюрьму».

Один из чокановедов утверждает, что «за границу Валиханов мог поехать при двух обстоятельствах: как государственный служащий или по болезни».

Автор, не исключая пребывание Чокана в Париже, вместе с тем уверен, что поездка за рубеж «по болезни» в корне неверно. Во-первых, во Франции с резко континентальным климатом и высокой влажностью воздуха от туберкулеза люди не лечились, не делают это и поныне. Во-вторых, герои Тургенева, Островского и Чехова едут лечиться от чахотки в солнечную Среднюю Азию. Чокан, как помнится, привез в отчий дом одного дворянина, больного чахоткой и вылечил его кумысом. Сам же протирает тело водкой, чтобы вылечить от насморка.

В третьих, Чокан никогда не болел чахоткой при его подвижности, чисто плотном образе жизни, отличном питании и постоянном пребывании на свежем воздухе. Кроме того, он был молод и, по утверждению С.Маркова, в Петербурге Чокан был полон сил и энергии, «хорошо проводил время среди таких же крепких и здоровых парней». О специально придуманной спецслужбами России болезни Чокана Валиханова подробное будет изложено в другой главе. Наша задача - опровергнуть тезис о том, что Чокан ездил в Париж «только по болезни».

Мариям Сексенбаева совершенно справедливо утверждает, что «до сих пор исследователи надеются найти документы, свидетельствующие

шие о его поездке в Париж». Но доподлинно известно, что в Лондоне у Герцена Валиханов не появлялся. А в ту пору каждый свободомыслящий русский, попавший за границу, считал своим долгом навесить издателя «Колокола». Хочу заверить, что не все эмигранты, а их было в Париже и Лондоне предостаточно, считали обязательным посещение редакции революционного журнала «Колокол». Чокану, как сотруднику внешней разведки, выполнявшего особо важное задание, и подавно не следовало встречаться с зарубежной русской эмиграцией. Потом мы же доказываем, что **Чокан был в Париже, а не в Лондоне.** Поэтому никто не оспаривает утверждение, что «в Лондоне у Герцена Валиханов не появлялся». **Чокан был только в Париже.**

Однако *Современный читатель* вправе задать вопрос, каким образом тогда на страницах журнала «Колокол» появились материалы Ч. Валиханова о поездке в Кашгарию? В данном случае можно выдвинуть, как минимум, три версии. Первая версия — Чокан мог передать статью через того же А. Врангеля или через любое другое лицо. Вторая версия — статья могла быть отправлена за рубеж Российским Географическим обществом, поскольку материалы содержали несекретный характер и поднимали престиж России и ее право на Восточный Туркестан. Третья версия — это то, что близкие друзья Чокана, например, те же Дуров, Ядринцев, Потанин могли передать статью в журнал с ведома или без ведома Чокана Валиханова. Известно, что ранее Чокан Валиханов уже был несколько раз профиликтирован руководством Департамента МИД России за чрезмерно активное общение с социал-демократами. Поэтому он попросту не мог нарушить воинский устав, без санкции встречаясь с революционно настроенной частью русской эмиграции за рубежом. Вместе с тем Чокан несколько раз обращался к своим друзьям с просьбой о публикации своих статей в журналах, **включая и зарубежные издания**, за определенное вознаграждение, то есть с целью получить гонорар.

В пользу данной версии привожу следующую цитату: «Большое значение для развития общественно-политических взглядов Ч. Ч. Валиханова и его друзей имел авторитет А. И. Герцена в России. Некоторые друзья и знакомые Валиханова (Я. П. Полонский, В. С. и Н. С. Курочкины и др.) встречались за границей с Герценом, друзья Валиханова из Сибирского землячества в Петербурге собирали сведения для «Колокола» и распространяли его (Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, Н. С. Щукин и др.). Издания Герцена получал и генерал-губернатор Западной Сибири Г. Х. Гасфорт, адъютантом при котором в Омске служил Валиханов. Позже, в 1862—1863 гг., в омском кружке Г. Н.

Потанина читались и обсуждались статьи из «Колокола». А.А. Атишев высказал предположение, что Валиханов и Потанин были авторами статьи «К характеристике Сибири», опубликованной в № 72 за 1880 г. «Колокола».

Вот еще одно мнение. **«Что таится в архивах? Последний год жизни Валиханова, несмотря на то, что об этом много писали, остается достаточно загадочным для современников»** (И. Ерофеева).

Заведующий кафедрой истории Казахстана Кокшетауского государственного университета, им. Ч. Валиханова Кадыржан Абуев в статье «Чокан Валиханов и Алькей Маргулан» пишет о том, что «изучение жизни и научного наследия Чокана Валиханова ведется уже более ста лет. Однако до сих пор существуют неразрешенные проблемы. К примеру, вот лишь один факт из петербургской жизни Чокана. Речь идет о его письме к отцу от 4 ноября 1860 года, где он писал: **«Бог даст, через месяц выеду из Петербурга в Париж, для чего занял деньги у одного человека...»**

Далее автор пишет следующее: «Если Валиханов не совершил поездку (в Париж.Б.К.), то зачем было ему брать в долг такую крупную сумму денег? Ведь он получал приличное жалование 739 рублей, для того времени деньги немалые. **Пока единственным документом, подтверждающим пребывание Ч. Валиханова в Париже, является свидетельство А. Врангеля, друга Ф. Достоевского.** В своих воспоминаниях о Ч. Валиханове он пишет: «Мне он (Ч. Валиханов. — Б.К.) очень понравился, и Достоевский очень был рад повидать его. **Впоследствии я встречал его в Петербурге и в Париже.** Врангель, как профессиональный разведчик, знал Чокана, товарища по оружию, как говорят, «в лицо», поэтому ошибки быть не может..

Таким образом, **у нас есть веские основания полагать, что Чокан все же был в Париже.** В таком случае естественен вопрос: зачем? Тем более, что финансовые возможности его родителей были весьма ограничены. Вероятно, были какие-то веские причины. Это могла быть встреча с издателями оппозиционной по отношению к самодержавию газеты «Колокол» — Герценым или Огаревым. **Серьезным аргументом в пользу этого может служить то, что начиная с 1861 года на страницах «Колокола» появились статьи о Казахстане.** В них острой критике подвергалась колониальная политика царизма, разоблачались произвол и лихоимство чиновников, бесчинства и грабежи со стороны казачества. Особенно примечательна в этом отношении статья в 131-м номере «Колокола» от 1 мая 1862 года. Таким образом, даже теперь нельзя ставить окончательную точку в исследовании жизни и твор-

ческого наследия Чокана Валиханова». Могу заверить, что данная статья принадлежит Чокану, однако редакторы, как правило, имеют обыкновение вносить коррективы, что может существенно усилить одну позицию или затушевать другую. Тем не менее, Чокан не уклонялся от написания и публикации довольно острых статей в самой России. Мне представляется, что данная статья содержала более научный характер, нежели революционный, в чем хотят нас заверить.

Дополняет представление о связях Валиханова с русской революционной демократией (в том числе и эмиграцией) еще одно его знакомство, остававшееся до сих пор в тени. Известно, что в письме от 6 июля 1860 г. отец Валиханова передавал сыну поклон от «адъютанта Соколова». А.Х. Маргулан в примечании к тексту этого письма при его публикации (Простор, 1960, № 9) уточнил: «адъютант Соколов» — это «инженер-полковник Соколов». Затем в собрании сочинений (Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1962. Т. 1. С. 686) уточнял примечание о Соколове по сравнению с публикацией в журнале, хотя примечания о других упомянутых в том же письме лицах оставались без изменений. Однако «адъютант Соколов» так и не был найден. По нашему мнению, речь идет о сослуживце Венюкова, близком знакомом Бакунина, в определенной мере даже его единомышленнике — Николае Васильевиче Соколове, старшем адъютанте генерального штаба войск Восточной Сибири. Летом и осенью 1860 г. Н. В. Соколов совершил поездку в Францию. Видимо, перед отъездом за границу летом 1860 г., проезжая через Омск, Соколов виделся с отцом Валиханова и передал через него поклон своему коллеге, находившемуся уже в Петербурге. Во время своей заграничной поездки 1860 г. Соколов многократно встречался с Герценом и Прудоном (последнего ему рекомендовал Герцен), а возвращаясь в Петербург в конце сентября, провез нелегальную литературу. ***Не имела ли эта поездка Соколова за границу, его возвращение, влияние на намерение Валиханова вскоре отправиться за границу? (имеется в виду Париж.Б.К.)*** Позже, в 1863 г., Соколов вышел в отставку, сотрудничал в журнале «Русское слово». В 1865 г., будучи за границей, произносил речь на похоронах Прудона. С 1872 г. он — эмигрант, примыкал к бакунистам, навещал за границей Бакунина. «В целом, деятельность революционно-демократической эмиграции второй половины 1850-х — начале 1860 гг. и лиц, связанных с ней,— важный элемент политической, идеологической среды, в которой формировались общественно-политические взгляды Валиханова и многих его друзей». Так писали историки при тоталитарном режиме. Сегодня такое утверждение не выдержива-

ет никакой критики, поскольку был заказ, чтобы из него сделать революционера.

И. Стрелкова писала: *«До сих пор исследователи надеются найти документы, свидетельствующие о поездке Ч.Валиханова в Париж».*

Этим вопросом интересовался известный писатель Ануар Алимжанов, который, кстати, впервые выдвинул версию о возможном убийстве Ч.Валиханова, о чем мы расскажем ниже. В статье, посвященной дружбе Ч. Валиханова и Ф. Достоевского, Алимжанов писал: «Очевидно, что деньги на дорогу он мог занять «у этого человека» (у А. Врангеля — Б.К.) только при содействии и поручительстве Достоевского, или же этим человеком мог быть *сам Достоевский*, который всегда настаивал, чтобы Чокан продолжил свое образование, в том числе и за границей (возможно, имеется в виду Париж.Б.К.)

В своих воспоминаниях о Ч. Валиханове Н.М. Ядринцев писал: «С Чоканом Валихановым я познакомился в Петербурге в 1860 году через Григория Николаевича Потанина. Сначала я просто встречался с ним, а потом представился мне случай сделать небольшое одолжение». Одолжение это заключалось в том, что Ядринцев дал взаймы Валиханову сравнительно крупную сумму. Спрашивается для чего? Ведь на текущие расходы у него денег всегда хватало, так как он, по тем временам, получал большую зарплату. Отец Чокана — Чингиз постоянно высылал ему денег на всякие расходы. *А вот поездка за границу обходится всегда недешево (речь, конечно, идет о Париже. Б.К.)*

Мариям Сексенбаева утверждает, что «все было расставлено по своим местам, благодаря заслугам краеведа Николая Петровича Ивлева, который исследовал биографии обоих Валихановых». *При этом Ивлев никогда не утверждал, что в Париже был Гази, а не Чокан.*

Версия о том, что Чокан Валиханов выехал в Париж по собственной инициативе для встречи с зарубежной эмиграцией или для публикации своих работ неверна по своей сути. Потому что в силу своего служебного положения военнослужащего, он не мог без санкции выехать в Париж, тем более, для встречи с противниками царского режима.

Ответ простой. *Он был отправлен в Париж в служебную командировку, как оперативный работник, под прикрытием члена официальной российской делегации для участия на традиционно организуемых на Западе ежегодных торговых выставках.* Еще в те времена спецслужбы, как и в настоящее время, в состав различных делегаций или туристических групп включали под соответствующей легендой оперативного работника, который обеспечивал контрразведывательное наблю-

дение за членами делегации или под чужим именем выполнял разведывательное задание*.

Вспомните И.П.Игнатьева, друга и наставника Чокана по разведке, совершившего «кражу» патрона от боевой винтовки из Лондонской выставки.

Военный историк К.Абенев утверждает, что инициатором появления статьи в журнале «Колокол» в 1961 году мог оказаться сам Чокан. *Он, скорее всего, был в Париже в 1860 году, когда работал в центральном аппарате внешней разведки в Петербурге.* Материалы для статьи он мог передать в редакцию самовольно, что могло служить основанием для причисления его к числу неблагонадежных. По мнению историка, именно с этого периода он и стал объектом царской контрразведки, о чем мы расскажем в другом разделе.

Некоторые военные историки заявляют, что Чокану в качестве легенды-биографии, возможно, было дано имя его двоюродного брата и придан похожий внешний облик последнего, что было для него привычно (вспомните купца Алимбая). В связи с этим вспоминается, что биографы Ч.Валиханова отмечают, что он был ярым поклонником таланта М.Ю.Лермонтова и даже внешне старался быть похожим на него. Действительно, если посмотреть на фотографии Чокана и Лермонтова, то можно обнаружить поразительную идентичность во внешних данных у обоих, одинаково носящих военную форму российской армии.

Ссылаясь на С. Муканова, А.Брагин говорит, *что в Париже его, скорее всего, встречал и, надо полагать, многократно беседовал, как с коллегой, путешественник и разведчик А.Врангель.* Последний в силу своей профессии никак не мог ошибиться, когда писал, *что встретился с Чоканом в Париже.* Историк напомнил, что Чокан уже выполнял разведывательное задание, длительное время находясь под чужим именем в условиях жесткого контрразведывательного режима за кордоном. *По этой причине руководство спецслужб могло использовать Чокана неоднократно в таком качестве и под соответствующей легендой проверить его надежность и профессиональный уровень именно на Западе с учетом его блестящего знания французского языка.*

---

* Автор этих строк, будучи молодым оперативным работником, в 1958 году выезжал в Софию (Болгария) под соответствующей легендой для участия во Всемирном фестивале молодежи и студентов, где на связи имел агентуру из числа членов советской делегации. Результаты ежедневно докладывались резиденту КГБ в Болгарии.

Между прочим, хорошее знание оперативным работником иностранного языка является решающим фактором для спецслужб при направлении его в длительную или краткосрочную заграникомандировку. А Чокан, по данным абсолютного большинства историков, блестяще владел французским языком. *Современный читатель* помнит, как Чокан постоянно разговаривал на французском языке с женой К.Гутковского. В кулуарах жены высокопоставленных чиновников высказывали удивление о феноменальных способностях Чокана в изучении иностранных языков.

Утверждение М.Сексенбаевой, что Чокан в Париже не был, аргументировано не в полной мере. Она пишет: «А путаница произошла потому, что *один из царских чиновников* написал в своих записках: **«Был в Париже, встретил там Валиханова»**. При этом имя не упоминалось, но эта строчка дала многим публицистам основание для сенсации: **Чокан не умер в 1865 году, он успел побывать в Париже!** Автор еще раз внимательно изучил статью А.Врангеля — имя действительно не упоминается. Но из контекста можно увидеть, что он не мог ошибиться в силу того, что проводил работу по выводу Чокана за кордон. Гази же от «чахотки не умирал», он не дружил с Достоевским и Потаниным, о чем писал Врангель.

М. Сексенбаева настаивает, что «Валиханов на самом деле был там, но не Чокан, а Гази, который дослужился до генеральского чина и дожил до 1919 года». Будь Гази даже маршалом, но нет данных, что он в это время был в Париже. Между прочим, Гази относился негативно к Чокану из чувства зависти. При этом всплывает тот же вопрос — в связи с чем царский офицер оказался в Париже? Как известно, в Париж как представитель МИД России (генерал, все таки. Б.К.) он никогда не направлялся. Местом пребывания Гази в это время было не Париж, а тюрьма, где он находился за кражу скота (Барымта). И последнее. А.Врангель написал свои воспоминания о встрече с Чоканом гораздо позднее, уже после его смерти. Главное — действие происходит в 1860 году, когда Чокан находился в Петербурге. Это вот важнее всего. Иронизировать над тем, что Чокан после смерти побывал в Париже, по меньшей мере, некорректно.

Современный читатель, видимо, в недоумении и вправе спросить, каким образом офицер разведки, постоянно носящий военную форму, соблюдающий дисциплинарный Устав армии, вдруг свободно распоряжается служебным временем. Перемещение с одного места в другое связано с рапортами с просьбой выехать по личным делам и прочее. А вот он позволяет себе выехать куда угодно и когда угодно.

Свободно и безнаказанно встречается с теми, кто настроен против царской политики и даже разделяет их точки зрения. Иногда сам выражает в резкой форме свое неприятие царя и его власти. Одним словом, у него все сходит с рук. Почему? Мы считаем, что историки-чокановеды порой излишне увлекаются домыслами и преднамеренно искажают факты, стремясь создать из одного человека, в лице Чокана, и ученого, и социал-демократа, и даже революционера, и офицера по особым поручениям, и разведчика, и путешественника и пр.

Противники версии пребывания Чокана в Париже настойчиво утверждают, что царский чиновник А.Е.Врангель мог перепутать Чокана с другим человеком. Однако **А.Врангель, будучи в Омске, часто встречался с Ф.Достоевским и Чоканом. В условиях Парижа, где редко можно встретить соотечественника, он видел именно нашего героя.** В своих воспоминаниях он, с присущей разведчику сдержанностью, написал об этом вскользь, боясь сказать лишнее о сотруднике разведки, выполнявшего ответственное оперативное задание за границей.

Наши оппоненты могут напомнить о допущенных неточностях в статье А.Врангеля о том, что ранее Чокан посетил Ташкент, где, по обычаям местного населения был вынужден жениться. Он отмечает, что Чокан таким образом женился дважды. Относительно поездки в Ташкент А.Врангель не ошибался, так как свою нелегальную поездку в Кашгарию Чокан готовил лично. Там он встречался с Букашем Аупаевым, крупным предпринимателем, который оказал поддержку Чокану в подборе участников торгового каравана, материальном обеспечении и легендировании Чокана под купца Алимбая. Об этом мы расскажем в разделе операция «Черный дракон». Женитьбу Чокана в Ташкенте А.Врангель придумал сам с целью создания видимости, что он слабо посвящен в подробности, что свидетельствует о характерной для сотрудника спецслужб манере создать ореол таинственности вокруг себя и Чокана.

В результате анализа и критической оценки всех материалов о деятельности российских спецслужб в тот период и личности самого Чокана, **мною установлено, что он действительно находился в краткосрочной заграничной командировке с разведывательным заданием в составе российской делегации во Франции.** Этому способствовало то, что он в это время находился в Петербурге, где формировался состав миссии. Включение в ее состав российского подданного восточной национальности с блестящим знанием французского языка поднимало престиж России как интернационального государства. Кроме того,

решался вопрос о повышении Чокана по службе, включая направление в качестве консула в Китай. Думаю, что эта командировка состоялась до аудиенции у царя и была необходима для его дополнительной проверки на остром участке оперативной работы, каким был выезд за рубеж с разведывательным заданием под прикрытием официальной делегации. В этом деле он уже имел за плечами достаточный опыт. Включению Чокана в состав делегации мог способствовать Н. Игнатьев, который видел в нем перспективного государственного служащего России.

Как уже отмечалось, российские военные историки от спецслужб пишут о Чокане Валиханове, ссылаясь на пометку **«архивные материалы свидетельствуют»**.

У *Современного читателя* возникнет конкретный вопрос: Какое задание Чокан Валиханов выполнял в Париже?

Понятно, что разведывательное задание в Европу в принципе отличалось от задания в Кашгар. В Париже, скорее всего, он был экипирован под русского торгового представителя. Задание он выполнял по линии научно — технической разведки. Чокан не имел в Париже иммунитет неприкосновенности, поскольку не выезжал туда в качестве дипломата. По этой причине он не смог бы себе позволить кражу с витрины образца боевого патрона, как это сделал Н.Игнатьев, обладавший рангом советника посла. Чокана тут же арестовали бы со всеми вытекающими отсюда неприятными последствиями.

Надо полагать, что расширение разведывательных возможностей Чокана Валиханова в этот период велось более интенсивно. Оперативная подготовка разведчика такого высокого класса завершалась именно в Петербурге, о чем свидетельствует его служебная командировка в Париж под легендой члена торговой делегации России. В то же время Чокан был талантливым ученым-разведчиком, имеющим глубокие познания во многих отраслях науки. (мы помним, как он запрашивал у Колпаковского аппараты по определению РН воды и почвы, и проведения других научных анализов. Б.К.) Следовательно, Чокан, в процессе контактов с другими членами зарубежных делегаций, сумел добыть ценные разведывательные сведения военно-политического, научно-технического характера.

О поездке Чокана в Париж говорит еще такой факт.

В 1860 году Англия и Франция организовали совместную карательную экспедицию в Китай. Попытка вооруженного восстания китайского народа против колонизаторов была жестоко подавлена,

англо-французские каратели прошли через Тяньцзинь к Пекину. Естественно, военного министра Горчакова очень интересовал кашгарский отчет Валиханова, где убедительно говорилось об ослаблении позиций маньчжурской династии в китайских западных колониях, о ненависти народа Восточного Туркестана к колонизаторам, об успешном проникновении русских товаров на рынки Азии, о возможности получать из Восточного Туркестана хлопок. Сведения о хлопке, доставленные Валихановым, вскоре приобретут еще большую ценность, потому что гражданская война в Северной Америке вызовет сокращение ввоза американского хлопка в Европу.

По ходатайству Горчакова перед Александром II штабс-ротмистр Валиханов был причислен к Азиатскому департаменту с назначением ему жалованья как драгоману. Это перемещение также имеет под собой основу. Департамент занимался подготовкой и направлением за рубеж оперативных работников. Исследователи научного наследия Валиханова полагают, что рукой Горчакова сделана пометка на полях краткого извлечения из кашгарского отчета: «Я был бы Вам весьма благодарен, если б Вы сообщили Географическому обществу то, что Вы из этого почтете возможным».

Н.П. Игнатьев, получивший в 27 лет генерала, метил сменить Ковалевского на посту директора Азиатского департамента. Он, конечно, понимал, какого ценного сотрудника обретает в лице Валиханова. Игнатьев, очевидно, и является «крестным отцом» в направлении с разведывательным заданием Чокана в Париж под прикрытием члена российской торговой делегации.

В последующем Чокан об этой поездке в Париж нигде не писал, что также вполне объяснимо: он давал подписку о неразглашении государственной тайны.

*Слава тем, кто воспеть по достоинству смог
И очаг и родник - два великих начала,
Трижды слава, кто сам хоть лучинку зажжёт,
У кого под лопатой вода зажурчала.*

Расул Гамзатов

*Культура рождается в провинции,
вырождается в столицах и в этой форме
возвращается в провинцию*

Хенрик Ворцель

Мало быть гением, надо еще жить в столице.

Аркадий Давидович

ЧОКАН В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Накануне выезда. Встречи. Служебная и научная деятельность.

Аналитическая и преподавательская работа разведчика. Разочарование.

Начало оперативной проверки. Компрометация. Отъезд.

Весной 1859 года закордонная операция «Черный дракон», согласно задания Генерального штаба, утвержденного царем, была завершена после благополучного возвращения из Кашгарии на родину разведывательной группы во главе с Чоканом Валихановым. Во избежание излишних расспросов и подозрений Чокан не снимал экипировку с момента возвращения из Кашгарии вплоть до поселения его на конспиративной квартире в г.Омске. После перехода границы он мог без боязни снять с себя халат и головной убор купца Алимбая. Однако он этого не сделал и находился некоторое время в г.Верном и никем неузнаваемый, свободно гулял по городу. Источники отмечают, что Чокан, будучи в Верном, взял дорожную сумку и ушел в горы, где рассматривал породы камней, ловил бабочек, собирал гербарий, изучал фауну и флору Заилийского Алатау. Его Кашгарский дневник продолжал пополняться новыми научными наблюдениями. Высочайшая работоспособность Чокана после пребывания в экстремальных условиях, сопряженных с возможным провалом операции и с трагическим концом для всех членов разведгруппы, поражает воображение. В то время, когда все участники экспедиции отсыпались в караван-сараях, Чокан где-то в Алматинском ущелье ловил бабочек! Перенесенные нервные потрясения, когда жизнь каждого члена разведгруппы висела на волоске, для других явился кошмарным сном, а для него — словно все это время он находился в увлекательном путешествии! Фантастика!

Руководители закордонной операции «Черный дракон» К. К. Гутковский и Г. А. Колпаковский в целях конспирации по известным только им секретным каналам распространили дезинформацию, что Чокан, после пребывания длительное время в экстремальных условиях, сопряженных с большими нервно - психологическими нагрузками, сильно заболел. От туберкулеза тогда и речи не было. Департамент военной разведки России в то время даже не подозревал, какую огромную услугу оказали указанные лица царской контрразведке впоследствии в постановке несуществующего диагноза — ч а х о т к а.

В Семипалатинске, а затем в Омске, в условиях глубокой секретности, на конспиративной квартире Чокан немедленно приступил к составлению научного и оперативного отчета по результатам выполнения сложнейшего задания.

Более шести месяцев Чокан Валиханов обрабатывал добытые им в Кашгарии разведывательные сведения. Одновременно он составлял отчет по оперативной части задания. В частности, он должен был лаконично изложить отдельной справкой по п. 7 задания (раздел «Возмездие») и об агентуре, завербованной им в Кашгаре и других городах Алтышара (раздел «Агентура Чокана»). Думается, что он по каждому агенту составлял отдельный документ с приложением их «фотографии», то есть зарисовки их физиономий с приложением схем обусловленных мест для будущей негласной встречи. Пароли и отзывы при необходимости восстановления связи с этими агентами он мог взять с собой в Петербург, поскольку расшифровка негласных помощников привела бы к их немедленной ликвидации китайской контрразведкой. Об этом даже сейчас умалчивают Ф. Осадчий и Н. Кудрявцев, знакомившиеся с архивным личным делом Чокана из совершенно секретного фонда под серией «К» спецслужб России. Вместе с тем автор настаивает на своей версии о том, что оперативная часть отчета была составлена в Петербурге, а не в Омске, где он написал основную часть научного отчета.

Когда отчет был в целом завершен Чокан, с санкции руководства, постепенно стал выходить в город на прогулку, где начал встречаться с друзьями и наносить визиты вежливости. На нем был новый, специально сшитый, военный мундир офицера Генштаба России. Естественно, что друзья кинулись к нему с многочисленными расспросами и упрашивали как можно скорее ехать в Петербург за «наградами». Однако, Г. Потанину, В. Достоевскому, А. Ядринцеву и другим было просто неизвестно, что, находясь в условиях конспиративной квартиры, русский разведчик составлял отчет о нелегальной ходке за

кордон. По мнению историков, он не мог выехать в Петербург до тех пор, пока его отчет не будет предварительно оценен аналитиками разведцентра и не получит предписание о командировке в столицу, как этого требовал Устав о прохождении воинской службы в царской армии.

Отчет был составлен в стиле, отличавшемся от протокольного составления официальных бумаг, — написан свободно, вдохновенно, с большим знанием дела и превзошел все ожидания военного начальства. В этом не было ничего удивительного, так как Чокан имел за плечами длительную теоретическую подготовку и опыт работы оперативного работника внешней разведки.

Предварительный отзыв, данный экспертами Генерального штаба и других ведомств, превзошел все ожидания. Для Гасфорта, претендовавшего на «пальму первенства» в организации и проведении этой операции, высокая оценка Центром «его гениальной идеи», явилась также полной неожиданностью. Генерал от инфантерии почувствовал, что перед ним замаячила должность по меньшей мере министра иностранных дел всея Руси.

Принимая Чокана у себя в имении, Гасфорт перед гостями не скрывал восторга, что его офицер по особым поручениям выполнил в полном объеме указ Его Императорского Величества и под его (Гасфорта) чутким руководством пробил «окно» в неведомую Кашгарию.

Осенью 1859 года, после предварительного ознакомления с отчетом штабс-ротмистра Чокана Валиханова, представленным в Генеральный штаб по результатам проведенной им разведывательной операции с нелегальным выходом в Кашгар, Центром было принято решение об откомандировании его в Санкт-Петербург для дальнейшего прохождения службы. Только через шесть месяцев, вслед за военным курьером, доставившим отчет в Генеральный штаб, в Санкт-Петербург, Гасфорт отправляет туда и самого героя. Получив командировочное удостоверение и денежное предписание, преисполненный чувством большой любви к Царю и Отечеству, Чокан, наконец-то, выехал в столицу.

Там он был встречен как геройски отличившийся офицер. Военный министр обратился к царю с ходатайством о награждении поручика Валиханова. С формулировкой «За отличную, усердную, ревностную службу» император Александр II пожаловал его кавалером ордена Святого Владимира, а также произвел в штабс-ротмистры. За усердный труд и спасение русского офицера Валиханова от кокандского плена и содействие в успешном выполнении секретной миссии золотыми медалями были награждены купцы Мусабай и Букаш.

Итак, Чокан в Петербурге. Дальновидный начальник внешней разведки, а именно Е.П.Ковалевский, определил его постоянным местом работы во Всероссийском географическом обществе, членом которого Чокан являлся с 1857 года. Как мы уже говорили выше, данное Общество тогда являлось структурой прикрытия спецслужб в легендировании их агентурно-оперативной деятельности, в том числе и по линии разведки. Заработную плату Чокан получал в военном министерстве, где он числился офицером Генерального штаба в качестве штатного сотрудника. Помимо этого, Чокан работал и в Министерстве иностранных дел, где участвовал в инструктаже и оперативной подготовке сотрудников МИДа, выезжающих в восточные страны по дипломатическим каналам.

Вот таким образом начинается новый, петербургский этап жизни Чокана Валиханова. Если путешествие в Кашгарию было подвигом, то годичное пребывание в Питере явилось временем научного и государственного признания заслуг отважного путешественника, временем интенсивной работы над своими сочинениями и, наконец, временем укрепления связи с русской интеллигенцией, являвшейся мозговым центром высшего российского истеблишмента.

В столице Чокан встречается с министрами и с теми литераторами, которые «считали своими учителями Чернышевского и Добролюбова». Хочу предупредить, что контакты с деятелями литературы и искусства с крайне левыми взглядами, тем более призыв Чокана «Русь к топору!» является форменной фальсификацией со стороны историков тоталитарного режима и основанием для оправдания его разработки контрразведкой

Чуть ли не одновременно «о деятельности Валиханова с большим одобрением отзывается в Лондоне и «Колокол» А.И. Герцена». Эта версия выдвинута некоторыми биографами Чокана (И.Ерофеева, А.Брагин). Имя Чокана Валиханова становится известным востоковедам Западной Европы (А.Маргулан). Думается, что А.И.Герцен не намеревался бить в колокола, что нашел в лице Чокана подлинного врага русского царя. Это не так. «Колокол» мог проявить интерес к научным изысканиям степного ученого, истинно переживающего за судьбу своего народа, не более того. Как исключительно дальновидный человек, А.Герцен знал, что показав автора-азиата как революционера, он мог подмочить свою репутацию, чего ему не хотелось, а также поставить под удар невинного человека.

Петербургский этап жизни Чокана Валиханова, бесспорно, очень занимал Сабита Муканова. Этому периоду была бы отведена в романе

не одна глава, если бы не безвременная кончина талантливого писателя.

Как известно, «научный» отчет Чокана Валиханова об оперативной обстановке в Кашгарии произвел чрезвычайно благоприятное впечатление, особенно на канцлера и министра иностранных дел России А.М. Горчакова и на директора Азиатского департамента Е.П. Ковалевского. Прочитав рукопись, Горчаков сделал на ее полях следующие пометки, адресованные Ч. Валиханову: **«Я был бы Вам весьма благодарен, если бы Вы сообщили Географическому обществу то, что Вы из этого сочли возможным»** (Архив МИД, ф. IV-3, д. 1, стр. 77—92). Не вызывает сомнения, что канцлер, как руководитель внешнеполитической деятельности России, ознакомился с полным текстом отчета Ч.Валиханова, в котором содержались совершенно секретные сведения о зарубежной агентуре, о подробностях проведенной разведывательной и специальной операции. Поэтому он и написал резолюцию, **«что сочтет нужным Чокан для открытого выступления»**.

Как Веселовским, так и Маргуланом в работе над собранием сочинений «для служебных целей из обширного отчета Валиханова были сделаны извлечения, **составлены сокращенные варианты**».

Именно в Петербурге современники Валиханова - ученые, писатели и военные специалисты - высоко оценили труд Валиханова о Кашгаре, считая его подлинным географическим открытием, трудом «в высшей степени полезным для правительства и для науки», восполняющим «пробелы европейских ученых-географов и востоковедов, - сведениями которых мы доселе руководствовались». Один из вариантов - «Краткое извлечение из описания Кашгарии и Алтышара» хранится в Центральном государственном военно - историческом архиве СССР. ЦГВИА, ф. 447, д. 235, стр. 1 -15; другой - в архиве Министерства иностранных дел (Выписка из отчета о путешествии в Кашгар поручика Валиханова. Архив МИД, ф. IV-3, д. 1, лл. 77-92; см. также «Описание Алтышара или Кашгарии». Архив ВГО, разр. 65, оп. 1, д. 19), третий был издан Ф. Р. Остен-Сакеном под общей редакцией Семенова-Тянь-Шаньского (Поездка Валиханова в Кашгар. По материалам Валиханова. ИРГО, т. 4, 1868, стр. 278-287; П. П. Семенов-Тянь-Шанский. История полувековой деятельности Русского географического общества, ч. 1, стр. 276).

Оперативная часть отчета Валиханова по его инициативе была использована руководством МИД России в дальнейшем при устройстве факторий в Кашгаре, а также при ведении дипломатических переговоров и при установлении торговых, а также культурных связей России с Западным Китаем (ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, д. 9, лл. 22-23).

Разведчик Российского Генштаба поручик Шокан Уалиханов.

(Из книги Обухова В. Г. «Схватка шести империй».
М., «Вече», 2007. С. 259).

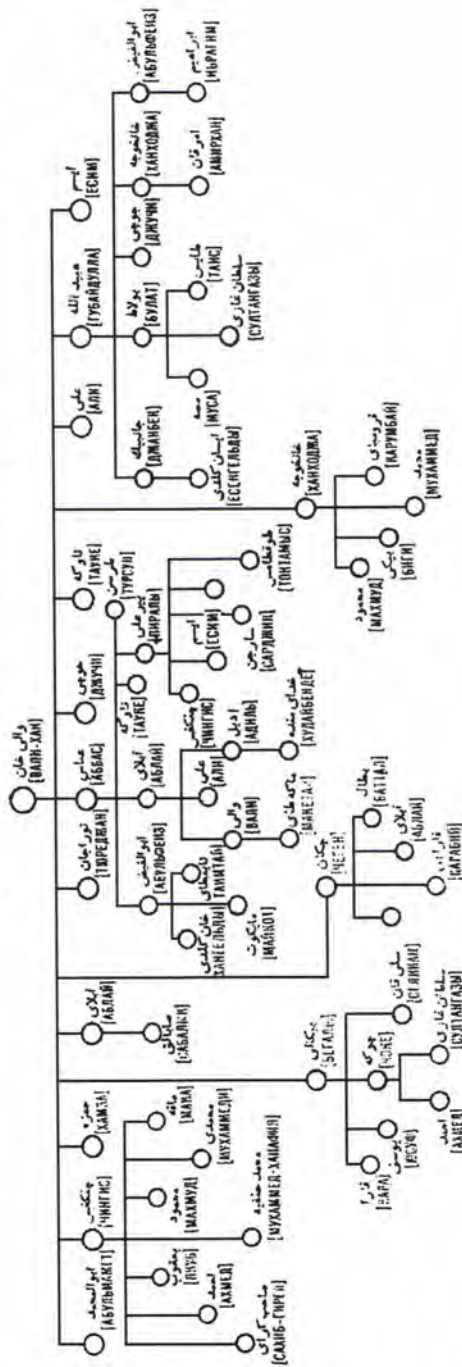

Д. А. Кунаев и генерал А. Тлеулиев.

Таблица 3

[РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО ВАЛИ-ХАНА]

Каменная мечеть (Семипалатинск). *Перо. 1856.*

Портрет молодого казаха.
Карандаш. 1856.

Р.С. Завербован
во время поездки
Чокана в Кульджу. (Б.К.)

Портрет казаха.
Карандаш. 1856.

Р.С. Агент Чокана.
В последующем
групповод. (Б.К.)

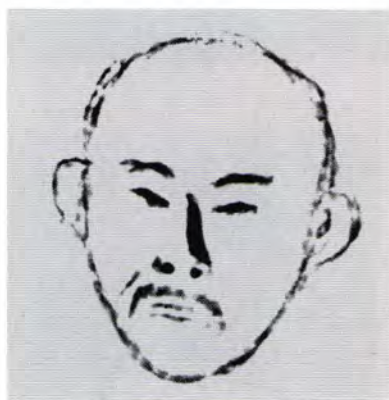

Апофеоз войны.

По утверждению С. Маркова Василий Верещагин сюжетом данной картины избрал именно пирамиду, которая была сооружена не кем иным, как Валиханом – ходжа в Кашгаре. В последующем она (пирамида) была приписана Тамерлану, который «построил» еще раньше более 90 подобных пирамид в завоеванных им странах. В разделе «Возмездие» автор дает более подробное объяснение преступлению Валихана – ходжа, которое было оценено историками, как преступление против человечества. (Б.К.)

Головы неизвестных (видимо, спутников Ч. Ч. Валиханова во время Кашгарской экспедиции). *Карандаш. 1858.* (А. Маргулан).

Головы неизвестных (возможно спутников Ч. Ч. Валиханова по поездке в Кашгар). *Карандаш. 1858.* (А. Маргулан).

Борамбай – верховный
манап киргизов
племени бугу.
Карандаш. 1856.

Р.С. Борамбай,
как агент групповод,
по поручению
Ч. Валиханова самостоя-
тельно направлял аген-
туру в Кашгар и выпол-
нял другие задания
разведчика (Б.К.)

Диплом об избрании
Ч. Валиханова
в действительные члены
Русского географического
общества.

Кашгарка.
Карандаш. 1859.
(А. Маргулан).

Р.С. Вероятно, жена Чокана в Кашгаре по имени Чаукен, с которой он установил агентурные отношения. (Б.К.)

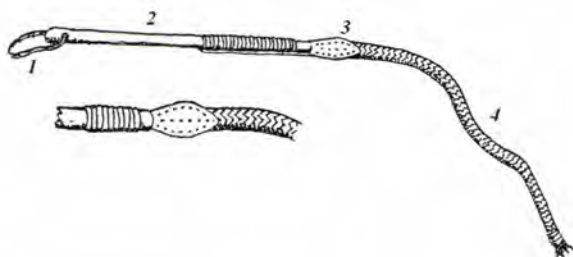
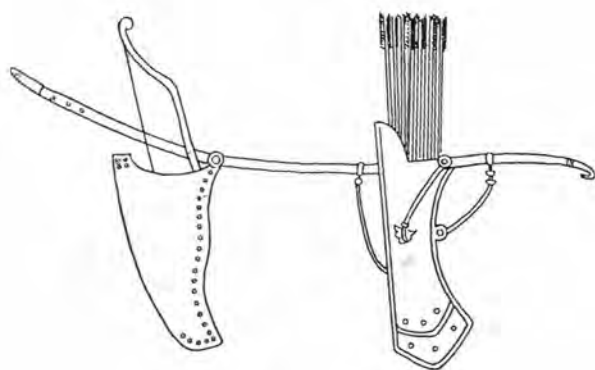
Типы уйгуров Восточного Туркестана. *Карандаш. 1859.*

Р.С. Агентура Чокана. (Б.К.)

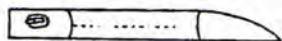
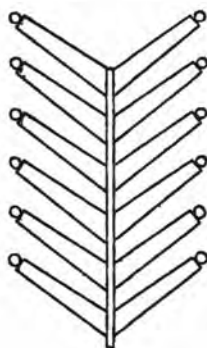
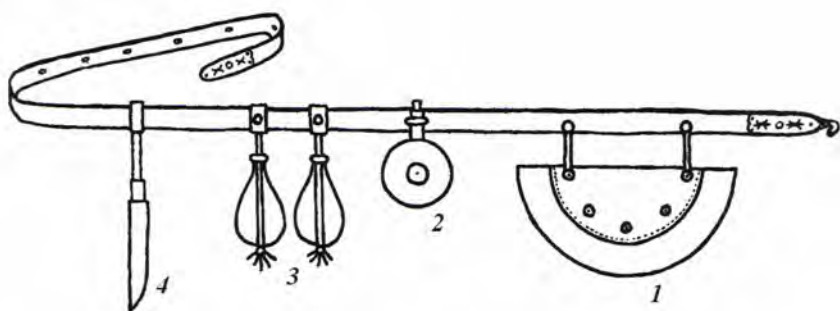

Старинный колчан с луком и стрелами. *Перо. 1862.*

Камча: 1 – петля, 2 – рукоять, 3 – ремень, 4 – плетение. *Перо. 1862.*

Казахская стрела. *Перо. 1862.*

Соил. *Перо. 1862.*

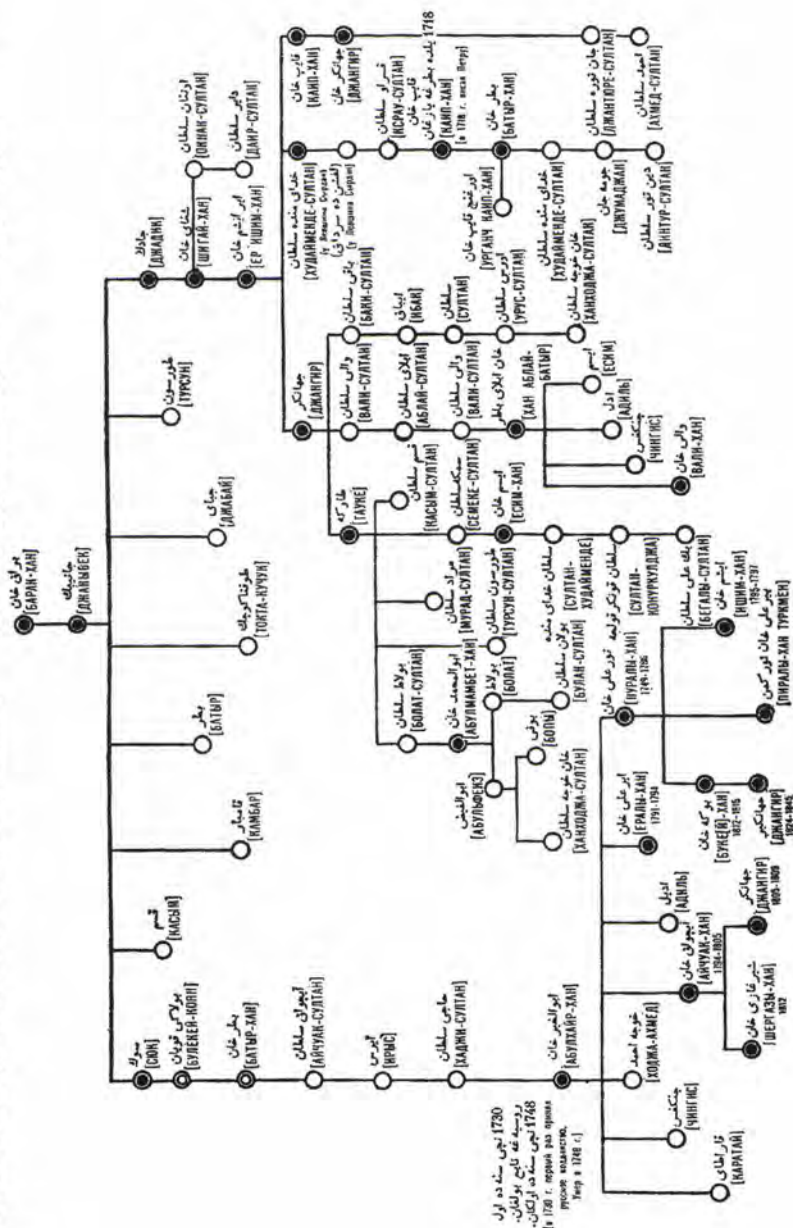
Казахский старинный охотничий пояс: 1 – сумка, 2 – фляжка,
3 – патронташ, 4 – ножны. *Перо. 1862.*

Патронташ из сайгачьих рогов. *Перо. 1862.*

Трехгранный наконечник копья. *Перо. 1862.*

Двугранный и четырехгранный наконечники стрелы. *Перо. 1862.*

Ножны. *Перо. 1862.*

Памятник Ч. Ч. Валиханову
у здания Академии наук.

Современный памятник на месте
погребения Ч. Валиханова.

Будучи признанным авторитетом по вопросам Средней Азии, Ч. Валиханов пользовался особым расположением как со стороны Министерства иностранных дел, так и Генерального штаба. Оба эти учреждения поддержали мысль П. П. Семенова-Тянь-Шаньского об оставлении Валиханова в Петербурге для научных занятий и поставили перед правительством этот вопрос.

Е. П. Ковалевский в письме от 3 апреля 1860 г. на имя военного министра просил причислить «штабс-ротмистра Валиханова к Азиатскому департаменту с тем, однако, чтобы независимо от жалованья, которое он будет получать от Министерства иностранных дел, ему было сохранено жалованье и содержание по чину из сумм военного ведомства» (Архив МИД, ф. II-344, С. 2; ЦГВИА, ф. 447, д. 4, стр. 269—269). Е.П. Ковалевский писал, что в случае надобности можно «возложить на штабс-ротмистра Валиханова какое-либо поручение со стороны Военного министерства по предстоящей экспедиции против кандцев и Министерство иностранных дел не встретит никаких препятствий к командировке его. В 1864 г. Чокан на самом деле участвовал в подобной операции под командованием полковника Черняева, как закончилась эта командировка *Современный читатель* узнает в разделе «Противостояние».

Министр иностранных дел А. М. Горчаков, ходатайствуя перед Александром II о переводе Валиханова из Военного министерства в Азиатский департамент, дает ему следующую характеристику: «Штабс-ротмистр Валиханов, совершивший в минувшем году поездку в Кашгар, изучивший на месте Восточную часть Средней Азии и знающий совершенно несколько наречий тюркского языка, может быть полезным Азиатскому департаменту своими специальными сведениями. А потому по предварительному соглашению с Военным министром я полагал бы причислить Валиханова к сему департаменту» (О штабс-ротмистре Валиханове. ЦГЛВМФ, ф. 4, оп. 27, д. 225, С. 3).

Приказ о переводе Валиханова в Азиатский департамент был утвержден Александром II 15 июня 1860 г. В нем говорилось: «Состоящего по армейской кавалерии штабс-ротмистра султана Чокана Валиханова назначить состоять при Азиатском департаменте с оставлением по армейской кавалерии» (ЦГАВМФ, ф. 4, оп. 27, д. 225, стр. 12-13).

Пребывание Валиханова в Азиатском департаменте является одним из ярких периодов его биографии. Об этом сохранилось особое дело, документы которого свидетельствуют о той важной роли, которую сыграл Валиханов в период присоединения Южного Казахстана и Средней Азии к России. Это дело теперь хранится в архивах Москвы

(Архив МИД, ф. П-344, стр. 1-30; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35-695; ф. 447, д. 4), Ленинграда (ЦГАВМФ, ф. 4, оп. 27, д. 225, стр. 1-35), Ташкента (ЦГА Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 18, С.9) и Омска (ГАОО, ф. 366, оп. 1).

Следует отметить, что издатели Собрания сочинений Ч.Валиханова Веселовский и Маргулан находились под неусыпным наблюдением спецслужб при работе над архивными документами. Малейшее отклонение от инструкции, связанной с соблюдением конспирации, строго пресекались. *Из 330 страниц рукописного текста Ч.Валиханова ученым разрешили включить в Сочинение лишь мизерную часть.*

Валиханов пребывал в Петербурге с огромным запасом знаний, обогащенный интересными наблюдениями, сделанными во время путешествий по горам Тянь-Шаня и Восточному Туркестану. Эти наблюдения явились предметом увлекательных научных бесед Валиханова с выдающимися русскими учеными и писателями. О Петербурге Чокан много слышал еще в Омске от ссыльного поэта С. Ф. Дурова. Прежде чем сказать что-либо о Дурове, посчитал нужным привести цитату из статьи А.Маргулана следующего содержания:

«С. Ф. Дуров был революционером-демократом, борцом против царского самодержавия. 23 апреля 1849 г. его арестовали вместе с основной группой петрашевцев в числе 35 человек. После восьмимесячного заточения в Петропавловской крепости военный суд приговорил Дурова к расстрелу, который затем был заменен ссылкой на каторжные работы (Дело о доставлении сведений о политических преступниках титулярном советнике Ивашкевиче и канцелярском слуге Сергее Дурове. ЦГА Каз.ССР, ф. 345, оп. 1, д. 109, стр. 27, 71-72, 87; ГАОО, ф. 14, д. 231, стр.12-13)».

Прежде всего Чокан никогда тесно не общался с Дуровым по той простой причине, что последний был намного старше. О нем проявил заботу отец Чокана — Чингиз, который даже отправил письмо в высшую инстанцию по его защите. Чингиз также просил проявить снисхождение и к Н. Ядринцеву, который также попал в опалу за революционные взгляды. Будучи человеком преданным царскому режиму, полковником и уездным ага-султаном Чингиз никак не мог разделить взгляды петрашевцев. Им двигало элементарное казахское гостеприимство и человеческая жалость. Он даже носил им передачу в тюрьму. Естественно, что Чингиз получил серьезное предупреждение от генерал-губернатора, где он в официальном документе в Петербург требует отстранить его от занимаемой должности ага-султана. Чокану просто мало было времени тесно общаться и беседовать с Дуровым; как офицер разведки он не мог и разделять его точку зрения, вопреки

своим принципиальным взглядам - приверженности на первоначальном этапе интересам России.

Как я отмечал, при тоталитарном режиме из Чокана обязательно надо было сделать революционера. М.Бегалину, наверняка, указали, «хоть ты тресни, но сделай из Чокана революционера. Это нужно для патриотического воспитания советской молодежи».

Понятно, почему историкам тоталитарного режима было важно, чтобы Чокан стал революционером- демократом. Но они не учли главного-молодости Чокана. Ему всего-то было тогда неполных 25 лет. Притом, начиная с 14 лет, он уже вплотную занимался научной деятельностью. Вспомните его переписку с Березиным и перевод ярлыка Тохтамыша. Сразу же после окончания учебы он начал государственную службу на одном из ответственных участков — кадровым офицером по особым поручениям и сотрудником внешней военной разведки.

Начиная с 22 лет, он был постоянных в разъездах: неоднократно выезжал на Иссык-Куль, в Кульджу в Кашгар, в Петербург, в Париж и на Дальний Восток. А в свободные дни он до глубокой ночи просиживал в архивах, о чем говорят его научные труды. В столице России в течение года он работал в трех Министерствах: МИД, Генеральном штабе и в Географическом обществе; читал лекции по истории этнографии. Не много ли для юноши?. Он выходец из богатой семьи, которая, начиная с прадеда Аблая, деда Вали и бабушки Айганым, а также отца Чингиза верой и правдой служили России. Да и он сам горячо любил Россию как вторую Родину. Вдруг он революционер! Полный абсурд!

Годы пребывания Ч. Валиханова в Петербурге представляют одну из ярких страниц его биографии. Находясь в окружении передовой русской интеллигенции, внимательно следившей за успехами молодого ученого-путешественника, Ч. Валиханов в эти годы с особой силой мог проявить свой незаурядный талант и знания. Им интересовались многие выдающиеся ученые, писатели и общественные деятели. В периодической печати того времени встречались отклики о его пребывании в столице. Один из крупных ученых середины XIX в. П.И. Небольсин писал о Чокане: «В Петербурге у нас киргизы редкость; едва ли и пять человек их здесь наберется. Они ходят в общеевропейской форменной военной одежде и, за исключением лишь одного человека, ничем особенным не заявляют о своем существовании. Это один -очень молодой кавалерийский офицер, султан Чокан Чингисовнч Валиханов». «С Валихановым я лично познакомился в Петербурге и провел несколько самых приятных вечеров, - говорил Л.Н.

Плотников*, -под мерку его способностей и знаний не только не придутся они (Мухамет-Гали Таукин и Бабажанов), но, пожалуй, и мы с Небольсиным».

Ряд других источников подтверждают, что деятельность Валиханова в Петербурге была весьма кипучей и разносторонней. Работая в нескольких учреждениях, он одновременно слушал лекции в университете. По поручению Военно-ученого комитета он составлял карты Средней Азии и Восточного Туркестана (Ч. В а л и х а н о в. Избранные произведения, стр. 568). Под его редакцией были подготовлены: «Карта пространства между озером Балхашом и хребтом Алатау» («Описание рукописей Ф. М. Достоевского. М., 1957, ар.4), «Рекогносцировка западной части Заилийского края» (1856 г.), «План города Кульджи» (Ч.В а л и х а н о в. Сочинения, 54), «Карта к отчету о результатах экспедиции к оз. Иссык-Куль», «Карта Западного края Китайской империи» (ЦГВИА, ф. ВУА (492), оп, 1, д. 36, С. 75).

В Географическом обществе он принимал участие в подготовке к изданию трудов Риттера, составлял материалы по географии и этнографии Казахстана и Средней Азии, читал лекции для членов общества о Восточном Туркестане, Тянь-Шане и Киргизии. Его лекции были очень интересны и увлекательны, некоторые из них иногда публиковались в газетах в кратком изложении (См. «Русский инвалид», 1860, 4 мая).

В Петербурге Чокан постоянно общался с многими выдающимися русскими учеными и литераторами, устанавливал с ними дружеские связи. Тесные дружеские и деловые связи он постоянно поддерживал с вице-президентом Географического общества П. П. Семеновым-Тянь-Шаньским. Неоднократные беседы с ним способствовали расширению научного горизонта Чокана и в значительной мере направляли его работу в области изучения Казахстана и Средней Азии.

Ч. Валиханов, еще учась в кадетском корпусе, мечтал об университетском образовании. «Чокан, беседуя с Потаниным,— пишет академик В. А. Обручев, - часто говорил, что они должны поехать в

---

* «... Штабс-капитаном султаном Валихановым я лично познакомился в Петербурге и провел несколько самых приятных вечеров Чокан Чингисович — покуда единственный феномен между киргизами, и в наших оренбургских степях, может быть, долго еще ждать такого явления...» (Ноябрь, 1860 г.. Оренбург Л.Н. Плотников). «В Петербурге я встретил Чокана Валиханова офицером,— вспоминает Н. М. Ядринцев, — как раз в пору его славы... Я его заставал за разными восточными манускриптами и картами» (Н.М. Я д р и н ц е в. Воспоминание о Чокане Валиханове, стр. XXXV) (Б.К.)

Петербург и поступить в университет, чтобы подготовиться к путешествию». В Петербурге эти мечты были близки к осуществлению: он часто посещал университет и всегда делился своими мыслями о лекциях с П. П. Семеновым-Тянь-Шаньским: «Самые юные, талантливые и чистые душой вновь развивающиеся местные деятели, как Г. Н. Потанин и Ч. Ч. Валиханов, - пишет П. П. Семенов-Тянь-Шаньский, - глубоко проникнутые жаждой знания, стремились закончить высшее образование в Петербургском университете» (П.П.Семенов Тянь-Шаньский. Путешествие в Тянь-Шань, стр. 248).

«До приезда в Петербург Чокан предполагал слушать лекции на восточном факультете. Но там не читались курсы истории, философии и истории общественного развития, которые в то время больше всего интересовали Валиханова. Поэтому он посещал лекции на историко-филологическом факультете университета и продолжал изучать иностранные языки» (Н.М. Ядринцев. Воспоминание о Чокане Валиханове, стр. XXXVII).

Одновременно Валиханов готовил свои труды для публикации в изданиях Географического общества. Большую помощь в этом оказывал ему П. П. Семенов-Тян-Шанский. «Я просил Гасфорта, - пишет о Ч. Валиханове в своих мемуарах русский ученый, - дать ему возможность, оставаясь на службе при генерал-губернаторе, приехать в Петербург на продолжительное время для разработки превосходных уже собранных им этнографических и исторических материалов о киргизской степи. При этом я обещал Валиханову широкое покровительство и содействие Географического общества»

(П.П.Семенов Тянь-Шаньский. Путешествие в Тянь-Шань, стр. 249-250).

Валиханов установил тесные связи и с русскими учеными-востоковедами, и прежде всего с профессором А.Н. Бекетовым, редактором «Записок Русского географического общества», в Азиатском департаменте он общался с Ф.Р. Остен-Сакеном, И.И. Захаровым, профессором Петербургского университета, бывшим консулом в Кульдже. Вместе с Захаровым он работал в высшей школе для ученых занятий при Азиатском департаменте, где преподавал тюркские языки для лиц, едущих в Среднюю Азию. У Валиханова на квартире часто бывали востоковеды В.В. Григорьев, В.П. Васильев, В.В. Вельяминов-Зернов и др.

Замечательную страницу петербургского периода жизни Валиханова составляет его дружеское общение с русскими писателями, особенно с единомышленниками Н. Г. Чернышевского братьями В. и Н. Ку-

рочкиными. В Петербурге он часто бывал у Ф. М. Достоевского, познакомился с его семьей, братом М. М. Достоевским, а также с поэтами А. Н. Майковым, Я. П. Полонским, критиком Н. Н. Страховым и др. Особое значение имела его дружба с братьями Курочкиными. По исследованию В. Г. Баскакова, «Н. С. Курочкин завязал серьезные связи с Чернышевским осенью 1861 г. и с тех пор посещал его квартиру. Оба они присутствовали на похоронах Добролюбова, встречались в шахматном клубе» (В. Г. Баскаков. Мировоззрение Чернышевского. М., 1956, стр. 216).

В. С. Курочкин «посещал квартиру Чернышевского, неоднократно встречался с ним в шахматном клубе, принимал участие в работе тайного общества «Земля и воля». В ряде своих подцензурных статей В. Курочкин призывал бороться, не жалея сил, за то великое дело, которое начал Чернышевский».

Василий Степанович Курочкин (псевдонимы — Знаменский, Темный) был одним из известных поэтов-разночинцев 60-х годов. Брат В. С. Курочкина Николай Степанович — один из друзей Чокана Валиханова, поддерживал с ним связь до самой смерти. Он также был поэтом и журналистом (писал под псевдонимом Скорпионов и Преображенский). С 1861 г. братья Курочкины состояли членами общества «Земля и Воля», с 1862 г. находились под надзором царской охранки в связи с делом «о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами», т. е. за связи с Герценом и Огаревым.

После того, как было совершено покушение на Александра II, братья Курочкины были арестованы и некоторое время просидели в Петропавловской крепости. В 1861—1862 гг. Н. С. Курочкин редактировал журнал «Иллюстрация», где поместил ряд рисунков из быта казахов, переданных ему Валихановым. То, что Чокан тесно общался с Николаем Курочкиным, имеет место. Последний не отличался своей революционностью, что вполне устраивало Чокана. Он внимательно слушал старшего брата Николая-Василия Курочкина, но своего отношения к его революционным взглядам не высказывал. Крайне левые, но патриотические взгляды В. Курочкина (1831-1874 г.), в принципе, не должны были особенно беспокоить царскую контрразведку. Однако дело приняло нешуточный оборот, когда были опубликованы в «Современнике» его стихи, сюжет которой подсказал ему не кто иной, как Чокан Валиханов.

«Двухглавый орел»

Правды нет оттого в русском мире

Кто виновник бесталковый,

*Недосмотры везде оттого,
Что всевидящих глаз в нем четыре,
Да не видят они ничего.
Оттого мы к шпионству привычны,
Оттого мы храбры на словах,
Что мы все, господа двуязычны,
Как орел наш о двух головах!
Я нашел, друзья, нашел,
Наших бедствий, наших зол.
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, всероссийский наш орел!*

Автор не исключает такой возможности, что царская охранка в лице Третьего отделения могла установить тотальную слежку за всеми членами кружка «Земля и воля», за всеми, кто встречался с Н.Г. Чернышевским. Чокан с ними часто общался; последние питали к нему «большое уважение за смелые суждения». Я склоняюсь к тому, что наблюдая за всеми членами кружка, охранка могла указать в документах и Чокана за связь с лицами, представляющих интерес для контрразведки. Поэтому можно предположить, что Чоканом уже тогда заинтересовалась контрразведка. Об этом свидетельствует его непродолжительное пребывание в Петербурге. Внезапный его отъезд из Петербурга многих очень удивил. **Именно тогда спецслужбы и стали укреплять и подпитывать легенду о болезни Чокана чахоткой.**

Такова была разношерстная среда, в которой вращался Чокан Валиханов во время пребывания в Петербурге. В этой литературной и ученой среде Чокан блистал своей эрудицией. Он сотрудничал в научных и литературных журналах, написал статью для энциклопедии.

Повседневно общаясь с выдающимися русскими писателями и учеными, Чокан пробуждал у многих из них интерес к Средней Азии и Казахстану, способствовал укреплению дружеского расположения к народам этих окраин. Он давал некоторым поэтам темы из восточной жизни. Под влиянием бесед с Валихановым поэт А. Н. Майков написал стихи «В степях», «Альпийские ледники», «Емшан».

Его материалами и консультациями пользовались многие авторы, в частности А.Ф. Голубев и Д.И. Романовский, офицеры Генерального штаба, писавшие об Иссык-Куле, Средней Азии и Казахстане. Материалы Ч. Валиханова использовали П.П. Семенов-Тянь-Шаньский, М.И. Венюков, Ф.Р. Остен-Сакен, Е.П. Ковалевский, А.А. Татаринов, П.И. Лерх и многие другие.

Общеизвестны тесные связи Чокана Валиханова с представителями петербургского востоковедения, прежде всего это близкое знакомство с выдающимся историком Востока Василием Васильевичем Григорьевым, который хорошо знал положение дел в Казахской степи и немало способствовал вступлению в общественную жизнь казахского просветителя Ибрая Алтынсарина. Через 12 лет после встреч с Чоканом В. В. Григорьев завершит историко-географический труд о Восточном Туркестане, не утративший значения и по сей день. Весь раздел, посвященный Кашгарии середины XIX в., написан В.В. Григорьевым, главным образом, на основании отчета и, надо думать, устных сообщений Чокана Валиханова. А через 44 года после поездки Чокана Валиханова в Петербург ближайший ученик В. В. Григорьева, востоковед Николай Иванович Веселовский станет не только биографом Чокана, но и первым издателем собрания его сочинений (Петербург, 1904).

Именно здесь пришла к Чокану слава выдающегося ученого, впервые осветившего как бы изнутри духовную жизнь казахов, киргизов и уйгуров, их повседневный быт и нелегкие исторические судьбы. Ему дает письменную лестную характеристику министр иностранных дел князь Алексей Горчаков («фортуны блеск холодный не изменил души твоей свободной», - писал о князе его лицейский товарищ Пушкин). Чуть ли не одновременно с ним о деятельности Валиханова с большим одобрением отзывается в Лондоне и «Колокол» А.И. Герцена, о чем было сказано выше следия Ч. Валиханова. В Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР находятся персидские и тюркские рукописи, вывезенные Чоканом из Кашгара. Те связи между востоковедами Ленинграда и Казахстана, начало которым положил Чокан, в послереволюционные годы стали нормой научной жизни. Нынешнее поколение казахстанских историков-востоковедов, тюркологов в своей исследовательской работе не порывает с традициями, сложившимися более ста лет назад (С.Г.Кляшторный).

Весной 1861 г. Чокан Валиханов оставил Петербург. Якобы по совету врачей, он отправился в родную степь в надежде поправить свое ослабленное здоровье. В Петербурге Чокан был больше года. Жизнь в столице, проведенная среди друзей, оставила в его сознании неизгладимый след. Он уезжал из Петербурга идейно обогащенным (С.Марков).

Возвращение Ч. Валиханова в степь было радостным событием для его родных. Вместе с ним приехали его друзья — больной чахоткой,

студент Московского университета (фамилия его неизвестна), татарский ученый-просветитель Хусаин Фаизханов, близкий друг Чокана И.И. Ибрагимов и другие. (И.Ибрагимов. Биографические сведения о Чокане Валиханове, т. XXXIX. Спб., 1904, стр.116).

Будучи человеком скромным, Чокан Валиханов не искал славы за границей. Его также не прельщал высокий гонорар зарубежных изданий. Не приходится сомневаться, что им руководило высокое чувство патриотизма к родной земле. Он не только мечтал сохранить для потомства свои труды, чтобы никто не смог предать их забвению. Он пошел дальше, зная, что международное право останется в действии всегда, пока существуют государства. Опасность вторжения в Степь будет всегда присутствовать. Именно безопасность нации и ее земли больше всего вызывали у него стремление придать законную силу своим документальным материалам, чтобы потомки могли отстоять свою свободу и независимость нашей Родины.

*К чему мне все эти награды, титулы и похвалы!
Теперь, когда я их уже заслужил!*
Шарль Монжеле

Этими жалкими побрякушками можно управлять людьми!
Наполеон I об учреждении
им ордена Почетного легиона

ВЫСОКАЯ АУДИЕНЦИЯ

***Научный доклад. Дополнительная проверка.
Собеседование. Награждение. Копия Указов Царя.
Фальсификация встречи Чокана с царем.
Как дело обстояло на самом деле.***

4 мая 1860 года Чокан Чингисович Валиханов выступил с докладом о своем путешествии в Кашгарию в Российском географическом обществе. На конференции, помимо официальных представителей заинтересованных министерств и ведомств, присутствовал петербургский Ученый мир. Волнующий доклад ученого превзошел все ожидания. С большим вниманием его слушали географы, этнографы, историки, дипломаты, военные, юристы-международники, востоковеды... Свидетелями настоящего триумфа Чокана Валиханова перед столичной научной, и не только научной, общественностью стали присутствовавшие в актовом зале его близкие друзья: Достоевский, Потанин, Голубев, Венюков, Ядринцев. Находясь на кафедре, Чокан не мог не видеть нескольких офицеров Генерального штаба, знакомых оперативных работников военной разведки, расположившихся в партере. Высокую оценку докладу в последующем дал профессор Академии Генерального штаба Макшеев, кадровый разведчик, крупнейший знаток Средней Азии, который больше, чем другие понимал, как Чокану Валиханову с трудом удастся в своем докладе искусно завуалировать источников научно-разведывательной информации. В Министерстве иностранных дел, в Генеральном штабе, и вообще в Санкт-Петербурге Чокана чествовали как настоящего героя. Военный министр обратился к царю с ходатайством о представлении поручика Валиханова к правительственной награде.

С формулировкой «За отличную, усердную, ревностную службу» император Александр II пожаловал его кавалером ордена Святого Вла-

димира, а также произвел в штабс-ротмистры. За «усердный труд» и спасение русского офицера Валиханова от вероятного кокандского плена и содействие в успешном выполнении им секретной миссии были награждены купцы из числа участников экспедиции Букаш и Мусабай.

Как известно, Букаш и Мусабай задолго до проведения закордонной операции были завербованы К.Гутковским и Чоканом. В инструктаже обоих агентов, накануне нелегального вывода разведгруппы в сопредельную сторону, участвовали Гасфорт и Врангель, которые подтвердили их боевые заслуги. Оба агента получили золотые медали, а Букаш еще и чин хорунжего. Результатом хлопот Чокана также явилось письмо из Министерства иностранных дел новому генерал-губернатору Западной Сибири Дюгамелю о предоставлении ташкентцу Букашу пастбищ близ Семипалатинска и награды - 600 рублей серебром, которые Валиханов собственноручно получил из Провиантского департамента и передал прибывшему в Петербург караванбаши Мусабая*.

Вскоре увенчались успехом также и хлопоты Ковалевского о переводе Чокана в распоряжение Азиатского департамента. Министр иностранных дел, ходатайствуя о Чокане перед императором, писал:

«Штабс-ротмистр Валиханов, совершивший в минувшем году поездку в Кашгар, изучивший на месте восточную часть Средней Азии и знающий в совершенстве несколько наречий тюркского языка, может быть полезен Азиатскому департаменту своими специальными сведениями. А потому по предварительному соглашению с военным министром я полагаю бы причислить Валиханова к сему департаменту... беру на себя смелость испрашивать на сие высочайшего Вашего императорского величества повеления». Это подтверждается также следующим документом, подписанным генерал-адъютантом бароном Ливеном: «Государь император вследствие ходатайства командира Отдельного сибирского корпуса в 6-ой день минувшего марта соизволил всемилостивейше перевод штабс-ротмистра султана Чокана Чингизовича Валиханова в Азиатский Департамент Министерства Иностранных дел.»

Научный отчет Чокана Валиханова об экспедиции в Кашгар «О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нань-лу в 1858—1859 годах» в сокращенном варианте был пе-

---

*Впоследствии казахский «узун-кулак» превратил 600 рублей в 6 тысяч, о чем Чокану писал с неудовольствием отец. Удесятирили награду, конечно, сами купцы, чтобы показать, в какой они чести у русского начальства (Б.К.).

реведен на немецкий, английский и французский языки. Полный текст был засекречен Генеральным штабом и увидел свет лишь в 1904 году. А его тематические «произведения» «Киргизы» и «Западный край Китайской империи и г. Кульджа» были опубликованы только через 100 лет - в 1958 году. В этих двух документах было указано множество цифровых данных, полученных через возможности агентуры. Преждевременное их оглашение могло привести к нежелательным последствиям для источников разведывательной информации. Об этом подробно написано в разделе «Чокан Валиханов — великий Ученый».

Александр II с самого начала проявил большой интерес к экспедиции Валиханова, к личности офицера из инородцев, столь блестяще аттестованного Гасфортом. Получив от Гасфорта представление Валиханова к ордену Святой Анны, Александр II счел награду недостаточной и написал карандашом на полях: «Валиханову Вл...» По случаю получения ордена Чокан был во дворце. Письмо Чокана домой, где он описывал свой триумф, утрачено, его, очевидно, «исчитали до дыр» (И.Стрелкова).

Орден Владимира, относившийся тогда к числу боевых наград, приравненный к ордену Славы, вручен Чокану Валиханову Царем Александром не только за чисто научные исследования, проведенные в Кашгарии, но и за конкретный подвиг.

При внимательном чтении этих документов даже несведущий в военном деле человек сделает для себя вывод, что речь идет о блестяще проведенной разведывательной операции в интересах России.

Указ Капитулу российских императорских и царских орденов

Апреля 1860 г., С.-Петербург

В воздаяние отлично-усердной и ревностной службы состоящего по армейской кавалерии поручика султана Чокана Валиханова, оказанной им при исполнении возложенного на него осмотра некоторых из пограничных среднеазиатских владений, сопряженного с усиленными трудами, лишениями и опасностями, всемилоостивейше пожаловали мы его кавалером императорского ордена нашего святого равноапостольного князя Владимира четвертой степени. Вследствие чего повелеваем Капитулу выдать сему кавалеру орденские установленные для нехристиан знаки и грамоту на оные.

Александр 7 апреля 1860 г. С.-Петербург

На подлинном собственною его императорского величества рукою написано: *Александр*

Контрассигновал генерал-адъютант *Сухозанет*
Верно: исполняющий должность вице-директора

Приказ царя

Божиею милостию, мы, Александр второй, император и самодержец Всероссийский, царь польский, великий князь финляндский, и прочая, и прочая и прочая нашему поручику, состоящему по армейской кавалерии, султану Чокану Валиханову

В воздаяние отлично-усердной и ревностной службы вашей, оказанной при исполнении возложенного на вас осмотра некоторых из пограничных среднеазиатских владений, сопряженного с усиленными трудами, лишениями и опасностями, всемилостивейше Грамоту сию во свидетельство подписать орденскою печатью, укрепить и знаки орденские препроводить к вам повелели мы Капитулу российских императорских и царских орденов.

Дана в Санкт-Петербурге в 8-й день апреля 1860 года.

Александр 7 Апреля 1860 г. С.-Петербург.

Вице-президент (подпись)

Член, генерал-лейтенант (подпись)

Присутствующий обер-церемониймейстер (подпись)

Из числа современников Чокана по вполне понятным причинам никто не присутствовал на церемонии вручения Ч.Валиханову правительственной награды в Зимнем Дворце. Тем не менее историки и писатели, занимавшиеся исследованиями Петербургского периода жизни и деятельности Чокана, не могли обойти молчанием прием его Царем и вручение Ордена. Поэтому неудивительно, что сегодня существуют различные толкования этого исторического эпизода.

В комментариях к правительственному указу от 7 апреля 1860 г. было сказано более подробно: «Состоящему по армейской кавалерии поручику султану Чокану Валиханову, во внимание к усиленным трудам, лишениям и опасностям, которым он подвергался при исполнении возложенного на него осмотра некоторых пограничных среднеазиатских владений, (присвоить) следующий чин штабс-ротмистра, орден Св. Владимира 4 степени и 500 рублей серебром в единовременное пособие». По представлению Валиханова были награждены его верные спутники по путешествию в Кашгар, всего 23 человека. Награды получили также, как было указано выше, караванбаши Мусабай, семипалатинский купец Букаш, полковник Гутковский и другие.

Представляя своего любимца графу Блудову, Егор Петрович Ковалевский хотел, чтобы Чокан произвел на него приятное впечатление. От Блудова многое зависело. Во время собеседования, кандидат на работу в секретное ведомство должен подробно рассказать о себе. Вот, что сообщил о себе Чокан:

— Мы, Валихановы, ведем свой род от хана Аблая. Он провел жизнь в войнах. Походы и подвиги хана и его богатырей служат сюжетами эпическим рассказам, изустно передаваемым в Степи. Для казахов век Аблая - век рыцарства... Мой народ, кочуя по Степи, не мог ставить храмов, достойных определять вехи истории. Свою историю казахи носят с собой в устных легендах. И в разных концах Степи одну и ту же легенду вам перескажут то слово в слово, то совершенно на иной лад. Записями казахских сказаний занимается мой отец, и я к этому пристрастился с детства.

- Я слышал, что три варианта песни о Едиге Вы записали в семилетнем возрасте, — говорит Ковалевский не столько поручику, сколько графу Дмитрию Николаевичу.

Лицо Валиханова по-прежнему бесстрастно. Он продолжает повествование о своих предках. Фамилия Валихановых пошла от хана Валия, старшего сына Аблая. Моя бабушка Айганым была его младшей женой. Мой отец достиг всего лишь десятилетнего возраста, когда хан Вали умер. Дети младшей жены получили ставку в Сырымбете, неподалеку от нынешнего города Кокчетава. Айганым славилась умом и образованностью, она знала несколько восточных языков. Моему отцу она пожелала дать русское образование. Ханша Айганым оставалась верной России во все времена, при всех смутах, когда другие потомки хана Валия старались забыть, что старший сын Аблая принял русское подданство. В награду за верность и — так уверяют! - по приказу самого императора моей бабушке выстроили за счет русской казны дом и мечеть в Сырымбете.

Мой отец Чингис Валиханов окончил курс в училище Сибирского линейного казачьего войска и вступил на военную службу. В те годы Степь, - Валиханов явственно выделил это слово, как произносимое с заглавной буквы, - разделилась на две партии: русскую и национальную. Отец был в русской, а два моих дяди — Саржан и Кенесары — предводительствовали восстаниями против России.

- Кенесары! - оживился Блудов. - Об этом бунтовщике в свое время говорили немало. Так он доводится вам дядюшкой?

- Несмотря на родство, Кенесары однажды налетел на Сырымбет и спалил поместье Айганым. Для охраны Сырымбета стали посылать

казаков. Впрочем, иногда их посылали не столько для охраны, сколько для того, чтобы, на всякий случай, поддержать моего отца под домашним арестом. ***Кампания против Кенесары искусно затягивалась. Бравые офицеры иной раз нарочно давали ускользнуть мятежному хану, потому что им было выгодно кормить войско дорогим провиантом и фуражом...***

В конце концов Кенесары был убит в стычке с дикокаменными киргизами и кое-кто лишился прекрасного источника доходов. Мой отец продолжал нести свою службу, — заключил Чокан.

До сих пор идет спор о художественной достоверности игры актера Ж.Жантурина в сцене с царем. Как известно, после кашгарской, чрезвычайно важной для политики России миссии, 7 апреля 1860 года император Александр Второй издал приказ за отличие по службе произвести поручика султана Валиханова в штаб-ротмистры «с оставлением по армейской кавалерии». Тогда же в воздаяние отлично-усердной и ревностной службы — «осмотра некоторых среднеазиатских владений, сопряженного с усиленными трудами, лишениями и опасностями» — все милостивейше был ему пожалован орден святого Владимира четвертой степени. Тогда же штаб-ротмистр получает возможность принести свою благодарность государю (С.Бегалин).

И вот в фильме, который поставил сын писателя М.Бегалин, Чокан Валиханов «бесстрашно» говорит в лицо императору о притеснении иноземцев, о необходимости реформы в управлении окраинными колониями. Вызывает сомнение, на мой взгляд, не актерская игра Жантурина, а сама возможность подобной ситуации, что не мог не почувствовать столь тонкий и органичный актер. «Ведь доподлинно известно лишь, что султану Валиханову представлялась возможность сказать царю о своем праве на русское дворянство, на княжеский титул... Просьбы не последовало, что само по себе было вызовом и непослушанием со стороны офицера, инородца, верноподданного» (И.Стрелкова). Совершенно неприемлемое суждение невоенного человека. Могу сказать со всей ответственностью, что на приеме у царя Чокан произнес всего два слова «Служу Отечеству!». Зимний Дворец не то место, где во время аудиенции обсуждаются политические и организационные вопросы. То, что Чокан вызвал недовольство царя, что он стал пространно излагать свои мысли о казахском народе, что он промолчал и даже не сказал спасибо — сплошные выдумки несведущих в таких делах людей.

Перед аудиенцией у царя шли многочисленные бюрократические переписки, которые проливают свет на то, как решался этот вопрос в

министерских коридорах. Вот взгляните на следующие документы, написанные до аудиенции у царя.

Ходатайство военного министра кн. Долгорукова о награждении Чокана Валиханова

27 февраля 1856 г., № 128

«Командир Отдельного сибирского корпуса представил два списка штабс обер-офицеров Сибирского линейного казачьего войска, представленных к награде за отлично усердную и ревностную службу. Один из оных ротмистр Чокан Чингисович Валиханов. Справка прилагается».

При этом генерал от инфантерии Гасфорт присовокупляет, что в «числе представляемых заключается состоящий при нем по неимению комплектного числа султан Валиханов, который хотя и состоит на службе не более двух лет, но при совершенном знании оной и киргизского языка, а также местных киргизских обычаев принес большую пользу при сопровождении его, генерала Гасфорта, в киргизскую степь. Притом же султан Валиханов есть потомок последнего владетельного хана Аблая, поступившего в подданство России, и первый из детей киргизских султанов Сибирского ведомства получил основательное образование в Сибирском кадетском корпусе, поступил на военную службу, а потому в видах поощрения такового полезного начала и развития в киргизах желания к отдаче детей на службу и через то большего сближения их с нами находит поощрение Валиханова необходимым, ибо он по происхождению своему пользуется особым между киргизами уважением». Написано сумбурно, но смысл понятен.

Далее в комментариях пишется, что «принимая во внимание засвидетельствование генерала от инфантерии Гасфорта: первое, что он представляет к наградам по каждому управлению и части только несколько таких офицеров, которые по особым трудам, усердию, пользам, принесенным службе, и лишениям в тамошнем отдаленном крае истинно заслуживают поощрения, и второе, что большею частью испрашиваются единовременные денежные выдачи из войсковых сумм по причинам чрезвычайно бедного и несоразмерного их служебным трудам и расходам на содержание, я полагал бы предоставить им испрашиваемые единовременные выдачи как по причинам вышеизложенным, так и по незначительности получаемых ими окладов».

Справка: Состоящий по армейской кавалерии корнет Чокан Валиханов, коему испрашивается следующий чин поручика, прослужил в чине с небольшим два года и состоит по общему списку корнетов армейской кавалерии 226-м, но я полагал бы произвесть его в поручики во внимание к его происхождению и особому ходатайству о нем генерала от инфантерии Гасфорта.

Мнение это имею счастье представить на высочайшее Вашего императорского величества воззрение*.

Уведомление Департаментом военных поселений управляющего Сибирского комитета В. П. Буткова

2 марта 1856 г., № 1102

Сего числа господин военный министр уведомил командира Отдельного сибирского корпуса о всемилостивейшем пожаловании состоящему при нем по неимению комплектного числа адъютантов, числящемуся при Сибирском линейном казачьем войске и состоящему по кавалерии корнету из киргизов Чокану Валиханову следующего чина поручика, чина за отлично усердную и ревностную его службу.

Имею честь уведомить об этом Ваше превосходительство для надлежащей известности.

Подписал: директор генерал-лейтенант барон

Пален фон Пильпау

Наградной лист

Должность, чин, имя, отчество и фамилия; с какого времени в офицерском звании и в настоящем чине и должности; какие имеет ордена и знак отличия беспорочной службы; сколько получает в год жалованья и прочего содержания; был ли под судом и в штрафах, когда, за что и чем дело кончено.

Состоящий при командире Отдельного сибирского корпуса по состоянию комплектного числа, числящийся при Сибирском линейном казачьем войске, состоящий по кавалерии Чокан Валиханов.

В офицерском звании и настоящем чине с 8 ноября 1853 г.

В настоящей должности с 12 октября 1854 г.

Орден и знака отличия беспорочной службы не имеет.

Получает в год жалованья 215 руб.

Под судом и в штрафах не был.

Вероисповедания **магометанского**. Какую и когда получил последнюю награду?

Наград не получал. За что к награде представляется?

На полях пометка: Его превосходительству В. П. Вуткову. 6 апреля 1860 г., № 112

Во исполнение приказанья Вашего высокопревосходительства Управление иррегулярных войск имеет честь представить при сем ста-

* На полях пометка: Высочайше повелено награды назначить согласно представлению, в докладе доложенному. Военный министр князь Долгоруков. 24 февраля 1856 г. Уведомлено 26 февраля. Департамент военных поселений, инспекторское отд. иррегулярных войск.

Получено 26 февраля 1856 г.

тью для внесения в высочайший приказ о производстве поручика султана Чокана Валиханова в штабс-ротмистры.

Начальник Управления генерал-лейтенант Веригин

Отношение Департамента Генерального штаба Военного министерства господину министру финансов

6 апреля 1860 г., № 2737, С.-Петербург

Вследствие ходатайства командира Отдельного сибирского корпуса государь император в 16 день минувшего марта соизволил всемилостивейше пожаловать:

1. Состоящему по армейской кавалерии штабс-ротмистру султану Чокану Валиханову 500 рублей серебром в единовременное пособие.

2. Товарищу военного губернатора Области сибирских киргизов, состоящему по армейской кавалерии полковнику Гутковскому годового оклад жалованья 687 руб. серебром.

О таковых монарших милостях уведомляя Ваше высокопревосходительство, имею честь покорнейше просить сделать распоряжение: 1-е, чтобы всемилостивейше пожалованные султану Валиханову наградные деньги с удержанием 16% в пользу инвалидов были даны под его расписку из государственного казначейства и, 2-е, чтобы следующие полковнику Гутковскому деньги за надлежащими вычетами были ассигнованы к отпуску командиру Отдельного сибирского корпуса из Тобольской казенной палаты. Военный министр, генерал-адъютант Сухозанет

6 апреля 1860 г., М 2738, С.-Петербург

Государь император по всеподданнейшему докладу моему ходатайства командира Отдельного сибирского корпуса всемилостивейше пожаловать соизволил: семипалатинскому купцу Букашу за добровольное снаряжение на свой счет каравана в Среднюю Азию — золотую медаль с надписью: «За усердие» для ношения на шее на владимирской ленте и караванбаши Мусабаю, оказавшему содействие командированному в Кашгар поручику Валиханову в собрании торговых сведений, — золотую медаль с надписью «За усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте.

О таковой монаршей воле сообщая Вашему сиятельству имею честь покорнейше просить сделать надлежащее распоряжение о доставлении означенных медалей в Департамент Генерального штаба для отсылки по принадлежности. Подписал военный министр генерал-адъютант Сухозанет.

Вот как проходила аудиенция в устах людей, не имеющих никакого представления о том, как в принципе должно происходить награж-

* На полях пометка: По отправлению каравана в Кашгар.

ление Царем отличившихся своих подданных в Зимнем Дворце. Чокан сидел у себя в отделе, изучая старинную карту Заилийского края, когда его вызвали к директору департамента.

- Дорогой Чокан Чингисович,- встретил его Ковалевский,- спешу Вас обрадовать: государь прочел отчет об экспедиции в Кашгар и сообщение относительно гибели Шлагинтвейта. Теперь он желает Вас видеть. Немедленно отправляйтесь в министерство иностранных дел, Вас там ожидают. Ну, с богом, голубчик!

Через полчаса Чокан был в приемной министра. Молодой стройный чиновник по особым поручениям просил ученого немного обождать и скрылся за дверь. Через минуту он снова появился.

- Прошу Вас, господин штабс-ротмистр.- Он жестом пригласил Чокана пройти в кабинет.

- Господин Валиханов, его величество выразил желание видеть вас,— объявил министр.-Аудиенция назначена на завтра, в два часа. В ожидании ее рекомендую Вам подготовиться к возможным вопросам государя. Смотрите,- министр с улыбкой погрозил ему пальцем,- не навлеките на нас монаршую немилость. Желаю Вам удачи. Чокан поблагодарил и вышел. (И.Стрелкова)

«На другой день в назначенный час Чокан был в приемной Императора. Вдоль стен в длинных рядах кресел сидели генералы, министры. Сияли эполеты и аксельбанты, приглушенный говор мешался с легким звоном орденов. Чокан растерялся: впервые он оказался среди такого множества высокопоставленных особ. В следующее мгновение он увидел молодого лошеного генерала, который вопросительно смотрел на него. Чокан догадался, что это адъютант императора, подошел и представился. Генерал слегка поклонился ему и тотчас вышел. Минут через пять он возвратился и объявил:

- Господин штабс-ротмистр Валиханов, его величество ждет Вас.

Император стоял у большого окна. Чокан прошел до середины кабинета. Ковер скрадывал звуки шагов. Четко отдал рапорт.

- Здравствуй, султан Валиханов! - Александр не спеша приблизился к Чокану.— Читал твои записки относительно Кашгарии. Я тобой доволен. Оказывается, в этой стране иностранцы подвергаются большой опасности? - Император, словно в недоумении, поднял правую бровь.— Как чувствуешь себя после столь трудного путешествия?

- Благодарю Вас, Ваше величество. Относительно иностранцев Ваше величество изволили сказать совершенную истину. Иностранцам, в особенности лицам христианского вероисповедания, доступ в Кашгарию закрыт. Я степняк, знаю язык и обычаи народов Восточного Туркестана, это и помогло мне туда проникнуть. Буду счастлив, если мои

изыскания пригодятся России и науке.

Император благосклонно кивнул головой.

- Я слышал, что ты, султан, женился в Кашгарии,— проговорил он с легкой улыбкой.— Почему же ты не привез свою избранницу на родину?

- По закону страны, все иноземцы обязаны временно жениться на местных девушках, Ваше величество. Тот, кто не желает почему-либо расстаться с супругой, может добиться этого, лишь приняв подданство родины жены.

Император просиял. Ответ султана ему понравился.

- Если жена тебе по сердцу и вы расстались только из-за законов страны...-Император снова поднял правую бровь и взглянул на Чокана.- Это печально и несправедливо. Я хотел бы для тебя что-нибудь сделать. Может быть, следует похлопотать о приезде твоей жены в Россию?

- Премного благодарен за участие, Ваше величество. Но мне не хотелось бы, чтобы с таким трудом установившиеся отношения между двумя странами были использованы для интересов столь незначительной особы, как Ваш покорный слуга. Если Ваше величество позволит, я осмелюсь высказать другое свое пожелание.

Император медленно повернулся к окну. Прошло несколько томительных минут, прежде чем он вновь взглянул на Чокана.

- Ваше величество! Народ, который Вы видели несколько лет назад во время своей поездки по оренбургским степям, до сих пор ведет кочевой образ жизни. Казахам неведомы европейская культура и образование. Грамотных можно пересчитать по пальцам. Осмеливаюсь просить Ваше величество помочь преданному Вам народу, сыном которого я являюсь, приобщиться к культуре и просвещению, чтобы он стал единоправным с другими народами могучей России.

Александр слушал и все больше мрачнел. Потом медленно, ровными шагами стал ходить вдоль стены, заложив руки за спину. Сердце Чокана гулко стучало. Кажется, так сильно он еще никогда не волновался. Но вот царь остановился, глянул из-под насупленных бровей на Чокана и спокойно проговорил:

-Ты -ученый, Валиханов, и занимайся своей наукой. Заботу о моих подданных бог возложил на меня, и одному мне дано знать, что нужно сделать для того или иного народа.

Чокан стоял все так же вытянувшись в струнку. Надежда рухнула. Но на лице его ничего не отразилось: он давно научился владеть собой. Он думал о степняках, которые считали, что царь не знает об их страданиях. Стоит, мол, только дойти до царя и рассказать ему прав-

ду, как все изменится. Царь все может. Он издаст справедливые законы, прогонит взяточников и назначит на их место честных чиновников. Укротит алчных баев и лживых мулл. Обеспечит народ хлебом и одеждой. Нет! Ничего этого не будет. Верна старая казахская пословица: «Горой полюбуйся издали - не восходи на нее, о хорошем слушай - не ищи его». Должно быть, сложена по такому вот случаю. Император кивнул головой. Аудиенция окончилась» (С.Бегалин).

В Зимнем Дворце награждение орденами и медалями Чокана и его группы за усердие на службе России происходило без шума, тихо и спокойно. Однако в Географическом обществе и Генеральном штабе был организован банкет, частично оплаченный из особой статьи расхода и частично из денежных премий, полученных исполнителями за успешное выполнение задания.

Хотелось бы заверить *Современного читателя*, Чокан как выдающаяся личность, как офицер военной разведки, как султан-потомок Чингисхана, как дипломат и вообще как воспитанный человек прекрасно знал, что все вопросы большой политики обсуждаются совместно с инициатором задолго до аудиенции.

То, что царь остался недоволен тем, что Чокан не высказал какую-либо просьбу (И.Стрелкова) или, наоборот, просил Его Величество заступиться за казахов (С.Бегалин) не может соответствовать истине, поскольку он, хорошо зная воинский Устав, и необходимость строжайшего соблюдения субординации, не мог позволить себе подобные выходки. Он мог это прошение передать в письменном виде до аудиенции, так как во время приема у Царя все, кто представлялся, получал готовые ответы на свои ранее высказанные просьбы. В большинстве случаев это было связано с просьбой о дворянстве, о должности, или получения именина и другого вознаграждения за совершенные благие дела во имя России.

Необходимо отметить, что Чокан задолго до приезда в Петербург хорошо знал, что все беды, свалившиеся на головы несчастных казахов, исходят только от царя и его приспешников. В повышении культурного уровня народа царь как раз и не был заинтересован. Следовательно «разговор с царем» придуман историками.

Вместе с тем, если допустить, что Чокан на самом деле пошел на такой дерзкий поступок, то это он делал в нарушение Устава, зная, что с карьерой дипломата и в перспективе получения звания генерала навсегда будет покончено. Поэтому опять же он мог пойти на этот шаг только во имя высокой цели — служения своему народу, жертвуя личными интересами.

Ч А С Т Ь   3

ШАГ В БЕССМЕРТЬЕ

*«Издалека вели сюда -
Кого приказ,
Кого заслуга,
Кого мечта,
Кого беда...»
(А.Твардовский)*

*Дрожит земля в военном столкновенье,
Бушуют страсти в неумном споре.
Неужто лопнут тросы напряженья
И мир сорвется в плазменном море?!»
(В.Барановский)*

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

***Последнее испытание. Взятие Ауле-Аты.
Социальный конфликт. Разрыв с Черняевым и отъезд.***

Весной 1864 г. в юго-восточной части России завершилось формирование очередной дивизии под командованием полковника Черняева, которая вторглась на территорию Казахстана со стороны его «северной столицы» - Семипалатинска. Он имел задание генерального штаба занять и привести в подчинение России «любыми средствами» южные регионы, в том числе Ташкент и Аулие-Ата. Так описывает очевидец этого поистине исторического похода Г.Потанин: ***«... Это было событием для Семипалатинска. Целый месяц ехали через город участники Ташкентского похода. Кроме инженеров, сапёров и офицеров Генерального штаба вслед за Черняевым ехали ученые и в другом отношении интересные люди. В Семипалатинске шутя говорили: «Точно экспедиция Наполеона в Египет. Он хотел ослепить русское общество своим покровительством науке. Из Омска к участию в походе был привлечен мой друг, Чокан Валиханов»***

Часто указывается, что Чокан Валиханов «поехал» в отряд генерала Черняева, чтобы получить очередной чин. Отмечу, что он поехал не по своей воле, а его опять же послали в командировку, чтобы он, как авторитет среди казахской аристократии, мог оказать влияние на мир-

ный исход этой военной экспедиции. Разумеется, что перед ним ставились задачи разведывательного и контрразведывательного характера. С.Марков удачно использовал термин «наступление на Среднюю Азию». Эту карательную операцию иначе как «наступление на мирное население» не назовешь.

Ниже приводится документальное подтверждение того, что Чокан Валиханов выехал к месту новой службы строго по решению военного командования.

6 апреля 1864 г., № 661, Омск

Штабс-ротмистр Валиханов, прибыв в город Омск, по болезни не мог следовать далее в Санкт-Петербург и остался для излечения болезни в городе Омске. В настоящее время штабс-ротмистр Валиханов согласно ходатайству полковника Черняева назначен состоять на время экспедиции в должности переводчика, о чем по поручению генерала от инфантерии Дюгамеля имею честь уведомить Ваше превосходительство.

Начальник штаба генерал-майор Кроериус

Обер-квартирмейстер полковник Бабков

Предписание товарища министра иностранных дел Азиатскому департаменту о прекращении выдачи жалованья Ч. Ч. Валиханову по линии данного Министерства, представлена также копия денежной аттестации, где Чокан, в связи с «переходом» на государственное обеспечение (довольствие), лишается основной заработной платы.

Господин вице-канцлер приказал по случаю командировки начальством: Западной Сибири находившегося временно в г. Омске ведомства Азиатского департамента штабс-ротмистра султана Чокана Валиханова с особым поручением в степи киргизов производство сему офицеру содержания из драгоманских сумм департамента по 400 руб. в год прекратить. Товарищ министра иностранных дел Муханов 21 мая 1864 г., № 1714

Определенный интерес представляет копия сопроводительного письма к Приказу о командировании Ч.Валиханова в Южный Казахстан в составе воинского формирования российской армии.

Азиатский департамент в ответ на отношение штаба Отдельного сибирского корпуса от 6 минувшего апреля № 661 имеет честь оный уведомить, что по случаю назначения в экспедицию с полковником Черняевым состоящего в ведомстве департамента штабс-ротмистра Валиханова... Так как Валиханов не мог по болезни следовать из Омска в Санкт-Петербург к месту прямого служения своего. Господин вице-канцлер приказал прекратить производство г. Валиханову жалованья из суммы Министерства иностранных дел.

Вице-директор (подпись) Начальник отд. (подпись)

24 марта 1864 г. Омск

В связи с новым назначением в армейскую службу Чокана написал своему бывшему руководителю по внешней разведке К.К.Гутковскому письмо следующего содержания.

Любезнейший Карл Казимпрович!

Завтра мы выезжаем: я в Аулие-Ата, чтобы пожинать победоносные лавры (привычная ирония Чокана в подобных случаях.Б.К.). Думал в Питер, а попал в страну диких и каменных киргизов. Еду я, признаться, для того, чтобы получить чин. Черняев * кажется, человек хороший и чина, может, не пожалеет. Еду и для того, чтобы оттуда через Ак-Мечеть проехать на Оренбург. Если б это удалось, было бы хорошо.

Осмелюсь заявить, что Чокан в этом письме сильно лукавил в надежде на то, что когда-нибудь истинный смысл этого безобидного письма будет расшифрован будущим поколением. Откровенно говоря, Чокану было не так важно, получит он воинское звание или не получит. Он поехал с целью увидеть собственными глазами и переложить на бумагу все, что будут творить русские войска в этом регионе, а затем оставить эти записи как политическое наследство своим потомкам. Так он и сделал.

Попутно хотелось бы заметить, что, судя по содержанию данного письма, Чокан в эти годы находился в полном здравии и развил бурную деятельность. О болезни ни в его письмах, ни в воспоминаниях современников не упоминается. Тем более, любой офицер перед зачислением в действующую армию, в обязательном порядке должен пройти медицинское освидетельствование.

В штаб-квартире армии Чокан в полном здравии и с оптимизмом принимал старшин и аксакалов различных родов и племен, прибывших для решения своих проблем. В ставку Черняева прибыла делегация от киргизов, чьи зимовки находились поблизости от Мерке. Она доставила петицию на желтой лошенной бумаге, засвидетельствованной родовыми печатями старшин. Чокан перевел и доложил Черняеву содержание этого документа: ***«Услышали мы, что идут русские, и просим принять нас в подданство царя белого, желаем всю жизнь есть соль царскую. Мы прежде были подданными хана и ели его соль,***

---

* Черняев Михаил Григорьевич (1828-1890)- генерал-лейтенант, возглавлял русские войска при взятии Ташкента. В 1882-1884 гг. генерал-губернатор Туркестанского края (КСЭ).

но власть хана ослабела, просим охранить наши пашни от потравы. Пашни - царские и скот наш - скот царский. Если мы будем хорошими подданными, то жалуйте нас, а коли худыми, то наказывайте» (И.Стрелкова).

Судя по содержанию этой петиции, царским войскам здесь вовсе было нечего делать. Население признавало свое подданство России. Мало того, оно, без всяких условий, относило свои земли и свой скот в собственность белого царя. Народ верил, надеялся.

За полмесяца до наступления Черняев отправил к казахам и киргизам прокламацию, составленную Валихановым. Прокламация призвала родоначальников явиться с миром и обещала всем царское покровительство. По совету Валиханова Черняев пригласил участвовать в походе казахских и киргизских старшин и биев. Суд биев по замыслу Чокана должен был разбирать в пути спорные дела, переданные Черняеву генералом Колпаковским, а также рассмотреть все претензии, с которыми станут обращаться в ставку и киргизы. Таким образом, по замыслу Чокана, на территории, занимаемой войсками, сразу появлялось бы законное и понятное народу судопроизводство. Ради одного этого Чокану стоило участвовать в походе на Аулие-Ату. Однако его ожидало горькое разочарование.

Еще до разрыва Чокана с Черняевым и его самовольного ухода из — под его командования казахи встретили русские войска дружелюбно, пригнали отары овец для продажи. К Черняеву приехали издалека, из Малого жуза, его казахские тамыры. Чокана пригласили переводить дружескую беседу. Чокан перевел Черняеву привезенное тамырами письмо бия Чокая. В нем сообщалось, кто из родоначальников должен прибыть в Аулие-Ату для принятия русского подданства. Такая подобострастность отнюдь не была связана с испепеляющей любовью к русским колонизаторам. Однако, благодаря стараниям царских спецслужб, другого выбора у казахов не было.

В кочевых аулах, как видно, не сомневались, что Аулие-Ату возьмут силой, даже если он не будет сопротивляться. Казахи давно привыкли к тому, что русские войска открывали орудейный обстрел даже по спящим аулам и врывались с криком «ура». После этого водружали российский флаг, а затем отправляли депешу в Генеральный штаб с рапортом, что такой-то населенный пункт, после ожесточенного сопротивления, взят штурмом доблестными русскими солдатами, которых одновременно просили наградить георгиевскими крестами за проявленную храбрость.

К несчастью, мрачные прогнозы оправдались, «взятие» Аулие-аты сразу же начался с артобстрела, который не прекращался в течение трех суток. Когда он был закончен, «город не издавал никаких признаков жизни». Выглядит нелогичным, что Аулие-атинский бек Нияз-Али-датха, якобы просил четырнадцать дней на размышление. Почему именно 14 дней — не объясняется. Тем более, что «он не мог рассчитывать, что к нему на выручку успеет прибыть сильное подкрепление». Далее: «Нияз-Али думал не о судьбе крепости и не о судьбе ханства, а о том, как уберечь свою собственную голову. Беку был нужен кровопролитный бой. Чем больше трупов, тем лучше. А сам он успеет улизнуть в последний момент и доложит хану, что бился, как лев и что вода в Таласе красна от русской крови». Чем аргументировано подобное утверждение — не объясняется.

Следуя примеру Перовского и Муравьева-Амурского, Черняев, с далеко идущими планами, первоначально постарался заинтересовать ученых возможностью совершить путешествие в неведомые края. В поход были приглашены ученые Северцов, Южаков, Знаменский, чтобы запечатлеть для потомства великий поход карателя Черняева. Дюгамель писал военному министру Д.А. Милютину, что полковнику Черняеву даны инструкции предложить киргизам присоединиться к России, а если правитель Ташкента или Туркестана изъявит такое желание, полковник Черняев должен вступить в предварительные переговоры. *А если нет — открыть огонь из всех орудий до тех пор, пока «воинственные» туземцы не выставят белый флаг. «Для такого рода отношений при нем будет состоять штабс-ротмистр Валиханов, «весьма ловкий и развитый азиатец, хорошо знающий русский и татарский языки».*

В учебниках по истории описывается, как за короткое время русским войскам удалось, наконец, овладеть всей Чуйской долиной и крепостями Мерке, Аулие-Ата и Туркестан. «После первых военных успехов против безоружного населения **командующий одним из отрядов*** полковник Черняев» решил идти дальше, к крепости Шымкент. Главой кокандского правительства в это время стал Алимкул, опекун малолетнего хана. Алимкул пытался насильно заставить казахов, участвовать в борьбе с русскими войсками. Но казахские трудящиеся не

---

*Допущена неточность в формулировке. Черняев командовал армией, а не отрядом. Если был действительно отряд, то надо было написать — командир отряда. Но мы знаем, что «войска под командованием Черняева проезжал через Семипалатинск целый месяц, словно, поход Наполеона в Египет» (Г.Потанин. Б.К.)

поддержали его, они «помогли русским войскам взять несколько городов», например, город Сайрам. Гордость берет, как кучка жалких беззащитных казахов «помогли доблестной русской армии взять несколько городов». Можно только себе представить как русская армия, без казахов потерпела бы сокрушительное поражение, как швед под Полтавой. Только от кого? Алимкулу ведь не удалось «насильно» заставить казахов выступить против русских?

Вызывает недоумение такая фраза: **«В этот июньский ясный день в плодородной долине Таласа, в древнем оазисе Средней Азии, не хотели боя ни мирные горожане, ни кокандские сарбазы, ни солдаты, пришедшие с Черняевым, ни киргизская милиция под командой поручика Гази Валиханова. Порешить бы миром - что может быть лучше!» (И.Стрелкова)** Позвольте, получается так, что никто не хотел воевать и «никто не хотел умирать», **но однако воевали**, да еще были большие человеческие жертвы.

Не укладывается в логику мышления утверждения некоторых источников о том, что **«...Штабс-ротмистр Валиханов сделал все, что мог сделать при сложившихся обстоятельствах. Он сам пошел в крепость парламентаром. Очевидно, надеялся, что ему удастся уговорить, улестить бека, что-то существенное посулить. Не сохранилось никаких сведений о том, как действовал Валиханов в качестве парламентаря. Известно только, что Нияз-Али отказался сдать крепость».**

Если бы Чокан пошел в крепость парламентаром, отпала бы необходимость артобстрела и «взятие крепости». Как опытный дипломат и разведчик, он сумел бы убедить Нияза-Али в «бессмысленности дальнейшего сопротивления». Но непрерывный обстрел города со всех орудий и наличие больших человеческие жертв из числа мирных жителей - неопровержимое доказательство тому, что Чокан не был допущен к переговорному процессу, если он вообще имел место*.

Чокан в решении любого важного вопроса никогда не лукавил и не хитрил. Для него «улестить» кого-то или «посулить» кому-то является делом ниже его достоинства. Нет также сведений, что Нияз-Али отказался сдавать крепость. Во-первых, не было произведено ни од-

---

*Замечу попутно, что Д.А.Кунаев не был допущен к переговорам от имени властей с восставшей молодежью в декабре 1986 года. Взявший власть в свои руки генерал КГБ СССР Ф.Д.Бобков, не дал санкцию на его выступление перед демонстрантами. В разделе «От прошлого к настоящему» автор подробно описывает истинные цели нахождения Бабкова в Казахстане: он имел задание Центра — спровоцировать беспорядки. И он этого добился! (Б.К.)

ного выстрела в сторону русской армии, поскольку не было никакого гарнизона. Разведка обязательно засекла бы как 400 всадников покидают крепость. Да и вообще, не было никакой крепости, ничего, кроме глинобитных домов – археологи и историки по этому поводу давно бы сказали своё слово. «В знак вызова кокандцы вывесили на стенах крепости знамена. Черняев снова открыл огонь». Кто-нибудь может объяснить процедуру вывешивания флага, и не один, а несколько, в истории военных конфликтов в Средней Азии? Во-первых, не было никакого флага, а если он был, что означала эта символика? При этом флаг был красный или белый? До Октябрьской революции с красной символикой было еще далеко. Возможно, черный? Это означал бы траур, что могло быть только после гибели сотни мирных жителей. Если флаг по цвету белый, то зачем Черняев открыл огонь? В то время, кроме официально утвержденной российской символики – флага с двуглавым орлом, других флагов не существовало. Если историк настаивает, что флаг все-таки был, то это мог быть только российский флаг. Так, какого черта (по А.Бушкому), этот амбициозный полковник стрелял по своим? Бей своих, чтобы чужие боялись!?

Хочется высказать «железную версию», которую в подобных ситуациях выдвигают российские альтернативные историки – в крепости дислоцировался русский гарнизон под командованием хорунжего Николаева, он же по кличке Нияз-Али. Почему нельзя допускать мысль, что Аулие-Ата еще раньше был занят доблестными российскими войсками, и они находились в режиме ожидания награды за свои подвиги. А тут, видите ли, нагрянул этот выскочка Черняев, дабы получить побыстрее генерала. Вот они и не хотели, видимо, открывать ворота Черняеву, который несколько опоздал со своим артиллерийским обстрелом.

Пишут, что крепость отстреливалась из своих четырех пушчонок. Что это за «пушчонки»? Самодельные! Полет ядра, а не снаряда составляет не более 50 метров. Черняев должен был сдать генеральному штабу военные трофеи. А их-то не было. «В зеленой палатке, где пообедали штабные офицеры, говорили, что, по сведениям, доставленным лазутчиками, в Аулие-Ата никто до последнего времени не верил, что русские идут брать крепость. Посмотрят и уйдут. Этот слух был, конечно, пушен Нияз-Али-датхой». Зачем он пустил такой слух? Наоборот, он должен был поднимать боевой дух своих сарбазов, если бы они у него были. Потом, как мог Нияз – Али пустить дезинформацию среди штабных офицеров армии, то есть военных разведчиков? Возможно, начальник штаба армии Черняева – агент влияния Нияза-Али?

«5 июня стрелковые роты, сотня казаков и восемь орудий переправились под проливным дождем через Талас и подошли к городу с западной стороны. Киргизская милиция в штурме не участвовала. Начался оружейный обстрел, и через два часа солдаты на плечах противника ворвались в город. Нияз-Али-датха с 400 конными успел улизнуть из цитадели. Черняев писал в рапорте, что успех достался легко, во всем отряде ранено трое и контужено двое». Эта атака была форменной инсценировкой сражения. Увидев, что на крепость движутся всего сотня казаков, 400 всадников в один миг могли размазать ими копыта своих лошадей. Как могли ворваться на плечах противника, если этого противника в помине не было. Помните, что сказал Конфуций: «Нельзя искать черную кошку в темной комнате, тем более, если ее там нет».

Далее указывается, что «...Храбрость самого Михаила Григорьевича не подлежит сомнению. Он лично участвовал в переправе через Талас и в штурме. По этой части в рапорте все достоверно. Сомнение вызывает только вот какое место. Черняев пишет, что по его распоряжению погребено 307 человек и что убитые почти все принадлежат к гарнизону. Вряд ли снаряды, рвавшие в городе два дня подряд, поражали только солдат и шадили мирное население».

Смею сказать, что храбрость Черняева не доказана. Штурм не было, а река Талас на любом месте переправы не выше бедра и ширина ее не более 20 метров. У историка просто не хватило наглости искажать факты уничтожения Черняевым мирных жителей. Выпущенные со всех орудий снаряды по мирному городу поражали только стариков и детей. Количество трупов в 307 человек надо умножать на четыре, поскольку при взятии города не было ни одного целого глинобитного дома. Ни один человек не выходил с поднятыми руками. Почти все горожане были убиты!

«Неизвестно, какой разговор состоялся у полковника Черняева со штабс-ротмистром Валихановым 6 июня 1864 года в разрушенном артиллерией городе Аулие-Ате под причитания женщин, оплакивавших своих близких». Какой разговор может состояться при разыгравшейся на глазах людской трагедии? Исторiku это «неизвестно», а вот автору этих строк даже слышен возмущенный до предела голос Чокана Валиханова: ***«Господин полковник, только что Вами уничтожено все мирное население города, в котором не оказалось ни одного вооруженного сарбаза. Вы не дождались возвращения парламентаря и открыли огонь. Меня вы туда не пустили. Став настоящим карателем, вы запятнали честь мундира офицера российских Вооруженных сил. Вам не место в армии и должны подать в отставку».***

В ответ Черняев взорвался: «Штабс-ротмистр, ваше дело переводить, а не вмешиваться в дела командования. Вы же хорошо знаете, что сказал генерал Скобелев — **«Чем крепче будут бить этих инородцев, тем сильнее они будут нас уважать»**. После такого разговора Чокан немедленно покинул лагерь Черняева, заведомо зная, что он этими действиями нарушает дисциплинарный Устав Российских Вооруженных сил. Черняев тут же следом отправил рапорт вышестоящему начальству о нарушении офицером Валихановым воинской дисциплины. В рапорте указано, что Чокан отныне не может заслуживать доверия русского правительства, практически выступив на стороне противника.

«За отличие в делах с кокандцами штабс-ротмистр Валиханов был представлен к чину штабс-ротмистра». Это утверждение неверно по сути и не может соответствовать действительности в виду того, что ему было присвоено очередное воинское звание не за участие при «взятии» Ауле-Ата, поскольку он в этом позорном геноциде не участвовал. Историки пишут, что в рапорте Черняева Дюгамелю от 27 мая 1864 года были особо отмечены усердие и знания ротмистра Валиханова, способствовавшие ослаблению вражды между казахами и киргизами. Весьма сомнительно, чтобы Черняев, зная отрицательное отношение Дюгамеля к Чокану, мог составить такую депешу. Черняев, наоборот, в своём рапорте характеризовал Чокана, как опасного государственного преступника, тормозящего установление российского протектората в этом регионе. Этот рапорт Черняева лег в досье на Ч. Валиханова, которое было заведено царской контрразведкой еще в Петербурге в 1960 году. Тем более, Черняев не имел обыкновения делиться лаврами победителя с кем бы то ни было. Ему было крайне важно, чтобы вся слава досталась только ему, особенно накануне получения звания генерала. Оно было ему было обещано, если он с боями, а не мирным путем возьмет Ауле-Ату.

О «героических подвигах» генерала Черняева красочно описывается в нижеследующем документе, хранящемся в Центральном государственном архиве Казахстана: «Наказ начальника 8-го батальона Богащевича начальнику 9-го батальона майору Курзину» от 8 июня 1864 года, данный в крепости Аулие-Ата. Из этого документа явствует, что 7 июня Черняев отослал обратно в Верный роту солдат и сотню казаков, с которыми были отправлены пленные сарбазы и вольнонаемные гуртовщики, а также часть верблюдов — Черняев сокращал свой обоз, не собираясь продвигаться дальше. Наступление имело место в 1864 г., когда Черняев продвигался со своей армией из Сибири на

соединение с полковником Веревкиным, шедшим с небольшим отрядом из Оренбурга. В октябре, после упорной борьбы, русские захватили Шымкент. Черняев решил продолжать продвижение на Ташкент в надежде на то, что ему удастся взять город. Ташкентцы оказали упорное сопротивление, и русские были отбиты с большими для них потерями. Черняев решил быть настойчивым в своих действиях и применил военную хитрость, чтобы овладеть городом. Он отступил к Хиазбеку (Ниязбеку), небольшому укреплению на реке Чирчике, в 16 милях от Ташкента, запрудил здесь реку и таким образом лишил город воды. *Военная уловка причинила осажденным большие страдания.* Было невозможным, однако, осаждать город, стены которого простирались до 1 миль в окружности. Поэтому было совершено нападение на Камеланские ворота, которые и были взяты 28-го октября. Депутация от осажденного населения сдала город на милость победителя» (Прошлое и настоящее Казахстана в источниках и материалах Алматы «Казахстан» 1998 С.114-118). Подобная «гуманная тактика» взятия городов была характерна для Чингисхана и Тамерлана. *Современный читатель* может сюда добавить и Валихана торе, который повернул русло реки в город Кашгар и затопил его. Военная уловка Черняева причинила осажденным жителям не только большие страдания. Большинство населения утонуло. Штурм не понадобился.

Казахстанские историки вполне резонно упрекают сотрудника генерального штаба, коллегу Чокана Валиханова в следующих выражениях: « В отряде находился и генштабист Красовский — будущий автор капитального труда по географии и статистике Области сибирских киргизов. Казалось бы, на него должен был произвести большое впечатление Чокан Валиханов -действительный член Географического общества, образованный востоковед, первооткрыватель Кашгара. Но нет. В труде Красовского, изданном всего через четыре года после похода на Аулие-Ату, то есть по свежей памяти, дважды упоминается Валиханов: один раз он назван как толмач при Яценко (только толмач) и другой раз сказано, что одну из башен в Чуйской долине осмотрел и заснял в 1864 году штабс-капитан Валиханов. Непонятно, почему Красовский не уделил Чокану Валиханову хотя бы нескольких уважительных строк. Ведь в целом к киргизам, то есть к казахам, в труде Красовского выражено самое доброжелательное отношение» (С.Марков). Уважаемый всеми нами казахстанский писатель, к сожалению, не учел главного момента — Красовский не мог писать что-либо положительное о Чокане, иначе его самого обвинили бы в связи с неблагонадежными людьми.

Вот еще одна слабая версия, не выдерживающая критики: «Чокан в отставку не подал. Не мог он, не имел права уйти в отставку. Летом 1864 года ходжа Бузрукхан, за спиной которого стоял Якуб-бек, двинулся на Кашгар. Скорее всего Чокан узнал о Бузрукхане и Якуб-беке после взятия Аулие-Аты от пленных сарбазов. **И именно это стало причиной его срочного отъезда в Верный**». Крайне никчемная аргументация. Дело именно в том, что Чокана совершенно не волновала оперативная обстановка в Кашгарии. Он уже там был и сделал свое дело. Теперь этот вопрос был не в его компетенции, а была прерогативой правительства. Конечно, он мог хотя бы устно согласовать с руководством необходимость возвращения в Верный. Но что он мог там сделать, не имея никаких полномочий или соответствующей должности?

«При взятии Аулие-Ата зверства русских войск над единоверцами Чокана или, может быть, и над соплеменниками его, т. е. над киргизами, огорчили(?) его. Он увидел, что он не может более участвовать в военном походе, разошелся с Черняевым, и уехал в Верный» (И.Стрелкова). **Современный читатель** немедленно должен взять на заметку полную безответственность подобных суждений, когда массовое убийство своих соплеменников может только **огорчить** Чокана.

По словам **Н. Ядринцева** «зверства русских войск над единоверцами Чокана или, может быть, и над его соплеменниками сильно потрясли его» и он **понял, наконец, что ему здесь не место. Он покинул войсковую часть самовольно, впервые за годы службы нарушив Устав. С этого момента можно считать, что Чокан был взят в активную разработку царской контрразведкой.**

Чокан не был убежденным сторонником необходимости присоединения к России южных районов Казахстана и едва ли не с той же убежденностью отрицательно относился к насильственным, завоевательным методам присоединения (С.Марков).

Ч. Валиханов гневно протестовал против злоупотреблений русских колониальных властей, царской администрации в национальных окраинах. Особенно резко его гражданская позиция выявилась в оценке похода генерала Черняева в Кокандское ханство. Письма Ч. Валиханова и Г. Н. Потанина дали А. И. Герцену повод писать в «Колоколе» (Прибавочный лист к первому десятилетию. 1 августа 1867 г., с. 6): **«Мы не станем здесь говорить о подвигах Сибирского воинства под начальством Черняева..., но мы позволим себе спросить почтенного «покорителя», зачем штурмовал он Аулие-Ата, когда жители его сами изъявили готовность покориться? Неужели кровь лилась рекой для реляций?»** (Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т. 4. С. 90).

В воспоминаниях Потанина причиной разрыва Валиханова с Черняевым указана **«расправа русских войск над единоверцами Чокана или, может быть, и над соплеменниками»**. Ядринцев высказывается неопределенно, но с большим подтекстом: **«Не сошлись ли эти два деятеля, или Валиханов содрогнулся и в нем запротестовало чувство ввиду предстоящей борьбы в Средней Азии, остается неизвестным»**.

Как никто другой Чокан был в курсе всех событий, связанных с произволом местных пограничных властей, а также варварском отношении к перешедшим в русское подданство казахам. Он писал: **«Пограничные Омской области Средней и Малой Орды киргиз-кайсаки, желавшие снискать покровительство России, сделаться данниками оной, преданы теперь генерал-губернатором всей неистовой воле пограничных команд казачьих, кои, за малейшие частные ссоры их гоняют сквозь строй, пленят и ругаются над их женами и как будто нарочно употребляют все усилия сей многолюдный народ отвратить от России»** (ЦВИА. Д. 891. Л. 2—4// Сведения о Западной Сибири).

В личном архиве Чокана Валиханова группа Н.Веселовского обнаружила Ноту кн.Н.Горчакова от 21 ноября 1846 года: «Положение России в Средней Азии подобно положению всех цивилизованных стран, находящихся в соседстве с полудикими кочевыми народами, лишенными прочного общественного устройства. В подобных случаях интересы безопасности границ и торговых отношений требуют, чтобы более цивилизованное государство имело известный перевес над соседями, чьи кочевые обычаи делают их соседство крайне неудобным. Отсюда вытекает необходимость более далеких, более дорогих повторных экспедиций против врага, кочевой образ жизни которого делает его неуловимым. Если же ограничиться только усмирением грабителей и отступить обратно, то урок скоро забудется и отступление противника будет приписано его слабости. Народы Средней Азии признают только видимую и осязательную власть, моральная сила права и интересов цивилизации не имеет власть для них пока никакого значения».

Очевидец всех этих событий западный журналист Краусс писал: **«Если царское правительство не слишком церемонилось со своими союзниками — казахскими феодалами, то по отношению к завоеванным казахским трудящимся массам политика царизма носила явно грабительский характер»**.

Основы этой политики можно свести к следующим положениям:

- 1) захват лучших земель под военную и крестьянскую колонизацию,
- 2) насильственное обращение «инородцев» в православие, 3) раздува-

ние национальной вражды, натравливание завоеванных народов друг на друга и натравливание русского казачества и крестьянства на них, 4) развитие торговли—выгодной коммерции» с восточными странами, в частности, поощрение торговли людьми, путем предоставления права помещикам и дворянам покупки пленных из калмыков, казахов и др. народов» (Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Алматы. 1998 С.59). «...Не подлежит сомнению, что Россия сама повинна в значительных жестокостях, допущенных ею при завоевании Средней Азии. Такие факты, как избиение номадов Кауфманом и бойня, учиненная над текинцами сначала Ломакиным, а затем Скобелевым... ни в какой мере не могут быть оправданы с моральной точки зрения» (там же, 60).

Неприглядные факты колониальной политики не могли скрыть «просвещенные» деятели царской эпохи, трактующие о «культурной миссии» царизма среди «варварских» народов Востока. Генерал Скобелев заявлял: **«чем сильнее вы бьете их, тем дольше после этого они будут пребывать в спокойствии».** Развивая свой тезис, он говорил: **«моя система состоит в том, чтобы бить сильно и бить до тех пор, пока полностью не будет сломлено сопротивление, затем сразу установить порядок, прекратить избиение и стать добрым и гуманным к коленопреклоненному врагу»** (там же, стр.61).

Все эти факты были хорошо известны Чокану Валиханову и привели его к принятию решения о самовольном оставлении армейской службы. Он знал, что его ожидает, но пошел на этот шаг осознанно во имя высоких целей, которые он ставил перед собой.

Имеется ничем не обоснованное утверждение автора книги «Валиханов», что после острой размолвки с Черняевым, Чокан Валиханов сделал неожиданный шаг назад. Он возвратился в родную степь, в юрту, в шалаш, подобно пушкинскому Алеко; отрешился от приобретенных цивилизованных привычек, женился на простой казахской девушке и умер, сломленный чахоткой, насладившись перед смертью первозданной аульной тишиной.

И.Стрелкова пишет, что «здесь заложено зерно острой ситуации, которой, конечно же, воспользовался бы художник, чтобы показать в романе крупным планом на достоверном историческом фоне «благородную и противоречивую натуру Чокана». Писательница, которая назвала одну из книг о Чокане « Друг мой- Брат Мой», очевидно хорошо знала «противоречивую натуру» Чокана. Однако в конфликте с Черняевым она явно путает «божий дар с яичницей». Дело совершенно в другом. Каратель М.Черняев вообще проигнорировал присутствие

в составе его «экспедиции» ученых мужей, местных аксакалов, включая и Чокана. Ему было наплевать, что подумают о нем члены его свиты. Важнее была установка Центра — при любой возможности применить военную силу, нагнать страх невежественным киргизам, чтобы впредь им было неповадно даже подать голос в свою защиту.

В книге «История колонизации Казахстана» (Алматы, «Мектеп» 2009. С. 101), рассчитанной на научных работников, преподавателей, студентов вузов, подробно описывается: «... В 1864 году началось широкое наступление царских войск в глубь Средней Азии. К 1864 году ближайшей целью военных походов было занятие линии Сузак — Аулие-Ата, а конечной и важнейшей целью — включение в состав Российской империи Чимкента и Туркестана... С этой целью в 1864 г. Черняевым был взят Аулие-Ата».

Опять же про Чокана ни слова. Спасибо автору, что она (Шаймерденова К.Г.) не упрекнула Чокана в том, что именно он был повинен в бессмысленной гибели горожан под артобстрелом российских войск. В этой связи необходимо отметить, что причины, побудившие Чокана покинуть отряд Черняева, были истолкованы по-разному. Это, видимо, связано с тем, что не были оставлены никаких официальных документов. Версия об инородце, **«испившем чашу цивилизации и возвратившемся к натуральной жизни»**, не выдержала испытания временем. Чокан продолжал занимать активную жизненную позицию. Много времени уделял научной деятельности, о чем свидетельствуют труды, написанные именно в этот отрезок времени. Его интенсивная переписка с Гутковским, Колпаковским и разведывательные донесения в Центр, наоборот, говорят об активизации работы по линии разведки. Он написал также ряд научных статей, в том числе о дунганском восстании, опубликованные в газете «Русский инвалид» (1865 г. № 51). Разговоры о том, что Чокан «отрешился от всего мира», является ничем не прикрытой клеветой. Он до последнего дыхания служил своему народу, продолжал заниматься общественной деятельностью; словом, находился в строю, в боевой обстановке, выполняя свои служебные обязанности сотрудника Министерства иностранных дел в пограничных с Китаем районах. С.Марков отмечает, что Чокан имел полномочия принимать и вскрывать дипломатическую почту.

Данная поездка Чокана в армию Черняева, как я уже отметил, не была связана с намерением получить более высокое воинское звание. Если бы он этого хотел, то не стал бы открыто обвинять генерала в совершенных им деяниях. Мы знаем, что Чокан был свидетелем более жестоких расправ над гражданским населением. Для него было важ-

но публично продемонстрировать, документировать и придать огласке свое принципиальное осуждение военных действий царизма против мирных жителей.

Теперь он воочию убедился, что перед царскими войсками была поставлена задача сделать все для того, «чтобы и впредь на такие противности киргизы более отважиться не могли», для чего проводились массовые аресты, содержание «под крепким караулом», «допросы с целью установления зачинщиков и подстрекателей к нарушению царских распоряжений».

Жандармерия с довольно солидным штатом сотрудников неустанно работала в этом направлении.*

---

* В 1880 году после упразднения Третьего жандармского отделения его функции взял на себя Департамент полиции. Жандармы не были переданы в подчинение директору, а сохранили за собой статус в отдельную корпусную структуру. Главной задачей жандармерии было подавление возможных бунтов.

Выполнение Отдельным корпусом жандармов своих обязанностей иногда сопровождалось сбором разведывательной информации, включая военную. В первую очередь это относилось к жандармским управлениям в приграничных районах.

Широкие полномочия жандармерии позволяли вести контрразведывательную работу среди инородцев, взять в разработку неблагонадежных объектов, принимать в отношении их ограничительные и карательные меры.

Я это пишу для будущих исследователей, которым предстоит добиться получения архивных материалов из подвалов МВД России, где должны храниться документы о последних годах жизни Чокана Валиханова. (Б.К.)

*Говорят: в конце концов, правда восторжествует;
но это неправда.*

А.П. Чехов

Не показывай мне Кодекс — покажи мне судьбу.

Рой Кон

Врет, как очевидец.

(Судейская поговорка)

Прочь руки, выслеженный согладай!

Бен Джон, «Повесть о Робин Гуде»

ОБЪЕКТ ЦАРСКОЙ КОНТРАЗВЕДКИ

Первые сигналы о неблагонадежности.

Основание для оперативной проверки.

Агентурная разработка. Компрометация.

Опасный противник. Роковое решение.

Царская и советская цензура как-то пропустила в печать разговор Чокана с одним дворянином на площади в Петербурге, где проходило массовое мероприятие.

С.Бегалин в книге «Чокан Валиханов» пишет о том, что (вскоре после опубликования статьи Костомарова о Разине. Б.К.) в 1860 году Чокан Валиханов стоял среди многочисленной публики на Марсовом поле, где проходил традиционный майский парад. Рядом с Чоканом оказался молодой барин, которого случайно толкнул простолудин в сером кафтане.

- Что это не почистят публику? - возмутился барин.

- А вы читали, как Разин чистил публику? - язвительно бросил Чокан.

Сотрудники наружного наблюдения 3 отделения столичной жандармерии (филеры. Б.К.) зафиксировали этот разговор и тут же доложили рапортом руководству.

До этого в досье на штабс-ротмистра Валиханова были подшиты несколько других документов. Так, разговор Чокана с Ф.М.Достоевским на Певческом мосту, где писатель сказал: «К топору зовете, батенька?!», также был услышан филерами и сообщен куда следует. Во время нахождения в служебной командировке в Париже Чокан не преминул негласно передать в журнал «Колокол» статью о положении кыргыз-кайсаков, которая была затем напечатана. *Современный читатель* помнит, как эта статья вызвала гнев даже императора. Воз-

можно, Чокан не знал, что контрразведка документирует все до мельчайших подробностей сведения об объекте своей заинтересованности. Также не остались вне их внимания насмешки Чокана над Гасфортом (сдвинутые с места Алатауские горы в честь губернатора или придумать новую религию), конфликт с Фридрихсом, Яценко, Ивашкевичем. В этой связи, независимо от того, состоял Чокан членом тайного кружка «Земля и воля» или нет, ему могли все это приписать.

И.Стрелкова по указанному выше поводу замечает, что Марсово поле — не очень-то подходящее место для смелых революционных высказываний. Но в тот год, «словно бы и нет больше в России всевидящего глаза и всеслышащих ушей, все говорили о бунте открыто и повсюду». Это не так. Спецслужбы во все времена не ослабляли работу по негласному наблюдению за теми, кто может представлять опасность для государства. «Именно тогда Н.Г.Чернышевский открыто произносил речи о крестьянском топоре — «только топором все в России и разрешится!» Верно. Вот за это и за другие антиправительственные действия он и оказался в тюрьме.

Опытный контрразведчик полковник В.И.Дюбшинский, более тридцати лет «опекавший» семью Валиевых, в свое время активно поддерживал Айганым ханшу, бабушку Чокана, в ее лояльной политике к царскому правительству. Он же способствовал продвижению Чингиза Валиханова, отца Чокана, по служебной лестнице. Он же вел досье над всем семейством Валихановых. Не исключено, что этот контрразведчик занимался и разработкой самого Чокана, несмотря на то, что в это время уже вышел в отставку. Мне показалось, что биографы Чокана вконец запутались о политических взглядах этой семьи. С этим связано прямо диаметрально противоположные суждения об отце Чокана — Чингизе, царском служаке, полковнике, «воевавшего» против своего близкого родственника, Кенесары, чего на самом деле не было.

Ученые отмечают, что прогрессивные устремления отца Чокана наиболее четко оформились после его ухода в отставку и нашли свое яркое проявление во время политического процесса над «сибирскими сепаратистами». В 1865 г. Чингизу было предъявлено политическое обвинение, находившееся в прямой связи с распространением в Омском кадетском корпусе прокламации «К патриотам Сибири» и арестом друзей Валихановых — Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, Ф. Н. Усова и других. В Омском архиве сохранилось дело под названием «О преступных мыслях против правительства, выраженных султаном полковником Чингизом Валихановым» (А.Маргулан).

С.Марков отмечает, что царские власти длительное время проявляли «терпение» всему семейству Валихановых, особенно к Чингизу, памятуя о том, что они являются чингизидами и пользуются среди казахских родов высоким авторитетом. Это подтверждается смелыми высказываниями Чингиза против некоторых решений властей. Например, в связи с арестом Потанина, Ядринцева и других Чингиз официальной запиской на имя генерал-губернатора Западной Сибири выразил протест против бесчеловечных репрессий в отношении узников и против той несправедливости, которая царила в аппарате областного правления. Генерал-губернатор дал в связи с этим следующее предписание военному губернатору области Сибирских киргизов: «Возвращая к Вашему превосходительству докладную записку султана полковника Чингиза Валиханова, в которой он выразил преступные мысли против правительства, покорнейше прошу вытребовать его в Омск для личных объяснений» (ГАОО, ф. 3, оп. 13, д. 9).

С.Бегалин указывает, что открытый протест Чингиза против расправы с «сибирскими сепаратистами» укрепило недоверие царского правительства к семье Валихановых, а также к другим лицам, которые имели близкое отношение к группе Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева. Он был причислен к разряду неблагонадежных элементов. Я подробно остановился на культурно-мировоззренческих и политических взглядах Чингиза потому, что эти его взгляды в некоторой степени передались и его старшему сыну — Чокану.

В Омске Чокан был вхож в дом дочери декабриста Анненкова — Ольги Ивановны. Муж ее, К. И. Иванов, служил в корпусе жандармов*. Человек честный, прямой и независимый, он приютил у себя Достоевского и Дурова на целый месяц. Достоевский впоследствии не раз вспоминал, что этот начальник жандармов был ему «как брат родной».

Историки — чокановеды часто повторяют друг друга, описывая нижеследующий эпизод, который впервые был озвучен С.Мукановым. «...Он (Чокан) расположил к себе чиновника Капустина, у которого часто собирались передовые люди Омска. Хозяйка дома Е.И. Капустина - сестра Д. И. Менделеева - принимала у себя путешест-

---

*Термин «Жандармерия» в Словаре Русского языка (АН СССР. 1985) означает «Особые полицейские войска в феодальных и буржуазных странах для политической охраны и сыска, для борьбы с революционным движением. (Франц. Gendarmerie). Невольно задумаешься, К.И.Иванов далеко не рядовой жандарм, а поди-ка, такой «честный, прямой и независимый». Не он ли, этот хороший человек, позднее засадил в тюрьму Дурова и Достоевского, а на Чокана собирал компромат? (Б.К.)

венников и писателей, там говорили о научных новостях и, в частности, об открытиях Кювье, *обсуждали политические события*. Этот эпизод интересен нам не из-за великого химика Д.И.Менделеева, а тем, что *И.Капустин занимал руководящий пост в Омской жандармерии. То есть руководил работой контрразведки.*

« В Омске Чокан познакомился с прогрессивно настроенными представителями русской интеллигенции. Неизменным другом в эти годы был Г.Н.Потанин, в будущем известный путешественник. « Семейство *Капустиных и Гутковских*, - писал Г.Н.Потанин, - состоявших в близком родстве между собою, было центром Омской интеллигенции. В этих домах собирались *образованные чиновники и молодые офицеры*: тут можно было встретить *офицера Генерального штаба*, художника или *чиновника*, литератора, ученого путешественника, заехавшего в Омск по дороге в Центральную Азию, или поэта, очутившегося здесь в качестве *«невольного странника»*... Чокан, сын султана Чингиза, был принят в семействе Гутковских... В сердце Чокана любовь к своему народу соединились с русским патриотизмом» (Н.Е. Бекмаханова, доктор исторических наук (Москва). Невероятно, чтобы патристические чувства Чокана появились в плотном окружении представителей силовых структур и спецслужб. Невероятно также то, что в среде, где к коренному населению присутствовало только презрительное отношение, у Чокана появилась любовь к своему народу в унисон «дифирамбам», которые пели спецслужбы в адрес инородцев.

Некоторые историки считают, что появление в «Колоколе» материалов Чокана свидетельствует, якобы, о связи сибирского кружка и самого Чокана «тайными путями с Лондоном или с друзьями Герцена в Европе». В те времена за «Колоколом» следила вся демократическая и либеральная общественность, а также вся правительствующая Россия - вплоть до «первоприсутствующих лиц» омского областного правления. Валиханов, выступив в «Колоколе», по сути, открыто, во всеуслышание заявил о своей позиции» (И.Стрелкова). Мы уже разбирали эту позицию в разделе «Что делал Чокан в Париже?». Вместе с тем не исключается возможность отработки царской контрразведкой каналов «тайной связи» сибирского кружка с группой Герцена за рубежом, а именно разработкой издательства «Колокол», в частности. Последующие чокановеды усматривают в публикации статьи о кыргыз-кайсаках некий оттенок революционности, так как любая связь с Герценом и журналом «Колокол» рассматривалась контрразведкой как неприятие политики царской России.

Третье отделение* царской охраны, следившее за студенческими кружками, часто пускало дезинформацию, что никаких сходок или кружков с политической целью между сибиряками не было. Однако впоследствии многие активисты из сибирского землячества вошли в тайную организацию «Земля и воля», одним из руководителей которой стал сибиряк Г.З. Елисеев. Ее членом являлся и Н.М. Ядринцев — крупнейшая фигура в истории русской науки и общественной мысли. Он писал про сибирскую ссылку, про угнетение малых народов Сибири, про сибиряков-шестидесятников. О тесной дружбе Чокана Валиханова с Н.Ядринцевым мы уже говорили и поэтому не исключается также возможность нахождения обоих «вольномышленников» под агентурным наблюдением контрразведки.

С царской тюрьмой довелось познакомиться многим из сибирского землячества. Например, поэт И. В. Омулевский-Федоров попал в Петропавловскую крепость за «недозволенные отзывы» о правительстве. За «призыв к мятежу» был арестован в Сибири С. С. Шашков. Потанин первый раз в 1862 году отсидел два месяца, а во второй — провел в тюрьме, на каторге и в ссылке девять лет — с 1865 года по 1874-й. Все они были знакомы Чокану Валиханову, а с некоторыми из них он находился в близких отношениях.

Пусть меня простят биографы Ч.Валиханова, которые страстно хотели сделать из него настоящего революционера, похожего на Овода (Войнич), пытаюсь доказать, что именно Чокан своей бурной антиправительственной деятельностью чуть ли не подготовил условия для совершения государственного переворота.

Вот, например, как можно расценивать то, что биографы Чокана едины во мнении, что в Санкт-Петербурге в доме у хлебосольного Егора Петровича Ковалевского собиралось самое пестрое, в основном, революционно настроенное общество. Авторы предполагают что, возможно, Чокан именно у Е.П.Ковалевского познакомился с известными революционерами. Есть утверждение, что два «опасных для царизма революционера» — Н.Г.Чернышевский и Чокан Валиханов встречались у генерала Е.П.Ковалевского, который тогда занимал самый высокий пост в Министерстве Иностранных дел России, а имен-

---

*Третье отделение Министерства внутренних дел России осуществляло агентурно-оперативную проверку революционно настроенной части российских подданных. Оно же выполняло заказ головного органа Контрразведки по проведению мероприятия «Николай Николаевич» - НН (наружное наблюдение). В романе «Грач-птица весенняя» революционер Николай Бауман, соратник В.И.Ленина, постоянно обнаруживал за собой «хвост», то есть слежку со стороны агентов третьего отделения (Б.К.).

но — начальника внешнеполитической разведки Генерального штаба. При этом авторы считают, что Валиханова и Чернышевского мог познакомить сотрудник революционного «Современника» Григорий Захарович Елисеев — сибиряк, частый посетитель собраний студенческого сибирского землячества.

Да, можно себе представить, о чем говорили при первой встрече Ковалевский и Валиханов, но очень много «белых пятен» в петербургском периоде жизни Валиханова с февраля 1860 года по май 1861-го. *Современный читатель* помнит, как Е.П.Ковалевский пригласил к себе в кабинет Чокана сразу же после его блестящего доклада в Российском Географическом обществе о поездке в Кашгарию и, плотно закрыв дверь, сказал: — А теперь расскажите все то, что не вошло в Ваш доклад».

По большому счету у Чокана Валиханова должна была сохраниться обширная переписка с разными людьми, поскольку определенную часть своего времени он уделял именно переписке. И.Стрелкова отмечает, что сохранилось всего два письма Чокана домой, родителям. А писал гораздо больше — утеряли! В архивах Министерства иностранных дел и Военного министерства отыскиались приказы, указы и распоряжения, касающиеся Валиханова. Из его научного наследия известно, над чем он работал в Петербурге. Но петербургского дневника, увы, нет. Или не вел, или опять же утеряли! Не «обнаружено пока ничего в жандармских архивах», ныне ставших справочником по русской истории. А могли там найтись сообщения приставленного к Валиханову соглядатая, его денщика Мухаммедзяна Сейфулмулюкова. Что денщик за ним шпионит, был уверен сам Чокан, а он после Кашгара, надо полагать, в таких вещах не ошибался.

После самовольного оставления воинской части Чокан знал, что Черняев своим приказам непременно отчислит его из армии. ***Но Чокан был разведчиком и дипломатом высокого класса и поэтому не особенно беспокоился, что может остаться без работы. Он знал, что такая профессия приобретается один раз и остается с человеком до конца жизни, независимо от того, работает он в этой системе или не работает. Наоборот, эта профессия имеет тенденцию самосовершенствоваться в силу того, что тренированная, цепкая память разведчика замечает все до мелочей и мгновенно пропуская через мозг, оценивает ценность той или иной информации.***

Таким образом, Чокан, с одной стороны, стал объектом царской контрразведки, а с другой — ценным источником информации для разведки. Именно по этой причине руководители разведки продол-

жали поддерживать с ним доверительные отношения, несмотря на предупреждения жандармерии. Зачастую сами разведчики оказывались в немилости у высшего руководства за контакты с неблагонадежными лицами. Чокан Валиханов в этой связи не был удивлен, что К.Гутковский неожиданно был отправлен в отставку. При этом контрразведка через агентуру распространила слух, что один из руководителей разведки, имевший многочисленные награды за своих подвиги, уволен по вине ротмистра Ч.Валиханова, который в своем рапорте обвинил руководство в непринятии мер по какому-то вопросу. Такая записка на самом деле Чоканом была составлена и отправлена в Центр. В этом документе имя К.Гутковского упоминается, но несколько в ином смысле, чего было достаточно, чтобы повернуть все «с ног на голову». Возмущенный таким поворотом в судьбе своего шефа, Чокан пишет ему письмо, доказывая, что к его отставке он не имеет никакого отношения. Он предлагает свою помощь в восстановлении К.Гутковского на государственной службе вплоть до обращения с рапортом в Петербург. От содержания данного письма можно четко определить, что Чокан продолжал поддерживать отношение с внешней разведкой и мог повлиять на позитивное решение вопроса в отношении своего учителя.

Травля, в которой объединились омские чиновники и казахская верхушка, довела Чокана до неистовства. Он всерьез писал Гутковскому, что намерен совершить преступление и объявить, что доведен до этого несправедливостью сибирского начальства. Такое письмо к Гутковскому в Собрании сочинений имеется и здесь приведено в точном изложении. ***Чокан неоднократно предупреждал Гутковского, что получаемые им письма до прихода адресату кем-то вскрываются и даже предлагал другие виды связи. Поэтому царская контрразведка могла взять на особый контроль такое заявление Чокана и могла по своим каналам, то есть через агентуру, взять его в более плотную разработку с последующим внесением предложения о локализации возможных негативных для властей действий с его стороны.***

«К сожалению, утеряны письма Гутковского. Что он писал Чокану? Как успокаивал?» Думаю, что Гутковский вообще оставил без ответа данное письмо, будучи одним из руководителей спецслужб. Маловероятно, чтобы он написал успокоительное письмо, которое было бы конфисковано цензурой. Вместе тем вызывает подозрение, что К.Гутковский был отправлен в принудительную отставку, в чем пресса обвинила именно Чокана. Однако от Гутковского ответа не последовало. Это могло означать, что Гутковский поверил сплетням или его

письмо было конфисковано. Между прочим, перлюстрация корреспонденции для спецслужб являлась основной формой сбора компрометирующих материалов в отношении объекта в дела оперативного учета.

Вместе с тем сам Чокан давно понял, что начиная с Петербургского периода до настоящего времени, он находится под пристальным наблюдением контрразведки. Денщик Сейфулмуликов был приставлен к нему без согласия Чокана. Перед выездом в Петербург Чокан был рад, что избавился от своего денщика, отправив его в Казань. Но как мы знаем, он снова появился в доме Чокана после возвращения из Петербурга. При этом из архивных материалов видно, что Сейфулмуликов получал от Генерального штаба заработную плату всего на 70 рублей меньше, чем Чокан.

Исследователи утверждают, что Чокан постоянно, где бы он ни находился, вел дневник и его научная деятельность напрямую связана с необходимостью ведения различных записей, что мы видим из его трудов. Однако есть неписанный закон спецслужб, что профессиональный разведчик никогда, ни при каких обстоятельствах не должен вести записи агентурно-оперативного характера, тем более дневник. Он не вел дневник в период пребывания на нелегальном положении в Кашгарии в течение шести месяцев. Все запоминал. Научные записи — это совсем другое дело, здесь Чокан выкладывался в полную силу.

К нашему огорчению, даже эти записи из 400 экземпляров (не листов Б.К.) не были переданы родственникам, хотя Совет принял такое решение (Сборник, стр.218). А.С. Бейсенова пишет: «Картографические работы ученого еще не собраны полностью. (Сб. с.212) Почему? Пока ответа нет.» «...Не увенчались успехом поиски зоологических, геологических и других коллекций Ч.Валиханова» (Сб. с.223). Шота Валиханов установил, что ...в силу многих обстоятельств, даже в легальных изданиях Чокану приходилось скрывать свое имя...В 1860, 1862, 1863 годах были опубликованы статьи «К характеристике Сибири», «Тобольское дело». Внимательное изучение этих статей показывает, что к ним приложена рука Ч.Валиханова. (Сб.с.278). То, что к трудам Ч.Валиханова первой «приложила руку» контрразведка, нет никакого сомнения. Например, Т.П.Медведева (г.Ленинград) пишет: «Так случилось, что *по каким-то причинам* отдельные рукописи работ Ч.Валиханова в архив Географического общества не поступили» (Сб.с.216). Даже в безобидной статье «Вооружение киргиз в древние времена» власти усмотрели угрозу безопасности России, и разрешение на ее публикацию было получено лишь в 1904 году.

Современный читатель помнит, как Чокан при въезде каравана в Кашгар предусмотрительно спрятал свой дневник в тайнике, который он затем изъял при возвращении после выполнения разведывательного задания. Весьма вероятно, что петербургские дневники Чокана могли быть изъяты контрразведкой во время проведения в его квартире негласного обыска, о чем он догадывался и делился этими подозрениями своими друзьями. Историки указывают, что в архивах жандармерии каких-либо документов касательно Чокана не обнаружено. Во первых, руководство архива, получив запрос, могло поставить штамп «не значится», хотя в секретном фонде находились материалы, которых искали. Во-вторых, по истечении определенного срока, согласно постановлению о сдаче материалов в архив, они могли попросту уничтожены. В третьих, военные историки (Обухов, Осадчий, Попов и другие) получили на руки «рассекреченные» материалы секретного фонда, иначе бы не писали **«архивные материалы свидетельствуют»**.

Выдающийся дореволюционный русский востоковед Н. И. Веселовский, первый издатель собрания трудов Ч. Валиханова (*Веселовский Н. И. Предисловие//Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. Изд. под ред. Н. И. Веселовского. Спб., 1909/Зап*) писал: **«Люди, близко знавшие Ч. Валиханова, говорили, что «...он искренне любил Россию, видел ее недостатки и вместе с лучшими людьми ее желал горячо ее обновления»** (Ч.Валиханов в воспоминаниях современников. Алма-Ата, 1964. С. 91). «Видеть недостатки» и «вместе с лучшими людьми горячо желать обновления России» могли также революционеры, коим Чокан не являлся. Но контрразведка думает иначе.

Действительно, больше полугода Чокан провел в ауле Тезека, вблизи хорошо известного ему по путешествию в Кашгарию Алтын-Эмельского перевала. Да, он женился на сестре Тезека. Да, здесь в ауле он и умер.

С.Марков пишет: «Но таким ли тихим был этот аул, находящийся недалеко от государственной границы? Именно в 1864—1865 гг. уйгуры и дунгане Илийского края подняли восстание против феодального и национального гнета. **Именно в аул Тезека приезжали то посланцы китайской администрации, то лазутчики восставших.** И те, и другие в равной мере ждали помощи от России. Надо было детально разобраться в этой сложной обстановке. В аул Тезека сходились многие нити.

Полковник русской службы, старший султан Большого Жуза, племени албанов, Тезек Нуралин был не только коллекционером старинного оружия, метким стрелком и певцом-импровизатором. Не только

приятным собеседником и гостеприимным родственником Чокана. Он был видным в Семиречье политиком, взгляды которого не совпадали с взглядами Чокана. Обо всех спорах и даже конфликтах, происходящих между ними не как родственниками, а политическими противниками, Тезек своевременно доносил до контрразведки. И уж так ли случайно в его ауле находился в это тревожное время Чокан?

Перечитывая письма Чокана генералу Герасиму Андреевичу Колпаковскому (осень и зима 1864—65 гг.), написанные в ауле Тезека, убеждаешься в их совершенно деловом политическом характере. *Письма содержат сводки военных действий между маньчжурами и восставшими, записки о положении кочевников-киргизов (и собственно киргизов, и казахов) в результате восстания, критические замечания о местных администраторах в Семиречье.* Мы уже упоминали, что лаконичность, конкретность и научная ценность этих сообщений, на самом деле является разведывательной информацией.

Чокан не раз переводит для генерала Колпаковского письма, адресованные Российскому правительству, правителей илийских провинций. «Вот тебе и отрешенье от государственных забот, вот тебе и уединение в патриархальной тишине!» (Стрелкова). Уединение, правда, недобровольное, имело место, поскольку аул Тезека, где автор этих строк был весной 2009 года, находится почти в тридцати километрах от основной автомобильной трассы, окруженный горами.

Не новоявленному степному отшельнику принадлежат эти слова, равно как и такая изящная приписка к письму от 19 января: «Ваше превосходительство оказали бы большую милость, если бы привезли мне несколько ящиков сигар гаванских от Терехова и один, так называемый, пробный ящик». Все верно. Он просил прислать эти сигары своему руководству по разведке. Кроме этого, просил выслать сто рублей «желательно серебром».

«Мы просто не знаем многих обстоятельств этого уединения, но зато хорошо известно из опубликованных архивных документов, какая гроза собиралась над Чоканом», — отмечает А. Брагин.

11 февраля 1865 года туркестанский генерал-губернатор докладывал военному министру: «...*Я неоднократно получал неодобрительные от местных властей отзывы о штабс-ротмистре Валиханове, распространявшем между киргизами Семиреченской области вредные для спокойствия края слухи.*»

Далее, в этом же донесении сообщалось, что Валиханов и его шурина, полковник Тезек, вместе сеют «возмутительные слухи». *Генерал-губернатор приказал арестовать их и произвести следствие.* Неко-

торами исследователями была сделана попытка убедить нас в том, что в документе упоминается не Чокан, а Гази Валиханов, который почему-то следовал за Чоканом везде, где бы он ни был. Гази был действительно арестован в подозрении в казнокрадстве и на некоторое время сослан в Омскую тюрьму. Однако в данном аспекте речь идет о политических факторах, в чем мог обвиняться только Чокан.

Как можно заключить по обтекаемым канцелярским фразам документов, что генерал Колпаковский, губернатор Семиреченской области, не выполнил этого приказа, но, однако, признал необходимым удалить Валиханова из Семиречья. Как видим, все-таки, дело касалось Чокана, поскольку граница была близка и один из главных секретноносителей мог совершить побег за границу и выдать китайским властям важные сведения, в том числе все подробности о разведывательной операции «Черный дракон».

К.Табеев в статье под названием «Эхо декабря» приводит слова Чокана Валиханова: «Сколько бы ты ни вел истину вперед, но в туманную эпоху нельзя, оказывается, не заблудиться», - говорил он в свое время с сожалением, понявший корни шовинистической политики царской России».

Современный читатель, видимо, в недоумении и вправе спросить еще раз, каким образом офицер разведки, постоянно носящий военную форму, соблюдающий дисциплинарный Устав армии, свободно распоряжается служебным временем. Перемещения с одного места на другое связаны с рапортами о просьбе выехать по личным делам и прочее. Он может выехать куда угодно и когда угодно. Свободно и безнаказанно встречается с теми, кто настроен против царской политики и даже разделяет их точки зрения. Иногда сам выражает в резкой форме свое неприятие царя и его власти. Одним словом, у него все сходит с рук. Почему? Мы считаем, что историки-чокановеды порой излишне увлекаются домыслами царской контрразведки преднамеренно искажавшей факты, стремясь создать из одного человека, в лице Чокана, не только ученого, офицера по особым поручениям, разведчика, путешественника и прочее, прочее, но и социал-демократа, более того — революционера.

Один из источников пишет: «Скажите, ради бога, неужели этот господин...будет терзать степь? Законы у нас на Руси пока еще пишутся не для генералов. Дай бог, чтобы старый год «пожрал, как Сатурн, своих чад Дюгамеля и пр.» Если Чокан произнес эти слова, то они, конечно, будьте уверены, были документально оформлены контрразведкой.

Из Петербурга Чокан уехал в чине штаб-ротмистра, а доехав до родины, успешно баллотировался султаном одного из округов Семипалатинской области. Он победил с огромным перевесом, но результаты голосования не утвердили по настоянию царской контрразведки, в чем нет никакого сомнения.

Однако, как было сказано выше, ценного источника информации спецслужбы просто так не оставили бы в покое: по заданию Центра он продолжал работать по линии разведки, о чем свидетельствует его Докладная записка об оперативной обстановке на сопредельной территории.

В некоторых исследованиях высказываются предположения о возможной связи Чокана с царской контрразведкой. Вот как они аргументируют свои предположения. В период 1860-1865 гг. до самой смерти Валиханов, как известно, начал активно общаться с представителями сосланной русской интеллигенции, с которой он уже имел связи и опыт общения во времена своего обучения в Омском кадетском корпусе. Поэтому Чокан Валиханов, возможно, участвовал в разработке неблагонадежных русских социал-демократов, на которых в этом ведомстве заводились дела оперативного учета. Сомнительно то, что спецслужбы, прекрасно зная о его, мягко говоря, тесных отношениях с социал-демократами, не предпринимали никаких мер в плане использования Чокана по их изучению (<http://www.centrasia.ru/news>). **С.Марков пишет, что Чокан общался с начальником отделения областной жандармерии М.И.Капустиным, который, наверняка, имел досье на неблагонадежных лиц.** Ясно одно, что Чокан никогда не был агентом царской охранки и не выполнял их задания. Любой профессиональный разведчик считает для себя унижительным сотрудничать с сыскной полицией. Это просматривается из его записей, переписки и открытого подчеркивания дружбы и оказания поддержки осужденным Дурову и Ядринскому.

С.Бегалин пишет, что «его мечта поехать консулом в Кашгар оказалась несбыточной. В некоторых биографиях Валиханова говорится, что ему отказали в назначении консулом **по причине политической неблагонадежности**. Попытки России открыть в Кашгаре консульство и факторию закончились безуспешно». Писатель даже не подозревал, что отказ в назначении консулом или игнорирование просьбы об открытии агентства, равно как аннулирование результатов выбора не в его пользу, является одним звеном длинной цепочки, который называется «контрразведка села на хвост».

Кто мог, кроме царской контрразведки, придумать небылицу о революционной деятельности Г.Потанина? Эта версия была хороша

при тоталитарном режиме, чтобы показать Чокана, Потанина, Дурова и др. революционерами. Потанин выезжал за рубеж в составе российской делегации, выполнял серьезные поручения Азиатского Департамента внутри страны, отец его был богатым казаком, неоднократно награжденным за верность России. В фильме М.Бегалина «Его время придет» Потанин не показан как революционер.

Если утверждения о том, что Потанин «приехал в Сибирь с планами организации здесь революционной пропаганды, создания тайного общества сибирских патриотов, созыва доверенных лиц от всей Сибири - в том числе и от инородцев - для того, чтобы решить на общем совете вопрос о равноправии Сибири с исконным центром России» соответствует действительности, то Чокан не мог оставаться вне поле его зрения.

Чокану он мог «рассказать, как единомышленнику, о призывах к крестьянскому восстанию, о мерах, принимаемых правительством для подавления революционного движения». Потанин, конечно, мог рассказать Чокану о своих двух встречах с Чернышевским, о разногласиях партии Чернышевского с Герценом, о призыве Герцена: «В народ!» - о многом, что «никак не могло быть упомянуто в письме Чокана Майкову- прежде всего из обычной для российской **переписки осторожности**. Ряд авторов прямо указывает о проводимых мероприятиях по перлюстрации корреспонденции Чокана со своими друзьями, что вполне объяснимо при таком раскладе его политических взглядов.

За всеми этими учеными разговорами, за столичными манерами, за пристрастием штабс-ротмистра Валиханова к тонкому белью, английским духам и гаванским сигарам надворный советник Яценко обнаружил - не без злорадства - дикую натуру киргиз-кайсака. «Господин Валиханов, оказывается, не приемлет нового мирового суда. Он считает, что Степь должна остаться при кайсацких обычаях, при суде биев в его древней народной форме,»- писал Яценко в своем доносе.

Действительно, несмотря на сопротивление Яценко, Валиханов усердно вел сбор народных мнений, противоречащих тому, что решили «умные» люди в Омске. Некоторые султаны и бии Кокчетавского, Акмолинского, Атбасарского, Баян-Аульского округов поставили свои подписи и приложили тамги под постановлением, что суд биев лишь в отдельных частностях не соответствует новому мировому суду и потому должен быть сохранен при незначительном изменении прав и обязанностей биев. Чокан с удовольствием выполнил требование взбунтовавшихся бедняков, порвал бумагу. А Яценко остался в убеждении, что Валиханов и есть главный зачинщик кар-каралинских бес-

порядков. В досье на Чокана наверняка подшиты доносы этого слугаки в контрразведку.

Так, по возвращении в Омск надворный советник Яценко и штабс-ротмистр султан Валиханов представили народные мнения, настолько противоречащие друг другу, что начальство не на шутку всполошилось. Решили вызвать в Омск из округов самых почтенных султанов и биев для участия в работе комитета, который сводил воедино все изменения и дополнения к проекту реформы.

В тайное общество, созданное Потаниным, вошли многие друзья юности Чокана, его однокашники, в их числе и Евгений Колосов - тот, что в кадетские годы боготворил Чокана и запомнил на всю жизнь слова своего кумира о будущих путешествиях. Причастны к обществу и Николай Федорович Костылецкий, которому после ареста Потанина и Ядринцева велют подать в отставку, и Николай Щукин, ученый и публицист, на труды которого о якутах Чокан ссылался в набросках по истории южносибирских племен... Примкнул ли сам Валиханов к тайному обществу - осталось невыясненным. Валиханов не попал на заметку к засланному III отделением провокатору С. С. Попову. На следствии сибиряки скрыли все: имена членов общества, свою связь с «Землей и волей». Не назвали они и Валиханова. А если следствию и стало что-то известно о Валиханове, то вызвать его в 1865 году на допрос было уже невозможно - Валиханов был убит.

Яценко не признавал казахского обычного права, исторической справки о «Ясах Чингисхана», сборников обычаев Хакк-Назара и хана Есима, законов хана Тауке*, по которым за биями устанавливалась полнота судебной власти.

Думается, что и среди членов Степной комиссии далеко не все симпатизировали Чокану. В комиссии, конечно, понимали, что он превосходно знает историю своего народа законы, нравы, обычаи. Куда лучше он все знает, чем да же сам Левшин, знаменитый историограф киргиз-кайсаков, первым записавший их законы «Жеты жаргы». Левшин, увы, отстал от быстротекущей жизни. Когда запросили его мнение о предстоящей реформе управления, Левшин высказался против отстранения султанов от власти, он пребывал в уверенности, что

---

*Хакк-Назар (1539-1580), хан Есим (1598-1628). Законы хана Тауке (1680-1718) назывались «Жеты Жаргы», то есть «Законы семи судей», которыми они, по преданию, были составлены. Народ хранил эти законы в памяти в виде пословиц и изречений. Наиболее подробно «Жеты Жаргы» были записаны русскими исследователями, например А. И. Левшиным (Б.К.).

султаны «готовее служить правительству». Возражал он и против предложения о ликвидации управления по родам, что никак не согласовывалось со стремлением правительства нарезать оренбургскую и сибирскую степь на уезды и лишить султанов сословных привилегий. Но если для правительственных реформаторов Левшин явно устарел, то Валиханов разве не близок им в решении вопроса о султанах? Ведь он предлагал Колпаковскому не церемониться с чиновниками, киргизской властью, ослабить аристократический элемент.

Потанин объясняет, почему не рукой Валиханова написаны «Записка о судебной реформе» и работа «О мусульманстве в степи». Кому-то он диктовал, а потом собственной рукой вносил поправки. Он спешил - и не только потому, что хотел своими обоснованными доводами вмешаться в готовящиеся для Степи преобразования. Тяжело больной, он торопился составить свое политическое завещание, думая о судьбе «миллионов людей, подающих несомненные надежды на гражданственное развитие, людей, которые считают себя братьями русских по отечеству и поступили в русское подданство добровольно». В своем политическом завещании он отстаивал интересы целого народа, которые не должны быть пожертвованы интересам отдельного сословия. Помните его слова: «На мнения же привилегированных классов общества следует смотреть не иначе, как на отрицательное выражение истинных народных нужд, ибо интересы знатных и богатых людей, даже в обществах высокоцивилизованных, бывают большею частью враждебны интересам массы, большинства». Потанин мог допустить ошибку, заявив, что фундаментальные работы Чокана написаны не им, а под диктовку. А.Маргулан по этому поводу дает отрицательное разъяснение, поскольку только одно письмо, незадолго до его смерти, написано искаженным почерком, но принадлежащим Чокану. Конечно, оно было переписано контрразведкой, которая убрала из него лишнюю информацию.

Контрразведка до самого конца продолжала находить в документах Чокана крамолу против существующего строя. Например, «энергическая борьба с препятствиями...» «конечная цель...», обычные фразы в статьях того времени выделялись курсивом, как намек на что-то. В «Записке о судебной реформе» Валиханов утверждал, что «...для нормального роста народа, на какой бы степени развития он ни стоял, необходимы: саморазвитие, самозащитное, самоуправление и самосуд...». Контрразведка тут же взяла на заметку, что здесь прозвучали лозунги русского революционного движения.

Такое утверждение было озвучено несмотря на то, что Н.П. Огарев писал в 1863 году в «Колоколе»: «В России бунт невозможен ина-

че, как чтобы вместе с ним возникли и учредились народное землевладение, самосуд и самоуправление».

Посылал ли Чокан Валиханов куда-нибудь в столичный журнал свою «Записку о судебной реформе»? Неизвестно. И дошла она до нас только потому, что эта совсем не служебная записка, а блистательная публицистическая статья была подана Чоканом по начальству и упокоена в архиве. И спасибо, что хоть упокоили! **А то бы вовсе пропала, как многие рукописи Валиханова, как его «восточные тетради», о которых упоминал в письме к Чокану Хусайн Фаизханов. Можно предположить, что он надеялся на будущее, когда его труд найдут, и напечатают, и сделают достоянием народа. Так оно и случилось, причем в очень важный исторический момент, накануне первой русской революции 1905 года. «Записка о судебной реформе была опубликована в 1904 году в томе сочинений Ч. Ч. Валиханова, изданном Русским географическим обществом***

«...Я думал более всего о том, чтобы примером своим показать землякам, как может быть для них полезен образованный султан-правитель. Они увидели бы, что человек истинно образованный - не то, что русский (чиновник, по действиям которого они составили свое мнение о русском воспитании). С этой целью я согласился быть выбранным в старшие султаны Атбасарского округа, но выбор не обошелся без разных чиновничьих шуточек. **Господа эти, как областные, так и приказные, поголовно восстали против этого**». (Чокан Валиханов. Собрание сочинений, том 4, стр. 63).

7 апреля 1865 года за три дня до смерти Чокана начальник Главного штаба генерал-адъютант граф Гейден в докладе военному министру Милютину писал:

«...Генерал-лейтенант Хрущев полагал бы более соответственным перевести штабс-ротмистра Валиханова на службу в какой-либо кавалерийский полк внутри империи, где по условиям окружающей его среды пребывание его не может повлечь за собой никаких вредных последствий».

И резолюция министра: **«Перевести в один из кавалерийских полков по выбору самого штабс-ротмистра Валиханова».**

---

* Сочинения Валиханова сыграли огромную роль в общественной жизни Казахстана и оказали решающее влияние на многих выдающихся деятелей казахской культуры, на русских исследователей Казахстана, на широкие слои читателей. Сейчас существует пятитомное Собрание сочинений Ч. Ч. Валиханова, прекрасно прокомментированное. (Б.К.)

Телеграмма из столицы в Омск пошла 9 апреля, а читал ее командующий войсками Западно-Сибирского округа генерал-лейтенант Хрушев в день смерти Чокана.

Когда выстраиваешь в один ряд эти факты, хочется представить себе, что же в конце концов происходило в ауле Тезека?

Когда сопоставляешь даты «Валихановского дела» и его смерти, невольно спрашиваешь себя: а не повлияло ли это следствие на болезнь Чокана, не ускорило ли следствие его конец? (А.Брагин)

В Ташкенте, в Центральном государственном архиве Узбекской ССР, хранилось донесение туркестанского генерал-губернатора военному министру о необходимости удалить из Семиреченской области штабс-ротмистра Валиханова за распространение между киргизами вредных слухов и за тайные сношения с владельцем Кашгара Якуб-беком, к чему был причастен и тесть Валиханова полковник Тезек. Там же отыскалось и распоряжение о переводе штабс-ротмистра Валиханова в один из кавалерийских полков внутри империи.

Столь «уважительная» высылка казалась неопровержимым доказательством того, что Чокан стал вызывать серьезное беспокойство спецслужб. Врагов у него было достаточно (А.Каменский). И разговоры вольные он, конечно, вел (И.Стрелкова). А появление у Тезека посланцев из-за кордона могло быть истолковано как сношения с Якуб-беком (С.Марков).

Следствие тянулось долго, и в результате, Тезека определили на жительство в Капале под надзором полиции, а Гази Валиханова, также попавшего в немилость контрразведки, выслали в Акмолинскую область. О легкости наказания уже говорилось на предыдущих страницах - семиреченский военный губернатор Колпаковский спасал Гази в память своей дружбы с Чоканом. Но неблагодарный Валиханов II вскоре исчез из Акмолинской области, поехал в Петербург жаловаться на семиреченские власти, которые его оскорбили и оклеветали. Но это уже другая тема. Однако в истории с высылкой Гази есть одна подробность, привлекающая внимание. ***Он подал прошение, чтобы ему позволили побывать перед отъездом в ауле Тезека, и выставил две причины: надо сделать опись имущества, ибо без описи он не может оставить вещи кому бы то ни было для сбережения, и надо взять документы, без них он выехать не может.***

Что за важные документы? Уж не те ли, что остались у Тезека после смерти Чокана Валиханова? Если так, то Гази Булатович не врал, значит, репортеру «Нивы», говоря, что располагает ценными научными материалами о судьбах Востока. Но что он с ними сделал потом?

Это, конечно, только догадка. Она основана еще и на том, что к моменту приезда в аул Тезека Гутковского — **именно с целью забрать все до последнего листика научное и литературное наследие Чокана — бумаг покойного оказалось очень мало.** Их могли уничтожить просто по невежеству, пустить на хозяйственные надобности, скажем, для разжигания саксаула... **Но бумаги мог и присвоить кто-то, знающий им цену.**

Часть того, что уцелело, Гутковский сразу же передал в Русское географическое общество П.П.Семенову. Остальные рукописи и письма хранились у него. В 1920 году дочь Гутковского передала их в архив Академии наук.

Дюгамель был твердо убежден, что такие «возомнившие себе киргизы, как Чокан Валиханов, и раньше-то не очень много принесли пользы России, а теперь уж и вовсе не нужны».

Да, кое в чем он был близок к реформаторам, одно время под влиянием его «Записок о судебной реформе» власти даже намеревались сохранить суд биев. Но... Не только смерть помешала ему участвовать в делах Степной комиссии. **Как только возникла необходимость организовать эту комиссию, начальству Западной Сибири сразу же вспомнилось кое-что из недавнего российского опыта подготовки и проведения крестьянской реформы. Слухи о готовящейся воле вызвали в России вспышку мужицких бунтов. То же самое может начаться и в Степи, как только по аулам промчится хабар, что власть султанов приходит к концу. Русское начальство могло не страшиться появления нового Кенесары. Время ханских мятежей безвозвратно прошло*.**

Однажды Чокан вызывал татарина-денщика, тот уныло стоял посреди комнаты, пряча от своего господина лукавые глазки, а Чокан глядел на него и недоумевал: зачем он тут, рядом — чужой, немилый? Для чего его приставили к Чокану? Работы от него никакой, а стоит кому-нибудь прийти, и малый тут как тут, вертится под ногами...

Чокан был в строю, хотя под надзором агентов контрразведки.

К юрте молодого торе потянулись просители. Один жаловался на жестокость и самодурство богача, другой — что хозяин не платит ему

---

*После разгрома Китаям Якуб-бека сын Кенесары Садык возвратился в Степь и получил от правительства России амнистию. В 1889 году в Ташкенте вышла книга его брата, султана Ахмета Кенесарина «Султаны Кенесары и Садык», вполне апологетическая. И как раз в это время капальский уездный начальник докладывал, что сооружение на могиле Валиханова находится в плачевном состоянии. Средств на восстановительные работы не оказалось. Обратились к потомкам Тезека, они отказались поправить могилу, опять же «за неимением средств» (Б.К.).

за работу, третий показывал следы от побоев, полученные от чиновника. Были и такие, что лишились своих земель и не знали, как жить дальше. Каждый из таких несчастных рассчитывал найти у Чокана защиту и помощь.

Как и следовало ожидать, отношения со степными феодалами обострились, а хлопоты далеко не всегда оказывались успешными. Ведь в степи не существовало единого кодекса законов. Решение тяжбы зависело от того, кто вершил правосудие. Султаны старшего поколения руководствовались древними заветами. Султаны, подпавшие под влияние мулл и имамов, опирались на шариат — кодекс религиозных законов. Правители молодого поколения решали дела по царским законам. Понятно, что от этого в судопроизводстве царила страшная неразбериха. Одних толстосумов она не тяготила: богатому закон — не указ.

Контрразведка не выпускала из виду, что вопросы правопорядка в степи интересовали Чокана еще со времени его первого путешествия 1855 года. У него сохранились подробные записи о крупных тяжбах, положивших начало межродовым войнам, о решениях известных в народе биев, о ссорах между тремя жузами. Копии этих записей уже давно находились в контрразведке, проводившей неоднократно негласный обыск в квартире Чокана. Не исключена возможность, что Чокану эти действия спецслужб были известны. Но он утвердился во мнении, что без сведения всех стихийно действующих законов воедино нечего и думать о порядке в степи. Чокан засел за работу, предварительно сообщив о своих изысканиях в Омск Гутковскому. *Но с каждым днем он все более убеждался, что не сможет сколько-нибудь значительно облегчить страдания народа. Скоро Чокану сообщили, что в канцелярию генерал-губернатора Западной Сибири на него поступили жалобы и доносы.* Тут вмешалась контрразведка. Чиновники во главе с военным губернатором Фридрихсом *обвинили штабс-ротмистра Валиханоова в вольнодумстве и сношении с неблагонадежными лицами, постарались распутить про него множество сплетен.*

Новый генерал-губернатор Дюгамель был также настроен против Чокана. Единственной опорой оставался старый друг Гутковский, но и он был на ножах с Фридрихсом.

«... Между прочим, когда Гутковский меня готовил в экспедицию, он не зря распорядился, **чтобы мой отъезд держали втайне даже от своих.** Я еще не ушел из Верного в степь, чтобы ждать семипалатинский караван, когда получил от Гутковского строгий выговор за то, **что мое из Верного письмо к губернатору Гасфорту** пришло распе-

чатанным. Гасфорт будто бы изволил гневаться, что столь важное и секретное послание небрежно было запечатано мною, *а меж тем...* — *глаза Валиханова зло сузились, — ...а меж тем всю мою корреспонденцию, связанную с отъездом в экспедицию, я запечатывал только сам, никому не доверяя, и делал это с чрезвычайной тщательностью...* Мне оставалось, следовательно, предположить, что моя переписка по делам экспедиции в Кашгарию и вообще моя персона привлекла чье-то пристальное внимание. Возможно, кто-то очень любопытный сидит в канцелярии самого губернатора, среди чужеземцев, собранных Гасфортом со всего света. Русские у него не в чести, ты сам знаешь. Омск заполонили немцы, шведы, датчане и еще бог весть кто. Я понял, что Гутковский своим выговором за небрежно запечатанный пакет давал мне предостережение, что *за мной уже следят...* Он мне как-то рассказывал подробности гибели Ивана Кириллова, любимого ученика Григория Карелина*.

Академик В. А. Обручев, описывая дружбу юных мечтателей Потанина и Валиханова, писал, что Чокан еще в годы учебы в кадетском корпусе *«пытался пробудить в нем отрицательное отношение к Николаю и критическое отношение к царизму вообще»* (Обручев В.А. Путешествие Потанина. М., 1953. С. 11-16). До сих пор нет объяснений, почему уважаемому академику надо было написать такую небывшую, возможно, произошла опечатка.

Ряд источников утверждает, что в силу многих обстоятельств, даже в легальных изданиях, Ч.Ч. Валиханову приходилось скрывать свое имя. На отдельные зашифрованные политические высказывания впервые обратил внимание профессор С. Я. Булатов. Он пишет: «Для нас представляет огромный интерес сотрудничество Валиханова вместе со своим другом Потаниным в журнале «Колокол» А. И. Герцена, издававшегося в Лондоне. Как мы отмечали, попытки «слепить» из Чокана революционера не увенчались успехом.

В 1860, 1862, 1863 гг. в листах № 72, № 131, № 109 «Колокола» были опубликованы статьи: «К характеристике Сибири», «Из Сибири» (отрывки из писем к издателю) и «Тобольское дело». Внимательное изучение этих статей показывает, что к ним приложена рука Ч.Ч. Валиханова. Четко выраженная индивидуальность стиля, особенности словоупотребления и построения фраз, образность речи, анализируемые факты и события, наконец, выводы, сделанные автором, убеж-

---

* О Г.Карелине и других разведчиках читайте в разделе «Загадочная смерть разведчика» (Б.К).

дают нас в правильности нашего предположения. Нас даже не смущает тот факт, когда в статье «Из Сибири», делается ссылка на статью «господина Валиханова», вышедшей в легальной печати, ибо пишущий заранее знает, что шеф жандармов — «князь Долгорукий ... примет все меры к отысканию автора» (Ш.Валиханов). В рассматриваемых статьях приведены веские аргументы, разоблачающие злоупотребления и произвол царской администрации, взяточничество и казнокрадство, дается меткая характеристика плеяды царских сатрапов. «Десять лет управлял Западной Сибирью генерал Горчаков, — читаем мы, — злой, надменный, самолюбивый. Он окружил себя бездельниками, которые бичевали страну доносами и шпионством».

Когда Валиханов находился в армии полковника Черняева, который в своем среднеазиатском походе, как писали на страницах «Колокола», не всегда руководствовался гуманными целями, Валиханов рьяно боролся за мирные переговоры с местными жителями. Офицеры штаба Черняева не соглашались на это. Известный художник, друг — некоторых декабристов, М. С. Знаменский оставил дневник об этом походе, к сожалению, частично уничтоженный. Даже небольшой отрывок из этого дневника дает нам представление о полемике Валиханова с окружением Черняева.

В деле оперативной проверки хранится статья Чокана следующего содержания: «Но вернемся опять в Киргизскую степь, о которой можно было бы сказать очень многое. Второй причиной ее разорения служат казаки. Это разбойничье население показало себя везде, кроме Кавказа (линейное войско) и Забайкалья, где оно было сформировано из крестьян. Знаете ли, как обходятся с киргизом? До крайности просто. Вся его собственность кажется казаку своей собственностью и отнять у киргиза барана, украсть у него быка или лошадь считается молодецеством и ничем больше; так что офицеры даже не делают выговоров за это нижним чинам, а частенько и сами опустошают аулы. Есть даже господа, которые составили этим себе знаменитость, например, есаул Бутаков, подполковник Абакумов и проч. и проч.

Подполковник Абакумов ограбил Копальский округ до того, что почетнейшие старшины в орде ездили лишь на единственных клячах, имея всего скота 8—10 баранов. Гасфорт, долго ему покровительствовавший за его расторопность в степных походах, наконец столкнул его с места полкового командира и начальника копальских киргизов. Карьеру свою Абакумов начал еще в знаменитые времена Кенесары, когда русские отряды долго преследовали по степи этого агитатора. Они делали это нарочно, ибо начальству было выгодно несколько лет

сряду кормить войско дорогим провиантом и фуражом. Неоднократно эти господа давали Кенесары возможность вырываться из самой, по-видимому, тугой западни. Наконец, дикокаменные киргизы, убившие Кенесары, лишили их этого источника доходов. Тогда наиболее нажившиеся, например, Карбышев, Волков и другие, удалились на линию и там занялись устройством разных заводов, торговлей скотом и проч., а Абакумов остался в степи».

Получившие различные привилегии родственники Чокана, благодаря его усилиям и занимаемому положению, теперь оказались в опале. Так, на заявление отца Чокана отвести под собственность Валихановым земельного участка был дан отрицательный ответ. Согласно «Временному положению об управлении степными областями» земли, занимаемые киргизскими кочевьями, считались государственными и предоставлялись киргизам в общественное пользование. А представители киргизской аристократии, которым земли были пожалованы высочайше, признавались землевладельцами на правах полной собственности. ***Вот тут-то и нашла зацепку омская канцелярия. Отыскали бумагу, что Сырымбет не был высочайше пожалован, а лишь отведен. Потомкам хана Вали отказали в правах на Сырымбет, это земли государственные.*** Потанина крайне удивило, что власти и не вспомнили о заслугах Чокана Валиханова. Хотя могло быть как раз наоборот - и тридцать лет спустя после смерти Чокана его недруги о нем помнили и воспользовались возможностью ущемить Валихановых.

После возвращения в Петербург в 1860 г. Н.П. Игнатьев был произведен в генерал-адъютанты. С 1861 по 1864 г. он возглавлял Азиатский департамент Министерства иностранных дел, который отвечал за разведывательные и внешнеполитические операции России в Азии и на Дальнем Востоке. Именно в этот период Игнатьев всячески защищал Чокана Валиханова от происков контрразведки, намеревавшейся полностью изолировать его от контактов со своей родиной и отправить вглубь России якобы для продолжения дальнейшей службы. В ходе трехлетней работы в Департаменте Игнатьев постоянно держал в поле зрения службу Чокана Валиханова в военной разведке. Он был инициатором перевода Чокана из военной разведки в политическую разведку, поскольку казахский султан более подходил для организации разведки по добычанию политической информации в соседних государствах.

Николай Павлович продолжал привлекать Чокана к разведывательной работе, давая ему задания по Восточному Туркестану. Канц-

лер А.М. Горчаков в 1864 г. предложил ему должность посланника в Константинополе, и Игнатьев, не раздумывая, согласился. Однако о Чокане не забывал и даже намеревался забрать его в свое зарубежное ведомство. Но он не успел, так как царская контрразведка сделала свое черное дело, физически устранив нашего соотечественника.

Царское правительство возлагало большие надежды на талантливую султана в плане возможного его использования в качестве своего законного представителя из числа потомков Чингисхана, который будет верой и правдой служить русскому Императору и защищать интересы России в Средней Азии. Однако эти далеко идущие планы секретных служб с треском провалились, несмотря на то, что Чокан Валиханов являлся кадровым офицером Генерального штаба Военного министерства. *Он честно и добросовестно выполнял свои служебные обязанности, но остался верен родной земле, прославив историю, культуру, быт и традиции казахского народа, которого известный философ Н.Амрекулов назвал Великим.*

Правду сказал Йиан Маклеод: «История — слишком серьезное дело, чтобы доверять ее историкам!».

*На свете творится Бог знает что!
Начинают умирать люди,
которые раньше никогда не болели.*

Юлиан Тувим

*Болезнь принимает здоровые формы
Михаил Жванецкий*

ТАЙНА БОЛЕЗНИ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

Пребывание в Омске. Составление отчета. Начало легенды о болезни.

Образ жизни в Петербурге. Переписка. Отдых в Степи.

Отъезд в аул Тезека. Продолжение службы. Новое назначение.

Заключение

13 июля 1859 года Гасфорт отправил рапорт министру иностранных дел князю А. М. Горчакову, в котором сообщил о благополучном возвращении поручика султана Валиханова из Кашгара. В нем было указано, что поручик Валиханов, «несмотря на опасное положение, успел собрать много полезных сведений». После реабилитации («как поправит свое здоровье») Ч.Валиханову предстояло ехать в Петербург, чтобы лично доложить в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел (Служба внешней разведки) результаты выполненного им разведывательного задания Центра в Кашгарии. В аналогичном подразделении Генерального штаба Военного министерства (Главное Разведывательное Управление) также ждали его приезда, чтобы с участием Чокана нанести на карту маршруты экспедиции по Восточному Туркестану, проанализировать, оценить и определить тактику и стратегию военного наступления на Восточный Туркестан. Несекретная часть добытой научной информации, которая также имела немаловажное значение для правительства, следовало направить в Российское Географическое Общество, членом которого он уже состоял. П.П.Семенов Тянь-Шаньский лично занимался подготовкой и проведением научно-практической конференции с участием ведущих востоковедов страны. Поэтому для Чокана было крайне важным сделать обстоятельный научный доклад перед своими коллегами, в этой высокоавторитетной в России и в Западной Европе общественной организации.

«Но идут дни, недели, месяцы, а Валиханов все еще в Омске» (С.Бегалин). В этом ничего нет сверхъестественного, хотя тогда и сегодня многие исследователи строили и строят различные догадки об истинных мотивах игнорирования Чоканом советов своего друга Г.Потани-

на «немедленно ехать в Петербург за наградами». Как уже было отмечено, данная закордонная операция с участием большого количества «чистых» (непосвященных в секреты) членов торгового каравана, с огромными материальными затратами и на длительный срок, является уникальной, не имеющей аналогов по своей сложности и рискованности, в истории внешней разведки России. Нам известно, что Чокан в Кашгаре в целях собственной безопасности спрятал свой дневник на подступах к городу. Ему приходилось всю разведывательную информацию запоминать и не вести никаких записей, чтобы не оставлять улики для контрразведки в случае обыска в его доме.

В Омске Чокану следовало восстановить в памяти все, что он слышал и видел. Длительное нахождение в экстремальных, сопряженных с опасностями для жизни условиях, существенно потрясло его нервную систему и отрицательно повлияло на состояние здоровья. Для составления письменного отчета по всем позициям задания царя (см. раздел «Операция «Черный Дракон») ему потребовалось, как минимум, полгода. Центр заблаговременно был информирован о возвращении разведгруппы Ч.Валиханова и ждал от него подробного отчета*.

26 сентября 1859 года из Омска К. Гутковский, за подписью первого руководителя Гасфорта, шлет рапорт директору Азиатского департамента Е.П. Ковалевскому о том, что поездка Валиханова в С.-Петербург откладывается до его выздоровления. Егор Петрович, как профессиональный разведчик, прекрасно знал, что на самом деле происходило в Омске, и не торопил события. Он также одобрил легенду о болезни Чокана, поскольку на собственном опыте неоднократно испытывал необходимость длительной акклиматизации и реабилитации после благополучного возвращения из закордонного мероприятия, что постоянно требовало легендировать отсутствие разведчика в управлении.

16 декабря. Гасфорт — Ковалевскому: **«Здоровье поручика Валиханова начало поправляться, и он теперь усиленно занимается окончанием своих заметок»**. Это означало, что отчет завершается и вскоре будет отправлен депешей через фельдъегерскую связь в Петербург.

---

*По опыту службы в разведке автор хорошо знает подробности составления отчета в разведцентр по результатам выполненного задания. Существует определенный порядок отчетности, который заключается в следующем: -устная информация руководству о возвращении группы; -устная информация в Центр по инстанциям о результатах операции; - составление и отправка в разведывательное управление краткой письменной информации об основных этапах выполненного задания; - написание подробного письменного отчета в условиях конспиративной квартиры, на которое уходило от одного месяца и более (Б.К).

24 января 1860 года. Гасфорт - князю А. М. Горчакову: «Возвратившийся с караваном... поручик Валиханов, вследствие испытанных в течение продолжительного путешествия лишений, физических трудов, неудобств и нравственных потрясений от опасностей, которым подвергался, рискуя жизнью, если бы настоящее звание его сделалось известным, о чем уже высказывалось некоторое подозрение, прибыв в Омск, *сильно занемог («занемог», а не «заболел» Б.К.)*, так что по его природной слабой организации нельзя было определить исход болезни, долго продолжавшейся». Согласно Внутреннему распоряжению, существующему в воинских подразделениях, отправление любого письменного документа осуществляется по инстанции, то есть с соблюдением требований субординации. В данном случае Гасфорт отправил рапорт военному министру, скорее всего, по рекомендации Е.П.Ковалевского или по прямому требованию чиновников из этого ведомства.

На практике часто встречается, когда высокому начальству по принципу «дорога ложка к обеду» срочно требуются материалы для отработки конкретных проектов, имеющих важное значение для правительства. В этих целях, вместо подробного отчета, на который уходит много времени, составляется краткая «выжимка» из основного документа и срочно отправляется в Центр, что и было сделано.

Федор Михайлович Достоевский в письме Гейбовичу, рассказывая об омских впечатлениях, сообщает: «...Валиханов объявил мне, что его требуют в Петербург и что через месяц он туда едет». О болезни ни слова. Почему? Не исключено, что Чокан так долго - более полугода - задержался в Омске не только из-за болезни. В этой задержке есть и что-то намеренное. Потанин в своих воспоминаниях о Валиханове ворчит, что Чокан сидел в Омске и старался убедить Чингиса Валиевича дать ему содержание на время петербургской жизни, а Чингис Валиевич, имея большое семейство на руках и зная мотовство сына, хотел ограничить его небольшой суммой. Потанин есть Потанин. Он ничего не выдумывает, он вспоминает со всей достоверностью то, о чем ему, посмеиваясь, рассказывал Чокан. Но ведь сам же Потанин написал в своих воспоминаниях, что Чоканом владела такая блажь - налгать на себя, он даже дразнил своих друзей, рассказывая о себе небылицы и приписывая себе гнусные поступки, которых не совершал. Не получилось ли и на этот раз так?» (И.Стрелкова). Автор хотел бы воздержаться от таких эпитетов как «мот», «транжира», так как казахский султан в любом случае может расходовать денег намного больше «прожиточного минимума». Мне представляется, что потомок

Чингисхана, сын старшего «Ага султана» - Чингиза Валиевича, в лице царского офицера Чокана, мог позволить себе носить дома дорогой халат и курить гаванские сигары. Сегодня установлено, что Чокан постоянно «нуждался в деньгах», так как все наличные деньги уходили на приобретение книг по многим областям науки, иначе как бы он написал свои уникальные труды. В своих воспоминаниях современники выражали удивление богатой научной библиотеке Чокана. Установлено также, что Чокан делал много пожертвований в пользу бедных и сирот, то есть занимался благотворительной деятельностью ..

Следует согласиться, что Чокан зачастую имел обыкновение притворяться больным, чтобы отказаться от приглашений и поручений отца. По этой причине И.Стрелкова близка к истине, задаваясь вопросом: *«Не получилось ли и на этот раз так?»* Получилось именно так, как этого требовала легенда. Он действительно «занемог» и не показывался в городе («А друзья потеряли его» Г.Марков). Следовательно, с легендой все в порядке. *Однако то, что эта безобидная легенда обернется для Чокана в последующем трагедией, на данном этапе никто не предполагал, за исключение царских спецслужб.*

Ряд историков и поныне строит догадки: « Но что за причины могли быть у Чокана для оттягивания своей - триумфальной! - поездки в столицу? Прежде всего та требовательность к себе, которую он выработал с юности. Валиханов четко осознавал огромное значение привезенных им сведений. Поэтому он отказался от стиля официальных бумаг, писал свой отчет свободно, вдохновенно, в манере, свойственной тогдашней публицистике. И Чокан понимал: пока он все не вспомнит, не напишет все подробности, ему нельзя ни с кем делиться своими наблюдениями, впечатлениями, размышлениями, выводами. Нельзя ничего разбрасывать - потом не соберешь. Но как в Омске отмолчаться? У него там столько добрых друзей. К тому же все знают, что он блестящий остроумный рассказчик. Как тут быть? Его первое стремление - не выходить из дома, не показываться на людях пока все не будет закончено. И Гутковский охотно идет навстречу Чокану, поддерживая слухи, что Валиханов все еще нездоров, (С.Бегалин, А.Брагин).

Вместе с тем Чокан по своей инициативе отправил одно письмо Достоевскому: «Давно не имею от тебя никаких известий, любезный Федор Михайлович. Жив ли ты? Впрочем, если бы ты умер, то написали бы о том в газетах. Поэтому надо полагать, что ты жив, но забыл нас. Что со мной и как я живу, узнаешь подробно от Карла Казимировича Гутковского, моего друга, который едет в Петербург по делу, касающемуся отчасти и меня... *Я буду в Петербурге с первой зимней дорогой*». Здесь также ни слова о болезни.

Н.Ядринцев, современник Чокана, в своих воспоминаниях дает ему нелицеприятную характеристику, с чем автор не может согласиться. Однако дело не в этом. Дело в том, что этот, критически настроенный к Ч.Валиханову ученый, нигде не упоминает о болезни нашего героя, а наоборот, описывает его полным энергии, готовым к активным действиям, офицером. Он пишет: «Как в г. Омске, так и по приезде в Петербург Валиханов вращался в пустой военной среде, где на первом плане были баклушничество, кутежи и бессмысленная светская жизнь. В таких обстоятельствах он увлекался сам светским лоском и праздною гусарскою жизнью». По этому поводу А.Брагин пишет:

«Может ли так вести себя больной человек? Конечно, нет!» Действительно, подобным образом больной человек вести себя в столице не может. Что и следовало доказать.

В переписках с родственниками Чокан, как этого требовал отец, в первую очередь, должен был сообщить о своем здоровье. Он пишет отцу: *«За время пребывания в Петербурге я стал чувствовать себя лучше прежнего. Видимо, его климат мне не так уж вреден. Об этом знают хорошо все мои приятели, знакомые и большие начальники, с коими я познакомился здесь, в частности, военный министр Милютин, барон Ливен, граф Толстой, сенатор Любимов и многие другие. Бываю я у них в гостях».*

И.Стрелкова не к месту и некорректно иронизирует: «Тон письма несколько хлестаковский. Чокан писал эти строки, улыбаясь. «Эка ловко я ввернул про высокие знакомства! Но чем больше и чаще я буду писать, тем больше мне будут переводить денег...» Из письма Чингиса сыну - 19 сентября: «...Дай бог и впредь всегда получать нам такие же письма **о твоём благополучии и здоровье**».

В Петербурге дочь К.Гутковского часто встречалась с Чоканом. Источник указывает: «Катерина не без удивления смотрела на загоревшего под степным солнцем Чокана. Лицо его показалось девушке потемневшим, даже сумрачным. И усы, узкие черные усы. Значит, он стал совсем взрослым? **Раздался в плечах, слегка пополнел.** Но в офицерском мундире выглядит стройнее прежнего. Почему он так спокойно разговаривает? Раньше он был весь в движении, куда-то торопился. Откуда у него появилась выдержка? Вот уж никак не могла предполагать. Неужели это Чокан? И самоуверенный и быстро смущающийся? Смотри, ничем не выдал своего волнения. Или он не волнуется и в самом деле?».

«Весной 1861 года Чокан засобирался домой в Степь. Официальной причиной считалась необходимость поправить чистым воздухом

и кумысом расстроенное петербургским климатом здоровье. Но, пожалуй, не только «чахотка» заставила Чокана отправиться на родину вскоре после объявления манифеста. Многие его друзья устремились в ту весну дело делать - работать мировыми посредниками, открывать школы для крестьянских детей, вести революционную пропаганду. **Будь Чокан в очень тяжелом состоянии, он не поехал бы, и доктора бы не пустили**» (И.Стрелкова). Современный читатель должен обратить внимание на три ключевые фразы в этом контексте. Это: «засоби́рался домой», «официальной причиной» и «вести революционную пропаганду».

Как мог вдруг военнослужащий, который должен ежедневно в девять часов являться на службу и находиться на рабочем месте «до упора», по своему усмотрению «засоби́раться домой»? Исключено. Выражение «официальная причина» - это и есть легенда контрразведки, которая под благовидным предлогом удалила ученого из столицы. Последнее выражение «вести революционную пропаганду», в принципе, «не лезет ни в какие ворота». Другое дело, когда контрразведка искусственно «слепила» из Чокана революционера, о чем мы говорили выше. Царский служака, военный разведчик, талантливый ученый, обеспеченный и обласканный! Вдруг он революционер. Какая чушь!

Яркое свидетельство тому — это его прощальный визит начальнику внешнеполитической разведки МИД России Николаю Павловичу Игнатьеву. Чокан заручился письмом генерала к новому генерал-губернатору Западной Сибири Александру Осиповичу Дюгамелю. Игнатьев писал, что штабс-ротмистр султан Валиханов **командируется** в Область сибирских киргизов «...собственно для того, чтобы предоставить ему возможность лечения кумысом, поправить на родине его расстроенное здоровье. **Вследствие сего, рекомендую Вашему превосходительству сего молодого офицера, в котором я принимаю живое участие по его способностям и пользе, какую от его сведений можно ожидать для службы, я убедительно прошу Вас, в личное мое одолжение, оказать ему Ваше благосклонное внимание и в случае надобности покровительство Ваше**». С такой бумагой не лечиться едут, а дело делать. (И.Стрелкова)

В Петербурге Чокан был больше одного года. Жизнь в столице, проведенная среди друзей, оставила в его сознании неизгладимый след. **Он уезжал из Петербурга идейно обогащенным, полным сил и энергии**. Возвращение Ч. Валиханова в степь было радостным событием для его родных. Вместе с ним приехали его друзья - студент Московского университета (фамилия его неизвестна), татарский ученый-просвети-

тель Хусаин Фаизханов*, близкий друг Чокана И. И. Ибрагимов и другие. К их прибытию аул Валихановых перекочевал на джайляу и находился на новом пастбище Бурулука.

В своих воспоминаниях И.Ибрагимов писал: «В 1861 г. вернулся из Петербурга Чокан Валиханов к себе домой в то время года, когда аулы тронулись с зимовки на летние кочевки. О прибытии в Кокчетав дали знать отцу Чокана в аул, и отец, передвинув аул на хорошее пастбище, остановился ждать своего сына. Чокан Валиханов несколько дней пробыл в Кокчетаве, познакомился с тамошними местными властями и выехал в аул к отцу. **С ним ехал молодой человек из Москвы, сын богатого помещика, которого Чокан вез лечить от чахотки**. Когда прибыли на трех тарантасах в сибирскую казачью станицу, откуда уже начиналась степь и откуда должны были ехать на киргизских невыезженных лошадях, запряженных в экипажи, Чокан Валиханов остановился заночевать, чтобы утром двинуться дальше».

Необходимо отметить, что болезнь «чахотка» – устарелое название прогрессирующего истощения организма преимущественно при тяжелых формах туберкулеза легких. Ф.М.Достоевский, близкий друг Чокана, в романе «Преступление и наказание» пишет: **«... На улице, на солнце чахоточный всегда кажется больнее и обезображеннее, чем дома»**. Следовательно, писатель хорошо знал симптомы и протекание этой болезни. Тогда почему же он не пишет в своих воспоминаниях о Чокане относительно его болезни чахоткой? Сегодня любой школьник знает, что туберкулез – это инфекционное заболевание, вызываемое особым микробом и поражающее различные органы (чаще всего легкие, кишечник, кости и суставы). На начальной стадии эта болезнь легко вылечивается. Только тяжелая форма туберкулеза, то есть каверна – полость, возникающая в органе тела при разрушении и омертвлении тканей, вызванных этой страшной болезнью, может привести к смерти. Клиническая картина туберкулеза характеризуется схваткообразными болями в легких, животе, иногда они усиливается при движении. Больной страдает частыми поносами или запорами с признаками неполной кишечной непроходимости. Постепенно снижается аппетит, теряется масса тела, начинается кровохаркание, в испражнениях появляется кровь, увеличиваются лимфатические узлы и даже возникает опухолевидные заболевания. Таким образом, от первона-

---

*Хусаин Фаизханов пользовался большим доверием со стороны Чокана, который передал ему даже свои рукописи. Анализируя переписки между ними, автора не покидают сомнения, правильно ли поступал Чокан, чрезмерно доверяя ему. Бумаги Чокана исчезли именно в период активного общения с Х.Фаизхановым. Однако об этом будет подробнее изложено в разделе «Загадочная смерть разведчика» (Б.К).

чальной формы туберкулеза до каверны с последующим летальным исходом, даже при отсутствии кардинального лечения, проходит не менее 5 лет и больше. Заметим, что ни один из указанных симптомов заболевания туберкулезом ни самими Чоканом, ни его современниками нигде не упоминается.

Далее Ибрагимов отмечает, что «Верховых киргиз, собравшихся посмотреть на молодого султана, возвратившегося от белого царя, было видимо-невидимо. *Ложась спать, я помню, Чокан велел обтереть себя водкой, потому что от дождя в дороге простудился; он, здороваясь все время со встречавшими его киргизами, высовывался из тарантаса, промок, а также промочил себе ноги.* На родине были все условия для отдыха; для улучшения здоровья: воздух, кумыс, баранина, которые Валиханов считал лучшими средствами от чахотки» (И. Ибрагимов. Биографические сведения о Чокане Валиханове. ЗРГО ОЭ, т. XXXIX. Спб., 1904, стр. XLII).

Упомянутого выше студента *Чокан поил кумысом, кормил конским мясом и через месяц пребывания «на природе» он выздоровел окончательно и возвратился в Петербург. Сам Чокан этой болезнью не страдал, но протирал тело спиртом из-за схваченной простуды в пути следования в родной аул.*

К прибытию Чокана в некотором отдалении от аула была поставлена для него большая десятиканатная юрта, сделанная по особому заказу. В этой юрте он жил один, отдавая много времени творческой научной работе. Рядом с ней была поставлена другая юрта, в которой находились друзья Чокана, в том числе и этот сын дворянина, больной чахоткой.

По воспоминаниям местных жителей-казахов Кокчетавской области, около юрты Чокана всегда было шумно, многолюдно. Сюда стекались жители соседних аулов, желая увидеть молодого ученого, позвать ему руку. Многие из них приходили к нему за советами по различным вопросам. В ауле Чокан, будучи абсолютно здоровым, находился в постоянном окружении народных поэтов, сказителей, музыкантов (кобызистов, сыбызгистов и домбристов), певцов, остряков, комиков, которые своими песнями, игрой, представлениями не только развлекали его, но и давали ему богатый научный материал. Такие представления (ойын-саук) иногда продолжались до поздней ночи*.

---

*Воспоминания стариков Кулыша Валиханова, Жауара Буланбаева, Абдулы Айдарбекова, Сары Ибраева, Каски Такырбасова и других, живущих в Володарском районе Кокчетавской области, приводятся А.Маргуланом дословно, так как он часто встречался с ними во время работы над Собранием Сочинений. При этом академик нигде не упоминает, чтобы местные аксакалы что-либо говорили о болезни Чокана в родном ауле. Кстати говоря, С.Муканов еще раньше тоже встречался с указанными и другими старожилками, хорошо знавших Чокана. Писатель также не ссылается на них, рассказывая о болезни Чокана (Б. К).

«Чокан вечера просиживал долго, слушая пение и рассказы киргизов. Вставал поздно, пил кумыс, чаю не пил, ел вареную баранину с соусом и копченую конину. Сын помещика помещался в отдельной кибитке, и его угощали кумысом и бараниной, а также сыром. Так быстро начал поправляться молодой помещик, что Чокан только радовался лечению и часто угощал молодого человека, расписывая в самых ярких красках пользу кумыса, баранины, бульона и сыра. Не знаю, сколько времени пробыл москвич, но не прошло, кажется, месяца, как он совершенно поздоровел, пополнел; приехав сюда шепкой, со страшным кашлем, он уехал здоровым, раздарив ружья, которые он привез с собою» (И.Ибрагимов) «К концу лета приятель Чокана, москвич, полностью избавился от чахотки, на радостях раздарил все свои ружья и отправился в обратный путь» (А.Брагин, С.Бегалин).

Современники отмечают, что в ауле Чокан *«По казахскому обычаю засиживался за полночь с гостями или сам скакал куда-нибудь на веселую вечеринку». И это больной!*

Ниже автор приводит еще одно доказательство из воспоминаний Г.Потанина о Чокане Валиханове, что он никакой чахоткой не болел и чувствовал себя прекрасно. В частности, он писал: « В услужении матери Чокана была жена одного туленгута. Она являлась рано утром к своей госпоже, грела воду, готовила кушанье и оставалась до позднего вечера, а вечером возвращалась домой. Женщина эта жила некоторое время у него в доме, спала с ним в одной комнате, но потом Чокан почему-то остался ею недоволен, и она уехала в аул отца» *Опять о болезни нигде не упоминается. Мало того, что Чокан в ауле вел довольно активный образ жизни, он еще занимался любовными интригами, чего, наверное, больной человек чахоткой не мог бы себе позволить.*

Но меня насторожила статья Э.Ж.Валиханова, ученого (Сборник. Стр.314), где он категорически утверждает, что Чокан умер от чахотки. При этом он ссылается на самого Чокана, который, якобы, писал о своей болезни. Просмотрев оба издания Н.Веселовского и А.Маргулана, автор этих строк нигде не нашел, чтобы Чокан указывал на свою болезнь *чахоткой*. Естественно, мною был задан вопрос ученому, который работает заведомо в НИИ им. Ч.Ч.Валиханова, откуда он извлек такую информацию. В ответ было заявлено, что его заверила в этом жена, патологоанатом по профессии. Смею заверить, что врачи даже при собственноручном вскрытии трупа не в состоянии, порой, поставить точный диагноз. Но чтобы через столетия! Автору даже нет желания далее комментировать это безответственное и неграмотное утверждение дальнего родственника Чокана, носящего

фамилию Валихановых. При написании главы XIII «Рост национального самосознания в первой половине XIX в. (История колонизации Казахстана в 20-60 годах XIX века». Алматы, «Мектеп». 2009. С.252-271) Э.Ж.Валиханов, подробно описывая жизнедеятельность деда и прадеда Чокана — Абылайхана, деда Вали-хана, его брата Кенесары, ни одним словом не упоминает имени ученого-просветителя, **способствовавшего «росту национального самосознания казахов» именно в описываемый им период, когда жил и здравствовал Ч.Валиханов.**

Знаменитый русский востоковед Николай Иванович Веселовский действительно сказал о нем: «... **Он умер от чахотки, не достигнув 30-летнего возраста**». Однако, ни Веселовский, ни Маргулан при этом не ссылаются на достоверные факты. Тогда почему у всех такая уверенность, что он умер именно от этого заболевания? В воспоминаниях современников нет сведений и доказательств о том, что сам Валиханов страдал от этой болезни. **Все публикации о болезни Чокана туберкулезом появились только после его смерти.**

Несмотря на упомянутые выше утверждения самого Чокана о том, что жизнь в Петербурге благоприятно отразилась на его здоровье, ряд источников указывает обратное, что «климат северной столицы вредно отразился на его здоровье. По этой причине весной 1861 г. он был вынужден уехать на родину». Как видим, даже главный биограф Чокана Валиханова был введен в заблуждение относительно истинного мотива отъезда Чокана из столицы. Контрразведка как в царское, так и в тоталитарное время умела решать проблемы, самой оставаясь «в тени».

Если Чокан был безнадежно болен, то почему за несколько месяцев до своей смерти он решил выставить на выборах свою кандидатуру и посвятить себя общественной деятельности, **быть полезным своему народу.** О нелегитимности выборов на должность старшего султана Атбасарского округа. С.Муканов писал: «...Однако на другой день, когда проголосовали все явившиеся на выборы и когда были оглашены письменные отзывы не явившихся в Атбасар султанов, оказалось, что за Ердена подано 14 голосов, а за Чокана - 25. Полная победа. Чокан закатил для своей партии пир на весь мир и стал ждать формального утверждения, ни капли не сомневаясь, что безусловно будет утвержден. При его-то происхождении, при его-то образовании и заслугах перед Россией. Чокану донесли, что его соперник Ерден собрал большие деньги и послал с ними своего человека в Омск. Чокан только посмеивался. И вдруг как снег на голову известие от Гутковского: «баганалинцы съездили не зря, генерал-губернатор не хочет

утверждать тебя старшим султаном». Поусердствовал, значит, Виктор Карлович Ивашкевич, давний враг Валиханова. Один только Гутковский защищал Чокана и оказался бессильным, ему пришлось уйти в отставку».

Генерал-губернатор Дюгамель издал приказ о том, что штабс-ротмистр Валиханов откомандирован на родину *по болезни*. В этом же приказе указано об утверждении хорунжего Ерден Сандыбаева в должности старшего султана Атбасарского округа. Документ составлен «хитро» (С. Муканов): *«Вместо штабс-ротмистра Ч. Валиханова, избранного на эту должность большинством голосов, но отказавшегося от принятия оной за болезнью, назначен Ерден Санбыбаев»*. Как видим, легенда о болезни Чокана была создана на пустом месте, поскольку снятие с должности «по болезни» являлось единственно оправданным аргументом его отстранения уже от выборной должности.

Возмущенный игнорированием властями результатов выбора, Чокан, будучи абсолютно здоровым человеком, развил бурную деятельность, доказывая его нелегитимность. Он писал Петру Петровичу Семенову в надежде, что он покажет письмо великой княгине Елене Павловне, и она заступится. И Дмитрию Ильичу Романовскому, военному писателю, редактору газеты «Русский инвалид». И Николаю Павловичу Игнатьеву, и Дмитрию Алексеевичу Милютину. Игнатьев дипломатично ответил, что сам был крайне удивлен, узнав, что Чокана не выбрали, и дружески советовал потерпеть: «А терпеть Вам нужно недолго». Чокан понял, что Дюгамеля собираются куда-то перевести. Дай-то бог!.. *Во всех этих переписках нет даже малейшего намека на болезнь, за исключением тех, кому эта надуманная чахотка была необходима*.

«Родня Чокана растерялась. Что же такое происходит? Любимец белого царя не может заткнуть глотку ничтожному Ердену! Родня так и сяк раскидывала умом, и тут кто-то *«подсунул»* (Стрелкова) Валихановым убедительнейший ответ на мучившую всех загадку: *«Чокан уехал из Петербурга не по болезни, его оттуда прогнали. А за что? Чье-то изощренное воображение сочинило целую историю. Чокан ее услышал от одного султана, своего родственника. Вот как он передает эту дикость в письме Гутковскому:*

«Видите ли, когда меня посылали в Кашгар, там я будто бы не был, а жил в горах, где-то около Верного, и, приехавши в Омск, написал разную чепуху. Царь, как-то читая мой отчет, видит, что все это неладно, на сказку что-то смахивает. Думает: дай-ка поиспытаю, и послал другого, более благонадежного человека в Кашгар. Тот, конеч-

но, был в Кашгаре и, приехавши, донес, что у Валиханова все вздор написано: таких рек там нет и городов таких нет, как у Валиханова. Царь рассердился и говорит: «Послать Валиханова в Кашгар в другой раз», а он сказался больным, тем это дело и кончилось. Вдруг Валиханов захотел быть султаном. Царь и говорит; «Нет, брат, ведь ты болен был, когда я посылал в Кашгар, будь и теперь больным».

Эта придуманная спецслужбами легенда о болезни сопровождала его последние пять лет, после Кашгарской экспедиции. Меньше, чем за два месяца до своей смерти, 19 февраля 1865 года Г. А. Чокан писал Колпаковскому :

«...Кроме того, я сам сильно болел — когда вы уезжали, я был простудившись: болела грудь и горло. На горло я мало обращал внимания и лечился от груди, **между тем, теперь грудь поправилась**, но горло разболелось так, что едва могу глотать пищу, голос совершенно спал. Попастъ в Верный оказалось невозможным по трудности пути и по неимению экипажа, и **я отдал себя в руки киргизского врача — невежды, который поит Бог знает чем. Все-таки это лучше, чем умирать сложа руки.** Ч. Валиханов.

Р. С. Если в мае поеду в Петербург, может, заверну в Оренбург. **Шишка на носу уничтожилась давно. Я очень рад этому».**

Жалко, что шишку на носу царские спецслужбы не заметили!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Чокан Чинигизович Валиханов никогда не болел туберкулезом по следующим причинам:

1. Он родился и вырос в богатой и чистоплотной ханской семье.
2. В кадетский корпус принимают здоровых детей. Чокан успешно прошел медицинскую комиссию.
3. В Омске обедал в домах известных людей, которые не приняли бы у себя больного туберкулезом.
4. Во всех своих отчетах, научных статьях и переписках Чокан не пишет о себе, как о больном чахоткой.
5. Чокан постоянно совершал путешествия верхом на лошади и нет никаких данных, чтобы в этих поездках он страдал от какой-либо болезни.
6. Легенда о недомогании, но не чахоткой, родилась еще в Омске в целях конспирации, после возвращения разведгруппы из Кашгарии.
7. В Петербурге он, работая в трех ведомствах, ничем не болел, о чем писал отцу.
8. Отъезд из столицы, по мнению большинства, не связан с болезнью. После возвращения домой он вел активный образ жизни, участвовал в скачках и в кокпаре.
9. В «экспедицию» Черняева, то есть в регулярную армию, назначение получают только здоровые офицеры такие, как Чокан.
10. Отъезд в аул Тезека связан не с болезнью, а с назначением на новую работу в пограничную зону. Участие в степной комиссии с постоянными разъездами и переговорами связано с отличным состоянием здоровья.
11. За два месяца до смерти Чокан писал Колпаковскому, что он здоров как никогда, просил прислать аванс и гаванские сигары.
12. Болезнь чахоткой в спецслужбах получила развитие в иных целях уже в Петербурге.
13. Все современники Чокана писали о болезни после его смерти.
14. Настойчивость в сохранении ложного диагноза «чахотка» его дальним родственником Э.Ж.Валихановым, полное игнорирование им «присутствия» Чокана в истории Казахстана в 20х -60х годах (История колонизации Казахстана.С.252-271) свидетельствуют, видимо, о давних семейных раздорах, которые уже пора бы забыть. Будущим исследователям жизнедеятельности Чокана не рекомендовал бы ссылаться на голословное утверждение данного источника.

Подробности дальнейшего развития событий, связанных с несуществовавшей болезнью Чокана туберкулезом, для чего она была придумана, как закреплялась эта легенда, а также чем закончилась гнусная акция спецслужб, *Современный читатель* узнает в разделе «Загадочная смерть разведчика».

*Каждый убийца, вероятно,
чей-то хороший знакомый.*

Агата Кристи

«Нет ничего тайного, что не стало бы явным»

(Марк, 4, 22; Лука, 8, 17)

И если даже приговоздят

Тебя к позорному столбу,

Ты знай, что верный друг с тобой

Разделит горькую судьбу.

Джимми Доусон

ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ РАЗВЕДЧИКА

Трагические судьбы разведчиков. Спецслужбы. Кровная месть-1

Кровная месть-2. Сторонники Валихана-торе. Султаны и бии.

Самоубийство. Убийство. Смерть от болезни. Выводы. Вечная память.

История российской внешней разведки XIX века наглядно свидетельствует сквозь призму ее борьбы с английской разведывательной службой в Средней Азии, Персии и Афганистане. В этой тайной войне прежде всего погибали разведчики, выполнявшие особо опасные разведывательные задания в условиях жесткого контрразведывательного и полицейского режима. Об этом автор вкратце изложил в разделе «Схватка спецслужб за Среднюю Азию».

Известные писатели А. Горбовицкий и Ю. Семенов в книге «Без единого выстрела» (Москва «Молодая гвардия». 1983 стр. 195-299) на документальных фактах описывают противостояния двух специальных служб, в числе которых центральное место занимает трагическая судьба Ивана Виткевича — человека удивительной судьбы, сорвавшего происки английской разведки в Афганистане. «Участь его (Виткевича. Б.К.) была загадочна: он застрелился (?), и причина его смерти осталась неизвестной». (Прошлое Казахстана в источниках и материалах Под. ред. проф. Асфендиарова С. Д. Алматы «Казахстан», 1998. С. 27).

Еще раньше свой первый роман «Дипломатический агент. Повесть о востоковед-е И.В.Виткевиче» (М., 1959) Ю.Семенов посвятил схватке английского разведчика Александра Бернса с русским разведчиком Иваном Виткевичем, которая закончилась победой последнего; он вывез в Петербург ценные разведывательные сведения. К сожалению, из-за, мягко говоря, слабой работы российской контрразведки, И.Вит-

кевич был убит в номере гостинцы, и все материалы, включая «Тюркско-русский словарь», написанный талантливым востоковедом, исчезли бесследно. По истечении некоторого времени в Лондоне был издан аналогичный Словарь, где автором указан А.Бернс.

В своих воспоминаниях о Чокане Г.Потанин высказал свою осведомленность о судьбе другого разведчика Кириллова: «...Того самого, что странствовал с ним по Средней Азии. Кириллов погиб не в тех краях. Он заболел по дороге в Петербург и умер в гостинице заштатного российского городишка» Источники утверждают, что Кириллов скоропостижно скончался в Арзамасе осенью 1842 года.

Чокан Валиханов, как профессионал, был хорошо осведомлен о судьбе Кириллова и знал, кому в Нижегородской губернии понадобилось выкрасть из вещичек покойного не платье и не белье, а дневники и семь тетрадей, предназначенные для доставки в Петербург. Вызывало подозрение, что художник, никому не ведомый в Арзамасе, вдруг объявился в гостинице и пожелал сделать слепок с лежавшего в гробу Кириллова. Чокан, как аналитик, никогда не искал случайных совпадений. Появление английского «художника» Аткинсона в городе и исчезновение секретных материалов Кириллова свидетельствовало о его причастности к британской разведке.

К. Гутковский в период специальной подготовки Чокана, подробно рассказал ему и о Виткевиче, Карелине, Кириллове и, конечно, об Аткинсоне. Шеф разведки знал, что в противостоянии двух разведок, видимо, немаловажная роль будет принадлежать и самому Чокану. Наставник в разведке основательно готовил своего воспитанника к тяжелым испытаниям и смертельным схваткам с противником.

Между прочим, Г.Потанин всегда относился к Аткинсону с нескрываемой долей подозрительности и откровенно предупреждал руководство, что этот путешественник, разъезжающий с красивой женой, является агентом британской разведки. Однако Чокан, который увидел в этом англичанине умного и образованного человека, первоначально сомневался, что Аткинсон может быть английским шпионом.

- Ты полагаешь, что пропажа дневников Карелина неслучайна? Я слышал здесь, в Петербурге, что коллекция минералов, сданная Карелиным на хранение в Москве, тоже исчезла загадочным образом.

- Коллекция? - у Чокана дернулась щека. - Не знал... Однако и судьба камешков, наверное, неслучайна... Ты вот спрашивал меня, почему я медлил ехать из Омска в Петербург. А Гутковский не спрашивал, отчего я медлю (*причина в том, что Гутковский, как руководи-*

тель спецслужб, все знал, потому и не спрашивал. Б.К.). Я, Гриша, по возвращении из Кашгара и в Верном не очень-то показывался, и Семипалатинск проехал, не объявляясь...*

В условиях конспиративной квартиры Чокан имел возможность тщательно просмотреть свои записи, большей частью восстановить в памяти подробности длительного нахождения в нелегальном положении в Кашгаре, где он не мог вести записи всего увиденного и услышанного. Ему было крайне важно составить, по меньшей мере, по семи или восьми позициям отдельные справки, памятуя о том, что следует отделить научную часть от оперативной, а затем дальше дробить их по конкретным темам и направлениям проделанной работы. Это было основной причиной, почему Валиханов не торопился ехать в Петербург, пока не завершит полностью работу над отчетом. Известная ему судьба вышеупомянутого Виткевича, исчезновение собранных им материалов; смерть Ивана Кирилова и кража из арзамасской гостиницы семи его тетрадей -дневников заставляла разведчика думать о собственной безопасности. Тем более, несколько позже было установлено, что другой разведчик Карелин также был убит, а собранные им материалы бесследно исчезли.

Чокан хорошо запомнил, как генерал Е.П.Ковалевский во время его оперативной подготовки показал свои записи, где он упоминал имена «мучеников своего долга», погибших или перенесших неисчислимые бедствия в Средней Азии. Он упоминал разведчиков Влангали и опять же Карелина, **фамилию которого Ковалевский, по сообщениям конспирации, обозначил лишь начальной и последней буквами.** Он подробно писал об английских разведчиках Конноли, Стоддарта, Бернса, Вольфа, Заметим, что, когда Ковалевский писал этот документ, организационные мероприятия по нелегальному направлению в Кашгар разведывательной группы во главе с Чоканом были в полном разгаре. На молодого разведчика, **по почину самого Егора Кова-**

---

* Ранее автор упоминал, что Чокан, возвращаясь из Кашгара, с момента пересечения границы России с Китаем до самого Омска экипировку под купца Алимбая не снимал. По городу Верный он свободно прогуливался, не вызывая подозрений даже со стороны тех, кто его хорошо знал. Как правило, исполнители закордонных операций, после выполнения задания и благополучного возвращения на родину, в условиях конспиративных квартир, продолжают находиться на нелегальном положении, что диктуется необходимостью соблюдения конспирации: а) составления письменного отчета; б) акклиматизации и отдыха; в) обеспечения их безопасности; г) отработке легенды отсутствия; д) дополнительной проверки с целью не завербованы ли они спецслужбами противника во время нахождения за кордоном (Б.К.).

левского и Петра Семенова, была возложена задача собрать достоверные сведения о «путешественниках» из других стран, находящихся в этом регионе под различными прикрытиями.

В Омске Чокан, прежде всего, составил объемный научный доклад, который после этого специально был переписан фельдъегерем и двумя разными путями отправлен в Петербург. **Чокан знал стратегическую важность этого документа.** Оперативный раздел отчета Чокан, в целях конспирации, подробно не составлял. Думается, что над секретной частью документа он стал работать непосредственно в Петербурге, в Азиатском департаменте.

По приезду в столицу, Чокана поселили в гостиницу Дамута, где когда-то жил А.С.Пушкин. В этой же гостинице остановился и нашел свою смерть от рук убийцы И.Виткевич. Однако Чокан был не из робкого десятка. Тем не менее, он соблюдал необходимые меры предосторожности, все материалы, которые привез с собой, он оставил в секретной части Азиатского Департамента.

Ч.Валиханов с теплотой пишет о прославленном разведчике Мехди Рафаилове, показывая его бесстрашным путешественником, открывшего неведомые ранее края Восточного Туркестана. Об этом разведчике автор частично упоминал в главе «Схватка спецслужб за Среднюю Азию».

Вот как описывает трагическую историю этого человека С.Муқанов в книге «Промелькнувший метеор»: «Выезжая по своим дальним маршрутам, Рафаилов запасался и хорошей экипировкой и достаточным количеством денег. Умел он выбирать надежных спутников. Одним из них был крещеный татарин Мамзур, прозванный христианами Харитомом, а мусульманами — Хасаном. Этот татарин, бывавший и в Казани, и в Омске, свел Рафаилова с Сейфсаттаром Сейфульмаликовым.

Сейфсаттар приглянулся Рафаилову. Он знал дороги, знал языки, неплохо говорил даже по-китайски. Рафаилов взял Сейфульмаликова в свой торговый караван в качестве проводника. Так они и стали служить вместе — Мехди, Хасан и Сейфсаттар.

Караван Рафаилова двинулся путем, хорошо известным Сейфсаттару. От города Чугучака через горы Тянь-Шаня курс был взят на Кашгарию. Песками Такла-Макан путники огибали один за другим уйгурские города. Уже в городе Кучар (казахи его называли Кошером) стало известно о смерти китайского императора, богдыхана. Иноземным торговцам в течение шести месяцев запрещался въезд за пределы города.

Через полгода караван двинулся из Кучара дальше, в таинственный Тибет. Там, в Тибете, древней родине драгоценных руд, было много золота и серебра.

Караван Рафаилова в поисках богатой прибыли находился в Кашгарии. ***Вероятно, не только купеческие интересы, но и замыслы разведчика влекли его туда***. Где-то между Яркендом и Кашгаром Рафаилов неожиданно заболел. Внезапно появилась опухоль и стала расти не по дням, а по часам. Поговаривали, что во время ночлега, когда он спал, его укусила либо ядовитая змея, либо паук-каракурт или тарантул. А может быть, все произошло совершенно иначе, как утверждали осведомленные люди. Хасан и Сейфсаттар сговорились между собой и решили завладеть богатством Рафаилова. Им известна была страсть Мафди к опиуму, и они подмешали туда змеиный яд. От этого яда он и умер.

Караванщики привезли труп Рафаилова в город Кашгар и с разрешения местных властей похоронили его рядом с могилой святого Аппак ходжи. Похоронили Рафаилова с почестями и даже воздвигли ему мазар. По пути следования в Россию Сейфульмаликов сбросил со скалы своего спутника Хасана и благополучно вернулся на родину.

Наше расследование смерти разведчика Мегди Рафаилова, впоследствии привело к загадочной смерти самого Чокана. Установлено, что между семьями Сейфульмаликовых и Валихановых была кровная вражда, что послужила основой для царской контрразведки постоянно держать около Чокана на всякий случай своего агента в качестве денщика. Кто еще может привести в исполнение задуманное убийство Чокана лучше, если не сын Сейфульмаликова - Мухемедзян.

Дослушаем рассказ писателя: «Сейфсаттар, утверждают знающие люди, лукавил. Он просто убил своего второго спутника Хасана, сбросил его в пропасть со скалы. А похищенные вместе с ним драгоценности уберег под седлами и в старых мешках, забитых рухлядью. Но ему поверили, и он благополучно привез в Омск все ценности Мехди Рафаилова. Сейфсаттар сделал так, чтобы его богатство не бросалось в глаза людям. Он занимался небольшой торговлей, воздерживался поначалу от значительных трат, вел скромный образ жизни. Возвратившиеся караванщики передавали из уст в уста, что тут дело нечисто, что Сейфсаттар совершил преступление. Омские власти взяли его на подозрение, в течение нескольких лет следили за ним, однажды даже учинили допрос. Но прямых улик не было. Сейфсаттар держался спокойно, и тайна так и осталась нераскрытой.

Сейфсаттар богател. Однако мало ли кто богатеет! А то, что он пускал в оборот и награбленные капиталы, доказать никто не мог. Так он беспрепятственно стал купцом первой гильдии и уже самостоятельно стал отправлять хорошо снаряженные караваны в страны Средней Азии и Китай.

Наслаждаясь богатством, Сейфсаттар стремился его приумножить. Этой цели могли бы содействовать почет и уважение со стороны влиятельных казахов. Сын ага-султана, Вали-хана, потомка Чингисхана по имени Чингиз привлек внимание хитрого торговца. Он рассчитывал, что со временем и Чингиз станет одним из сильных правителей. Почему бы такого юношу не женить на своей дочери? Четыре жены родили ему не только десяток сыновей, но и пять или шесть дочек. Среди них была и ровесница Чингиза, смелая, с огоньком Диль-Афруз, дочка третьей жены, узбечки Гульхан. Бог не обделил девочку красотой и способностями. Училась она так же, как Чингиз, в русской школе. Так, в глубоко посаженных глазах Сейфсаттара загорался огонек надежды: будут вместе расти, привыкнут друг к другу, а там, глядишь, Чингиз уже не сможет обойтись без нее.

Надежды Сейфсаттара были не напрасными. Как только Чингиз появился в его доме, он сразу заметил Диль-Афруз. Так, в тринадцать лет Чингиз влюбился. И Диль-Афруз не была к нему равнодушной. На непроницаемом лице Сейфсаттара мелькнуло подобие улыбки. А почему бы ему и не жениться. Разве не корм голодному торе мое состояние? Юноша и девушка продолжали встречаться и зашли далеко в своих отношениях. Она забеременела. Вскоре приехала мать Чингиза -Айганым и расстроила эти отношения. По обычаю казахов и состоявшемуся сватовству решила забрать Чингиза домой до окончания учебы, чтобы устроить грандиозную свадьбу в Баянауле. Стали уже готовиться к отъезду, как вдруг разнеслась недобрая весть: утонула Диль-Афруз. Она не простила Чингизу измены и бросилась с высокого берега в глубокую Обь. Вначале сомневались-так ли это. Но все оказалось правдой.

Рассказывали, убитый горем, Сейфсаттар Сайфульмаликов во всем обвинял Чингиза, грозит карой, решает обратиться в суд. Мол, скот отдам, чтобы его засудили, а нет — головой рассчитаюсь. Купец был опасным врагом, властью денег он мог испортить жизнь Чингизу и даже уничтожить его.

Чингиз после женитьбы на Зейнеп, будущей матери Чокана, вскоре забыл об этом трагическом случае. Но ничего не забыл Сейфуль-

маликов. Он начал кровную месть. Вначале купец сумел занять первое место во время показа Сперанским царскому наместнику богато обставленные юрты. Наместник вначале намеревался войти в юрту Айганым, но в самый последний момент его внимание привлекла, отдельно стоящая юрта, похожая почти на дворец. В другом случае Сейфсаттар сумел забаллотировать Чингиза во время выборов на должность ага-султана. Ага султаном стал близкий друг торговца, который продолжал гонения на все семейство Валихановых.

Наконец, сын Сейфульмулюкова по имени Мухамедзян, отомстил за свою сестру, отравив или задушив Чокана Валиханова. Об обоснованности данной версии свидетельствует тот факт, что Чокану, до отъезда его в Петербург, был определен денщик без его (Чокана) согласия. Этому денщику власти платили заработную плату чуть меньше, чем Чокану. Вскоре Чокан сумел избавиться от нежелательной опеки, отправив Мухамедзяна в Казань. Но после возвращения из Петербурга контрразведка снова «прикомандировала» Сейфульмаликова, который теперь находился около Чокана до конца его жизни.

Хотелось бы обратить внимание *Современного читателя* на трагическую судьбу друга Чокана - профессионального разведчика российской внешней разведки Шахмардана Мирасовича Ибрагимова. С 1878 года он был чиновником по дипломатической части (*по организации разведки Б.К.*) при генерал-губернаторе Туркестанского края. В 1882 г. удостоивается благодарности «за прекрасное во всех отношениях исполнение в продолжение всех четырех лет обязанностей дипломатического чиновника» (*то есть разведчика Б.К.*). В 1881 г. возглавил русское посольство в Бухаре. После выхода в отставку в 1890 г. Ш.Ибрагимов был назначен генеральным консулом в портовый город Джидду, **но менее чем через год умер от холеры** (Галиев В.З. Караванные тропы. Из истории общественной жизни Казахстана XVII-XIX в. С.106-109.) **В практике дипломатических сношений с иностранными государствами должность генерального консула, как правило, занимали опытные разведчики. Не странно ли выглядит, что Чокан умирает от чахотки, а Ибрагимов умирает от холеры.** Для устранения последнего у спецслужб царской России были, видимо, основания, поскольку он тесно общался с российскими социал-демократами, разделял революционные взгляды Н.Г.Чернышевского, который много писал о Чокане, как о выдающемся сыне казахского народа; восхищался его героизмом, разделял его отрицательное отношение к произволу царских властей в Средней Азии.

О явных и тайных недоброжелателях Чокана журналист А. Каменский пишет: *«.. И гораздо больше - тайных: а их, кстати, и так хватало. Была бы честь - враги найдутся. Не был Валиханов своим ни среди русских чиновников с их колониальными замашками, ни среди невежественных баев и мулл, и даже безвременная смерть его вызывала немало подозрений»* (А. Каменский. Жизнь - как молния. Газета Экспресс К. №155. 16057, от 19.08.2006)

С грустью писал профессор-востоковед Веселовский *о преждевременной кончине Чокана, которая «лишила нас этих надежд».*

Историк Назар Назаров обращает серьезное внимание на последние годы жизни Чокана и выдвигает самый весомый аргумент в версии его убийства: *«Есть современная версия, что Чокана отравили в ходе этих выборов, а совсем не туберкулез стал причиной его гибели».* Именно к Достоевскому обращается Чокан за помощью сделать достоянием российской гласности несправедливые выборы в Атбасаре. Он просит *помочь К.К. Гутковскому, вынужденному подать в отставку из-за интриг вокруг «атбасарского выбора».* Назаров указывает: *«Человек, столь много разузнавший о Кашгаре, имел основания опасаться за свою жизнь. Валиханов принял необходимые меры предосторожности. Он не повез в Петербург ничего незавершенного, ничего, лишь в памяти, для бесед в Азиатском департаменте. Он все сведения, все выводы, все предложения касательно русской политики в Восточном Туркестане изложил письменно. В Омске его отчет перебелил писарь. Отчет Валиханова, таким образом, существовал уже не в единственном экземпляре.* И поехал с запечатанным пакетом не сам Чокан. Гасфорт уведомлял Ковалевского письмом от 27 января 1860 года, что с нынешней почтой посылает отчет поручика Валиханова и вслед за сим отправляет его самого».

Ошеломляющий успех рискованного предприятия, обилие фактического материала, обобщенного позже на высоком аналитическом уровне в труде «О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии)», подвигли А. Горчакова ходатайствовать перед Александром II о переводе Валиханова в Азиатский департамент. 15 июня 1860 г. приказом самодержца был санкционирован перевод Ч. Ч. Валиханова во внешнеполитическое ведомство, где он и состоял до последних дней жизни (Собрание сочинений. С. 52, 59, 65). *«Не совсем верно. Оттуда Чокан был уволен в 1864 году в связи с переводом его в распоряжение полковника Черняева, который командовал большими армейскими соединениями, чтобы завоевать города Средней Азии».*

Вот какой рапорт отправил Дюгамель в Петербург: «Вследствие вредного влияния, производимого на умы киргизов Семиреченской области штабс-ротмистром Валихановым, *офицер этот* переведен был в Западную Сибирь. *В настоящее время командующий войсками Западно-Сибирского военного округа признает, со своей стороны, неудобным пребывание его в киргизской степи вверенного ему края потому, что почет и уважение, которыми пользуется род Валихановых между киргизами Сибирской степи, может породить также весьма вредные для спокойствия их последствия... Вследствие этого генерал-лейтенант Хрущев** полагал бы более соответственным перевести штабс-ротмистра Валиханова на службу в какой-либо кавалерийский полк внутри империи, где, по условиям окружающей его среды, пребывание его не может повлечь за собой никаких вредных последствий...»

За два месяца до смерти Чокана сам туркестанский генерал-губернатор отправил донос военному министру: «*Со времени прибытия во вверенный управлению моему край я неоднократно получал неодобрительные от местных властей отзывы о штабс-ротмистре Валиханове, распространявшем между киргизами Семиреченской области вредные для спокойствия края слухи. Летом истекшего года замечено было волнение умов кочевого населения южной части Семиречья и в то же время получены достоверные слухи о тех толках, которые позволяет себе штабс-ротмистр Валиханов даже в разговоре с местными властями.*»

Военный министр Милютин предписал генерал-губернатору: «*...принять меры для наблюдения за штабс-ротмистром Валихановым, и если он полагает, что пребывание его в Сибирской степи столь же неудобно, как и в Семипалатинской области, то переместить бы его на жительство куда-нибудь подальше от степи киргизской.*»

Пусть простит автора *Современный читатель*, что о нижеследующем эпизоде уже было подробно изложено в разделе «Объект царской контрразведки». Смысловый повтор был сделан преднамеренно для

---

* Чокан во время службы офицером по особым поручениям у генерала Гасфорта однажды явился по его поручению к Хрущеву, который еще не был тогда генерал-губернатором. Чокан дал достойный отпор последнему за грубость и высокомерное отношение к царскому офицеру. Затем по-военному повернулся и строевым шагом вышел из кабинета. Он тут же сообразил, что никаких неприятностей ждать ему не надо, потому что Гасфорт, в общем, не боится Хрущева, а Хрущев, памятуя о своем не по чину игривом времяпрепровождении в Семипалатинске, не станет писать доноса ни на Гасфорта, ни на его адъютанта. Но Чокан ошибся, злопамятный Хрущев все запомнил и, став Генерал губернатором, не оставил мысль как-нибудь свести счеты с дерзким офицером (Б.К.).

полноты, поскольку имеет прямое отношение к загадочной смерти Чокана. По словам биографа Валиханова **зверства русских войск над единоверцами Чокана или, может быть, и над его соплеменниками, т. е. над киргизами, огорчили его. Он увидел, что он не может более участвовать в походе, разошелся с Черняевым и уехал в Верный**, оттуда перебрался в аул султана Тезека... но вскоре здесь же на границе с Китаем и умер (убит!) не достигши 30-летнего возраста. (И.Стрелкова).

В одном только этом эпизоде нами установлена масса противоречий. Например, как можно «приглашать» кадрового офицера для участия в экспедиции. Скорее всего, его туда командировали. Далее его не «приглашали» для участия в военных действиях при взятии крепости Аулие—Ата. При таком раскладе Чокан, наверняка, отказался бы от участия в карательных операциях. Далее, он надеялся, что присоединение Южного Казахстана к России произойдет мирным путем, однако лично увидел вооруженных солдат и батареи пушек. Следующая фраза: **«Черняеву было предложено не отвергать мирные предложения, вступить с местными народами в предварительные переговоры»**. Однако именно в Аулие-Ата не имело место сопротивление русским, а наоборот, были самые мирные намерения, о чем свидетельствует полное отсутствие обороны города. Тем не менее Черняев открыл огонь со всех орудий и по данным достоверных источников были убиты сотни мирных граждан. И наконец, «для участия в переговорах и специально командировался штабс-ротмистр Валиханов». Однако Чокан ни в каких переговорах не участвовал. Знание языков Чоканом полковнику Черняеву не понадобилось.

Вот еще одна цитата. **«...Однако генерал Черняев, будучи ярким проводником колонизаторской политики царизма, допустил ряд жестоких и бесчеловечных действий, приведших в негодование не только Валиханова, но и всех передовых людей России того времени. Валиханов, естественно, не мог продолжать службу под начальством этого жестокого человека. В июле 1864 г. с группой офицеров, недовольных действиями Черняева, он возвратился в г. Верный. Но уход из экспедиции обошелся им очень дорого. По требованию Черняева многие из них были обвинены в преступлениях или понижены в чинах** (Дело по отношению генерал-майора Черняева об исключении 1-й казачьего сословия Сибирского казачьего войска Халдеева. ЦГАВМФ, ф. 4. он. 33, д. 115. л. 163.)

Нет сомнения в том, что Черняев **доложил рапортом в Генеральный штаб о нарушении Чоканом Валихановым воинской дисциплины и с этого момента, а возможно, еще раньше, он становится объектом**

разработки царской контрразведки. Другого, позитивного развития событий автор не усматривает.

Архивные документы свидетельствуют о том, что во второй половине XIX века усиливается политическое брожение в армии, в том числе и среди офицеров Сибирского казачьего войска, растет недовольство политикой царизма. **Для расследования политической благонадежности офицеров Сибирского казачьего войска из Петербурга была направлена в Омск особая комиссия, которой поручили, кроме применения жестоких мер и ареста, приводить офицеров к присяге. В силу создавшейся тяжелой обстановки Чокан решил не возвращаться в Омск.** Он выехал из Верного в аул Тезека— старшего султана казахов рода албан, где женился на сестре Тезека (ЦГАВМФ. ф. 4, оп. 27, д. 225, л. 33).

Если это так на самом деле, то действие военнотружашего должно было бы рассматриваться как дезертирство из действующей армии. Вызывает удивление, с какой легкостью биографы Чокана, желая, видимо, из добрых побуждений, приписывают ему особый статус во взаимоотношениях со своими руководителями, принижая человеческие качества, показывая его парнем-рубахой, неисправимым оболтусом, **вольнотумцем, позволяющим вести себя, как ему заблагорассудится.**

В 1865 г. в ауле Тезека, в урочище Кочен-Тоган, недалеко от подножья Алтын-Эмельского хребта в возрасте неполных 30 лет скончался Чокан Валиханов (Архив МИД, ф. П-344, лл. 80-81.) Перед своей кончиной Ч. Валиханов написал отцу последнее письмо. В нем выражалась тоска по родным и знакомым, сожаление о неосуществленных мечтах.

«Устал, нет никакой силы, - писал он, - весь высох, остались одни кости, скоро не увижу света. Мне больше не суждено повидаться с моими дорогими родными и друзьями, нет для этого никаких средств. Это будет мое последнее письмо. Прощайте, обнимаю всех».

В случае, если будет доказана версия о физическом устранении Чокана Валиханова царскими спецслужбами, то это письмо им написано под пыткой, чтобы никого нельзя было обвинить в безвременной смерти.

Через некоторое время в Сырымбете о смерти Чокана было получено письмо от Тезека. Как рассказывают современники в своих воспоминаниях, когда стало известно о смерти Чокана, в ауле Валихановых собралось много народу.

Народ оплакивал безвременную кончину Чокана Валиханова. Акыны сочиняли стихотворения в его память. Еще молодой тогда поэт Ахан-Серэ в одном из своих стихотворений писал о Чокане: *«Умом и знанием он затмил сверстников своих. Жаль, смерть похитила его вдали от родных»*. В своем последнем письме Чокан просил отца: *«Приезжайте в Джетысу, увезите к себе мою бедную Айсары (жену), не оставьте ее без внимания и заботы»*.

Почему Айсары должна была уехать из родного аула. Что, у нее не было дяди – султана Тезека? Возможно, Тезек вместе с Гази Валихановым и убил его? Не верите? Давайте подумаем вместе. Тезек увидел в Чокане конкурента, который подрывал его влияние в ауле. Тезек был агентом царской контрразведки, имел даже воинское звание. Чокан постоянно вступал с ним в конфликт, защищая жатаков. Чокан хотел сместить Тезека, лишить его власти.

«С местными султанами и богачами из черной кости я также не лажу, потому что они дурно обращаются со своими бывшими рабами, которые теперь хотя и освобождены, но живут у них, не зная, как уйти. Я требовал не раз, чтобы они платили им жалованье и чтобы обращались как с людьми, в противном случае грозил законом. Зато с пролетариатом степным я в большой дружбе и скоро сходимся». Он разоблачал преступные контакты Тезека с Гази по хищению скота; они в последующем были осуждены и отстранены от службы. Гази выдавал себя за Чокана, пользуясь внешним сходством. Он же претендовал на его труды. Не исключено, что Гази украл все бумаги Чокана. Он же мог быть сообщником Тезека в убийстве Чокана или осуществить эту акцию по собственной инициативе. Не верите? Тогда вспомните личные и моральные качества Гази. И вообще я согласен с теми историками, которые утверждают, что в династии Валихановых существовали разброд и шатание. Вопросов больше, чем ответов!

«Я думал, - писал Чокан в письме к Достоевскому, - *как-то сделаться султаном, чтобы посвятить себя пользе соотечественников, защитить их от чиновников и от деспотизма богатых киргиз. При этом я думал более всего о том, чтобы примером своим показать землякам, как может быть для них полезен образованный султан-правитель*» (Ч. В а л и х а н о в. Избранные произведения, стр. 562.)

Чокан, конечно, напрасно лелеял надежду на то, что он сможет облегчить участь трудящихся, оградить их от беззаконий и произвола, став султаном. Тем не менее в своей борьбе против угнетателей Валиханов выражал коренные нужды и чаяния бесправного тогда казахс-

кого народа. Валиханов энергично боролся с отсталыми взглядами, выступал против предрассудков и привычек, порожденных и поддерживаемых феодально-патриархальным укладом, даже если наблюдал проявление их в среде родственников.

«Вот она - драма первого в своем народе! Какие бы прекрасные планы он ни строил в занесенном снегом Кокчетаве, нет рядом единомышленников. И нет рядом образованных людей из казахов, которые были бы равны по развитию на всем огромном пространстве Степи», - с большим сожалением подчеркивает И. Стрелкова. *Значит, до этого он действовал из аула Тезека от себя, на свой страх и риск, по своему убеждению и со своими надеждами сделать все, что в его силах, чтобы народы Восточного Туркестана перестали убивать друг друга.*

Он с горечью пишет Майкову: *«Я вижу теперь, что трудно одному бороться со всеми, вижу, что истина, как бы она ни была светла, не может изгнать самых неверных заблуждений, когда они освящены временем, и особенно у киргизов, которые до сих пор держатся шаманства, примешивая к нему гомеопатическую дозу ислама».*

Вот еще одна версия убийства. С. Муканов пишет о том, что мотив убийства Чокана мог быть и у жителя Кушмуруна по имени Ескара, отца и брата которого Чингиз Валиханов отправил на каторгу. «Осталась у Ескары сестра Наркыз. Она уже была просватана за Кульгара, сына Медебая. А тут еще эта встреча Наркыз с Чоканом вблизи Атбасара. В степи поговаривали, что она увлеклась им. Как на это посмотрит Кульгара и сам Медебай. Бедная Наркыз! Черная кость потянулась к белой кости. Забыла, что джигит из ханского рода для нее недосыгаем, как солнце в небе. Насмешку падкого до женщин султана не могла разглядеть. Они умеют кружить головы, эти торе. А теперь Наркыз - дочь преступника. И Чингиз, отец Чокана, в этом повинен. Мог бы помочь Чокан, но не помог. Значит, не захотел, значит, согласился со своим отцом».

Далее С. Муканов написал следующее: «В это самое время от Потанина ему стало известно, что в Кяхте появился Чокан. Что лучше, думал Ескара про себя, отомстить ханскому отпрыску за все свои обиды, пролить его кровь или тихо сбежать к Наркыз. Нет, лучше уж не повидать сестру, но отомстить».

Он дождался ночи, решив прежде всего убедиться, что сын главного обидчика действительно здесь. На постоялом дворе узнал - из офицеров тут никто не останавливался. К казарме и подходить боялся. Вспомнил, в каком доме чаще всего бывает этот бородатый урядник. Пробрался туда и сразу приметил свет в одном окне. Крадучись,

подошел вплотную и увидел обоих сидящих -Потанина и сына Чингиза. Пожалел, что сразу не прихватил с собой оружия - и топор, и монгольский лук он прятал на той стороне оврага вблизи землянки, где жил кокчетавский татарин. По-звериному быстро метнулся туда. За луком. Хотя и топором он владел хорошо, но лук — лучше! У бурятов он перенял умение посылать стрелы в цель. Даже пристранился к луку. И теперь, схватив из тайника это старинное оружие кочевников, да еще засунув за пояс топор, побежал обратно. Ветви хлестали по лицу, но он и не чувствовал их.

Свет в окне уже не горел, но ставни были распахнуты, и в темноте он скорее угадал, чем увидел- сын Чингиза лежит ближе бородастого казака.

В это самое время и залаяла проклятая собака. Бежать? Нет, второго такого случая не будет. Он привстал на одно колено, вытащил березовую стрелу, ощупал ее металлический наконечник и начал целиться. Сильным рывком так оттянул тетиву, что лук согнулся и скрипнул.

-Теперь пора!- но на какой-то краткий миг его опередили. Раньше, чем он выпустил стрелу, его схватили чьи-то ловкие руки, и стрела вместо окна ушла в небо.

Еще мгновение, и Ескара уже лежал на спине, а кокчетавский татарин, склонившись над ним, яростно шептал:

- Бежать, только бежать - схватят!..

И, схватив за ворот, поволок его, обессиленного и обезволенного, в овраг.

А тут уже выходили из дома люди и, зло взвизгивая, мчалась вслед собака.

Татарин потом объяснил, Ескаре, что направлялся к землянке и вдруг издалека увидел Ескару, выходящего с оружием. Сразу заподозрил неладное, поспешил за ним и - благодарение Аллаху, Слава Ему Великому - отвел беду.

Что из того, что они спаслись? **Ескару терзала досада - его обиды так и остались неотомщенной»**. Но судьбе возможно было угодно, чтобы пути Чокана и Ескары могли перекреститься еще раз. Кто знает?

Затем Чокан отправился в укрепление Верный, и генерал Колпаковский назначил его представителем начальника Алатавского округа на китайской границе. Последние месяцы жизни Чокан провел в Семиречье, в ауле султана Тезека. Там он принимал посланцев китайских властей, распечатывал и переводил дипломатическую почту. Там встретил он девушку - милую, как степь, тихую, как степь, мудрую,

как степь... Сестра султана Тезека, Айсара, стала женой Чокана. Недолго пришлось им быть вместе: **10 апреля 1865 года Чокан Валиханов был убит в возрасте неполных тридцати лет. Эта гнусная террористическая акция, без всякого сомнения, совершена царской контрразведкой, когда Чокан был в расцвете сил и энергии, занимался активной службой и оперативной деятельностью.**

В 1865 году общее собрание Русского географического общества открылось скорбным сообщением. Знаменитый путешественник и исследователь Центральной Азии П.П.Семенов-Тянь-Шаньский выступил с докладом. Оценивая выдающийся вклад в науку Чокана Валиханова, докладчик провозгласил: **«В глубине киргизских степей, на границе России с Китаем, погиб еще в рассвете лет даровитый киргизский султан Чокан Валиханов. Смерть унесла одного из самых просвещенных людей из национальных окраин. Ему было всего 30 лет от рождения».**

Великий ученый П.П Семенов не случайно употребил термин «погиб» и косвенно во всеуслышание подтвердил, что Чокан «погиб от чьих-то рук». Иначе он бы указал просто «умер» и отметил причину смерти «чахотку».

Обращаю серьезное внимание *Современного читателя* на ключевые слова траурного сообщения: **«погиб» и «30 лет».** **Наставник и близкий друг Чокана, глубокоуважаемый Петр Петрович не побоялся проигнорировать требование спецслужб сделать акцент на болезнь туберкулезом.**

Память о Чокане Валиханове верно хранили его друзья и товарищи: Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, Г. А. Колпаковский, И. И. Ибрагимов, Н. Ф. Усов и многие другие. В ознаменование научных заслуг Чокана Валиханова они по поручению генерала К. П. Кауфмана и при содействии архитектора П. Зенкова установили в 70-х годах XIX в. на мавзолее Валиханова мраморную плиту с надписью на казахском и русском языках. Текст надписи был составлен самим Кауфманом, казахский перевод ее — И. И. Ибрагимовым (умер или убит в 1891 г. в Геджасе в должности российского консула). В задании Кауфмана было сказано: «...Поискать мастера дельного, который бы мог аккуратно и без ошибок вырезать надпись». Плиту заказали в Екатеринбурге и везли ее через Омск и Семипалатинск на Алтын-Эмель, где водрузили на могиле (ЦГА Уз. ССР, ф. 1, он. 20, д. 4119, лл. 1—5.)

Таковы факты и события, связанные со смертью Чокана Валиханова. Надо отдать должное высокому уровню подготовки и проведения этого террористического акта спецслужбами. Историки до сих

пор строят только догадки о том, что Чокан был убит, но никто не может привести какие-либо факты об обстоятельствах этого чудовищного преступления. Автором этих строк была сделана попытка в ауле Тезека опросить потомков вышеупомянутых современников Чокана. Результаты этих опросов конкретных результатов не дали. Однако никто, включая сельского акима и сотрудников музея, не верят в то, что Чокан умер от болезни. Вместе с тем они же не смогли рассказать что-нибудь вразумительное о возможных других вариантах этого трагического события.

Обстоятельства смерти Чокана Валиханова все еще остаются «белым пятном» и являются принципиально важным для отечественных исследователей в плане установления истины. Например, спецслужбы царской России заблаговременно отработывали легенду о болезни Чокана, которая первоначально была придумана в целях конспирации и оправдания перед чиновниками его длительное пребывание в г.Омске. Контрразведка не могла смириться с планами командования перевода Чокана вглубь России, чтобы он безнаказанно «мutil воду» в русской среде.

Противодействие насильственному, варварскому внедрению ислама в Казахстане, не входило в планы правительства, которое одновременно использовало это по слепому повиновению казахов к планам по захвату их земель. Данное обстоятельство свидетельствовало о том, что Чокан был не намерен, в угоду даже царю, отказываться от своих убеждений. А это уже было опасно.

Автор без всяких оговорок согласен с М. Сексенбаевой, что не следует искусственно лепить из Чокана революционера. Однако мы можем допустить, что власти увидели в нем степного Александра Ульянова или Харитонов. Источники утверждают, что восстание Е.Пугачева в свое время собрало под знамена этого мнимого царя всея Руси немало казахских джигитов. В повести «Капитанская дочка» А.С.Пушкин, не без основания, писал, что при одном только упоминании имени Пугачева у российской дворянской элиты «душа уходила в пятки». В этом мы убедились, когда власти отправляли за решетку за инакомыслие лучшую часть российского истеблишмента. Высокопоставленные чиновники Азиатского департамента и Губернаторства, такие как Дюгамель, Хрушев, Фридрихс, Ивашкевич, Кури (Василий Егорович), Яценко были настроены к Чокану далеко не дружелюбно, если не сказать - враждебно.

С учетом вышеизложенного, автор приводит следующие версии относительно убийства Чокана Валиханова, а именно:

- С подачи Черняева, специальные службы России взяли Чокана в активную разработку с целью получения через агентуру (домашний арест под наблюдением денщика татарина, находившегося на довольствии у правительства) сведений о его неблагонадежности с последующим принятием организационных мер: перевод на продолжение службы вглубь России; отстранение от должности; массированная компрометация; фальсификация его научных и разведывательных достижений; физическое устранение.

- Спецслужбы, по указанию властей или по собственной инициативе, в случае необходимости, имели обыкновение разными путями избавляться от тех, кто своим действием или бездействием угрожает безопасности государства. В основном объектами политического убийства являются противники режима и носители секретов, которые намереваются раскрыть тайны, сокрытые «за семью печатями» (Троцкий, Грибоедов, Виткевич, Ибрагимов, Кириллов, Карелин, Яндарбиев).

- Исполнителем теракта, с подачи спецслужб, мог быть М.Сейфульмаликов, агент контрразведки, вынашивавший, к тому же, и кровную месть против семьи Валихановых. Сюда же отнесем и Ескару, который пытался из чувства мести убить Чокана во время нахождения последнего в гостях у Г.Потанина в Кяхте.

- Нельзя исключать казахских султанов, татарских мул, а также родственников и сторонников Валихана-торе, которые, также из зависти, политическим мотивам, кровной мести могли совершить убийство. Напомним, что Чокан, несмотря на 7 пункт задания Царя, личного участия в ликвидации Валихана-торе не принимал, хотя и не препятствовал Нурмагаммеду-датхе послать Тохтара в Тюрфан для устранения, опасного для его жизни, тирана, построившего в Кашгаре пирамиду из человеческих голов.

- Самоубийство Чокана исключается по той простой причине, что он был настроен на борьбу против клеветников и тех султанов, которые наплевательски относились к нуждам своего народа.

- За два месяца до смерти Чокан получил приглашение от Колпаковского работать начальником отдела Азиатского Департамента в Омске. Он просил генерала выслать ему 100 рублей авансом за счет будущей зарплаты и пару ящиков гаванских сигарет. То, что он писал в отчаянии «остались кожа да кости», как обычно (пишет И.Стрелкова), связано с намерением получить денежный перевод или вызвать к себе внимание родственников, не соответствует действительности. Если бы он хотел совершить суицид над собой или тяжело болен, то зачем ему надо было просить место в консульстве в Кульдже или

юридически оформить его работу в Агентстве.

- Нельзя сбрасывать со счетов, что Чокан являлся крупным носителем государственной тайны, особенно по части закордонных операций внешней разведки и ее агентуры. Кроме всего прочего, он проживал в пограничной зоне, а это обстоятельство, по мнению контрразведки, могло нанести ущерб интересам правительства по обеспечению государственной безопасности, если «сей непредсказуемый бывший офицер» вздумает метнуться за кордон через «зеленую» границу, что в нескольких десятках километрах от его резиденции.

- Кроме того, остается выяснить, каким путем он могло совершиться убийство? Если бы Чокан застрелился или повесился, об этом узнала бы «вся деревня», и мы бы знали все подробности. Отравление? Где бы он достал яд, и что за яд? Он мог кого-то попросить. Тогда это также стало бы широко известно. Поэтому самоубийство или смерть по болезни исключаются.

- То, что Чокан умер от болезни чахоткой полностью опровергается, поскольку по утверждению фтизиатров, туберкулез от начальной формы до каверны (открытой формы) протекает в течение четырех-пяти лет. В данном случае эта болезнь «была обнаружена» в Петербурге спонтанно, за неполный один год и сразу же стало невозможным его пребывание в этом городе «с резким континентальным климатом». Утверждение Чокана, что он «в Петербурге чувствовал себя хорошо», не возымело свое действие; его «ушли» из столицы не без участия царской контрразведки.

- При этом нет ни одного документа о последних минутах жизни Чокана. Многочисленные грамотные родственники вполне могли написать об этом трагическом событии, хотя бы со слов жены Чокана — Айсары, которая, после его смерти Чокана, переехала в имение Валихановых.

- Генерал Гейнс, побывавший в ауле Тезека после смерти Чокана, в своих воспоминаниях пишет о том, что *«Айсара всхлипывала и гримасничала»*. Не исключено, что убийство было совершено на глазах у бедной женщины. Убитая горем Айсары, не могла никому рассказать подробности этой драмы, свидетельницей которой она была, поскольку являлась сестрой Тезека, который пригрозил ей держать язык за зубами.

- Военный историк К.Абенев считает, что Чокан был отравлен или удушен, что было характерным явлением в Азии подобным способом устранять своих противников. С меньшей вероятностью нельзя также отрицать, что он мог быть застрелен. Однако здесь была опасность раскрытия факта убийства. Общеизвестно, что у Ч.Валиханова было много врагов. Это царские чиновники, казахская аристократия, в том

числе и противоборствующие между собой его многочисленные родственники, английский шпион Аткинсон (Ю.Семенов), который мог совершить это убийство по примеру кражи научных трудов Виткевича и его убийства британским разведчиком Бернсом (В.Пикуль).

Пращур Чокана Валиханова – Чингисхан, как мы убедились, был многоженцем и оставил после себя миллионы потомков. Чокан же такого позволить себе не мог, хотя имел потрясающий успех у женщин разных национальностей. Исследователи жизнедеятельности Чокана вскользь упоминают о его любовных связях с дочерью Гутковского; не без основания слухи о Корнилове, заявивший, что он потомок Чокана; свидание с красавицей киргизкой на Иссык-Куле; женитьба на Чаукен в Кашгаре; любовная интрига с Наргиз в Кушмуруне; временная связь с женой односельчанина после возвращения из Петербурга; женитьба на Айсары и другие «любовные похождения» красавца-офицера, внешне похожего на Лермонтова.

Автору представляется, что поиск необходимо начать с аула султана Тезека, и Алтын-Эмель, где он провел последние годы своей короткой жизни. Он пишет родителям «Заберите мою Айсары...». С чем это связано? Скорее всего, он не стал бы этого делать, если Айсары не была в положении в это время. Генерал Гейнс, посетивший аул Валихановых, видел ее уже в Кушмуруне. Он пишет, что она «гримасничала». Женщина могла это делать по нескольким мотивам: испытала сильный стресс, шок, была в глубоком трауре; испытывала чувство неприязни к виновникам смерти мужа из-за перенесенного потрясения, наконец, она, возможно, была беременна.

Согласно законам предков, на Айсары женился родной брат Чокана – Жакуп. От него она родила (?) двух детей, а затем они разошлись. Почему? Возможно, она было уже беременна до второго замужества. Тогда кто этот, законнорожденный? Не остались ли дети после посещения Ташкента (А.Врангель), Кашгара, Иссык-Куля, Кульджи и Петербурга? В те времена письменная регистрация браков не существовала и любое потомство Чокана можно считать законным наследником.

Памятные слова Семенова-Тянь-Шаньского отразили ту высокую степень признательности и уважения, которых удостоился с высокой трибуны Всероссийского Географического общества, едва ли не единственный выходец из «кайсацких» степей- Чокан Чингизович Валиханов, стоявший у самых истоков становления и развития казахской государственности.

Яркий путь Чохана Валиханова подобен стремительному следу промелькнувшего метеора (С.Марков).

*«О люди! жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век
Но чей высокий лик в грядущем поколенья
Поэта приведет в восторг и в умиление!»*

А.С.Пушкин (1835)

*И если даже пригвоздят
Тебя к позорному столбу,
Ты знай, что верный друг с тобой
Разделит горькую судьбу.*

Джимми Доусон

*Абуталиб сказал:
Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета,
будущее выстрелит в тебя из пушки*

ДОЛГОЖДАННОЕ ПРИЗНАНИЕ

Ученые об ученом. Историки тогда и сейчас. Форма и присяга.

Верность профессии. Верность народу. Чокан Валиханов и

А.С.Пушкин. Поколение приверженцев и критиков

Как сказал поэт: « Большое видится на расстоянии». Кто знает, как повернулась бы судьба нашей страны, если бы не «отлично-усердная» служба Валиханова и других его сподвижников? Был бы Казахстан независимым государством или китайской провинцией? Хорошо ли мы осознаем это?» (М.Сексенбаева). Каким образом удалось Чокану, пусть даже, если он самородок, в неполных тридцать лет, находясь на государственной службе и в постоянных разъездах, добиться феноменальных успехов по меньшей мере по двенадцати отраслям науки, о чем мы подробно рассказали в разделе «Чокан Валиханов — великий ученый».

В числе выдающихся деятелей России XVIII столетия аналогичные результаты принадлежат В.Н.Татищеву. Математик, естествоиспытатель, горный инженер, этнограф, историк и археолог, лингвист, юрист, политик и публицист и вместе с тем просвещенный практический деятель и администратор, Татищев по своему уму и многосторонней деятельности в своей стране назван в числе первых зодчих русской науки. В это же время величайший мыслитель мира — английский математик, физик, механик и астроном Исаак Ньютон во-

шел в лигу святых за научные достижения также по многим другим направлениям науки. Мы знаем имена великих людей, прославившихся таковыми в области поэзии, прозы, истории, искусства и пр.

Ньютон прожил 83 года, а Татищев 64 года, оба они имели высокое положение в обществе, и располагали широкими возможностями заниматься наукой. Чокан столько не прожил и не имел достаточного времени по настоящему заниматься наукой, сидя в тиши своего кабинета. Источники отмечают, что он в общей сложности совершил путешествие в Семиречье 6 раз, на Тянь-Шане находился - 3 раза, в России два раза, по одному разу нелегально находился в Кашгаре, Ташкенте и в Париже. Таким образом, Чокан всю сознательную жизнь был в разъездах. Некоторые ученые отмечают, что Чокан к тому же был мотом (И.Стрелкова), бабником (А.Каменский), занимался Петербурге «баклушничеством» (Н.Ядринский), увлекался скачками (С.Бегалин), посещал ночные кабаки (И.Ерофеева), заседал в благотворительном обществе (С.Муканов), являлся членом тайного общества (Г.Потанин). На все это у него, наверное, уходило масса времени. Мы не будем перечислять имена тех, кто называл его, «ткнув пальцем в небо», шпионом, предателем интересов казахского народа, защитником казахской феодальной верхушки, безбожником или атеистом, борцом за безусловное присоединение казахских земель к России. Аллах, Слава Ему великому, им судья.

Как оценивали Чокана Валиханова его современники и как оценивают его сегодняшние исследователи? Прежде чем перейти к обзору их мнений и высказываний, не мешает, на наш взгляд, выяснить - если будет позволено так сказать - вопрос о ценности самих оценок, т.е. о степени их достоверности. Во-первых, объективная оценка исторического значения той и или личности всегда дело более сложное, более тонкое и деликатное, чем оценка того или иного исторического события. Во-вторых, по разным причинам к свидетельствам как современников, так и ближайших потомков следует в таких случаях относиться *cum grano salis*, т.е. с сугубой осторожностью.

Свидетельства современников, безусловно, очень ценны, ибо в них сохраняется непосредственность восприятия, знание таких подробностей и ощущение таких оттенков, которые почти всегда ускользают от тех, кто не был участником или свидетелем событий. Наконец, никто в такой степени, как современник, не способен уловить и передать наиболее характерные черты обстановки, как говорится «аромат эпохи». Вместе с тем никто так часто не подвержен конъюнктурным влияниям, личным пристрастиям, а потому и не в состоянии не-

лицеприятно оценить значение какой-либо исторической личности в целом, тем более, что любой современник лишен тех объективных преимуществ, которые таит в себе ретроспекция, а именно - прямое обращение к прошлому. С другой стороны, потомки, представители последующих поколений, всегда и в полном смысле слова - пленники ретроспекции. Они не в состоянии вырваться из-под ее власти, все их восприятие обусловлены ею, а потому они часто впадают в грех обманчиво правдоподобных выводов, опасных исторических aberrаций, т.е. отклонения от истины. Судьбы и посмертная репутация исторических личностей - Чингисхана и Чокана - лучший пример в подтверждение.

Однако пусть *Современный читатель* не пугается того, что мы собираемся возвращаться к теме «Who is Tchingis Khan?». Для нас «архиважно» на основе установленных фактов, что Чокан - прямой потомок Чингисхана, доказать генеалогическую преемственность основных параметров мироощущения и конкретных действий этой личности, выходящих за рамки простого смертного «Homo sapiens».

Например, как вы смотрите на такую сногшибательную оценку личности Ч.Валиханова: «Чокан Валиханов не смог преодолеть ограниченности антропологического принципа, по которому влияние знания на развитие человека признавалось столь сильным, что ему приписывалась даже способность изменять человеческий организм. В какой-то мере Валиханов догадывался, что человек не только продукт природы и не исключительно биологическое существо. Но он не смог подняться до материалистического понимания того, что человек есть существо социальное и что его сущность кроется отнюдь не в его биологической природе, а в совокупности общественных отношений. Социальную сущность человека Валиханов склонен был сводить к степени его приобщения к знаниям, к просвещению. Таким образом, он пытался разрешить затруднения антропологического материализма не путем движения вперед — в сторону исторического материализма, а путем движения назад — в сторону просветительского идеализма». Это написал доктор философских наук О.С.Сегизбаев, ученый с мировым именем, состоявшийся благодаря изучению жизни и деятельности Чокана. Сборник. С.89). Близкий друг А.С.Пушкина поэт П.А.Вяземский писал: «Встань на колени и говори о Пушкине все, что желаешь!» Чокан Валиханов для казахского народа, да и не только, такой же великий, как А.С.Пушкин. Этот юноша за неполных тридцать лет жизни сумел, как говорят, «объять необъятное» (Козьма Прутков говорит, что это невозможно).

А вот что сказал более современный критик: «...Чокан Валиханов для отечественной истории- личность контрастная и во многом спорная. Страстный коллекционер истории, этнографии и фольклора своего народа и коллаборационист*, чингизид и потомок Аблая, русский офицер и казахский султан, художник и дипломат. В одну эпоху он был просветителем, в другую его считали предателем, в третью – гением. В его короткой тридцатилетней жизни есть множество белых пятен». (Э.Кинжалин: Чокан Валиханов - казахский султан на секретной службе Империи). Полностью разделяю точку зрения историка в том плане, что Чокан Валиханов личность «контрастная и во многом спорная». Но можем ли мы ответить на вопрос, что любая историческая личность вызывает в нашем обществе восторженное единство. Спецслужбы царской России хорошо поработали, чтобы скомпрометировать Ч.Валиханова перед грядущим поколением за инакомыслие, самостоятельность с момента ухода его с подчинения генерала Черняева, общения с демократами и политические заявления.

«В том, что он исламофоб, прочитайте статью «О мусульманстве в степи». Негативному к нему отношению способствует не только его антиисламские позиции, но и пренебрежительное отношение к своему народу, сквозящие в его статьях. Кроме того, известны его взгляды на христианизацию казахов; они тоже не могут вызвать симпатии» (Арапов Д.Ю. Чокан Валиханов о проблемах в казахском социуме» (WWW.postsoviet.ru/point.). Беспристрастный анализ полностью опровергает предположение о том, что он был против ислама. Нет, он был против его нецивилизованного, насильственного внедрения. Надо признать, наконец, что Чокан, доказывая бесперспективность бездумных мер по исламизации, христианизации, шаманизма, буддизма и пр. практически выступил против генеральной линии царского правительства, поддерживавшего религию в собственных интересах.

«Чокан Валиханов шпион, провокатор и вероотступник, заваливавший колониальную администрацию предложениями о христианизации казахов с упорством...» (М. Джумагазиев). Автор перепутал «божий дар с яичницей». Шпион работает против своей страны, разведчик - за безопасность своей страны. Он не внес ни одного предложения о христианизации казахов. Еще раз повторяю, он одинаково от-

---

* Термин «коллаборационист» по Словарю Русского языка АН СССР означает - изменник, сотрудничавший с фашистскими захватчиками в странах Западной Европы, оккупированных ими во время второй мировой войны. В ходе работы над книгой я нигде не встретил в отношении Чокана Валиханова эти оскорбительные эпитеты, как «предатель» и «коллаборационист (Б.К).

носился, как его ко всем религиям одинаково, как и его предок Чингисхан.

«Часто его изображают аскетом, который только и делал, что корпел над бумагами, на самом же деле он был плоть от плоти личностью своего времени. Его современники пишут, что он имел много общих черт с российскими дворянскими денди. То есть, выражаясь современным языком, любил светские тусовки и был достаточно хорошим мотом. Если внимательно читать его переписку, у него часто, особенно в петербургский период жизни (1860-1861 годы), возникали денежные проблемы» (И.Ерофеева). Пока история не знает ни одного человека, у которого не возникали бы денежные проблемы. «Мотовство» также является нормальным явлением, тем более, если Чокан из богатого и влиятельного ханского рода.

Однажды Роллан Сейсенбаев в беседе с автором сказал : «У великих людей еле заметный недостаток в устах недоброжелателей выглядит в еще более в великих масштабах»

Иногда исподволь, невольно закрадываются вопросы, которые на сегодня никто не озвучивал. По каким соображениям потомственный чингизид, султан, всесторонне образованный человек, богатый наследник вдруг пошел работать в разведку? Офицерские погоны он мог носить как военнослужащий в действующей армии. Он разве не просчитывал, что потомки могут осудить его как «шпиона», незаконно проникавшего под чужим именем в чужие страны? Возможно, его толкнули в эту систему острые ощущения? Может быть, его влекло в эту профессию то обстоятельство, что великие путешественники Г.Д.Рубрикус, Марко Поло, Плано Карпини были путешественниками-шпионами (М.Аджи). Или его заинтриговали подвиги разведчиков Виткевича, Беневини, Бернса. Лоуренса и др.? Современники Чокана, путешественники Н.Пржевальский, Е.Ковалевский, Н.Игнатьев, А.Проценко, В.Обух также оказались профессиональными разведчиками.

Вполне вероятно, что история этих личностей в определенной мере могла оказать косвенное воздействие на его решение «пойти в разведку». Но не это было главным, решающим фактором. Он четко осознал, что, ему, как пассионарной личности «длинной воли» (Л.Гумилев), надо было познать мир и определить свое предназначение на земле. Основой такого масштабного мышления явилась любовь к родной земле, родному народу, высочайший казахский национал-патриотизм, неумное стремление изменить все к лучшему.

Именно поэтому профессиональное знание, полученное в военном училище, и переход на службу в разведку явились лишь сред-

ством, инструментом для реализации грандиозных планов. Великие люди иначе думать не могли. Подтверждений этому много, но напомним только одно из них.

Как можно объяснить почти полугодовое добровольное заточение себя на конспиративной квартире в Омске после завершения рискованной операции в Кашгар. Гасфорт и Гутковский были бессильны оказывать давление на Чокана, чтобы он срочно составил оперативный отчет, который они хотели доложить в Центр по принципу «дорога ложка к обеду». Своенравный чингизид мог вообще отказаться от сотрудничества, имея в голове и на руках бесценные материалы, в которых мог разобраться только он сам. Друзья настойчиво торопили его «срочно ехать в Петербург за наградами». Он и эти советы оставил без внимания. Чокана не испугало даже то, что его информация может потерять свою актуальность и по истечении некоторого времени может попросту устареть. Его даже не испугало то, что через три месяца спецслужбы направили в Кашгар старшего султана Акмолинского уезда Ибрагима Жайикибаева, который «создал широкую агентурную сеть» и «частично подтвердил» нахождение там Чокана. Он знал, что даже сам Е.П.Ковалевский просил форсировать составление отчета. Но шеф разведки не уточнил, какой именно отчет он имел в виду: научный или оперативный.

Лично для Чокана было важнее составить научный отчет. Оперативный отчет он посчитал второстепенной важности и по этой причине доложил устно лишь секретную часть информации, а письменное изложение он оставил на момент прибытия в Центр. О мотивах, почему он это делал – мы уже говорили. Исследователи обратили внимание на то, что Чокан в ряде случаев демонстративно уклонялся от изложения в тексте данных об источниках информации, отмечая, что это не столь суть важно. Чокан понимал, что несекретная сторона доклада имеет исключительно важное значение для науки и служит интересам своего народа, родной земли. В этом и заключалось величие этого человека.

О своей разведывательной деятельности Чокан Валиханов недвусмысленно высказывает в следующих рассуждениях: «... Когда-нибудь, Григорий, я попробую описать, как перед экспедицией в Кашгарию я по настоянию осторожного Гутковского ушел в степь, чтобы полностью «натурализоваться» и в условленном месте присоединиться к вышедшему из Семипалатинска каравану. Я жил один, скрываясь в камнях, и думал о своем прошлом и о том, что предстоит мне в Кашгарии, и о том, что я стану делать, если благополучно вернусь оттуда... Я

очень многое передумал за те одинокие дни... Зачем я, казах, иду разведывать для русской науки глубины Азии?.. Я вспомнил свою бабушку ханшу Айганым: почему она столь непреклонно решила признать себя подданной русского царя? Родича своего вспоминал хана Кенесары — во имя чего он бунтовал против России? Об отце думал — он первый в нашем роду надел мундир офицера русской армии. Вспоминал частых гостей отца — ссыльных декабристов. Они когда-то с честью носили те же, что и я, эполеты... Думал о нашей с тобой дружбе, о нашем решении посвятить всю жизнь исследованию Азии. Я, Гриша, понял там, в одиночестве, что очень люблю свой степной народ. Его, прежде всего. Потом люблю Сибирь, потом Россию, потом все человечество»*

На фоне профессиональной принадлежности Чокана Валиханова к внешней разведке, его активной, высокорезультативной научной деятельности, а также пассионарной жизненной позиции следующая оценка личности нашего героя выглядит не более чем как детский лепет.

«... Мировоззрение Ш.Валиханова как просветителя-демократа сформировалось под воздействием демократической части русского общества в лице декабристов и петрашевцев, сосланных царским правительством в казахские степи, а также в результате влияния на него русских революционных демократов Н.Г.Чернышевского и Н.А.Добролюбова. Однако Ш.Валиханов не смог подняться до понимания необходимости радикальных мер для коренного переустройства казахского общества, он ошибочно полагал, что зло заключается не в существующей системе в целом, а в отдельных представителях царской администрации. В условиях отсталого, феодального Казахстана Ш.Валиханов не сумел подняться до уровня революционных демократов России 60-х годов и остался на позициях просветительства». (К.Рыспаев «История Казахстана. Алматы., 2003. «Білім».С.146-147)

Наивному ученому так хотелось угодить системе, что он готов был сделать из казаха Робеспьера или Николая Баумана, сподвижника Ленина. Слава богу, что автор не написал, что призывая «Русь к топору», Чокан хотел совершить в России дворцовый переворот.

Остается только поражаться, каким образом книга К.Рыспаева была допущена в качестве учебника для высших учебных заведений.

---

* Историк К.Абенев, писатель С. Бегалин передают это изречение Чокана Валиханова в несколько другой интерпретации: « Сначала я люблю свой народ. Потом Россию. Потом все человечество». Не совсем понятно, почему И.Стрелкова добавляет « любовь к Сибири», поскольку наш герой этих слов не произносил (Б.К).

В последнее время было даже стремление представить его как зачинателя национального возрождения и «мозговым центром» национально-освободительного движения. Но и эта попытка тоже не увенчалась успехом.

Мариям Сексенбаева в статье «Как блестящий метеор...» пишет о том, что на протяжении многих лет отношение исследователей к Чокану Валиханову постоянно менялось. Каждый ученый стремился сделать из него знак своего времени, приблизить его к своей теме и к тем ценностям, которые являются, с его точки зрения, доминирующими в данный момент.

Современный читатель помнит, когда Чокан, наряду с Абаем и Ибраем Алтынсариным, попал в триаду отечественных знаменитостей, появилось стремление показать его не только как фанатичного в своей деятельности демократа, но и, используя, например, факты, связанные с его общением с Достоевским, придать ему некий флер революционности. Но как бы ни были упорны эти устремления, ученые вскоре убеждались, что натяжка выглядит слишком искусственной и никак с обликом Чокана не вяжется.

Когда отмечался 150-летний юбилей Ч. Валиханова, наконец, упор делался на его широкий демократизм, на жестокую борьбу с социальной несправедливостью и колониальным режимом царской России к народам Центральной Азии, что без всяких оговорок соответствовало истине.

В книге «Русские в Средней Азии»*, наряду с переводами записок других русских путешественников вошел и перевод кашгарских записок Валиханова. В предисловии издатели сообщали, что Валиханов - офицер русской службы, сын киргизского султана и хорошо образованный человек. Все точно, без путаницы - Валиханов для издателей фигура известная. Его труды предлагаются английскому читателю. Что делается в Хиве, Бухаре, то же делается и в Кашгаре, где недавно люди были убиваемы каждый день, как дикие звери. В кашгарской народной песне говорится: «Трудно сберечь коня в Кашгаре, а еще труднее сберечь голову на плечах». Однако здесь Чокан показан как российский подданный, русский офицер, защищающий, с риском для жизни

---

* «The Russian in Central Asia... by Captain Valikhanof and M. Venikhof the Russian Travellers: Transl. from the Russian, by John and Robert Mitchell». (Русские в Средней Азии по исследованиям капитана Валиханова, М. Венюкова и других путешественников). Переведено с русского Джоном и Робертом Митчеллами). (*Примечание ред. «Русского инвалида»*).

ни, интересы российской империи, что не в полной мере соответствует действительности.

В учебниках при тоталитарном режиме писали, что первые казахские интеллигенты, появляющиеся в 60-х годах XIX столетия, воспитанники русских учебных заведений, были чиновниками царского правительства. Они были выходцами из казахской феодально-родовой верхушки. Наиболее ярким представителем этой казахской интеллигенции является Чокан Валиханов. В то время если писали о ком-то, что он выходец из феодально-родовой верхушки, то он обязательно являлся врагом пролетариата. Но Чокан-то не был врагом «пролетариата».

Далее указывалось, что казахские буржуазные националисты расценивали историческую роль Валиханова, как миссионера, предавшегося царизму, отпусника от казахского народа. Появление таких людей, как Валиханов, знаменовало начинавшееся разложение казахского феодально-патриархального строя. Валиханов видит недостатки старого общественного строя у казахов, но и расценивает их с точки зрения казахских господствующих классов. Валиханов видит выход в быстром освоении казахами европейской культуры. Под нею он понимает великорусскую дворянско-помещичью культуру, плоды которой он вкусил сам. Опять же форменная натяжка получается, если принять во внимание, что он постоянно «по делам разведки» был в разъездах, вел практически аскетический образ жизни, сводил «концы с концами», не имея возможность хотя бы малость пожить в роскошных апартаментах ханов и султанов, интересы которых он якобы защищал.

Учебники по истории, в какой бы стране ни писались, носят хронологическое направление, перекладываемое из утвердившихся в сознании людей фактов и событий, поэтому на них следует ссылаться осторожно. Известно, что «история не имеет сослагательного наклонения», а вот историки, зачастую, по субъективным причинам, не придерживаются этой истины. В свою очередь, это требует глубокого анализа и критической оценки при раскрытии тайны, искажаемой фальсификаторами объективной истины. Уточним: под оскорбительный эпитет мы «подгоняем» и современников и сегодняшних любителей преподнести что-нибудь хоть перегоревшее, но «жареное».

К сожалению, неприятие некоторыми учеными Чокана Валиханова привело к систематическому повторению из учебника в учебник следующей цитаты: «Отражая изменения в господствующих слоях казахского общества, происходившие под влиянием укрепления и

оформления царской колониальной системы, Валиханов оказался по существу предшественником буржуазного национализма, ибо почвы для широкого развития последнего в условиях Казахстана середины XIX века еще не было, хотя в классовых взаимоотношениях в Казахстане и произошли значительные изменения. Поэтому Ч. Валиханов примкнул к движению русской либеральной буржуазии пореформенного периода, считавшей «великую реформу» 1861 года огромным шагом вперед и примирившуюся на этой основе с царизмом».

М.Сексенбаева подвергла резкой критике бездумное переписывание современными историками озвученные мысли еще при тоталитарном режиме: « Ш. Валиханов так же, как и мы теперь, несмотря на свое величие, был просто пешкой в большой игре Российской империи. Большие игры, как правило, грязны, хотя и ведутся под красивыми лозунгами. Нас используют, а мы, даже если видим это, ничего не можем поделать, т.к. являемся всего лишь механизмами огромного аппарата, и если кто-то нажал на рычаг, мы не сможем остановить его. Я - казашка, но меня не беспокоит то, что он где-то нелестно отозвался о казахках, он просто сказал правду. А сколько сейчас казахов, за которых мне стыдно! Назовите мне, пожалуйста, современных казахов, к 30 годам успевших сделать столько же, сколько Шокан! Не можете вспомнить? Зато я вам скажу, что 70-80% наших современников просто покупают свои дипломы, тупо отсиживают лекции, пользуются чужими, кое-как состряпанными дипломными и научными работами. Я не говорю уже об «ученых»- плагиаторах, научные труды которых состоят из украденных там и сям чужих мыслей. У того же Шокана, например».

Далее она указывает, что «кто-то использовал его таланты, знание языков, желание познания нового, желание служению отечеству? В конце-концов, он был офицером царской армии, давал присягу и исполнял приказы вышестоящего состава. Все было объективно. Жернова истории неумолимы. Россия и Великобритания в 19 веке занимались шпионажем в нашем регионе. Одному только богу известно, чем бы закончилась английская гегемония в регионе. Везде, где правили англичане, сейчас проливается кровь. (Ближний Восток, Ирак, Кашмир)».

Единственный способ остаться человеком — «посвятить себя нейтральному делу» — науке и литературному творчеству — решает Чокан. Мечте было суждено осуществиться, но в более глубоком смысле, чем предполагал Чокан: он не только исследовал и описал неизведанные европейской науке места как географ и путешествен-

ник, он приоткрыл завесу над самым центром Азии - человеком, его историей, образом мыслей и чувств (<http://www.iie.freenet.kz/>) .

Друг Чокана поэт А.Н.Майков, автор стихотворения « Емшан», сюжет которого, якобы подсказал ему наш герой, написал письмо, датированное 10 февралем 1863года, то есть всего за два года до смерти Чокана: «Если бы Вы, любезнейший друг, знали, какую радость доставили мне, когда, вынув из конверта иероглифическую рукопись, я узнал, что это письмо от Вас,- Вы бы, верно, писали мне и больше и чаще. Мы немного времени провели вместе, но я так любил Вас, как будто всего насквозь знаю, и нахожу только один недостаток у Вас, которым и сам страдаю,— это лень писать. У меня в семействе вспоминают Вас часто, и не только жена, но и дети. Изю всего этого Вы видите, конечно, что об Вас у нас только одна фраза: что он там у себя делает? и отчего бы ему не основаться в Петербурге, с частыми, конечно, выездами туда и сюда. Я к этому присоединяю еще вот какое рассуждение: ведь Вы, собственно говоря, ученый; не знаю, что Вы можете сделать у себя, но для себя и для Европы несказанно много, а уж об России и говорить нечего!

У Вас к тому вряд ли есть способности, а именно Вы слишком образованы и учены для своей среды, а кроме того, совсем непрактичны. Последнее — главное. Ведь среда заест, а Вы едва ли будете на кого-нибудь иметь влияние. Лучшее, что можете сделать,— это хлопотать об учреждении гимназии в степи - если хоть дворянство к этому приговорено и желает, а хлопотать надо в Петербурге. Вообще, по всем моим соображениям, Вы должны быть здесь. Хоть скверное место - да нечего делать - устройте там дела, чтобы получать здесь из дому деньги на прожиток, да и приезжайте сюда. Другое дело, если бы Вы там в Азии состояли на службе, если б с Вашими идеями совпали наши дальнейшие действия в Средней Азии и клонились бы к обоюдной выгоде народов, но ведь Вы, кажется, совсем в стороне и ничем таким не занимаетесь».

«Очерки Джунгарии» дают нам представление о тех мыслях, которые высказывал Чокан Валиханов 4 мая 1860 г. на заседании Русского географического общества. В отличие от своих предшественников, других исследователей Азии, Валиханов пытался заглянуть вглубь жизни народов, населяющих огромную территорию. Он пренебрег возможностью поведать о своих захватывающих приключениях в

---

* Оговорюсь, что Майков не мог знать, чем всё-таки занимался Чокан на самом деле .

Кашгаре и предпочел говорить об истории и традициях народов Средней Азии.

И там же, в «Очерках Джунгарии», Валиханов рассказал читателю о бесправии казахов, которых обирали и свои султаны и царские чиновники. На труды Ч. Ч. Валиханова ссылался издатель «Колокола», публикуя полученные из России материалы, подробно рассказывающие о жизни народов национальных окраин Российской империи.

В «Записке о судебной реформе» он хотел объяснить, что «...на мнения привилегированных классов общества следует смотреть не иначе, как на отрицательное выражение истинных народных нужд, ибо интересы знатных и богатых людей, даже в обществах высокоцивилизованных, «бывают большей частью враждебны интересам массы, большинства». «Записка о судебной реформе» - последняя большая работа Валиханова. Мы вправе считать ее политическим завещанием, в котором наиболее полно выражены идейные убеждения Чокана Валиханова.

На него самого, несомненно, оказали огромное влияние пророческие слова Ф. М. Достоевского о его высоком назначении как первого в своем народе «образованного по-европейски вполне». Достоевский говорил прежде всего о возможности служить своей Родине пером, растолковывая России, «что такое степь, ее значение и ваш народ относительно России».

А годы спустя Потанин горько сетовал в своих воспоминаниях: «Если бы Чокан имел в казахском народе читающую среду...» То есть опять речь идет о деятельности словом как самой главной возможности Валиханова ученого и писателя. Но ему пришлось окунуться в иную деятельность. «Что-нибудь все-таки лучше, чем ничего», — писал в письме Достоевский. На что Валиханов мог надеяться, приступая к своей общественной деятельности?

Планы Валиханова — «показать народу, что может сделать образованный султан-правитель» имели далеко идущий смысл даже сегодня, но никто из ученых толком объяснить не смогли истинный мотив такого шага. Например, писали, что в степи такой образованный султан-правитель, как Чокан Валиханов, стал бы явлением большой пропагандистской силы, оказывающим влияние на царскую политику. И Валиханов, очевидно, мечтал не о малых делах внутри Атбасарского округа, а о более широком воздействии на Степь. Именно поэтому то, что произошло с ним на выборах, носило характер показательной расправы со стороны властей, которые почувствовали опасность со стороны своенравного султана, который может оказаться орудием в ру-

ках социал-демократов. Одни лишь взятки его соперника не могли оказать влияние к принятию властями явно незаконного решения. Валиханов в качестве султана-правителя не устраивал также лично генерал-губернатора Дюгамеля, который взяток не брал. Впоследствии адъютант Дюгамеля утверждал, что генерал-губернатор боялся усилить влияние и без того влиятельных Валихановых. За этой отговоркой — признание в травле Валиханова.

Борьба за сохранение суда биев могла стать одной из причин, побудивших Валиханова баллотироваться в султаны, а также принять участие в походе Черняева. Чокан хорошо понимал значение того, что с отрядом отправляется большая группа авторитетных казахов, которые составляли суд биев, решавший по пути спорные дела, переданные Черняеву генералом Колпаковским, начальником Алатавского округа. Есть основание считать, что идея походного суда биев также принадлежала Чокану Валиханову, писавшему перед тем, что в Старшем жузе суд биев не играл такой роли, как в Среднем. Добившись проведения в жизнь этой своей идеи, Валиханов стремился содействовать утверждению в родах, изъявивших принять подданство России, понятного народу правопорядка, в чем-то противостоящего произволу царских чиновников.

Поступки ученых и общественных деятелей нельзя рассматривать, игнорируя черты их личности. Валиханов остался верен тому идеалу поведения, который он составил для себя в юности. Он был цельной и благородной личностью, горячим патриотом своего народа. В этом его великий пример для будущих поколений. Когда историки пишут о выдающихся людях, к числу которых Чокан, безусловно, принадлежал, их изображают рыцарями без страха и упрека. - Но мне кажется, не нужно забывать, что хотя у Чокана были взгляды зрелого человека, он все-таки был очень молод, - утверждает И. Ерофеева.

Во всех биографиях пишут, что на формирование личности Чокана оказала сильное влияние семья. Но современным исследователям это кажется некоторым преувеличением. Да, он был правнуком хана Абылая, который управлял почти всем Средним жузом и частью Старшего, а одно время был старшим ханом казахов; внуком Вали — последнего хана Среднего жуза. Естественно, Чокан, вращаясь среди тех, кто был хранителем исторической информации о временах правления ханов Абылая и Вали, знал традиции казахской правящей элиты, поэтому он составил не только их родословные, но и изложил ценные сведения о нормативной культуре элиты. Но утверждать, что Чокан сформировался как личность только под влиянием среды — это не-

сколько категоричное заявление. Чокан, как считают исследователи, был самородком. Ведь и у некоторых других его сверстников были известные и образованные родители, но никто из них не стал столь яркой фигурой, как Чокан. Его собственные задатки — природный интеллект, прекрасная память, энергия души и мысли — сыграли значительную роль в том, что он был первым среди равных (М.Сексенбаева).

Он решительно выступал против национальной замкнутости, горячо защищал идеи дружбы и взаимовлияния народов. Об этом в свое время писал Н. М. Ядринцев: «Чокан оставался любящим свой народ, свое племя, в его мечтах было совместить европейское просвещение и сохранить свою народность».

«...Этой-то мишурной жизни был обязан бедный Валиханов тем, что она душила в нем те самородные таланты, которые мог при лучших условиях употребить на благо своему несчастному племени. Тем больше, что даже и под мишурой иногда в нем светились искры ума и глубокой любви к своим степным братьям. Мы ничем не находим более приличным почтить память Чокана Валиханова, как пожелать киргизам не так долго ждать второго Валиханова, как пришлось бурятам дожидаться второго Дорджи Банзарова. Конечно, нет лучших проводников европейской цивилизации и гуманности в среду инородцев, как сами инородцы. Поэтому мы готовы всегда симпатизировать появлению образованных инородцев, а смерть их считаем вопиюще несправедливостью судьбы» (Н.Ядринцев).

А вот еще одно «открытие»: «Сын Степи, Чокан предчувствовал, предугадывал будущее народов России. Этим объясняется его отрицательное отношение, например, к Шамилю как к деятелю вчерашнего дня, не оценившему «истинного знания», которое Россия может дать кавказцам. Говоря в своей статье «О мусульманстве в Степи» про «истинное знание», Валиханов имел в виду прогрессивные идеи. Его оценка Шамиля не совпадает с отношением к имаму Дагестана в русском обществе. Шамиль, приезжавший в Петербург незадолго до Валиханова, осенью 1859 года, пользовался шумным успехом как фигура романтическая, можно даже сказать - вошел в моду». Только не совсем ясно — что именно «предчувствовал, предугадывал» Чокан в будущем России?. Прогресс или что-то другое, поскольку дальнейшее объяснение этой позиции сегодняшней ситуацией на Кавказе не подтверждается.

В 1859-1861 гг., по утверждению А.И. Герцена в России начинает складываться «революционная ситуация». В период пребывания Чокана в Петербурге и посещения им Парижа как в России, так и за

границей происходит бурная полемика о будущем страны. Царь Александр постоянно читал журнал «Колокол», но после призыва Герценом «к топору», запретил ввоз в Россию этого журнала. Князь Юсупов, находясь в Лондоне, увидел множество различных публикаций русской эмиграции. Он отказался купить последний номер журнала, заявив, что это запрещенная литература. Находившийся рядом русский эмигрант заверил, что в этом нет никаких проблем. Многие фирмы, доставляющие свои товары по контракту, используют листы журнала в качестве оберточной бумаги. Именно в эти годы происходит полемика Герцена с журналом «Современник». Герцена посещают М.Михайлов, Н.Шелгунов, Н.Г.Чернышевский. Герцен и Огарев участвуют в создании тайного общества. Однако Чокан, осознавая свое высокое предназначение перед будущим своего народа, дипломатично уклонялся от более радикальных суждений, которые открыто допускали его современники. Царская жандармерия не сумела найти зацепку, чтобы арестовать Чокана за антиправительственные действия.

«Выдающаяся заслуга Валиханова в том, что он смог отделить Россию Чернышевского, Герцена от России Романовых, и поэтому неслучаен тот факт, что он стал искать истину не в «царских предписаниях для инородцев», а в творчестве русских социал-демократов. Ученый глубоко осознал необходимость изменения существующих порядков, политического устройства в Казахстане и в целом в России. Он искал пути обновления общественного строя, и это привело его в лагерь прогрессивных русских мыслителей. (Федосеев П.Н. Сборник прогресса и дружбы народов // Казахстанская правда, 1985, 20 сентября).

«Уделяя главное внимание своим научным занятиям, он в то же время с большим интересом наблюдал и за общественно-политической жизнью столицы России, слушал лекции в университете, общался со многими сотрудниками «Современника» Чернышевского и «Колокола» Герцена. Валиханов не разделял платформы либералов, осуждал их. И хотя, по словам Г. Н. Потанина, Валиханов «имел нежное сердце и острый ум, способен был на великодушные, самоотверженные поступки, но к идейным врагам своим относился с непримиримой враждой» (Бурабаев М.С. Преемственность прогрессивных идей Н.Г.Чернышевского во взглядах Ч.Валиханова. Сборник тезисов выступлений к 150- летию со дня рождения Ч.Валиханова. Алматы. 1988 С.79-80)

«Чокан Валиханов сумел глубоко и верно понять историческую необходимость взаимного сближения России и Казахстана и стремился

использовать этот процесс в интересах развития казахского народа. Вместе с тем Ч. Валиханов выступал с острой критикой произвола и беззакония царских колониальных властей в казахской степи» (Аргынбаев Х.А.)

Ч. Валиханов, став первым выдающимся ученым-ориенталистом, вышедшим из среды своего народа, проложил путь к науке целой плеяде, благодарных ему, казахских ученых. Вслед за первыми публикациями Ч. Ч. Валиханова в русской печати появляются работы М. С. Бабаджанова, М. Г. Тяукина, Т. Сейдалина, А. Джантюрина, Х. Кустанаева, М. Чорманова и др. Многие из них, по примеру Чокана, стали принимать активное участие в научной жизни, являлись членами Русского географического общества. В своих трудах они постоянно отдавали пальму первенства Чокану, подчеркивая, что он является первопроходцем среди казахской интеллигенции в исследовании общественно-политической и социально-экономической жизни Центральной Азии.

Ч. Валиханов является признанным предвестником зарождения молодой казахской общественно-политической мысли. Во второй половине XIX в. широко известными становятся имена видных казахских просветителей - Ибрая Алтынсарина и Абая Кунанбаева. Благодаря Чокану Валиханову передовая Россия обратила взор в «киргизские степи» и способствовала развитию тех ростков науки и образования, которые отчетливо наметились в середине XIX - начале XX в.в.

Научное наследие Чокана Валиханова по своей значимости вышло за рамки национального достояния. Само собой разумеется, что такая постановка проблемы не могла оторвать Валиханова от национальной почвы. Его мировоззрение отражало специфические условия Казахстана, но это не мешало ему быть приверженцем передовой общественно-философской мысли России, выраженной революционными демократами. «Можно с полным основанием сказать,— пишет академик П. Н. Федосеев, — что Чокан Валиханов является сыном двух народов, носителем двух побратавшихся культур — русской и казахской».

«Подчеркнем продуманность и предусмотрительность в действиях Чокана, когда это касалось дела, ведь в литературе о нем существовала тенденция, в которой отчасти повинен и сам Чокан,— изображать его хотя и талантливым, но несобраным человеком. Ничего подобного в его служебных делах, в научном творчестве заметить нельзя. Предельная ответственность и требовательность к себе были характерными чертами этого, в общем-то, очень молодого человека. Мужество, целеустремленность, высочайшая ответственность за поручен-

ное дело — эти черты не являются, конечно, монополией какой-либо одной социальной группы или какой-либо одной нации. Но они в высокой степени присущи лучшим представителям казахского народа. А Чокан Валиханов был одним из самых достойных сынов своего народа (С.Г.Кляшторный).

Зимой 1864 г. Валиханов был приглашен в Омск для оказания помощи областной комиссии в подготовке судебной реформы. В результате им была составлена «Записка о судебной реформе у киргиз Сибирского ведомства», в которой он рассматривает историю возникновения и развития суда биев. «По возвращении в Омск надворный советник Яценко и штабс-ротмистр султан Валиханов представили народные мнения, настолько противоречащие друг другу, что начальство не на шутку всполошилось» (И.Стрелкова). После доноса на Чокана руководство под благовидным предлогом отстранило его от дальнейшей работы над проектом и направило на работу в пограничный район, где его ожидало якобы работа с большим объемом. Валиханов все же продолжает свои научные работы. Он собирает казахский фольклор, пишет статью «Следы шаманства у киргиз», где обнаруживает серьезное понимание этого явления. Он всегда считал себя разведчиком и продолжал направлять информацию в Центр, хотя и не получал за свою работу заработную плату.

Отечественные историки отмечают, что в кружок сибирских патриотов Чокан вынес на обсуждение вопрос о положении казахского народа - самого первого по многочисленности инородческого племени России и самого, по убеждению Чокана, первого по надеждам на развитие в будущем. Его сообщение ушло в «Колокол» и было опубликовано уже после отъезда Чокана из Петербурга. При внимательном чтении отрывка из письма к издателю «Колокола» (№131 за 1862 год) и «Очерков Джунгарии» обнаруживаются примечательные совпадения. «... 17 июля. Сегодня утром вся комиссия делала визиты членам совета Главного управления: Воинову, Пелино, Врангелю, Супруненко и Солодовникову. Обедали у Дюгамеля, у которого был Кроериус и адъютанты. Разговор вертелся около общих предметов. Крое-риус, интриговавший против покойного Валиханова, этой честнейшей и чистейшей личности за то только, что государь дал ему аудиенцию и поцеловал, сказал про него несколько невыгодных слов. Я рассказал, что лучшие ориенталисты, в том числе и Ковалевский, считают его замечательным ученым, лучшим другом кайсацкого народа, хранителем русских государственных интересов» (А.К.Гейнс).

Исследователями должным образом оценены общественно-политические и философские воззрения Чокана Валиханова, которые формировались в сложной исторической обстановке 50—60-х XIX столетия. Это был тот переломный период, когда практически завершился процесс «добровольного» присоединения Казахстана к России. Он проходил на фоне кризиса крепостничества в самой России, где осложнилась политическая и оперативная обстановка, имевшая затяжной характер. Все это не могло не отразиться на мировоззрении Чокана Валиханова. Он по своим социально-политическим взглядам призывал к прогрессивному, демократическому лагерю России, был убежденным сторонником прогресса, демократических преобразований, горячо стремился содействовать устранению пороков современного ему общества. Его деятельность носила многоплановый характер, в ней были элементы критики царского режима, стремление добиться существенных изменений в жизни казахского общества, что характеризует Ч. Валиханова как просветителя-демократа, большого патриота своего народа и гуманиста (А.Маргулан).

Другое, присущее Чокану качество, которое было по достоинству оценено историками, это - чувство высочайшей ответственности во всем, что касалось дела всей его жизни — открытия для науки малоизвестных или даже неизвестных страниц Внутренней Азии. С редким упорством, не щадя себя, Ч. Валиханов изо дня в день собирает и фиксирует материалы, ставшие подлинным научным открытием, готовит их для будущих публикаций. И все это в самых экстремальных условиях, не делая никаких скидок на то, что называют объективными обстоятельствами

С целеустремленностью связаны и другие особенности характера Чокана - скромность, серьезное отношение к порученному делу. Например, вернувшись из путешествия в Кашгарию, едва оправившись от изнурительных лишений, постоянного психологического напряжения, Чокан вовсе и не помышлял сразу же мчаться в Петербург, где его ждали слава и заслуженные награды. Более чем на полгода Чокан задерживается в Омске. Почему? Тому были две причины. Первая и главная - иметь возможность сосредоточиться на подробнейшем и продуманном письменном изложении результатов своего путешествия в Кашгар. Он написал не официальный отчет для начальства, не канцелярскую бумагу, а дал подлинно научное историко-географическое описание края. Это был вдохновенно изложенный, почти публицистичный рассказ о политической ситуации в стране, подробный ана-

лиз экономики Джунгарии и детальная характеристика караванных маршрутов.

Когда Колпаковский передал Григорию Потанину несколько разведывательных донесений Чокана для передачи в открытую печать, в городе Верном уже существовали улицы с характерными названиями - Дунганская, Уйгурская, Кашгарская. Там жили переселенцы из Кульджинского края. Первая группа дунган прибыла в район Токмака в 1877 году. Генерал правильно оценил ситуацию, поскольку при таком развитии общественно-политической жизни в Семиречье, держа эти документы под сукном было крайне недопустимо.

Русские называли его уважительно Чокан Чингизович Валиханов; казахи с огромной любовью - Шокан Уәли ұлы; киргизы с чувством признательности за озвучивание эпоса «Манас» - Чокон Уалихан уулу; узбеки за высокую научную оценку их истории традиции - Чокан оглу. Русская интеллигенция называла молодого Чокана вторым Лермонтовым. А представители киргизской интеллигенции, Касым Тыныстанов, Имангали Раззаков, Осмонкул Алибаев, Алыкул Осмонов, Саякбай Каралаев и др., называли его казахским Пушкиным.

Заслуги Чокана Валиханова бесспорны в деле сохранения внешних очертаний казахской территории и в проживание в нем единственной титульной нации - казахов, которые являются истинными хозяевами этой земли.

Посмотрите все зарисовки и комментарии к рисункам Чокана. Они написаны арабской вязью не без основания. В Петербурге Чокан был в основном занят составлением карт Центральной и Средней Азии, стремясь закрепить их в различных научных учреждениях, чтобы придать своим исследованиям юридическую силу. Это было необходимо, чтобы ученый мир и мировая общественность признали экстерриториальность казахских земель. Для этого он старался публиковать эти материалы в СМИ и других изданиях, в том числе и за рубежом. Он верил в то, что потомки поднимут из архива все материалы и будут использовать их в обеспечении безопасности нашей Родины.

Пусть на автора не обижаются коллеги из разведки и контрразведки, но правда заключается в том, что профессия разведчика ему была необходима лишь для использования ее в «корыстных целях» для свободного «временпровождения» в интересах своего народа. Это означает, что Ч.Валиханов являлся пассионарной (Гумилев), планетарной (С.Марков) личностью, благодаря которому казахи стали известными во всем мире (З.Наурызбаева). Роллан Сейсенбаев сказал,

что «говорить о Чокане как о разведчике — значит не говорить о нем ничего». Профессия разведчика для Чокана была то же, что и профессия историка, географа, философа, этнографа, физика или математика. Разница лишь в том, что он, как разведчик, более остро чувствовал необходимость, используя возможности этой профессии, всесторонне исследовать все направления науки и этим принести пользу своему народу.

Попытки как царского самодержавия, так и тоталитарной системы стереть с карты мира обширную территорию казахов, которую когда-то создал великий Чингисхан, не увенчались успехом. В этом потомки обязаны Чокану Валиханову, который не силой оружия, как его пращур, а более грозным оружием — пером и кистью — сумел сохранить национальную самобытность, независимость и право на собственную территорию казахского народа.

Поистине эпохальное историческое значение научной, просветительской, дипломатической и оперативно-служебной деятельности выдающегося сына казахского народа Чокана Чингизовича Валиханова все острее, глубже и полнее осознается в наши дни, чем когда-либо, в свете тех грандиозных политических, социально-экономических и культурных преобразований, которые достигнуты в нашем демократическом и независимом государстве — республике Казахстан.

«...Ретроспективный взгляд на зарождение и развитие государства наших предков наглядно подтверждает тот факт, что они вели исторически трудную и жестокую борьбу во имя потомков для сохранения своей государственности».

Н.А.Назарбаев

«Какое счастье, если подумать, что китайцы не добрались до Европы на рубеже нашей эры!... Итак, именно тогда, когда Китай обладал силой и мощью для завоевания Азии и установления Pax Sinica тюрки, а позже монголы остановили агрессию Китая на Запад. И в этом — заслуга степных народов перед человечеством».

Л.Н.Гумилев

ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

Наследие Чокана. Издержки режима. Казахстан в эпицентре великих держав. Угрозы продолжаютсЯ. Идеологическая диверсия. Казахстанский патриотизм. Нужны ли нам спецслужбы? Кадры спецслужб. Новые приоритеты.

Еще в XIX веке Чокан Валиханов глубоко осознавал, что созданная предками огромная и богатая природными ресурсами территория Казахстана, будет подвергаться постоянным угрозам военно-политического и социально-экономического характера. Он видел свое великое предназначение в отпущенной Аллахом, Слава Ему Великому, короткой жизни, в оставлении своим потомкам наследия, создающего фундаментальную, документальную, юридическую основу, подтверждающую незыблемость исконных земель казахского народа.

Чокан Валиханов писал о том, что колониальный режим диктовал историю в своих корыстных целях, проводил политику восхваления метрополий и одновременно истреблял у народа чувство национального самосознания. При тоталитарном режиме взгляды некоторых советских учёных отвергали важный вклад кочевников, тюрков, казахов в мировую цивилизацию. До сих пор подвергаются переосмыслению многие исторические процессы, происходившие на территории Казахстана. Не нужно думать, что такое понятие, как «независимость» характерно для нашей страны только на современном этапе её развития.

В своей работе автор, на примере судьбы Чокана Валиханова, пытался показать непрекращающуюся борьбу за независимость великих

предков казахского народа. Именно благодаря им и, конечно, Чокану Валиханову и его сподвижникам, огромная территория от притоков Волги на западе до гор Алтая на востоке именуется Казахстаном, а её коренное население - казахами.

И те, кто сегодня позволяет бросать вызов казахстанскому обществу, посягает на национальную безопасность и территориальную целостность, а также на его право иметь собственную историю и генеалогию, уходящую корнями к Чингисхану и Чокану Валиханову, не знают или не хотят знать, что казахская нация достойна иметь никем не оспариваемую собственную древнюю историю не менее, чем любая другая нация. Казахи выстрадали ее всей своей историей. Все это и многое другое, стертое из истории при царизме и в советское время, только сейчас восстанавливается в народной памяти, благодаря великому наследию Чокана Валиханова.

В ХХI век перешли многочисленные пороки ушедшего века, оказавшие разрушительное воздействие на без того хрупкую, политическую и оперативную обстановку на всем Евразийском пространстве. К ним, безусловно, относятся политический диктат, терроризм, организованная преступность, сепаратизм, экстремизм, межнациональные и межконфессиональные противоречия и многие другие негативные процессы.

Когда завершалась эта книга, «как снег на голову» грянул мировой финансовый кризис, который может оказать негативное влияние на бурно развивающуюся казахстанскую экономику. Над страной нависла новая угроза девальвации национальной валюты из-за высокого уровня инфляции на всем азиатском пространстве.

Порой приходится только поражаться беспечности некоторых наших историков и политологов, утверждающих, что для Казахстана пока не просматриваются ни внешние, ни внутренние угрозы. К сожалению, это не так. Угрозы военной, политической, финансово-экономической, социальной, экологической, информационной, культурной, продовольственной, правоохранительной, медицинской, территориальной безопасности присутствуют в разных формах и будут присутствовать, видимо, еще долго. В этом мы сегодня воочию и убеждаемся.

В разделе «Евразийские Балканы» книги «Великая шахматная доска» (М., «Международные отношения». 1998. С. 179) американский политолог З.Бжежинский пишет: «Со временем экономический рост в Казахстане мог бы помочь (США) перекинуть мосты через трещину этнического раскола, которые делают этот среднеазиатский «шит» столь уязвимым перед лицом российского давления!»

Но все больше укрепляющееся единство многонационального народа Казахстана наглядно опровергает мрачные прогнозы западного политолога о вероятности этнического раскола, бесперспективности межнациональной и межконфессиональной толерантности.

Однако автор погрешил бы против истины, если признает, что в «Датском королевстве все спокойно». Порой приходится наглядно убеждаться в том, что отдельные граждане так и не смогли освободиться от имперских, великодержавных, великоханских и националистических предрассудков. Неужели необходимы экстремальные потрясения, как в Нагорном Карабахе, Косово, на Северном Кавказе или в Урумчи, чтобы люди перестали укрываться в трущобах узко - национального мракобесия.

Порой ничем не прикрытая угроза, точнее запугивание, не только не утихает, а наоборот, набирает обороты по мере пробуждения казахского народа из дремотного состояния и утверждения себя как самостоятельного этноса, преемника великих предков, под знаменем которых в свое время встали многочисленные тюркские роды и племена, распространившие свое влияние на порядок больше, чем Степная империя Чингисхана.

Проблемы есть, а где их нет? Но мы, казахстанцы, особенно казахская нация, как ее называют титульной, не можем допустить того, чтобы сбылись мрачные прогнозы З.Безжинского о том, что, якобы, Казахстан уже в первой декаде XXI века станет регионом геополитических столкновений между великими державами и в этом противоборстве победителем выйдет США, поскольку межэтническое разногласие в этой стране, тем более «трудно скрываемое презрение русских к казахам» позволит легко осложнить оперативную и политическую обстановку для достижения далеко идущих планов». О возможности подобной угрозы прозорливо предупреждал Чокан Валиханов еще в XIX веке.

Обширная территория Республики Казахстан с древнейших времен действительно является притягательным местом заселения многочисленных народов и этносов, которые были вынуждены покинуть родные края и искать убежище для самосохранения. Имели место насильственные и организованные переселения, переезды на постоянные жительства больших этнических групп и даже целых народов. Об этом подробно изложено в разделе «Противостояние», об этом же писал Чокан Валиханов. Сегодня наша страна вполне может гордиться стабильностью и межнациональным согласием, крепнувшей дружбой между всеми на-

родами, населяющими республику, что является бесценным достоянием.

Чем же примечательна казахстанская история? За все годы тоталитарного режима более чем на полвека был наложен тайный запрет вплоть до тюремного заключения на попытки наших соотечественников предъявлять законное право в знании своих предков — полководцев и государственных деятелей, таких как: Атилла, Акбар, Бейбарс, царица Томирис, Чингисхан, Джучи, Жагатай, Батый, Тохтамыш, Абулхаир, Абылай хан, Тауке хан, Кенесары и многих других, стоявших у истоков истории Великой Степи, о которых упорно умалчивала советская историография, поскольку она сама, как наука, также была «под колпаком» идеологического отдела ЦК КПСС. О Чокане Валиханове полагалось писать только с позиции русофильства, что-де Чокан русский офицер, подданный России, атеист, защищавших ее колониальную политику в ущерб интересам народов Средней Азии.

Вот почему бывший тогда главный идеолог страны М.С. Сулов сильно невзлюбил поэта Олжаса Сулейменова. С подачи КГБ СССР многие оппоненты поэта, выступая на страницах журналов «Молодая гвардия», «Москва», «Звезда», «Нева», не говоря уже о периодических изданиях, ставили под сомнение научную новизну, практическую значимость и идеологическую направленность книги «Аз и Я». Окончательный приговор — запрещение продажи и чтения книги, относящейся, якобы, к националистической, пантюркистской, антирусской идеологии. Однако я абсолютно уверен в том, что он был обвинен в «переоценке и преувеличении исторической роли тюрков», древнетюркского языкового присутствия в «Слове», а также, пусть простит меня *Современный читатель*, была простая зависть и оскорбленное чувство его оппонентов, не желавших признавать превосходство в научном анализе этого произведения какого-то «азиата». Не будет преувеличением сказать, что в отношении Чокана Валиханова была проявлена та же самая зависть со стороны отдельных представителей царского режима и феодальной верхушки, в чем *Современный читатель* может убедиться, прочитав эту книгу.

Мы согласны, что искажения недопустимы в истории любого государства. Но искажения отечественной истории приобретают для нас особое звучание. Н.Карамзин сказал: «Настоящее бывает следствием прошедшего». Поэтому здесь научные исследования должны быть абсолютно объективными и беспристрастными. Никакие авторитеты не должны диктовать нам свои условия, навязывать собственные виде-

ния проблем. Почему мы сейчас говорим все это? Да потому, что мы вооружены сейчас научным наследием Чокана Валиханова, для которого не существовало никаких преград на его пути в постижении истинных фактов и событий, которые имели место на самом деле, а не в описании необъективных исследователей. К сожалению сам Чокан оказался жертвой этого самого субъективизма, когда его, казалось бы, самые безобидные научные исследования были опубликованы только через сорок лет после смерти, да еще с существенными поправками и искажениями.

Старшее поколение также помнит те времена, когда ранняя история Казахстана была относительно известна остальному миру от случайно дошедших до них записей путешественников, купцов и миссионеров, а в лучшем случае отрывками она доходила через ученых — ориенталистов таких, как Чокан Валиханов. Но эти времена таинственности и коварства в фальсификации истории канули в прошлое. Теперь казахский народ сам открывает для себя сотнями лет скрываемую от него древнюю историю предков, и *Современный читатель* свободно получает доступ к необходимой информации по выбранной тематике, получая ее из первых рук.

Казахи, да и другие народы Центральной Азии, веками находившиеся на отшибе исторического развития, вышли теперь на столбовую дорожку раскрепощенной истории Евразии. Об этом всегда мечтал Чокан Валиханов. Отечественные историки воочию доказали, что социальная несправедливость может вытеснить целые народы на некоторое время с авансцены исторической правды, отторгнуть их от законных благ человеческой цивилизации, однако лишить их патристического самосознания, затупить их память и сделать манкуртами никогда никому не удавалось. Теперь мы знаем, что все попытки царских спецслужб в этом плане по отношению к Чокану Валиханову потерпели полный крах.

Потомки благодарны Д.А.Кунаеву за его мужественный поступок, который сумел отстоять Олжаса Сулейменова, и не только его, от судебных преследований. Были полностью реабилитированы все произведения Ильяс Есенберлина, отнесенные к категории запрещенной литературы. Во времена перестройки сам Д.А.Кунаев оказался в опале, продолжавшейся даже после декабрьского восстания 1986 года.

На всех этапах жизнедеятельности Д.А.Кунаева рядом с ним постоянно находился, оказывая ему всяческую поддержку, один из основоположников специальных служб Казахстана генерал Тлеулиев Абдиманап Тлеулиевич. Эти две исторические личности связывали

не только личная дружба, но и высокое чувство казахстанского патриотизма, любовь к своему народу и родной земле великих предков. Привожу две цитаты без всяких комментариев.

«...В органах государственной безопасности республики было немало объективных и порядочных людей, не поступившихся своими убеждениями и совестью» (Д.А.Кунаев «От Сталина до Горбачева»)

«... С приходом в органы госбезопасности Абдиманап Тлеулиевич Тлеулиев, благодаря накопленному богатому жизненному и политическому опыту, глубокому знанию работы с кадрами, умению их применить в конкретных условиях, внес значительный вклад в дело совершенствования оперативно-служебной деятельности и выполнения задач по обеспечению государственной безопасности Республики. Этим он снискал уважение и авторитет в руководимых им коллективах, как и в партийно-советских органах и среди широкой общественности.... Вечная ему память ! (Из книги «На страже безопасности Казахстана»).

Обретение Казахстаном суверенитета в 1991 году заставило всех казахстанцев по-новому взглянуть на историю зарождения, становления и развития независимого и демократического государства, на необходимость установления в стране надежной гарантии, которая, в рамках законности и правопорядка, обеспечивала бы национальную безопасность общества и государства.

Об этом свидетельствует Указ Президента Республики Казахстан «Об органах национальной безопасности РК» от 21 декабря 1995 г. и «Положение о Комитете национальной безопасности РК», где отмечается, что «Комитет национальной безопасности Республики Казахстан в целях решения возложенных на него задач участвует в разработке и реализации государственной политики в области обеспечения безопасности личности, общества и государства; добывает разведывательную информацию в интересах РК; выявляет, предупреждает и пресекает разведывательную и иную враждебную деятельность».

Указ Президента, опубликованный во всех средствах массовой информации, хорошо знаком гражданам нашей республики и дает полное основание утверждать, что наша общественность, информирована о деятельности спецслужб, в какой степени и насколько надежно они призваны защищать национальные интересы государства и народов Казахстана.

С выходом в свет книги «На страже безопасности Казахстана» в 2003 году стало достоянием гласности то, что многие известные и почитаемые граждане нашей республики посвятили себя разведке и контрразведке. Они снискали почет и уважение на этом поприще, не

стесняются своего разведывательного и контрразведывательного прошлого, поскольку служили важному, порой опасному, делу по защите национальных интересов и обеспечению национальной безопасности своей Родины. В приложении к указанной книге ветераном органов КНБ РК, полковником в отставке К. Абенным кратко изложена история развития спецслужб Казахстана, которая укрепила автора во мнении, что казахстанская общественность, в принципе, должна знать древнюю историю тайных и явных войн, возникновения и развития специальных служб на территории Казахстана и Центральной Азии. Именно военный историк К.Абеннов впервые официально, на фактических материалах, озвучил принадлежность Чокана Валиханова к внешней разведке Генерального штаба Российского военного министерства.

Современный читатель: Окончание «холодной войны», радикальные перемены в Восточной Европе, полный распад Советского Союза вызвали дискуссию в США вокруг дальнейшей судьбы ЦРУ: а нужно ли вообще в новых условиях такое дорогостоящее учреждение; может быть его ликвидировать, а затем вместо него создать нечто другое, не требующее ежегодных затрат в 30 миллиардов долларов? Такое радикальное предложение поступило в начале 1991 года от сенатора Даниеля Патрика Мойнихэна, демократа от штата Нью-Йорк. Однако одержали верх те, кто выступил за реформы, за пересмотр приоритетов в новых условиях. После 11 сентября бюджет этого ведомства и других спецслужб наоборот увеличился вдвое.

- Новая реальность в мире отразилась на распределении средств внутри самих спецслужб. Так, на четверть сократились ассигнования западных разведок по наблюдению за бывшими советскими вооруженными силами. А это немало, если учесть, что они составляли пятую часть всего бюджета спецслужб. 10-15 процентов денежных ресурсов отводятся теперь на разведку в «евразийских республиках», в том числе, очевидно, и против Казахстана.

Современный читатель: - Мы отказались от ядерного оружия, которое оставалось в наследство от СССР. Объявили себя светским, правовым государством. Каких-то прямых угроз безопасности общества и государства не наблюдается. Нужны ли Казахстану в связи с этим специальные службы, тем более, когда они замешаны в крупных политических скандалах особенно в последнее время? Я не спорю, что во времена Чокана Валиханова спецслужбы выполняли широкомасштабные задачи, даже сказал бы, что они решали задачи больше научно-исследовательского характера.

- А вот в наши дни далекие от политики граждане, считают, что некоторые подразделения КНБ необходимо упразднить, требуют низвести их до положения ведомств, которые были бы по всем вопросам подотчетны создаваемым для контроля общественным комиссиям. Некоторые депутаты потребовали роспуска конкретного подразделения КНБ. Другой депутат предложил проверить финансовую деятельность КНБ по расходованию бюджетных средств. Отдельные граждане настаивают расформировать КНБ, как орган, дискредитировавший себя в причастности к политическим убийствам в стране или переименовать его иначе. По мнению одного из реформаторов спецслужб за КНБ надо оставить только функции разведки и контрразведки, охраны государственной границы и борьбы с терроризмом.

Эти и другие заявления о КНБ заслуживают самого пристального внимания, как говорится в той поговорке: «Если ветер не подует-трава не зашевелится». Естественно, мне как приверженцу специальных служб, проработавшему в них почти тридцать лет, не совсем приятно признаваться, что хорошо знаю некоторых слепых исполнителей довольно высокого ранга, действующих по принципу изречений в аналогичных поговорках: «Назови глупца художником — он начнет красить свою бороду» или «Заставь дурака Богу молиться — он лоб расшибет». Поэтому в СМИ не случайно появляются статьи иногда с конкретными фамилиями дискредитировавших не только себя, но спецслужбы в целом, отдельных генералов КНБ. Поэтому у нас в стране есть люди, и весьма известные, которые по разным причинам не приемлют, так сказать, спецслужбы, считают их деятельность аморальной. Даже одна читательница в газете «Свобода слова» выразила удивление: «Как можно порядочному человеку без зазрения совести работать в органах госбезопасности?»

Действительно, непосвященным в специфику органов национальной безопасности, есть о чем задуматься. Но в двойне должно задуматься высшее руководство КНБ, которому народ доверил обеспечивать безопасность личности, общества и государства от разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб.

Если сказать правду, порой бывает неприятно слушать по радио или смотреть по ТВ, как такой-то департамент КНБ задержал курьера с 50 граммами наркотика. Даже органы внутренних дел постыдились бы показывать такую цифру как результат. Еще более режет слух, когда один из бывших руководителей пригрозил огласить большой список подпольных террористических организаций в Казахстане. После такого авторитетного заявления не мудрено верующим остере-

гаться собственной тени и со страхом ожидать, когда к ним «нагрянет ЧК». Порой доходит до абсурда, как бывший генерал КНБ, совершивший побег за границу, то есть измену Родине, всех членов правительства, за исключением двух-трех человек, уверенно считает агентами влияния спецслужб недружественных стран.

В своей книге «ЦРУ: шпионаж, терроризм, зловещие планы», ее автор А.Асеевский пишет о негласной поддержке некоторыми секретными службами международного терроризма, в осуществлении реакционных переворотов, в разработке химического и бактериологического оружия и экспериментах его на людях, в убийствах политических и государственных деятелей (М.: Политическая литература. 1985. С. 3).

Аллен Даллес утверждал, что «...Разведывательная деятельность является незаконной по своей сути, так как она в «интересах своего государства» использует человека против человека, занимается кражей секретов, всеми видами шпионажа, вплоть до физического устранения неугодного лица и провоцирования военных акций. Именно по этой причине вся разведывательная работа осуществляется под соответствующим прикрытием, легендой. В случае провала операции спецслужбы должны выходить «сухими из воды», то есть в лучшем случае оказаться в роли постороннего наблюдателя, в худшем - попытаться доказать, что они к этому факту не имеют никакого отношения, как это имело место с загадочной смертью Чокана Валиханова. Об этом мною подробно изложено в разделах «Обратная сторона медали» и «Операция Черный дракон»

Противоречая самому себе, А.Даллес в книге «Искусство шпионажа» (М. Центрполиграф. 2000. С.413) пишет: «В Законе, призвавшем ЦРУ к жизни, четко оговорено: «... управление не должно выполнять функции полицейских органов и служб безопасности, ему не дано право вести следствие, задерживать или арестовывать подозреваемых, приводить приговоры в исполнение. Все действия ЦРУ не должны выходить за рамки национальной политики. Оно не имеет права предпринимать шаги без санкции властей и высшего политического руководства страны». Одновременно мэтр американской разведки указывает, что в советской России службы государственной безопасности, наоборот, выполняли функции «поддержки диктаторов, тоталитарного режима и проведения террористических операций за рубежом».

Эти и другие взаимные обвинения не привели ни к чему положительному, а только вносили противоречивые суждения в сознания граждан, которые зачастую не знают, кому верить и в конечном итоге

с некоторой долей неясности, как патриоты, придерживаются того, что им говорят у себя на родине.

Проработавший в КГБ СССР почти сорок с лишним лет, генерал Р.Красильников в книге «Призраки с улицы Чайковского» (М.Гея.1999. С.14) пишет: «...Нельзя упрекать американские службы. Они делают то, что должны делать в соответствии с целями, которое ставит перед ними руководство США. Бесспорна и оправданна также деятельность секретных служб нашей страны, которым поручено обеспечивать безопасность и защищать интересы России, российских граждан». Это утверждение известного контрразведчика имеют прямое отношение и к казахстанским спецслужбам.

Как видим, споров немало. Вместе с тем хочется верить, что граждане нашей страны, на мой взгляд, все меньше и меньше склонны морализировать на тему о нравственной стороне деятельности разведки и контрразведки, поскольку стали осознавать, что каждая из них является государственной службой и у себя на родине, в рамках Конституции, выполняют определенные им функциональные обязанности.

Однако, в случае роспуска органов национальной безопасности мы были бы просто бессильны в противоборстве с иностранными спецслужбами, неспособными защищать национальную безопасность страны. Вместе с тем жизнь требует от нас самой жесткой и беспощадной борьбы с международным терроризмом и другими его составляющими. К сожалению, данное явление ныне имеет неуклонную тенденцию роста и охватывает все более новые территории мирового пространства. Мы ежедневно становимся свидетелями проявлений террористических актов в мире, жертвами которых становятся невинные люди.

В таких непростых условиях в 2009 году Указом Президента создана новая самостоятельная Служба внешней разведки с правом прямого подчинения лично главе государства. И говоря о ее нынешнем статусе, уместно констатировать «огромную роль отечественной внешней разведки, которую она играет в обеспечении национальной безопасности республики Казахстан» (О.Казанцева). О необходимости создания самостоятельного разведывательного агентства в Казахстане в составе Министерства иностранных дел России в свое время активно выступал Чокан Валиханов. Однако этой его мечте не суждено было сбыться – он был убит с подачи тех же спецслужб царского самодержавия.

Вполне понятно, что КНБ, как государственная служба, несмотря на стремление к анонимности, должна иметь большую гласность. не-жели это выпадает на ее долю, чтобы не быть объектом различных нападков и критики. Желание представить в правильном свете наши отечественные спецслужбы и ее деятельность в казахстанском свободном обществе побудило меня привести две цитаты зарубежных идеологов.

Вот советы одного из их китайских военных писателей Бай Чжан ци Люэ которые были даны еще в V веке: *«...Расстраивайте все, что есть хорошего у неприятеля, вовлекайте их вельмож и влиятельных людей в поступки постыдные, недостойные их сана, и потом, при надобности, обнаруживайте их. Заводите тайные связи с самыми порочными людьми ваших врагов, делайте помехи их правительству, сейте везде раздор, возбуждайте ропот между их подчиненными, возмущайте младших против старших, старайтесь, чтобы войска ваших неприятелей имели недостаток в продовольствии и одежде; вводите музыку, смягчающую нравы; для окончательного развращения их посылайте в их лагерь распутных женщин. Будьте щедры на предложения, подарки, ласки; обманывайте, если нужно; для узнавания всего, что делается у неприятеля, не щадите денег; чем больше вы издержите, тем более извлечете пользы; это — деньги, отданные вами за большие проценты; имейте везде шпионов»* (M. des Chinois, T. VII, p. 103, 152, 153. T. VIII, p. 330).

Это учение китайского идеолога полностью перенял мэтр американской разведки, бывший директор ЦРУ Аллен Даллес, который писал в 1943 году: *«Окончится война, все как-то утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем — все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей... Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания.*

Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства...

Мы будем всячески поддерживать и подымать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, - словом всякой безнравственности... В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточничеству, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Будут процветать хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство... Национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу -все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом... И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опустошать и уничтожать основы духовной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Будем браться за людей с детских, юношеских лет, главную ставку будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов».

Приведенные цитаты впечатляют тем, что А. Даллес видит важность, перенятой от китайцев, идеологической диверсии через столетия (В.А.Лисичкин.Л.А.Шелепин «Глобальная империя Зла». Москва «Крымский мост» 2001.С.198-199). Нам не представляется особенно новым то, что американцы приняли на вооружение безнравственные учения китайских политиков. В таком случае, что можно спрашивать с Чингисхана, который покорил государство китайцев, используя против них их же методы?

Однако хотелось бы подчеркнуть, что мозговая атака на национальное самосознание - продукт не только прошлых эпох. Она связана и с теми процессами, которые происходят в любой стране. Расцвет национальной экономики и культуры, укрепление суверенитета и независимости нашей республики, рост престижа страны на международной арене вызывают, естественно, и рост идеологической экспансии со стороны недружественных стран. Национальное самосознание нашего народа, основанное на учениях Чокана Валиханова, выступает в таких случаях как важная движущая идейно-политическая сила по противодействию подобным устремлениям и помогает народам Ка-

захстана в их успешной борьбе за упрочение независимости, за строительство демократического государства.

Профессор Л.Ахметова в книге «Патриотизм в ракурсе истории» пишет: «Патриотизм подразумевает глубокое понимание и осмысление объективной реальности, современную эпоху, ее величие, ее значение, которое можно глубоко осознать лишь, проникнув чувством гордости за величайшее наследие, оставленное нам нашими предками, такими как Чокан Валиханов, на огромном историческом фоне прошлого. Если мы будем смотреть на современность с расстояния десяти, двадцати, сорока или даже пятидесяти лет, мы увидим и поймем лишь небольшую часть драматической судьбы казахского народа, отстоявшего от порабощения огромные просторы родной Степи, сохранив свою национальную самобытность. Поэтому современную эпоху можно по-настоящему оценить только в свете тысячелетий, начиная от Чингисхана». Великий Каган всегда высоко оценивал патриотизм, то есть преданность воинов противника к своему полководцу и отпускал их на свободу, оказывая всяческие почести.

В. Ян в романе «Чингисхан» (С.231) рассказывает, что Джелал эд-Дин, наследный принц Хорезмского шаха в 1218 г, после того, как Чингисхан окружил и уничтожил его войско, оставшись один, бросился с обрыва в реку, переплыл ее и, взобравшись на крутой берег, пригрозил мечом Чингисхану и ускакал, скрывшись в зарослях кустарника. Чингисхан от чрезмерного удивления положил руку на рот, показав на Джелал эд-Дина, сказал своим сыновьям: «Вот каким у отца должен быть сын!»

Писатель Досжанов в романе «Отрар» (С. 158) пишет «... Каждый день из ворот Кумбез Сарая вылетали 50 всадников, затевая кровопролитные сражения с монголами. Каждый раз раздавалось неумолимое кипчакское «алга». Монголы не могли понять, какая сила двигала этими людьми, сражавшимися до последнего дыхания. Они гибли молча, не прося пощады. Горы трупов высилась рядом с Кумбез Сараем».

Ежегодно все прогрессивное человечество широко отмечает Победу над фашистской Германией, которая 22 июня 1941 года внезапно и вероломно, без объявления войны напала на Советский Союз. В этой войне, которая длилась почти четыре года, со всей силой проявилось патриотическое единство советского народа. На борьбу с общим врагом встал и народ Казахстана, не раз, на протяжении своей истории, поднимавшийся на борьбу против иноземных завоевателей. Однако теперь эта война носила поистине всенародный характер. Конечно, в войнах прошлого было немало ярких примеров героизма, как было

отмечено выше. Но такой самоотверженности, такой жажды подвига, какие были проявлены на фронтах Великой Отечественной войны, не знала мировая история.

Исторический процесс патриотизма необходимо изучать не потому, что он уже состоялся, а потому, что обществу желательно располагать опытом предшественников, чтобы не допустить ошибок и избежать всевозможных негативных процессов на почве межнациональных и межрелигиозных разногласий. Будучи элементом национальной культуры, патриотизм в многонациональном государстве приобретает качественно новые функции. Это заметил Чокан Валиханов еще в XIX веке.

Давайте еще раз вспомним, как Чокан попал в поле зрения специальных служб России в возрасте 12 лет. Его готовили на различных участках работы в разведке в течение почти десяти лет. При этом наставники Чокана стремились привить ему чувство патриотизма к России, проверяли его способности на разных направлениях оперативно-служебной деятельности. И только в возрасте 24 лет ему было поручено возглавить сложное разведывательное задание с нелегальным выходом на сопредельную территорию. Руководители царских спецслужб хорошо понимали, что в чистом виде патриотизма и героизма мало, чтобы стать профессиональным разведчиком и контрразведчиком. Профессия разведчика и контрразведчика требует от офицера глубоких знаний во многих отраслях науки: он должен быть подготовленным, всезнающим, высококвалифицированным сотрудником.

Чокан Валиханов до конца жизни остался верен внешней разведке. Однажды полученная профессия в стенах спецшколы, продолжала совершенствоваться по мере накопления им жизненного опыта. В то же время, как разведчик, Чокан больше думал о своем народе, максимально используя широкие возможности этой профессии для своих научных изысканий, осознавая, что грядущее поколение казахских разведчиков примут эстафету, и сделают все, чтобы отстоять свободу и независимость родной земли.

Сегодня как разведка, так и контрразведка во всем мире отнесены к системе военизированной государственной службы, определяемые Конституциями стран, и люди призываются туда «поштучно», после длительных специальных проверок; патриоты своих стран, «зараженные» романтической идеей поиска приключений; отважные граждане, как правило, желающие быть полезными для общества и государства.

Патриотизм и любовь к Родине проходит через самоотверженный

труд, самосознание и само- постижение. «...Общеизвестно: патриотизм и трудолюбие - одно из неперменных мерил достоинства человека...», - сказал Ч.Айтматов в романе «Плаха». Организатор советской внешней разведки Я.К.Берзин уделял первостепенное внимание «архиважному делу» подбора и расстановки кадров, пользуясь при этом испытанными партийными мерками. На передний план он выдвигал патриотизм работника, его преданность Родине, его политическую и идейную убежденность. Он ценил в работнике силу воли, твердость характера, неподкупность, готовность к самопожертвованию. И конечно, наблюдательность, мнение тонко анализировать и оценивать увиденное и подмеченное в стане врага». Являясь разновидностью национального чувства, патриотизм в многонациональном государстве не может быть суммой национальных чувств, он должен быть чем-то иным и, как показывает практика, в первую очередь, идеологическим отражением уважения к общественно-политическому строю.

Казахстан, как независимое государство, завершает второе десятилетие своего существования. Его утверждение на мировой арене идет широко, наступательно, благодаря, прежде всего, утвердившемуся межнациональному согласию более 130 народов и народностей, населяющих республику, о чем упоминали выше. В нем заинтересованы все. Другой вопрос: каков угол зрения этих интересов, каковы цели и перспективы?. Сегодня на эти вопросы ответить крайне трудно, и, чтобы не возникло противостояние этносов, дело гражданского согласия, воспитание чувств обще казахстанского, а стало быть, многонационального патриотизма становится одной из важнейших общеполитических задач. Например, в Ассамблее народов Казахстана находятся все представители этих народов; практически по праздничным датам во всех городах и селах выступают с концертами немцы, корейцы, дунгане, русские, украинцы, уйгуры, казахи, киргизы, узбеки и т.д. Все они, имея собственную историю и культуру, при поддержке государства, углубляют и расширяют свои национальные традиции, сохраняя при этом родной язык, они вместе с тем общаются на официальном - русском и государственном — казахском языках.

Известный исламский религиозный деятель Халифа Алтай сказал: «Нет языка - нет народа!». Всем известны также изречения Чингиза Айтматов: «Нация, народ, прежде всего, определяется наличием родного языка». Нам представляется, что ученые и политики России солидарны в том, что родной язык братского казахского народа, в условиях тоталитарного режима, находился на грани полного вымирания примерно уже через 10-15 лет.

Несмотря на сложные и порой драматические периоды нахождения Казахстана в составе России сегодня, оглядываясь назад и думая о будущем, автор должен констатировать, что дальнейшее процветание нашей страны, ее благополучие и прогресс напрямую связаны с нашим Великим соседом — Россией. Ч.Валиханов искренне любил Россию, верил в ее будущее и связывал с ней мечты и чаяния казахского народа. В корне неправы те, кто упрекали Чокана в чрезмерном русофилстве, начисто забывая об уходящем в века древнюю историю двух соседних народов, неоднократно боровшихся плечом к плечу с общим врагом.

«Россия в XXI веке должна стать одним из влиятельных центров формирующегося многополярного мира. Для этого есть все предпосылки. **Великая история, национальная культура, могучий русский язык, сильнейший научно-экономический потенциал, высокая нравственность, возрождающаяся религиозная нация — приведут в XXI веке в конечном итоге к возрождению России как великой державы**».(К.Х.Ипполитов «Экономическая безопасность. Стратегия возрождения России» М.Политиздат.1996. С.215-265).

Другой политолог России пишет: **«Я верю в свою страну, надеюсь, что она справится с выпавшими на ее долю невзгодами и труднейшими задачами. Верю в народ России, в великий русский язык, в культуру и традиции, в ее здоровые силы, в их решимость вывести Родину из кризиса, защитить ее честь и достоинство»**. (Р.Красильников «Призраки с улицы Чайковского».М.Гея, 1999. С.315).

Можно только восхищаться и позавидовать патриотизму русских историков и писателей, которые остаются верными солдатами своей Родины, безоговорочно защищающих ее прошлое, настоящее и будущее.

На торжественном приеме в Кремле по случаю Победы над Германией 25 мая 1945 года И.В.Сталин произнес тост: «Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, и прежде всего русского народа...Я пью прежде всего за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза» (А.С.Яковлев «Цель жизни», М. Полит. лит.1987.стр.320).

Ярый противник России, неприязненно относившийся к русскому народу, бывший канцлер Германии Конрад Бисмарк сказал: **«Даже самый благоприятный исход войны, никогда не приведет к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах русских... Эти последние, даже если их расчленил международным трактатом, также быстро вновь соединятся друг с другом, как частицы разрезанного**

на куски ртути. Это -неразрушимое государство русской нации, сильное своим климатом, своими пространствами и ограниченностью потребностей». (В.Пикуль «Битва железных канцлеров». А.Мектеп.1989.С.289).

Историки Берик Абдыгал и Аскар Ахмеджанов писали: «...Казахский народ гордится знанием русского языка— это наше великое богатство, которое мы не предадим забвению. Большей частью через русский язык мы открыли для себя гениальное творение человеческого духа, культуру и образ жизни других народов. С другой стороны, неказахской части общества не следует считать, что переоценка истории через переименования направлены «против» кого-то и имеют под собой антирусский контекст. Этот процесс- естественное движение в реконструировании казахского «я», самооценка, которая в прошлом игнорировалась, а попытки его исследования сурово наказывались. Поэтому здесь необходимо понимание и мудрость, а не осуждение» («СС» №7).

Верится, что великий русский народ, могучий русский язык, на котором автор сегодня пишет эту книгу, возьмут под свое покровительство родной язык казахов и не будет увязывать безболезненно разрешимую с течением времени эту проблему в ранг политического неравноправия лиц русской национальности и русского языка в Казахстане и вызывать на этой основе конфликты и конфликтные ситуации в Республике, как это имело место в недавней истории нашей страны.

Да, теперь стало достоянием истории, как прибывший в Алматы член ЦК КПСС Г. Разумовский, 16 декабря 1986 года на Пленуме ЦК Компартии Казахстана объявил о «рекомендации высшими партийными органами страны» Г. Колбина на пост первого секретаря. *Члены Пленума безропотно проголосовали «за», и таким образом, в нарушение всех партийных норм и устава, главой республики был «избран» человек, не только не связанный с Казахстаном и не знавший местных условий, но даже не состоящий на учете ни в одной из местных партийных организаций и не имеющий казахстанской прописки.* Критикам Чокана Валиханова в русофильстве следовало обвинять не его, а казахский истеблишмент того времени в лице высшей партийной элиты Казахской ССР.

Это вызвало недоумение у всех без исключения народов и этносов Казахстана; гражданами казахской национальности оно было воспринято как оскорбление чести и достоинства коренного народа и **вызвал стихийный протест даже со стороны некоторых представите-**

лей русскоязычного населения. Вспомните, как Ядринцев, Дуров, Потанин искренне возмущались вопиющим насилием со стороны переселенцев — кулаков в отношении местного населения, о чем они писали Чокану Валиханову.

«Власти преднамеренно разжигали межнациональную рознь, вооружив железными прутьями и обрезками кабеля дружины, составленные из русскоязычных рабочих промышленных предприятий, и натравливая их на демонстрантов-казахов» (С.Адерихин, И.Адерихина «110 вопросов и ответов по истории Казахстана». Алматы. «Раритет». 2006. С.285-286).

Журналист Алмаз Естеков рассказывает о том, что сразу же после подавления декабрьского восстания, в Москву приехали два аксакала и оставили в приемной Олжаса Сулейменова, депутата Верховного Совета СССР, пакет с фотографиями с мест событий. Он пишет: «Они бросили всё из рук на подоконник перед приёмной Олжаса. Я заглянул в конверт и в коробку, удивился и ужаснулся: я увидел открытый текст письма национальной интеллигенции к миру, фотографии с отрезанными пальцами на чёрном асфальте, с которых изверги, изменившие Родине и Присяге, сняли все золотые кольца, увидел перебитые сапёрными лопатами лица людей, девочку с перерезанной шеей, грузовики, вывозящие трупы, а вокруг них красные лужи людской крови на площади и на улицах. Увидев документы, он (Олжас) тяжело вздохнул. Не сказав ни слова, повернулся в сторону приёмной и у самых дверей, не оглядываясь, жёстко вымолвил: Я дам ей (секретарю) команду! Через двадцать минут я уже передал текст обращения казахской интеллигенции в Мюнхен на радиостанцию «Свобода» и в США на «Голос Америки». Через час их московские представительства получили факсом все виды трагедии декабря 86-го года».

На этом трагическая история для казахов не закончилась. Одновременно с демагогическими заявлениями Г. Колбина об интернационализме и необходимости изучения казахского языка (*его затем прозвали «недоучкой» Б.К.*) началось новое избиение национальной интеллигенции, обвиненной в организации декабрьских выступлений. Бредовые идеи Колбина выучить казахский язык за три месяца, больше есть мясо диких животных, «охота на ведьм», поиск «националистов» и «коррупционеров», напоминает генерал-губернатора Гасфорта, который пожелал назвать его именем горы и придумать новую религию, о чем с издевкой писал Чокан Валиханов, будучи офицером по особым поручениям в его штабе. Как тогда преследова-

лись казахские авторитеты, так и при Колбине гонениям подверглись ответственные партийные работники и государственные служащие, ученые, ректора вузов, сотрудники правоохранительных органов, суда и прокуратуры, а также журналисты СМИ. Даже стыдно признаться, что в этой расправе участвовали и партийные лидеры из числа казахов с одним только желанием - выжить и сохранить свои кресла. А Чокан ради принципа пожертвовал жизнью.

В серебряной книге «Возжигая пречистые огни» (Сост. Н.Г.Савицкая, Г.Н.Кулагин, Е.М. Чудин. - Алматы: БИС, 2004. Стр.79-88) приводится отрывок из книги «КГБ и власть» в прошлом –заместителя председателя КГБ СССР генерала Ф.Бобкова. Судя по содержанию этого отрывка, Ф.Бобков приехал в Алма-Ату во время декабрьского восстания не руководить операцией по локализации мирными средствами очагов сопротивления, а, как минимум, на празднование Нового Года. Обратите внимание, что он пишет: « ... К нашему удивлению, за эти полчаса ни на одной из прилегающих улиц, не говоря уже о самой центральной площади демонстрантов не оказалось. Кто дал команду уйти и прекратить беспорядки? Ответить на этот вопрос так и никто не смог, да и теперь вряд ли кто-нибудь сможет. Во всяком случае, стало очевидно: направлялись все выступления откуда-то из другого места, и кое-кто из руководителей республики имел к ним причастность. Не хочется бросать тень на кого бы то ни было, ибо явных доказательств нет, но предположения существует, и они небезосновательны». Чувствуется сожаление, что беспорядки так быстро закончились, без его, так сказать, разрешения. Очевидно, генерал Ф.Бобков хотел большего кровопролития, чем было на самом деле. Выглядит странным, что отечественные авторы «Серебряной книги» из большого контекста облюбовали именно эту фразу.

В связи с этим *Современный читатель*, очевидно, вспомнил генерала–карателя М.Черняева, который потопил в крови мирный город Аулие-Ата, не оказавший ему никакого сопротивления. Чокан преднамеренно записался в состав экспедиции Черняева, чтобы своим глазами увидеть, задокументировать и передать потомству его «триумфальный» поход в Среднюю Азию, который Г.Потанин сравнил с походом Наполеона в Египет.

Уже накануне Нового года автор этих строк, как обычно, зашел в кабинет члена оперативной группы КГБ РК по расследованию причин и следствия Декабрьского восстания полковника С.К.Шаймерденова, чтобы вместе с ним пойти обедать в офицерскую столовую.

Он занимался сбором и анализом фактов смертельных исходов, ранений участников демонстрации. Составляя обобщенную справку о количестве госпитализированных лиц казахской национальности в больницах города в основном с черепно-мозговыми травмами, он вывел примерно такие же цифры, указанные ныне в официальных документах комиссии М.Шаханова. По его подавленному виду я понял, что он на обед не пойдет. Потрясенный удручающим состоянием известного всем, спокойного и выдержанного Сеилхана Калиакбаровича, я покинул его кабинет. Кстати, на книжной полке личной библиотеки С.Шаймерданова автор впервые обнаружил все издания трудов Ч.Валиханова, выпущенные Н.Веселовским, А.Маргуланом и другие книги, написанные различными авторами о нашем соотечественнике.

В своих мемуарах ветераны КГБ не должны обходить молчанием декабрьское восстание, поскольку многие из них были свидетелями, как заполнились коридоры и кабинеты этого ведомства «братьями по оружию» из центра и других областей страны. Были «подтянуты поближе» войска. К сведению тех, кто во всех грехах обвиняет казахстанских чекистов, хотелось бы заявить, что военнотружашим из числа коренной национальности в тот период было совсем неуютно в родных стенах. Многие офицеры-казахи были отстранены от основной работы, переведены на другие участки. Многие были отправлены на пенсию. Царила атмосфера подозрительности и недоверия. Такая же участь постигла и Чокана Валиханова, попавшего в немилость царских спецслужб, как офицер, представляющий опасность для безопасности России.

Писатель Габбас Кабышев во втором издании книги-хроники «Алма-Ата. Декабрь 1986» (Коллегия «Аударма»-«Дәуір». Алма-Ата.1992. С.59) писал: «Используя декабрьские события 1986 года в Алма-Ате, Колбин и по своей инициативе, и по поддакиванию местных холуев, и по поддержке друзей из ЦК КПСС поломал тысячи молодых жизней, притом не только казахов; многие казахи срочно были уволены из органов КГБ, МВД и т.д. «за сочувствие хулиганствующей экстремистской молодежи». В самом ЦК КП Казахстана вместо семи прежних отделов из 15-ти только в одном остался заведующий казах. В результате проводимой Колбиным имперской политики между казахами и русскими, веками жившими в дружбе и родстве, появились недоверие, подозрительность, искусственное шовинистическо-националистическое раздражение. При Колбине казах негласно считался

второсортным; в республиканской печати в статьях колбинцев фигурировала дежурила фраза: «Махровый казахский национализм». Этот ярлык, как инфекция, распространился по всей стране; надпись «казах» в паспорте или анкете любого гражданина СССР являлась основанием для проверки по всем учетам и сбора сведений, в том числе через агентуру; иногда заводились дела оперативного учета на тех, кто представлял «интерес». Мы уже знаем, что во времена Чокана Валиханова дело обстояло не лучшим образом.

В начале декабря 1986 года автор этих строк, пройдя собеседование в административном отделе ЦК КПК, на руководящую работу «с большим объемом» в УКГБ по Семипалатинской области, получил отпуск и выехал с женой в Геленджик, где его застала информация о Декабрьском восстании молодежи. После возвращения, автор так и не дождался нового назначения, а, наоборот, был переведен на другой участок работы - начальником Центра общественных связей

В октябре 1989 года автора вызвали в Москву для участия в работе расширенного заседания Коллегии КГБ СССР, где обсуждался вопрос о дальнейшем углублении и расширении гласности в органах госбезопасности. Председательствующий В. Крючков, будущий член ГКЧП, в прениях по основному докладу представил слово автору. В рамках десятиминутного регламента было доложено, что в целом оперативная и политическая обстановка в республике стабильно нормальная. При это было подчернуто, что имевшие место сепаратистские выступления русскоязычного населения северных областей республики по присоединению к России пограничных территории, вызвали бурный протест со стороны местного населения.

Только благодаря усилиям Президента страны Н.А.Назарбаева с выездом на места и многократных встреч с народом, оперативная обстановка была полностью нормализована.

Последовал вопрос, слушал ли автор выступление на Съезде Верховного Совета СССР Мухтара Шаханова? После утвердительного ответа, В.Крючков вновь спросил, не проводит ли М.Шаханов тайную подрывную работу по дестабилизации обстановки в республике? Ответ был дан отрицательный и привел пример, что, по инициативе Центра, состоялась встреча ветеранов ВОВ и труда с поэтом, где он, защищая демократические принципы, призвал привлечь к ответственности тех, кто допустил насилие над мирными демонстрантами, спровоцировал беспорядки, чтобы развязать руки силовым структурам. Еще автор добавил, что он — Шаханов, является кумиром молодежи,

песни на стихи поэта исполняют на площадях и в концертных залах. Ответом Преседатель остался неудовлетворенным (*В случае необходимости стенограмму об этом заседании Коллегии можно запросить. Б.К.*)

В конце своего выступления автор поблагодарил В.Мирошника, сидевшего в зале, за намерение поехать в Казахстан для встречи со своими избирателями, о чем он сообщил автору перед заседанием Коллегии в присутствии В.П.Пирожкова, заместителя Председателя КГБ СССР. В.Крючков окликнул В.Мирошника, который вытянулся в струнку перед членами Коллегии и подтвердил, что собирается в Казахстан, поскольку срок его полномочий как члена Верховного Совета Каз.ССР еще не истек. Председатель одобрил эту «инициативу» бывшего шефа КГБ Казахстана. Где-то через месяц В.Мирошник действительно приехал в Алматы и встретился со своими избирателями; рассказывают, что эта встреча, мягко говоря, совсем не напоминала встречу избирателей со своим депутатом, а была похожа на обсуждение персонального дела коммуниста за аморальное поведение на общем партийном собрании.

После выступления на Коллегии в Москве автору дали понять, что он попал в «черный список» без всякой надежды на дальнейшее продвижение по службе. Как и следовало ожидать, через некоторое время, председатель предложил, «по-хорошему», написать рапорт об отставке, по выслуге лет, что было исполнено. Терпению последнего, видимо, пришел конец, когда автор имел неосторожность прямо спросить у, «прикомандированного» в Казахстан, его заместителя объяснить мотивы пренебрежительного отношения к офицерам казахской национальности. Начало такого разговора положило его постоянное недовольство моей «пассивностью», и не только моей, при многочисленных встречах с общественностью, где он «вынужден один отвечать на нелिцеприятные вопросы националистов». Он особенно возмущался моим молчанием, когда М.Шаханов, во время встречи с ветеранами войны и труда города Алматы, в прямом смысле публично поставил на место новоиспеченного казахстанского генерала, пытавшегося доказать, что декабрьское восстание является проявлением махрового национализма.

Обеспокоенный моими частыми «бесконтрольными» встречами с журналистами и писателями, выступлениями перед различной аудиторией, по вопросам «гласности и связи с общественностью в органах КГБ», мой куратор довел до председателя, что, пользуясь своим служебным положением, я оправдываю выступления молодежи, считая их легитимными. Кроме того, он доложил руководству, что вы-

даю на ознакомление писателям и журналистам архивные дела из секретного фонда. Это не соответствовало действительности, за исключением только одного раза, когда я разрешил писателю Дукенбаю Досжанову, автору повести «Отрар», изучить материалы, связанные с давней историей.

Возложение кураторства такого ответственного участка работы как «гласность в органах КГБ РК», человеку абсолютно далекому от прошлого и настоящего Казахстана, было также большой ошибкой, поскольку неубедительные и тенденциозные выступления генерала перед студенческой молодежью и профессорско-преподавательским составом высших учебных заведений еще больше подрывали «пошатнувшийся» престиж правоохранительных органов. Вспомните неграмотно составленный документ царским служакой Яценко, участвовавшего совместно с Чоканом Валиханов в работе над новой судебной реформой.

В книге «О моем времени» Д.А.Кунаев (Алматы. МП «Ынтымак», 1992. Стр.292) пишет: «... Должен сказать, что основательное закручивание «гаек» и усиление «идеологического пресса» центра были характерны для периода руководства страной М.С.Горбачевым и Е.К.Лигачевым, причем это сопровождалось заменой национальных кадров, присланными из Москвы и других регионов. Но многие из них, не зная национальной специфики республики, так и не смогли в полной мере выполнять ту миссию, которая на них возлагалась».

КГБ республики не было исключением. На высшие должности направлялись так называемые «погорельцы» из разных регионов страны или те, которым не досталось «генеральские лампасы» в других регионах страны. Получив то, что им полагалось, заодно, квартиры и машины, они тут же с триумфом возвращались на Родину, попутно, снизив профессиональный уровень работы на вверенных им участках оперативно-служебной деятельности. Некоторые из этих руководителей остались на постоянное жительство. Хочется верить, что такое решение им пришло в головы не потому, что обратная дорога им в Россию была закрыта, а благодаря высокому чувству казахстанского патриотизма, которое они приобрели за столь короткое время пребывания в гостеприимной казахской среде.

Коль скоро прозвучали конкретные имена, напомним историческую реплику М.С.Горбачева: **«Вот! Вот! Оттуда все и началось!»**, которую он произнес, прервав оратора из Казахстана на Всесоюзном совещании, проходившем в Москве, в период накала страстей вокруг декабрьского восстания.

Расул Жумалы в книге «Геополитика Центральной Азии» (Алматы. 2006. стр. 220-221) пишет: «...Постыдно, что многие из тех, кто записался в духовные поводыри нации, выступили подпевалами гонений, беспринципно обслуживающими заказ сверху. На страницах многотиражек и с экранов телевизоров эта псевдо-элита клеймила собственную молодежь. С их подачи истинных сынов Отечества окрестили **«кучкой наркоманов и алкоголиков»**. Из реплики Генсека и, благодаря стараниям **«функционеров»**, был сделан безапелляционный вывод, что в развале Советского Союза чуть ли не повинна «кучка наркоманов» из числа казахской молодежи!».

В те годы даже бытовал анекдот. У армянского радио спрашивают: «Что такое развал Советского Союза?» Ответ: «Развал СССР — это маленький эпизод декабрьских событий в Казахстане». Можно без преувеличения заявить, что началу развала великой державы, в какой-то степени, положило декабрьское восстание народов Казахстана против тоталитарного режима, а не «кучка наркоманов» из числа молодежи, вышедшая на площадь, именуемое как событие, эпизод.

Организованная КГБ СССР в те годы по всей стране широкомасштабная клевета на казахский народ, травля и геноцид его передовой интеллигенции, нанесла, повторяю, серьезную травму в души и сердца всех народов Казахстана. Как было отмечено, Чокан лично был свидетелем геноцида казахов и на себе испытывал травлю, организованную против него спецслужбами царской России.

Журналист Торехан Данияров в статье, опубликованной в газете «Жас Алаш», №№ 217-222, 1991 г., впервые заявил, что **«... Августовская революция 1991 года в Москве перекликается с Алма-Атинским декабрьским восстанием 1986 года. Несомненно то, что эти два исторических события войдут в летопись эпохи как революционные шаги»**.

В стихотворении «Площадь Декабря» Мухтар Шаханов написал следующие строки:

**«... Не покидай площадь эту, не преклонив колени!
Потрясшую Землю и Небо в декабрьские метели!
Она священна крушением народного духа!
Где гибли наши дети в кровавых муках!
Здесь таскали за косы, били и пинали!»
Ждавшие весну, бездыханные тела лежали!»**
(перевод с казахского мой. Б.К.)

Этими словами выдающийся поэт казахского народа уже определил символику декабрьскому восстанию («Желтоқсан көтерілісі»), которая должна быть наглядно прочитана нынешним и будущим по-

коленими. И все те, кто переживает за будущее нашей страны, за судьбу нашей истории, должны соорудить на центральной площади монументальный памятник- ансамбль этому драматическому феномену в жизни не только казахского народа. К сожалению установленная в начале улицы Желтоксан, стелла с «нечитабельными» мелкими надписями наносит сильнейший удар по престижу городских властей, которые, надеюсь, без злого умысла, сделали невозможным парковаться у подножия памятника и возложить цветы не только молодым.

К сожалению, народное восстание 1986 года выдвинуло на повестку дня, помимо прочего, и проблему хрупкости межнациональных отношений на всем постсоветском пространстве. Что же здесь утеряно? Утеряно, причем надолго, крайне важное — сознание народа, осознание себя этносом, осознание своей неповторимости (Л.Ахметова). А это чувство досады и обиды, наносимые существовавшей тогдашней системой, уходит в историю как факт необоснованного унижения азиатов, о чем писал Чокан Валиханов.

Народный избранник городского маслихата, к.м.н., отличник здравоохранения, известный меценат по восстановлению памятников старины, доктор Байжигитов Ж. с этим не согласен. По его мнению, драматический период правления Колбина, сыграл не только отрицательную роль, но имел и положительный аспект — **он дал резкий толчок пробуждению национального самосознания народа, призвал не к разъединению, а к объединению в борьбе против тоталитарного режима.** При этом он привел следующую цитату: «...Рано или поздно, казахский народ потребует считаться с ним, с его языком, культурой, психологией, религией, с его принадлежностью к могучему древу тюркских народов, с широкомасштабным кипчацким миропониманием и мироощущением. (Ляйла Ахметова. «Патриотизм в ракурсе истории». Алматы, «Санат». 1996. С.166).

Отрадно отметить, что процесс реабилитации жертв декабрьского восстания продолжается. Но я испытываю чувство неловкости и даже стыда, когда в своих мемуарах или интервью некоторые генералы спецслужб, находящиеся на заслуженном отдыхе, особо подчеркивают, что именно они внесли большой вклад в реабилитацию участников декабрьского восстания молодежи 1986 года. Возникает вопрос: куда они смотрели, когда эта трагедия разыгрывалась на их глазах? Ведь именно они в это время и находились на руководящих постах казахстанского ЧК. Это не тот случай, когда отец одной рукой отшле-

пает, а другой погладит по голове нашкодившего сына. Такие вещи, как реабилитация жертв репрессий, не должна приписываться в заслугу тем, кто в эти драматические дни «исполнял приказ», или, на худой конец, находился в положении постороннего наблюдателя. Нам бы всем покаяться, дорогие «братья по оружию», чтобы частично снять тяжелый грех на душе, когда все встанем перед Судом Всевышнего. В этом плане автор полностью согласен с Д.Накиповым, который считает повинным в этой народной драме именно старшее поколение казахстанцев (СС). И вдвойне повинны те, кто начисто забыл, как Чокан Валиханов вступил в схватку с царским режимом против геноцида казахского народа, убийства М.Черняевым 400 мирных граждан, стариков, женщин и детей при «взятии» Аулие-Ата. Ради них, и не только, он пожертвовал блестящей карьерой, а впоследствии и жизнью.

Сегодня суверенный Казахстан является поистине оазисом для всех народов и народностей, которые все глубже осознают казахское гостеприимство, казахскую толерантность и казахскую пассионарность, оставленные нам нашими великими предками, в их числе и Чоканом Валихановым. На исконной родине многих народов сегодня оперативная обстановка характеризуется периодическими войнами, нищетой и безработицей. А Казахстан, похоже, действительно становится общим домом для всех, кто испытывает к нему чувство настоящего патриотизма. Народы и этносы чувствуют здесь себя уютно и даже комфортно.

Один из лидеров бывшей «Гражданской партии» в своем интервью газете «Право. Экономика. Политика. Культура» (№09) от 17 марта 2006 года сказал: «Нужна кардинальная реформа правоохранительных органов, жесткая чистка кадров, привлечение честных и неподкупных офицеров. Нельзя экономить на безопасности. Развращать кадровых военных зарплатами «на стороне». Нужно воспитывать новые поколения профессионалов, преданных долгу и отечеству. Мы строим сильный, прогрессивный и процветающий Казахстан. Мы учимся управлять экономикой и решать политические споры. Мы привыкаем отстаивать свою позицию и уважать чужое мнение. Мы любим свою страну и не дадим столкнуть ее с избранного пути».

Можно констатировать тот факт, что все народы и народности Казахстана, интегрированные на казахстанском патриотизме, который сближает их на основе общечеловеческих ценностей, достойного и самодостаточного совместного проживания, сопричастности ко всем происходящим в стране преобразованиям, желанием объединиться для сохранения собственной самобытности, сохранения национального

достоинства, истории, традиции и культуры, - процветают под общей национальной идеей, являющейся основой формирования курса прогрессивного развития личности, общества и государства.

Выступая на торжественном приеме по случаю Дня независимости в Астане, Президент страны обозначил главные приоритеты национальной безопасности: «Национальная безопасность — наша важнейшая стратегическая задача. Здесь нашими главными задачами остаются приоритетное укрепление системы безопасности и политического сотрудничества в центрально-азиатском регионе через активное участие Казахстана совместно с нашими ближайшими государствами-соседами, а также с другими ведущими государствами Азиатского региона».

Когда умирал великий хан Тауке, то последними словами он оставил потомкам следующее завещание: «Лозунг казахов-единство». С тех пор прошло более двух с половиной столетий, но этот завет звучит актуально и сегодня. Безмерна и неоценима деятельность мудрого Аз-Тауке на всей огромной территории Казахстана, от Алтая до Атырау, оберегавшего страну от внутреннего раскола и внешних агрессоров, боровшегося за единство и независимость казахского государства, о чем мечтал и до конца жизни боролся наш соотечественник — Чокан Чингизович Валиханов.

Да, нелегко. Но не в таких переделках бывали наши предки. Выстоим! Не буду задаваться вопросом: есть ли свет в конце туннеля? Он есть!

*Расстался поэт с временем лихим,
Прослав великим, смерти не подвластным,-
Все что плохо, он назвал плохим,
А что прекрасно, он назвал прекрасным.
Расул Гамзатов*

*Чужая жизнь- безжалостней моей
Зовет меня... И что же мне делать с ней?
Ведь можно лишь рукою великана
В лазоревой высокогорной мгле
Куском нефрита выбить на скале
Рассказ о гордом подвиге Чокана!
Сергей Марков*

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Автор этих строк является уроженцем пограничного Маркакольского района Восточно-Казахстанской области. Учился в техникуме, что в пригороде г. Усть- Каменогорска, где находилась ставка Абылай хана (Аблакетка). В период работы в системе госбезопасности в течение десяти лет возглавлял контрразведывательное подразделение КГБ республики по оперативному обеспечению охраны государственной границы. За этот период по делам службы побывал почти во всех заставах шести пограничных отрядов Восточного пограничного округа. Как говорят пограничники, «на брюхе прополз» от Тянь-Шаньского Мургаба до Зайсанского Майкапчагая (1648 км.). Автор лично проехал практически по всем маршрутам Чокана Валиханова, которые он совершил в период службы во внешней разведке России. Через Кегенский перевал, а также через пгт. Рыбачье (Кыргызстан) несколько раз побывал на северо-восточной части Иссык-Куля, где и поныне проживает киргизский род бугу, предводителем которого в 1852- 1858 гг. был агент-групповод Чокана Валиханова - полковник царской армии Борамбай. Отрадно отметить, что киргизы хорошо знают Чокана Валиханова не только за научное открытие и запись великой поэмы «Манас», но и как путешественника-ученого, оставившего в распоряжение ученых бесценные исследования этого края, а также карты всего региона, на которые до сих пор ссылаются киргизские историки.

Во время работы в спецслужбах автор несколько раз проезжал через высокогорный плац Уйгентас, где возвышаются две горки из россыпей камней небольших размеров (около 5-7кг). По утверждению М.Тынышбаева эти камни «имеют закругленную форму и, несомненно, доставлены из гор (верст 12). Назначение горки и самих камней неизвестно; местные жители казахи думают, что камни были из гор привезены воинами Чингисхана, пожелавшего узнать численность своего войска». С.Марков пишет, что Чокан Валиханов в 1856 г. долго простоял у подножья горки и ничего не сказав, двинулся дальше во главе своей группы. По словам Маркова, Чокан «почему-то не проявил интереса к этой горке». Ответ таков — Чокан не пожелал делать зарисовки и описывать эту сопку по далеко идущим соображениям: чтобы не давать повода историкам и завоевателям претендовать на эти земли.

В 1958 году решением правительства Казахской ССР на могиле Чохана Валиханова воздвигнут высокий обелиск — память от благодарных потомков. На его вершине водружен шар — глобус, символизирующий планетарную масштабность мышления и суть научных изысканий выдающегося путешественника. На лицевой стороне обелиска в овальной нише установлен бронзовый барельеф Чокана. Под ним надпись: «Чокан Валиханов. 1835-1865».

Отсюда открывается великолепный вид на Алтын-Эмельский хребет, через который когда-то проходил древний караванный путь. По этой дороге Чокан совершил свое знаменитое путешествие в Восточный Туркестан, загадочный Алтышар. Перед завершением данной книги автор посетил с женой Алтын-Эмель, где примерно в тридцати километрах от шоссе, в живописной местности находится могила великого путешественника и мемориальный комплекс.

Эпоха Чокана Валиханова наглядно предстает перед посетителями этого уникального в своем роде музея. Экспозиция настолько насыщена документами, материалами, предметами старины и быта, личными вещами Валиханова, переданными из архивов Центрального музея Казахской ССР, что невольно оказываешься в удивительной атмосфере того времени, когда жил и творил наш выдающийся соотечественник. Он оставил после себя обширное документальное наследие, признанное во всем мире. Экспонаты убедительно свидетельствуют о том, что это был великий ученый с энциклопедическим складом ума, неиссякаемой энергией исследователя, сильной волей и железным характером разведчика.

Заказанную Колпаковским надгробную плиту вытесал из местного мрамора сильный польский революционер Леопольд Ластовский. Плита уцелела до нашего времени, но с отбитыми углами и следами зубила, нацеленного поперек. Рассказывали, что кто-то намеревался сделать из мрамора жернова для ручной мельницы, осколок угодил ему в глаз, началось воспаление, и посягнувший на плиту, умер. В 2003 году прямо в обелиск на его могиле ударила молния. Гранитные блоки развернуло, но памятник устоял.

Подлинник гранитного обелиска действительно установлен на месте захоронения, а в музее в качестве экспоната выставлена копия этого гранита. Обозревая все это, наглядно чувствуешь неумную гордость за славного сына казахского народа, и ответственность за то, что именно ты являешься одним из тех, кто попытался довести до читателей настоящую правду об этом человеке. Словно какие-то высшие силы указали нам: «Помните!»

К 170-летию великого просветителя в Семиречье была открыта обновленная экспозиция мемориального музея «Алтын Эмель». «Центрально-Азиатское географическое общество решило взять над ним шефство. Будем надеяться, что интерес к жизни великих соотечественников не угаснет никогда» (А.Каменский. Жизнь — как молния. Газета Экспресс К. №155 16057 от 19.08.2006).

В книге посетителей имеется много интересных записей. Одна из них гласит:

«В наши дни трудно представить мировую науку о культурно-исторических процессах в Центральной Азии без того, поистине неоценимого вклада, который внес Ч.Валиханов» (Отрывки из статьи М. Туганбаева «Яркий след на земле», 1985 г.). В зале музея мы обнаружили научные труды Валиханова, напечатанные на русском, английском, немецком и французском языках. Среди его черновых бумаг мы прочитали то, что не указано в пятитомном издании. Это фрагменты разговора с начальником тайной канцелярии Блудовым перед аудиенцией у царя. Блудов: «В наградном листе написано, что Вы магометанской веры. Это так?» Чокан: «Не совсем, Ваше превосходительство. Для меня все религии одинаковы, если они несут людям цивилизованную веру в силу Всевышнего». Блудов: «С какого Вы рода?» Чокан: «Я киргиз-кайсак, Ваше Превосходительство».

Почитали Коран на его могиле, грустно помолчали и, вернувшись в Алматы, понесли книгу, что Вы сейчас держите в руках, в издательство.

В заключение привожу стихи под названием «Клеветникам» И.С.Никитина, современника Ч.Валиханова, который также посто-

янно подвергался преследованиям со стороны царской охранки за участие в тайном обществе «Земля и воля». По данным источников, эти стихи автор посвятил нашему соотечественнику - Чокану Чингизовичу Валиханову. Вот они!

«Молвы язвительной и дерзкой
Внимая ложный приговор,
Стыжусь ответить бранью резкой
На необдуманный укор.
Гоненья зритель равнодушный,
Я испытал уже давно,
Что злобе черни малодушной
Ответ- презренье одно.
Пусть позор несправедливый
Она готовит мне в тиши,-
Грозу я встречу терпеливо
И сохраню покой души.
Моей невинности сознание
И незапятнанная честь
Незаслуженное страданье
Дадут мне силы перенести.
Я прав,- и этого довольно,
И чтобы ни было со мной,
Я не унижусь добровольно
Пред язвительной молвой.
Я не подам руки свободной
Ожесточенному врагу;
Скорей погибну благородно,
Но твердость воли сохраню»

И.С.Никитин (1824-1861)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие К. Абенова.....	3
От автора.....	11
Часть 1. Восхождение.....	16
Генеалогия Чокана.....	16
Чокан Валиханов - великий ученый.....	24
Демократические воззрения.....	51
Уложения Чокана.....	74
Исламский фактор в жизни Чокана.....	101
Вклад в мировую этнографию.....	120
Часть 2. Битва на невидимом фронте.....	143
«Обратная сторона медали».....	143
Схватка за Среднюю Азию.....	172
Операция «Черный дракон».....	218
Возмездие.....	241
Агентура Чокана.....	258
Был ли Чокан в Париже?.....	278
Чокан в Санкт-Петербурге.....	290
Высокая аудиенция.....	304
Часть 3. Шаг в бессмертье.....	316
Противостояние.....	316
Объект царской контрразведки.....	331
Тайна болезни Чокана.....	354
Загадочная смерть разведчика.....	368
Долгожданное признание.....	387
От прошлого к настоящему.....	407
Вместо Э п и л о г а.....	434

Редактор: *М. С. Ахметова*

Оформление художника:

Верстка на компьютере *С. Досаевой*

Подписано в печать 28.09.2009.

Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная.

27,3 п.л. Тираж 1000. Заказ 1115.

ТОО РПИК «Дәуір», 050009, г. Алматы, пр. Гагарина, 93.

Тел.: 394-39-22, 394-39-34, 394-39-42,

E-mail: rpik-dauir81@mail.ru, rpik-dauir2@mail.ru

Ошибки обнаружены в книге

№	Страницы	Ошибка	Правильно
1.	стр. 11 1 абзац 6-я строка	независимость	независимости
2.	стр. 48 1 абзац 5-я строка	одна буква «и» лишняя	
3.	стр. 73 5-я строка	Гриша	Федор
4.	стр. 131 Последний абзац 8-я строка	семипалатинской	Семипалатинской области
5.	стр. 214 1 абзац 5-я строка	п. 16	п. 14
6.	стр. 267 7-я строка сверху	одна буква «в» лишняя	
7.	стр. 269 10-я строка снизу	Габдулмаяштова	Габдулмажитов
8.	стр. 276 3-я строка сверху	закреть кавычку после слова «Илийск»	
9.	стр. 302 16-я строка снизу	слово «следия» исключить	

КЫСТАУБАЕВ
Болат Кукашев

Автор – полковник запаса КГБ – КНБ Кыстаубаев Болат Кукашев, «историк, филолог», до прихода в органы государственной безопасности работал в партийно-комсомольских органах. Окончил Высшую контрразведывательную школу и Высший Краснознаменный институт КГБ СССР. Длительное время работал по линии внешней разведки в КГБ СССР в г. Москве. С 1973 по 1977 год проходил службу по линии разведки в подразделениях КГБ Казахской ССР. В 1977 году был переведен в Инспекцию КГБ Каз ССР.

В 1978 году направлен на руководящую должность в контрразведывательное управление Комитета, где находился на одном из главных направлений оперативной деятельности. Подразделением, которое он возглавлял, выявлен ряд агентов специальных служб противника. В 1989 году Б.К. Кыстаубаев стал начальником Центра общественных связей КГБ КазССР, прослужив в этой должности до ухода на пенсию в 1991 году. Как руководитель Центра, уделял много внимания организации работы по установлению деловых контактов, в том числе с журналистами, писателями, представителями СМИ, в плане пропаганды деятельности органов государственной безопасности и продвижения объективной информации об их практической работе на разных исторических этапах.

В 2002–2003 гг. Б.К. Кыстаубаев работал в Академии КНБ РК в должности профессора, где одновременно возглавлял кафедру внешней контрразведки.

Б.К. Кыстаубаев уделял большое внимание воспитанию молодого поколения чекистов, привитию им навыков подготовки и проведения оперативных мероприятий на высоком профессиональном уровне. Из числа бывших его подчиненных многие продолжают служить в органах национальной безопасности, в том числе на руководящих постах. Они с теплотой вспоминают своего наставника.

Из книги: «На страже безопасности РК»

ISBN 978-601-06-0137-6

9 786010 601376